Путешествія Н. М. Пржевальскаго

Путешествія Н. М. Пржевальскаго.

Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ

А. В. Зеленинъ.

(Съ рисунками и картами).

С.-Петербургъ

 Изданіе П. П. Сойкина

12, Стремянная, 12

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 20 АПРѢЛЯ 1900 ГОДА

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПБ., СТРЕМЯННАЯ УЛ., № 12.

Абдулъ Юсуповъ. Егоровъ. Коломейцевъ.

Эклонъ. Роборовскій. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Персоналъ III-й экспедиціи Н. М. Пржевальскаго.

Абдулъ Юсуповъ. Егоровъ. Коломейцевъ.

Эклонъ. **Роборовскій.** **ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.**

Персоналъ III-й экспедиціи Н. М. Пржевальскаго.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

Тибетъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Окончательное снаряженіе экспедиціи.

Выѣздъ.—Снаряженіе въ Зайсанѣ; конвой, продовольствіе, кухня, вооруженіе (стрѣльба).—Платье, жилище, подарки, экспедиціонныя животныя, инструменты.—Маршрутъ.

20 января 1879 г. въ сопровожденіи Федора Леонтьевича Эклона и Всеволода Ивановича Роборовскаго, унтеръ-офицера Егорова и ефрейтора Румянцева, Пржевальскій выѣхалъ изъ Петербурга, въ концѣ января 1880 г. былъ уже въ Оренбургѣ, 10-го февраля—въ Омскѣ, а 27 прибылъ въ Зайсанъ, гдѣ оставлено было на храненіе снаряженіе предыдущей, незаконченной экспедиціи.

Пополненіе снаряженія и окончательная подготовка къ выступленію въ долгій путь заняли болѣе трехъ недѣль.

На первомъ планѣ, конечно, стоялъ выборъ хорошихъ спутниковъ, и на этотъ разъ Николаю Михайловичу посчастливилось: всѣ выбранные имъ товарищи по путешествію оказались людьми, вполнѣ удовлетворяющими требованіямъ экспедиціонной жизни *).

Прибывъ въ Зайсанъ, Николай Михайловичъ засталъ здѣсь Коломейцева, отставного унтеръ-офицера, который уже раньше принималъ участіе въ путешествіяхъ по Азіи и ѣздилъ вмѣстѣ съ Сѣверцовымъ по Туркестану, а съ Потанинымъ по сѣверо-западной Монголіи.

«Въ Зайсанѣ,—писалъ Пржевальскій на родину,—я засталъ Коломейцева, которому Сѣверцовъ до сихъ поръ не выслалъ ни копѣйки денегъ. Бѣдный Ко-

---

*) Кромѣ трехъ солдатъ: Никифора Егорова, Михаила Румянцева и Михея Урусова, взяты еще были пять забайкальскихъ казаковъ: прежній испытанный товарищъ Дондокъ Иринчиновъ (Чабаевъ былъ забракованъ на этотъ разъ), Пантелей Телешовъ, Петръ Калмынинъ, Джамбалъ Гармаевъ и Семенъ Анносовъ. Слѣдуя примѣру Николая Михайловича, мы, при послѣдующемъ изложеніи, не будемъ дѣлать различія между казаками и солдатами, называя для удобства всѣхъ казаками.

ломейцевъ былъ кругомъ въ долгу. Я взялъ его въ свою экспедицію и думаю, что онъ будетъ весьма полезенъ: человѣкъ онъ работящій и хорошій препараторъ; жалованье ему положилъ 600 р. въ годъ на готовомъ содержаніи».

Кромѣ того, въ экспедицію взятъ былъ еще переводчикъ для тюркскаго и китайскаго языковъ Абдулъ-басидъ-Юсуповъ, уроженецъ г. Кульджи, который принималъ участіе уже и въ предыдущей лобъ-норской экспедиціи.

Такимъ образомъ вся экспедиція состояла изъ 13 человѣкъ, — «какъ нарочно изъ цифры, самой неблагопріятной въ глазахъ суевѣровъ,—говоритъ Пржевальскій *). Однако послѣдующій опытъ путешествія доказалъ всю несправедливость нареканій, возводимыхъ на такъ называемую «чертову дюжину».

Что касается продовольственныхъ запасовъ и всевозможныхъ принадлежностей жизни, то Пржевальскій и на этотъ разъ, несмотря на то, что въ матеріальномъ отношеніи экспедиція обставлена была вполнѣ удовлетворительно, ограничился самымъ необходимымъ.

Не только путешественники не допускали себѣ никакой роскоши, но даже урѣзывали необходимое. Тѣмъ не менѣе при выступленіи багажа набралось около 200 пудовъ.

Какъ и въ караванахъ туземцевъ, отправляющихся въ пустыню, продовольственные запасы экспедиціи состояли изъ трехъ главныхъ предметовъ: барановъ, которыхъ гнали по пути живьемъ, кирпичнаго чая и дзамбы. Далѣе по пути, гдѣ было можно, путешественники покупали еще рисъ и просо, а также иногда китайскую финтяузу и гуамянъ — то и другое родъ вермишели, первая, приготовляемая изъ гороховой муки, и вторая—изъ пшеничной. Наконецъ, взяты были небольшіе запасы пшеничной муки, которая изрѣдка покупалась и потомъ въ китайскихъ городахъ; казаки ухитрялись приготовлять на свободныхъ стоянкахъ лепешки, которыя пекли въ золѣ.

Кромѣ того взято было семь пудовъ сахару, около пуда сухихъ, прессованныхъ овощей для приварка, въ видѣ роскоши и въ лечебныхъ цѣляхъ, по ящику коньяку и хересу и два ведра спирту для коллекцій.

Кухонныя и столовыя принадлежности взяты были самыя необходимыя: большая мѣдная чашка для варки супа и чая, мѣдный котелокъ, два небольшихъ чайника, нѣсколько кострюлекъ, сковорода, одна желѣзная миска, два ведра для черпанія воды и, наконецъ, два плоскихъ боченка (по $4^1/_2$ ведра) для перевозки воды.

Каждый изъ путешественниковъ имѣлъ небольшую деревянную чашку, въ которую попеременно наливался то супъ, то чай; складные ножи служили для разрѣзыванія мяса, а собственные пальцы замѣняли вилки. Ложки имѣлись вначалѣ, но онѣ впослѣдствіи поломались, частью растерялись и замѣнены были самодѣльными деревянными лопатками.

*) «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на берега Желтой рѣки», стр. 3.

Видъ бивуака.—Палатка и юрта, вьюки, кухонныя принадлежности.

Одинъ изъ казаковъ поочередно въ продолженіи мѣсяца исполнялъ обязанности повара, при чемъ умѣніе стряпать въ разсчетъ не принималось, тѣмъ болѣе, что стряпня была весьма нехитрая, такъ какъ и обѣдъ, и ужинъ во все время путешествія неизмѣнно состоялъ изъ супа, свареннаго изъ баранины (или же изъ какой-нибудь дичи), къ которому прибавлялось иногда жаркое изъ дичины, если таковую удавалось добыть.

Боевыя и охотничьи принадлежности заготовлялись особенно тщательно. Каждый изъ участниковъ экспедиціи имѣлъ винтовку Бердана за плечами и по два револьвера у сѣдла, за поясами же у каждаго былъ штыкъ къ винтовкѣ и по два небольшихъ патронташа съ двадцатью патронами въ каждомъ.

Патроновъ отпущено было изъ казенныхъ складовъ огромное количество: 6,000 для ружей и 3,000 для револьверовъ.

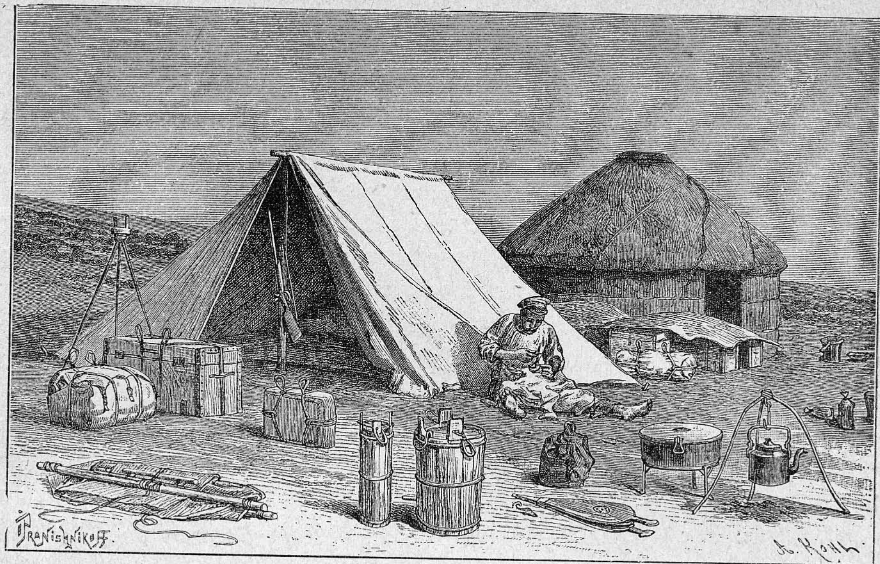
Кромѣ того для охоты болѣе мелкой имѣлось 7 охотничьихъ ружей, 3 пуда пороха и 12 пудовъ дроби.

Впродолженіи трехъ недѣль, проведенныхъ въ Зайсанѣ, Николай Михайловичъ ежедневно занимался со своими спутниками практическою стрѣльбою.

Умѣнье хорошо стрѣлять было дѣйствительно вопросомъ первостепенной важности, такъ какъ это была гарантія безопасности въ глубинѣ азіатскихъ пустынь, гораздо болѣе надежная, чѣмъ какой бы то ни было китайскій паспортъ.

«Не будь мы отлично вооружены,—говоритъ Пржевальскій *),—мы никогда

*) Тамъ-же стр. 8.

Видъ бивуака.—Палатка и юрта, вьюки, кухонныя принадлежности.

не проникли бы ни внутрь Тибета, ни на верховья Желтой рѣки. Мы не могли бы какъ то нерѣдко случалось во время настоящаго путешествія, идти напроломъ, не спрашивая позволенія, или, лучше сказать, не слушая китайскихъ стращаній и запрещеній. И если бы наша миленькая кучка не уподоблялась ощетинившемуся ежу, который можетъ наколоть лапы и большому звѣрю, то китайцы нашли бы тысячи случаевъ затормозить нашъ путь, или, быть можетъ, даже истребить насъ подкупленными разбойниками. Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій по Центральной Азіи мною вынесено то практическое убѣжденіе, что путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди здѣшняго дикаго населенія, равно необходимы для успѣха: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами».

Форменнаго военнаго платья ни казаки, ни офицеры во время путешествія не носили, но послѣдніе, на случай визитовъ крупнымъ китайскимъ начальникамъ, везли съ собою въ багажѣ экспедиціи парадные мундиры. Казакамъ же на этотъ случай запасены были русскіе костюмы изъ плиса. Обыденная одежда у всѣхъ была одинакова: лѣтомъ парусинная блуза и панталоны, а зимою толстыя суконныя и даже изъ бараньяго мѣха панталоны и короткіе полушубки. Бѣлье у всѣхъ также было одинаковое: ситцевое. Обувью служили высокіе охотничьи сапоги, а казаки кромѣ того мастерили себѣ сами изъ звѣриныхъ шкуръ сибирскіе унты, чирки и ичиги.

Зная по опыту, что одежда вообще изнашивается въ путешествіи очень скоро, Николай Михайловичъ сдѣлалъ порядочные запасы бѣлья, обуви и проч.

Постелью служили толстые войлоки, которые постилались прямо на землю; покрывались байковыми и мѣховыми одѣялами, у офицеровъ имѣлись даже кожанныя подушки, но казаки покрывались всегда своими шубами, а изголовье устраивали изъ снятаго на ночь верхняго платья.

Походнымъ жилищемъ служили двѣ парусинныя палатки монгольскаго образца, а для зимняго времени въ запасѣ имѣлась одна войлочная юрта.

Кромѣ всевозможныхъ принадлежностей обихода, особенный грузъ экспедиціи составляли подарки туземцамъ, безъ которыхъ, какъ совершенно выяснилось въ предыдущихъ путешествіяхъ, невозможно путешествовать по Азіи. Кромѣ нѣсколькихъ охотничьихъ ружей и пистолетовъ и нѣкоторыхъ другихъ охотничьихъ принадлежностей, подарки эти по большей части состояли изъ различныхъ бездѣлушекъ: игральныя машинки, складныя нейзильберныя зеркальца, ножички, ножницы, бритвы, бусы, ожерелья, гармоніи, иголки, магній, сусальное золото, нѣсколько магнитовъ, куски плису, стереоскопъ, калейдоскопъ, наконецъ, двѣ маленькія электрическія батареи и телефонъ. Послѣдній, впрочемъ, какъ оказалось, не производилъ на азіатцевъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ для оцѣнки этого аппарата у нихъ не хватало умственнаго развитія, но за то электрическая батарея, а еще болѣе стереоскопъ съ раскрашенными карточками актрисъ («да простятъ

онѣ мнѣ это!»—извиняется Николай Михайловичъ), вездѣ производили чарующее дѣйствіе на туземцевъ Монголіи и Тибета. Наконецъ, совершенно особенный грузъ составляли деньги, т. е. китайское серебро въ ямбахъ и въ мелко изрубленныхъ кусочкахъ, котораго еще въ Семипалатинскѣ заготовили около 10 пудовъ.

Всѣ вещи, предназначенныя для путешествія, составили около 200 пудовъ и распредѣлены были на сорокъ шесть вьюковъ, для поднятія которыхъ необходимо было 26 верблюдовъ.

Послѣдними нужно было запастись въ достаточномъ количествѣ здѣсь же, такъ какъ и въ Чжунгаріи, и въ Хамійской пустынѣ, черезъ которыя пролегалъ предстоящій путь, трудно было достать вьючныхъ животныхъ. Куплено было при содѣйствіи мѣстныхъ властей 38 прекрасныхъ верблюдовъ (4 запасныхъ, 8 верховыхъ и 26 подъ вьюки) и 5 лошадей.

Для научныхъ работъ имѣлись въ достаточномъ количествѣ всѣ нужные инструменты: 2 хронометра, небольшой универсальный инструментъ, три буссоли, барометръ Паррота съ запасными трубками и ртутью, нѣсколько, компасовъ, шесть термометровъ, гипсометръ, психрометръ и всевозможныя принадлежности для препарировки звѣрей и птицъ. Для сбора растеній запасено было 1,500 листовъ пропускной бумаги, но и этого количества оказалось недостаточно и впослѣдствіи пришлось употребить весьма плохую китайскую.

Кромѣ хлопотъ съ сортировкою и упаковкою багажа, выступленіе изъ Зайсана затянулось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что весна въ этомъ году сильно запоздала. Въ степи Зайсанской, вообще обильной снѣгомъ, въ эту зиму (1879—1880 г.) навалило его болѣе обыкновеннаго, такъ что до половины марта не показывались даже и проталины.

Направленіе пути было выбрано мимо озера Улюнгура, черезъ городъ Булунъ-тохой и вверхъ по р. Урунгу, а отсюда прямо на города Баркуль и Хами.

Слѣдуя этимъ направленіемъ, путешественники выгадывали себѣ нѣсколько верстъ движенія вдоль рѣки; при томъ же предстоялъ путь по совершенно неизслѣдованной мѣстности между Тянь-шанемъ и Алтаемъ, а главное они избавлялись отъ необходимости проходить по довольно густо населенной мѣстности между Гученомъ и Баркулемъ, гдѣ кромѣ того расположены были и китайскія войска, встрѣча съ которыми была весьма нежелательна.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чжунгарія.

Выступленіе изъ Зайсана.—Размышленія на порогѣ пустыни.—Мирзашъ Алдіаровъ.—Первыя трудности.—Предгорья Алтая.—Озеро Улюнгуръ —Рѣка Урунгу.—Окраина пустыни.—Рыбная ловля.—Зимовка бѣжавшихъ киргизовъ.—Охота на кабановъ.—Тургоуты. Оз. Гашунъ-норъ.—Прошлое Чжунгарской пустыни.—Солончаки.—Equus Przevalskii·—Обманчивость разстояній въ пустынѣ.—Рѣзкости климата, бури.—Предгорья Тянь-шаня.—Изгнаніе проводника.—Вообще о проводникахъ, разспросы черезъ переводчиковъ.

На разсвѣтѣ 21 марта 1879 г. караванъ былъ готовъ къ выступленію. Длинною вереницею выстроились навьюченные верблюды, привязанные одинъ къ другому.

Для удобства слѣдованія караванъ раздѣленъ былъ на три эшелона, каждый изъ которыхъ сопровождался двумя казаками, возсѣдавшими на верховыхъ верблюдахъ; одинъ держалъ въ рукахъ веревку, продѣтую черезъ ноздри передняго верблюда, другой же подгонялъ задняго. Впереди всего отряда ѣхалъ самъ Николай Михайловичъ съ Экланомъ, проводникомъ и еще съ однимъ изъ казаковъ, другой же помощникъ, Роборовскій, командовалъ аріергардомъ, гдѣ находился также переводчикъ, препараторъ Коломейцевъ и остальные казаки. Въ аріергардѣ же, подъ присмотромъ одного изъ казаковъ, то шагомъ, то бѣгомъ, не забывая пощипывать встрѣчающуюся на пути траву, двигалось небольшое стадо барановъ, предназначенныхъ для продовольствія отряда.

Наконецъ, волонтерами вмѣстѣ съ караваномъ изъ Зайсаиа отправилось также нѣсколько собакъ, изъ которыхъ впослѣдствіи оставлены были только двѣ и одна изъ нихъ выходила всю экспедицію.

Выстроивъ караванъ въ вышеописанномъ порядкѣ на дорогѣ, Пржевальскій приказалъ остановиться и объѣхалъ его кругомъ. Началось путешествіе...

«Итакъ,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—мнѣ опять пришлось идти въ глубь азіатскихъ пустынь! Опять предо мною раскрывался совершенно иной міръ, ни въ чемъ не похожій на нашу Европу! Да, природа Центральной Азіи дѣйствительно иная! Оригинальная и дикая, она почти вездѣ является враждебною для цивилизованной жизни. Но кочевникъ свободно обитаетъ въ этихъ мѣстахъ и не страшится пустыни; наоборотъ — она его кормилица и защитница. И, по всему вѣроятію, люди живутъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ пастушеская жизнь, не требующая особаго напряженія ни физическихъ, ни умственныхъ силъ, конечно, была всего пригоднѣе для младенствующаго человѣчества. При томъ же въ зависимости отъ постояннаго однообразія физическихъ условій, бытъ номадовъ, вѣроятно, не измѣнился со врвмени глубочайшей древности. Какъ теперь, такъ и тогда войлочная юрта служитъ жилищемъ; молоко и

*) „Изъ Зайсана черезъ Хами“, стр. 10.

мясо стадъ—пищею; также любилъ древній номадъ ѣздить верхомъ также былъ лѣнивъ, какъ и въ настоящее время.

«Смѣнялись народы пустыни, вытѣсняя одинъ другого; смѣнялась ихъ религія, переходя отъ фетешизма и шаманства къ буддизму, но самый бытъ кочевниковъ оставался неизмѣняемымъ. Консервативизмъ Азіи достигнулъ здѣсь своего апогея! И долго таковою останется большая часть Центральной Азіи! Природа пустыни едва ли будетъ вполнѣ побѣждена даже при помощи науки. Конечно, со временемъ, мѣстности, пригодныя для культуры, осѣдло населятся и артезіанскіе колодцы отнимутъ еще нѣсколько клочковъ у безплодной пустыни. Быть можетъ, ее прорѣжетъ желѣзная дорога... Вообще районъ кочевой жизни въ будущемъ значительно сократится, но все-таки большая часть Центральной Азіи останется пустынею навсегда.

«Здѣсь не то, что въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ всѣ преріи годны къ обработкѣ и гдѣ поэтому культура подвигается исполинскими шагами. Природа азіатской пустыни всего лучше и всего дольше защититъ туземныхъ номадовъ передъ напоромъ цивилизаціи. Въ далекомъ будущемъ эти номады останутся живыми памятниками историческаго прошлаго. Стада домашняго скота, антилопы, хуланы, а на Тибетскомъ нагорьи дикіе яки еще долго, долго будутъ бродить по пустынямъ Центральной Азіи»...

Мирзашъ Алдіаровъ.

Первый дневной переходъ былъ до пограничнаго казачьяго населенія Кендерлыкъ, того самаго, у котораго Николай Михайловичъ въ предыдущую экспедицію ожидалъ рѣшенія вопроса, продолжать ли путешествіе, или возвратиться назадъ.

Проводникомъ экспедиціи на первое время былъ взятъ давнишній знакомецъ, киргизъ Мирзашъ Алдіаровъ, тотъ самый, который осенью 1877 г. водилъ караванъ Николая Михайловича изъ Кульджи въ Гученъ.

Мирзашъ прекрасно зналъ прилежащую къ русской границѣ западную часть Чжунгаріи, такъ какъ долгое время занимался здѣсь барантою, т. е. воровствомъ лошадей. Такого рода промыселъ у киргизовъ не только не прези-

Мирзашъ Алдіаровъ.

рается, но даже, наоборотъ, искусный барантачъ снискиваетъ себѣ своими подвигами даже величайшее уваженіе.

Мирзашъ Андіаровъ былъ одинъ изъ такихъ именно удальцовъ и на столько прославился среди своихъ земляковъ, что получилъ даже почетное прозвище батырь. Онъ самъ сознавался, что въ теченіе своей жизни (ему тогда было 53 г.) укралъ болѣе тысячи лошадей. Его разсказы о различныхъ приключеніяхъ были очень интересны, и конвойные казаки съ величайшимъ удовольствіемъ усаживались вокругъ него на бивуакахъ, слушая повѣствованія не особенно, впрочемъ, словоохотливаго разсказчика. Много разъ бывалъ онъ въ самомъ трудномъ положеніи, но обыкновенно умѣлъ выпутаться изъ бѣды.

Впрочемъ, большой шрамъ на лбу этого батыря, отъ удара топоромъ, нанесеннаго хозяиномъ украденной лошади, ясно свидѣтельствовалъ, что не всегда ему удачно сходили воровскія похожденія. Какъ проводникъ, знающій въ совершенствѣ мѣстность на далекое разстояніе, Мирзашъ былъ превосходенъ, но человѣкъ онъ былъ довольно непокладистый и его необходимо было держать въ ежевыхъ рукавицахъ, на что, впрочемъ, Николай Михайловичъ былъ большой мастеръ.

Отъ Кендерлыка ведетъ хорошая колесная дорога черезъ урочище Майхабцагай на оз. Улюнгуръ и далѣе къ г. Булунъ-тохой, но путешественники не могли ею воспользоваться по причинѣ глубокихъ снѣжныхъ заносовъ, лежащихъ на этой дорогѣ и принуждены были отправиться въ обходъ по кружному пути, гдѣ снѣгу лежало меньше. Все-таки и здѣсь верблюдамъ приходилось очень трудно въ каждой рытвинѣ, гдѣ скопились большіе сугробы, начинавшаго уже таять, снѣга. При томъ-же 26 марта случилась такая снѣжная мятель, какую впору видѣть только зимою. При 9-ти градусномъ морозѣ и сильнѣйшихъ порывахъ вѣтра, снѣгъ, разбиваемый въ мелкую пыль, залѣплялъ глаза, не позволяя смотрѣть впередъ, а вѣтеръ чуть не сшибалъ съ ногъ.

Съ большими трудностями совершили путники свой дневной переходъ и добрались до мѣста ночлега. Наскоро разбили палатки, верблюдовъ уложили возлѣ вьюковъ и здѣсь-же привязали лошадей. Ни тѣхъ, ни другихъ невозможно было отпустить на пастьбу за сильною бурею. Лошадямъ дали по гарнцу ячменя изъ взятыхъ запасовъ, а верблюды принуждены были попоститься.

Къ утру снѣгъ сплошною пеленою покрылъ землю и грянулъ морозъ въ 16°, такъ что, повидимому снова наступала настоящая зима.

Мѣстность отъ Зайсана до оз. Улюнгура не имѣетъ еще пустыннаго характера и довольно живописна. На югѣ въ видѣ громадной стѣны высился хребетъ Сауръ, достигающій въ вѣчно снѣговой группѣ Мусъ-тау 12,300 фут. абсолютной высоты. На сѣверѣ вдали виднѣется Алтай, а между этими хребтами разстилается обширная долина чернаго Иртыша, ближе къ берегамъ изобилующая бугристыми сыпучими песками. На этихъ буграхъ разбросаны рѣдкія поросли березы и осины. По лощинамъ, между буграми растетъ довольно хорошая трава, доставляющая обильныя пастбища для киргизскаго скота.

За полосою песковъ начинается глинисто-солонцеватая почва, покрытая мѣстами зарослями дырисуна, а еще ближе къ горамъ мѣстность полого возвышается и покрыта галькою и щебнемъ—продуктами разрушенія горныхъ породъ.

Хребетъ Сауръ круто обрывается на югъ, на сѣверъ-же имѣетъ болѣе отлогій склонъ, изборожденный ущельями и глубоко вымытыми долинами. На западѣ онъ соединяется нѣсколькими промежуточными возвышенностями съ Тарбагатаемъ, а на востокъ отъ группы Мусъ-тау начинаетъ быстро понижаться и въ видѣ ряда небольшихъ возвышенностей Кара-адырь оканчивается у береговъ озера Улюнгура. Южный склонъ безлѣсенъ, на сѣверномъ-же виднѣются вдали огромныя площади лѣсовъ въ верхнемъ поясѣ, состоящихъ почти исключительно изъ сибирской лиственницы, но въ глубокихъ ущельяхъ встрѣчаются и многія другія породы, а густой подлѣсокъ составляютъ кустарниковыя заросли смородины, малины, шиповника, здѣсь-же растетъ черемуха, береза, тополь, рябина, дикая яблоня и др.

Въ глубинѣ ущелій стремятся многочисленные водные потоки, питаемые вѣчными снѣгами Мусъ-тау.

Само озеро Улюнгуръ, которое посѣтилъ въ 1253 г. францисканскій монахъ Рубриквисъ, посланный французскимъ королемъ Людовикомъ IX къ великому хану монголовъ въ Каракорумъ, имѣетъ около 130 верстъ въ окружности, очень глубоко и лежитъ на высотѣ около 1,600 ф.

Вода въ озерѣ свѣтлая и хотя слегка солоноватая, но вполнѣ пригодна для питья.

Съ востока Улюнгуръ принимаетъ значительную рѣку Урунгу и еще нѣсколько болѣе мелкихъ притоковъ, стока-же своимъ водамъ не имѣетъ.

Западный и южный берега представляютъ обширную солончаковую равнину, которая простирается до возвышенностей Кара-адырь и Сальбурты, поросла саксауломъ и тамарискомъ; на восточномъ берегу, въ особенности при устьи р. Урунгу, раскинулись болота, поросшія густымъ и высокимъ тростникомъ. Эта болотистая равнина, въ перемежку съ солончаками и песчаными буграми, тянется верстъ на 15 до другого, гораздо меньшаго сравнительно съ Улюнгуромъ, но довольно значительнаго озера Бага-норъ (10—12 в. въ длину и около 4 в. въ ширину).

Это послѣднее озеро несомнѣнно прежде представляло одно цѣлое съ Улюнгуромъ, но отдѣлившись въ замкнутый бассейнъ отъ безпрестаннаго притока соли, выщелачиваемой изъ окружающихъ равнинъ циркулирующими на поверхности водами, сдѣлалось соленымъ. По этой причинѣ здѣсь нѣтъ совсѣмъ рыбы, которою очень изобилуетъ Улюнгуръ.

Николай Михайловичъ спѣшилъ къ озеру для того, чтобы по обыкновенію наблюдать весенній пролетъ птицъ. Но Улюнгуръ оказался еще скованнымъ зимнимъ льдомъ, что послужило препятствіемъ къ изученію животнаго населенія его водъ. Вѣроятно, по причинѣ ранняго времени пролетныхъ птицъ было совсѣмъ мало.

Въ виду этого Пржевальскій, не теряя времени, рѣшилъ двинуться дальше

и направился по южному берегу озера къ устью рѣки Урунгу, гдѣ расположенъ маленькій китайскій городокъ Буланъ-тохой. Послѣдній неоднократно подвергался разоренію дунганами и почти вовсе не имѣлъ населенія. Здѣсь расположена была только въ видѣ гарнизона сотня китайскихъ солдатъ, да нѣсколько десятковъ частныхъ обывателей. Тѣмъ не менѣе поля въ окрестностяхъ города оказались обработанными.

Отсюда экспедиція двинулась вверхъ по рѣкѣ Урунгу. Рѣка эта беретъ начало въ южномъ Алтаѣ и течетъ на разстояніи около 450 в. преимущественно въ западномъ направленіи въ чрезвычайно глубоко вымытой долинѣ, дно которой по большей части ниже окружающей равнины футовъ на 300—400. Долина эта мѣстами очень широка, мѣстами-же сильно съуживается и возвышенности, тѣснясь къ самому ея руслу, образуютъ крутые берега: ширина 35—40 саж., глубина въ общемъ не велика, но среди бродовъ существуетъ множество очень глубокихъ омутовъ. Теченіе, особенно въ полую воду, очень быстро. Берега рѣки почти вездѣ поросли густымъ тростникомъ и кустарниками, переходящими далѣе въ красивыя рощи осокорей (Populus nigra), серебристыхъ тополей и др. Вблизи наружной окраины рѣчной долины почва по большей части песчаная и солонцеватая, покрытая характерными растеніями пустыни: саксаула, тамариска, дырисуна. Но въ общемъ флора всей этой мѣстности отличается большимъ однообразіемъ.

Точно также и животное царство здѣсь бѣдно видами, хотя довольно обильно по количеству. Въ береговыхъ рощахъ водятся кабаны, косули, волки, лисицы, барсуки, зайцы. Среди птицъ нѣсколько больше разнообразія, но все-таки даже и въ то время, когда проходила здѣсь экспедиція, т. е. въ пору весенняго пролета, орнитологическая фауна была сравнительно бѣдна.

Хотя лѣсистыя и кустарниковыя заросли по долинѣ р. Урунгу производили отрадное впечатлѣніе, сравнительно съ дикою степью, раскинувшейся на необозримое пространство по обѣ стороны, но все-таки въ этихъ рощахъ весенняя жизнь проявлялась далеко не въ такомъ изобиліи и прелести, какъ это обыкновенно бываетъ въ лѣсахъ другихъ странъ, напр. въ европейскихъ. Пѣвчихъ птицъ было совсѣмъ немного, да и тѣ не могли вдоволь пѣть при постоянныхъ рѣзкихъ сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, значительно понижавшихъ температуру и задерживавшихъ развитіе растительности. Вообще всюду замѣтно было, что только благодаря влагѣ, распространяемой рѣкою на узкомъ пространствѣ ея береговъ, пріютилась небогатая органическая жизнь среди мертваго царства окрестной пустыни.

Эта послѣдняя залегла по обѣ стороны р. Урунгу къ сѣверу до Алтая, къ югу — до Тянь-шаня. Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ рѣкѣ, гдѣ именно теперь проходилъ Николай Михайловичъ, она носитъ однообразный характеръ: то раскидывается необозримою гладью, то волнуется пологими увалами и только значительно далѣе вверхъ по рѣкѣ, начинаютъ появляться невысокія глинистыя

горки и каменистые холмы. Почва этой пустыни почти вездѣ усыпана острымъ щебнемъ.

Весною, правда, пробуждается жизнь даже и въ пустынѣ, но и весеннія травы встрѣчаются здѣсь лишь въ разсыпную, небольшими, рѣдкими кучками и нисколько не измѣняютъ однообразнаго грязно-сѣро-желтаго фона пустыни. Общій пейзажъ здѣсь одинаковъ большую часть года: весною, лѣтомъ и до поздней осени, пока выпадетъ снѣгъ. Только крайности климата отмѣчаютъ собою здѣсь различныя времена года: страшные зимніе морозы смѣняются не менѣе ужасными лѣтними жарами, и такой переходъ дѣлается весною очень быстро, почти безъ перехода.

«Да, много, нужно жизненной энергіи, чтобы въ такомъ климатѣ и на такой почвѣ не погибнуть окончательно даже той злосчастной растительности, которая развивается въ пустынѣ весною на нѣсколько недѣль. Не даромъ многія здѣшнія травы до того упорны въ сохраненіи влаги, что ихъ весьма трудно высушить для гербарія», говоритъ Николай Михайловичъ *).

«Бѣдна растительность пустыни, продолжаетъ онъ,—еще бѣднѣе ея животная жизнь. Даже весною, пройдя здѣсь цѣлый десятокъ верстъ, только кой-гдѣ встрѣтишь маленькую ящерицу, окрашенную какъ-разъ подъ цвѣтъ почвы, или непосѣдливаго чеккана; иногда быстро пролетитъ со своимъ обычнымъ крикомъ небольшое стадо больдуруковъ (Syrrhaptes paradoxus), или плавно пронесется коршунъ, высматривающій добычу. Мертво, тихо кругомъ днемъ и ночью. Только частыя бури завываютъ на безграничныхъ равнинахъ и еще болѣе дополняютъ безотрадную картину здѣшнихъ мѣстностей» **)...

Достигнувъ рѣки Урунгу, послѣ обхода озера Улюнгура, путешественники расположились бивуакомъ на самомъ ея берегу, недалеко отъ устья, въ прекрасной рощѣ.

Мѣсто, выбранное для стоянки, показалось очень пріятнымъ, въ особенности по сравненію съ пустынными и унылыми берегами озера Улюнгура: тамъ все было мертво и уныло; здѣсь же, наоборотъ раздавалось веселое щебетаніе пташекъ, а воздухъ напоенъ ароматомъ распускающихся почекъ тополей, глазъ пріятно отдыхалъ на начинавшей уже пробиваться травянистой зелени, а кое-гдѣ можно было уже встрѣтить и цвѣты.

Наконецъ тотчасъ-же по приходѣ на рѣку, погода измѣнилась къ лучшему: пронзительные вѣтры прекратились, а солнце начало такъ сильно грѣть, что сразу послѣ 16-ти градуснаго мороза, державшагося всего три дня назадъ, наступила теплая весенняя погода и вода въ рѣкѣ нагрѣлась до 13°, такъ что можно было даже купаться.

Пользуясь этимъ, путешественники занялись рыболовствомъ, что невозможно было на озерѣ, такъ какъ оно было еще покрыто сплошнымъ льдомъ. Здѣсь ока-

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 18.
**) Тамъ-же.

залось баснословное изобиліе рыбы. Небольшою сѣтью, всего въ пять саженей длины, нерѣдко удавалось вытащить 5—6 пудовъ за разъ. Попадались преимущественно голавли, а также крупные (до 1 фута) караси, окуни... Разнообразія рыбнаго населенія не оказалось: за все время удалось установить существованіе здѣсь всего 5 видовъ.

Рыболовство продолжали практиковать и потомъ, во все время слѣдованія вдоль рѣки, что давало возможность имѣть ежедневно отличную уху, а иногда и жаркое.

«Впрочемъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—подобная постная пища мало пригодна для волчьяго аппетита, какимъ мы всѣ обладали во время путешествія. Баранина, обыкновенно вареная, составляетъ здѣсь незамѣнимую пищу, которая при томъ имѣетъ то великое достоинство, что никогда не надоѣдаетъ»...

Одновременно съ рыболовствомъ путешественники ежедневно устраивали и охотничьи экскурсіи, хотя добыча для коллекцій была незначительна.

Двинувшись дальше, караванъ слѣдовалъ по рѣчной долинѣ. Мѣстность вездѣ оказалась пустынною. Не только осѣдлаго населенія, но и кочевниковъ почти не встрѣчалось, и только на разстояніи 25—30 верстъ попадались китайскіе пикеты, на которыхъ жили по нѣсколько человѣкъ т у р г о у т о в ъ, исполнявшихъ обязанности ямщиковъ при перевозкѣ китайской почты.

На среднемъ теченіи однако встрѣтились слѣды недавняго пребыванія большой орды кочевниковъ, и изъ разспросовъ туземцевъ Николай Михайловичъ узналъ слѣдующее.

Весною или осенью прошлаго 1878 г. изъ Усть-Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области цѣлая орда киргизовъ въ 1,800 кибитокъ и приблизительно въ числѣ около 9,000 человѣкъ, внезапно покинула свои прежнія кочевья и ушла въ китайскіе предѣлы.

Прежде всего бѣглецы откочевали въ Южный Алтай и на рѣку Урунгу, отсюда они хотѣли двинуться прямою дорогою къ Гучену, но пустыня оказалась непроходимою для такой огромной партіи, и орда возвратилась обратно на Урунгу, гдѣ и провела зиму, испытывая страшныя лишенія отъ безкормицы.

Незадолго передъ приходомъ сюда экспедиціи, киргизы откочевали къ верховьямъ рѣки, и путешественники теперь безпрестанно встрѣчали свѣжіе слѣды трудной зимовки.

«Начиная верстъ за сто отъ устья рѣки,—говоритъ Николай Михайловичъ,—и до самаго поворота Гученской дороги, т. е. всего верстъ на полтораста, зимнія кочевья киргизовъ встрѣчались чуть не на каждомъ шагу. На всемъ этомъ пространствѣ положительно не было ни одной квадратной сажени уцѣлѣвшей травы. Тростникъ и молодой тальникъ были также съѣдены до-чиста. Мало того, киргизы обрубали сучья всѣхъ рѣшительно тополей, растущихъ рощами на берегу Урунгу. Множество самыхъ деревьевъ было повалено; кора ихъ шла на кормъ барановъ, а нарубленными со стволовъ щепками кормились коровы и лошади.

«Отъ подобной пищи скотъ издыхалъ во множествѣ, въ особенности бараны, которые вовлѣ стойбищъ валялись цѣлыми десятками. Даже многочисленные волки не могли поѣдать такого количества дохлятины, она гнила и заражала окрестный воздухъ. Притомъ пометъ тысячныхъ стадъ чуть не сплошною массою лежалъ по всей долинѣ средней Урунгу.

«Грустный видъ представляла эта мѣстность, довольно унылая и сама по себѣ. Словно пронеслась здѣсь туча саранчи; даже нѣчто худшее, чѣмъ саранча. Та съѣла-бы траву и листья; на Урунгу-же не были пощажены даже деревья. Ихъ обезображенные стволы торчали по берегу рѣки словно вкопанные столбы, внизу-же вездѣ валялись груды обглоданныхъ сучьевъ... Мѣстность обезображена была на многіе годы.

«Такъ ознаменовали свой проходъ и временное стойбище, замѣчаетъ Николай Михайловичъ,—нѣсколько тысячъ кочевниковъ.

«Что-же было, невольно думалось мнѣ, когда цѣлыя орды тѣхъ-же самыхъ номадовъ шли изъ Азіи въ Европу! когда всѣ эти гунны, готы и вандалы тучами валили на плодородныя поля Галліи и Италіи! Какою карою Божьей должны были они тогда казаться для культурныхъ мѣстностей Западной Европы!

Если-бы на счастье путешественниковъ, благодаря весеннему пробужденію, не начала пробиваться молодая травка, то по такой опустошенной мѣстности рѣшительно невозможно было-бы идти съ караваномъ.

Пройдя верстъ 300 отъ устьевъ Урунгу къ ея верховью и миновавъ поворотъ дороги на Гученъ, путешественники вступили въ гористую область, южнаго Алтая, гдѣ находятся истоки Урунгу.

24 апрѣля караванъ свернулъ къ долинѣ рѣки Булугуна и пройдя вверхъ по ней верстъ сорокъ достигнулъ небольшого горнаго озера Гашунъ-нора, на берегу котораго путешественники расположились бивуакомъ и пробыли четверо сутокъ.

Озеро Гашунъ-норъ имѣетъ въ окружности всего версты четыре и воду немного горьковатую, тѣмъ не менѣе рыба, преимущественно окуни и караси, въ немъ изобиловали.

Вокругъ озера и на берегахъ Булугуна раскинулись густыя поросли тростниковъ и лозняка, въ которыхъ водилось множество кабановъ, и путешественники имѣли удовольствіе поохотиться на этихъ довольно рѣдкихъ звѣрей.

«Раннимъ утромъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—еще на зарѣ, отправлялись мы съ нѣсколькими казаками въ обѣтованныя заросли и шли цѣпью, осторожно высматривая кабановъ. Послѣдніе обыкновенно замѣчали насъ ранѣе, бросались на уходъ и набѣгали на кого-нибудь изъ охотниковъ. Иногда подобнымъ образомъ наскакивало цѣлое стадо, такъ что глаза разбѣгались, въ какого звѣря стрѣлять. При такой суматохѣ много было промаховъ, еще болѣе уходило раненыхъ»...

Однако, охоты были удачны и путники съ наслажденіемъ лакомились

свининою, послѣ того какъ долгое время изъ экономіи питались преимущественно рыбою. Между прочимъ убитъ былъ старый самецъ въ $5^1/_2$ фут. длиною и 3 ф. вышиною, вѣсомъ около 10 пудовъ.

Этотъ огромный кабанъ наскочилъ какъ разъ на Николая Михайловича, который и положилъ его на мѣстѣ четырмя пулями изъ своего превосходнаго штуцера Ланкастера, подареннаго ему, какъ выше указано, офицерами Генеральнаго Штаба.

На верховьяхъ Урунгу, по берегамъ Булугуна и въ окрестности озера Гашунъ-норъ, кочуютъ тургоуты, монгольское племя, родственное олютамъ.

Тургоуты по изслѣдованію г. Потанина *) исконные обитатели южнаго Алтая, но часть ихъ также живетъ въ сѣверо-западной Чжунгаріи, къ югу отъ Тарбагатая и Саура.

Это тѣ самые тургоуты, предки которыхъ въ концѣ XVII в., вытѣсненные чжунгарами со своихъ родныхъ степей, прикочевали въ предѣлы Европейской Россіи, заняли своими кочевьями пространство между Ураломъ и Волгою и приняли русское подданство. Затѣмъ въ 1770 г. большая часть тургоутовъ вмѣстѣ со своими соплеменниками—хошотами, дурботами, хоптами и олютами, незадолго передъ тѣмъ также прикочевавшими изъ Илійскаго края на Волгу,—всѣ эти номады огромною ордою въ количествѣ около 460,000 кибитокъ, подъ предводительствомъ хана Убаши, неожиданно снова ушли вглубь Азіи: сначала на озеро Балхашъ, а затѣмъ въ Илійскій край. Во время этого массоваго перехода бѣглецы натерпѣлись отъ безкормицы для своихъ стадъ, а также и отъ вооруженныхъ столкновеній со встрѣчными на пути кочевниками. Тогда погибло у нихъ много людей и скота; но все-таки на р. Или пришло около 280,000 чел., откуда они распространились также и на плоскогоріи Юлдусъ.

По своему наружному типу тургоуты рѣзко отличаются отъ чистокровныхъ монголовъ, каковыми являются халхасцы. Они болѣе низкаго роста, обыкновенно тщедушны и въ общемъ имѣютъ видъ изнуренный, въ особенности женщины.

Столь-же велика разница и по характеру.

«Конечно,—говоритъ Николай Михайловичъ **)—тургоутъ какъ и всякій монголъ, прежде всего лѣнтяй и трусъ, но халхасецъ гостепріименъ и добродушенъ. Тургоуты-же, за рѣдкими исключеніями, могутъ поспорить даже съ китайцами въ криводушіи и продажности».

Простоявъ четверо сутокъ у озера Гашунъ-норъ, путешественники двинулись на югъ по прямому направленію къ г. Баркулю. Прежній проводникъ Мирзашъ Алдіаровъ теперь уже не могъ дальше служить проводникомъ по незнанію мѣстности и потому, вознагражденный достаточно за свои труды, былъ отпущенъ, а на его мѣсто былъ взятъ одинъ изъ окрестныхъ тургоутовъ.

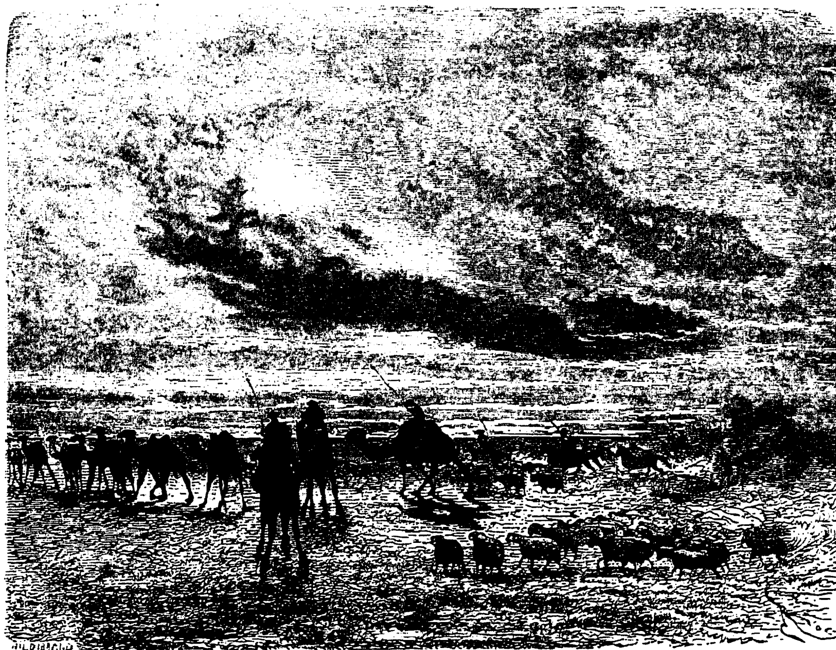
2 мая выступили въ путь, оставивъ позади высокій хребетъ Южнаго Алтая.

---

*) «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. II, стр. 43.

**) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 26.

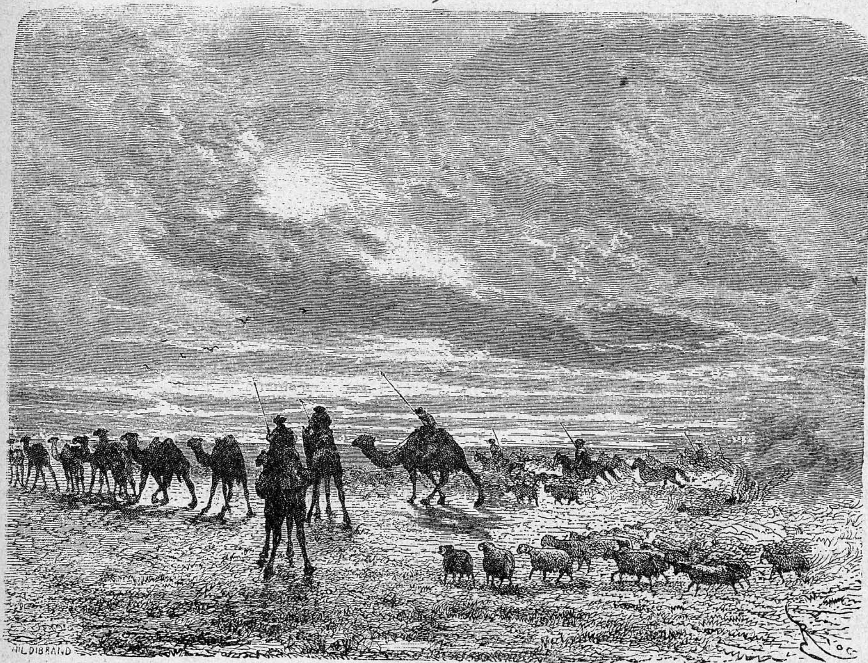
Впереди раскинулась обширная Чжунгарская пустыня, простирающаяся между Алтаемъ на сѣверѣ, Тянь-шанемъ на югѣ и группою Тарбагатай на западѣ, а на востокѣ сливающаяся съ безграничною пустынею Гоби. Связь чжунгарской степи съ Гобійскою существовала несомнѣнно и въ тѣ отдаленныя времена, когда вся площадь нынѣшней пустыни Гоби представляла огромное море, о которомъ сохранились нѣкоторыя извѣстія и у китайцевъ подъ именемъ Ханъ-хай. Въ ту эпоху Чжунгарская пустыня представляла огромный заливъ этого внутренняго азіатскаго моря, сообщавшійся въ свою очередь съ другимъ обширнымъ морскимъ

Джунгарская пустыня.

бассейномъ — Арало-Каспійскимъ. Но въ позднѣйшую геологическую эпоху внутреннее Азіатское море высохло, а на мѣстѣ его явились или скудно орошенныя степи, или безводныя пустыни; въ то же время высогъ и чжунгарскій бассейнъ, а дно его превратилось въ чжунгарскую пустыню, при томъ въ одну изъ самыхъ непривѣтливыхъ во всей Центральной Азіи.

Въ настоящее время она представляетъ въ общемъ обширную волнистую равнину съ средней абсолютной высотою въ 2,100—2,500 ф., по которой мѣстами разбросаны группы небольшихъ холмистыхъ возвышенностей, но на окраинахъ съ трехъ сторонъ она ограничена вышеупомянутыми горными системами (Алтай съ с., Тянь-шань съ ю. и Тарбагатай съ з.).

Джунгарская пустыня.

Строеніе почвы на всемъ этомъ огромномъ протяженіи не одинаково: въ сѣверной и восточной частяхъ она состоитъ изъ остраго щебня и гравія—продуктовъ разложенія каменистыхъ горныхъ породъ, на западѣ-же и въ особенности на сѣверо-западѣ преобладаютъ болѣе или менѣе мощныя толщи лёссовой глины; наконецъ, на югѣ раскинулись сыпучіе пески, которые мѣстами прерываются слегка болотистыми солончаками и остатками полувысохшихъ соленыхъ озеръ.

Такъ какъ терминъ «солончакъ» при описаніи мѣстностей Центральной Азіи по необходимости встрѣчается очень часто, то мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько болѣе подробно остановиться на немъ.

Солончаками вообще называются болѣе или менѣе обширныя пространства влажной и вязкой, пропитанной подземной влагою глинистой почвы, на поверхности которой подъ вліяніемъ солнечнаго испаренія выдѣляется соль, по большей части съ большою примѣсью натра и соды. Эти выдѣленія, образующія бѣлый или бѣловатый налетъ, а иногда даже и сплошную кору, называются у монголовъ «гуджиръ». Составъ гуджира—мелко землистая глина, мельчайшій песокъ и болѣе или менѣе значительный процентъ вышеупомянутыхъ солей: поваренной соли, натра и соды. По свойству этихъ солей притягивать воду, гуджиръ является природнымъ гигрометромъ: при сухости воздуха бѣлѣетъ, а при влажности въ атмосферѣ, что бываетъ передъ дождемъ, темнѣетъ на своей поверхности и вмѣсто бѣлаго цвѣта, достигающаго иногда ослѣпительной яркости въ родѣ снѣга, появляется сѣрый.

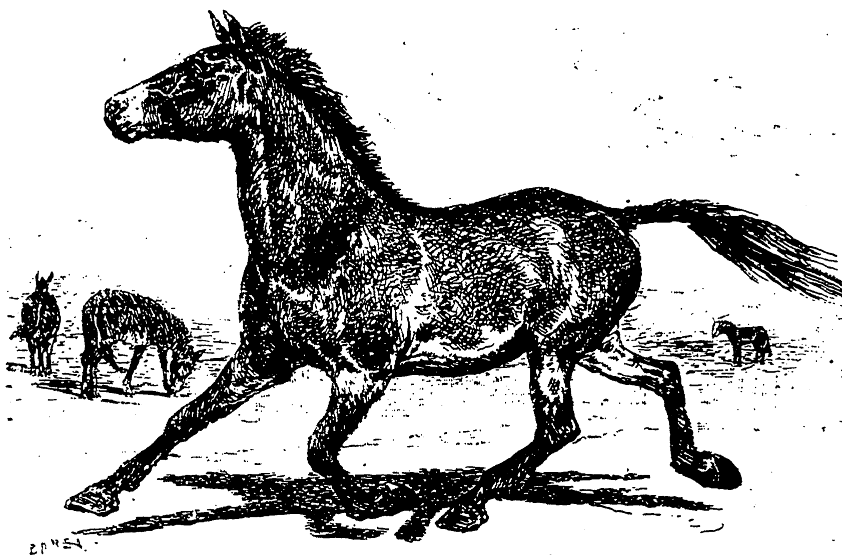
Въ сильныя бури надъ солончаками подымается тончайшая, необыкновенно ѣдкая пыль, которая издали кажется дымомъ или туманомъ. Настоящіе солончаки совершенно неспособны къ произрастанію на нихъ растительности, но гдѣ соли поменьше, тамъ обыкновенно прозябаютъ тощія и невзрачныя специальныя солянковыя растенія (galophyta).

Растительность Чжунгарской пустыни крайне бѣдна и въ общемъ такая-же, какъ и во всѣхъ другихъ наиболѣе безплодныхъ частяхъ Гоби. На пескахъ, въ особенности если къ нимъ примѣшано нѣкоторое количество лёссовой глины, появляется наилучшая растительность пустыни; кустарники зака (саксаула), дырисунъ, тамарискъ; твердыя глинистыя площадки по большей части оголены совершенно, точно такъ же какъ щебневыя розсыпи, что-же касается солончаковъ, то они по окраинамъ довольно обильно поросли различными солянками, но внутри также обнажены. Такъ-же бѣдно и животное царство, хотя Чжунгарская пустыня для зоолога является необыкновенно важною въ томъ отношеніи, что это единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ до сихъ поръ еще удержался въ дикомъ состояніи видъ дикой лошади, родоначальникъ всѣхъ домашнихъ породъ, найденный впервые Николаемъ Михайловичемъ и названный въ честь его «лошадь Пржевальскаго» (Equus Przevalskii) *).

*) Чучело этого животнаго, привезеннаго Николаемъ Михайловичемъ изъ описываемаго третьяго путешествія, хранится въ Музеѣ Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ и

Отъ ключа Холусутай-булыкъ, расположеннаго на порогѣ пустыни, на первый-же разъ предстоялъ безводный переходъ въ 74 версты.

Путешественники выступили съ запасною водою, ночевали въ безводной пустынѣ и лишь на завтра къ вечеру, сдѣлавъ по жарѣ громадный переходъ около 50 в., добрались до ключа Хыльтыге. Ключъ этотъ расположенъ у подножія горъ Байтыкъ, которыя совершенно ясно были видны еще съ мѣста первой кочевки, т. е. верстъ за 50. Казалось, вотъ-вотъ доберешься до желаннаго мѣста; а между тѣмъ проходитъ часъ, другой, третій верблюды мѣрно шагаютъ, нетерпѣніе путниковъ возрастаетъ — но горы все кажутся на одномъ и томъ-же разстояніи и не замѣтно никакого ихъ приближенія.

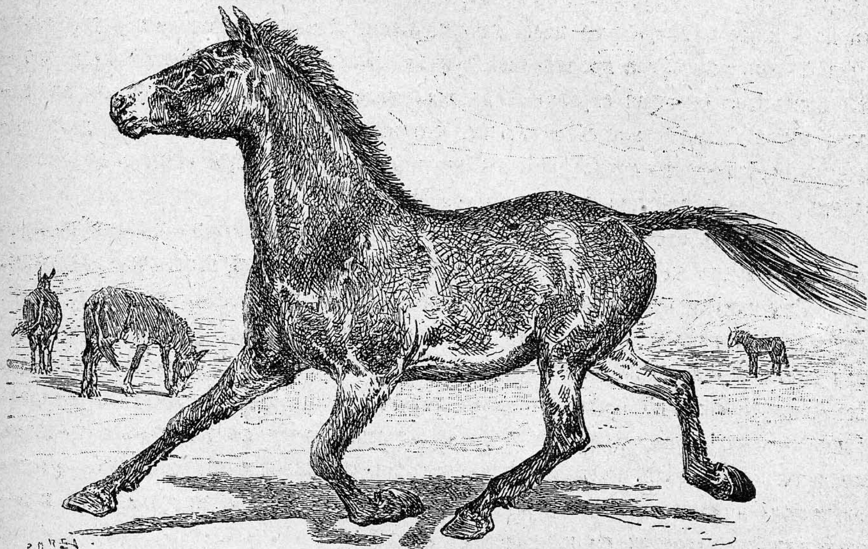
Equus Przevalskii.

Такая обманчивость разстояній, поразительная въ особенности для новичка, весьма обыкновенна въ пустыняхъ Средней Азіи, конечно, если только атмосфера свободна отъ поднятой вѣтромъ пыли. Въ особенности это относится къ высокимъ горамъ. Николай Михайловичъ разсказываетъ, что въ Чжунгарской пустынѣ Тянь-шань онъ видѣлъ довольно хорошо уже верстъ за 200, а громадную вершину этой системы, Богдо-ула, путешественники замѣтили уже съ высотъ окружающихъ долину верхняго Урунгу, т. е. верстъ за 250!

Солончаки попадались часто, и иногда соль лежала сплошнымъ пластомъ въ дюймъ толщиною. Горныя возвышенности, попадавшіяся на дорогѣ, оказались совершенно безплодными, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ путешественники видѣли

представляетъ громадную научную цѣнность, такъ какъ другого экземпляра нѣтъ ни въ одномъ музеѣ всего свѣта.

разстояніи и не замѣтно никакого ихъ приближенія.

Equus Przevalskii.

залежи каменнаго угля, довольно хорошаго качества, и пласты его видны были прямо на поверхности.

Погода во все время перехода черезъ чжунгарскую пустыню, была очень плохая. Первую недѣлю стояли уже порядочные жары, до $+27^\circ$ въ тѣни, но 8 мая вдругъ ударилъ морозъ въ $-2,5^\circ$, такъ что вода на болотѣ Тала-окчинъ замерзла.

Но это было еще ничего, путешественники успѣли уже и раньше привыкнуть къ подобнаго рода сюрпризамъ континентальной Азіи. Гораздо болѣе донимали ихъ безпрестанныя бури, которыя приходили всегда съ запада или сѣверо-запада.

Если буря началась утромъ, то обыкновенно становилось холодно и путникамъ приходилось кутаться, но по мѣрѣ того, какъ нагрѣвалась почва, становилось жарко и порывы вѣтра уже нисколько не прохлождали. Уже около полудня почти каждый день атмосфера наполнялась тучами мелкаго песка и соленой пыли, которая причиняла сильныя страданія, въ особенности болѣли глаза; самые же порывы вѣтра бывали настолько сильны, что въ томъ случаѣ, если они дули навстрѣчу, сильно затрудняли движеніе вьючныхъ верблюдовъ, а самымъ путникамъ вѣтеръ надувалъ въ уши и лицо до головной боли.

Дѣлать въ это время съемку было крайне затруднительно и даже по приходѣ на бивуакъ не всегда возможно было отправляться въ охотничью экскурсію.

Еще черезъ нѣсколько трудныхъ безводныхъ переходовъ караванъ снова вступилъ въ гористую область, которая составляетъ предгорья Тянь-шаня. Чжунгарская пустыня была пройдена и осталась позади. Мѣстность, куда теперь прибыла экспедиція, носила по прежнему дикій характеръ; повсюду вздымались относительно невысокія, но угрюмыя и обнаженныя скалы, хотя по долинамъ и ущельямъ попадались мѣстами и прекрасные уголки, покрытые обильною травяною растительностью и даже низкорослыми кустарниками; здѣсь было много ключей и веселые ручейки журчали по каменистому ложу.

Въ этихъ горахъ изобиловала и животная жизнь: встрѣчались аркары (родъ горныхъ барановъ, Ovis Heinsii), съ которыхъ однако не удалось взять ни одной шкуры въ коллекцію, такъ какъ животныя эти какъ разъ тогда сильно линяли; попадались харасульты, хуланы, лисицы, каменныя куницы и др.

По долинамъ начало встрѣчаться и населеніе, и даже осѣдлое (китайцы).

Проводникъ тургоутъ, котораго взяли путешественники, послѣ Мирзаша Алдіарова, оказался плохимъ. Еще и въ пустынѣ онъ неоднократно сбивался и по его милости приходилось дѣлать лишніе десятки верстъ, но тамъ онъ съ грѣхомъ пополамъ могъ еще исполнять свои обязанности.

Но лишь только вступили въ горы, онъ окончательно сбился съ толку, хотя и старался всѣми силами маскировать свое незнаніе дороги. Съ такимъ вожакомъ путешественники блудили наугадъ изъ одной горной пади въ другую цѣлый день, но весьма мало подвинулись въ желаемомъ направленіи. Тоже самое повторилось и на слѣдующій день.

«Тогда,—говоритъ Николай Михайловичъ,—я прогналъ негодяя проводника который и раньше того не одинъ разъ обманывалъ насъ, за что, конечно, получилъ должныя внушенія *).

«Вообще,—прибавляетъ онъ,—путешественнику по Центральной Азіи рѣдко когда удается имѣть хорошаго проводника. Обыкновенно бываетъ одно изъ двухъ: или плутъ, или дуракъ. При томъ же тотъ и другой одинаково получаютъ отъ китайцевъ приказаніе слѣдить за тѣмъ, что мы дѣлаемъ, не говорить ничего лишняго и возможно больше обманывать насъ во всемъ, чего мы не можемъ увидѣть своими глазами. Поэтому всѣ разспросы, въ особенности про окрестную страну, ея производительность, бытъ населенія и т. п. изъ десяти разъ на девять приводятъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ. Даются показанія ложныя, а если проводникъ глупъ, да при томъ еще усердствуетъ отличиться передъ своимъ начальствомъ, то обыкновенно разсказываетъ совершенную галиматью».

Пржевальскій совершенно справедливо заслужилъ себѣ громкую славу своими необыкновенными талантами путешественника. Но у него былъ одинъ важный недостатокъ: незнаніе языка туземцевъ тѣхъ странъ, по которымъ онъ путешествовалъ. Дѣйствительно, это постоянно являлось для него большимъ неудобствомъ и знай онъ монгольскій языкъ и китайскій, или хотя бы только первый, можно съ увѣренностью сказать, что результаты его путешествій были бы еще болѣе блестящи.

Возня съ переводчикомъ при всякаго рода разспросахъ проводника или встрѣчныхъ туземцевъ мало того, что была всегда очень непріятна, но такая передача черезъ третье лицо, необладающее при томъ никакимъ образованіемъ, всегда вліяла неблагопріятно и на самый смыслъ сообщаемаго свѣдѣнія.

Въ особенности трудно было добиться какого-нибудь толку такимъ способомъ въ томъ случаѣ, если вопросъ касался какого-нибудь болѣе или менѣе отвлеченнаго предмета. Сначала приходилось еще изощряться, чтобы втолковать самому толмачу сущность вопроса, а затѣмъ уже тотъ, конечно, по своему, начиналъ выпытывать у монгола и передавать отвѣтъ по собственному разумѣнію.

«Въ результатѣ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—обыкновенно получается такая ахинея, что только махнешь рукою и перестанешь понапрасну тратить время **).

Но даже и при самыхъ обыденныхъ разспросахъ черезъ переводчика, путешественнику, въ особенности если онъ не привыкъ еще къ монгольской флегмѣ и неразвитости, приходится не мало портить себѣ крови...

Вотъ, напримѣръ, идетъ караванъ и путешественникъ желаетъ освѣдомиться у проводника о направленіи ближайшаго пути, т. е. попросту вправо или влѣво отъ какого-нибудь видимаго предмета, положимъ, горы. Кажется, чего проще дать ясный и короткій отвѣтъ на такой несложный вопросъ, не тутъ-то было.

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 50.
**) Тамъ же, стр. 50.

— Эй, нохоръ, байза! (Эй, пріятель, подожди),—кричитъ прежде всего проводнику переводчикъ-казакъ, которому приказано спросить.

Монголъ останавливаетъ свою лошадь, поворачиваетъ ее назадъ и ѣдетъ, пока вопрошающій не подъѣдетъ къ нему вплотную.

— Видишь ли эту гору впереди?—спрашиваетъ казакъ, совершенно опредѣленно указывая на нее рукою.

— Гору? переспрашиваетъ обыкновенно тотъ и смотритъ на своего собесѣдника словно недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да, гору, вонъ ту острую,—говоритъ толмачъ, снова указывая на совершенно отчетливо видимую впереди возвышенность.

— Вижу,—отвѣчаетъ наконецъ монголъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Мы туда пойдемъ?

— Пойдемъ, немного подумавъ—отвѣчаетъ проводникъ.

— Какъ пойдемъ, снова спрашиваетъ казакъ: по западную или по восточную сторону?

Послѣ этого монголъ задумывается, какъ будто ему предложили очень трудный вопросъ, снова переспрашиваетъ, иногда самъ задаетъ даже совсѣмъ не идущій къ дѣлу вопросъ и наконецъ, совершенно уразумѣвъ, чего отъ него требуется, начинаетъ вмѣсто прямого отвѣта, пространно, но не всегда толково, объяснять, куда теперь будетъ лежать путь.

Во время всей этой процедуры оба «нохора» останавливаютъ своихъ лошадей, такъ какъ на ходу монголъ обыкновенно оказывается не въ состояніи уразумѣть столь мудреные вопросы.

«Кстати слѣдуетъ замѣтить,—прибавляетъ Николай Михайловичъ,—что съ проводниками, равно какъ и съ остальными туземцами, необходимо обращаться съ извѣстнымъ тактомъ и строгостью. Какъ ни печально, но, по многолѣтнему опыту, могу увѣрить, что только страхъ передъ силою регулируетъ нравственные мотивы большей части азіатцевъ, по крайней мѣрѣ относительно европейцевъ. Исключенія очень и очень рѣдки, да и то лишь единичныя. Путешественнику же невозможно заботиться объ улучшеніи нравственности тѣхъ личностей, съ которыми ему приходится сталкиваться—тогда некогда будетъ и путешествовать.

«Практика обстановки неминуемо возьметъ свое. Излишняя мягкость относительно туземцевъ сейчасъ же будетъ безсовѣстно ими эксплоатирована; тогда какъ строгое, но, конечно, справедливое обращеніе, при томъ съ рѣшимостью постоять за себя, всегда заставитъ азіатцевъ смотрѣть съ уваженіемъ и боязнью на такого путешественника *)»...

Прогнавъ отъ себя негоднаго проводника, путешественники не почувствовали себя отъ этого хуже. Очень скоро имъ удалось выйти на хорошую колес-

*) Тамъ же, стр. 51.

ную дорогу, которая ведетъ изъ Гучена въ Баркуль. На этой дорогѣ и безъ всякаго проводника было трудно заблудиться, да кромѣ того и возвышающаяся гигантская стѣна Небеснаго хребта (Тань-шаня), сверкающаго своими вѣчными снѣгами вдоль подножья которой шла эта дорога, постоянно служила указателемъ пути.

18 мая караванъ вышелъ на обширную равнину, раскинувшуюся у восточной подошвы Тянь-шаня и расположился бивуакомъ близъ китайской деревни Сянто-хауза, отъ которой до Баркуля оставалась всего 20 верстъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пустыни Баркульская и Хамійская.

Баркуль, страшная дороговизна.—„Почетный“ конвой.—Путь вдоль Тянь-шаня.—Перевалъ чрезъ хребетъ.—Пріятная дневка.—Приглашеніе поспѣшить въ Хами.—Среднеазіатскіе оазисы.—Хами и его значеніе.—Таранчи.—Любезный пріемъ хамійскаго губернатора.—Попрошайничество, урокъ вѣжливости.—Осмотръ города.—Дерево Джуга-лунъ, „осужденныя ворота“.—Выводы о китайской арміи.—Закупка продовольствія.—Выступленіе.—Путь по Хамійской пустынѣ.—Памятный переходъ.—Въ виду Нанъ-шаня.—Вступленіе въ оазисъ Са-Чжоу.—Послѣдній сюрпризъ пустыни.

Мѣстность вокругъ г. Баркуля носила на себѣ ясные слѣды недавняго дунганскаго разгрома; еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ китайскія деревни были разорены до тла инсургентами, а жители частью избиты, частью разбѣжались. Но теперь все быстро возстановлялось и слѣды инсуррекціи постепенно сглаживались, такъ что въ то время какъ экспедиція прибыла сюда, окрестности Баркуля были уже достаточно населены.

Переселенцы изъ Гань-суйской провинціи и изъ внутреннихъ областей Китая безпрестанно приходили сюда иногда только съ одною киркою въ рукахъ и съ мѣшкомъ пожитковъ за плечами.

Не желая подвергаться всевозможнымъ непріятностямъ, неизбѣжнымъ при встрѣчѣ съ китайцами, Николай Михайловичъ уклонился отъ посѣщенія самого города, а послалъ туда за покупкою необходимыхъ вещей и для предъявленія паспорта переводчика Абдула Юсупова съ однимъ изъ казаковъ.

Посланцы эти приняты были не особенно любезно губернаторомъ города Чженъ-таемъ. Однако же онъ согласился на главную просьбу Пржевальскаго—дать проводника до Хами.

Что касается закупокъ припасовъ, то посланные произвели ихъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, въ виду необыкновенной дороговизны всего вообще, а въ особенности съѣстныхъ припасовъ.

Такъ, напр., небольшой баранъ стоилъ 9 р., пудъ гороху—4 р., небольшая пшеничная булка—25 к., десятокъ яицъ—70 к. и т. д.

Впрочемъ, Баркуль можно было хорошо разсмотрѣть и съ мѣста стоянки каравана, такъ какъ городъ расположенъ на возвышенности у самой подошвы Тянь-шаня. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: торговаго города и военнаго. Каждая изъ этихъ частей обнесена высокою глинянною стѣною.

На другой день, послѣ того какъ Абдулъ Юсуповъ съ казакомъ вернулись со своими покупками, изъ города прибылъ проводникъ въ сопровожденіи цѣлаго отряда китайскихъ солдатъ, которые назначались якобы въ качествѣ почетнаго конвоя сопровождать нашихъ путешественниковъ въ Хами.

Нечего и говорить, что такой конвой явился очень непріятнымъ сюрпризомъ для нихъ, но дѣлать было нечего, и караванъ выступилъ въ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи уже не одного соглядатая, какимъ всегда являлся нанятый проводникъ, а цѣлыхъ семи. Китайскіе солдаты невыносимо надоѣдали своимъ наглымъ любопытствомъ и попрошайничествомъ и до такой степени стѣсняли въ производствѣ обыкновенныхъ экспедиціонныхъ работъ, что Николай Михайловичъ даже принужденъ былъ отказаться отъ съемки, что было, впрочемъ, не особенно важно, такъ какъ путь отъ Баркуля до Хами уже раньше былъ снятъ русскими путешественниками *).

Въ первый день было пройдено только 12 верстъ, такъ какъ вдругъ разразился страшный ливень, а затѣмъ дождь, смѣшанный иногда со снѣгомъ, продолжался весь день; температура понизилась до 8,8° Ц.

Къ ночи дождь прекратился, но глинистая почва до такой степени размягчилась, что на слѣдующій день все утро не было возможности двинуться впередъ, такъ какъ верблюды безпрестанно скользили безкопытными лапами.

Послѣ полудня наконецъ нѣсколько подсохло, караванъ выступилъ съ бивуака и къ вечеру вышелъ на большую дорогу, которая идетъ вдоль всей сѣверной подошвы Тянь-шаня.

Дорога эта нисколько не лучше нашихъ обыкновенныхъ проселочныхъ; на извѣстныхъ разстояніяхъ здѣсь устроены станціи: тѣсныя и грязныя глинянныя фанзы съ загородкою для животныхъ. На этихъ станціяхъ, со времени послѣднихъ военныхъ дѣйствій противъ дунганскихъ мятежниковъ, размѣщены были небольшіе китайскіе пикеты.

Слѣдуя по этой дорогѣ у самой подошвы Тянь-шаня, который невдалекѣ тянулся сплошною и крутою стѣною, путешественники съ завистью посматривали на темнозеленыя лѣсныя заросли, которыя покрывали весь склонъ и соблазнительно манили къ себѣ путниковъ. Но спутники китайцы употребляли всевозможные способы, чтобы помѣшать свернуть имъ съ дороги въ горы.

Третій дневной переходъ привелъ экспедицію къ перевалу черезъ хребетъ и Николай Михайловичъ, не обращая болѣе никакого вниманія на всевозможныя увѣщанія и отговариванія, рѣшилъ свернуть съ дороги и, поднявшись немного по склону, разбилъ бивуакъ на прекрасной лѣсной лужайкѣ.

*) Матусовскимъ въ 1875 г. и Рафаиловымъ въ 1877 г.

«Трудно передать радостное чувство, говоритъ Николай Михайловичъ *), которое мы теперь испытывали. Вокругъ насъ тѣснился густой лѣсъ изъ лиственницъ, только что распустившихся и наполнявшихъ воздухъ своимъ смолистымъ ароматомъ; вмѣсто солончаковъ явились зеленые луга, усыпанные цвѣтами, всюду пѣли птицы»...

Въ такомъ благодатномъ уголкѣ рѣшено было остановиться на дневку, и это рѣшеніе было передано непрошеннымъ провожатымъ такимъ безапелляціоннымъ тономъ, что они увидѣли безполезность всякихъ споровъ и видимо недовольные уѣхали на ближайшій пикетъ, чѣмъ, конечно, еще болѣе обрадовали нашихъ путешественниковъ.

Остатокъ этого дня и весь слѣдующій посвящены были охотничьимъ экскурсіямъ, во время которыхъ встрѣтилось очень много интереснаго въ научномъ отношеніи, но къ сожалѣнію Николай Михайловичъ не могъ здѣсь оставаться еще дольше, такъ какъ на бивуакъ прибыли посланцы отъ губернатора Хами, который просилъ русскихъ путешественниковъ какъ можно скорѣе явиться къ нему, хотя причины такой поспѣшности посланцы не объясняли.

Не зная чтобы такое это могло означать, Николай Михайловичъ рѣшилъ послѣдовать этому загадочному приглашенію и еще черезъ день двинулся далѣе.

Въ одинъ день совершенъ былъ переходъ черезъ перевалъ, и экспедиція очутилась въ Хамійской пустынѣ.

Тянь-шаньскій хребетъ въ крайней восточной своей части, которую слегка обслѣдовалъ теперь Николай Михайловичъ, представляетъ узкую гряду, не болѣе 25—30 верстъ въ поперечникѣ. Но грандіозный характеръ исполинскаго хребта и здѣсь ясно выраженъ: его гребень и вершины уходятъ въ облака и мѣстами подымаются даже выше снѣговой линіи; боковые скаты круто обрываются къ югу, въ Хамійскую пустыню, и еще круче на сѣверъ—въ Баркульскую равнину.

Если смотрѣть со стороны этой послѣдней, то Тянь-шань представляетъ гигантскую, чуть не отвѣсную стѣну. Бока его сѣвернаго склона изборождены короткими, узкими ущельями; долинъ же нѣтъ совсѣмъ и вообще характеръ хребта дикій, настоящій альпійскій. Стѣна эта до такой степени сплошная, что отдѣльныя вершины, даже самыя высокія, очень мало выдаются надъ общею горною массою.

Подножія сѣвернаго склона представляютъ луга, но приблизительно съ 6,000 ф. абсолютной высоты появляются густые хвойные лѣса, которые занимаютъ полосу почти до 9,000 ф., а еще выше слѣдуетъ луговая альпійская область. Подъемъ на перевалъ съ сѣверной стороны не великъ, всего верстъ 5. На самой вершинѣ, высота которой по барометрическому опредѣленію достигаетъ 8,700 ф., выстроена небольшая кумирня и фанза для отдыха путниковъ. Отсюда открылся великолѣпный видъ назадъ на Баркульскую равнину, но Хамійская пустыня—заслонена впереди стоящими горами.

*) Изъ Зайсана чрезъ Хами въ Тибетъ, стр. 62.

Спускъ на южную сторону перевала имѣетъ около 18 верстъ въ длину. Здѣсь горы въ общемъ имѣютъ еще болѣе дикій характеръ, еще болѣе изборождены глубокими ущельями; лѣса здѣсь рѣже и вообще южный склонъ хребта безплоднѣе сѣвернаго.

Спустившись съ перевала, путешественники расположились на ночлегъ на порогѣ Хамійской пустыни возлѣ китайской станціи Нанъ-шань-кэу, лежащей у самаго выхода изъ горнаго ущелья и состоящей изъ нѣсколькихъ грязныхъ лачужекъ.

Только что путники принялись устраивать свой бивуакъ, какъ явились новые посланцы отъ Хамійскаго губернатора съ приглашеніемъ поспѣшить въ Хами, но по какой причинѣ, и на этотъ разъ осталось загадкою.

Хотя Николаю Михайловичу очень хотѣлось хоть поверхностно обслѣдовать южную сторону Тянь-шаня и потому онъ предполагалъ провести здѣсь хотя одинъ день, но посланцы такъ неотступно приставали поспѣшить, говоря, что имъ придется самимъ поплатиться за замедленіе, что Николай Михайловичъ наконецъ уступилъ и на слѣдующій день, послѣ короткой утренней экскурсіи, во время которой, между прочимъ, удалось добыть замѣчательный экземпляръ ящерицы болѣе 1 фута длиною,—выступилъ далѣе, сопровождаемый цѣлымъ отрядомъ китайскихъ солдатъ подъ командою офицера.

Переночевавъ еще разъ въ дикой безплодной пустынѣ, путешественники прибыли наконецъ въ хамійскій оазисъ; отъ Зайсана сдѣлано было 1,067 верстъ.

Знаменитый въ глубокой древности оазисъ Хами или Комулъ есть крайній восточный изъ той группы оазисовъ, которые тянутся вдоль сѣверной и южной подошвы Тянь-шаня; такіе же клочки плодородной земли среди окружающей безплодной пустыни сопровождають и западное подножіе Памира, сѣверную подошву Куенъ-люня, Алтынъ-тага и Нанъ-шаня, т. е. вдоль всей сѣверной ограды Тибетскаго нагорья.

Существованіе этихъ благодатныхъ уголковъ тѣсно связано съ высокими горными хребтами, около которыхъ они расположены. Со снѣговыхъ вершинъ текутъ болѣе или менѣе значительные и многочисленные водные потоки, которые выносятъ къ подошвѣ вымытыя и переработанныя землистыя частицы и осаждая ихъ здѣсь въ теченіи вѣковъ накопляютъ плодородную почву, годную для осѣдлой культуры. Такимъ образомъ вода создаетъ оазисы, но она же и оплодотворяетъ ихъ и даетъ этимъ уголкамъ жизнь.

Дѣйствительно, вода здѣсь является главнѣйшимъ благодѣтельнымъ началомъ и считается драгоцѣнною. Обыкновенно всѣ горныя рѣчки и даже малѣйшіе ручейки разводятся по полямъ на множество искусно вырытыхъ мелкихъ канавокъ, называемыхъ арыками, и въ большинствѣ случаевъ вся приносимая ими вода сполна расходуется въ предѣлахъ оазиса, и только самыя крупныя рѣки выбѣгаютъ дальше въ пустыню.

При распространенности въ Средней Азіи лёссовыхъ залежей, вездѣ, гдѣ

только есть благодѣтельная вода, на жгучемъ здѣшнемъ солнцѣ пробуждается роскошная растительность, но гдѣ нѣтъ живительной влаги—тамъ царитъ смерть и запустѣніе. «Сплошь и къ ряду,—говоритъ Пржевальскій,—можно видѣть по одной сторонѣ оросительнаго канала прекрасное хлѣбное поле или фруктовый садъ, а по другой, тутъ же рядомъ, оголенную почву, которая потянулась иногда на многіе десятки, сотни верстъ».

Такимъ образомъ оазисы, площадь которыхъ даже и въ общей сложности очень невелика сравнительно съ необъятными пространствами раскинувшейся вокругъ пустыни, — являются какъ бы островками въ безбрежномъ морѣ сыпучихъ песковъ, гальки, розсыпей и т. п. Пустыня непрестанно грозитъ имъ своими сыпучими песками, своими изсушающими вѣтрами и невыносимымъ зноемъ, которымъ пышетъ ея раскаленная почва, наконецъ дикимъ и враждебнымъ культурѣ животнымъ, а также и человѣческимъ населеніемъ, но заботливая рука человѣка бережетъ ихъ по мѣрѣ возможности, хотя и не всегда бываетъ въ состояніи одержать побѣду надъ всѣми ужасами пустыни.

Къ одному изъ такихъ плодородныхъ и зеленѣющихъ, счастливыхъ уголковъ, являющихся среди пустыни словно совершенно иной, отрадный міръ предъ глазами истомленнаго путника,—къ хамійскому оазису приблизились теперь наши путешественники.

Этотъ оазисъ расположенъ верстахъ въ 40 отъ южной подошвы тяньшаньскаго хребта и занимаетъ небольшое пространство около 120—130 кв. верстъ. Глинисто-песчаная лёссовая почва при условіи искусственнаго орошенія является чрезвычайно плодородною и родитъ въ изобиліи всевозможные хлѣба, овощи (въ особенности славятся хамійскія дыни, которыя въ прежнее время даже поставлялись въ Пекинъ къ богдыханскому столу), а также здѣсь прекрасно растутъ и различныя фруктовыя деревья. Впрочемъ, въ то время, когда сюда прибыла экспедиція Пржевальскаго, плодовыхъ деревьевъ здѣсь почти совсѣмъ не было, такъ какъ они истреблены были во время магометанской инсуррекціи; что уцѣлѣло отъ дунганъ, то докончили потомъ китайскіе солдаты, а послѣ того жители еще не успѣли ихъ вновь развести.

Вообще Хами не оправдалъ въ глазахъ нашихъ путешественниковъ своей громкой славы и, по мнѣнію Николая Михайловича, онъ ничѣмъ не лучше всѣхъ другихъ оазисовъ Средней Азіи, которые ему приходилось видѣть до того времени и послѣ.

Въ сравненіи же съ недавно уступленнымъ Россіею китайцамъ Кульджинскимъ краемъ, оазисъ Хами не болѣе какъ маленькое поле. «Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—Илійскій или Кульджинскій край—это перлъ Центральной Азіи, и не даромъ такъ много и долго хлопотали изъ-за него китайцы».

«Самъ Хамійскій оазисъ,—писалъ Николай Михайловичъ своему брату *),—

*) Владиміру Михайловичу 30 мая 1879 г.

Хамійскій Таранча.

дрянь препорядочная—глинистый участокъ, орошаемый нѣсколькими рѣчонками съ Тянь-шаня. Деревьевъ и садовъ почти нѣтъ вовсе—все вырублено китайскими войсками»...

Коренные жители Хами—потомки древняго племени уйгуровъ, смѣшавшихся впослѣдствіи частью съ монголами, частью съ туранцами, выходцами изъ Туркестана. По наружности они сильно напоминаютъ казанскихъ татаръ, всѣ исповѣдуютъ магометанскую религію. Сами себя они называютъ таранчами, что въ переводѣ означаетъ «землепашцы» *).

По увѣренію переводчика Абдула Юсупова, уроженца Кульджи, языкъ хамійскихъ жителей нисколько не отличается отъ языка кульджинскихъ таранчей.

Таранчи управляются наслѣдственнымъ княземъ изъ мѣстныхъ ходжей, который получаетъ отъ китайскаго правительства титулъ цзюнь-вана, т. е. князя 3-й степени. До дунганскаго возстанія, въ которомъ хамійцы всегда оставались вѣрными китайцамъ, этотъ ванъ правилъ таранчами довольно самостоятельно и пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла въ Хами; но со времени введенія здѣсь военнаго режима, при перенесеніи театра военныхъ дѣйствій въ Восточный Туркестанъ въ войнѣ съ Якубъ-бекомъ, вся власть перешла въ руки китайскаго военнаго губернатора, къ которому поступаютъ даже и подати съ таранчей. Самой же правительницѣ, вдовѣ наслѣдственнаго вана, погибшаго во время дунганскаго нашествія, подъ вѣдѣніемъ которой, насколько удалось узнать Пржевальскому, состояло около 8,000 таранчей, изъ Пекина ежегодно выплачивается 40 ямбовъ серебра (около 4,000 р.) «на румяна», какъ мотивируютъ китайцы это содержаніе.

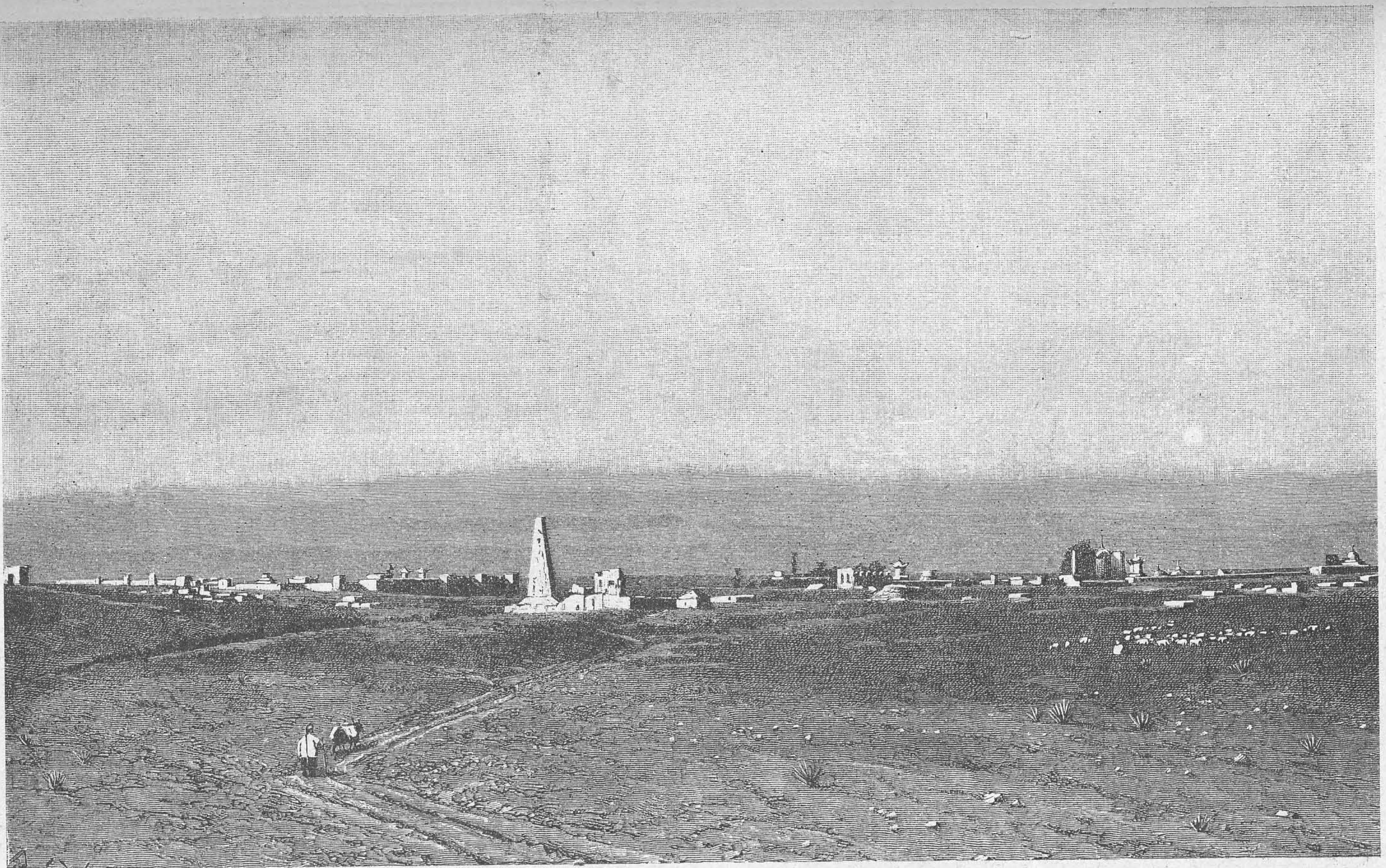
Исключительная слава Хамійскаго оазиса, которою онъ пользовался съ древности, основывается, быть можетъ, на его важномъ географическомъ положеніи, которое дѣйствительно чрезвычайно важно какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи.

Составляя, какъ вышеуказано, крайній восточный пунктъ осѣдлаго насе-

*) Отъ слова „тара“ — пашня. Названіе „таранча“ сильно распространено и въ русскомъ Туркестанѣ, и въ Кульджинскомъ краѣ, гдѣ подъ этимъ именемъ извѣстны таджики, т. е. туркестанскіе иранцы.

Хамійскій Таранча.

Оазисъ Хами.

ленія изъ всѣхъ притяньшаньскихъ оазисовъ, Хами представляетъ какъ бы ключъ ко всѣмъ областямъ, расположеннымъ вдоль Тянь-шаня, такъ какъ черезъ него проходитъ самый важный и притомъ единственный путь *) изъ Западнаго Китая черезъ Су-чжоу и Анъ-си **) въ Восточный Туркестанъ и въ Чжунгарію. Другого пути здѣсь не можетъ быть, такъ какъ отъ восточной оконечности Тянь-шаня совершенно безплодная пустыня простирается на многія сотни верстъ какъ къ востоку — до самаго Ала-шаня и Желтой рѣки, такъ и на западъ до Лобъ-нора и рѣки Тарима. Трудно сказать,—замѣчаетъ Пржевальскій,—почему притяньшаньскіе мусульмане, освободившись въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ китайскаго владычества, не поняли всей важности стратегическаго значенія Хамійскаго оазиса и не напрягли всѣ силы, чтобы утвердиться въ немъ. Какъ не сдѣлалъ этого Якубъ-бекъ кашгарскій, тѣмъ болѣе, что отъ Турфана ему было уже не далеко и до Хами. А между тѣмъ доколѣ этотъ оазисъ находился бы въ рукахъ инсургентовъ, китайцы ничего не могли бы ему сдѣлать, несмотря на свое численное превосходство, такъ какъ помимо Хами можно было бы провести войска только кружнымъ, гораздо болѣе длиннымъ путемъ, черезъ Улясутай, тратить понапрасну время и средства.

Вступивъ въ оазисъ, путешественники разбили свой бивуакъ въ полутора верстахъ отъ города, на небольшой лужайкѣ, на берегу небольшого ручейка, въ которомъ путники поспѣшили сдѣлать запруду, чтобы имѣть возможность купаться при наступившихъ невыносимыхъ жарахъ (35,8° Ц. въ тѣни).

Лишь только успѣли разбить палатки, какъ явились китайскіе офицеры съ привѣтствіемъ отъ «да-жень чинъ-цая» ***), главнокомандующаго войсками, военнаго губернатора Хами. Собственно же имя хамійскаго чинъ-цая было *Минъ-чунъ*.

Передавъ привѣтствіе, офицеры по обыкновенію поспѣшили освѣдомиться, привезли ли путешественники какіе нибудь подарки чинъ-цаю и тутъ же сообщили, что онъ человѣкъ съ сильными связями и большой пріятель главнокомандующаго всею западною китайскою арміей, намѣстника провинціи Гань-су, и всего западнаго края Китая, знаменитаго Цзо-цзунъ-тана или иначе Цзо-гунъ-бо, который теперь имѣетъ свою резиденцію въ Су-чжоу. Наконецъ эти же посланцы снова попросили отъ имени чинъ-цая какъ можно скорѣе явиться къ нему. Причины такой поспѣшности и они не объяснили, да и послѣ путешественникамъ не удалось ее разгадать. Николай Михайловичъ предполагаетъ, что никакой причины и совсѣмъ не было, а просто желаніе скораго свиданія обу-

*) Въ настоящее время, между тѣмъ какъ раньше существовали и другіе пути; см. дальше: четвертое путешествіе.

**) Караванный путь изъ Хами идетъ черезъ Са-чжоу, Анъ-си, Су-чжоу, Гань-чжоу. Послѣдніе два города лежатъ уже внутри китайской стѣны.

***) „Чинъ-цай“—титулъ по должности, а „да-жень“ собственно означаетъ: „большой человѣкъ“, „важная персона“.

словливалось любопытствомъ и нетерпѣніемъ поскорѣе получить предназначенные ему подарки.

Передъ вечеромъ этого же самаго дня Николай Михайловичъ, въ сопровожденіи переводчика и двухъ казаковъ, отправился въ городъ съ визитомъ къ губернатору.

Встрѣча была парадная.

Во дворѣ губернатора стояло нѣсколько десятковъ солдатъ со знаменами; самъ чинъ-цай вышелъ на крыльцо своей фанзы и пригласилъ гостя въ пріемную.

Здѣсь, по обыкновенію, поданъ былъ чай и начались обыденные разспросы о здоровьи и благополучіи пути, кто такіе путешественники, сколько ихъ, куда направляются и т. д.

Чинъ-цай на видъ сильно пожилой человѣкъ, хотя имѣетъ всего 51 г. отъ роду; держалъ онъ себя при пріемѣ довольно просто, безъ особенныхъ «китайскихъ» церемоній. Къ своему гостю онъ относился очень внимательно и любезно. Разговоръ перешелъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ и чинъ-цай засыпалъ Николая Михайловича вопросами, которые имѣли очень ребяческій характеръ.

Визитъ продолжался около 1/2 часа. Уѣзжая Николай Михайловичъ вынесъ впечатлѣніе, что хамійскій чинъ-цай наилучшій изъ когда-либо видѣнныхъ имъ китайскихъ генераловъ. Впрочемъ, ласковому обращенію его съ путешественниками, вѣроятно не мало содѣйствовало ходатайство на этотъ счетъ русскаго посланника Кояндера, который, какъ вышеуказано, дѣлалъ представленіе въ Цзунъ-ли-Ямынь о крайне нелюбезномъ пріемѣ Пржевальскаго въ Гученѣ въ концѣ его прошлой экспедиціи (1877 г.).

На другой день чинъ-цай явился самъ на бивуакъ съ отвѣтнымъ визитомъ и пригласилъ Николая Михайловича съ обоими его товарищами-офицерами на обѣдъ въ свою роскошную загородную виллу.

На этотъ парадный обѣдъ приглашены были также высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что всего набралось человѣкъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ во время обѣда прислуживали и подавали кушанья.

Самый обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ. «Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль на этомъ парадномъ обѣдѣ,—говоритъ Николай Михайловичъ.—Кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ то: морская капуста, трепанги, гнѣзда ласточки салanганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сластями, окончился вареннымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя бы отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычные, желудки были разстроены на весь слѣдующій день. Вина за столомъ не было по неимѣнію его у китайцевъ; но взамѣнъ того подавалась нагрѣтая водка двухъ сортовъ: очень крѣпкая и свѣтлая — шань-дзю, и болѣе слабая, цвѣтомъ похожая на темный хересъ — хуань-дзю; та и другая мерзость ужасная,—говоритъ Николай Михайловичъ.—Китайцы же пили

ее въ достаточномъ количествѣ изъ маленькихъ чашечекъ и подпивъ немного, принялись играть въ хуа-цюань, т. е. «четъ и нечетъ» пальцевъ, причемъ проигравшій долженъ былъ выпить»...

Самъ чинъ-цай по прежнему держалъ себя въ высшей степени вѣжливо и предупредительно, но остальные китайцы, особенно послѣ того какъ шань-дзю и хуань-дзю истреблены были уже въ достаточномъ количествѣ, не подражали ему въ своемъ поведеніи. Неумѣніе чужестранныхъ гостей ѣсть палочками, а также питье за обѣдомъ холодной воды *) сильно смѣшило ихъ и вызывало множество перекрестныхъ замѣчаній, не особенно деликатнаго свойства.

На слѣдующій день чинъ-цай опять пріѣхалъ на бивуакъ путешественниковъ въ сопровожденіи цѣлой толпы офицеровъ и чиновниковъ. Свита эта держала себя крайне неприлично и самымъ безстыднымъ образомъ попрошайничала, какъ только какая-нибудь вещь обращала на себя ихъ вниманіе.

«Поданныя для угощенія сласти и даже сахаръ къ чаю офицеры эти,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—расхватывали, какъ школьники, пользуясь тѣмъ, что этого не видитъ чинъ-цай, помѣщавшійся съ нѣкоторыми болѣе важными лицами въ нашей палаткѣ; остальные же, за неимѣніемъ мѣста, помѣщались на дворѣ.

Немногимъ лучше оказался и самъ губернаторъ, напередъ освѣдомившійся черезъ своихъ адъютантовъ, какія у насъ имѣются вещи, въ особенности оружіе»...

«И хотя,—говоритъ Николай Михайловичъ,—наученные прежними опытами, мы прятали теперь все лишнее, но чинъ-цай прямо просилъ показать ему такое то ружье, револьверъ или часы, словомъ все то, что ранѣе видѣлъ у насъ который-либо изъ его адъютантовъ. Такимъ образомъ улика имѣлась на лицо и отнѣкиваться было невозможно».

Между тѣмъ осмотръ вещи обыкновенно завершался просьбою продать ее или намекомъ о подаркѣ.

Въ концѣ концовъ, когда губернаторъ со своею свитою убрался во свояси и Николай Михайловичъ послалъ ему въ подарокъ револьверъ со всѣмъ приборомъ въ ящикѣ, то чинъ-цай, «обзарившійся», по мѣткому выраженію казаковъ на хорошее оружіе, объявилъ посланному съ этою вещью переводчику, что онъ желаетъ получить не револьверъ, а ружье, и не принялъ подарка.

Узнавъ отъ возвратившагося Абдула, въ чемъ дѣло, Николай Михайловичъ, чтобы не давать потачки на будущее время, тотчасъ же велѣлъ ѣхать ему обратно къ чинъ-цаю съ тѣмъ же самымъ револьверомъ и приказалъ передать въ рѣзкой формѣ, что даренныя вещи цѣнятся, какъ память, и что присланные отъ губернатора въ подарокъ пара барановъ приняты были вовсе не изъ нужды въ нихъ, а изъ вѣжливости.

*) Китайцы, какъ монголы и тангуты, никогда не употребляютъ сырой воды.

Преданный своему начальнику Абдулъ съ своей стороны еще позаботился о томъ, чтобы придать этому заявленію болѣе рѣзкую форму...

Сконфуженный генералъ взялъ револьверъ и не нашелъ ничего возразить; и когда Николай Михайловичъ на слѣдующій день послалъ ему еще несессеръ съ серебряннымъ приборомъ, то дружба совсѣмъ возстановилась, а безцеремонный губернаторъ получилъ такимъ образомъ хорошій урокъ.

Желая замять свою безтактность, чинъ-цай устроилъ въ честь путешественниковъ еще другой обѣдъ на той же самой дачѣ, который однако не отличался уже прежнею парадностью и число блюдъ уменьшено было до сорока.

Китайцы за обѣдомъ.

Во время этого обѣда чинъ-цай и другіе высшіе сановники стали просить Николая Михайловича произвести стрѣльбу экспедиціоннаго отряда, и тотъ обѣщалъ, не упуская случая показать, какая большая сила заключается въ его немногочисленномъ конвоѣ.

Въ назначенный день и часъ чинъ-цай со всею своею свитою и въ сопровожденіи громадной толпы городскихъ жителей, явились на мѣсто бивуака путешественниковъ.

Когда по командѣ Пржевальскаго казаки начали свою непрерывную стрѣльбу, сначала изъ берданокъ, а затѣмъ изъ револьверовъ, при чемъ въ нѣсколько

Китайцы за обѣдомъ.

минутъ выпущено было около двухъ сотъ пуль, то чинъ-цай пораженный такимъ невиданнымъ зрѣлищемъ съ улыбкою сказалъ, обращаясь къ Николаю Михайловичу: «какъ намъ воевать съ русскими: эти двѣнадцать человѣкъ разгонятъ тысячу нашихъ солдатъ».

Въ отвѣтъ на такой комплиментъ Пржевальскій замѣтилъ, что воевать и не изъ-за чего, что Россія еще никогда не вела войны съ Китаемъ.

Затѣмъ, чтобы довершить впечатлѣніе, онъ взялъ дробовикъ и началъ стрѣлять въ летъ стрижей и воробьевъ, а когда напуганныя птички разлетѣлись, то, уступая неотступнымъ просьбамъ, онъ началъ разбивать подбрасываемыя яйца по одному и по два разомъ двойнымъ выстрѣломъ...

«Жаль было, замѣчаетъ онъ, по пусту тратить заряды, которыхъ здѣсь нигдѣ уже нельзя достать; но репутація хорошаго стрѣлка весьма много мнѣ помогала во всѣ прежнія путешествія. Это искусство производитъ на азіатцевъ чарующее впечатлѣніе» *).

Среди всевозможныхъ парадовъ, Николай Михайловичъ не упускалъ случая ознакомиться съ городомъ Хами и съ разрѣшенія чинъ-цая нѣсколько разъ отправлялся его осматривать.

Какъ всегда, лишь только путешественники показывались на улицахъ города, тотчасъ же собиралась огромная толпа любопытныхъ горожанъ, которые неотступно слѣдовали по пятамъ «я н ъ - г у й з ъ», самымъ безцеремоннымъ образомъ выражая свое удивленіе и непріязнь.

Однако, въ Хами толпа вела себя сравнительно сдержанно, такъ какъ путешественниковъ вездѣ сопровождали полицейскіе чиновники, которые, подкупленные подарками, не скупились на всевозможныя мѣры къ поддержанію порядка и благопристойности и не одинъ разъ пускали въ дѣло свои длинныя палки для вразумленія наиболѣе назойливыхъ изъ публики.

Во время такихъ посѣщеній путешественники могли только поверхностно ознакомиться съ городомъ и жителями, такъ какъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній собрать было невозможно по нежеланію администраціи сообщать ихъ, а въ разспросныхъ свѣдѣніяхъ по обыкновенію большая половина была умышленная ложь.

Во все время магометанской инсурренціи, обитатели хамійскаго оазиса оставались вѣрными китайскому правительству и по этому они три раза подвергались разгрому со стороны дунганскихъ войскъ, которыя производили здѣсь страшныя избіенія и опустошенія.

Во время посѣщенія Николая Михайловича во всемъ оазисѣ насчитывалось около 10,000 жителей, въ томъ числѣ $4^1/_2$ тысячи китайскаго гарнизона, остальное же число обывателей распредѣлялось приблизительно равномѣрно между дунганами, таранчами и китайскими земледѣльцами.

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 76.

Самъ городъ Хами состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ городовъ: двухъ китайскихъ (стараго и новаго) и одного таранчинскаго, обнесенныхъ каждый отдѣльными чрезвычайно плохими глинянными стѣнами. Промежутки же между ними заполняютъ огороды, хлѣбныя поля и раззоренныя деревеньки.

Оба китайскіе города состоятъ почти изъ однихъ лавокъ и находятся въ нѣсколько лучшемъ наружномъ состояніи, тогда какъ часть таранчинская вообще бѣднѣе; здѣсь около половины фанзъ находились въ полуразрушенномъ состояніи и сохранили еще на себѣ слѣды дунганскихъ разгромовъ.

Дороговизна на продовольственные продукты стояла невообразимая, даже большая, чѣмъ въ Баркулѣ.

«Дешево у насъ только серебро»—говорили китайскіе лавочники. И дѣйствительно денегъ въ Хами было очень много въ обращеніи, такъ какъ почти половину населенія составляли солдаты, получающіе казенное жалованье.

Въ Таранчинскомъ городѣ, наиболѣе древнемъ, находятся и главнѣйшія достопримѣчательности Хами.

Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить знаменитое дерево Джуга-лунъ, что означаетъ «девять драконовъ»:

Это—старая ива, отъ корня которой идутъ наклонно надъ самою землею девять большихъ дуплистыхъ, причудливо изогнутыхъ стволовъ, которые по формѣ своей въ воображеніи туземцевъ представляютъ подобіе съ какими-то змѣеобразными существами—драконами.

Разсказываютъ, что былъ еще и десятый стволъ, но такъ какъ онъ мало походилъ на дракона, то его спилили; въ самый тотъ моментъ, когда отдѣлялся отрѣзанный стволъ отъ корня, гласитъ легенда, изъ него потекла какая-то черная жидкость, изъ которой впослѣдствіи образовался цѣлебный источникъ у корня дерева. Пржевальскій дѣйствительно видѣлъ тамъ маленькую грязную лужу. По разсказамъ туземцевъ вода изъ этого источника прежде вылечивала отъ всѣхъ болѣзней, но теперь дѣйствительна только противъ лихорадки.

Джуга-лунъ почитается священнымъ одинаково какъ буддистами-китайцами, такъ и магометанами-таранчами и дунганами; между расходящимися стволами его выстроена маленькая молельня, а рядомъ похороненъ какой-то святой.

При входѣ въ Таранчинскій городъ, путешественниковъ прежде всего поразили клѣтки, вывѣшенныя надъ входными воротами, внутри которыхъ помѣщались отрубленныя головы трехъ казненныхъ правительницею преступниковъ: двухъ мужчинъ и одной женщины.

«Какъ видно, замѣчаетъ по этому поводу Николай Михайловичъ, власть ваньши по прежнему осталась велика: китайцы не перечатъ, когда дѣло идетъ имъ на руку. Они очень рады были бы истребить не только таранчей, но и всѣхъ вообще своихъ подданныхъ мусульманъ».

Самой таранчинской правительницы путешественникамъ нашимъ не удалось видѣть: она отклонила аудіенцію подъ обычнымъ въ Азіи предлогомъ болѣзни.

Весьма курьезную достопримѣчательность таранчинскаго города составляютъ такъ называемыя «осужденныя ворота»: въ нихъ однажды ворвались осаждающіе дунганы и въ наказаніе за такое попущеніе виновныя ворота, по уходѣ непріятеля, были на всегда заперты и задѣланы въ ровень со стѣною.

При любезномъ отношеніи чинъ-цая и при довольно близкихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ высшихъ офицеровъ хамійскаго военнаго корпуса, Николай Михайловичъ имѣлъ возможность значительно дополнить свои прежнія наблюденія надъ состояніемъ китайскихъ войскъ. Заключенія, къ которымъ онъ теперь пришелъ, были вполнѣ согласны съ прежними, съ тою лишь разницею, что теперь они формулировались еще болѣе опредѣленно.

Какъ солдаты, такъ и офицеры, почти поголовно преданы куренію опіума, отчего у нихъ является преждевременная дряхлость, не нормально развивается впечатлительность и боязливость. Трусливые по самой своей природѣ, да сверхъ того избалованные и развращенные весьма неудовлетворительнымъ военнымъ режимомъ, китайскіе солдаты всячески стараются уклоняться отъ различныхъ трудностей военнаго времени. Въ походѣ всѣ, даже пѣхотинцы, постоянно ѣдутъ или верхомъ, или на подводахъ, и не утруждаютъ себя оружіемъ, которое даже почти въ виду непріятеля складывается на особыя подводы и разбирается на руки только передъ самымъ сраженіемъ. При большинствѣ солдатъ имѣются прислужники изъ монголовъ или плѣнныхъ дунганъ, которые исполняютъ за нихъ всѣ работы.

На часахъ китайскій солдатъ зачастую сидитъ въ палаткѣ и пьетъ чай, или занимается починкою своей одежды, а въ жаръ прохлаждаетъ себя вѣеромъ, который и имѣется почти у каждаго.

На ученьи, какъ напр., при стрѣльбѣ въ цѣль, офицеры помѣщаются въ палаткѣ и преспокойно пьютъ тамъ чай; рѣдкій изъ офицеровъ умѣетъ даже и выстрѣлить. Военнаго образованія нѣтъ ни малѣйшаго, даже у командировъ высшихъ степеней. Дисциплина въ арміи заключается лишь въ наружномъ чинопочитаніи; воровство и взяточничество развиты до ужасающихъ размѣровъ; понятіе о чести и долгѣ неизвѣстны. Солдаты идутъ въ бой только изъ страха наказанія или съ надеждой на грабежъ.

«При такомъ состояніи китайской арміи,—говоритъ въ заключеніи Пржевальскій,—при извѣстной враждѣ китайцевъ ко всякимъ нововведеніямъ, тѣмъ болѣе отъ ненавистныхъ янъ-гуйзъ, наконецъ при отсутствіи воинскихъ наклонностей у всего китайскаго народа вообще—можно съ большимъ вѣроятіемъ сказать, что еще далеко то время, когда китайская армія будетъ въ состояніи помѣряться съ какою-либо изъ державъ европейскихъ...

«Если бы китайцы пріобрѣли тысячи пушекъ и милліоны усовершенствованныхъ ружей и снабдили бы ими всѣхъ до единаго своихъ солдатъ, то и тогда эти послѣдніе все-таки останутся тѣми же курильщиками опіума, тѣми же невыносчивыми, не энергичными и безнравственными людьми, тѣми же трусами, какъ и нынѣ.

«Передѣлать внутренній духъ арміи, обусловливаемый нравственными качествами цѣлаго народа, конечно, невозможно одною перемѣнною оружія или формы одежды, или даже обученіемъ усовершенствованному строю. Для этого необходима назрѣвшая потребность прогресса во всей націи или геніальная руководящая личность и благопріятныя обстоятельства, а главное — здоровый матеріалъ въ лицѣ самого солдата»...

Въ Хами путешественники пробыли пять сутокъ и задержались тамъ ничѣмъ инымъ, какъ закупкою продовольствія на 1 мѣсяцъ.

Къ этому дѣлу приступили тотчасъ по приходѣ, но безъ разрѣшенія губернатора ни одинъ торговецъ не соглашался продавать свой товаръ. Потребовалось испросить формальное разрѣшеніе, которое дано было съ излишней любезностью: для оказанія всякаго рода содѣйствія, назначенъ былъ особый офицеръ, который взялъ себѣ еще одного помощника изъ болѣе низшаго ранга и еле-еле въ теченіе пяти сутокъ успѣлъ совершить столь значительныя торговыя операціи, каковы: покупка десяти барановъ, пуда рису, трехъ пудовъ пшеничной муки, нѣсколькихъ пудовъ ячменя для корма лошадей, 200 печеныхъ булокъ и т. п.

Относительно каждаго изъ этихъ предметовъ много разъ переспрашивалось, увѣряли въ готовности какъ можно скорѣе и какъ можно лучше и дешевле устроить это, а между тѣмъ переводчику внушали, что «сухая ложка ротъ деретъ», что требуется «подмазка». Въ особенности-же послѣдніе дни клянчанье подарковъ со стороны каждаго офицера и чиновника, имѣющаго хоть какое-нибудь отношеніе къ путешественникамъ, сдѣлалось положительно невыносимымъ. Самъ чинъ-цай также не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ подчиненныхъ, несмотря на полученный уже урокъ, и не отсталъ, пока Николай Михайловичъ не подарилъ ему еще нейзильберное зеркальце.

Наконецъ все было готово. Пржевальскій съѣздилъ проститься съ губернаторомъ, а казаки занялись упаковкой багажа и вьюченьемъ.

Николай Михайловичъ, сидя въ палаткѣ, писалъ свои замѣтки въ дневникѣ. Лишь только онъ написалъ заключительную строчку: «Теперь уже можно сказать, что мы одною ногою въ Тибетѣ», какъ вдругъ послышался конскій топотъ, и явился самъ чинъ-цай съ прощальнымъ визитомъ.

Николай Михайловичъ попросилъ его сдѣлать ему на память свою подпись, и китайскій губернаторъ подписался какъ разъ подъ заключительной строчкой дневника по манчжурски и по китайски, словно оффиціально узаконилъ желаніе отважнаго путешественника пробраться въ Тибетъ.

На разсвѣтѣ 1 іюня путники завьючили своихъ верблюдовъ выстроили обыкновеннымъ порядкомъ караванъ и двинулись по дорогѣ, ведущей въ оазисъ Ань-си, съ тѣмъ чтобы потомъ съ четвертой станціи своротить на г. Са-чжоу.

Въ первый день прошли немного, всего верстъ 20 и разбили шатры у деревни Хуанъ-ли-чуанъ. Мѣстность здѣсь была довольно хорошая, обильная ключевою водою и поросшая любимымъ верблюдами джантакомъ (Alhari came-

lorum), на который и накинулись съ жадностью эти животныя, голодавшія все время стоянки въ Хами.

Здѣсь-же караванъ догнали посланные чинъ-цаемъ провожатые до Са-чжоу. Пржевальскій просилъ дать ему только двухъ проводниковъ, но губернаторъ все-таки откомандировалъ для этой цѣли офицера съ цѣлымъ отрядомъ (человѣкъ въ 15 солдатъ). Конвой этотъ, правда, обозначалъ почетъ, но былъ весьма стѣснителенъ для нашихъ путешественниковъ. Николай Михайловичъ обратился съ настоятельною просьбою къ офицеру оставить при себѣ лишь нѣсколько человѣкъ, а остальныхъ отправить обратно, и тотъ, послѣ долгаго колебанія и получивъ еще значительный подарокъ, согласился наконецъ исполнить эту просьбу.

При экспедиціи осталось такимъ образомъ только 6 солдатъ и самъ офицеръ, по имени Шоу-фу-сянь. Этотъ послѣдній оказался порядочнымъ человѣкомъ, мало надоѣдалъ своимъ присутствіемъ, уѣзжая со своею свитою обыкновенно далеко впередъ каравана, на ближайшую станцію, а впослѣдствіи, въ Са-чжоу даже оказалъ не малыя услуги.

Второй переходъ былъ также небольшой и привелъ экспедицію къ небольшой деревушкѣ Чанъ-лю-фи. Начиная съ этого мѣста, т. е. приблизительно верстъ за сорокъ отъ города Хами, площадь оазиса т. е. почвы покрытой кое-какою растительностью и сколько-нибудь пригодной для культуры, оканчивалась и далѣе начиналась страшная Хамійская пустыня, которая залегла между Тянь-шанемъ съ сѣвера и Нанъ-шанемъ съ юга, Лобнорскою пустынною равниною на западѣ и центральною частью великой Гоби на востокѣ.

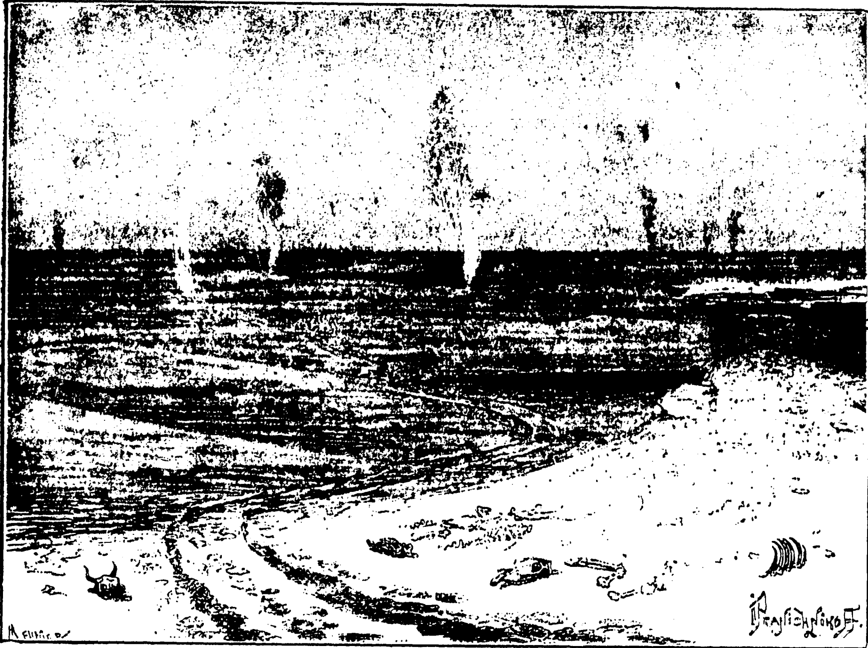
Вся эта пустыня въ общемъ представляетъ волнистое плато со среднимъ абсолютнымъ поднятіемъ около 5,000 ф. Внутрь эта равнина поката и оазисъ Хами занимаетъ самое низкое мѣсто.

На третій и на четвертый день пути пустыня хамійская явилась предъ путешественниками во всей своей ужасающей дикости. На необъятное пространство здѣсь открывается равнина, усыпанная щебнемъ, галькою и гравіемъ, по которой разбросаны лесовые холмы обыкновенно съ крутыми обрывами въ видѣ стѣнъ, иногда столовъ и башенъ. Ни растительности, ни животныхъ нѣтъ совершенно; даже ящерицъ, этихъ всегдашнихъ жителей азіатскихъ пустынь, здѣсь нѣтъ точно также какъ и насѣкомыхъ. По дорогѣ безпрестанно встрѣчались разбросанныя изсохшія и на половину занесенныя пылью кости лошадей, муловъ, верблюдовъ, а по временамъ попадались и человѣческіе черепа.

Надъ раскаленною почвою виситъ мутная, словно дымомъ наполненная атмосфера; легкій вѣтерокъ не въ состояніи взболтать слои воздуха и не даетъ прохлады. Только часто пробѣгаютъ вихри и далеко уносятъ крутящіеся столбы соленой пыли.

Въ отдаленіи играетъ обманчивый миражъ, а нижній сильно нагрѣтый слой воздуха до такой степени волнуется, что очертанія отдаленныхъ предметовъ дѣлаются сильно измѣнчивыми и трудно уловимыми.

Жара днемъ достигаетъ крайней степени. Солнце жжетъ немилосердно отъ самаго восхода и до заката, накаляя почву до 62,5° Ц., а температура воздуха въ тѣни около полудня не менѣе 35° Ц. Напрасно несчастные путешественники, ища прохлады хотя бы на бивуакѣ, поливали полъ внутри палатки водою, а снаружи обкладывались смоченными войлоками: обѣ эти мѣры были дѣйствительны на самый короткій срокъ, такъ какъ влага почти моментально испарялась въ раскаленную чрезвычайно сухую атмосферу. Даже и ночью не было прохлады. При такихъ условіяхъ дневныя хожденія были слишкомъ изнурительны какъ для

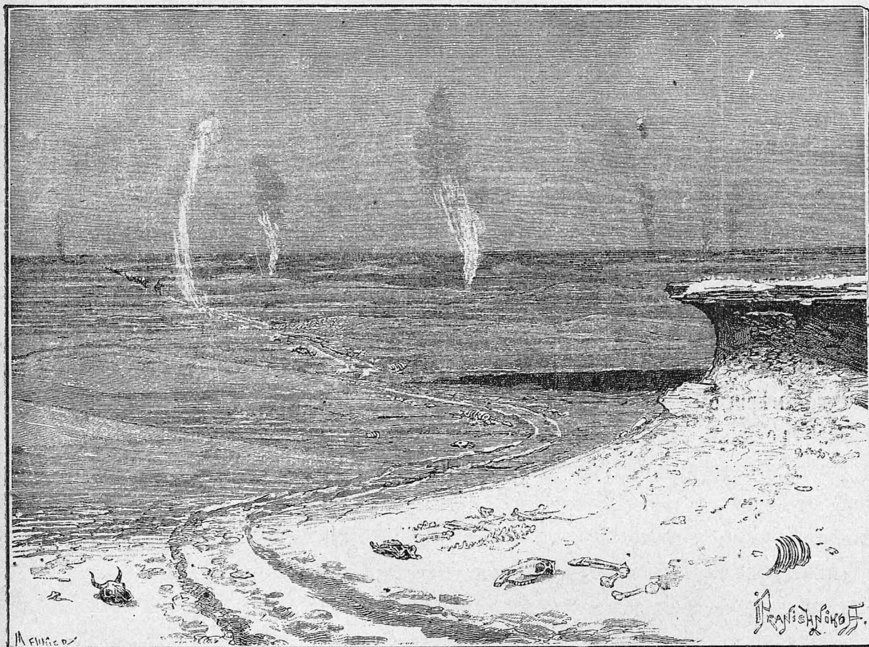

Хамійская пустыня около оазиса Са-чжоу.

людей, такъ и для животныхъ, а потому большую часть дневнаго перехода старались совершить или раннимъ утромъ или ночью. Обыкновенно путники вставали около полуночи и выступали около двухъ часовъ утра, а часамъ къ девяти уже приходили на слѣдующую станцію.

До восхода солнца, конечно, дѣлать съемку было невозможно, и Николай Михайловичъ старался по возможности наносить въ это время хотя приблизительно направленіе пути, оріентируясь по звѣздамъ.

На съемочной картѣ, такимъ образомъ, ежедневно получались небольшіе пробѣлы, и они были причиною того, что на изданной по окончаніи этого путешествія отчетной картѣ оазисъ Са-чжоу оказался отнесеннымъ слишкомъ далеко на западъ—верстъ на 40—50, какъ это впослѣдствіи выяснилось.

Хамійская пустыня около оазиса Са-чжоу.

На очень большихъ безводныхъ переходахъ выступали съ вечера, чтобы сдѣлать до полуночи около половины пути, а затѣмъ, отдохнувъ часа два, снова продолжали путь. Такіе двойные переходы были очень изнурительны, въ особенности памятенъ остался одинъ изъ нихъ, между станціями Янъ-дунъ и Ку-фи. Здѣсь на разстояніи 52 верстъ нѣтъ ни одной капли воды, не встрѣчается ни былинки растенія.

«Мы тронулись съ мѣста, разсказываетъ Николай Михайловичъ, въ 8 час. вечера, лишь только закатилось солнце. Несмотря на наступающіе сумерки термометръ показывалъ 32,5° Ц.; дулъ сильный восточный вѣтеръ, который, однако, не приносилъ прохлады, наоборотъ, взбалтывая нижній, раскаленный днемъ, слой воздуха, дѣлалъ атмосферу удушливою.

«Сначала всѣ шли довольно бойко. Въ караванѣ слышались разговоры и смѣхъ... Наступившая темнота прикрыла безотрадный видъ мѣстности; вѣтеръ разогналъ пыль, висѣвшую днемъ въ воздухѣ, и на безоблачномъ небѣ замѣчались милліоны звѣздъ, ярко блестѣвшихъ въ сухой, прозрачной атмосферѣ. По торно набитой колеѣ дороги *) моя верховая лошадь шла, не нуждаясь въ поводьяхъ; можно было вдоволь смотрѣть вверхъ на чудныя звѣзды, которыя, мерцая и искрясь, густо унизывали весь небосклонъ.

«Часа черезъ три по выходѣ, караванъ уже молча шелъ въ темнотѣ. Не слышно было ни крика верблюдовъ, ни говора казаковъ: раздавались только тяжелые, мѣрные шаги вьючныхъ животныхъ. Всѣ устали, хотятъ отдохнуть, но переходъ великъ—необходимо сдѣлать еще десятокъ верстъ.

Чѣмъ ближе къ полуночи, тѣмъ больше начинаетъ одолѣвать дремота; тогда слѣзешь съ коня и идешь пѣшкомъ или понюхаешь взятой у казака махорки.

Чаще и чаще зажигаются спички, чтобы взглянуть на часы и узнать, скоро-ли придетъ желаемая минута остановки...

Наконецъ пора. Караванъ сворачиваетъ на сотню шаговъ въ сторону отъ дороги и останавливается».

Въ нѣсколько минутъ все готово: верблюды развьючены лошади привязаны... всѣ дѣлается быстро, каждый дорожитъ минутой покоя. Черезъ полчаса по приходѣ все уже спитъ. Пройдетъ часа два—чуть свѣтъ снова надо вставать и выступать въ трудный путь.

Часовъ около десяти утра добрались, наконецъ, до станціи Ку-фи, гдѣ къ величайшему неудовольствію увидѣли большое скопленіе проѣзжихъ китайцевъ, дожидавшихся ночи для выступленія на слѣдующую станцію.

Колодцевъ было всего три или четыре съ плохою солоноватою водою, но и той на всѣхъ не хватило, и, еще подъѣзжая къ станціи, наши путешественники

*) Дорога изъ Хами въ Ань-си и въ Са-чжоу колесная.

были свидѣтелями отчаянной ссоры, а затѣмъ и нешуточной драки, во время которой трое были серьезно ранены. Все это происходило изъ-за воды для животныхъ.

Въ данномъ случаѣ китайскій офицеръ, сопровождавшій караванъ, оказался дѣйствительно полезнымъ, и благодаря его авторитету наши путешественники безпрепятственно напоили верблюдовъ и лошадей и набрали воды для собственнаго употребленія. По протекціи все того же офицера удалось также купить за 3 рубля 1 пудъ сухого тростника для лошадей.

Отъ станціи Ку-фи дорога раздѣляется: одна вѣтвь идетъ на Ань-си, а другая на Са-чжу, на которую и свернулъ караванъ экспедиціи.

Пройдя еще пять дней въ южномъ направленіи путешественники съ радостью увидѣли вдали совершенно отчетливо вырисовывавшійся на горизонтѣ громадный хребетъ Нань-шань, сверкающій своими вѣчными снѣгами.

Нань-шань составляетъ сѣверную ограду Тибетскаго нагорья и понятно, съ какою неописуемою радостью наши путешественники увидѣли эти горы, такъ какъ это предвѣщало уже скорое окончаніе страшной Хамійской пустыни.

Эта послѣдняя сильно дала себя чувствовать нестерпимыми жарами, постоянными усиленными переходами, дурною водою—все это до крайности истомило какъ самихъ путешественниковъ, такъ и караванныхъ животныхъ.

Замѣчательно, что трудности, которыя пришлось путникамъ вынести въ этой пустынѣ, между прочимъ, отозвались весьма оригинально на организмѣ ихъ: у всѣхъ необыкновенно сильно начали расти волосы на головѣ и на лицѣ, а у молодыхъ казаковъ вдругъ появились усы и борода.

Никакихъ особенныхъ приключеній во все время перехода по пустынѣ не было. Только одинъ разъ, когда уже караванъ расположился бивуакомъ, внезапно налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что одну половину палатки мгновенно разорвало въ клочки, а желѣзные колышки (шороны), которые вбиваются въ землю для прикрѣпленія, вырвало, и они словно пули пронизали противоположную, уцѣлѣвшую полу палатки. По счастью въ это время въ ней никого не было.

На слѣдующій день дорога пересѣкла высохшее русло рѣки Булюнцзира, вытекающей съ Нань-Шаня.

Начиная отъ этой рѣки, мѣстность постепенно теряетъ свой дикій характеръ, вмѣсто гальки появилась солонцоватая лессовая глина, покрытая хотя и бѣдною растительностью, но все же не совершенно оголенная, какъ только что пройденная пустыня.

Еще переходъ въ 20 верстъ и путешественники достигнули китайской деревни Маджэнъ-тэнъ, караванъ вступилъ на территорію оазиса Са-чжоу.

Но, словно на закуску, оставленная назади пустыня еще разъ напоминала о себѣ. Лишь только путешественники расположились бивуакомъ на окраинѣ оазиса, какъ поднялась страшная буря. Тучи соленой пыли и мелкаго песка вскорѣ наполнили воздухъ и густою пеленою заслоняли солнце; черезъ нѣсколько времени стало уже почти темно, словно въ сумерки. Бѣшенные порывы вѣтра

пригибали чуть не до земли молодыя деревья, а болѣе старыя ежеминутно грозили вырвать съ корнемъ.

Между тѣмъ жара не уменьшалась и термометръ все еще показывалъ 34,7°. Задыхаясь отъ духоты и пыли, обливаясь потомъ и безпрестанно обсыпаемые новыми облаками соленой пыли, несчастные путешественники не знали, какъ облегчить свои страданія, а буря все не унималась и продолжалась до самой ночи...

Къ утру собрался дождь, очистивъ атмосферу отъ пыли и освѣжилъ ее. Затѣмъ цѣлый день съ небольшими перерывами благодѣтельный дождь продолжался, и въ полдень температура спустилась до + 13,8°. Въ первый разъ еще по выходѣ изъ Тянь-шаня путники наслаждались прохладой и на радостяхъ устроили дневку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ Са-чжоу до Цайдама.

Обычный порядокъ экспедиціонной жизни.—Оазисъ Са-чжоу.—Бивуакъ за городомъ.—Нелюбезный пріемъ.—Жалоба въ Пекинъ и ея послѣдствія.—Отказъ въ проводникахъ.—Закупка продовольствія.—Хитрость Н. М. и планы на будущее.— Выступленіе.—Святыя пещеры.—Тѣснины въ долинѣ р. Данъ-хэ.—Изгнаніе проводниковъ.—Разъѣзды.—Счастливая встрѣча съ монголами.—Прекрасная стоянка у ключа «благодатнаго».—Разоблаченія закулисной политики китайскихъ властей.—Открытіе хребтовъ Риттера и Гумбольдта.—Стоянка въ равнинѣ Сыртынъ.—Приключеніе съ унтеръ-офиц. Егоровымъ.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшемъ движеніи экспедиціи, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе, чтобы познакомить читателя съ обыденною дорожною жизнью нашихъ путешествениковъ.

Умудренный опытомъ предыдущихъ своихъ странствованій, Николай Михайловичъ считалъ *порядокъ* во всемъ весьма важнымъ факторомъ успѣха экспедиціи. Въ виду этого, не только всѣ научныя наблюденія и занятія велись по разъ на всегда опредѣленному, зрѣло обдуманному плану, но даже и въ обыденной бивуачной жизни и въ хожденіи каравана практиковались постоянно одни и тѣ же обычные пріемы. Этому способствовало впрочемъ и общее однообразіе природы Центральной Азіи, гдѣ сосредоточена была дѣятельность Пржевальскаго.

«Какъ ни разнообразна, повидимому, ежедневно почти измѣняющаяся обстановка путешественника во время его движенія съ караваномъ, говоритъ по этому поводу Николай Михайловичъ, но все таки, не смотря на частую новизну въ томъ или другомъ отношеніи, на постоянную смѣну внѣшнихъ впечатлѣній, общее, внутреннее, такъ сказать, теченіе жизни принимаетъ однообразный характеръ. Почти одинаково проводили мы свои дни, какъ въ Чжунгарской пустынѣ, такъ и близъ ледниковъ Нанъ-шаня, на высокомъ плоскогоріи Тибета, на берегахъ

Куку-нора или Желтой рѣки и въ пескахъ Ала-шаня. Разница, если случалась, то только въ мелочахъ» *).

Наиболѣе типичнымъ ландшафтомъ Средней Азіи безусловно является пустыня или степь, и потому пусть читатель перенесется мысленно въ средне-азіатскую дикую пустыню и прослѣдитъ за отважными путешественниками въ теченіи сутокъ, чтобы получить болѣе или менѣе полное представленіе объ обычномъ ходѣ ихъ походной жизни.

...Ночь. Караванъ пріютился возлѣ небольшаго ключа. Двѣ парусинныя палатки стоятъ не вдалекѣ другъ отъ друга; между ними помѣщаются вьюки, наваленные безпорядочною кучею, а возлѣ нихъ по парно спятъ казаки... Впереди уложены верблюды и привязана кучка барановъ, нѣсколько въ сторонѣ наарканены верховыя лошади. Кругомъ царствуетъ полная тишина. Только изрѣдка

Бивуакъ Пржевальскаго въ пустынѣ раннимъ утромъ.

всхрапнетъ лошадь, тяжело вздохнетъ изнуренный верблюдъ или послышится бредъ соннаго человѣка.

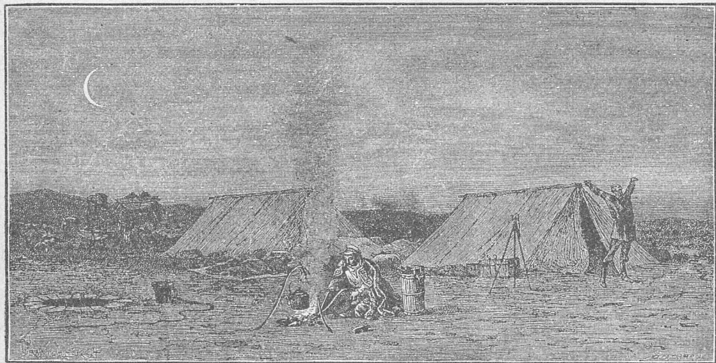
Въ прозрачной сухой атмосферѣ, словно алмазы, ярко горятъ безчисленныя звѣзды... Кругомъ на громадное пространство во всѣ стороны раскинулась необъятная, дикая и безжизненная пустыня. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ тамъ торжественной ночной тишины, словно въ этихъ сыпучихъ пескахъ, покрывающихъ собою безграничныя равнины, нѣтъ ни одного живаго существа...

Но вотъ на восточной окраинѣ горизонта начали показываться первые признаки приближающагося разсвѣта.

Встаетъ дежурный казакъ и прежде всего вѣшаетъ въ сторонѣ на желѣзномъ треножникѣ термометръ; затѣмъ онъ разводитъ огонь, раздувая съ помощью мѣха слабо тлѣющій аргалъ и надъ огнемъ вѣшаетъ на треножникѣ чайникъ.

Лишь только поспѣлъ чай, просыпаются и всѣ остальные, поспѣшно вска-

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 52.

Бивуакъ Пржевальскаго въ пустынѣ раннимъ утромъ.

кивають и наскоро одѣваются. Въ прохладной утренней атмосферѣ сначала не много пробираетъ дрожь, и чашка горячаго чая проглатывается съ большимъ наслажденіемъ.

Настоящаго завтрака утромъ не полагается и только съ чаемъ завариваетcя дзамба, которою наѣдаются съ большимъ аппетитомъ, зная, что ѣда предстоитъ уже на слѣдующемъ бивуакѣ.

Но что осталось отъ вчерашней трапезы: кусокъ вареной баранины или какая-нибудь лепешка, тщательно прячется въ карманъ на дорогу.

Начинается уборка разбросанныхъ вещей, укладка ихъ въ надлежащіе вьюки, сѣдлаются верблюды и лошади. Наконецъ всѣ ящики уложены, постели собраны, все помѣщавшееся въ палаткахъ, вынесено вонъ и самыя палатки снимаются, укладываются въ войлочные футляры и навьючиваются на верблюдовъ. Половина верблюдовъ уже готовы къ выступленію, остальные навьючиваются еще скорѣе, такъ какъ теперь уже и офицеры, не исключая и самаго Николая Михайловича, покончивъ свои спеціальныя работы, принимаются помогать казакамъ.

«Готово», восклицаетъ кто-нибудь, лишь только послѣдній вьюкъ надлежаще утвержденъ на спинѣ верблюда.

Всѣ идутъ тогда за своими ружьями, отложенными пока въ сторону, надѣваютъ на себя всѣ боевыя принадлежности, а казаки раскуриваютъ у потухающаго костра свои трубки и спѣшатъ взобраться при взаимной помощи на высокія сѣдла верховыхъ верблюдовъ. Вотъ ужъ и офицеры вскочили на своихъ лошадей, караванъ выстраивается эшелонами, какъ указано, и трогается въ путь.

Выступленіе это совершается обыкновенно при восходѣ солнца.

Средній дневной переходъ составляетъ 25 верстъ: иногда больше, иногда меньше. На обычнаго вида пустынной равнинѣ верблюдъ съ грузомъ въ 10 пудовъ идетъ со среднею скоростью $4^1/_2$ верстъ въ часъ.

Но если принять во вниманіе частыя остановки, чтобы поправить искривившійся или сбившійся на бокъ вьюкъ, привязать оторвавшагося верблюда, промедленія на какомъ-нибудь неудобномъ спускѣ или подъемѣ, переправы черезъ встрѣчающіеся на пути овраги и т. п.—то въ общемъ окажется, что для прохожденія положенной средней нормы по большей части требуется 6—7 часовъ.

Рѣдко кто въ состояніи высидѣть на сѣдлѣ все это время и потому постоянно, то тотъ то другой соскакиваетъ на землю, чтобы размять затекшія ноги. При томъ же у всѣхъ постоянно находится какое-нибудь дѣло: у казаковъ по надзору за вьючными верблюдами, а у Николая Михайловича и его помощниковъ различныя научныя изслѣдованія. Уже одно производство съемки заставляетъ перваго постоянно слѣзать съ лошади, чтобы дѣлать засѣчки буссолью болѣе важныхъ пунктовъ, встрѣчающихся на пути.

Дорогою также собираются для коллекцій попадающіяся растенія, ловятся ящерицы, змѣи, бабочки и т. п., а также не упускаютъ случая пустить зарядъ въ пролетающую птицу, пробѣгающаго звѣрька.

Но все это дѣлается мимоходомъ, такъ какъ замедлять движеніе каравана нельзя. Лишь изрѣдка тотъ или другой изъ рьяныхъ охотниковъ увлекшись пуститься вскачь далеко въ сторону за какою-нибудь раненой антилопой, а въ случаѣ внезапной встрѣчи съ цѣлымъ стадомъ такихъ звѣрей, въ нихъ летитъ цѣлый залпъ изъ всѣхъ наличныхъ берданокъ.

Первый десятокъ верстъ всегда проходитъ какъ-то незамѣтно; но на второмъ десяткѣ чувствуется уже усталость, тѣмъ болѣе, что къ этому времени наступаетъ уже невыносимая жара или подымается буря.

Разговоры въ караванѣ понемногу смолкаютъ, даже верблюды и лошади идутъ какъ-то апатичнѣе и лѣнивѣе. Все чаще и чаще повторяются разспросы проводника: «далеко-ли до мѣста остановки...»

Но вотъ наконецъ показывается вдали желанное мѣсто: колодезь или ключь, возлѣ котораго иногда замѣчается монгольское стадо, и надежда на близкій отдыхъ словно придаетъ силъ животнымъ и людямъ. Оживляется тогда караванъ: быстрѣе идутъ верблюды, вскачь бѣгутъ собаки къ водопою, рысью устремляется впередъ начальникъ, чтобы выбрать мѣсто для бивуака.

Въ дикой пустынѣ собственно и выбирать-то не изъ чего, вездѣ одно и тоже; смотритъ онъ только, чтобы мѣсто не было слишкомъ завалено каменными обломками, да не слишкомъ загрязнено скотомъ, и чтобы по близости былъ хоть какой-нибудь кормъ для наарканенныхъ на ночь лошадей.

Пока производится эта рекогносцировка, подходитъ и весь караванъ. Вьючныхъ верблюдовъ укладываютъ рядами и быстро развьючиваютъ, а затѣмъ отводятъ въ сторону и связываютъ попарно, чтобы передъ покормкою и пойломъ дать «выстояться» часа полтора или два. Точно также поступаютъ и съ разсѣдланными лошадьми.

Послѣ этого приступаютъ къ установкѣ палатокъ, которыя обыкновенно прикрываются на солнечной сторонѣ еще войлоками, а съ противоположной стороны полы подымаются, чтобы продувалъ вѣтерокъ.

Палатки двѣ—одна для казаковъ, другая для офицеровъ, къ которымъ причисляется также и препараторъ Коломейцевъ.

Въ офицерскую палатку вносятся ружья, постель и два ящика съ книгами, письменными принадлежностями, инструментами и другими болѣе цѣнными и необходимыми вещами.

Все это раскладывается по разъ навсегда опредѣленному порядку: постельные войлоки разстилаются посрединѣ между двумя столбами, поддерживающими палатку; къ задней изъ этихъ стоекъ, гдѣ изголовье, складываются подушки и одѣяла. По другую же сторону той же самой стойки, т. е. въ самой задней половинѣ палатки, на разостланномъ войлокѣ укладывается оружіе, патронташи, охотничья сумки, вынутые дневники и прочія мелочи. Здѣсь же обыкновенно раскладываются для просушки препарированныя птицы; растенія же для гербарія сушатся на солнечномъ припекѣ внѣ палатки, на разостланномъ войлокѣ.

Въ казачью палатку точно также вносится оружіе, постели и прочія принадлежности ихъ обихода. Впрочемъ въ лѣтнее время казаки всегда предпочитали спать на открытомъ воздухѣ.

Пока производится вся эта процедура устройства бивуака, очередной поваръ разводитъ огонь и варитъ чай.

«Едва-ли, говоритъ Николай Михайловичъ *), какой-либо гастрономъ ѣстъ съ такимъ аппетитомъ различныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы принимались теперь за питье кирпичнаго чая и за ѣду дзамбы съ масломъ, а за неимѣніемъ его—съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растоплено, издаетъ противный запахъ сальныхъ свѣчей, но путешественнику въ азіатскихъ пустыняхъ необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ, даже при большихъ матеріальныхъ средствахъ, здѣсь невозможенъ: никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды пустыни на прѣсную, не уберегутъ отъ жаровъ, морозовъ и пыльныхъ бурь, а иногда и отъ паразитовъ.

Въ самомъ себѣ долженъ искать путешественникъ силъ для борьбы со всѣми этими невзгодами, а не стараться избавиться отъ нихъ разными палліативными мѣрами!

Во время чаепитія, замѣняющаго завтракъ, обыкновенно являются на бивуакъ окрестные монголы и въ короткое время сводятъ дружбу съ казаками, которые почти всѣ (забайкальскіе) отлично говорятъ по-монгольски и до тонкости изучили всѣ обычаи и характеръ этихъ номадовъ.

Если такихъ гостей являлось немного, то это нисколько не мѣшало обычнымъ порядкамъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда по близости находилось становище монголовъ, то любопытные пріѣзжали цѣлыми толпами и невыносимо надоѣдали путешественникамъ своею безцеремонною назойливостью, такъ что нерѣдко доходило и до того, что силою выпроваживали отъ себя такихъ гостей, или «зрителей», какъ ихъ обыкновенно называли, потому что на вопросъ: «зачѣмъ пришли», они обыкновенно отвѣчали: «смотрѣть на васъ».

Напившись чаю и утоливъ голодъ, всѣ члены экспедиціи принимались за работу.

Николай Михайловичъ обыкновенно садился передъ большимъ ящикомъ, служившимъ письменнымъ столомъ, а сидѣньемъ—подушки или другой ящикъ, поменьше, и первымъ дѣломъ переносилъ на чистый планшетъ результатъ дневной съемки, матеріалы для чего у него занесены были въ маленькую тетрадочку, служившую записной книжкой. Такая тетрадочка сшивалась изъ одного листа писчей бумаги и подъ вечеръ она обыкновенно вся заполнялась различными замѣтками. Затѣмъ на свѣжую память пишется дневникъ.

Въ это же время заняты и другіе, каждый своимъ дѣломъ: Роборовскій

*) Тамъ-же, стр. 55.

рисуетъ, Эклонъ и Коломейцевъ препарируютъ животныхъ, убитыхъ во время пути. Изъ казаковъ одни идутъ собирать аргалъ, другіе потрошатъ и обдираютъ зарѣзаннаго барана, наконецъ, очередные пастухи возятся около караванныхъ животныхъ, поятъ ихъ и съ винтовками за плечами угоняютъ на покормку. Кто успѣваетъ окончить свою работу, тотъ отдыхаетъ до обѣда, даже заснетъ, если не слишкомъ жарко.

Наконецъ готовъ обѣдъ. Онъ всегда почти одинъ и тотъ же: супъ изъ баранины съ рисомъ или просомъ, изрѣдка съ китайскою финтяузою или гуамяномъ. Иногда казакъ-поваръ, желая устроить сюрпризъ, смастеритъ лапшу изъ пшеничной муки или напечетъ въ золѣ лепешекъ, а на дневкахъ искусникъ такого рода ухитряется изготовить даже пирожки или сварить «на третье» рисовую кашу. Послѣ удачной охоты жарится дичь, а иногда, впрочемъ рѣдко, подавалась и уха изъ наловленной рыбы. Конечно, такіе случаи разнообразія въ столѣ выпадали преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, а не въ пустынѣ. Но все-таки основной пищей являлась незамѣнимая баранина.

«Ну, и поѣдали же мы этой баранины во время путешествія!—говоритъ Николай Михайловичъ *).—Каждый день уничтожался цѣлый баранъ, который даетъ среднимъ числомъ полтора пуда мяса. Нерѣдко къ такому барану еще дѣлались приложенія въ видѣ застрѣленныхъ фазановъ, утокъ, гусей или куропатокъ... Теперь мнѣ самому не вѣрится, какъ могъ быть у насъ такой волчій аппетитъ».

Когда обѣдъ готовъ, то въ офицерскую палатку приносится часть супа и мяса и здѣсь, за импровизированнымъ столомъ, на разостланныхъ войлокахъ, по восточному обычаю, или устроивши себѣ какое-нибудь нехитрое сидѣнье, усаживаются начальникъ, оба его помощника и препараторъ Коломейцевъ. Всѣ остальные обѣдаютъ «на кухнѣ», т. е. возлѣ костра, на которомъ готовился обѣдъ.

Нерѣдко къ нимъ пристраивается какой-нибудь изъ посѣтителей монголовъ, которые никогда не прочь полакомиться на чужой счетъ кускомъ жирной баранины.

Впрочемъ, такое угощеніе обыкновенно обходилось ему не совсѣмъ даромъ. Смотришь—монголъ уже таскаетъ воду, отправленъ для сбора аргала или пригнать отбившагося слишкомъ далеко отъ бивуака верблюда.

Обѣдъ всегда запивали чаемъ, а затѣмъ каждый снова принимался за какую-нибудь работу, а офицеры отправлялись на охотничью экскурсію.

Если по близости стоянки водились какіе-нибудь звѣри, то на охоту снаряжались и казаки, которые отправлялись съ большимъ удовольствіемъ и, чтобы никому не было обидно, наблюдали между собою очередь.

Съ охоты возвращались обыкновенно уже передъ закатомъ солнца и по большей части послѣ этого всѣмъ снова находилось дѣло, такъ какъ возвращались съ экскурсіи не съ пустыми руками.

*) Тамъ же, стр. 57.

Между тѣмъ наступаютъ сумерки. Караванныхъ животныхъ пригоняютъ къ стоянкѣ и поятъ; затѣмъ лошадей привязываютъ на длинныхъ арканахъ нѣсколько въ сторонѣ отъ палатокъ, а верблюдовъ сѣдлаютъ, укладываютъ въ два ряда, мордами другъ къ другу, и привязываютъ ихъ бурундуками *) къ одной общей веревкѣ.

Поваръ снова разводитъ огонь и варитъ чай, который служитъ ужиномъ вмѣстѣ съ дзамбою и остатками отъ обѣда; иногда же, при удачной охотѣ, теперь снова зажаривается какая-нибудь дичина.

Поболтавъ затѣмъ нѣсколько времени у огня въ кругу казаковъ, въ ожиданіи показанія вывѣшеннаго термометра, офицеры и всѣ остальные расходятся.

Наконецъ въ офицерской палаткѣ зажигается стеариновая свѣча, при свѣтѣ которой записываются наблюденія дня въ метеорологическій журналъ и добавочныя замѣтки въ дневникъ, а затѣмъ всѣ укладываются спать, и свѣча немедленно-же гасится изъ экономіи; такимъ образомъ одной свѣчи хватало на недѣлю.

Казаки лѣтомъ всегда укладывались на открытомъ воздухѣ и при томъ обыкновенно по-парно: лѣтомъ, чтобы съэкономить одинъ войлокъ на болѣе толстую подстилку, а зимою, чтобы было теплѣе.

На каждую ночь наряжался одинъ дежурный казакъ, который хотя и ложился спать, но не раздѣваясь; на его обязанности лежало по временамъ вставать и осматривать весь бивуакъ; кромѣ того онъ вставалъ утромъ раньше всѣхъ и варилъ чай. А въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ можно было опасаться воровъ или ожидать какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій со стороны мѣстныхъ жителей— читатель далѣе увидитъ, что нашимъ путешественникамъ приходилось бывать въ большихъ опасностяхъ и до нѣкоторой степени вести даже правильныя военныя дѣйствія—въ такихъ случаяхъ ночью казаки поочереди держали правильный караулъ въ двѣ или три смѣны, смотря по состоянію погоды и времени года.

«Но всегда, прибавляетъ Николай Михайловичъ, въ теченіе всей экспедиціи (какъ и во всѣхъ другихъ путешествіяхъ, прибавимъ мы отъ себя) мы и казаки спали, имѣя возлѣ себя оружіе. Такъ мною было заведено съ самаго начала путешествія по пословицѣ «береженаго и Богъ бережетъ». Мы же въ большей части случаевъ не могли разсчитывать на доброжелательство мѣстнаго населенія».

Когда всѣ улягутся, нѣсколько времени слышатся еще разговоры и смѣхъ; но мало-по-малу все стихаетъ и черезъ полчаса всѣ уже спятъ крѣпкимъ сномъ, намаявшись за день.

На дневкахъ описанный порядокъ дня нѣсколько измѣнялся.

Тогда все приноравливалось къ научнымъ работамъ и соотвѣтственно съ этимъ распредѣлялся и день. Вставши съ разсвѣтомъ и напившись чаю, офицеры, а иногда и нѣкоторые изъ казаковъ, немедленно отправлялись въ экс-

*) Бурундукомъ называется тоненькая веревочка, привязанная къ палочкѣ продѣтой сквозь ноздри верблюда. Такая веревочка служитъ поводомъ.

курсію. Около полудня обыкновенно обѣдали и нѣсколько отдохнувъ, принимались за обычныя научныя работы, а казаки въ такихъ случаяхъ занимались починкою одежды и ея стиркою, чинили обувь, сбрую, подковывали лошадей или подшивали протершіяся пятки верблюдовъ *).

На дневкахъ обыкновенно окончательно укладывались въ ящики препарированныя животныя и высушенныя растенія, писались спеціальныя замѣтки и вообще очищались всѣ накопившіяся научныя работы.

Описанный порядокъ относится къ лѣтнему времени. Зимою, конечно, измѣнялись нѣкоторыя частности, но въ общемъ порядокъ дня оставался тотъ же самый.

Вернемся теперь къ нашимъ путешественникамъ.

Оазисъ Са-чжоу или Дунъ-Хуанъ, куда вступила экспедиція, пройдя страшную Хамійскую пустыню, лежитъ у подошвы хребта Нанъ-Шань, съ котораго сбѣгаетъ быстрая горная рѣчка Данъ-хэ; она вся разводится по арыкамъ и не выходитъ изъ предѣловъ оазиса.

Площадь его значительно болѣе Хамійскаго и занимаетъ около 450 кв. верстъ; все это пространство очень густо заселено китайцами, фанзы которыхъ тонутъ въ фруктовыхъ садахъ и красивыхъ тѣнистыхъ рощахъ.

Въ пространствахъ между отдѣльными фанзами помѣщаются тщательно обработанныя поля, раздѣленныя на правильныя квадратныя площадки, окруженныя орошающими арыками, по берегамъ которыхъ засажены деревья. На поляхъ въ изобиліи зрѣютъ всевозможныя хлѣба, а возлѣ самыхъ фанзъ обыкновенно устроены миніатюрные, но прекрасно воздѣланные огороды.

«Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ, оазисъ Са-чжоу, послѣ Илійскаго края, самый плодородный изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Центральной Азіи; притомъ обиліе деревьевъ придаетъ мѣстности чрезвычайно красивый видъ».

Что касается флоры и фауны оазиса, то здѣсь весьма мало разнообразія. Изъ звѣрей встрѣчаются только волки, лисицы и антилопы хара-сульты, которыя забѣгаютъ сюда изъ пустыни, причемъ послѣднія нерѣдко наносятъ большой вредъ китайскимъ полямъ.

Населеніе оазиса состоитъ исключительно изъ китайцевъ, которые ни по внѣшнему виду, ни по языку нисколько не отличаются отъ всѣхъ другихъ своихъ собратій, живущихъ въ Хами, Гучени, Кульджѣ и въ другихъ средне-азіатскихъ оазисахъ.

Какъ читатель могъ уже неоднократно замѣтить, Николай Михайловичъ очень недолюбливалъ китайцевъ и постоянно склоненъ былъ въ нихъ замѣчать преимущественно дурныя стороны.

Такъ, о са-чжоуцахъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Городскіе

*) Верблюдъ не имѣетъ копытъ и при хожденіи по твердой каменистой или усыпанной щебнемъ мѣстности, у него очень часто изнашиваются подошвы—„пятки“. Въ такихъ случаяхъ монголы подшиваютъ на потертое мѣсто куски кожи.

жители имѣютъ большею частью истасканныя, противныя физіономіи; деревенское населеніе выглядитъ лучше и здоровѣе. Но у тѣхъ и у другихъ одинаково нерѣдки накожныя болѣзни» *).

Самъ городъ Са-чжоу больше Хами; снаружи по обыкновенію обнесенъ глиняною зубчатою стѣною, а внутри, какъ и всѣ китайскіе города, состоитъ изъ тѣсно скученныхъ глиняныхъ фанзъ, съ тѣсными грязными улицами.

Николай Михайловичъ рѣшительно отклонилъ предложеніе мѣстныхъ властей помѣститься на квартирахъ въ самомъ городѣ и расположился бивуакомъ въ шести верстахъ отъ города, на берегу небольшого рукава Данъ-хэ, возлѣ котораго раскинулся прекрасный солонцеватый лужокъ, представляющій отличное пастбище для верблюдовъ.

Встрѣча со стороны властей была гораздо менѣе любезная, чѣмъ въ Хами, и Николай Михайловичъ даже не дѣлалъ здѣсь визита губернатору.

На первыхъ порахъ этотъ послѣдній рѣшительно отказался дать проводниковъ не только въ Тибетъ, но даже въ сосѣднія горы, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ туда дорогу.

При этомъ были пущены въ ходъ обычныя застращиванія и отговоры: разсказывали о разбойникахъ тангутахъ, о непроходимыхъ безводныхъ мѣстностяхъ, о страшныхъ холодахъ на горахъ и т. п.

Николай Михайловичъ, для котораго было совершенно ясно, что все это не болѣе, какъ хитрыя уловки, объявилъ, что если ему не дадутъ проводниковъ, то онъ пойдетъ и безъ нихъ, но будетъ жаловаться въ Пекинѣ, и дѣйствительно отправилъ письмо съ изложеніемъ обстоятельствъ къ посланнику Каяндеру **).

Впрочемъ, самъ Пржевальскій не думалъ, чтобы вышелъ какой-нибудь толкъ изъ этой жалобы, но дѣлалъ свою угрозу, какъ говорится, лишь «для очищенія совѣсти».

И дѣйствительно, когда Каяндеръ сдѣлалъ по этому поводу представленіе Цзунъ-ли-Ямыну, то министры прямо заявили ему, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, дорогъ отъ Са-чжоу къ югу нѣтъ и дать проводниковъ невозможно, потому что тамъ *«нѣтъ человѣческихъ слѣдовъ и некуда вести»*. При этомъ они попрежнему утверждали, что на пути въ Тибетъ нѣтъ сторожевыхъ китайскихъ постовъ, а живутъ лишь дикіе тангуты, не признающіе ничьей власти, и кромѣ того на этомъ пути встрѣтятся непреодолимыя препятствія природы.

Въ виду всего этого совѣтники Богдохана поручили русскому представителю уговорить Пржевальскаго не ходить на Куку-норъ и дальше въ Тибетъ и вообще убѣдить его относиться ко всему съ усиленною осторожностью, въ предупрежденіе какихъ-либо непріятностей отъ опрометчивости.

Въ отвѣтъ на это г. Каяндеръ обратилъ вниманіе сановниковъ Срединнаго

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ.
**) 19-го іюня 1879 года.

государства на слѣдующіе четыре его возраженія: *) 1) что существованіе пути отъ Куку-нора въ Тибетъ удостовѣрено собраніемъ узаконеній настоящей династіи; 2) что по этому пути проходитъ все караванное движеніе между Монголіей и Тибетомъ; 3) что самъ Пржевальскій въ концѣ 1872 и въ началѣ 1873 гг. прошелъ болѣе половины этого пути и при томъ въ то время, когда въ прилежащихъ областяхъ Западнаго Китая свирѣпствовало магометанское возстаніе, тогда какъ теперь край пользуется полнѣйшимъ спокойствіемъ и, наконецъ, 4) что всѣ мѣстности, лежащія между г. Саниномъ и Лхассою, состоятъ въ вѣдѣніи китайскихъ чиновниковъ: Куку-норъ—въ вѣдѣніи пекинскаго губернатора, а Цайдамъ и Сѣверный Тибетъ—подвѣдомственъ китайскому резиденту въ Лхассѣ.

«Всѣ эти соображенія, прибавлялъ г. Каяндеръ, заставляютъ меня предполагать, что экспедиція г. Пржевальскаго, которая снаряжена такимъ образомъ, что она, въ случаѣ нужды, можетъ проходить по пустыннымъ мѣстамъ безъ какой бы то ни было зависимости отъ мѣстнаго населенія, легко можетъ пройти въ Лхассу сѣвернымъ путемъ.

«Поэтому, при условіи, что власти почтеннаго государства, по словамъ сановниковъ, сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, для облегченія путешествія г. Пржевальскаго, можно смѣло надѣяться, что экспедиція успѣшно достигнетъ предположенной ею цѣли, не встрѣтивъ на пути никакихъ непріятныхъ нечаянностей».

Указывая далѣе на то, что экспедиція преслѣдуетъ исключительно научныя цѣли, русскій уполномоченный обращалъ вниманіе сановниковъ на то, что изученіе малоизвѣстныхъ мѣстностей и ихъ природы, можетъ принести только пользу странѣ, владѣющей ими.

«Почтенное правительство, писалъ онъ, всегда сознавало эту истину и славный Богдоханъ Канъ-си въ былыя времена нарочно посылалъ иностранцевъ внутрь страны для ея изученія и опредѣленія астрономическихъ пунктовъ.

«Нашъ русскій путешественникъ г. Пржевальскій организовалъ изъ любви къ наукѣ экспедицію въ малоизвѣстныя страны. Результаты его изслѣдованій могутъ принести исключительно лишь пользу, какъ наукѣ вообще, такъ и Китаю въ особенности. Поэтому, въ интересахъ самого почтеннаго правительства, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ держаться славныхъ традицій правленія Канъ-си и по возможности облегчить трудъ Пржевальскаго. Я не сомнѣваюсь, прибавлялъ онъ въ заключеніе, что почтеннымъ министерствомъ даны китайскимъ властямъ инструкціи именно въ этомъ смыслѣ».

На дѣлѣ это, конечно, было совсѣмъ не такъ, и самъ г. Каяндеръ хорошо это зналъ, судя по всевозможнымъ увертками, къ которымъ прибѣгало китайское правительство, чтобы затормозить движеніе Пржевальскаго вглубь ревниво оберегаемыхъ ими странъ.

---

*) См. Дубровинъ, стр. 294.

Между тѣмъ, настойчивость Николая Михайловича, повидимому, возымѣла свое дѣйствіе. Са-чжоускія власти просили дать имъ время подумать и, вѣроятно, послали запросъ къ главнокомандущему Цзо-цзунъ-тану, который имѣлъ въ то время свою резиденцію въ г. Су-чжоу, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

«Приходится дѣйствовать то угрозами, то подкупомъ, писалъ въ то время Пржевальскій своему брату *). Хорошо, что насъ русскихъ 12 человѣкъ; на такую силу можно опереться въ здѣшнихъ странахъ».

Пока губернаторъ Са-чжоу такимъ образомъ «думалъ» со своими совѣтниками, какъ бы похитрѣе обойти несговорчиваго янъ-гуйзу, тотъ, не мѣшкая, дѣлалъ приготовленія къ предстоящему трудному пути и занялся закупкою продовольствія.

Продовольственный вопросъ былъ дѣйствительно самымъ важнымъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ безъ проводника и безъ позволенія китайцевъ еще можно было обойтись, но безъ запасовъ уйти въ горы и далѣе, на Тибетское пустынное нагорье, было, конечно, немыслимо.

Однако, это дѣло было не изъ легкихъ.

Николай Михайловичъ посылалъ переводчика съ однимъ или двумя казаками, которые ходили по городу и старались закупать, что нужно, но недоброжелательство населенія и властей очень сильно тормозили дѣло.

Обыкновенно, съ первыхъ же шаговъ этихъ посланцевъ въ городскія ворота, являлись «зрители». Каждый встрѣчный китаецъ, еще издали завидя чужестранца, теряетъ свое обычное хладнокровіе, начинаетъ забѣгать въ дома и поспѣшно всевозможными способами даетъ знать всѣмъ и каждому о необыкновенномъ событіи. И изъ домовъ, изъ лавокъ, изъ боковыхъ улицъ, словомъ, отовсюду сбѣгаются любопытные, быстро образуется большая толпа, въ которой толкаются, тѣснятъ другъ друга, ссорятся—лишь бы поближе взглянуть на «заморскихъ дьяволовъ». Еще черезъ нѣсколько минутъ эта толпа разростается до того, что запруживаетъ улицу и вся она двигается слѣдомъ за янъ-гуйзами.

Производить закупки при такихъ условіяхъ было крайне стѣснительно. Лишь только посланцы остановятся передъ какою-нибудь лавкой и входятъ подъ навѣсъ, какъ толпа начинаетъ сплоченною стѣною тѣсниться вокругъ нихъ. Наиболѣе смѣлые при этомъ начинаютъ вести себя очень вольно: ощупываютъ платье, обувь, руки, лицо и даже снимаютъ фуражки съ головы. При этомъ, конечно, раздаются взрывы общаго смѣха и различныя остроты.

Переводчикъ Абдулъ съ своей стороны не даетъ спуску и ругаетъ нахаловъ, въ то время какъ казаки то и дѣло отмахиваютъ назойливо лѣзущихъ на нихъ китайцеръ—опять поводъ для смѣха, остротъ и ругани.

Но вотъ, наконецъ, начинается покупка.

*) Владиміру Михайловичу 19-го іюня 1879 г.

Сначала торговецъ, увлеченный всеобщимъ любопытствомъ, только смотритъ на вошедшихъ въ его лавку чужеземцевъ, вытаращивъ глаза; но потомъ онъ смекаетъ, что отъ янгуйзъ, пожалуй, можно и поживиться, почему запрашиваетъ непомѣрную цѣну. Абдулъ начинаетъ торговаться, но тутъ вмѣшиваются и многіе изъ толпы, которые ведутъ себя до такой степени назойливо, что и самъ хозяинъ лавки не радъ собравшейся толпѣ и спѣшитъ поскорѣе отдѣлаться отъ такихъ необычайныхъ покупателей, если не прельстится слишкомъ большою выгодностью такой сдѣлки.

При закупкѣ продовольствія путешественникамъ нашимъ большія услуги оказалъ китайскій офицеръ, провожавшій караванъ изъ Хами. Николай Михайловичъ посулилъ ему хорошій подарокъ и онъ произвелъ самъ почти всѣ закупки. При его помощи путешественники смололи себѣ 35 пудовъ пшеничной дзамбы, такъ какъ готовой не было въ Са-чжоу.

Вообще запасы сдѣланы были въ очень широкихъ размѣрахъ, и путешественники теперь надолго были обезпечены *).

На все это потребовалось болѣе недѣли времени, которая, однако, не прошла безполезно и для естественно историческихъ изслѣдованій.

Что же касается населенія города и окрестностей, то объ немъ собрать какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній не удалось.

Отъ путешественниковъ рѣшительно все скрывали, ихъ обманывали на каждомъ шагу; при этомъ мѣстныя власти постоянно уговаривали Пржевальскаго не ходить дальше и въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ указывали на примѣръ венгерскаго путешественника графа Зечени, который за два мѣсяца передъ тѣмъ былъ въ Са-чжоу и намѣревался точно также пробраться въ Тибетъ или на Лобъ-норъ, но въ виду встрѣтившихся непреодолимыхъ препятствій отказался отъ своей попытки.

Видя, что здѣсь проводниковъ въ Тибетъ или хотя въ Цайдамъ достать не удастся, Николай Михайловичъ рѣшился пробраться какъ-нибудь хоть на ближайшія горы, гдѣ разсчитывалъ нанять проводника, хотя бы на ближайшій путь.

Однако, до горъ добраться безъ проводника было нельзя, и потому Николай Михайловичъ пустился на хитрость. Онъ объявилъ, что желаетъ пройти только въ горы на короткое время, а затѣмъ опять вернется въ Са-чжоу и просилъ пока подыскать проводника въ Тибетъ. Сдѣлано это было въ томъ разсчетѣ, чтобы губернаторъ не распорядился послать впередъ запрещеніе давать проводника.

Повидимому, хитрость эта удалась, и губернаторъ согласился, наконецъ, дать провожатаго до ближайшихъ горъ, но, какъ оказалось, и тутъ покривилъ душою.

---

*) Куплено было кромѣ дзамбы: 8 пудовъ рису, 5 пуд. проса, 21 пудъ пшеничной муки, 10 пуд. пшеницы для корма лошадямъ, 4 пуда соли, $1^1/_2$ пуда кирпичнаго чаю, 1 пудъ китайскаго сахару, 1 пудъ файтяузы и 15 барановъ.

Раннимъ утромъ, 21-го іюня, экспедиція выступила по направленію къ Нанъ-шаню.

Въ качествѣ проводниковъ откомандированъ былъ офицеръ съ тремя солдатами.

Сдѣлавъ версты три отъ города въ восточномъ направленіи, путешественники достигли границы оазиса, которая выражена здѣсь необыкновенно рѣзко: не далѣе какъ шагахъ въ пятидесяти отъ послѣдняго зеленѣющаго поля и орошающаго его арыка, не было замѣтно уже никакой растительности и пустыня появилась во всей своей наготѣ. Кайма деревьевъ и зелени, убѣгавшая вправо и влѣво отъ пути, весьма рѣзко ограничивала тотъ благодатный островокъ, который покидали теперь наши путешественники.

Впереди же высокою стѣною стояли сыпучіе пески, а къ востоку, въ видѣ ихъ продолженія, тянулась невысокая гряда безплодныхъ горъ—передовой уступъ исполинской стѣны Нанъ-шаня. Снѣговыя группы этого хребта ярко блестѣли вдали на солнцѣ, рѣзко выдѣляясь на темно-голубомъ фонѣ неба.

«Къ этимъ горамъ мы теперь направлялись, говоритъ Николай Михайловичъ *), съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая той минуты, когда, наконецъ, подойдемъ къ самому подножью нерукотворныхъ гигантовъ. Заманчивость впереди была слишкомъ велика. Передъ нами стояли тѣ самыя горы, которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки, а къ западу мимо Лобъ-нора къ Хотану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего Тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны.

«Вспомнилось мнѣ, какъ впервые увидѣлъ я эту ограду въ іюнѣ 1872 г. изъ пустыни Ала-шаньской, а затѣмъ, четыре съ половиною года спустя, съ береговъ Нижняго Тарима. Теперь мы вступали въ средину между этими пунктами— и тѣмъ пламеннѣе желалось поскорѣе забраться въ горы, взглянуть на ихъ флору и фауну...»

Пройдя верстъ 12 отъ города Са-чжоу въ юго-восточномъ направленіи, путешественники неожиданно встрѣтили новый небольшой оазисъ: здѣсь протекалъ прекрасный, свѣтлый ручеекъ, заросшій ильмовыми деревьями. Мѣсто это весьма замѣчательное, называется Чэнъ-фу-дунъ, т. е. «тысяча пещеръ», съ различными буддійскими божествами.

Натолкнулись на это мѣсто совершенно случайно, такъ какъ ни проводники, ни кто либо изъ са-чжоускихъ знакомцевъ не обмолвились ни единымъ словомъ о столь замѣчательномъ мѣстѣ.

Разумѣется, Николай Михайловичъ остановилъ движеніе каравана и принялся за осмотръ этихъ пещеръ.

Всѣ онѣ выкопаны человѣческими руками въ громадныхъ обрывахъ наносной почвы западной стѣны ущелья и расположены неправильными рядами въ

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 100.

два этажа и между нижними и верхними пещерами устроено сообщеніе посредствомъ лѣсенокъ.

Галлереи эти тянутся почти на версту, такъ что пещеръ, дѣйствительно, если не тысяча, то, во всякомъ случаѣ, нѣсколько сотенъ. Однако, лишь немногія пещеры остались въ цѣлости, большинство же попорчено дунганами, дважды бушевавшими здѣсь, а отчасти и временемъ.

Идолъ Да-фу-янъ въ святыхъ пещерахъ Чэнъ-фу-дунъ.

Въ концѣ галлереи устроена небольшая кумирня, гдѣ живетъ хэшенъ (монахъ), завѣдующій всею этою святынею. Онъ сообщилъ, что пещеры выкопаны въ незапамятныя времена, еще при династіи Хань, и что труда на нихъ потрачено очень много. Дѣйствительно, не только надо было выкопать эти пещеры въ отвѣсномъ обрывѣ, но еще внутри оштукатурить глиною. Верхніе своды и стѣны покрыты въ правильномъ порядкѣ прикрѣпленными маленькими изображеніями различныхъ божествъ, и кромѣ того стѣны разрисованы картинами.

Размѣры пещеръ: 4—5 саж. въ длину, 3—4 саж. въ ширину и 4 саж. въ вышину, но есть и огромныя, вдвое большія.

Въ каждой пещерѣ нѣсколько идоловъ. Противъ входа помѣщается въ сидячемъ положеніи большой идолъ Будды, а по бокамъ его обыкновенно стоятъ по 2 или по 3 прислужника—статуи поменьше.

Въ большихъ пещерахъ главный идолъ помѣщается посрединѣ на особомъ возвышеніи.

Наконецъ, въ одной громадной пещерѣ помѣщены два самыхъ большихъ идола: одинъ Да-фу-янъ (см. рис.) имѣетъ гигантскіе размѣры 12—13 саж. высоты! *); другой идолъ, называемый Джо-фу-янъ вдвое меньше. Оба эти идола, какъ и всѣ другіе, высѣчены очень грубо.

Наконецъ, въ двухъ пещерахъ, вдоль задней стѣны, помѣщены по одному очень большому идолу въ лежачемъ положеніи. Одинъ изъ нихъ изображаетъ женщину, другой, повидимому, мужчина, окруженъ многочисленными дѣтьми, которыхъ путешественники наши насчитали 72. Этотъ послѣдній идолъ отдѣланъ лучше другихъ: его голова, кисти рукъ, сложенныхъ на груди, и босыя ноги—вызолочены, а одѣяніе выкрашено въ красный цвѣтъ.

Передъ входомъ въ пещеры, а иногда и внутри ихъ, помѣщены глиняныя изображенія разныхъ героевъ, по большей части съ ужасными звѣрскими ли-

*) О размѣрахъ его могутъ дать понятіе слѣдующія цифры: длина ступни 3 саж., разстояніе между большими пальцами обѣихъ ногъ 6 саж.

Идолъ Да-фу-янъ въ святыхъ пещерахъ Чэнъ-фу-дунъ.

цами. Въ рукахъ они держатъ мечи, змѣй и т. п., сами-же герои сидятъ иногда на слонахъ, или на какихъ-то баснословныхъ животныхъ.

Въ одной изъ пещеръ путешественники увидѣли большую каменную плиту, всю исписанную китайскими письменами, но на верху и по сторонамъ видны какія то иныя крупныя надписи, непонятныя для китайцевъ, какъ сообщилъ хэшенъ.

Въ нѣкоторыхъ пещерахъ повѣшены большіе чугунные колокола или особенные барабаны; все это, очевидно, употреблялось для богослуженія.

«Таинственный мракъ, разсказываетъ Николай Михайловичъ, царствуетъ въ пещерахъ, въ особенности въ большихъ; лица идоловъ выглядываютъ какими-то особенными въ этой темнотѣ. Понятно, какъ сильно должна была дѣйствовать подобная обстановка на воображеніе простыхъ людей, которые нѣкогда, вѣроятно, во множествѣ стекались сюда, чтобы поклониться воображаемой святынѣ» *).

Пройти по ущелью, въ которомъ расположены пещеры, оказалось невозможнымъ и пришлось сдѣлать большой обходъ по сыпучимъ пескамъ, а затѣмъ вышли близъ ключа Да-чуань на обширную равнину, на противоположномъ концѣ которой высился главный кряжъ Нанъ-шаня. Отъ ключа Да-чуанъ китайскій офицеръ съ частью конвоя отправился обратно въ Са-чжоу, а въ качествѣ проводниковъ остались только двое.

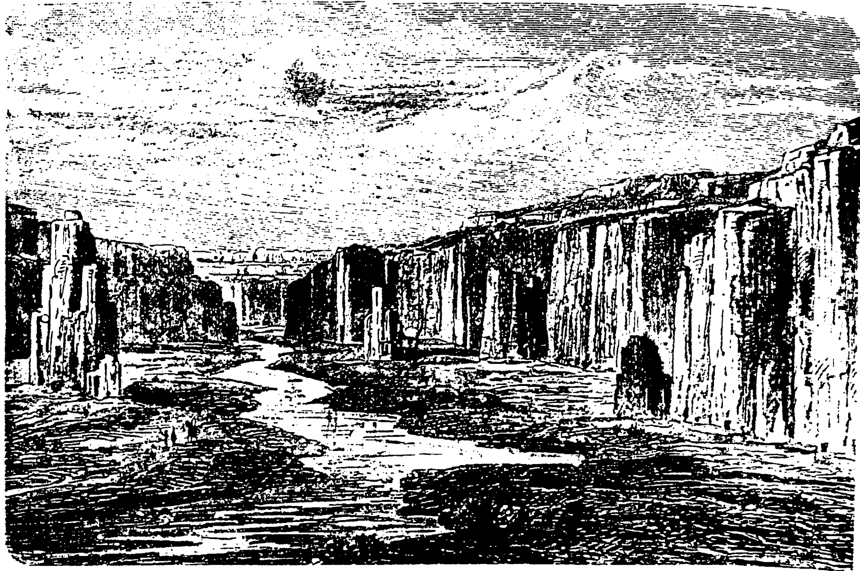
Сдѣлавъ одинъ большой переходъ съ запасною водою, путешественники рано утромъ, на слѣдующій день пришли, на берега рѣки Данъ-хэ. Берега этой рѣки чрезвычайно гористы, изобилуютъ узкими обрывистыми ущельями, и самое русло рѣки очень глубоко вымыто. Рѣка течетъ здѣсь словно въ глубокомъ и узкомъ корридорѣ, отвѣсные бока котораго подымаются надъ водою саженей на 20—30. Обрывы эти состоятъ преимущественно изъ лесса, который, какъ извѣстно, всегда проявляетъ склонность къ вертикальному растрескиванью, результатомъ чего является обиліе поперечныхъ узкихъ и глубокихъ овраговъ и трещинъ. Едва-едва удалось спуститься къ водѣ съ вьючными верблюдами. Затѣмъ вожаки повели караванъ по долинѣ и переходя изъ одного дикаго ущелья въ другое, въ концѣ концовъ завели нашихъ путешественниковъ въ такое мѣсто, изъ котораго было уже совсѣмъ невозможно двинуться впередъ; здѣсь они объявили, что не знаютъ дальше дороги. Несомнѣнно, что все это сдѣлано было умышленно, по приказанію са-чжоускихъ властей и разсчитано на то, что, увидя невозможность идти далѣе и не имѣя проводниковъ, путешественники поневолѣ должны будутъ вернуться назадъ и отказаться отъ посѣщенія горъ.

Однако, не таковъ былъ Николай Михайловичъ, чтобы его можно было такими мѣрами заставить отказаться отъ своей цѣли.

Послѣ должнаго «внушенія» проводники были прогнаны, и рѣшено было самимъ приняться за розыски дороги въ горы, до которыхъ было уже не далеко.

Прежде всего повернули назадъ, вышли съ большимъ трудомъ изъ ущелья

*) Изъ Зайсана, черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 102.

Рѣка Данъ-хэ.

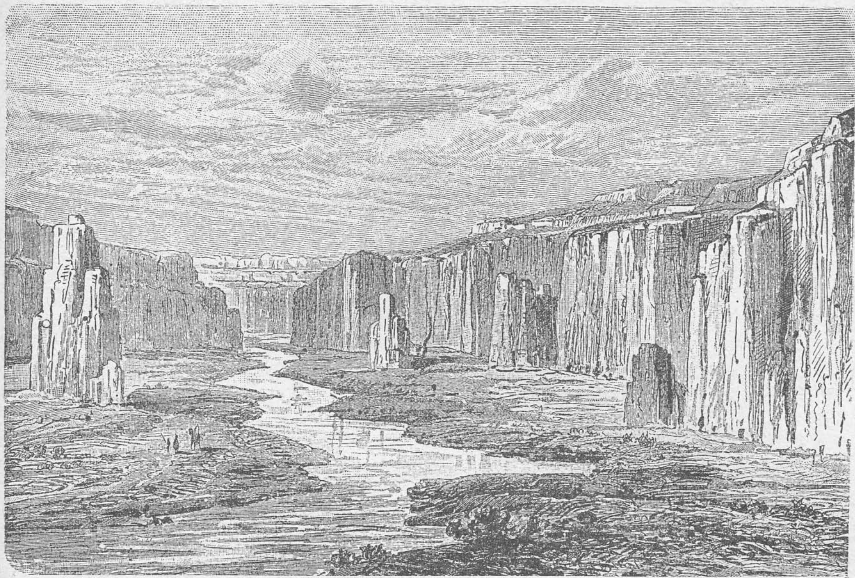
долины и двинулись впередъ по равнинѣ. Однако, отъ этого пришлось сразу-же отказаться: здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались глубокія балки и бездонныя пропасти съ отвѣсными боками, которыя рѣшительно преградили путь.

Пришлось снова вернуться къ рѣкѣ и спуститься въ ея глубокую долину. Затѣмъ путешественники переправились не безъ затрудненій черезъ эту быструю горную рѣку и расположились бивуакомъ, такъ какъ за всѣми этими блужданіями незамѣтно приблизился уже вечеръ.

На слѣдующій день двинулись вверхъ по рѣкѣ; по этому берегу идти было гораздо лучше. Верстъ черезъ 17 такого пути караванъ достигъ того мѣста, гдѣ рѣка Данъ-хэ выходитъ изъ горъ.

Здѣсь Николай Михайловичъ рѣшилъ остановиться и серьезно позаботиться о дальнѣйшемъ пути, для чего прибѣгли къ обычному способу развѣдочныхъ разъѣздовъ.

Препараторъ Коломейцевъ съ казакомъ Иринчиновымъ отправлены были въ одинъ изъ такихъ разъѣздовъ. Имъ приказано было отправиться вверхъ по рѣкѣ и проѣхать, какъ можно дальше, чтобы рѣшить вопросъ, возможно-ли здѣсь пробраться съ вьючными верблюдами. Самъ-же Николай Михайловичъ съ унтеръ-офицеромъ Урусовымъ отправился на югъ, прямо въ горы. Оба эти разъѣзда снаряжены были на легкѣ: захватили съ собою лишь по куску кирпичнаго чая и по небольшому котелку для его варки, да по нѣсколько фунтовъ дзамбы. Войлокъ изъ-подъ сѣдла долженъ былъ служить постелью, сѣдло изголовьемъ, а собственная одежда—одѣяломъ. На хорошей привычной лошади такимъ образомъ можно

Рѣка Данъ-хэ.

пробраться рѣшительно вездѣ, даже въ самой дикой мѣстности и при долгихъ лѣтнихъ дняхъ, можно сдѣлать въ день верстъ пятьдесятъ, такъ что въ 2—3 дня можно обслѣдовать мѣстность на громадное пространство вокругъ и найти удобный путь. Хотя движенiе каравана при этомъ сильно замедлялось, но за то путешественники чувствовали себя полными хозяевами и не зависѣли отъ какихъ-бы то ни было проводниковъ, а въ то же время и знакомство съ мѣстностью было гораздо болѣе полное.

Къ розыскамъ пути посредствомъ разъѣздовъ Пржевальскiй неоднократно прибѣгалъ и впослѣдствiи, когда приходилось идти на проломъ, противъ воли китайскихъ властей.

Снарядившись, какъ выше указано, Николай Михайловичъ со своимъ спутникомъ выѣхали около полудня.

Лишь только они вступили въ горы, какъ налетѣла гроза, полилъ сильный дождь, и черезъ нѣсколько минутъ со всѣхъ сторонъ побѣжали ручьи, а на днѣ ущелья, по которому ѣхали путники, тотчасъ-же образовался довольно большой ручей, который со страшнымъ шумомъ катилъ свои грязныя волны на встрѣчу всадникамъ.

Вспомнивъ про памятное наводненiе въ Ала-шаньскихъ горахъ, которое чуть не окончилось страшнымъ несчастьемъ, Николай Михайловичъ поспѣшилъ теперь принять нѣкоторыя мѣры и взобравшись на болѣе возвышенную площадку, рѣшилъ переждать ливень.

Ждать, однако на этотъ разъ пришлось очень не долго. Гроза пронеслась мимо, а черезъ полъ-часа послѣ этого ручей совершенно изсякъ, и только полосы нанесенной грязи свидѣтельствовали о недавно бушевавшемъ здѣсь потокѣ.

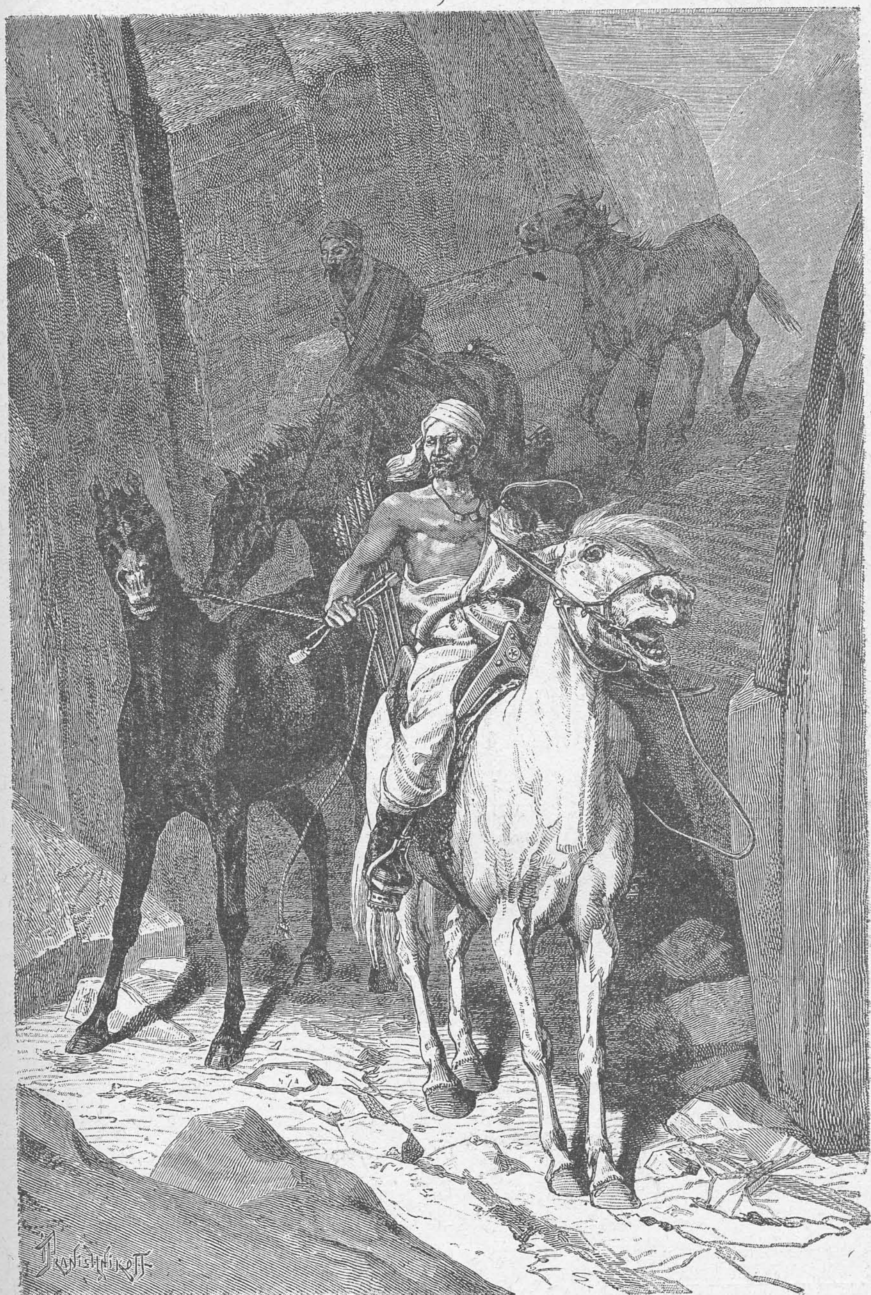
Снова двинулись они въ путь. Размягченная почва заглушала лошадиный топотъ, гроза утихла и въ очищенной дождемъ атмосферѣ стояла полная тишина.

Вдругъ, изъ одного бокового ущелья, мимо котораго проѣзжали наши всадники, донеслись какъ будто человѣческiе голоса. Николай Михайловичъ тотчасъ-же далъ своему спутнику знакъ остановиться и оба прислушались: дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отдаленiи явственно слышался человѣческiй разговоръ, и разговаривавшiе, повидимому, приближались. Между тѣмъ съ того времени, какъ прогнаны были вѣроломные проводники, и еще раньше, почти отъ самаго оазиса и святыхъ пещеръ, не встрѣчалось ни одной человѣческой души: мѣстность была совершенно необитаемая.

На всякiй случай Николай Михайловичъ и его спутникъ попридержали лошадей и укрывшись за выступомъ скалы, ждали появленiя незнакомцевъ, такъ какъ, судя по звукамъ долетавшаго до нихъ говора, они, несомнѣнно, приближались. Наконецъ, изъ ущелья показались верхомъ на лошадяхъ двое монголовъ и каждый держалъ въ поводу еще по одной запасной лошади.

Очутившись вдругъ, совершенно неожиданно, лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ и Урусовымъ, они совершенно растерялись и хотѣли было удрать назадъ

Счастливая встрѣча съ монголами.

Счастливая встрѣча съ монголами.

въ ущелье, изъ котораго только что выѣхали, но гѣ уже стояли какъ разъ около нихъ и спокойно поздоровавшись вступили въ разговоръ.

На вопросъ: кто они такіе и куда ѣдутъ, монголы, все еще не оправившіеся отъ испуга при столь неожиданной встрѣчѣ, давали сбивчивые отвѣты. Сначала они объяснили, что охотятся на сурковъ, а потомъ стали утверждать, что они ищутъ потерявшихся лошадей. По всей вѣроятности, какъ догадывается Николай Михайловичъ, это были барантачи, въ родѣ давнишняго ихъ знакомца Мирзаша Алдіарова, т. е. промышляли воровствомъ лошадей, но это было въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно. Одно было ясно, что встрѣчные монголы прекрасно знаютъ окрестныя горы и могутъ слѣдовательно быть проводниками, поэтому Николай Михайловичъ не желалъ упускать случая воспользоваться счастливою встрѣчею.

Поговоривъ еще нѣсколько времени, Пржевальскій предложилъ имъ ѣхать къ бивуаку и наняться въ проводники.

На это они отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Напрасно предлагалась имъ за эту услугу хорошая плата и цѣнные подарки — ничто не дѣйствовало: они по прежнему рѣшительно отказывались и увѣряли, что они совсѣмъ не знаютъ пути черезъ горы. Вѣроятно, Са-чжоускія власти уже успѣли поразослать во всѣ становища и поселенія этой мѣстности строжайшее запрещеніе кому-бы то ни было наниматься въ провожатые.

Тогда Николай Михайловичъ оставилъ свой ласковый тонъ и рѣшительно объявилъ имъ, что онъ поведетъ ихъ силою.

Повернувъ свою лошадь въ обратный путь, онъ коротко и строго приказалъ монголамъ слѣдовать за собою, а въ предупрежденіе бѣгства объявилъ, что при первой попыткѣ будетъ стрѣлять.

Тѣ покорились и, дрожа отъ страха, понуро поплелись подъ конвоемъ неожиданно встрѣченныхъ незнакомцевъ. «Дорогою, видя, что мы имъ ничего дурного не дѣлаемъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—наши плѣнники немного успокоились и прежде всего начали разспрашивать, кто нашъ начальникъ и какую онъ имѣетъ на шляпѣ шишку **), нисколько не подозрѣвая, что самъ начальникъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними въ простой парусинной рубашкѣ.

«Поздно ночью пріѣхали мы къ своему бивуаку, гдѣ монголы были напоены чаемъ и накормлены, но, для предупрежденія бѣгства, посажены подъ караулъ. На слѣдующій день утромъ эти простаки сильно удивлялись, что приведшій ихъ изъ горъ «оросъ-хунъ» (т. е. русскій человѣкъ), былъ самъ начальникъ»...

Видя, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, монголы, наконецъ, объявили, что знаютъ дорогу въ Цайдамъ и согласились проводить туда караванъ.

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 107.

**) Т. е. какой онъ имѣетъ чинъ. У китайцевъ іерархія чиновниковъ и офицеровъ обозначается величиною и цвѣтомъ шишки на шляпахъ.

Послѣ полудня того же дня, не дожидаясь возвращенія втораго разъѣзда экспедиція тронулась въ путь. На мѣстѣ бивуака оставлена была записка, извѣщавшая о выступленіи каравана въ дальнѣйшій путь и направленіе его движенія. Эту записку прикрѣпили къ палкѣ и воткнули послѣднюю на видномъ мѣстѣ.

По указанію своихъ новыхъ проводниковъ пришлось снова переправляться черезъ рѣку Данъ-хэ, хотя на этотъ разъ это совершено было по небольшому мостику, указанному плѣненными монголами. Вообще оказалось, что прежніе проводники, несомнѣнно, умышленно завели караванъ въ трущобы рѣчныхъ ущелій, такъ какъ недалеко отсюда оказалась вполнѣ удовлетворительная дорога.

Переправившись на правый берегъ рѣки и пройдя еще версты три, путешественники вышли на прекрасный лугъ, обильный ключами; здѣсь неподалеку находились и заросли тамариска, годнаго на топливо, и даже небольшой солонцеватый лугъ, поросшій любимыми для верблюдовъ солянками. Словомъ, мѣсто это было такое благопріятное, лучше котораго нечего было и желать.

Николай Михайловичъ рѣшилъ здѣсь остановиться на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть и дать оправиться караваннымъ животнымъ.

Двое казаковъ посланы были съ провожатыми монголами узнать дорогу въ Цайдамъ и возвратились уже на слѣдующій день. Оказалось, что существуетъ довольно хорошая дорога черезъ Нанъ-шань, на которой и безъ проводниковъ трудно было заблудиться.

Тогда Николай Михайловичъ, не желая удерживать плѣненныхъ монголовъ, сдѣлавшихся невольными проводниками, отпустилъ ихъ, щедро вознаградивъ за услугу.

«Такимъ образомъ,—говоритъ онъ *),—благодаря счастливой случайности, мы такъ легко отыскали себѣ отличную стоянку въ горахъ и узнали дальнѣйшій путь въ Цайдамъ. Теперь, на радостяхъ, рѣшено было сначала хорошенько отдохнуть, а затѣмъ уже отправиться въ ближайшія снѣговыя горы...

«Давно мы не видѣли такой благодати, какая была теперь вокругъ насъ: палатка наша стояла на зеленомъ лугу, мы пили ключевую воду, купались въ свѣтлой чистой рѣкѣ и отдыхали въ прохладѣ ночи.

«Кругомъ насъ не было ни китайцевъ, ни монголовъ, а это тоже благо великое. Наши животныя **) могли каждый день наѣдаться сочной зеленой травы; ихъ не безпокоили ни мошки, ни оводы...»

Плохо было только одно: окрестныя горы, хотя и поросли отчасти, въ верхнемъ поясѣ, лѣсомъ, но были весьма бѣдны животными, такъ что на значительную научную добычу здѣсь нечего было разсчитывать.

Коломейцевъ и Иринчиновъ пріѣхали на эту новую стоянку только на 5-й день. Они проѣхали вверхъ по рѣкѣ верстъ 100 и хотя добрались почти до

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 108.
**) Т. е. лошади и бараны, а верблюды предпочитали растенія солонцоваго луга.

истоковъ Данъ-хэ, но горы вездѣ сохраняли свой безплодный характеръ. Дорога и здѣсь была найдена и довольно удобная, хотя гораздо болѣе длинная.

Въ одномъ мѣстѣ они встрѣтили трехъ китайцевъ, занимавшихся промывкою золота, изъ которыхъ одинъ оказался знакомымъ: его встрѣтили путешественники при выходѣ изъ оазиса Са-чжоу. Они сообщили, что дорога, по которой ѣхали посланцы, ведетъ къ обширнымъ золотымъ пріискамъ.

Знакомецъ-китаецъ, въ минуту откровенности, сообщилъ Иринчинову, съ которымъ близко сошелся, что когда онъ попался на пути каравана экспедиціи, то офицеръ, сопровождавшій русскихъ путешественниковъ, поспѣшилъ ему объявить, чтобы онъ ничего не смѣлъ разсказывать про горы, а въ случаѣ ослушанія грозилъ отрубить голову.

«Наше начальство и весь народъ говоритъ, разоткровенничался китаецъ, что вы ходите здѣсь, чтобы разыскивать золото; отъ васъ велѣно все скрывать, васъ велѣно постоянно обманывать».

И такъ, что прежде только предполагалось, теперь подтвердилось: китайцы дѣйствительно ставили преграды вездѣ, гдѣ только можно.

На вышеописанномъ прекрасномъ лугу, прозваннымъ «ключемъ благодатнымъ», путешественники устроились не только съ удобствомъ, но даже съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Палатки стояли на зеленомъ лугу, и пыли въ воздухѣ почти не было.

Постельные войлоки, насквозь пропитанные соленою пылью пустыни, были тщательно выколочены; вьюки сложены были въ порядкѣ, а кухня отнесена подалѣе. Въ обрывистомъ берегу рѣчки Куку-усу, казаки выкопали настоящую печку, съ дымовою трубою, и въ ней пекли прекрасныя булки изъ пшеничной муки.

«Ѣли мы сытно, спали вдоволь и спокойно въ прохладѣ ночи; далекихъ укскурсій по окрестнымъ горамъ вначалѣ не предпринимали; словомъ, отлично отдыхали и запасались новыми силами» *).

Черезъ нѣсколько дней Абдулъ Юсуповъ съ двумя казаками и съ семью верблюдами посланы были обратно въ Са-чжоу, чтобы забрать оставленные тамъ запасы продовольствія.

Посланные возвратились черезъ недѣлю. Оказалось, что власти въ Са-чжоу эже знали о томъ, что экспедиція добралась въ горы и примирились съ совершившимся фактомъ.

Губернаторъ поручилъ Абдулу передать своему начальнику, что распоряженіемъ главнокомандующаго Цзо-цзунъ-тана запрещено давать проводниковъ въ Тибетъ изъ Са-чжоу черезъ Цайдамъ, но если Пржевальскій непремѣнно хочетъ пройти въ эту страну, Цзо-цзунъ-танъ предлагаетъ ему другой путь: черезъ Су-чжоу и Синин.

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 123.

Предложеніе это точь-въ-точь совпадало съ тѣмъ, которое сдѣлано было незадолго передъ тѣмъ венгерскому путешественнику графу Сечени и, конечно, съ тѣмъ же самымъ предполагаемымъ результатомъ: т. е. съ того или другого пункта дороги вдругъ оказалось бы, что «тибетцы противятся дальнѣйшему движенію».

«Однако, такая услуга для насъ со стороны китайцевъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—немного опоздала. Имѣя теперь подъ руками открытый путь въ Цайдамъ, а въ крайнемъ случаѣ черезъ верховья Данъ-хэ на Куку-норъ, съ запасомъ продовольствія на четыре мѣсяца и даже болѣе, мы могли располагать собою помимо желанія Цзо-цзунъ-тана».

Изъ боязни, чтобы китайцы не успѣли запретить цайдамскимъ монголамъ давать проводниковъ въ Тибетъ, Николай Михайловичъ приказалъ Абдулу держаться прежняго и утверждать, что экспедиція черезъ нѣсколько времени вернется въ Са-чжоу. Для вящшаго-же отвода глазъ въ городѣ сдѣланъ былъ даже заказъ дзамбы, которую просили приготовить ко времени возвращенія, и деньги (5 ланъ) заплачены были впередъ.

Почти двѣ недѣли простояли путешественники на «ключѣ благодатномъ»; стоянка была до такой степени прекрасная, что имъ жалко было отсюда уходить.

Однако, здѣсь мѣшкать болѣе было нечего, такъ какъ окрестныя горы были изучены скоро и оказались очень бѣдными какъ растеніями, такъ и животными.

Только одна здѣсь была важная находка—это новый неизвѣстный еще въ наукѣ видъ марала (cervus albirostris).

Вступивъ въ горы, прежде чѣмъ идти на ту сторону ихъ, въ Цайдамъ, Пржевальскій посвятилъ еще недѣли двѣ на обслѣдованіе верхняго пояса Нань-Шаня.

Ходьба по каменнымъ россыпямъ, которыми усѣяна вся альпійская область хребта «въ буквальномъ смыслѣ адская», говоритъ Николай Михайловичъ: тамъ, вверху, въ сосѣдствѣ вѣчныхъ снѣговъ, эти россыпи обыкновенно состоятъ изъ крупныхъ гранитныхъ обломковъ. Словно искусственно наколоты тонкія плиты, величиною каждая въ нѣсколько десятковъ кубическихъ футовъ. И лежатъ здѣсь эти глыбы сотни, тысячи лѣтъ, дожидаясь своей очереди скатиться внизъ, разбиться на куски, измельчать, истереться въ пыль..

Трудность ходьбы увеличиваетъ еще и громадная высота. Въ разрѣженномъ воздухѣ чувствуется, въ особенности съ непривычки, одышка и какая-то особенная усталость. Черезъ каждую сотню шаговъ останавливаешься вздохнуть на минуту-другую, иногда же и присядешь на болѣе удобномъ мѣстѣ. Набѣжитъ облако—обдастъ сыростью; дунетъ вѣтеръ со снѣговъ—станетъ холодно. Но не знаетъ и не долженъ знать путешественникъ простуды. Полѣзешь вновь по камнямъ и живо снова согрѣешься»... Вотъ такимъ-то образомъ лазилъ Николай Михайловичъ со своими спутниками въ поискахъ за научною добычею. Расти-

тельности здѣсь не было почти никакой, исключая луговой области. Но животныя были довольно разнообразныя, и между прочимъ, старые знакомцы Пржевальскаго по Тибету: куку-яманы и яки, а также ягнятники и грифы. Но всѣ эти животныя встрѣчались очень рѣдко и были необыкновенно осторожны.

На седьмой день пребыванія въ верхнемъ поясѣ горъ Николай Михайловичъ предпринялъ восхожденіе на ледникъ.

Рано утромъ въ сопровожденіи Роборовскаго, Коломейцева и одного казака направились они вверхъ отъ стоянки и, проѣхавъ верстъ десять вверхъ, на небольшой площадкѣ (на высотѣ 12,800 ф.) оставили подъ присмотромъ казака лошадей, а дальнѣйшее восхожденіе предприняли пѣшкомъ.

На высотѣ 14,700 ф. путешественники достигли нижняго края сплошнаго ледянаго поля.

Погода стояла прекрасная: теплая, тихая и ясная. Тѣмъ не менѣе восхожденіе сопряжено было съ большимъ трудомъ, такъ какъ, помимо предварительнаго пути на протяженіи почти 4 верстъ по каменнистому ущелью, усыпанному каменными глыбами, обломками и мелкимъ щебнемъ, на самомъ ледникѣ пришлось подыматься зигзагами, при чемъ путники безпрестанно проваливались по поясъ, а иногда и глубже, въ рыхлый снѣгъ. Для отдыха нужно было садиться на этотъ самый снѣгъ, отчего платье вскорѣ сдѣлалось совершенно мокрымъ.

Для облегченія они оставили свои ружья и всякую лишнюю кладь у нижней оконечности ледника, захвативъ съ собою лишь барометръ, но и то, пока они достигли вершины ледника, совершенно выбились изъ силъ.

Въ 5 часовъ по полудни путешественники стояли на самой вершинѣ. Барометръ показывалъ абсолютную высоту 17,100 ф.

Передъ ними открылся великолѣпный видъ. Снѣговой хребетъ, на гребнѣ котораго находились путешественники, тянулся въ необозримую даль въ востоко-юго-восточномъ направленіи. Съ южной стороны, отъ самаго его подножія, раскинулась обширная равнина, которая съ юга замыкалась двумя другими также увѣнчанными вѣчными снѣгами хребтами, одинъ изъ нихъ тянулся почти параллельно Нань-Шаню, а другой отходилъ отъ него почти подъ прямымъ угломъ въ юго-западномъ направленіи. Оба эти хребта не значились ни на одной картѣ и о самомъ существованіи ихъ ничего не извѣстно было до того времени въ наукѣ. Николай Михайловичъ, по праву перваго изслѣдователя, назвалъ первый хребтомъ Гумбольдта, а второй—хр. Риттера—именами двухъ великихъ ученыхъ, много потрудившихся для географіи Центральной Азіи.

Приближался уже вечеръ, и потому необходимо было пуститься въ обратный путь. Однако, короткое время пребыванія на вершинѣ ледника на всегда запечатлѣлось въ памяти Николая Михайловича.

«Никогда еще до сихъ поръ не подымался я такъ высоко, — говоритъ онъ *),—никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. При

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 133.

томъ открытіе разомъ двухъ снѣговыхъ хребтовъ наполняло душу радостью, вполнѣ понятною страстному путешественнику»...

Обратный путь былъ гораздо легче, и путешественники совсѣмъ незамѣтно очутились у подошвы ледника, гдѣ забрали свои ружья и пустились дальше. Къ 9 часамъ они достигли площадки, гдѣ оставлены были лошади. Казакъ ожидалъ ихъ уже съ горячимъ чаемъ и скромнымъ ужиномъ, но сильно уставшіе физически и подавленные массою сильныхъ ощущеній, путешественники поспѣшили растянуться на разостланныхъ войлокахъ съ сѣдлами подъ головами и крѣпко заснули, не смотря на туманъ, пронизывавшій холодомъ...

Изслѣдованіе окрестныхъ горъ было закончено. Надо было подумать и о дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Тибетъ. Но такъ какъ за время пребыванія въ безплодныхъ горахъ верблюды и лошади уже порядкомъ истощились, то рѣшено было передъ выступленіемъ еще немного ихъ подкормить и дать имъ оправиться, а для этого наилучшимъ мѣстомъ былъ, конечно, «Благодатный ключъ», куда путешественники и возвратились.

На слѣдующій день послѣ водворенія на прежней своей благодатной стоянкѣ, Коломейцевъ и Иринчиновъ отправлены были на-легкѣ съ порученіемъ пробраться на ту равнину, которая видна была съ вершины ледника по южную сторону Нань-Шаня, на которой, какъ извѣстно было изъ предыдущей рекогносцировки, живутъ цайдамскіе монголы.

Въ ожиданіи ихъ возвращенія, путники предавались отдыху на своей прекрасной стоянкѣ, запасаясь силами на будущее. Плохо здѣсь было только одно: бараны уже давно всѣ были съѣдены, а охотою ничего нельзя было промыслить и потому питались одной дзамбою; но недостатокъ мяса былъ весьма чувствителенъ. Посланные возвратились на пятый день и прежде всего обрадовали съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ ихъ товарищей тѣмъ, что пригнали барановъ и привезли масла, что для проголодавшихся на постной пищѣ путешественниковъ было большимъ праздникомъ. Но и помимо того привезенныя ими вѣсти были вообще благопріятныя. Монголы, живущіе въ равнинѣ, которая, какъ имъ сообщали, называется Сыртынъ, приняли ихъ хорошо и обѣщались дать проводниковъ черезъ Цайдамъ.

На слѣдующій день путешественники покинули свою излюбленную стоянку, дикимъ, глубокимъ ущельемъ двинулись къ перевалу черезъ Нань-Шань и, перейдя черезъ него, остановились, разбивъ бивуакъ на равнинѣ Сыртынъ. Николай Михайловичъ предпринялъ еще одно восхожденіе на ледникъ хребта Гумбольдта съ южной стороны.

Оказалось, что вершина, на которую онъ взобрался, подымается до 19,000 ф. абс. высоты.

Стоянка въ Сыртынской равнинѣ осталась памятною для всѣхъ членовъ экспедиціи, потому что здѣсь едва не погибъ одинъ изъ ихъ товарищей ужасною трагическою смертью.

Вотъ какъ случилось это.

29 іюля казакъ Калмынинъ во время охоты встрѣтилъ въ сосѣднихъ горахъ дикаго яка, который, получивъ четыре пули, убѣжалъ. Такъ какъ время было уже очень позднее, то Калмынинъ не сталъ его выслѣживать и возвратился на бивуакъ.

Узнавъ объ этомъ, Николай Михайловичъ приказалъ Калмынину и унтеръ-офицеру Егорову на завтра прослѣдить его и судя по большимъ лужамъ крови, которыя видѣлъ по слѣду Калмынинъ и Коломейцевъ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ на охотѣ, онъ велѣлъ имъ взять съ собой верблюдовъ, чтобы привезти мясо и шкуру навѣрное тяжело раненаго звѣря.

Рано утромъ Калмынинъ съ Егоровымъ отправились съ бивуака на двухъ верблюдахъ, проѣхали верстъ восемь до входа въ ущелье, привязали здѣсь верблюдовъ и направились къ мѣсту вчерашней охоты.

Слѣдъ раненаго яка вскорѣ отыскался, но тотъ оказался не очень сильно раненымъ. Судя по слѣду, онъ взобрался на гребень окраиннаго хребта и перебрался на противоположную сторону.

Продолжая идти въ слѣду, охотники также перевалили черезъ хребетъ и пройдя еще версты три отъ перевала, вдругъ наткнулись на стадо аркаровъ (дикихъ барановъ), по которымъ и выстрѣлили залпомъ.

Калмынинъ бросился вслѣдъ за ускакавшими аркарами, чтобы посмотрѣть, не убитъ-ли который-нибудь изъ нихъ, а Егоровъ продолжалъ идти по слѣду яка, сказавъ своему товарищу, что онъ только немного пройдетъ и вернется назадъ.

Калмынинъ очень скоро убѣдился, что ни одинъ изъ аркаровъ не раненъ серьезно, но за то убилъ случайно подвернувшагося хулана.

Со времени разставанія съ Егоровымъ прошло всего нѣсколько минутъ, однако же, когда онъ возвратился на прежнее мѣсто и сталъ звать своего товарища, то не получилъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ, солнце начало уже клониться къ западу и Калмынинъ, разсудивъ, что Егоровъ вѣроятно пошелъ къ оставленнымъ верблюдамъ прямымъ путемъ, пошелъ и самъ туда, но и тамъ не оказалось Егорова. Между тѣмъ начало уже сильно темнѣть.

Не зная, куда запропастился его товарищъ, Калмынинъ рѣшилъ, что онъ, вѣроятно, отправился на бивуакъ пѣшкомъ, и забравъ верблюдовъ, поѣхалъ и самъ къ каравану, куда прибылъ уже часовъ въ 10.

Сначала никто не придалъ особеннаго значенія отсутствію Егорова, такъ какъ и раньше не разъ случалось, что казаки, увлекшись охотою, возвращались поздно ночью.

Однако, наступило утро, а Егорова все не было.

Дѣло становилось очень серьезнымъ. Погода была довольно холодная и ночью даже былъ небольшой морозъ, да, кромѣ того, дулъ рѣзкій, холодный вѣ-

теръ, между тѣмъ Егоровъ, очевидно, былъ въ одной парусинной блузѣ и, какъ человѣкъ не курящій, не имѣлъ при себѣ спичекъ.

Нельзя было медлить ни одной минуты.

Тотчасъ-же посланъ былъ Эклонъ съ Коломейцевымъ и тремя казаками на розыски; двое казаковъ остановились у того мѣста, гдѣ вчера были привязаны верблюды и должны были обыскать ближайшія окрестности, а остальные отправились на то мѣсто, гдѣ Калмынинъ разстался съ Егоровымъ.

Поздно вечеромъ Коломейцевъ и Телешовъ возвратились и объявили, что всѣ поиски были тщетны. Остальные же остались ночевать въ горахъ, чтобы продолжать розыски.

Тщательное изслѣдованіе мѣстности показало, что, оставивъ Калмынина, Егоровъ прошелъ еще версты двѣ и встрѣтилъ лежащаго яка (видно было мѣсто его логовища). Вѣроятно, Егоровъ наткнулся на него невзначай, такъ какъ звѣрь вскочилъ огромными прыжками, а Егоровъ пустился его преслѣдовать. Слѣды самодѣльныхъ чирковъ (сапоги безъ каблуковъ) Егорова попадались рядомъ со слѣдомъ яковыхъ копытъ еще версты четыре, а затѣмъ рѣшительно невозможно было разобрать слѣдовъ охотника. По всей вѣроятности, онъ здѣсь бросилъ преслѣдовать звѣря и рѣшилъ возвратиться.

Горы здѣсь пускаютъ въ Сыртынскую равнину множество каменныхъ отроговъ, между которыми образуются узкія ущелья, чрезвычайно похожія другъ на друга, такъ что заблудиться здѣсь очень легко.

Потерявъ слѣдъ Егорова, искавшіе его товарищи до поздняго вечера лазали по всѣмъ ущельямъ, безпрестанно кричали и стрѣляли...

Горное эхо далеко разносило громъ выстрѣловъ, но отвѣта не было слышно.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда всѣ трое, едва волоча ноги отъ усталости, добрались до подножія хребта, гдѣ ихъ ожидали Эклонъ и Телешовъ, которые съ своей стороны тщетно лазали по горамъ цѣлый день.

На слѣдующій день отправился на поиски самъ Николай Михайловичъ; онъ взялъ съ собою еще пять человѣкъ казаковъ.

Проѣзжая по равнинѣ, онъ неожиданно встрѣтилъ партію цайдамскихъ монголовъ, которые гнали барановъ на продажу въ Са-чжоу.

Конечно, къ нимъ сейчасъ же кинулись съ разспросами о Егоровѣ.

На этотъ счетъ монголы начего не могли сообщить, но вмѣстѣ съ тѣмъ узнали, что въ Сыртынской равнинѣ, верстахъ въ 25 отъ подошвы хребта, есть кое-гдѣ становища монголовъ.

Николай Михайловичъ немедленно послалъ туда двухъ казаковъ, а самъ съ остальными продолжалъ поиски.

Цѣлый день они лазали по горамъ и ущельямъ, кричали, стрѣляли, зажигали костры.., но безъ результатовъ.

Переночевавъ въ горахъ, они возвратились на слѣдующій день къ бивуаку

со смутной надеждой, что посланные найдутъ несчастнаго товарища у монголовъ.

Еще три дня всѣ провели въ крайне тягостномъ ожиданіи возвращенія посланцевъ. Наконецъ, поздно вечеромъ, 4 августа они явились и разсказали, что хотя объѣздили равнину верстъ на 150, у встрѣчныхъ кочевниковъ ничего о Егоровѣ узнать не могли.

Итакъ, послѣдняя надежда лопнула. Теперь не оставалось сомнѣнія, что несчастный товарищъ сдѣлался жертвой какого-нибудь несчастнаго случая и уже не существуетъ въ живыхъ. Со времени роковаго преслѣдованія раненаго яка прошло уже 5 сутокъ.

Къ тому же, какъ нарочно, теперь произошла перемѣна погоды. Днемъ дулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ, а ночью морозъ доходилъ до 7°, а на горахъ, конечно, было еще холоднѣе.

«Тяжелымъ камнемъ легло на сердце каждаго изъ насъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—столь неожиданное горе. И еще сильнѣе чувствовалось оно, что погибъ совершенно безцѣльно и безвинно одинъ изъ членовъ той дружной семьи, каковою могъ назваться нашъ экспедиціонный отрядъ».

На завтра караванъ покинулъ роковое мѣсто и двинулся по широкой долинѣ къ западу. Верстъ черезъ 25 встрѣтился ключъ, около котораго сдѣлали небольшой привалъ и, отдохнувъ часа два, двинулись дальше. Караванъ шелъ молча. Не слышно было обычнаго оживленнаго говора и веселаго смѣха; всѣ были въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Вдругъ Иринчиновъ, ѣхавшій впереди всѣхъ, остановилъ свою лошадь и сталъ напряженно всматриваться: отъ зоркаго его взгляда не ускользнуло, что вдали направо, по откосу горы, какъ будто движется какая-то точка.

Тотчасъ-же, словно по командѣ, остановили своихъ лошадей и всѣ остальные, и начали всматриваться по тому же направленію. Сначала было рѣшили, что это какой-то звѣрь, но лишь Николай Михайловичъ навелъ на интересующій всѣхъ предметъ свой биноклъ, какъ тотчасъ же убѣдился, что это человѣкъ, и при томъ ни кто иной, какъ считавшійся уже мертвымъ Егоровъ!..

Мигомъ Эклонъ и нѣкоторые изъ казаковъ поскакали и черезъ полчаса Егоровъ былъ уже въ кругу своихъ товарищей, которые почти всѣ плакали отъ волненія и радости, а также и при видѣ несчастнаго страдальца.

«Страшно перемѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, едва державшійся на ногахъ,—разсказываетъ Пржевальскій,—лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взглядъ какой-то дикій..

Съ подобною наружностью гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ Егоровъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала его наготу; фуражки и панталонъ не имѣлось, ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки»...

Несчастный страдалецъ до такой степени обезсилѣлъ, что съ трудомъ даже могъ говорить и товарищи пока не разспрашивали его.

Ему дали немного водки для подкрѣпленія, обули въ войлочные сапоги, укутали одѣялами и въ такомъ видѣ посадили на верблюда, привязавъ веревками.

Къ счастью, версты черезъ три встрѣтился ключъ, гдѣ расположились бивуакомъ.

Возвращеніе Егорова.

Егорова напоили чаемъ, дали ему немного поѣсть; затѣмъ ему обмыли теплою водою страшно изъязвленныя ноги и приложили корпію, смоченную въ растворѣ арники, который нашелся въ походной аптекѣ. Наконецъ, несчастному дали пріемъ хинина, послѣ чего онъ погрузился въ глубокій сонъ.

Проснувшись уже на другой день и снова подкрѣпившись пищей, онъ повѣдалъ печальную одиссею своихъ скитаній.

Какъ и предполагали искавшіе товарищи, онъ дѣйствительно встрѣтилъ, послѣ того какъ разошелся съ Калмынинымъ, подстрѣленнаго яка и пустилъ въ него пулю. Якъ пустился на уходъ, хотя и былъ серьезно раненъ, но эти гиганты, какъ уже знаетъ читатель, необыкновенно выносливы.

Возвращеніе Егорова.

Егоровъ, увлекшись преслѣдованіемъ его, не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ и начало темнѣть. Тогда онъ повернулъ домой. Но въ пылу преслѣдованія Егоровъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на примѣты дороги, и потому немудрено, что теперь онъ сбился съ истиннаго пути.

Наступила темная ночь; сдѣлалось очень холодно, а легкая парусинная блуза нисколько не защищала его отъ холода и пронзительнаго вѣтра. Чтобы согрѣться, Егоровъ все шелъ да шелъ, не останавливаясь, а когда разсвѣло, то очутился далеко отъ горъ, въ Сыртынской равнинѣ.

Видя, что онъ попалъ не туда, Егоровъ снова вернулся къ горамъ, но рѣшительно потерялся въ направленіи. Какъ на зло, сильный вѣтеръ поднялъ такую пыль, что даже вблизи было трудно разглядѣть что-либо. Тогда онъ пустился наугадъ и какъ разъ ошибся: вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ, какъ слѣдовало бы, онъ отправился на западъ.

Трое сутокъ блуждалъ онъ въ горахъ, переходя изъ одного ущелья въ другое и за все это время ничего не ѣлъ, только жевалъ на ходу кисловатые листья ревеня, да пилъ воду. «Ѣсть нисколько не хотѣлось,—разсказывалъ Егоровъ,—бѣгалъ по горамъ легко, какъ звѣрь, и даже мало уставалъ».

Между тѣмъ его чирки уже на вторыя сутки совершенно изорвались отъ безпрестанной ходьбы по камнямъ. Тогда Егоровъ разорвалъ свои парусинныя панталоны, обернулъ этими тряпками ноги и привязалъ пояснымъ ремнемъ, разрѣзавъ его на узкія полоски. Но такая обувь, конечно, мало защищала отъ острыхъ камней, и вскорѣ пятки и подошвы покрылись ранами.

А, между тѣмъ, ходить и ходить было необходимо, въ этомъ заключалась единственная надежда на спасеніе.

Застрѣливъ зайца, Егоровъ обернулъ себѣ израненныя ступни его мягкой кожей, но ноги болѣли все больше, какъ отъ ранъ, такъ и отъ непомѣрной усталости.

Въ особенности больно было по утрамъ, послѣ ночевки: невозможно было даже подняться на ноги и Егоровъ сталъ выбирать себѣ логовище для ночлега на скатѣ горы, для того, чтобы утромъ можно было сначала ползти на четверенькахъ «размять ноги», какъ выражался Егоровъ.—«А какъ разойдешься, то и ничего».

Много муки перенесъ несчастный и отъ холода, особенно ночью, когда случались морозы и сильный вѣтеръ.

Забившись гдѣ-нибудь подъ камень, Егоровъ разводилъ себѣ огонь; спичекъ у него не было, но онъ ухитрялся добывать огонь выстрѣломъ изъ холостаго патрона, изъ котораго вынималъ пулю, а на мѣсто ея клалъ кусокъ своей фуражки. При выстрѣлѣ этотъ кусокъ начиналъ тлѣть, а Егоровъ раздувалъ его въ огонь и распаливалъ аргалъ дикихъ яковъ. Но, конечно, поддерживать огонь всю ночь было невозможно, такъ какъ одолѣвала усталость и дремота.

Вотъ тутъ то и начинались, вдобавокъ къ страданіямъ израненыхъ

ногъ, новыя муки отъ холода. Егоровъ ухитрялся набить себѣ за пазуху и вокругъ стана какъ можно больше сухого аргала и, свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ...

На четвертыя сутки Егоровъ, наконецъ, почувствовалъ, что силы его покидаютъ и кромѣ того ощутилъ страшный голодъ, тогда какъ до того времени онъ почти и не думалъ о ѣдѣ.

Черезъ силу поднялся онъ со своего логовища и побрелъ. Вскорѣ подвернулся улларъ (Megaeo-perdix thibetanus); Егоровъ застрѣлилъ его и съѣлъ сырьемъ.

Вскорѣ удалось убить еще зайца, котораго онъ носилъ съ собою и ѣлъ сырьемъ по кусочку, когда сильно пересыхало въ горлѣ.

Въ это время онъ напалъ на тропинку, которая вела изъ Сыртынской равнины въ Са-чжоу. Нѣсколько разъ онъ пускался въ пустыню, но, мучимый жаждою, снова возвращался въ горы.

На пятыя сутки Егоровъ встрѣтилъ въ одной долинѣ небольшое стадо коровъ, которыя, несомнѣнно, принадлежали кочевавшимъ по близости монголамъ, но никакихъ пастуховъ при стадѣ не оказалось, такъ какъ они, вѣроятно, спрятались, увидѣвъ еще издали страннаго вида незнакомца. «Конечно,—говоритъ Николай Михайловичъ,—Егорову слѣдовало застрѣлить одну изъ коровъ, добыть такимъ образомъ себѣ мяса, а кожей обернуть израненныя ноги. Однако, онъ не рѣшился на это; онъ хотѣлъ только добыть себѣ молока, но и тутъ неудача—коровы оказались недойными».

Тогда Егоровъ снова побрелъ въ горы и здѣсь провелъ еще ночь, счетомъ шестую. Силы замѣтно падали и, несомнѣнно, что еще день-другой такихъ скитаній, и страдалецъ не вынесъ бы.

Несчастный и самъ это сознавалъ, но рѣшилъ ходить до послѣдней возможности. Затѣмъ онъ собирался вымыть гдѣ-нибудь въ ключѣ свою рубашку и въ ней умереть...

Опоздай его товарищи не только днемъ, но даже часомъ, или, наоборотъ, пройди они раньше со своимъ караваномъ по ущелью, гдѣ какъ разъ въ это время проходилъ Егоровъ—и гибель его была бы неизбѣжна.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На порогѣ Тибета.

Путь вдоль сѣверной окраины Цайдама.—Ставка Курлыкъ-бэйсе.—Пріемъ князя и крутыя мѣры по отношенію къ нему.—Комичная закупка продовольствія.—Хырма Дзунъ-засакъ, старые пріятели.—Строгое обращеніе съ княземъ.—Зловѣщія предсказанія.—Послѣдняя хитрость.—Восхожденіе на нагорье долиною р. Номохунъ-гола.—Другой міръ.—Монголъ-грифъ.

Два дня простояли путешественники на одномъ мѣстѣ, пока Егоровъ не оправился хоть немного отъ своей болѣзни. Всѣ ухаживали за нимъ съ любовью

и нѣжностью, и здѣсь ясно было видно, какая тѣсная дружба соединяла всѣхъ участниковъ экспедиціи. Черезъ двое сутокъ больной оправился уже на столько, что могъ держаться на сѣдлѣ, и экспедиція двинулась дальше.

Монголы, обитающіе въ Сыртынской равнинѣ, отнеслись къ нашимъ путешественникамъ вообще очень дружелюбно. Однако, отыскать между ними проводника прямо въ Тибетъ не удалось: брались довести лишь до западной окраины Цайдама, гдѣ пролегаетъ путь изъ Куку-нора въ Тибетъ и Лхассу.

Проводникомъ явился молодой еще монголъ Т а н ъ - т о, который оказался мѣстнымъ ловеласомъ и щеголемъ: онъ каждый день умывался, чистилъ зубы, даже въ одеждѣ соблюдалъ нѣкоторую опрятность.

Человѣкъ онъ оказался хорошій: толковый и услужливый. При разставаніи въ концѣ пути путешественники одарили Танъ-то сообразно съ его вкусами: кусочками мыла, бусами, ножницами и т. п. мелочами, «которыя, конечно, будутъ служить ему немаловажнымъ подспорьемъ при аттакахъ цайдамскихъ красавицъ», по словамъ Николая Михайловича. Въ короткое время и безъ всякихъ приключеній караванъ прошелъ вдоль всей сѣверной окраины Цайдамской равнины.

Больной Егоровъ быстро поправлялся; силы его замѣтно возстановлялись съ каждымъ днемъ и только незажившія еще раны на ногахъ не позволяли обуться и принять участіе во всѣхъ экспедиціонныхъ работахъ. Зато съ Иринчиновымъ случилось маленькое несчастье, которое могло-бы, однако, кончиться для него весьма печально. Въ тысячный разъ, быть можетъ, за все время своихъ странствованій вколачивалъ онъ однажды желѣзный шоронъ, къ которому на общей веревкѣ привязываются на ночь верблюды, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ неожиданно дернулъ веревку съ такою силою, что шоронъ выскочилъ изъ земли, ударилъ Иринчинова со всего размаха въ нижнюю часть лица, разсѣкъ ему губу и выбилъ 3 зуба. Попади шоронъ немного выше, бѣдный Иринчиновъ лишился бы глаза.

25 августа путешественники достигли озера К у р л ы к ъ - н о р а, на берегу котораго находилась ставка Цайдамскаго князька К у р л ы к ъ - б э й с е, и расположились бивуакомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея.

Мѣстность эта весьма замѣчательна въ томъ отношеніи, что здѣсь монголы занимаются земледѣліемъ. Воздѣланное поле, правда, занимаетъ не болѣе полусотни десятинъ, но слава объ этомъ плодородномъ участкѣ гремитъ по всему Цайдаму, и сюда пріѣзжаютъ издалека для покупки ячменя, пшеницы, а еще болѣе—дзамбы, приготовляемой изъ этихъ зеренъ.

«Обработка земли,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—отвратительная. Мѣстность не очищена даже отъ зарослей весьма обильнаго здѣсь хармыка. Между кустами этого послѣдняго взрыхлена почва и на ней засѣянъ ячмень, въ меньшемъ количествѣ — пшеница. Вода для орошенія отводится канавами изъ рѣки Балгынъ-голъ. Урожай по общимъ отзывамъ всегда бываетъ хорошій...

Сборъ хлѣба былъ въ полномъ ходу какъ разъ во время прибытія экспеди-

Танъ-то въ кругу цайдамскихъ красавицъ.

ціи туда. Вездѣ на поляхъ виднѣлись мужчины и женщины, которые срѣзывали серпами стебли ячменя и пшеницы и тутъ же обмолачивали ихъ на твердыхъ глинистыхъ площадкахъ» *).

Для безопасности отъ грабежей орынгынъ, которые, какъ уже раньше указано **), постоянно производятъ свои набѣги на несчастныхъ цайдамцевъ, хлѣбныя зерна зарываются въ небольшія ямы и земля на нихъ такъ выравнивается, что только самъ хозяинъ можетъ узнать, гдѣ засыпанъ хлѣбъ. Подобнымъ же образомъ закапывается масло и другіе наиболѣе цѣнные продукты.

На слѣдующій день послѣ прибытія нашихъ путешественниковъ на р. Балгынъ-голъ, къ нимъ явился изъ своей ставки Курлыкъ-бэйсе. Остановившись въ одной верстѣ отъ бивуака экспедиціи, онъ, въ нарочно поставленной для этой цѣли юртѣ, переодѣлся въ свой парадный костюмъ и только послѣ этого явился, въ сопровожденіи большой свиты, въ палатку путешественниковъ.

Самъ бэйсе еще молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, немытый и грязный, какъ и всѣ монголы. Помимо своего параднаго краснаго одѣянія, онъ нацѣпилъ на себя множество разныхъ побрякушекъ, въ особенности серебряныхъ колецъ на руки, «которыя были грязнѣе самаго грязнаго сапога».

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 160.
**) См. Тибетъ, гл. XV.

Танъ-то въ кругу цайдамскихъ красавицъ.

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ о благополучіи пути, здоровьи скота и т. п., Николай Михайловичъ навелъ разговоръ на самые интересные для него предметы: проводниковъ, верблюдовъ, барановъ и т. п.

Бэйсе, вѣроятно, уже предувѣдомленный заранѣе китайцами, сразу началъ отказывать во всемъ этомъ, отговариваясь то своею неопытностью, то трудными для скотоводства годами, а относительно проводниковъ прямо заявилъ, что во всемъ хошунѣ нѣтъ ни одного человѣка, знающаго дорогу въ Тибетъ...

Ложь была явная, но Николай Михайловичъ, не желая сразу ссориться, предложилъ князю подумать, какъ бы устроить все это дѣло, и бэйсе, любезно распрощавшись, уѣхалъ въ свою юрту, гдѣ снова переодѣлся въ домашній костюмъ, а оттуда домой.

Черезъ нѣсколько времени Николай Михайловичъ, въ сопровожденіи своего главнаго дипломата, переводчика монгольскаго языка, Иринчинова, самъ отправился въ ставку бэйсе съ отвѣтнымъ визитомъ.

«Князь вышелъ на встрѣчу,—разсказываетъ Пржевальскій,—и ввелъ меня въ свое обиталище. Это была грязная дырявая юрта, въ которой противъ лазейки лежалъ на землѣ красный войлокъ; на немъ я усѣлся вмѣстѣ съ бэйсе. Передъ нами тотчасъ поставили чашки съ чаемъ и дзамбою; сбоку же князя положили баранью требушину, наполненную масломъ. Изъ столь прелестнаго сосуда князь доставалъ своими грязнѣйшими пальцами масло и клалъ его въ чай какъ себѣ, такъ и своимъ приближеннымъ. Предложено было и мнѣ подобное угощеніе, но я отъ него отказался»...

Затѣмъ разговоръ опять былъ заведенъ о слѣдованіи въ Тибетъ, но князь попрежнему завелъ рѣчь о трудности этого пути, о неимѣніи проводниковъ, о невозможности продать верблюдовъ, барановъ и т. п.

Николаю Михайловичу, наконецъ, надоѣла эта вздорная болтовня и онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей велѣлъ Иринчинову передать князю, что онъ отлично знаетъ, что изъ Цайдама въ Тибетъ постоянно ходятъ монголы, такъ какъ не въ первый разъ въ этомъ мѣстѣ; что на основаніи пекинскаго паспорта онъ не проситъ, а требуетъ бэйсе, конечно за плату, снабдить его проводникомъ и всѣмъ необходимымъ, для чего назначенъ былъ срокъ въ одинъ день. «Если завтра въ это время,—перевелъ Иринчиновъ ультиматумъ Николая Михайловича,— не будетъ исполнено все требуемое, то, во-первыхъ, на него будетъ послана жалоба въ Пекинъ (что, конечно, было бы безполезно), а во-вторыхъ, все нужное будетъ взято силою».

Послѣ этого Николай Михайловичъ, съ крайне разгнѣваннымъ видомъ, немедленно же уѣхалъ къ себѣ, а Иринчиновъ остался еще нѣкоторое время и различными внушительными добавленіями съ своей стороны старался запугать и безъ того уже порядкомъ растерявшагося князя.

Рано утромъ на слѣдующій день Курлыкъ-бэйсе пріѣхалъ на бивуакъ путешественниковъ и началъ было попрежнему увѣрять въ своей готовности, но

невозможности исполнить все требуемое, но Николай Михайловичъ рѣзко остановилъ потокъ его рѣчей, разругалъ самого князя и его совѣтниковъ и велѣлъ имъ убираться вонъ изъ палатки, грозя тотчасъ же прибѣгнуть къ еще болѣе крутымъ мѣрамъ. Казаки немедленно же по знаку своего начальника вытолкали ихъ вонъ.

Сконфуженный бэйсе, отойдя немного отъ палатки, усѣлся въ кружокъ со своими совѣтниками и началъ совѣщаться, въ результатѣ чего онъ объявилъ, что согласенъ исполнить всѣ требованія, но что проводника, знающаго хорошо дорогу въ Лхассу, у него нѣтъ, и потому онъ предложилъ дать провожатыхъ лишь до сосѣдняго стойбища цайдамскаго князя Дзунъ-засака.

На это Николай Михайловичъ согласился, такъ какъ послѣ столь серьезной размолвки не рѣшался вручить на храненіе князя коллекціи, которыя немыслимо было тащить за собою въ Тибетъ.

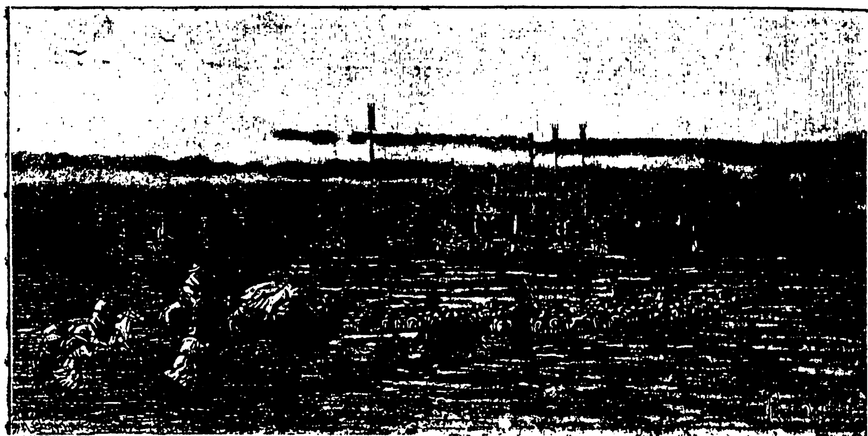
Затѣмъ приступили къ закупкамъ всего необходимаго для предстоящаго путешествія. Нужно было купить: юрту, 15 барановъ, 6 пудовъ дзамбы и пудовъ 15 ячменя для лошадей на случай безкормицы. Всю эту покупку, конечно, можно было бы совершить въ полъ-часа, но здѣсь потребовалось цѣлыхъ два дня.

Князь продавалъ все лично самъ и не стыдился выбирать для продажи самыхъ плохихъ барановъ изъ своего стада.

Но комичнѣе всего вышла продажа ячменя. Для столь важной торговой операціи отправился самъ бэйсе въ сопровожденіи большой свиты и трехъ казаковъ съ мѣшками. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ были закопаны въ землю зерна, князь и его приближенные сошли съ лошадей; рабочіе же монголы начали откапывать землю. Когда добрались до глубоко спрятаннаго, словно великое сокровище, ячменя, довѣренный князя съ небольшою мѣркою шиномъ*) залѣзъ въ яму и нагребалъ тамъ зерна. Князь же и его свита сообща вели счетъ, и лишь только наполненный ячменемъ шинъ появлялся изъ ямы, всѣ въ одинъ голосъ кричали: «гýбру» (третій), «дурббъ» (четвертый), «тáбу» (пятый) и т. д. Казаки хохотали до упаду при видѣ всей этой процедуры и даже внушали князю: «какъ, молъ, тебѣ не стыдно заниматься такими пустяками». Но Курлыкъ-бэйсе не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Онъ даже не стѣснялся выпрашивать табакъ у тѣхъ же казаковъ, а на обратномъ пути пригласилъ ихъ въ свою юрту и угощалъ чаемъ. Вообще казаки стали съ нимъ въ очень короткія отношенія. Когда одинъ изъ нихъ спѣлъ лихую русскую пѣсню, то бэйсе пришелъ въ совершенный восторгъ и чтобы оказать почетъ своимъ высокимъ гостямъ, самъ наливалъ и подавалъ имъ чай, а своихъ приближенныхъ заставлялъ имъ всячески прислуживать и раскуривать имъ трубки.

На прощанье казаки одарили князя: дали ему горсть махорки, серебряный гривенникъ и случайно найденный у одного въ карманѣ завалявшійся кусочекъ сахара; разстались закадычными друзьями.

*) Шинъ — около 8 фунтовъ.

Хырма Дзунъ-засакъ, при вѣсти о приближеніи орынгынъ.

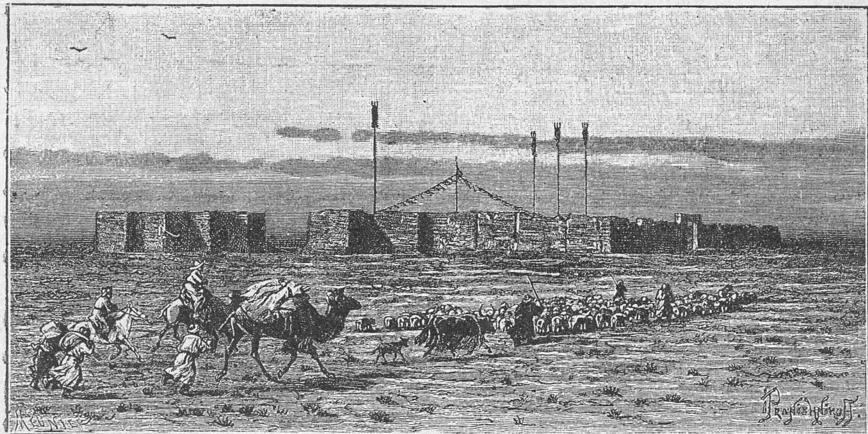
Несмотря на это, князь не стѣснялся брать безбожныя цѣны за все, что продавалъ. Верблюдовъ такъ и не удалось купить, потому что въ стадѣ не оказалось порядочныхъ, да и за тѣхъ бэйсе просилъ необыкновенно высокую цѣну.

Въ концѣ концовъ, онъ опять-таки сильно сподличалъ и далъ въ проводники совершеннаго идіота, что, впрочемъ, не разъ случалось и раньше и послѣ того — это обычная уловка, съ тою цѣлью, чтобы человѣкъ этотъ не могъ проболтаться о чемъ не слѣдуетъ и вообще, чтобы не могъ ничего сообщить толковаго.

Пройдя верстъ 150, экспедиція прибыла къ хырмѣ Дзунъ-засакъ. Хырмами, т. е. «крѣпостями» называются небольшія квадратныя укрѣпленія, обнесенныя глиняными стѣнами. Въ такихъ хырмахъ всѣ окрестные жители складываютъ наиболѣе цѣнные изъ своихъ пожитковъ, а при первомъ извѣстіи о появленіи орынгынъ, бѣгутъ и сами туда толпами, загоняя скотъ. Въ обыкновенное же время въ хырмѣ живутъ поочередно, въ качествѣ гарнизона, человѣкъ 20—30 монгольскихъ милиціонеровъ, вооруженныхъ саблями и пиками, а у нѣкоторыхъ есть даже и фитильныя ружья.

Для орынгынъ подобная «крѣпость» съ тонкими глиняными стѣнами сажени въ три вышиною, при длинѣ саженей въ 30 съ каждой стороны, представляетъ препятствіе неодолимое. Разбойники обыкновенно даже и не думаютъ штурмовать эти неприступныя твердыни или заниматься осадою, а отправляются далѣе, разсчитывая въ другомъ мѣстѣ оказаться болѣе счастливыми и захватить жителей врасплохъ.

Лишь только путешественники разбили свой бивуакъ верстахъ въ трехъ отъ хырмы Дзунъ-засакъ, какъ къ нимъ явился давнишній знакомецъ Николая Михайловича и ветерана Иринчинова, Камбы-лама. Встрѣча была очень дружественная.

Хырма Дзунъ-засакъ, при вѣсти о приближенiи орынгынъ.

Онъ сообщилъ, что Чутунъ-дзамба, который, какъ помнитъ читатель, въ первое путешествіе водилъ караванъ Николая Михайловича въ Тибетъ, умеръ. Умеръ также и тибетскій посланникъ Камбы-нансу, который въ 1872 г. предлагалъ Пржевальскому свое содѣйствіе въ задуманномъ имъ посѣщеніи Лхассы. Наконецъ, умеръ и молодой Куку-норскій ванъ, также давнишній знакомецъ. Камбы-лама разсказалъ, что молодой ванъ отправился на поклоненіе Далай-ламѣ, но на переправѣ черезъ Танъ-ла его постигла внезапная, почти моментальная смерть, вѣроятно, отъ разрѣженности воздуха. Съ его смертью пресѣкся родъ владѣтельныхъ князей Цинъ-хай-вановъ, и до выбора и утвержденія въ этомъ достоинствѣ новой фамиліи, княжествомъ попрежнему управлялъ пріятель Николая Михайловича Тосалакчи. Послѣднее извѣстіе было утѣшительное, но всѣ предыдущія были неблагопріятны. Особенно непріятно было извѣстіе о смерти Чутунъ-дзамбы, на котораго Николай Михайловичъ немало разсчитывалъ, когда дѣлалъ большой кругъ въ своемъ пути, идя изъ Сыртынской равнины не прямо на югъ, а черезъ всю почти Цайдамскую равнину до его восточной окраины.

Мѣстный князь, Дзунъ-засакъ, также давнишній знакомецъ Пржевальскаго, противъ ожиданія встрѣтилъ путешественниковъ далеко не радушно.

Совершенно также, какъ и Курлыкъ-бэйсе, онъ сразу началъ отговариваться неимѣніемъ людей, знающихъ путь въ Тибетъ. Николай Михайловичъ при-

Камбы-лама. Кукунорскій Тосалакчи. Дзунъ-засакъ и его свита.

Камбы-лама. Кукунорскій Тосалакчи. Дзунъ-засакъ и его свита.

грозилъ князю потащить его самого въ Тибетъ*) и назначилъ двухъ-дневный срокъ для пріисканія вожатаго. Посланный съ этимъ ультиматумомъ Иринчиновъ, по обыкновенію, прибавилъ еще и съ своей стороны нѣсколько вѣскихъ внушеній.

Дзунъ-засакъ просилъ дать ему нѣсколько времени на размышленіе и послалъ за своимъ сосѣдомъ Барунъ-засакомъ, съ которымъ долго совѣщался.

Наконецъ, оба князя рѣшили дать путешественникамъ проводника. Этому послѣднему, котораго имъ рекомендовали, какъ человѣка, очень хорошо знающаго дорогу въ Тибетъ, Пржевальскій пообѣщалъ награду въ 50 ланъ, если онъ будетъ служить хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ, что въ случаѣ, если онъ вздумаетъ обманывать, то его разстрѣляютъ. Но эта угроза не произвела на него особеннаго дѣйствія и онъ согласился.

Оставивъ затѣмъ бо́льшую часть клади на храненіе въ хырмѣ, подъ наблюденіемъ Камбы-ламы, и вручивъ обоимъ князьямъ на храненіе 20 ямбовъ**) серебра, 12 сентября на восходѣ солнца путешественники двинулись въ Тибетъ. Караванъ состоялъ изъ 34 верблюдовъ, изъ которыхъ 22 были завьючены, но оставленіе части клади въ складѣ дозволило уменьшить теперь вьюки до 6 — 7 пудовъ, что было необходимо, въ виду трудности предстоящаго пути.

Монголы напутствовали ихъ предсказаніями всевозможныхъ бѣдъ: глубокимъ снѣгомъ, который, по мѣстнымъ примѣтамъ, долженъ былъ выпасть въ Тибетѣ въ ту зиму; болѣзнями отъ непривычнаго климата, разбойниками, поджидающими караваны въ горныхъ ущельяхъ, наконецъ, князья сообщили, что тибетцы выставили отрядъ войскъ около перевала черезъ Танъ-ла, чтобы не пустить чужеземцевъ въ свою столицу.

«Ради Бога,—писалъ по этому случаю Николай Михайловичъ въ Пекинъ русскому посланнику,—нельзя ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ своихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои происки. Въ особенности важно устранить недоразумѣнія въ Лхассѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ...

Нельзя ли будетъ написать изъ Пекина въ Лхассу, чтобы насъ пустили поохотиться въ лѣса къ Батану и дали бы потомъ проводниковъ въ Хотанъ» ***).

Впрочемъ, Николай Михайловичъ не особенно довѣрялъ тому, чтобы тибетцы въ самомъ дѣлѣ вздумали ему оказать вооруженное сопротивленіе, а что касается разсказовъ о разбойникахъ и всевозможныхъ физическихъ трудностей, то въ разсказахъ о нихъ онъ видѣлъ просто желаніе запугать, хотя изъ прежняго опыта онъ и самъ уже зналъ, какъ труденъ предстоящій путь.

---

*) „И дѣйствительно исполню свою угрозу,—писалъ Николай Михайловичъ русскому посланнику въ Пекинѣ.—Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно при томъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 г.“ (Письмо 11 сентября 1879 г., см. Дубровинъ, стр. 303).

**) Около 5,000 кредитныхъ рублей.

***) Въ вышеуказанномъ письмѣ, см. Дубровинъ, стр. 303.

«Многими опытами прошедшихъ путешествій, — записалъ онъ въ своемъ дневникѣ наканунѣ выхода,—я наученъ не вѣрить никакимъ слухамъ, но только своимъ собственнымъ глазамъ. Если бы разсчитывать навѣрняка, то мы бы никогда не были ни на Куку-норѣ, ни на Лобъ-норѣ, ни даже теперь въ Цайдамѣ. Въ путешествіи, подобномъ нашему, одно вѣрно: идти на проломъ, не задумываясь ни передъ чѣмъ. Такъ и сдѣлаемъ» *).

Чтобы избѣгнуть труднаго подъема на хребетъ Бурханъ-Будда, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы изслѣдовать новый путь, Николай Михайловичъ на этотъ разъ отправился въ обходъ, по ущелью рѣки Номохунъ-голъ. Вступивъ въ это ущелье, путешественники устроили дневку, разсчитывая на богатый сборъ научныхъ коллекцій, но надежда эта не оправдалась.

Здѣсь нагналъ караванъ посланный отъ Дзунь-засака гонецъ; князекъ этотъ сдѣлалъ послѣднюю попытку задержать выступленіе экспедиціи въ Тибетъ и предложилъ идти въ Западный Цайдамъ, гдѣ, по увѣренію его, можно было достать еще лучшаго проводника. Кромѣ того онъ предлагалъ устроить облаву на медвѣдей, которыхъ дѣйствительно въ это время было много въ зарасляхъ хармыка, ягодами котораго они очень любятъ лакомиться и для этого спускаются съ окраины тибетскаго нагорья въ Цайдамъ.

Николай Михайловичъ, однако, смекнулъ, что всѣ эти предложенія не болѣе, какъ хитрая уловка. Дѣло въ томъ, что, какъ оказалось впослѣдствіи, еще отъ Курлыкъ-бэйсе былъ посланъ гонецъ къ сининскому губернатору съ вопросомъ, какъ поступить съ путешественниками, и для князей монгольскихъ было чрезвычайно важно задержать путешественниковъ до полученія инструкцій отъ китайскаго губернатора, которому они были подвѣдомственны.

Къ великому огорченію Дзунь-засака, Пржевальскій не искусился ни идеальнымъ якобы проводникомъ, ни облавою на медвѣдей и на слѣдующій день вступилъ въ горы.

18 сентября исполинская стѣна гребня Бурханъ-Будда осталась уже позади и путешественники вступили на Тибетское нагорье. Въ характерѣ мѣстности произошла рѣзкая перемѣна, словно караванъ вступилъ въ совершенно иной міръ, въ которомъ прежде всего поражало необыкновенное изобиліе крупныхъ звѣрей, мало или почти вовсе не страшившихся человѣка. Невдалекѣ отъ стойбища паслись цѣлые табуны хулановъ, лежали и въ одиночку расхаживали дикіе яки, въ граціозной позѣ стояли антилопы оронгò; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькія антилопы—àды. Всѣ спутники Николая Михайловича приходили въ неописуемый восторгъ и удивленіе при столь необычайномъ, поразительномъ зрѣлищѣ, но самъ Пржевальскій и ветеранъ Иринчиновъ, уже пресытившіеся всѣмъ этимъ въ 1872—73 годахъ, теперь относились спокойно.

---

*) См. Дубровинъ, стр. 306.

Едва окончена была разбивка бивуака, какъ путешественники съ азартомъ записныхъ охотниковъ накинулись со своими убійственными снарядами на мирно пасущихся и не подозрѣвающихъ въ новыхъ пришлецахъ своихъ страшныхъ враговъ законныхъ обитателей этой страны...

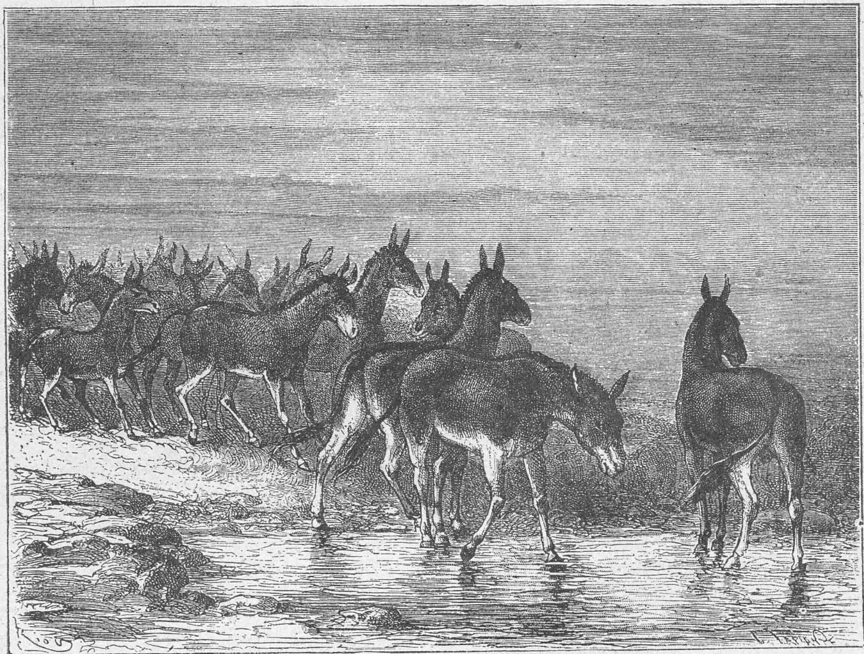
Это была не охота въ собственномъ смыслѣ, а безпощадная бойня. Въ самое короткое время убито было 13 крупныхъ звѣрей, въ томъ числѣ 2 яка. Нѣкоторыя шкуры поступили въ коллекцію, часть мяса была взята для продовольствія, а остальное брошено было на съѣденіе волковъ, грифовъ, вороновъ...

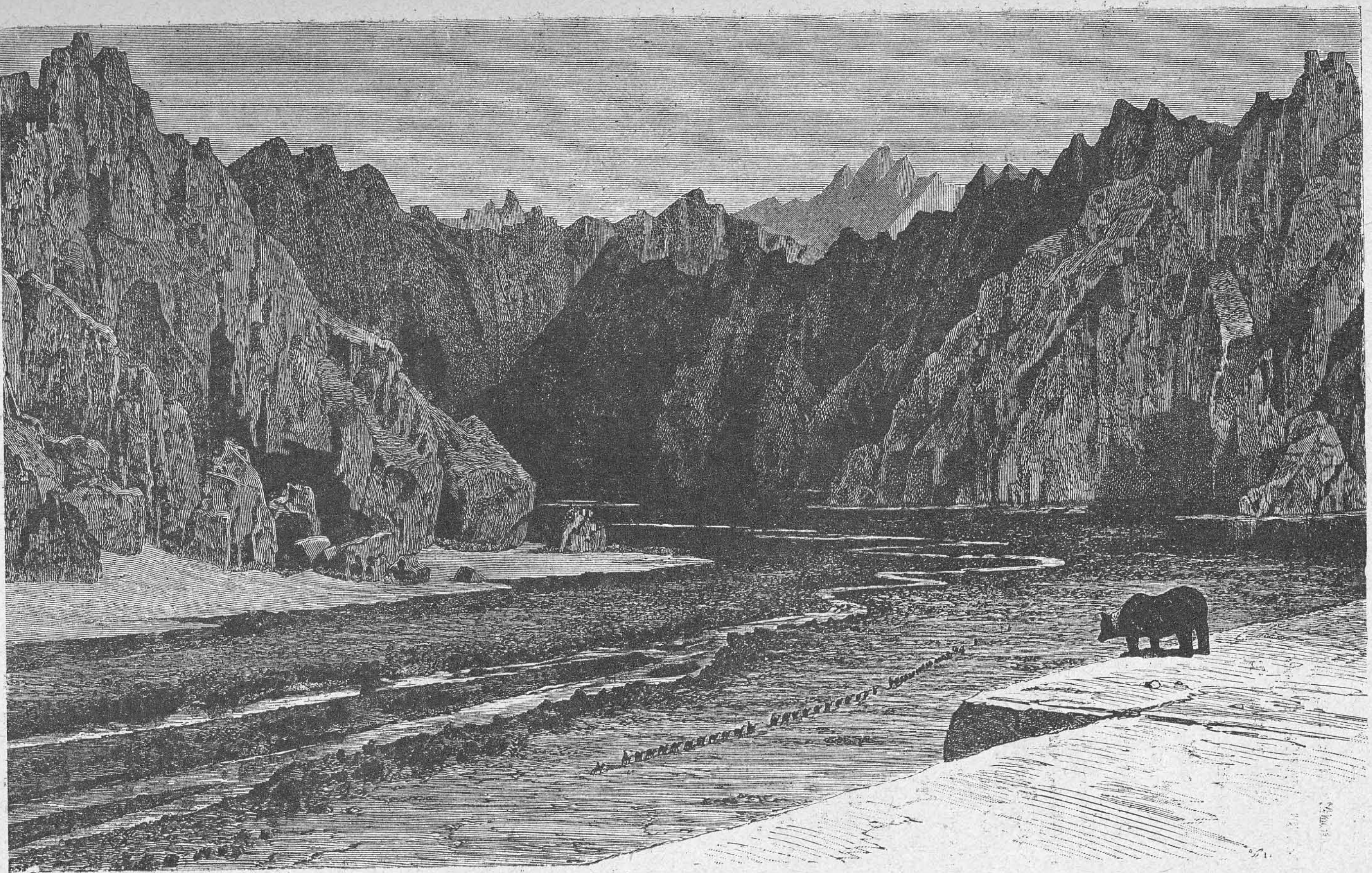
Стадо хулановъ.

Начался обильный пиръ, такъ что черезъ нѣсколько часовъ отъ убитыхъ животныхъ остались однѣ только голыя кости.

Весьма интересно, что вслѣдъ за экспедиціей тайкомъ отправился одинъ цайдамскій монголъ, который, по опыту предыдущаго здѣсь путешествія Николая Михайловича, сообразилъ, что путешественники будутъ бить много звѣрей и рѣшилъ воспользоваться даровою добычею. Скрываясь въ различныхъ потайныхъ ущельяхъ, онъ, подобно графу, слѣдилъ за охотниками и лишь только звѣрь былъ убитъ, шкура снята, часть мяса вырѣзана, и остальная туша оставлялась безъ вниманія, онъ, по уходѣ охотника, тотчасъ же бросался вмѣстѣ съ волками и грифами къ даровой добычѣ, вырѣзывалъ куски мяса и таскалъ въ ближайшее

Стадо хулановъ.

Ущелье Номохунъ-гола въ горахъ Бурханъ-Будда.

ущелье, гдѣ пряталъ ихъ подъ большіе камни, а затѣмъ снова спѣшилъ за новыми кусками. При этомъ онъ не забывалъ захватить и большія бедряныя кости, чтобы потомъ на свободѣ полакомиться мозгомъ.

Въ такомъ пріятномъ занятіи монголъ провелъ все утро, оставаясь незамѣченнымъ, а затѣмъ устроилъ себѣ въ потайномъ ущельѣ пиръ и, наѣвшись до нельзя мяса, завалился спать.

Случайно этимъ самымъ ущельемъ позднимъ вечеромъ возвращался съ охоты одинъ изъ казаковъ и въ сумеркахъ неожиданно наткнулся на спящаго цайдамца. Предполагая, что это какой-нибудь шпіонъ или воръ, онъ притащилъ на бивуакъ до смерти перепуганнаго монгола, гдѣ при разспросѣ и разъяснилась суть дѣла. Тогда монголъ-грифъ, какъ его прозвали, получилъ позволеніе открыто подбирать остатки охоты и съ восторгомъ снова принялся закапывать объѣдки грифовъ и волковъ.

Незамѣтно подымаясь вверхъ, экспедиція достигла перевала черезъ хребетъ Шуга на высотѣ 15,200 ф., а затѣмъ спустилась въ оригинальную долину рѣки Шуга-голъ, замѣчательную тѣмъ, что, имѣя всего около 5 верстъ въ ширину, она тянется въ совершенно прямомъ направленіи болѣе, чѣмъ на 100 верстъ съ запада на востокъ, словно вырытая исполинами дорога между двумя горными хребтами, почти отвѣсными стѣнами подымающимися надъ дномъ долины.

Эта долина покрыта сравнительно хорошими пастбищами и потому звѣри явились здѣсь передъ изумленными путешественниками еще въ большемъ изобиліи, чѣмъ раньше. «По нашему пути вдоль рѣки,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—безпрестанно встрѣчались яки, хуланы и антилопы. Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли довѣрчивыя животныя на караванъ, почти не пугаясь его. Табуны хулановъ отходили только немного въ сторону и, повернувшись всею кучею, пропускали насъ мимо себя, а иногда даже нѣкоторое время слѣдовали сзади верблюдовъ. Антилопы оронгó и ада спокойно паслись и рѣзвились по сторонамъ или перебѣгали дорогу передъ нашими верховыми лошадьми; лежавшіе же послѣ покормки и пережевывавшіе жвачку дикіе яки даже не трудились вставать, если караванъ проходилъ мимо ихъ... Казалось, что мы попали въ первобытный рай, гдѣ человѣкъ и животныя не знали еще зла и грѣха»... *).

Но человѣкъ несетъ съ собою зло, и эта мирная картина первобытной природы нарушилась очень скоро.

Выбравъ удобное мѣсто, путешественники остановились на дневку со спеціальною цѣлью добыть шкуръ для коллекцій; излишняя бойня, ради одной охотничьей потѣхи, не дозволялась. При томъ же слишкомъ большое изобиліе животныхъ, отсутствіе у нихъ пугливость отнимали даже всякій интересъ отъ подобнаго рода охоты, и даже страстному охотнику очень скоро надоѣдаетъ стрѣлять довѣрчивыхъ животныхъ; только дикіе яки еще отчасти искушаютъ охотника тѣмъ, что

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 206.

иногда бросаются на своего врага, и здѣсь, слѣдовательно, является интерес борьбы. Заманчивость же сохранила только охота за болѣе рѣдкими или очень осторожными животными, какъ напримѣръ, медвѣди и аркары.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ сѣверномъ Тибетѣ.

Первыя трудности.—Снѣжный покровъ, болѣзнь глазъ, безкормица.—Проводникъ не знаетъ дороги.—Зловѣщія предсказанія.—Въ тѣснинахъ Куку-шили.—Изгнаніе проводника.—Долина Муръ-усу. — Опасное приключеніе на охотѣ. — Крайнее изнеможеніе. — Плоскогоріе Танъ-ла.—Первая встрѣча съ ёграями, подозрительное ихъ поведеніе.—Неожиданное нападеніе разбойниковъ. — Перевалъ черезъ Танъ-ла. — Сраженіе съ ёграями.—Неутѣшительныя вѣсти.—Волненія въ Лхассѣ.—Встрѣча чиновниками.—Происки китайцевъ, препирательства въ Пекинѣ.—Тревога за судьбу Пржевальскаго въ Европѣ.—Толки въ печати.

Переваливъ черезъ высокое нагорье Чюмъ-чюмъ и спустившись въ долину какой-то неизвѣстной рѣки, путешественники вдругъ застигнуты были страшною мятелью, которая принесла съ собою и сильные морозы. Въ ночь на 3 октября снѣгъ покрылъ землю сплошною пеленою на полъ-фута; мятель продолжалась и весь слѣдующій день, такъ что снѣгу нанесло большіе сугробы.

Одно изъ мрачныхъ предсказаній цайдамскихъ монголовъ такимъ образомъ исполнилось... Сплошной снѣжный покровъ былъ большимъ несчастіемъ для нашихъ путешественниковъ по многимъ причинамъ. Прежде всего снѣгъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи до такой степени блестѣлъ, что смотрѣть вдаль почти не было никакой возможности и не только у людей, но и у животныхъ очень скоро начали сильно болѣть глаза. Синія очки, которыя захватилъ съ собою запасливый Николай Михайловичъ, нисколько не помогали: здѣсь нужно было имѣть спеціальныя снѣговыя очки, съ боковыми сѣтками, но ихъ не имѣлось. Казаки пріучились завязывать себѣ глаза синими тряпками, и это оказалось болѣе дѣйствительнымъ средствомъ противъ невыносимаго снѣжнаго блеска, а монголъ-проводникъ завязалъ глаза прядью волосъ изъ хвоста яка. Этотъ способъ, выработанный вѣковою практикою, очень дѣйствителенъ, но, конечно, необходима привычка къ подобной волосяной повязкѣ, и наши путешественники не могли на первое время ею воспользоваться.

Второе, еще болѣе роковое послѣдствіе снѣга, была безкормица.

Подъ снѣгомъ непривычныя животныя не въ состояніи были разыскивать рѣдкія былинки скудной вообще травяной растительности и голодали. Лошадей начали кормить запасеннымъ ячменемъ, но верблюды томились голодомъ и дошли, наконецъ, до такой крайности, что, улучивъ удобную минуту, чуть не моментально съѣли другъ на другѣ нѣсколько сѣделъ, набитыхъ соломою.

Аргалъ подъ снѣгомъ также невозможно было отыскивать, а если онъ и

находился случайно, то былъ до такой степени сырой, что совершенно не горѣлъ, такъ что приходилось сидѣть безъ огня и съ большимъ трудомъ, часа въ два, при непрерывномъ раздуваніи мѣхомъ, удавалось вскипятить чай; а для сваренія мяса требовалось чуть не полдня времени.

Наконецъ, подъ однообразнымъ снѣжнымъ покровомъ, исчезли всякія наружныя примѣты мѣстности и проводникъ не могъ распознавать дорогу.

«Непривѣтливо встрѣтило насъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—могучее нагорье! (Чюмъ-чюмъ). Какъ теперь помню я пронизывавшую до костей бурю съ запада и грозныя снѣговыя тучи, низко висѣвшія надъ обширнымъ горизонтомъ, разстилавшимся съ перевала Чюмъ-чюмъ; какъ теперь вижу плаксивую физіономію нашего проводника, бормотавшаго, стоя рядомъ со мною, молитвы и сулившаго намъ всякія бѣды...

Кто знаетъ, думалось мнѣ тогда, что ожидаетъ насъ впереди: лавровый-ли вѣнокъ успѣха, или гибель въ борьбѣ съ дикою природою и враждебными людьми»...

Пройдя немного впередъ отъ этого перевала, проводникъ объявилъ, что дальше онъ плохо знаетъ дорогу, такъ какъ ходилъ здѣсь пятнадцать лѣтъ тому назадъ. «Худо впереди будетъ; всѣ мы погибнемъ, лучше теперь, пока еще не поздно, вернуться назадъ», постоянно твердилъ монголъ.

Подозрѣвая обманъ, Николай Михайловичъ приказалъ наказать проводника и для предупрежденія бѣгства зорко за нимъ наблюдать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему опять повторили, что если онъ вздумаетъ умышленно завести караванъ куда-нибудь въ непроходимое мѣсто, то ему не будетъ пощады: онъ будетъ разстрѣлянъ.

Отъ страха монголъ совсѣмъ потерялъ голову, да при томъ, повидимому, и дѣйствительно не зналъ дороги. Теперь уже шли наугадъ, руководствуясь столько же указаніями проводника, сколько и своими собственными соображеніями.

Между тѣмъ погода все ухудшалась; по временамъ снѣгу еще прибавляли новыя мятели, а по ночамъ морозы доходили уже до 23°. По ночамъ въ нетопленной юртѣ приходилось очень круто, но казакамъ было еще хуже, такъ какъ они попрежнему жили въ парусинной палаткѣ, за невозможностью добыть вторую юрту. Крѣпкіе морозы не позволяли надѣяться на скорое таяніе снѣга, наоборотъ, надо было ожидать еще ухудшенія положенія. Словно въ подтвержденіе этого, ежедневно мимо каравана проходили большія стада яковъ и другихъ животныхъ, которыя стремились на юго-востокъ, очевидно къ болѣе низменной и слѣдовательно болѣе теплой долинѣ рѣки Муръ-усу.

«Звѣри предчувствуютъ тяжелую зиму и уходятъ отсюда. Плохо намъ будетъ, погибли мы!»—все продолжалъ каркать монголъ проводникъ. Самъ онъ имѣлъ очень жалкій видъ. Отъ холода онъ сдѣлался чуть живымъ; на дневкахъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ забившись въ углу палатки и только и было слышно,

какъ онъ въ полъ-голоса бормоталъ свои безконечныя молитвы, прерывая ихъ лишь тяжелыми вздохами и нытьемъ. Впрочемъ, на него угнетающе дѣйствовалъ еще страхъ за свою будущую участь.

Что же касается спутниковъ Николая Михайловича, то они показали себя достойными сподвижниками своего начальника. Что будетъ, то будетъ, говорилъ онъ, и всѣ единогласно одобряли это рѣшеніе... «Съ такими товарищами,—говоритъ Пржевальскій,—можно было сдѣлать многое!»

«Что-то будетъ впереди,—записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ,—если снѣгъ пролежитъ еще недѣлю, верблюды начнутъ дохнуть».

На мѣстѣ оставаться и ждать улучшенія погоды было невозможно и потому, хотя наугадъ, путешественники пошли дальше, по направленію къ виднѣвшемуся вдали высокому гребню горъ, Куку-шили.

Замѣчательно, что въ разрѣженной атмосферѣ при тихой ясной погодѣ мало наклонные лучи *) солнца грѣли такъ сильно, что во время движенія съ караваномъ, переду тѣла, обращенному къ югу, нерѣдко было жарко, тогда какъ на спинѣ въ это же время чувствовался холодъ **).

Забравшись въ горы Куку-шили, путешественники попали еще въ худшее чѣмъ прежде положеніе: не смотря на всѣ попытки, не удалось найти удобнаго прохода на противоположную сторону хребта.

Проводникъ велъ очевидно наугадъ, хотя и увѣрялъ, что здѣсь онъ знаетъ дорогу. По его указанію караванъ началъ взбираться по крутому, едва проходимому ущелью. Верблюды безпрестанно спотыкались и падали, такъ что на нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ пришлось встаскивать на веревкахъ.

Съ великимъ трудомъ вскарабкались наконецъ путешественники на гребень Куку-шили, но здѣсь къ великому своему огорченію увидѣли передъ собою лишь неширокую болотистую и кочковатую равнину, а за нею опять сплошныя горы.

Строго допрошенный проводникъ божился всѣми святыми, что съ пути не сбились, что онъ совершенно узналъ теперь мѣстность и что нужно теперь только немного пройти встрѣчною долиною, и тамъ откроется выходъ изъ горъ.

Хотя эти увѣренія и казались очень сомнительными, но поневолѣ пришлось послѣдовать этому указанію. Весь слѣдующій день шли по этой долинѣ, то по раскинувшимся внизу кочковатымъ болотамъ, то взбираясь на крутые горные скаты. Животныя постоянно спотыкались, падали и проползли черепашьимъ шагомъ верстъ четырнадцать по этой мучительной дорогѣ. Наконецъ долина замкнулась и спереди высокими стѣнами горъ—дальше идти уже не было никакой возможности, а монголъ сталъ увѣрять, что онъ «немного» ошибся, что

*) Экспедиція въ это время находилась подъ 34° с. ш., т. е. на одинаковомъ разстояніи отъ экватора, какъ Алжиръ, Египетъ, Месопотамія и др., гдѣ солнце грѣетъ очень сильно.

**) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 214.

теперь слѣдуетъ вернуться къ вчерашнему стойбищу, такъ какъ проходъ находится въ другомъ мѣстѣ.

Раздраженный Николай Михайловичъ приказалъ вновь наказать проводника. Затѣмъ разбили бивуакъ и монголъ посланъ былъ развѣдать истинный путь. Однако же онъ отъѣхалъ версты три, слѣзъ съ лошади и преспокойно предался отдохновенію. Посланные казаки нашли его глубоко спящимъ.

Мѣра терпѣнія переполнилась. Монгола снабдили продовольствіемъ и съ позоромъ изгнали изъ каравана.

Трудно сказать, по дѣйствительному-ли незнанію дороги или умышленно этотъ проводникъ завелъ экспедицію въ непроходимыя горы. Возможно, конечно, и послѣднее. Дзунь-засакъ опасался дать дѣйствительно знающаго проводника, боясь взысканія со стороны китайскихъ властей, а разсчитывать на умышленное предательство было рискованно, въ виду строгости, которою заявилъ себя Пржевальскій и его угрозы разстрѣлять вожатаго въ случаѣ умышленнаго обмана. Но съ другой стороны многое заставляло думать, что даже и этотъ плохой проводникъ при своемъ отправленіи изъ Цайдама, получилъ внушеніе отъ князя насколько возможно обманывать путешественниковъ и убѣждать вернуться, но только онъ не слишкомъ могъ пользоваться такими совѣтами, такъ какъ очень скоро ему пришлось убѣдиться, что съ нимъ церемониться не станутъ.

Какъ бы то ни было, но Пржевальскій со своими спутниками снова остался одинъ въ необозримыхъ пустыняхъ Сѣвернаго Тибета...

На сотни верстъ кругомъ не было ни одного жилья, ни одной души человѣческой, стоялъ только одиноко караванъ небольшой горсти русскихъ смѣльчаковъ, окруженный дикою суровою природою.

О прінсканіи новаго проводника нечего было и думать и пришлось опять прибѣгнуть къ единственному средству узнать дорогу—къ разъѣздамъ.

Къ счастью путешественники не въ первый разъ уже были въ такомъ положеніи и достаточно напрактиковались въ производствѣ развѣдокъ.

На слѣдующій же день экспедиція благополучно вышла по одному поперечному ущелью на южную окраину горъ и передъ ними раскинулась обширная равнина, за которою вдали виднѣлись новыя горы. Какъ оказалось впослѣдствіи, это былъ хребетъ Думбуре.

Переходъ черезъ эту равнину былъ благополучно совершенъ. Природа здѣсь оказалась болѣе привѣтливою, снѣгъ по скатамъ почти весь стаялъ, такъ что животныя могли находить кормъ. Здѣсь экспедиція остановилась на дневку, чтобы просушить собранныя для коллекцій шкуры, а также, чтобы произвести развѣдки на дальнѣйшій путь.

Посланные въ разъѣздъ казаки возвратились съ извѣстіемъ, что дорога къ горамъ вездѣ удобна для движенія каравана и черезъ нѣсколько дней экспедиція спустилась въ долину рѣки Муръ-усу, составляющей верховье великой азіатской рѣки Янъ-цзы-цзяня.

Здѣсь была мѣстность сравнительно благодатная; почва довольно плодородная, покрытая хорошими пастбищами, въ воздухѣ сдѣлалось замѣтно теплѣе, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ абсолютной высоты. Въ этой долинѣ снова встрѣтились безчисленныя стада дикихъ животныхъ, за которыми путешественники, конечно, не преминули поохотиться.

Во время одной изъ такихъ охотъ въ долинѣ Муръ-усу, уже на обратномъ пути изъ Тибета, Николай Михайловичъ подвергнулся страшной опасности и спасся только благодаря своему необыкновенному присутствію духа.

Дѣло было наканунѣ новаго 1880 года. Николай Михайловичъ отправился въ одиночку и зашелъ отъ бивуака верстъ за десять. Шелъ онъ спеціально за бѣлогрудыми аргали, но какъ нарочно ихъ-то и не встрѣчалось, но за то вездѣ бродили хуланы, антилопы и яки. Послѣ полудня онъ направился назадъ и въ одной ложбинѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ яковъ, которые по своей неукротимой свирѣпости составляли еще нѣкоторый интересъ для пресытившагося охотника.

Подойдя къ нимъ шаговъ на 200, онъ выпустилъ съ десятокъ зарядовъ по одному изъ звѣрей и убилъ его, а затѣмъ отправился въ обходъ горы навстрѣчу ушедшимъ туда остальнымъ якамъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ при новой встрѣчѣ, одинъ изъ звѣрей покатился по горному скату и спустившись шаговъ на 100 остался неподвижнымъ, между тѣмъ какъ остальные убѣжали. Думая, что гигантъ убитъ, Николай Михайловичъ не спѣша и безъ всякихъ предосторожностей началъ къ нему подходить, но когда онъ былъ уже очень близко, звѣрь вдругъ вскочилъ и побѣжалъ отъ охотника. Сначала тотъ оставилъ его въ покоѣ и обратился къ прежде убитому. Но когда оказалось, что шкура этого послѣдняго не годна для коллекціи, то отрѣзалъ у него только одинъ пушистый хвостъ и снова отправился вслѣдъ убѣжавшему.

Шелъ онъ совершенно безпечно, какъ вдругъ на разстояніи какихъ-нибудь 100—120 шаговъ поднялся разъяренный полученными ранами гигантъ и сначала шагомъ, а потомъ рысью бросился прямо на охотника. Между тѣмъ въ ружьѣ послѣдняго въ это время оставалось только два патрона и патронташъ былъ совершенно пустъ.

Первымъ выстрѣломъ охотникъ ударилъ нападавшаго звѣря шаговъ на семьдесятъ, а вторымъ на 50, но обѣ эти новыя пули не уложили звѣря и онъ все продолжалъ приближаться. Наконецъ онъ остановился на разстояніи всего около 30 шаговъ съ наклоненными рогами и съ поднятымъ вверхъ хвостомъ, которымъ онъ свирѣпо размахивалъ. «Ружье,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—въ это время было пусто, а разсвирѣпѣвшій якъ стоялъ такъ близко, что не только можно было разглядѣть небольшіе его глаза, но даже видѣть, какъ краснѣли раны на его груди и капала кровь изъ морды. Сильно испугался я въ ту минуту... Дѣйствительно, будь якъ поумнѣе и рѣшительнѣе—онъ убилъ бы меня навѣрняка, такъ какъ на ровной степной долинѣ спрятаться было негдѣ, да и некогда. На крайній случай я поспѣшно вынулъ изъ-за спины заткнутый

Опасное приключеніе Николая Михайловича на охотѣ.

туда яковый хвостъ и повернулъ свою берданку ложею впередъ, разсчитывая, при окончательномъ нападеніи звѣря, бросить ему въ глаза мохнатый хвостъ, и затѣмъ ударить со всего размаха винтовкой по головѣ—но что могъ сдѣлать подобный ударъ гигантскому черепу, который не всегда даже пробиваетъ штуцерная пуля! Минуту или двѣ мы оба, т. е. якъ и я, оставались неподвижны, звѣрь только помахивалъ хвостомъ, но не измѣнялъ своей позы... Наконецъ я рѣшился отступить и, пригнувшись къ землѣ, поползъ прочь, не спуская глазъ со звѣря. Шаговъ черезъ пятьдесятъ я выпрямился и пошелъ быстрѣе...» *). Якъ все продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ и только поворачивалъ голову по мѣрѣ того, какъ охотникъ совершалъ круговой обходъ по долинѣ.

Николай Михайловичъ вздохнулъ свободно только тогда, когда удалился шаговъ на 200, и далъ себѣ мысленно клятву, отправляясь на охоту, всегда брать съ собой про запасъ лишнюю пачку патроновъ.

Тибетъ однако серьезно давалъ себя чувствовать; верблюды начали сильно портиться и одинъ за другимъ издыхали, а остальные едва волочили ноги; издохла также одна изъ лошадей. Чтобы облегчить багажъ, вьюки со шкурами были закопаны въ одной изъ пещеръ и были взяты уже при возвращеніи изъ Тибета.

Въ то же время и сами путешественники чувствовали себя очень плохо. Не говоря уже объ обычныхъ явленіяхъ на большой абсолютной высотѣ—слабосиліе, головокруженіе, одышка, сердцебіеніе и общая усталость—постоянно то

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 229—230.

Опасное приключеніе Николая Михайловича на охотѣ.

тотъ, то другой изъ путешественниковъ заболѣвалъ простудою, а головною болью почти всѣ постоянно страдали. Впрочемъ, пріемы хинина обыкновенно не давали развиваться болѣзни.

Всѣ были грязны до крайности, такъ какъ при сильномъ холодѣ невозможно было даже умыть лицо и руки; по одиннадцати часовъ въ сутки валялись они на своихъ истрепанныхъ, насквозь пропитанныхъ соленою пылью войлокахъ, за невозможностью чѣмъ-нибудь заняться въ долгую зимнюю ночь, такъ какъ свѣчи уже давно были на исходѣ и ихъ приходилось беречь для экстренныхъ случаевъ.

Днемъ, когда зажигали аргалъ въ юртѣ, она наполнялась ѣдкимъ дымомъ, который, при разрѣженности атмосферы, вообще плохо подымался кверху, а въ особенности при облачной погодѣ или при вѣтрѣ, хотя-бы слабомъ. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они принуждены были ютиться въ палаткѣ, въ той самой, въ которой нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ укрывались отъ палящаго зноя въ песчаныхъ пустыняхъ.

Большихъ переходовъ давно уже не дѣлали, но даже и черезъ 15 — 20 верстъ всѣ чувствовали большую усталость, такъ какъ на сильномъ холодѣ, при

Трупъ монгольскаго богомольца въ тибетской пустынѣ.

Трупъ монгольскаго богомольца въ тибетской пустынѣ.

Еграй.

безпрестанныхъ свирѣпыхъ вѣтрахъ невозможно было долго высидѣть на сѣдлѣ и приходилось идти пѣшкомъ.

Въ долинѣ Муръ-усу экспедиція вышла на обыкновенную караванную дорогу тибетскихъ богомольцевъ. Здѣсь чуть не на каждомъ шагу встрѣчались осязательныя доказательства негостепріимства Тибетскихъ пустынь: часто на дорогѣ валялись человѣческіе черепа и обглоданные скелеты караванныхъ животныхъ. Въ одномъ мѣстѣ встрѣтился даже трупъ монгола богомольца, полуобглоданный волками, грифами и воронами; возлѣ него лежалъ посохъ, дорожная сумка, глиняная чашка и небольшой мѣшечекъ съ чаемъ.

Переправившись на правый берегъ Муръ-усу, путешественники начали подыматься на обширное и, вѣроятно, самое высокое вздутіе Тибетскаго нагорья, плоскогоріе Танъ-ла, прорѣзанное посрединѣ вѣчно снѣговымъ, протянувшимся съ востока на западъ, хребтомъ того-же имени. Это плоскогорье, имѣющее среднюю абсолютную высоту около 16,000 ф., хотя отдѣльныя вершины подымаются до 19 и до 20 тысячъ ф., является водораздѣломъ величайшихъ азіатскихъ рѣкъ: съ сѣвернаго склона воды собираются въ Мурь-усу, т. е. въ Голубую рѣку; съ южнаго склона вытекаетъ рѣка Зача-цампо, впадающая въ озеро Митыкъ-джансу, служащее стокомъ и многихъ другихъ рѣкъ, вытекающихъ изъ сѣверной гиммалайской цѣпи. Изъ Митыкъ-джансу вытекаетъ рѣка, называемая тибетцами Напъ-чю, а монголами Хара-усу и появляющаяся въ Индокитаѣ подъ именемъ Салуэна. Наконецъ съ восточнаго склона Танъ-ла стекаютъ рѣки Омъ-чю и Барунъ-чю, которыя сливаясь между собою, образуютъ рѣку Ланъ-цзанъ-цзань или по тибетски Лакіо, извѣстную далѣе въ китайской провинціи Ю-нань и въ Индо-Китаѣ подъ именемъ Меконга или Камбоджи.

На Танъ-ла путешественники въ первый разъ встрѣтили населеніе, именно ёграевъ, которые кочуютъ на этомъ плоскогоріи въ количествѣ около 400 палатокъ.

По внѣшнему виду ёграи ничѣмъ не отличаются отъ тибетцевъ, съ которыми Николай Михайловичъ познакомился нѣсколько позже. Длинные, косматые, ниспадающіе на плечи, волосы, безусыя и безбородыя угловатыя физіономіи, очень смуглый цвѣтъ кожи, грязная одежда, сабля за поясомъ, фитильное ружье за

безпреста
было дол
пѣшкомъ

Еграй.

плечами, пика въ рукахъ — вотъ главнѣйшія черты, которыя запечатлѣлись въ памяти путешественниковъ при первой встрѣчѣ съ ёграями.

Грабежи каравановъ, проходящихъ въ Лхассу составляютъ главное, если не единственное занятіе ёграевъ; они постоянно караулятъ перевалъ черезъ Танъ-ла и ни одинъ караванъ не можетъ пройти незамѣтно для нихъ, не минуетъ ихъ рукъ. По большей части, въ случаѣ нападенія, монголы богомольцы безпрекословно сдаются, и разбойники собираютъ съ нихъ только приличную дань, а затѣмъ отпускаютъ съ миромъ продолжать свой путь. Такого рода грабежи производятся небольшими партіями разбойниковъ. Но въ случаѣ если идетъ многочисленный караванъ, сопровождаемый конвоемъ, ёграи или совсѣмъ отказываются отъ лакомой добычи, или-же собираются большей партіей. Такъ, Николаю Михайловичу позднѣе разсказывали поразительный фактъ, когда ёграи въ числѣ около 800 человѣкъ напали на караванъ китайскаго резидента, который возвращался изъ Лхассы въ Пекинъ и везъ съ собою, между прочимъ, около тридцати пудовъ золота *). Конвой его состоялъ изъ 200 солдатъ, но ёграи побили и разогнали этихъ защитниковъ, ограбили золото и другія болѣе цѣнныя вещи, а въ наказанье за сопротивленіе уничтожили носилки резидента и этимъ поставили его въ почти безвыходное положеніе, такъ какъ ѣздить верхомъ онъ не умѣлъ и намучился, пока добрался до Синина.

Удивительнѣе всего, что всѣ эти грабежи производятся совершенно открыто и даже какъ будто-бы законно. Еграи исповѣдуютъ буддизмъ, но не подчинены ни Далай-ламѣ, ни китайцамъ, хотя ихъ главный начальникъ (князь двухъ племенъ ёграевъ и голыковъ *), родственныхъ первымъ, но болѣе многочисленныхъ обитающихъ главнымъ образомъ по долинѣ Мурь-усу) Арчюмъ-бумъ посѣщаетъ Лхассу и подноситъ подарки Далай-ламѣ, а съ другой стороны дѣлится барышами и съ сининскимъ амбанемъ, почему и пользуется полною безнаказанностью.

Восхожденіе на высокое плато Танъ-ла еще увеличило трудности путешествія. Хотя экспедиція двигалась крайне медленно, всего верстъ по 15 въ сутки, но какъ сами путешественники, такъ и ихъ животныя чувствовали себя еще хуже, чѣмъ прежде на той огромной высотѣ, куда они подымались. Изъ верблюдовъ издохли еще четыре, такъ что являлась серьезная опасность, что богатыхъ коллекцій, собранныхъ въ Тибетѣ, пожалуй, не на чемъ будетъ и увѣзти.

На третій день подъема путешественники въ первый разъ встрѣтились съ ёграями. Небольшая партія ихъ, замѣтивъ приближающійся караванъ, издали поскакала на встрѣчу; вѣроятно ёграи думали, что это монгольскіе богомольцы, но

*) На верховьяхъ рѣки Мурь-усу и нѣкоторыхъ другихъ существуютъ богатыя розсыпи золота, такъ что мѣстные жители при крайне примитивныхъ пріемахъ промывки успѣваютъ добыть въ день отъ 1/2 до 1 золотника золота каждый.

*) Съ голыками Николай Михайловичъ познакомился во время слѣдующаго своего путешествія и имѣлъ съ ними серьезныя столкновенія.

сильно были удивлены, увидѣвъ совершенно иныхъ людей, которые при томъ не выказали передъ разбойниками ни малѣйшаго страха.

Объясняться съ ними путешественники не могли, такъ какъ у нихъ не было переводчика тибетскаго языка, а еграи не понимали по-монгольски. Кое-какъ пантоминами казакамъ однако удалось распросить про дорогу, а еграи, получивъ нѣсколько щепотокъ табаку, уѣхали, повидимому, пріятелями.

На слѣдующіе дни также встрѣчались небольшія партіи разбойниковъ, но эти уже не удивлялись при встрѣчѣ съ невиданными людьми, а даже наоборотъ вели себя самоувѣренно и довольно нахально, за что, конечно, и получали должныя внушенія. Вообще избалованные всегдашнею безпрекословною покорностью со стороны трусливыхъ монголовъ, еграи чувствуютъ себя неустрашимыми рыцарями. Вѣсть о прибытіи путешественниковъ, очевидно, уже успѣла разнестись на большое пространство, и разбойники теперь присматривались къ нимъ и измѣряли ихъ силы.

На первое время ссоръ не происходило, но нашимъ путешественникамъ показалось подозрительнымъ, что пріѣзжавшіе подъ предлогомъ продажи различныхъ припасовъ еграи, всегда просили показать имъ ружья и при этомъ горячо о чемъ-то спорили между собою.

7-го ноября 1879 г. экспедиція достигла перевала черезъ гребень Танъ-ла, высота котораго, по опредѣленію барометромъ, оказалась 16,700 ф., и здѣсь сдѣлали залпъ изъ берданокъ, при троекратномъ крикѣ «ура». Главная трудность тибетской пустыни была побѣждена!

«Дѣйствительно,—говоритъ Николай Михайловичъ,—намъ можно было радоваться своему успѣху! Семь слишкомъ мѣсяцевъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Зайсана, и за все это время не имѣли сряду нѣсколькихъ отрадныхъ дней. Противъ насъ постоянно были—то безводная пустыня съ ея невыносимыми жарами, то гигантскія горы, то морозы и бури, то, наконецъ, вражда людская. Мы удачно побороли все это. Намъ не давали проводниковъ—мы шли безъ нихъ наугадъ, разъѣздами отыскивая путь, и почти не сдѣлавъ шага лишняго, благодаря своему удивительному счастью. Послѣднее было нашимъ постояннымъ спутникомъ, какъ и въ прежнія мои путешествія. Счастье дало намъ возможность случайно встрѣтить вожаковъ-монголовъ въ Нанъ-шанѣ и выбраться оттуда въ Цайдамъ; счастье послано намъ въ томъ-же Нанъ-шанѣ ключъ «Благодатный», гдѣ такъ хорошо отдохнули наши верблюды, которые безъ этого навѣрное не въ состояніи были-бы пройти черезъ Тибетъ *); счастье привело насъ отъ Куку-шили за Танъ-ла; счастье нерѣдко помогало и въ другихъ, болѣе мелочныхъ, случаяхъ нашей страннической жизни» **)...

Въ самый день перехода черезъ Танъ-ла, еграи, не перестававшіе слѣдить за karаваномъ путешественниковъ, сдѣлали наконецъ на нихъ нападеніе.

*) А между тѣмъ въ Цайдамѣ достать годныхъ верблюдовъ было нельзя.
**) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 240.

Вѣроломное нападеніе ёграевъ.

Произошло это, памятное для всѣхъ участниковъ экспедиціи, происшествіе слѣдующимъ образомъ.

Лишь только путники расположились бивуакомъ на южномъ склонѣ перевала, недалеко отъ его вершины, какъ явились человѣкъ 15—17 разбойниковъ и привезли съ собою для продажи масло. Во время обычной процедуры торга, одинъ изъ ёграевъ укралъ висѣвшій на поясѣ Абдулъ-Юсупова складной ножъ. Тотъ сталъ требовать его назадъ, какъ вдругъ ёграй выхватилъ изъ-за пояса саблю и ударилъ Абдула по рукѣ, хотя успѣлъ прорубить лишь рукавъ шубы и халата, не причинивъ значительнаго вреда самой рукѣ. Въ то-же мгновеніе другой разбойникъ кинулся на того-же Абдула съ поднятымъ копьемъ, но, по счастью, стоявшій подлѣ Роборовскій успѣлъ схватить это копье и переломить его, прежде чѣмъ ударъ былъ нанесенъ.

Это послужило сигналомъ. Въ одно мгновеніе всѣ еграи схватились за свои копья, сабли и пращи, и напали на казаковъ, а нѣкоторые зажгли фитили у своихъ ружей и бросились за ближайшія скалы.

Путешественники съ своей стороны схватили свои винтовки и взвели курки Еще мгновеніе,—и на нихъ посыпались камни, бросаемые пращами, а затѣмъ прожужжали мимо ушей и пули.

Медлить не было возможности. Раздалась команда, загремѣли скорострѣлки...

Вѣроломное нападеніе ёграевъ.

Послѣ перваго же залпа, ёграи бросились на уходъ. Четверо разбойниковъ остались на мѣстѣ, а остальные успѣли убѣжать.

Въ виду серьезности положенія, Николай Михайловичъ перенесъ бивуакъ на болѣе открытое мѣсто и къ ночи здѣсь устроенъ былъ родъ укрѣпленія изъ уложенныхъ верблюдовъ и вьюковъ, расположенныхъ квадратомъ. По гребнямъ ближайшихъ горъ все время, пока не наступила темнота, видны были разъѣзжающіе взадъ и впередъ ёграи, вѣроятно для наблюденія за путешественниками и собираясь съ силами.

Съ наступленіемъ ночи наряженъ былъ караулъ изъ двухъ поочередно смѣнявшихся казаковъ, а всѣ прочіе спали, не раздѣваясь, съ заряженными ружьями въ рукахъ и револьверами за поясомъ. Всю ночь были слышны дикіе крики въ ближайшихъ аулахъ: тамъ готовилось мщеніе...

«Незавидно, но въ высшей степени интересно было наше положеніе,—говоритъ Николай Михайловичъ.—Съ одной стороны, наша маленькая кучка, всего двѣнадцать европейцевъ; съ другой—цѣлая орда дикарей, намъ враждебныхъ. Тамъ грубая физическая сила, здѣсь—сила нравственная».. *).

Лишь только взошло солнце, путешественники сняли бивуакъ, завьючили верблюдовъ и двинулись въ путь. Три караванныхъ эшелона были выстроены рядомъ другъ съ другомъ, а впереди собрались тѣсною кучкою сами путешественники съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами за поясомъ; въ сумкѣ у каждаго имѣлось по сотнѣ запасныхъ патроновъ...

Предстояло пройти черезъ узкое ущелье, лежащее недалеко впереди, у входа въ которое видна была конная партія ёграевъ, да кромѣ того въ бинокль можно было разсмотрѣть стрѣлковъ, засѣвшихъ на боковыхъ скалахъ съ ружьями. Другая конная партія разбойниковъ расположилась на скатѣ горы, прямо противъ мѣста ночевки, и наконецъ третій отрядъ виденъ былъ сзади; вѣроятно для того, чтобы произвести атаку съ тылу и отрѣзать отступленіе.

Лишь только караванъ путешественниковъ тронулся съ мѣста, какъ ёграи пришли въ движеніе: передняя партія скрылась въ ущельѣ, задняя только немного перемѣстилась и осталась въ наблюдательномъ положеніи, а средняя отправилась въ уровень съ караваномъ экспедиціи, на одной высотѣ съ нимъ, только на противоположномъ скатѣ горъ.

Такимъ образомъ подъ наблюденіемъ и въ сопровожденіи двухъ отрядовъ разбойниковъ, въ виду третьей партіи, поджидающей въ ущельѣ, путешественники сдѣлали версты двѣ. До ущелья оставалось уже немного, около 1,500 шаговъ, а между тѣмъ долина начала съуживаться и потому боковая партія ёграевъ оказалась всего въ разстояніи около 700 шаговъ.

Сокращать еще разстояніе, отдаляющее отъ враговъ, путешественникамъ нашимъ не было разсчета, такъ какъ въ такомъ случаѣ терялось ихъ главнѣйшее

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 242.

и почти единственное преимущество—дальнобойныя и скорострѣльныя ружья: на меньшемъ разстояніи были опасны и фитильныя ружья, которыя были у разбойниковъ, да кромѣ того, на своихъ быстрыхъ коняхъ они могли бы въ нѣсколько мгновеній прискакать къ небольшой кучкѣ отважныхъ пришлецовъ и подавить ихъ массою въ рукопашной схваткѣ.

— На семьсотъ шаговъ поставь прицѣлы!—раздалась команда начальника.

— «Пли»—и двѣнадцать пуль ударили въ партію скучившихся ёграевъ; не успѣли они еще опомниться, какъ летитъ другой залпъ, затѣмъ третій...

Въ рядахъ ихъ поднялся страшный переполохъ: одни бросились въ разсыпную вверхъ по откосу и впередъ, другіе соскакивали съ коней и прятались за ними, третьи, наконецъ, бросали оружіе и старались укрыться отъ убійственнаго свинцоваго града за камнями... Ни одного выстрѣла даже не раздалось въ отвѣтъ.

— Ружья на 1,200 шаговъ! — снова скомандовалъ Николай Михайловичъ, и новый залпъ полетѣлъ въ партію, столпившуюся при входѣ въ ущелье. Однако, пули не долетѣли до нихъ и только видно было, какъ онѣ взрыли песокъ на небольшомъ разстояніи впереди ихъ.

— Возьми самый верхній прицѣлъ! — раздается новая команда, и слѣдующій залпъ производитъ панику уже и среди защитниковъ ущелья. Еще два залпа одинъ за другимъ—и всѣ разбойники въ дикомъ безпорядкѣ бросаются бѣжать, кто куда.

Черезъ нѣсколько минутъ ни боковой, ни передней партіи уже не было видно на прежнихъ мѣстахъ, видны были только одиночные всадники, спасающіеся въ разсыпную по различнымъ направленіямъ; задняя партія, стоявшая у перевала черезъ Танъ-ла, также исчезла куда-то, вѣроятно, разбойники разсудили за лучшее убраться на противоположную сторону.

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ, Николай Михайловичъ ускореннымъ маршемъ двинулся къ ущелью. Хотя прежде сидѣвшихъ надъ проходомъ стрѣлковъ уже и не было замѣтно, но для предосторожности двое казаковъ посланы были на сосѣднюю гору, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ засады. Но, къ крайнему удивленію, нигдѣ не видно было ни одной души; защитники, очевидно, въ общей паникѣ покинули свою прекрасную позицію, такъ что караванъ экспедиціи совершенно благополучно миновалъ опасное ущелье, и черезъ нѣсколько времени путешественники были уже на обширной равнинѣ, гдѣ могли себя считать почти въ безопасности.

Послѣ этой памятной стычки, разбойники больше не показывались, и экспедиція безъ всякихъ затрудненій спустилась съ южнаго склона плоскогорія Танъ-ла.

Здѣсь климатъ сталъ замѣтно теплѣе. Хотя по прежнему почти ежедневно были сильныя бури, иногда со снѣжными мятелями, но около полудня термометръ обыкновенно показывалъ нѣсколько градусовъ выше нуля; снѣгъ, за исключеніемъ большихъ возвышенностей, вездѣ стаялъ, и погода была постоянно ясная и солнечная.

На пятый день послѣ памятнаго перевала черезъ Танъ-ла экспедиція спустилась въ долину рѣки Санъ-чю, принадлежащую къ системѣ Напъ-чю или Хара-усу, составляющей верховье Салуэна, какъ выше указано.

Здѣсь въ первый разъ встрѣтились кочевья тибетцевъ, черныя палатки которыхъ виднѣлись тамъ и сямъ по долинѣ; между ними паслись многочисленныя стада домашнихъ яковъ и барановъ. Еще чаще встрѣчались стойбища тибетцевъ при дальнѣйшемъ движеніи къ югу.

Жители эти встрѣтили нашихъ путешественниковъ довольно дружелюбно и безпрестанно пріѣзжали на бивуакъ, предлагая купить барановъ, масла или чурмы *).

На второй день пути отъ Санъ-чю Николай Михайловичъ неожиданно, къ великой своей радости, встрѣтилъ своего стариннаго знакомца, цайдамскаго монгола Дадая, который, вмѣстѣ съ двумя другими ламами, спѣшилъ на встрѣчу экспедиціи изъ Лхассы.

Не добрыя вѣсти привезъ онъ. Дадай и его спутники объявили, что тибетцы рѣшились ни въ какомъ случаѣ не пускать русскихъ путешественниковъ въ свою столицу.

Уже давно, чуть не годъ тому назадъ, по всему Тибету разнесся слухъ, что чужеземцы идутъ въ Лхассу съ цѣлью похитить Далай-ламу, и населеніе повсюду сильно заволновалось. По словамъ Дадая, въ Лхассѣ старъ и малъ кричали:

«Русскіе идутъ сюда затѣмъ, чтобы уничтожить нашу вѣру; мы ихъ ни за что не пустимъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ, а затѣмъ войдутъ въ нашъ городъ».

Какъ оказалось, все лѣто, когда именно ожидали прихода путешественниковъ, около перевала черезъ Тань-ла собрано было войско и дальше на югъ разставлены были пикеты съ цѣлью, во что бы то ни стало, воспрепятствовать движенію непрошенныхъ гостей. Простоявъ все лѣто безъ результата, воинство это покинуло свои позиціи, такъ какъ зимою по Тибету караваны никогда не ходятъ, и тибетцы уже думали, что русскіе или совсѣмъ оставили свое намѣреніе проникнуть въ Лхассу, или отложили свое путешествіе до слѣдующаго лѣта или весны. Теперь же, когда вдругъ разнеслась вѣсть, что русскіе идутъ и уже отбили нападеніе еграевъ, въ Лхассѣ снова, еще съ большею противъ прежняго силой, вспыхнуло волненіе.

По распоряженію властей со всѣхъ ближайшихъ окрестностей поспѣшно собираются вооруженныя силы, а всѣмъ жителямъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено вступать въ какія бы то ни было сношенія съ пришельцами или продавать имъ съѣстные припасы.

Далѣе, встрѣчные монголы объяснили, что изъ деревни Напъ-чу, пограничнаго важнаго пункта далай-ламскихъ владѣній, отправлены были двое тибет-

*) Чурма, чуръ или чура—сушеный творогъ.

Сраженіе съ еграями у перевала Танъ-ла.

скихъ чиновниковъ съ небольшимъ конвоемъ, съ порученіемъ разузнать подробно о приближающихся чужестранцахъ, а самъ Дадай и его два товарища монгола отправлены были вмѣстѣ съ ними въ качествѣ переводчиковъ, но они сочли за лучшее поспѣшить впередъ и предупредить своихъ знакомцевъ.

Весьма непріятныя это были вѣсти, но пока дѣло еще не разъяснилось, Николай Михайловичъ шелъ своею дорогою.

Къ вечеру, лишь только караванъ остановился на ночевку, и путешественники занялись устройствомъ бивуака, какъ появились и чиновники, о которыхъ сообщалъ Дадай.

Посланцы эти держали себя очень вѣжливо и вошли въ палатку только по приглашенію.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, они спросили путешественниковъ, кто они такіе и зачѣмъ ѣдутъ въ Тибетъ.

«Я объяснилъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—что мы русскіе и ѣдемъ въ Тибетъ, чтобы посмотрѣть эту неизвѣстную для насъ страну, узнать, какіе живутъ въ ней люди, какіе водятся звѣри и птицы, какія растенія и т. п. Словомъ, постарался, насколько возможно, уяснить, что цѣль наша исключительно научная».

На это тибетцы отвѣчали, что русскіе еще никогда не были въ Лхассѣ, что сюда съ сѣвера приходятъ только монголы, тангуты, да сининскіе торговцы, и что правительство тибетское рѣшило не пускать нашихъ путешественниковъ далѣе.

«Я показалъ свой пекинскій паспортъ и заявилъ, что самовольно мы никогда не пошли бы въ Тибетъ, если бы не имѣли на то дозволенія китайскаго государя, что, слѣдовательно, не пускать насъ далѣе не имѣютъ никакого права, и что мы ни за что не вернемся безъ окончательнаго разъясненія этого дѣла».

Получивъ такой рѣшительный отвѣтъ, посланцы просили путешественниковъ не двигаться пока впередъ и обождать, пока получится отвѣтъ изъ Лхассы, куда немедленно же обѣщали послать курьера съ изложеніемъ дѣла.

Николай Михайловичъ согласился на это предложеніе. Тогда чиновники подробно записали титулы и имена Пржевальскаго, Роборовскаго и Эклона и переписали точно также всѣхъ казаковъ, а также, откуда выданъ паспортъ, и поспѣшно уѣхали обратно въ Напъ-чу.

Переводчики монголы еще остались на нѣкоторое время на бивуакѣ путешественниковъ. Они ручались головой, что экспедицію не пустятъ въ Лхассу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно по внушенію свыше, начали вдругъ увѣрять, что китайцы здѣсь не при чемъ, что китайскій резидентъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы русскимъ не препятствовали въ ихъ движеніи и совѣтовалъ даже тибетскому правительству принять ихъ съ почетомъ, но что будто бы всѣ его просьбы и увѣщанія остались тщетными.

На самомъ дѣлѣ, конечно, это было совсѣмъ не такъ, и если кто помѣшалъ Пржевальскому пробраться въ Лхассу, такъ это именно китайцы; но они,

какъ и всегда, дѣйствовали исподтишка и постоянно заботились о томъ, чтобы съ формальной стороны все было чисто.

Дѣйствительно, въ это самое время и въ Пекинѣ министры дѣлали попытку передъ нашимъ посланникомъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ томъ, что именно они загородили дорогу русской экспедиціи въ Лхассу.

Въ концѣ ноября 1879 г. министры препроводили русскому повѣренному въ дѣлахъ копію съ донесенія сычюаньскаго цзянь-цзюня и генералъ губернатора въ Цзунъ-ли-Ямынь. Эти лица доносили, что, несмотря на свое горячее желаніе оказать содѣйствіе венгерскому графу Зечени въ его путешествіи въ Тибетъ, они ничего не могутъ сдѣлать для этого, такъ какъ тибетцы выставили солдатъ, которые прекратили дальнѣйшее движеніе этого путешественника. «Защитники Далай-ламы, говорили они,—рѣшились ни въ какомъ случаѣ не допускать къ себѣ иностранцевъ, и если графъ Зечени рѣшится вступить въ предѣлы Тибета, то доставленіе его головы будетъ сочтено подвигомъ, въ поощреніе котораго была обѣщана большая награда».

Опасаясь, чтобы того же самаго не случилось и съ Пржевальскимъ, министры торопились увѣдомить объ этомъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и слагали съ себя всякую отвѣтственность.

Между Цайдамомъ и Сы-чуанью,—говорили они,—разстояніе большое, мѣстность открытая, изрѣзанная множествомъ тропинокъ, съ постоянными развѣтвленіями на боковые пути. При отсутствіи военныхъ постовъ и станцій, при грабежахъ на этомъ пространствѣ со стороны дикихъ тангутовъ, путешествовать тамъ опасно. Даже командированные изъ Сы-чуаня чиновники и солдаты находятся внѣ возможности узнать мѣстопребываніе путешественника и выйти ему на встрѣчу. Въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ихъ никакъ нельзя будетъ отнести къ неисполненію китайскими властями долга защиты и покровительства.

«Отъ Куку-нора на Тибетъ,—писали китайскіе министры *),—хотя и есть сообщенія, но на всемъ пространствѣ ненаселенныя, дикія мѣста... Проѣзжающіе по этимъ мѣстамъ слѣдуютъ, если не черезъ пески, камни и пустынныя равнины, то черезъ горы и рѣки. Слѣдовать приходится по мѣстамъ, гдѣ нѣтъ проторенныхъ дорогъ и тропъ. Съ того-же времени, какъ начались грабежи, производимые непокорными тангутами, большая часть жителей, обитающихъ въ направленіи отъ Куку-нора въ Тибетъ, потерпѣли отъ грабежей... По этому направленію проѣзжаютъ только чиновники, которые назначаются указами Богдохана сопутствовать хубильганамъ (ламайскимъ іерархамъ высшей степени). Въ подобныхъ случаяхъ Лифань-юань (палата внѣшнихъ сношеній) заблаговременно относится къ подлежащимъ властямъ о снаряженіи изъ Синина конвоя, на обязанности котораго лежитъ оказывать защиту и покровительство командируемымъ по богдоханскому повелѣнію чиновникамъ, вдоль пути, до предѣловъ Сы-чуаня и Тибета. Но ни-

*) 1 января 1880 г. въ отношеніи къ русскому повѣренному въ дѣлахъ.

когда не было случая, чтобы одни мѣстные монголы или тангуты могли оказать защиту и покровительство китайскимъ чиновникамъ».

Пржевальскій-же, по ихъ словамъ, ушелъ, не спрашивая совѣта китайскихъ властей о пути; гдѣ онъ теперь находится—неизвѣстно и выслать ему конвой поэтому невозможно.

«Вотъ уже прошло три мѣсяца,—сообщали они далѣе,—какъ Пржевальскій оставилъ Южный Цайдамъ, двинувшись въ Тибетъ, и судя по времени, если не приключилось чего-либо, этотъ русскій чиновникъ долженъ быть уже въ Лхассѣ. Цайдамскимъ властямъ приказано собрать достовѣрныя свѣдѣнія о Пржевальскомъ и доставить ихъ въ Сининъ. Между тѣмъ извѣстно, что тангуты давно уже выслали нѣсколько сотъ ламъ-воиновъ въ мѣстности, пограничныя Тибету, чтобы воспрепятствовать путешественникамъ двигаться впередъ. Кромѣ того,—прибавляли министры,—въ этихъ мѣстахъ часто появляются шайки въ тысячу и болѣе человѣкъ непокорныхъ тангутовъ, которые производятъ грабежи и разбои. Такія большія шайки невозможно удержать даже и военной силой(!).

«По истинѣ нельзя намъ вполнѣ гарантировать путешественнику защиту и покровительство. Притомъ-же, теперь какъ разъ подошло время, когда снѣгъ заваливаетъ горы до такой степени, что на всю зиму и весну прекращается всякое сообщеніе и пройти черезъ горы нѣтъ никакой возможности».

Русскій повѣренный въ дѣлахъ въ отвѣтъ на это возразилъ совѣтникамъ Богдохана *), что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, изъ Куку-нора въ Тибетъ отправляются не только императорскіе чиновники, о которыхъ упоминаютъ министры, подъ охраной спеціальныхъ конвоевъ, но ежегодно по этому пути слѣдуютъ также и караваны богомольцевъ и торговцевъ, которые отправляются обыкновенно осенью, т. е. въ то самое время, когда проходилъ эти мѣстности и Пржевальскій со своими спутниками.

«Если тамъ могутъ проходить такіе караваны,—писалъ онъ,—то нѣтъ причины, чтобы не прошли и нѣсколько, хотя мирныхъ, но хорошо вооруженныхъ для своей собственной защиты путешественниковъ. Опасенія, подобныя выраженнымъ теперь,—прибавлялъ онъ,—высказывались и раньше насчетъ пути отъ Са-чжоу на Цайдамъ, причемъ всѣ власти единогласно утверждали, что на этомъ пути нѣтъ даже вовсе тропинокъ. Однако, экспедиція благополучно прошла эту мѣстность, открывъ такимъ образомъ путь, который, какъ видно, до сихъ поръ не былъ извѣстенъ даже властямъ почтеннаго государства, и тѣмъ, конечно, оказала послѣднимъ услугу».

«Хотя, если судить по донесеніямъ вашихъ властей, въ тѣхъ краяхъ и господствуетъ почти полная анархія, однако, по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ другихъ источниковъ, можно заключить, что картина рисуется вашими начальни-

*) Въ письмѣ своемъ отъ 12 января 1880 г., см. Дубровинъ, стр. 321.

ками болѣе страшная, чѣмъ это существуетъ въ дѣйствительности, полнымъ доказательствомъ чему служитъ безопасность прослѣдованія черезъ эти мѣста полковника Пржевальскаго и въ 1872 г.

«Всѣ эти соображенія, а также извѣстная осторожность и энергія нашего путешественника, не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ благополучно прослѣдовалъ черезъ пустыни Сѣвернаго Тибета и достигъ мѣстностей, гдѣ начинается осѣдлое населеніе и гдѣ властямъ почтеннаго государства не можетъ представиться затруднительнымъ оказывать ему должную защиту и покровительство».

Что-же касается сообщенія о высылкѣ тибетцами на границу далай-ламскихъ владѣній вооруженныхъ силъ, то нашъ посланникъ выразилъ удивленіе.

«Какимъ образомъ,—спрашивалъ онъ,—жители Тибета, составляющаго часть китайскаго государства, могутъ посылать солдатъ противъ путешественниковъ, идущихъ съ разрѣшенія правительства и съ билетомъ, имъ выданнымъ?»

«Я увѣренъ,—писалъ г. Каяндеръ,—что власти невѣрно поняли переданный имъ слухъ, который, еслибы онъ оказался справедливымъ, конечно, побудилъ-бы ихъ немедленно-же принять надлежащія мѣры противъ бунтовщиковъ. Иначе,—не безъ ѣдкости прибавляетъ онъ,— можно было-бы подумать, что Тибетъ—страна совершенно независимая и тогда характеръ отношеній къ ней сосѣдей несомнѣнно измѣнился-бы».

Когда посланникъ поставилъ вопросъ такимъ образомъ, какъ говорится, ребромъ, то китайцамъ пришлось снова увертываться. Признать независимость Тибета не было въ ихъ разсчетахъ, и поэтому министры заявили, что они получили коллективную просьбу тибетскихъ ламъ, просившихъ не разрѣшать иностранцамъ входъ въ ихъ страну.

Николай Михайловичъ и не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ онъ приближался уже къ цѣли своихъ давнишнихъ стремленій, въ Пекинѣ объ немъ шли подобныя пререканія въ дипломатическихъ сферахъ.

Между тѣмъ въ Пекинскомъ русскомъ посольствѣ, въ самой Россіи и даже во всемъ цивилизованномъ мірѣ начали появляться тревожныя извѣстія, одно другого мрачнѣе: пронесся слухъ, что вся экспедиція и самъ ея талантливый и успѣвшій уже прогремѣть своими подвигами по всему свѣту начальникъ погибли въ тибетскихъ пустыняхъ.

Причиною этого было то обстоятельство, что письма и донесенія, оставленныя Пржевальскимъ въ Дзунъ-Засакѣ для отправленія въ Пекинъ и Россію, по какимъ-то соображеніямъ возвращены были сининскимъ амбанемъ обратно въ Дзунъ-Засакъ и пролежали преспокойно здѣсь до возвращенія экспедиціи изъ Тибета почти полгода.

Между тѣмъ русскій посланникъ въ Пекинѣ, привыкшій получать отъ Николая Михайловича періодически извѣстія о ходѣ экспедиціи, не получая въ теченіе столь долгаго времени никакихъ вѣстей, началъ серьезно безпокоиться за участь смѣлыхъ путешественниковъ.

Тревога особенно усилилась съ того времени, когда распространился слухъ о гибели какого-то каравана въ Тибетѣ.

«Участь экспедиціи полковника Пржевальскаго,—писалъ г. Каяндеръ въ Петербургъ *),—внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство. Третьяго дня англійскій посланникъ передалъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ изъ Сы-чуаня извѣстіямъ, тамъ ходятъ слухи, будто партія иностранцевъ, направившаяся въ Лхассу съ сѣвера, встрѣчаетъ такія-же затрудненія, какъ и графъ Зечени на востокѣ. Въ тотъ-же день министры сообщили мнѣ донесенія имъ сининскаго губернатора и сычуанскихъ властей, извѣщающихъ, что о Пржевальскомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и что, въ виду пустынности проходимыхъ мѣстъ, китайскія власти не могутъ быть отвѣтственными за случайности. Что означаютъ эти донесенія? простую-ли предосторожность, принимаемую властями на всякій случай, или-же желаніе приготовить меня къ болѣе тревожнымъ и непріятнымъ вѣстямъ — опредѣлить трудно» **).

14-го января, т. е. черезъ десять дней послѣ этого въ Петербургѣ была получена слѣдующая телеграмма отъ пекинскаго посланника: «По словамъ китайцевъ, Пржевальскій, прогнавъ будто-бы заблудившагося проводника, остался въ началѣ октября одинъ въ неизвѣстной пустынѣ. Съ тѣхъ поръ извѣстій о немъ нѣтъ».

Вѣсть эта произвела чрезвычайную тревогу въ ученыхъ и правительственныхъ кругахъ Петербурга, а также и въ различныхъ слояхъ общества всей Россіи. Всѣ единогласно утверждали о гибели Николая Михайловича, какъ о фактѣ совершившемся и крайне сожалѣли о немъ, какъ о безвременно погибшемъ талантѣ.

Въ газетѣ «Голосъ» появилось даже категорическое сообщеніе, что, «по извѣстіямъ изъ Вѣрнаго, Пржевальскій находится въ плѣну у китайцевъ» ***).

Въ періодической литературѣ поднятъ былъ даже вопросъ о необходимости предпринять розыски знаменитаго путешественника.

«Недавно,—говорилось въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ****),—черезъ иностранныя, конечно, газеты мы съ прискорбіемъ узнали, что съ Пржевальскимъ случилось что-то недоброе; одинъ изъ проводниковъ его, вернувшійся въ Зайсанъ, увѣряетъ, что ничего дурного съ нашимъ соотечественникомъ не случилось до тѣхъ поръ, пока онъ съ нимъ не разстался, но съ другой стороны толкуютъ о томъ, что весь конвой отъ Пржевальскаго разбѣжался, что проводники его покинули и, наконецъ, что караванъ ламайскихъ богомольцевъ, къ которому будто-бы присталъ нашъ путешественникъ, вернулся безъ него; въ австрійскихъ газетахъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ путешествую-

*) Въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ письмѣ отъ 4 января 1880 г.
**) Дубровинъ стр. 333.
***) „Голосъ“ 1880 г., № 176.
****) 1880 г. № 5, стр. 215.

шаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа Зечени, стали говорить, что нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ...

«Утѣшаетъ лишь то, что наша пекинская миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ...

«Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило-бы однако позаботиться о его судьбѣ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китай становится прямо во враждебныя отношенія къ Россіи»...

Въ то время какъ въ Пекинѣ и въ Европѣ циркулировали подобные тревожные слухи о судьбѣ нашего знаменитаго путешественника, самъ онъ дѣйствительно находился въ крайне стѣсненномъ положеніи, такъ какъ тибетцы дѣйствительно приняли весьма серьезныя мѣры, чтобы помѣшать дальнѣйшему шествію экспедиціи.

По всей вѣроятности, догадывается Пржевальскій, именно китайцы загородили ему дорогу въ Лхассу, хитро распустивъ слухъ о томъ, что тайная цѣль путешествія иностранцевъ есть похищеніе Далай-ламы. Неудивительно, что невѣжественная, фанатичная толпа легко повѣрила такому слуху «какъ всегда и вездѣ она вѣритъ любой нелѣпости, лишь-бы нелѣпость эта потворствовала ея излюбленнымъ привычкамъ и не противорѣчила ея грубымъ идеаламъ» *).

Наконецъ, и для высшей іерархіи Тибета также весьма желательно было не пускать путешественниковъ къ себѣ отчасти по подозрительности и недовѣрію къ иностранцамъ вообще, а отчасти и изъ опасенія, чтобы посѣщеніе Пржевальскимъ Лхассы, не открыло-бы доступъ и другимъ европейцамъ, въ особенности миссіонерамъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Близъ Лхассы.

Перенесеніе бивуака къ подошвѣ Бумза. — Трудное положеніе. — Сношенія съ туземцами-тибетцами; главнѣйшія черты ихъ быта.—Тягостная стоянка.—Охота за грифами и ягнятниками.—Медвѣдь и карсы.—Молва о путешественникахъ.—Дадай и его товарищи.—Заклинанія въ Лхассѣ.—Свѣдѣнія о Далай-ламѣ и его резиденціи.—Талисманъ противъ пуль.—Прибытіе пословъ изъ Лхассы.—Торжественная аудіенція.—Отказъ въ пропускѣ, письменный документъ.—Рѣшеніе возвратиться.

Черезъ день послѣ отъѣзда тибетскихъ чиновниковъ и монголовъ-переводчиковъ, къ стоянкѣ путешественниковъ прибыли пятеро солдатъ изъ Напчу съ предложеніемъ перенести бивуакъ на болѣе удобное мѣсто.

Николай Михайловичъ охотно согласился на это и пройдя впередъ еще

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 249.

верстъ пять, разбилъ свою стоянку у ручья Ніеръ-чунгу, у подошвы горы Бумза́.

Невольная остановка здѣсь была впрочемъ весьма кстати и для самихъ путешественниковъ, такъ какъ отъ самой долины Муръ-усу они шли уже безъ передышки тринадцать сутокъ и какъ сами они, такъ и въ особенности караванныя животныя чрезвычайно устали и нуждались въ отдыхѣ. Двое казаковъ кромѣ того сильно простудились, леченіе ихъ требовало серьезнаго вниманія.

Кромѣ того дальнѣйшее движеніе было даже и невозможно, такъ какъ, начиная отъ деревни Напчу, дорога шла по такимъ крутымъ горамъ, что верблюды, особенно уставшіе, были не въ состояніи карабкаться по крутизнамъ, и всѣ караваны богомольцевъ обыкновенно здѣсь перегружаются на наемныхъ яковъ, а верблюды оставляются въ Найчу. Что-же касается нашихъ путешественниковъ, то для нихъ достать яковъ было, конечно, невозможно.

«Наконецъ, совершенно безцѣльно,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—было-бы ломить впередъ, наперекоръ фанатизму цѣлаго народа. Положимъ, если-бы достать вьючныхъ яковъ, или, въ крайнемъ случаѣ, бросивъ часть клади, взять нашихъ усталыхъ верблюдовъ, то можно было придвинуться еще немного впередъ при томъ обаятельномъ впечатлѣніи, какое производили мы на туземцевъ — но какую цѣль могъ имѣть подобный походъ? Всѣ мы должны-бы были держаться въ кучкѣ, постоянно сторожить и, быть можетъ, не одинъ разъ пускать въ дѣло свои берданки. Научныя изслѣдованія при подобныхъ условіяхъ были-бы невозможны. Притомъ, мы, конечно, сильно рисковали-бы собою и во всякомъ случаѣ надолго оставили-бы по себѣ недобрую память. Лучшимъ исходомъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, было — остановиться и ждать отвѣта изъ Лхассы. Такъ мы и сдѣлали».

Мѣстность у ручья Ніеръ-чунгу, гдѣ разбитъ былъ бивуакъ, была сравнительно удобная. Здѣсь имѣлось вдоволь аргала для топлива, кое-какой подножный кормъ для животныхъ и незамерзающая ключевая вода, а эти три удобства рѣдко въ Тибетѣ встрѣчаются вмѣстѣ. Въ окрестностяхъ находилось нѣсколько стойбищъ тибетцевъ, съ которыми путешественники теперь довольно коротко познакомились. Несмотря на то, что отношенія къ нимъ этихъ номадовъ были довольно натянуты и даже прямо недружелюбны, что въ караванѣ не было переводчика съ тибетскаго языка, Николай Михайловичъ ухитрился собрать довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ народѣ.

Этнографическія свѣдѣнія о тибетцахъ будутъ приведены дальше, въ третьей части, посвященной изложенію научныхъ результатовъ экспедиціи Пржевальскаго, теперь-же ограничимся слѣдующими краткими замѣчаніями.

По своему наружному типу тибетцы очень сходны со своими родичами тангутами; какъ тѣ, такъ и другіе непохожи ни на монголовъ, ни на китай

*) Тамъ-же, стр. 249.

Становище тибетцевъ.

цевъ, но что бросается съ перваго-же взгляда въ глаза, такъ это большое сходство ихъ съ нашими **цыганами**.

«Если сдѣлать болѣе правильный, хотя и грубый рецептъ физіономіи описываемаго народа,—говоритъ Николай Михайловичъ,—то слѣдуетъ предложить хорошенько смѣшать монгола съ цыганомъ и эту смѣсь раздѣлить пополамъ — въ результатѣ получится какъ разъ тибетецъ» *).

Одежда этихъ кочевниковъ мало разнится отъ монгольской: та-же невообразимая неряшливость и грязь. Относительно лѣтняго одѣянія ихъ путешественники не могли собрать свѣдѣній, что-же касается зимняго, то оно какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ состоитъ изъ одной бараньей шубы, которая подпоясывается такимъ образомъ, что образуетъ на поясницѣ мѣшокъ, какъ на спинѣ, такъ и спереди; правый рукавъ у мужчинъ обыкновенно спущенъ, и рука остается голою, даже на морозѣ. Подобно монголамъ, тибетцы не носятъ ни рубашекъ, ни панталонъ, но взамѣнъ послѣднихъ надѣваютъ овчинные наколѣнники. Сапоги шьются изъ грубаго сукна и подшиваются кожанными подошвами. На головѣ какъ мужчины, такъ и женщины носятъ бараньи или лисьи шапки, рѣже повязки изъ красной матеріи, но часто голова совсѣмъ остается непокрытою даже въ сильный холодъ.

За поясомъ у тибетца всегда заткнута сабля съ весьма плохимъ клинкомъ,

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 252.

С... тибетцовъ

хотя снаружи нерѣдко богато украшенная, а съ лѣваго бока привѣшенъ ножикъ и мѣшочекъ съ разными мелочами. За поясомъ-же обыкновенно заткнута также длинная трубка. За пазуху кладется чашка, которая, также какъ и у монголовъ весьма часто бываетъ изукрашена различнымъ образомъ, кисетъ съ табакомъ, а иногда даже носовой платокъ.

Нѣкоторые мужчины носятъ на правомъ плечѣ, свѣшивающіеся назадъ небольшіе шелковые или суконные лоскутки, изукрашенные бирюзою, красными кораллами и т. п. Лоскутки эти играютъ роль талисмановъ, предохраняютъ отъ болѣзней и всевозможныхъ бѣдъ и получаютъ свою силу отъ священныхъ заклинаній ламъ.

Жилище тибетцевъ составляетъ круглый годъ палатка, сдѣланная изъ грубой шерстяной матеріи, сотканной изъ шерсти яка, чернаго цвѣта.

Внутри, по срединѣ, устроенъ очагъ, на которомъ зимою горитъ неугасаемый огонь, а запасы топлива—аргала, сложены въ палаткѣ, въ видѣ фундамента, вокругъ основанія стѣнъ.

Снаружи, около палатки, устраивается обыкновенно изъ аргала загонъ для ночевки барановъ.

Какъ и у другихъ номадовъ, у нихъ единственнымъ занятіемъ является скотоводство. Разводятся домашніе яки, бараны и лошади, въ меньшемъ количествѣ козы. Эти животныя доставляютъ имъ, кромѣ мяса и шкуръ, также молочные продукты. Не только яки и лошади, но также и бараны служатъ здѣсь вьючными животными и съ кладью въ 25 фунтовъ могутъ проходить цѣлыя тысячи верстъ *). Мясо нерѣдко употребляется въ сыромъ видѣ. Обычай этотъ произошелъ, вѣроятно, вслѣдствіе затруднительности иногда, особенно лѣтомъ, въ періодъ дождей, развести огонь. Такія трапезы на непривычнаго человѣка производятъ весьма непріятное впечатлѣніе.

Всѣ члены семьи усаживаются при этомъ вокругъ очага, и хозяинъ бросаетъ имъ, словно собакамъ, куски сырого мяса, отрѣзывая ихъ по мѣрѣ надобности отъ сбоку лежащей туши. Получившій свою порцію, съ жадностью впивается своими зубами въ окровавленный кусокъ, отрѣзывая ножомъ у самыхъ губъ захваченные куски.

Любимымъ кушаньемъ является кромѣ того супъ, сваренный изъ бараньихъ и яковыхъ костей, пролежавшихъ въ сыромъ видѣ 3—4 мѣсяца; передъ варкою онѣ предварительно толкутся и наваръ этотъ считается не только вкуснымъ, но и чрезвычайно полезнымъ для здоровья, такъ какъ сообщаетъ крѣпость организму.

Нравственныя качества тибетцевъ, по наблюденію Николая Михайловича, весьма не высокаго достоинства. «Изъ всѣхъ кочевниковъ, видѣнныхъ мною,—гово-

*) Извѣстно, что пундитъ Наинъ-Сингъ, во время своего зимняго путешествія изъ Ладака въ Лхассу въ 1873 г. везъ свой багажъ на 26 баранахъ, изъ которыхъ четыре выдержали весь путь, и прошли около 2,000 верстъ.

ритъ онъ,—тибетцы въ нравственномъ отношенiи были наихудшiе. Чуждые гостепрiимства и добродушiя, столь присущаго монголамъ, не испорченнымъ китайскимъ или нашимъ влiянiемъ, обитатели Сѣвернаго Тибета, несмотря на свой пастушескiй бытъ, могутъ поспорить относительно хитрости, жадности къ деньгамъ, плутовства и лицемѣрiя съ опытными проходимцами любого европейскаго народа. Всегда, лишь только намъ приходилось имѣть какiя-либо сношенiя съ описываемыми кочевниками, мы убѣждались, что это люди безъ всякой совѣсти и поголовные обманщики» *)...

Сначала Николай Михайловичъ думалъ, что такая испорченность населенiя представляетъ исключенiе и объясняется положенiемъ мѣстности, гдѣ ему пришлось дѣлать свои наблюденiя, на большой дорогѣ въ Лхассу. Но монголы-проводники, а также цайдамцы и алашаньцы, единогласно утверждали, что не лучшiе люди живутъ и въ Лхассѣ, и во всемъ Тибетѣ. «Душа у нихъ, какъ сажа,—говорили они.—Обворовать, обмануть другого, въ особенности чужестранца, считается чуть-ли не доблестью въ столицѣ Далай-ламы».

На бивуакѣ около Бумза путешественники простояли въ тягостномъ ожиданiи отвѣта изъ Лхассы цѣлыхъ 18 сутокъ.

«Трудное теперь переживаемъ мы время,—записалъ Николай Михайловичъ.—Тягостная неизвѣстность впереди на счетъ посѣщенiя Лхассы, огромная абсолютная высота (16,000 фут.), холода, бури—все это вмѣстѣ донимаетъ насъ» **).

Положенiе путешественниковъ было довольно критическое: они были заперты и спереди, и сзади. Дѣйствительно, въ Напчу, по слухамъ, все продолжали стягивать войска и милицiю, и тамъ набралось уже до 1,200 воиновъ; въ то-же время назади, на Танъ-ла, съ большимъ вѣроятiемъ можно было ожидать, что побитые ёграи собирались съ новыми силами и готовятъ мщенiе.

Первые дни стоянки посвящены были научнымъ экскурсiямъ въ окрестностяхъ, а Николай Михайловичъ кромѣ того занялся писанiемъ различныхъ спецiальныхъ замѣтокъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ это—на свѣжую память. Казаки тѣмъ временемъ занялись починкою износившейся обуви и одежды. Но вскорѣ все это было покончено, и путники не знали, куда дѣваться отъ скуки, проводя дни и ночи въ дымной, холодной и грязной юртѣ.

«Теперешнее бездѣйствiе тяготило насъ,—говоритъ Пржевальскiй,—пожалуй, еще хуже, чѣмъ всѣ труды предшествовавшаго перехода по Тибету, тѣмъ болѣе, что и нравственное наше состоянiе нельзя было назвать удовлетворительнымъ, въ виду неизвѣстности дальнѣйшей судьбы нашей экспедицiи. Выходило, что, вмѣсто желаннаго отдыха, мы нашли себѣ чуть не заточенiе, которое при томъ отзывалось и на здоровьи всѣхъ насъ» ***)...

Единственнымъ развлеченiемъ путешественниковъ въ ихъ безотрадной

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 258.
**) См. Дубровинъ, стр. 261.
***) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 262.

стоянкѣ была охота на ягнятниковъ и снѣжныхъ грифовъ. Тѣ и другіе, вмѣстѣ съ воронами, волками и лисицами, водились здѣсь въ огромномъ количествѣ и вели себя очень довѣрчиво, такъ какъ у тибетцевъ они (грифы и ягнятники) пользуются неприкосновенностью и имъ постоянно бываетъ пожива отъ человѣческихъ труповъ, которые часто прямо выбрасываются въ поле*).

Грифы вели себя еще нѣсколько осмотрительнѣе, но ягнятники садились прямо около «кухни», шагахъ въ 20—30 отъ занятыхъ варкою пищи казаковъ. «Страшно было даже съ непривычки видѣть,—говоритъ Пржевальскій, — какъ громадная птица, имѣющая около девяти футовъ въ размахѣ крыльевъ, пролетала надъ самою юртою или надъ нашими головами и тутъ-же опускалась на землю». Ихъ убивали пулями изъ берданокъ.

Охота на грифовъ (Gyps nivicola или hymalayensis) оказалась не столь легкою. Они тоже часто парили на небольшой высотѣ и садились на ближайшихъ холмахъ, но стрѣльба въ нихъ даже залпомъ почти всегда была безуспѣшна. Слышно было даже, какъ пули громко щелкали въ маховыя перья могучихъ распростертыхъ крыльевъ, но въ самое туловище, которое относительно невелико, не попадали.

Тогда рѣшено было добыть этихъ рѣдкостныхъ птицъ для коллекціи посредствомъ отравы. Для этой цѣли посыпали кишки и внутренности зарѣзаннаго для ѣды барана синеродистымъ каліемъ и положили эту приманку на холмѣ, гдѣ обыкновенно садились грифы.

Послѣдніе тотчасъ-же замѣтили своими зоркими глазами приманку, но сразу заподозрили что-то недоброе. Часа два или три они только кружились въ высотѣ надъ соблазнительными кишками, садились даже на землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ приманки, но тотчасъ-же опять подымались на воздухъ и не соблазнялись разложенною ѣдою.

Тѣмъ временемъ успѣли отравиться два менѣе смѣтливые ягнятника, что еще болѣе усилило подозрительность грифовъ, хотя трупы ягнятниковъ и поспѣшили убрать.

Цѣлая стая прожорливыхъ птицъ, штукъ въ тридцать, кружилась въ воздухѣ надъ роковою приманкою, пока, наконецъ, одинъ изъ грифовъ, быть можетъ, еще неопытный или самый жадный, спустился на землю, подошелъ къ соблазнительной поживѣ и началъ поспѣшно уписывать кишки. Это послужило сигналомъ и для всѣхъ остальныхъ; жадность превозмогла осторожность, и грифы стремглавъ кинулись перебивать добычу у своего товарища.

*) Судьба мертвеца у тибетцевъ рѣшается ламами, которые по гаданью опредѣляютъ, какимъ образомъ должно поступить съ трупомъ: сжечь-ли его, бросить въ рѣку, закопать въ землю или отдать на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ. Въ послѣднемъ случаѣ мертвеца отвозятъ въ пустынное мѣсто и здѣсь, при чтеніи установленныхъ молитвъ, рѣжутъ тѣло на куски, которые бросаютъ собравшимся грифамъ, ягнятникамъ, воронамъ, волкамъ, карсамъ (лисицамъ). Всѣ эти животныя привыкли уже къ подобной добычѣ и мигомъ собираются во множествѣ, нисколько не опасаясь людей. Кости скелета разламываются и также бросаются грифамъ, которые ихъ проглатываютъ цѣликомъ.

Но не успѣла еще вся стая спуститься, какъ снова произошла тревога; ранѣе спустившіеся товарищи уже успѣли проглотить нѣсколько кусковъ отравленнаго мяса, и ядъ подѣйствовалъ до такой степени быстро, что шестеро изъ птицъ почти мгновенно опрокинулись на землю въ предсмертныхъ конвульсіяхъ, а остальныя бросились искать спасенія въ родной стихіи на своихъ могучихъ крыльяхъ.

За жертвами алчности посланы были казаки, которые притащили на бивуакъ уже бездыханные трупы.

Подобнымъ-же образомъ, отравляя мясо убитыхъ яковъ и хулановъ, путешественники пробовали травить волковъ и лисицъ, но хитрые звѣри чувствовали

Грифы, добытыя на отравленномъ мясѣ.

запахъ яда и не трогали такой приманки. Не болѣе удачи было также и отъ капкановъ, которые имѣлись въ экспедиціонномъ багажѣ, но, къ сожалѣнію, они были недостаточно сильны, такъ что волки и лисицы, хотя и попадались, но всегда успѣвали высвободиться. Только одинъ разъ удалось изловить такимъ образомъ лисицу, да и то лишь потому, что она ужъ слишкомъ оплошала и попалась сразу въ два капкана, переднею и заднею лапами.

Эта лисица, называемая у мѣстныхъ жителей к я р с а, которыхъ въ Тибетѣ большое изобиліе, оказалась новымъ видомъ, и Николай Михайловичъ окрестилъ ее именемъ своего товарища Ф. Л. Эклона, который ставилъ эти капканы (canis seu vulpes Ekloni).

Кярсы, любопытны между прочимъ потому, что онѣ очень ловко умѣютъ

Грифы, добытыя на отравленномъ мясѣ.

Медвѣдь и кярсы.

поживиться на счетъ медвѣдей, во время его охоты на пищухъ. Такая сцена изображена на прилагаемомъ рисункѣ, которая нарисована г. Роборовскимъ съ натуры. Медвѣдь на глазахъ путешественниковъ весьма усердно раскапывалъ норы пищухъ (Lagomys ladacensis), которыя составляютъ его обыденную пищу, а четыре кярсы хватали звѣрьковъ, выбѣгавшихъ наружу. Неповоротливый медвѣдь видѣлъ такую безцеремонность, сердито рычалъ и даже бросался временами на вертлявыхъ кярсъ, но никакъ не могъ отдѣлаться отъ ихъ назойливости, и по мѣрѣ того, какъ неуклюжій великанъ переходилъ на другое мѣсто и снова принимался разрывать землю могучими лапами, паразиты-кярсы слѣдовали за нимъ.

Мѣстные жители сначала чуждались путешественниковъ, такъ что продавали барановъ только подъ угрозою грабежа, но постепенно освоились съ ними, и видя, что они ничего дурного не дѣлаютъ, стали даже приходить на бивуакъ, влекомые любопытствомъ. Къ сожалѣнію, разговоры съ ними были невозможны, такъ какъ тибетцы не понимали по монгольски, а въ экспедиціи не было ни одного, знающаго ихъ языкъ; поэтому объясняться приходилось больше пантомимами.

Типичныхъ мужчинъ и женщинъ, приходившихъ въ юрту, Роборовскій умѣвшій въ такихъ случаяхъ пользоваться удобными моментами, втихомолку срисовывалъ.

Вскорѣ и здѣсь, также какъ раньше въ Монголіи и Цайдамѣ, на счетъ путешественниковъ стали распространяться всевозможные нелѣпые слухи. Такъ

Медвѣдь и кярсы.

напр., вездѣ стали увѣрять, что они трехглазые, чему поводомъ послужили кокарды на военныхъ фуражкахъ, что ихъ ружья убиваютъ на безграничномъ разстояніи и притомъ могутъ стрѣлять безъ перерыва сколько угодно разъ, но сами они неуязвимы для какого-бы то ни было оружія, что невиданные пришлецы, а въ особенности ихъ начальникъ,—необыкновенно сильны въ волшебствѣ, знаютъ все напередъ; даже серебро, которое они даютъ—не настоящее; это—желѣзо, заколдованное такимъ образомъ, что оно кажется всѣмъ серебромъ, но со временемъ приметъ свой настоящій видъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго слуха никто даже не хотѣлъ ничего продавать и постоянно приходилось угрожать насиліемъ, если нужно было что купить.

Изъ собранной въ Напчу милиціи при экспедиціи постоянно дежурили подъ предлогомъ охраны, но, въ сущности, конечно, для наблюденія, по пяти человѣкъ, которые черезъ извѣстное время смѣнялись другими. Эти солдаты также сначала сильно дичились нашихъ путешественниковъ, но, пробывъ нѣкоторое время, обыкновенно осваивались и были даже очень довольны своимъ положеніемъ, такъ какъ могли вдоволь наѣдаться баранины.

Отъ нихъ путешественники узнали, что въ Лхассѣ происходитъ страшный переполохъ, населеніе волнуется, а власти не знаютъ, что предпринять. Въ Напчу собрано все наличное войско Далай-ламы, которому приказано во-что-бы то ни стало противиться дальнѣйшему движенію путешественниковъ внутрь страны.

«Подъ страхомъ смертной казни,—простодушно объясняли солдаты,—намъ велѣно драться съ вами и не убѣгать; но что мы можемъ сдѣлать противъ вашихъ ружей и вашей смѣлости; при первыхъ выстрѣлахъ съ вашей стороны, мы всѣ побѣжимъ, а тамъ пусть будетъ, что будетъ. Да и наши начальники трусятъ не меньше насъ; они постоянно молятъ Бога, чтобы бѣда миновала» *).

Дней черезъ десять отъ начала стоянки, недалеко отъ бивуака нашихъ путешественниковъ, расположился на дневку караванъ тибетскихъ торговцевъ, отправляющихся съ грузомъ различныхъ предметовъ буддайскаго богослуженія изъ Лхассы въ Сининъ.

Вмѣстѣ съ этимъ караваномъ прибыли и прежніе знакомцы, трое монголовъ, которые пріѣзжали уже раньше съ тибетскими чиновниками въ качествѣ переводчиковъ.

Монголамъ этимъ путешественники и теперь сильно обрадовались и тотчасъ-же завербовали къ себѣ Дадая въ качествѣ переводчика и проводника, если придется возвращаться назадъ.

Въ случаѣ отказа въ посѣщеніи Лхассы, Николай Михайловичъ уже давно рѣшилъ немедленно-же идти назадъ въ Цайдамъ, а затѣмъ на истоки Желтой рѣки, чтобы провести тамъ весну.

Дадай охотно согласился присоединиться къ каравану экспедиціи, а также

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 265.

и два его товарища предпочли тоже къ нимъ присоединиться, такъ какъ они страшно трусили ёграевъ и другихъ разбойниковъ и гораздо болѣе полагались на защиту чудодѣйственныхъ ружей нашихъ путешественниковъ, чѣмъ на тибетскихъ купцовъ.

Такимъ образомъ въ экспедиціи сразу оказалось два переводчика *) и цѣлыхъ три проводника.

Дадай и его товарищи также сообщили, что въ Лхассѣ народъ сильно волнуется, а власти рѣшительно не могутъ придумать, какъ отдѣлаться отъ чужестранцевъ.

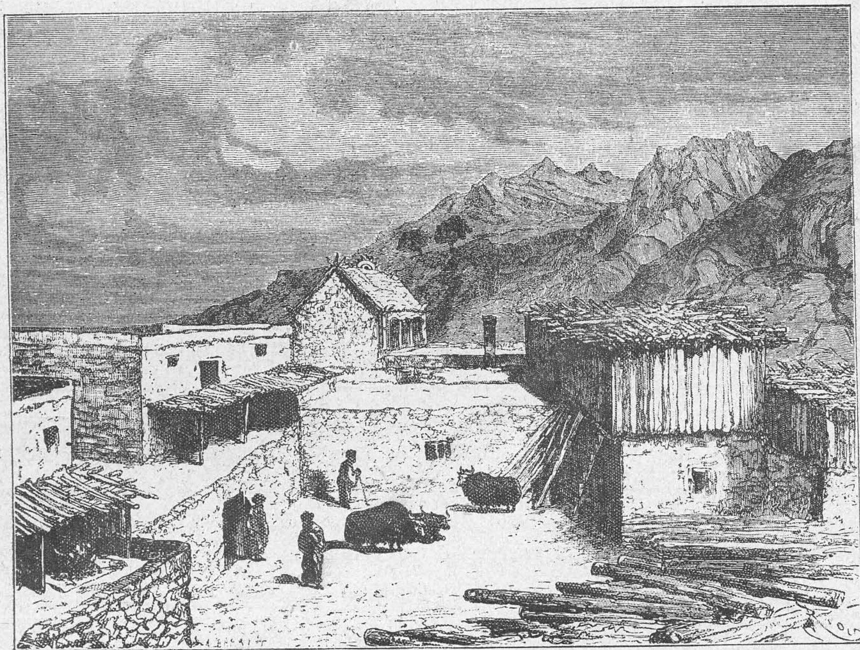
Тибетскія постройки въ окрестностяхъ Лхассы.

Монголы увѣряли, что въ столицѣ Далай-ламы навѣрное прибѣгнули теперь къ различнымъ гаданьямъ и заклинаніямъ, для чего въ Лхассѣ имѣется особая кумирня; здѣсь избранные ламы творятъ спеціальныя чудодѣйственныя заклинанія и при этомъ рубятъ саблями собачьи черепа. Послѣ такого волшебства,—говорили монголы,—жертва заклинанія немедленно умираетъ, хотя-бы находилась за тысячи верстъ. Даже китайцы вѣруютъ въ силу такого заклинанія и боятся его.

Прибытіе монголовъ-переводчиковъ очень благопріятно отразилось на собираніи этнографическихъ матеріаловъ, да кромѣ того и сами они, какъ люди не въ первый разъ уже бывавшіе здѣсь, могли сообщить очень много интереснаго про Лхассу, Далай-ламу, про религіозные обряды и даже про политическое положеніе.

*) Одинъ изъ этихъ монголовъ не понималъ по тангутски.

чужестранцевъ.

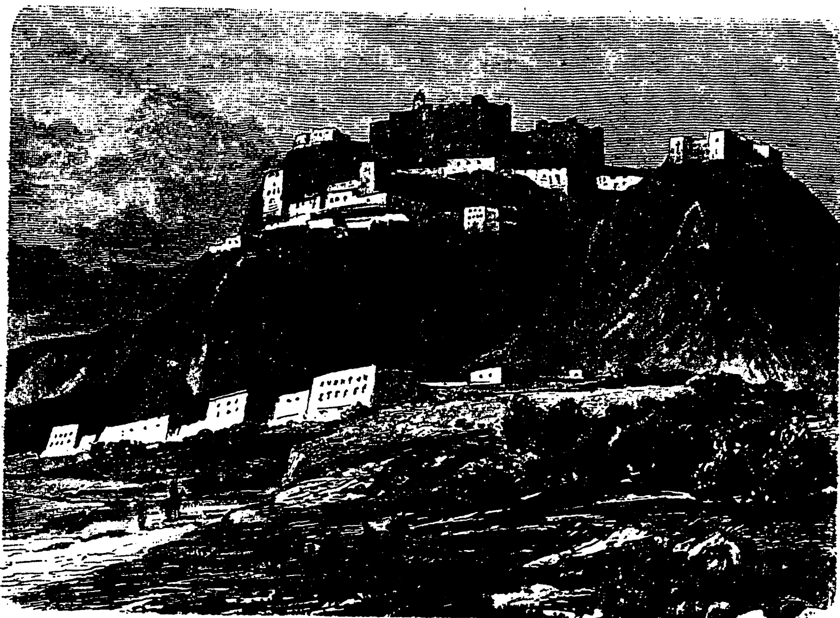

Тибетскія постройки въ окрестностяхъ Лхассы.

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія, какъ разспросныя, требуютъ еще повѣрки, но тѣмъ не менѣе имѣютъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, что Пржевальскій заносилъ ихъ въ свой дневникъ со строгою критикою.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о самой Лхассѣ сообщилъ одинъ изъ этихъ монголовъ, который провелъ здѣсь цѣлыхъ шесть лѣтъ и имѣлъ возможность ко всему поприсмотрѣться.

Городъ этотъ, называемый монголами Барунъ-дзу (западное святилище), или Мунху-дзу (вѣчное святилище), расположенъ на впадинѣ нагорья*), въ

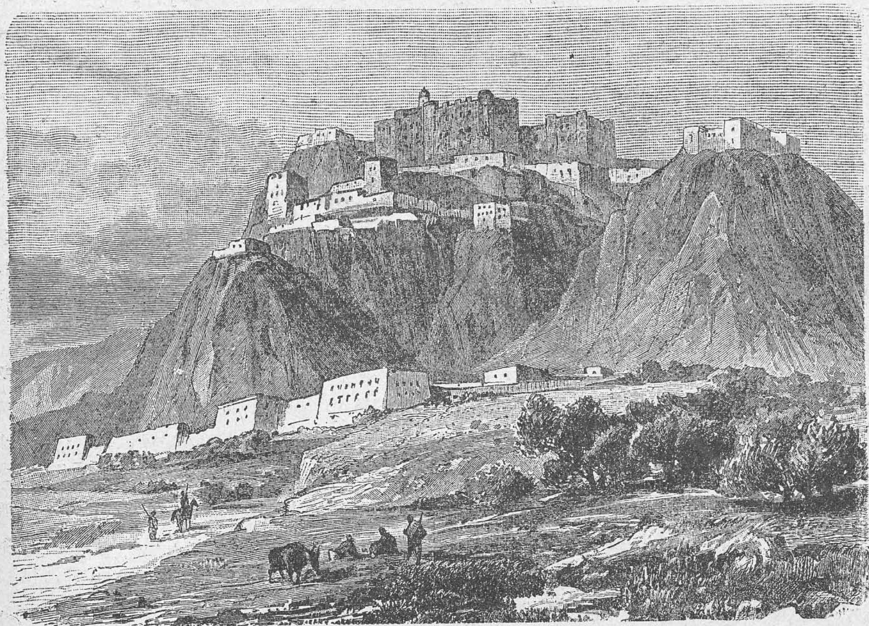

Монастырь Буддала.

равнинѣ, на правомъ берегу рѣки Уй-мурени, верстахъ въ 30 отъ впаденія ея въ Яру-цампо.

Онъ имѣетъ видъ настоящаго города и дома въ немъ выстроены изъ глины и камней, хотя, по сообщенію Гюка, тамъ встрѣчаются и весьма оригинальныя постройки изъ бараньихъ и яковыхъ роговъ, скрѣпленныхъ цементомъ. Постоянныхъ жителей не очень много, всего около 20,000, но съ торговцами и богомольцами, приходящими сюда на зиму, цифра эта возрастаетъ до 40 и даже 50 тысячъ человѣкъ. Населеніе это весьма смѣшанной національности: здѣсь, кромѣ тибетцевъ, живутъ монголы, китайцы, пебу (индусы изъ Бутана), качи (кашмирцы). Послѣдніе—всѣ магометане и живутъ въ Лхассѣ

*) По измѣренію нѣсколькихъ пундитовъ, абсолютная высота Лхассы 11,700 фут.

Монастырь Буддала.

исключительно съ торговыми цѣлями, составляя обособленную общину и управляются своимъ собственнымъ старшиною.

Въ Лхассѣ на всѣ продукты всегда стоитъ страшная дороговизна; деньги, приливъ которыхъ съ караванами многочисленныхъ богомольцевъ очень великъ, дешевы. Населеніе, въ которомъ преобладаетъ элементъ ламъ, чрезвычайно испорчено въ нравственномъ отношеніи; въ городѣ сильно развито воровство, грабежи и развратъ, чему много способствуетъ обязательное безбрачіе большинства населенія. Ламы ведутъ крайне развратную жизнь *). Однако, по общему убѣжденію, всѣ эти грѣхи будутъ прощены Богомъ по одному тому, что они творятся въ святомъ городѣ.

Самъ Далай-лама живетъ въ большомъ монастырѣ Буддала, построенномъ на высокомъ скалистомъ холмѣ, на окраинѣ города. Лѣтомъ-же Далай-лама переселяется въ лежащій по сосѣдству другой монастырь Норбу-линка. Кромѣ этихъ двухъ главнѣйшихъ монастырей въ Лхассѣ считается еще одиннадцать кумиренъ, богатыхъ и многолюдныхъ, да кромѣ того болѣе десятка другихъ кумиренъ расположено въ ближайшихъ окрестностяхъ города, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр., Сэра, Брайбонъ и Галданъ, очень знамениты въ буддайскомъ мірѣ. Число ламъ, живущихъ во всѣхъ этихъ кумирняхъ, достигаетъ колоссальной цифры—около пятидесяти тысячъ!

Какъ извѣстно, Далай-лама, по ламайскому ученью, реформированному въ XIV вѣкѣ по Р. Хр. тангутскимъ уроженцомъ Дзонъ-Кабою **), представляетъ земное воплощеніе *Будды-Авалокитесвара*—главнаго покровителя Тибета. По ученію, установленному Дзонъ-Кабою, другимъ іерархомъ, равнымъ Далай-ламѣ по святости, считается *Банчинъ-Ирембучи*, представляющій воплощеніе самого Дзонъ-Кабы. Однако, китайцы, которые распространили свое вліяніе на Тибетъ съ половины XVII столѣтія, оказывали постоянно свое покровительство Далай-ламѣ, и благодаря ихъ поддержкѣ онъ сдѣлался первенствующимъ іерархомъ въ буддайской церкви и свѣтскимъ государемъ Тибета.

Наконецъ, третьимъ лицомъ ламайской іерархіи почитается ургинскій Кутухта. Какъ высшіе іерархи: Далай-лама и Банчинъ-Ирембучи, такъ и низшіе жрецы—Кутухта и гыгены, представляющіе собою земное воплощеніе меньшихъ боговъ или душъ праведныхъ, по основному догмату буддайской религіи, не умираютъ, а только обновляютъ свой внѣшній образъ, переходя изъ одного тѣла въ другое.

Въ то время какъ Николай Михайловичъ пытался проникнуть въ Лхассу, на Далай-ламскомъ престолѣ находился пятилѣтній ребенокъ.

Прежній Далай-лама, объ избраніи котораго краснорѣчиво повѣствовалъ въ 1872 г. Балдынъ-Сорджи ***), умеръ черезъ два года послѣ того, т. е. въ 1874 г. въ возрастѣ 22 лѣтъ.

*) Весьма характерно съ соціально-гигіенической точки зрѣнія, что между ламами сильно распространенъ грѣхъ содомскій (содомія).

**) См. раньше, т. I, стр. 340.

***) См. стр. 250.

Дадай и его товарищи разсказывали, что, по слухамъ, онъ былъ отравленъ своими приближенными ламами, подкупленными свѣтскимъ правителемъ Тибета Номунъ-ханомъ *), который не ладилъ съ Далай-ламою.

Обыденная жизнь Далай-ламы, сколько можно было судить по разсказамъ монголовъ, не отличается отъ жизни другихъ тибетцевъ. Пищею ему также служитъ баранина, рисъ, дзамба, чай, масло, чура и изрѣдка супъ изъ полуизгнившихъ, истолченныхъ костей, который, по общему мнѣнію туземцевъ, укрѣпляетъ тѣло.

Въ общемъ жизнь его очень незавидная; за каждымъ его шагомъ неусыпно слѣдятъ приближенные ламы, Номунъ-ханъ и китайскіе резиденты. Нѣтъ ему никакой возможности увернуться отъ подобной тяжелой опеки, «тѣмъ болѣе,— говоритъ Пржевальскій,—юношѣ безхарактерному и неразвитому, каковымъ, благодаря своему воспитанію, вѣроятно, и бываетъ каждый Далай-лама.

Если-же случайно появится на Далай-ламскомъ престолѣ человѣкъ талантливый и энергичный, то онъ неминуемо будетъ изведенъ своими приближенными.

Въ извѣстные дни Далай-лама возсѣдаетъ въ кумирнѣ на престолѣ, къ подножію котораго подходятъ богомольцы и этотъ святитель возлагаетъ на ихъ головы свою руку.

Удостоиться такого рукоположенія считается у буддистовъ величайшею благодатью, для полученія которой благочестивые вѣрующіе иногда тратятъ все свое состояніе и рискуютъ трудностями далекаго и опаснаго пути. Да и въ самой Лхассѣ можно удостоиться лицезрѣнія Далай-ламы только за солидную плату, не менѣе 5 ланъ, а богатые люди нерѣдко дѣлаютъ крупныя пожертвованія. Вообще въ казну этого первосвященника ежегодно поступаютъ огромныя суммы, которыя идутъ на украшеніе и содержаніе кумиренъ, на содержаніе огромнѣйшаго штата ламъ, да кромѣ того расхищаются приближенными Далай-ламы, которые до крайности грубо эксплоатируютъ имя и значеніе своего патрона.

Эти ламы продаютъ за большія деньги невѣжественнымъ и суевѣрнымъ богомольцамъ всевозможные амулеты и писанныя заклинанія.

У одного изъ присоединившихся теперь къ экспедиціи монголовъ было такое заклинаніе, которое гарантировало своего обладателя противъ ружейныхъ пуль. Хотя онъ совершенно искренно вѣровалъ въ чудодѣйственную силу этого заклинанія, но когда казаки шутя предлагали ему испытать на себѣ дѣйствіе его

---

*) Внутреннее устройство Тибетскаго государства до сихъ поръ недостаточно выяснено, но, по имѣющимся свѣдѣніямъ, правленіе тамъ вполнѣ теократическое: всѣ высшія должности заняты духовными лицами. Самъ Далай-лама, оффиціальный государь, не вмѣшивается въ дѣла правленія, которыми завѣдуетъ Номунъ-ханъ, при содѣйствіи четырехъ выбираемыхъ имъ помощниковъ—калуновъ. Правленіе это вполнѣ деспотическое, и воля правителей является закономъ. Два китайскіе резидента наблюдаютъ за внѣшнею политикою, а также надъ дѣйствіями Далай-ламы, его собрата Ванчинъ-Иренбучи и за всѣми высшими администраторами Тибета. Вліяніе этихъ резидентовъ, повидимому, главнымъ образомъ закулисное, такъ какъ въ дѣйствительности подчиненіе Тибета Китаю довольно призрачное и выражается внѣшнимъ образомъ лишь въ торжественномъ посольствѣ, которое Далай-лама снаряжаетъ одинъ разъ въ 3—5 лѣтъ и посылаетъ Богдо-хану подарки, который и съ своей стороны посылаетъ отвѣтные подарки Далай-ламѣ.

и стать подъ выстрѣлъ, то онъ все-таки не рѣшался. Тогда рѣшено было испытать волшебную силу этого талисмана на баранѣ, предназначенномъ для ѣды. Долго рылся монголъ въ своей ладонкѣ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—при этомъ что-то шепталъ, и наконецъ досталъ грязный исписанный какими-то каракулями клочекъ бумаги, который и былъ повѣшенъ на грудь обреченнаго барана. Самъ монголъ и его товарищи стали поодаль, со страхомъ и любопытствомъ ожидая, что будетъ. Раздался мѣткій выстрѣлъ, баранъ, какъ снопъ, повалился бездыханный на землю, а самый амулетъ оказался насквозь прострѣленнымъ пулей.

Однако, монголы даже и при столь очевидномъ доказательствѣ не увѣрились въ нелѣпости амулета и увѣряли только, что бумажка, очевидно, фальшивая, безъ подписи самого Далай-ламы *).

На шестнадцатый день стоянки у подошвы Бумзà, 30-го ноября, на бивуакъ прибыли двое чиновниковъ изъ Лхассы въ сопровожденіи старосты д. Напчу и объявили, что изъ Лхассы пріѣхалъ гуцавъ (посланникъ) отъ тибетскаго правителя Номунъ-хана; далѣе они объяснили, что самъ посланникъ лично явиться не можетъ, такъ какъ заболѣлъ отъ дороги, но поручилъ имъ передать, что по рѣшенію Номунъ-хана и другихъ высшихъ сановниковъ, прибывшихъ чужестранцевъ не велѣно пускать въ Лхассу.

На вопросъ Николая Михайловича, какое участіе принималъ въ этомъ рѣшеніи китайскій резидентъ, чиновники отвѣтили, что имъ до китайцевъ нѣтъ никакого дѣла, и что тибетцы повинуются лишь своему собственному государю, но что въ данномъ случаѣ резидентъ не принималъ никакого участія и даже не знаетъ о прибытіи путешественниковъ.

Видя, что добромъ ничего не выйдетъ, Николай Михайловичъ приказалъ тогда переводчику передать, что онъ желаетъ непремѣнно видѣться съ самимъ уполномоченнымъ Номунъ-ханомъ посланникомъ, а также потребовалъ, чтобы китайскому резиденту немедленно-же было дано знать о прибытіи экспедиціи и именно отъ него привезено дозволеніе или запрещеніе на посѣщеніе Лхассы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Михайловичъ просилъ доставить ему письма и бумаги, полученныя изъ Пекина на его имя.

Для большаго-же вразумленія онъ прибавилъ, что если черезъ три дня тибетскій посланникъ не явится, то онъ самъ отправится къ нему въ Напчу.

Чиновники, видимо, сильно встревоженные этимъ послѣднимъ заявленіемъ, поспѣшили увѣрить, что всѣ эти требованія будутъ исполнены. При этомъ они умоляли Николая Михайловича не двигаться впередъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ имъ самимъ не избѣжать сильной кары по возвращеніи въ Лхассу.

*) Еще болѣе любопытное свѣдѣніе сообщаетъ Пржевальскій, что даже нечистоты Далай-ламы, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и Банчинъ-Ирембучи, продаются ламами богомольцамъ на вѣсъ золота. Послѣдніе хранятъ эту драгоцѣнность, какъ величайшую святыню и употребляютъ какъ вѣрнѣйшее средство при тяжкихъ болѣзняхъ или на смертномъ одрѣ для отпущенія грѣховъ.

Дѣйствіе угрозы вообще было очень сильное, и на слѣдующій-же день на бивуакъ путешественниковъ поспѣшилъ явиться какъ будто чудомъ исцѣлившійся отъ своей болѣзни самъ посланникъ.

Это, по всей вѣроятности, былъ важная персона, быть можетъ, одинъ изъ калуновъ, по имени Чжигмедъ-Чойчжоръ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли намѣстники трехъ главныхъ кумиренъ и представители всѣхъ 13 аймаковъ (областей) собственно Далай-ламскихъ владѣній.

За нѣсколько времени передъ прибытіемъ этого торжественнаго посольства, недалеко отъ бивуака путешественниковъ, поставлены были двѣ палатки, въ которыхъ прибывшіе предварительно переодѣлись въ парадное одѣяніе, а затѣмъ уже явились на аудіенцію.

Главный посланникъ былъ одѣтъ въ богатую соболью шубу, мѣхомъ наружу, на остальныхъ-же одѣяніе было нѣсколько попроще.

«Послѣ обычнаго спроса о здоровьи и благополучіи пути,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—посланникъ обратился къ намъ съ вопросомъ, русскіе мы или англичане? Получивъ отвѣтъ, тибетецъ повелъ длинную рѣчь о томъ, что русскіе никогда еще не были въ Лхассѣ, что сѣвернымъ путемъ сюда ходятъ только три народа—монголы, тангуты и китайцы, что мы иной вѣры, что, наконецъ, весь тибетскій народъ, тибетскій правитель Номунъ-ханъ и самъ Далай-лама не желаютъ пустить насъ къ себѣ».

«На это я отвѣчалъ, что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону божескому странниковъ, кто-бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего 13 человѣкъ, слѣдовательно мы никакимъ образомъ не можемъ быть опасны...».

«На все это получился почти тотъ-же отвѣтъ: о разной вѣрѣ, о трехъ народахъ, приходившихъ съ сѣвера и т. д...» *).

При этомъ, какъ самъ посланникъ, такъ и вся его свита, складывали свои руки и самымъ униженнымъ образомъ умоляли Николая Михайловича не ходить далѣе.

О какихъ-бы то ни было требованіяхъ или угрозахъ не было и помину, наоборотъ, посланникъ предложилъ даже уплатить всѣ расходы путешествія.

Даже не вѣрилось собственнымъ глазамъ,—говоритъ Пржевальскій,—чтобы представители могущественнаго владыки многихъ милліоновъ буддистовъ, почитающихъ его за воплощенное божество, могли вести себя столь униженно и такъ испугаться ничтожной горсти европейцевъ. Тѣмъ не менѣе это было фактомъ и фактомъ знаменательнымъ для будущихъ попытокъ путешественниковъ проникнуть въ Тибетъ.

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 274.

Отвергнувъ вопросъ объ уплатѣ денежныхъ издержекъ, какъ недостойный русскаго имени, Николай Михайловичъ объявилъ, что, въ виду всеобщаго нежеланія тибетцевъ пропустить его съ товарищами къ себѣ, онъ согласенъ возвратиться, но просилъ выдать ему бумагу съ изложеніемъ причинъ, почему экспедицію не пустили въ столицу Далай-ламы.

Тибетцы, очевидно, не приготовленные къ такому обороту дѣла, просили дать имъ время на совѣщаніе.

Получивъ на это согласіе, они усѣлись въ кружокъ на землѣ, недалеко отъ юрты путешественниковъ, и оживленно совѣтовались съ 1/4 часа. Затѣмъ они опять возвратились, и главный посланникъ объявилъ, что, не будучи уполномоченъ на это Номунъ-ханомъ, онъ требуемой бумаги дать не можетъ.

— Завтра утромъ мы выступаемъ,—велѣлъ передать своему переводчику Николай Михайловичъ;—если будетъ доставлена требуемая бумага, то мы пойдемъ назадъ, если-же нѣтъ, то двинемся къ Лхассѣ.

Снова послѣдовали продолжительныя совѣщанія, и въ результатѣ посланецъ Далай-ламы заявилъ, что онъ согласенъ выдать такую бумагу, но для составленія ея всѣмъ имъ необходимо вернуться въ Напчу.

— Тамъ,—добавилъ посланникъ,—мы будемъ вмѣстѣ составлять объясненіе насчетъ отказа въ пропускѣ васъ въ Лхассу, и если за это впослѣдствіи будутъ рубить намъ головы, то пусть уже рубятъ всѣмъ.

— Я путешествую много лѣтъ, — отвѣчалъ имъ на это Николай Михайловичъ,—но нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, каковы тибетцы; рано или поздно къ вамъ все-таки придутъ европейцы и силою заставятъ пустить къ себѣ, такъ и передайте самому Далай-ламѣ и Номунъ-хану.

Ничего не отвѣтили на такое нравоученіе тибетцы, только еще униженнѣе умоляли не двигаться впередъ, а бумагу обѣщали непремѣнно доставить завтра утромъ.

На завтра, лишь только взошло солнце, какъ посланцы всею гурьбою снова пріѣхали и привезли требуемый документъ, который настолько интересенъ, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ: *)

«Такъ какъ Тибетъ страна религіи, то случалось, что въ него и прежде, и послѣ приходили поименованные люди изъ внѣшнихъ странъ. Но тѣ, которые съиздавна не имѣли права приходить, по единогласному давнишнему рѣшенію князей, вельможъ и народа, не принимаются, и велѣно не на животъ, а на смерть охранять, о чемъ испрошено черезъ живущаго въ Тибетѣ амбаня высочайшее утвержденіе. Те-

*) Переводъ съ подлиннаго текста сдѣланъ профессоромъ В. П. Васильевымъ.

Посольство Далай-ламы.

Посольство Далай-ламы.

перь-же въ мѣстности Понъ-бумъ-чунъ, принадлежащей къ Цза-маръ, въ (**странѣ**) Нагчу въ 10-й лунѣ 13-го числа явились, съ намѣреніемъ идти въ Тибетъ, чаганъ-ханов *) амбанъ (**т. е. генералъ**) Николай Шибалнсики, тусулачи (**помощникъ**) Акэлонь, тусулачи Шивійковсики **) съ десятью слугами и солдатами. По извѣстіи объ этомъ мѣстнаго начальства, многіе тибетцы отправлены были для разспросовъ и когда они (**т. е. путешественники**) оставались на мѣстѣ двадцать дней, посланные изъ кумиренъ Сэра, Брайбона и Галдана со многими тибетцами и свѣтскими просили воротиться, и при личномъ свиданіи объяснили тщательно вышесказанныя обстоятельства, что въ Тибетъ нельзя приходить—(**отвѣчали**) что если вы всѣ дадите письменное скрѣпленное удостовѣреніе, что нельзя приходить, вернемся, иначе завтра-же отправимся въ Лхассу; почему мы и просили воротиться, какъ издревле кто-бы ни пришелъ изъ неимѣющихъ права приходить».

«Намѣстникъ брайбунскій *Лобзанъ-Дандоръ*. Намѣстникъ въ сэраскомъ храмѣ великой Яны *Гэньдунъ-Чайрагъ*. Намѣстникъ въ храмѣ великаго побѣдоносца въ Галданѣ *Ринчэнъ-Санбо*. Тибетскій степной управитель всѣхъ свѣтскихъ, малый-ханбо *Чжигмедъ Чойчжоръ* Цзэчжунъ (**приближенный вельможа**) *Чжанчувъ-Гэлэгъ*. Цзэчжунъ *Ѣшэй-Даньцзинь*. Шотсрунъ (**чинъ**) *Дорждже-Да-дулъ*. Шотсрунъ *Ванчжали-Норву*. Управляющій Нагчу, шотсрунъ *Намчжелъ-Дордже*. Цзечжунъ *Чжалзанъ-Нойрубъ*. Въ годъ земли и зайца въ 11-й лунѣ 3-го числа».

Чтеніе этой бумаги происходило довольно долго, такъ какъ пришлось пользоваться двумя переводчиками: Дадай переводилъ на монгольскій языкъ, а казакъ Иринчиновъ—на русскій.

---

*) Или Цаганъ-хановъ, т. е. русскаго императора.

**) Въ паспортѣ, выданномъ еще въ 1876 г. при отправленіи въ Лобъ-норскую экспедицію, значился Повало-Швыйковскій, который потомъ оставилъ экспедицію. Вѣроятно, по недоразумѣнію его имя помѣстили вмѣсто Роборовскаго. Впрочемъ, изъ этого-же недоразумѣнія можно заключить, что китайцы еще заранѣе (быть можетъ тогда-же въ 1876—77 гг.) приняли мѣры къ тому, чтобы русская экспедиція не могла проникнуть въ Лхассу.

Затѣмъ посланникъ приложилъ къ ней свою печать и вручилъ ее Николаю Михайловичу.

Тогда послѣдній отдалъ приказаніе снимать бивуакъ.

Пока казаки возились съ разборкою юрты и укладкою багажа на верблюдовъ, офицеры довольно дружески бесѣдовали съ тибетцами, показывали имъ, по ихъ просьбѣ, оружіе и снова увѣряли, что шли въ Лхассу безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, а наоборотъ съ самыми дружескими чувствами.

Вѣрили тѣ, или нѣтъ—неизвѣстно, но они были чрезвычайно рады успѣшному окончанію своей миссіи и распрощались съ путешественниками весьма любезно.

Когда караванъ тронулся въ путь, то они долго еще стояли на пригоркѣ, собравшись кучею, до тѣхъ поръ пока послѣдній верблюдъ экспедиціи не скрылся изъ глазъ за ближайшими горами.

«Итакъ,—съ горечью замѣчаетъ Николай Михайловичъ,—намъ не удалось дойти до Лхассы: людское невѣжество и варварство поставили тому непреодолимыя преграды! Невыносимо тяжело было мириться съ подобною мыслью и именно въ то время, когда всѣ трудности далекаго пути были счастливо поборены, а вѣроятность достиженія цѣли превратилась уже въ увѣренность успѣха. Это была четвертая съ моей стороны попытка пробраться въ резиденцію Далай-Ламы: въ 1873 г. я долженъ былъ, по случаю падежа верблюдовъ и окончательнаго истощенія денежныхъ средствъ, вернуться отъ верховья Голубой рѣки; въ 1877 г., по неимѣнію проводниковъ и вслѣдствіе препятствій со стороны Якубъ-бека кашгарскаго, вернулся изъ горъ Алтынъ-тага за Лобъ-норомъ; въ концѣ того же 1877 года принужденъ былъ по болѣзни, возвратиться изъ Гучена въ Зайсанъ; наконецъ теперь, когда всего дальше удалось проникнуть вглубь Центральной Азіи, мы должны были вернуться, не дойдя лишь 250 верстъ до станціи Тибета» *).

«Трудно описать, сообщалъ Пржевальскій въ своемъ письмѣ къ г. Каяндеру **), съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такова моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ докончитъ недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 277.

**) Въ письмѣ 1 февраля 1880 г.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возвращеніе изъ Тибета.

Угнетенное состояніе путешественниковъ.—Проводникъ Дадай.—Паника туземцевъ.—Легенды о Танъ-ла.—Новый путь.—Встрѣча Новаго года.—Истощеніе запасовъ продовольствія.—Встрѣча съ монголами.—Спускъ въ Цайдамъ.—Непріятности Дадаю.—Политика монгольскихъ князей и китайскаго губернатора.—Поѣздка въ Сининъ.—Парадный пріемъ.—Попытки запугать, торгъ о продолжительности и районѣ дальнѣйшаго путешествія.—Пребываніе въ Сининѣ, закупка муловъ и продовольствія.—Отправка коллекцій въ Ала-шань.

Обратный путь показался очень скучнымъ. Помимо того, что испытана была крупная неудача, въ предстоящемъ пути должно было ожидать трудностей еще большихъ, чѣмъ раньше, на пути въ Лхассу. Караванъ экспедиціи состоялъ теперь всего изъ 26 до крайности истомленныхъ верблюдовъ, едва волочившихъ ноги и 10 верховыхъ лошадей. Запасы продовольствія подходили къ концу, а между тѣмъ на послѣдней стоянкѣ у тибетцевъ съ большимъ трудомъ и по несоразмѣрно большимъ цѣнамъ едва удалось купить всего 5 пудовъ дзамбы, нѣсколько барановъ, немного масла и полпуда чая, до такой степени дурнаго, что сами тибетцы называютъ его «мото-цай», т. е. «деревянный чай». Но въ видахъ экономіи и этой чай приходилось варить по нѣскольку разъ одинъ и тотъ же; дзамба также выдавалась лишь небольшими порціями.

Къ довершенію огорченія, тибетцы рѣшительно отказались послать курьеровъ для доставки корреспонденціи, полученной въ Лхассѣ на имя путешественниковъ, объясняя, что если письма присланы китайскому резиденту, то онъ отошлетъ ихъ обратно въ Пекинъ съ первымъ караваномъ.

Утѣшеніемъ служило только то обстоятельство, что теперь въ экспедиціи имѣлся хорошій проводникъ, не только хорошо знающій дорогу, но и вообще человѣкъ толковый, который очень много сообщалъ различныхъ свѣдѣній о проходимой странѣ. Проводникъ этотъ былъ Дадай, племянникъ Чутунъ-дзамбы, того самаго, который шелъ вмѣстѣ съ экспедиціей Николая Михайловича въ 1872—73 году.

Дадай оказался полезнымъ съ самаго начала. Именно, онъ съумѣлъ закупить еще кое-какіе запасы провіанта и нѣсколькихъ лошадей; кромѣ того онъ секретно развѣдалъ, что на разстояніи одного перехода сзади экспедиціи слѣдуетъ отрядъ конныхъ тибетцевъ, человѣкъ въ 30, а самъ посланникъ и его свита будутъ жить въ Напчу до тѣхъ поръ, пока не получатъ извѣстія, что путешественники перевалили на сѣверную сторону черезъ Танъ-ла.

Подъемъ на это плоскогоріе совершенъ былъ вполнѣ благополучно. О ёграяхъ не было и помину. Только два раза путешественники замѣтили вдали въ горахъ нѣсколько всадниковъ, но они очень быстро исчезали изъ вида. Очевидно, разбойники не только не рѣшались снова произвести на экспедицію нападенія, но даже укочевали далеко въ стороны отъ дороги.

«Вообще мы производимъ страшную панику на тибетцевъ, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ *). Нѣкоторые даже начинаютъ эксплоатировать такое обстоятельство. Такъ, начальникъ каравана, при которомъ сначала находились нанятые нами монголы, говорилъ имъ, что если на Танъ-ла на него нападутъ ёграи, то онъ скажетъ имъ: «хорошо, берите мои товары; я же отправлюсь назадъ жаловаться русскимъ. Это люди присланы сюда китайскимъ правительствомъ для того, чтобы всѣхъ васъ перебить за ваши разбои. Не перебили же до сихъ поръ потому, что не знали на вѣрное, что вы и есть самые разбойники».

При перевалѣ черезъ хребетъ Танъ-ла, Дадай не упустилъ случая разсказать своимъ спутникамъ двѣ легенды, относящіяся къ этой мѣстности.

Въ очень отдаленныя времена,—такъ повѣствовалъ онъ,—на высокой горѣ, возвышающейся около самаго перевала, жилъ одинъ злой духъ, который постоянно напускалъ всевозможныя бѣды на проходившихъ по этой дорогѣ путниковъ. Умилостивить его невозможно было никакими жертвами. Наконецъ, искорененіемъ этого зловреднаго духа спеціально занялся одинъ изъ тибетскихъ хубилгановъ, который, поднявшись на Танъ-ла, такъ донялъ этого дьявола своими молитвами и заклинаніями, что духъ окончательно смирился, даже обратился въ буддайскую вѣру и изъ злого превратился въ добраго генія, покровителя странниковъ. Съ тѣхъ поръ здѣсь стали гораздо легче проходить, увѣренно добавилъ Дадай.

Другая легенда имѣетъ реальную историческую подкладку и относится, очевидно, къ не очень отдаленнымъ временамъ.

Много лѣтъ тому назадъ, гласитъ эта легенда, халхасскій ханъ Галдзу-Абуте съ большимъ войскомъ предпринялъ походъ въ Тибетъ съ цѣлью похитить изъ Лхассы Далай-ламу и водворить его на жительство въ своихъ владѣніяхъ.

Разсѣявъ безъ труда войско, выставленное противъ него, ханъ этотъ побѣдоносно вступилъ на высоты Танъ-ла, но здѣсь тибетскіе святые напустили на него каменный градъ и кромѣ того послали большія стада свирѣпыхъ дикихъ яковъ. Почти все воинство монголовъ было истреблено этими небесными карами. У Галдзу-Абуте осталось всего 16 воиновъ, но и съ ними онъ съумѣлъ пробраться до Лхассы и овладѣлъ однимъ хубилганомъ, котораго и водворилъ на жительство въ г. Ургѣ **).

Николай Михайловичъ полюбопытствовалъ осмотрѣть остатки этого града сыпавшагося нѣкогда съ неба на головы монголовъ и, въ сопровожденіи проводника, отправился по его указанію верстъ за 10 въ сторону отъ дороги. Здѣсь, на берегу одной рѣчки дѣйствительно оказались цѣлыя кучи каменныхъ шариковъ величиною съ орѣхъ. По изслѣдованію Пржевальскаго, шарики эти оказались обыкновенными известковыми конкреціями, вѣроятно, вымытыми изъ лессовой почвы и нагроможденными тою же рѣкою на берегу.

По разсказамъ Дадая, монгольскіе ламы не упускаютъ случая набрать по

*) См. Дубровинъ, стр. 329.
**) По историческимъ свидѣтельствамъ Кутухта водворился въ Ургѣ съ 1604 г.

больше этой святости при своемъ путешествіи, нагружають иногда цѣлые вьюки, и, конечно, съ большою выгодою для себя сбываютъ простоватымъ вѣрующимъ по возвращеніи на родину.

Дойдя до горъ Цаганъ-обо, экспедиція простояла здѣсь на дномъ мѣстѣ четверо сутокъ по случаю болѣзни одного изъ спутниковъ. Отсюда свернули на право и направились по новой дорогѣ, во-первыхъ, потому что такимъ образомъ можно было изслѣдовать лишній клочекъ Тибета, а во-вторыхъ, въ интересахъ сокращенія пути. Спѣшить было необходимо, такъ какъ верблюды слабѣли съ каждымъ днемъ и нерѣдко приходилось бросать на дорогѣ совершенно заморенныхъ, да кромѣ того и запасы провизіи были уже совсѣмъ на исходѣ.

«Сегодня оказалось,—записано у Николая Михайловича въ дневникѣ подъ помѣткою 25 декабря *),—что у насъ дзамбы только 107 ф., а путь впереди еще далекій. Съ завтрашняго дня будетъ выдаваться только по полфунта въ день на каждаго. Соли тоже мало. Казаки ѣдятъ, какъ фараоновы коровы. Вообще они звѣри, а не люди, но съ такими только и возможно путешествовать въ здѣшнихъ странахъ. Нужно, чтобы казакъ былъ звѣрь, но на уѣздѣ. Солдаты—тѣ гораздо лучше, нравственнѣе и вообще благороднѣе. Съ ними и обращаться можно по человѣчески; съ казаками же должна быть строгость неумолимая...»

Чтобы отпраздновать день Рождества Христова, достали различные презервы (рыбу) и земляничное варенье. Казакамъ дано было по три сигары изъ тѣхъ, которыя предназначались для подарковъ.

Новый 1880 годъ путешественники встрѣтили на сѣверной сторонѣ перевала черезъ хребетъ Думбуре, въ сосѣдствѣ дикихъ яковъ, хулановъ, антилопъ и проч. «въ дальней-дали отъ всего цивилизованнаго міра».

Ради Новаго года казакамъ подарено было по полу-имперіалу. Достали и ѣли варенье и засахаренные фрукты, которые предназначались для Далай-ламы, но по счастью не попали къ этому...» **).

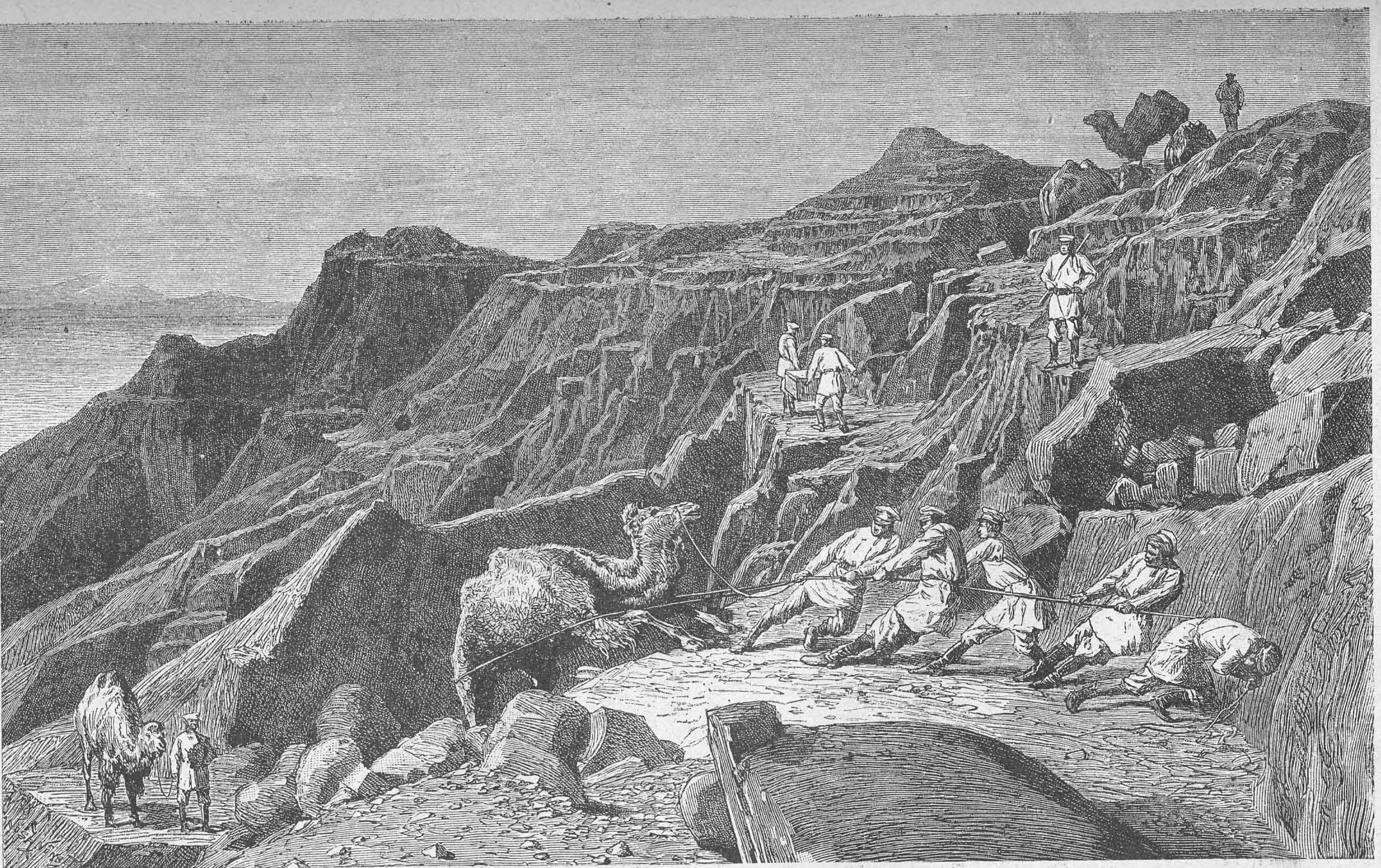
Отпраздновавъ такимъ образомъ Новый годъ, двинулись дальше и черезъ нѣсколько времени спустились въ долину р. Найджинъ-гола.

Мѣстность здѣсь сильно понизилась (до 12,500 фут. абс. выс.); стало замѣтно теплѣе, ходить сдѣлалось легче; юрту теперь топили дровами, и по ночамъ путники не такъ страдали отъ удушья, столь обыкновеннаго на страшныхъ высотахъ Тибета.

Въ самый день спуска въ эту долину розданы были послѣднія порціи дзамбы; рису, съ которымъ варился супъ осталось всего нѣсколько горстей. На продовольствіе охотою здѣсь по мѣстнымъ условіямъ тоже нельзя было разсчитывать.

Въ виду предстоящей неминуемой голодовки впередъ были посланы двое

*) См. Дубровинъ, стр. 330.
**) Тамъ-же, стр. 331.

Перевалъ черезъ хребетъ Торгай.

казаковъ, разыскать становище монголовъ, которые по словамъ проводника должны были кочевать гдѣ нибудь по близости.

Дѣйствительно, черезъ два дня экспедиція встрѣтила небольшое кочевье и у монголовъ куплено было немного дзамбы, масла, молока, нѣсколько барановъ и домашній якъ.

Мѣсто, гдѣ расположены были юрты номадовъ, оказалось очень удобнымъ для стоянки: здѣсь былъ сносный подножный кормъ для животныхъ, подъ бокомъ было топливо и хорошая ключевая вода.

Сдѣлавъ здѣсь привалъ, путники вымыли свои грязныя физіономіи и головы, постриглись и побрились. Помыться же всѣмъ тѣломъ было невозможно изъ опасенья простуды.

«Между тѣмъ, разсказываетъ Николай Михайловичъ, отъ спанья на пыльныхъ войлокахъ и постоянной нечистоты вездѣ и во всемъ, тѣло наше покрылось такимъ слоемъ грязи, что ее можно было соскабливать ногтями; подошвы-же ногъ, съ которыхъ по цѣлымъ недѣлямъ не снимались валеные сапоги, много походили на верблюжьи пятки» *).

Назадъ въ Тибетъ страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли тучи и, вѣроятно, безпрестанно бушевала непогода.

Отдохнувъ два дня и нѣсколько оправившись, путешественники двинулись дальше, по направленію къ Цайдаму.

Для подъема сравнительно тяжелыхъ вьюковъ съ коллекціями уже не достаточно было оставшихся 17 верблюдовъ, при томъ же совершенно обезсилѣвшихъ, а потому пришлось принанять у тѣхъ же встрѣчныхъ монголовъ шесть вьючныхъ яковъ.

На слѣдующій день же день пришлось преодолѣть послѣднюю трудность, перевалъ черезъ хребетъ Торай, упирающійся въ долину рѣки Найджинъ-голъ. Пройти по самому берегу невозможно, и пришлось карабкаться на крутыя горы.

Съ подъемомъ на эти возвышенности провозились почти цѣлый день. Усталые верблюды выбились изъ силъ и не въ состояніи были взбираться на гребень перевала по крутому и заваленному каменными глыбами подъему. Пришлось здѣсь развьючивать ихъ и переносить на себѣ кладь, да и самыхъ верблюдовъ мѣстами нужно было втаскивать на веревкахъ. А одинъ верблюдъ даже и съ такою помощью не могъ взобраться и его пришлось бросить.

Дальше по долинѣ идти было легко; тропинка мѣстами шла около самыхъ береговъ, которые иногда были на столько круты, что образовали своими совершенно отвѣсными стѣнами настоящій корридоръ глубиною саженей въ 15, а шир. 50—70 саж. Часто путники, проходя надъ самою водою, не имѣли возможности ея достать.

Съ невысокаго перевала Гоно открылся уже видъ на терявшіяся въ мутной, пыльной атмосферѣ цайдамскія безграничныя низменныя равнины.

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 299.

Сдѣлавъ еще одинъ, правда весьма длинный и утомительный переходъ, путешественники спустились на равнину, гдѣ абсолютная высота оказалась всего 9,200 ф. и расположились бивуакомъ среди густыхъ зарослей хармыка и тамариска—характерныхъ растеній Цайдама.

Здѣсь было уже такъ тепло, какъ весною; въ полдень термометръ въ тѣни показывалъ +9°, а на солнечномъ припекѣ было даже жарко.

31 января караванъ прибылъ въ знакомую хырму Дзунъ-засакъ, изъ которой четыре мѣсяца тому назадъ началось восхожденіе на Тибетское нагорье. За

Встрѣча Дадая съ матерью.

это время пройдено было 1,700 верстъ; изъ 34 взятыхъ при выступленіи верблюдовъ, назадъ пришло только 13, остальные-же всѣ не вынесли трудностей путешествія и погибли.

Мы сами,—говоритъ Николай Михайловичъ,—хотя и счастливо вынесли всѣ трудности, но чувствовали себя крайне истомленными и не добромъ поминали тибетскія пустыни.

Наканунѣ вступленія въ хырму, караванъ экспедиціи расположился на ночлегъ возлѣ монгольскаго стойбища, гдѣ проживала мать проводника Дадая. Послѣдній, вѣроятно предчувствуя недобрую встрѣчу, нѣсколько поотсталъ и ѣхалъ въ хвостѣ каравана. Мать, получившая уже раньше извѣстіе о томъ, что ея сынъ слѣдуетъ съ экспедиціей, бросилась на встрѣчу и засыпала казаковъ во-

Встрѣча Дадая съ матерью.

просами: живъ-ли онъ, здоровъ? Успокоенная на этотъ счетъ, она тотчасъ-же спросила, не отпустилъ-ли Дадай себѣ длинныхъ волосъ, какіе носятъ тибетцы?.. Въ это время подъѣхалъ самъ Дадай, и мать пришла въ величайшее негодованіе, увидя у него длинную косматую гриву, ниспадающую на плечи. Вмѣсто привѣтствія послѣ долгой разлуки, она разразилась горькими упреками, схватила сына за руку и потащила въ юрту, откуда черезъ полъ-часа онъ вышелъ уже неузнаваемый: вся голова его была гладко выбрита и только на затылкѣ оставленъ пучекъ волосъ, заплетенныхъ въ косичку.

Однако это еще не былъ конецъ непріятностей злополучнаго Дадая. Лишь только онъ показался изъ юрты, какъ на него снова накинулись съ еще болѣе жестокими упреками и даже угрозами...

Оказалось, что Дадай, передъ отправленіемъ своимъ въ Тибетъ искусилъ одну изъ знакомыхъ ему цайдамскихъ красавицъ и обѣщалъ жениться на ней, по возвращеніи изъ путешествія.

Однако-же, за долгое время пребыванія въ священной столицѣ Далай-ламы, онъ успѣлъ узрѣть тщету супружества и настолько охладѣлъ къ своей прежней привязанности, что далекъ былъ отъ намѣренія исполнить свое обязательство.

Теперь невѣста, въ сопровожденіи своего брата и еще какой-то старухи, узнавъ напередъ о приближеніи вѣроломнаго соблазнителя, заранѣе пріѣхала, и они сообща накинулись на него, требуя немедленной свадьбы.

Главной приманкой здѣсь являлись тѣ 40 ланъ серебра, которыя Дадай долженъ былъ получить за свои услуги проводника отъ Пржевальскаго.

Бѣдный Дадай, еще не опомнившійся отъ маменькиной головомойки, совершенно растерялся при этой новой бѣдѣ и только съ помощью дружескаго содѣйствія казаковъ кое-какъ успѣлъ улизнуть отъ навязчивой невѣсты.

Около хырмы Дзунъ-засакъ экспедиція простояла два дня, и это время употреблено было кромѣ отдыха на просушку и окончательную упаковку собранныхъ коллекцій.

Вещи, и деньги оставленныя на храненіе у Камбы-ламы и у князей Барунъ и Дзунъ-засаковъ, были возвращены въ цѣлости.

Эти князья употребляли теперь всѣ усилія къ тому, чтобы поскорѣе выпроводить отъ себя путешественниковъ. Въ противоположность предыдущему, они съ большою готовностью и за весьма сходную плату снабдили экспедицію восемью наемными верблюдами, провіантомъ и проводникомъ, хотя послѣдній оказался совершеннымъ идіотомъ, но продавать вьючныхъ животныхъ ни за что не соглашались ни здѣсь, ни въ Дуланъ-китѣ. По всей вѣроятности, это сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобы заставить путешественниковъ идти прямо въ Сининъ и чтобы нельзя было предпринять какое-либо путешествіе, минуя этотъ городъ.

Опасенія эти однако-же были совершенно напрасны, такъ какъ Николай Михайловичъ намѣревался идти на истоки Желтой рѣки именно черезъ Сининъ.

Слѣдуя дорогою, по которой Пржевальскій шелъ уже въ 1872—73 гг.,

караванъ направился черезъ Дуланъ-китъ, Буйханъ-голъ, южный берегъ озера Куку-норъ и наконецъ расположился бивуакомъ около пикета Шала-хото, откуда до Синина оставалось всего 70 верстъ.

Оставивъ здѣсь караванъ подъ надзоромъ Эклона, Николай Михайловичъ отправился въ г. Сининъ, въ сопровожденіи г. Роборовскаго, переводчика Абдула-Юсупова, трехъ казаковъ, и цѣлаго отряда китайскихъ солдатъ, явившихся привѣтствовать путешественниковъ тотчасъ-же по приходѣ ихъ на бивуакъ. Передъ вступленіемъ въ г. Донкыръ на встрѣчу путешественникамъ выѣхали китайскіе чиновники съ распущенными желтыми знаменами и провожали ихъ въ торжественной процессіи по улицамъ до фанзы, назначенной квартирою путешественникамъ.

Какъ и всегда, при посѣщеніи китайскихъ городовъ, навязчивая толпа праздныхъ зѣвакъ не давала ни на минуту покоя, такъ что ночевка здѣсь была далеко не пріятная и очень безпокойная.

На слѣдующій день, въ сопровожденіи новой смѣны китайскихъ солдатъ, составляющихъ «почетный» конвой, Николай Михайловичъ продолжалъ свой путь. Конвой этотъ все увеличивался новыми посланцами сининскаго амбаня, высылаемыми на встрѣчу одинъ за другимъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ еще свиту, а также и праздными зрителями, встрѣчающимися на дорогѣ. Подъ конецъ конвой возросъ уже до такихъ размѣровъ, что пришлось принять серьезныя мѣры и прогнать всѣхъ излишнихъ зрителей, что съ любезностью исполнили сами китайскіе офицеры, по просьбѣ Николая Михайловича.

Лишь въ сумерки дотащились наконецъ измученные путники до Синина и помѣщены были въ той самой квартирѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ останавливался венгерскій путешественникъ, графъ Зечени,

Городъ Сининъ представляетъ изъ себя очень важный центръ торговли Китая съ Тибетомъ, и число жителей въ немъ простирается до 60,000 чел. Какъ и всѣ китайскіе города, онъ обнесенъ высокими и толстыми глиняными стѣнами и снаружи имѣетъ довольно красивый видъ, но внутри очень грязенъ съ узкими, перепутанными улицами.

На слѣдующій-же день, послѣ прибытія Пржевальскій имѣлъ свиданіе съ мѣстнымъ амбанемъ, губернаторомъ огромной провинціи Гань-су.

Аудіенція эта была очень нарядная и происходила въ главномъ присутственномъ мѣстѣ города, въ такъ называемомъ ямынѣ. Сюда собрались всѣ главнѣйшія мѣстныя власти, а во дворѣ и въ воротахъ разставлены были въ парадномъ порядкѣ войска съ распущенными знаменами.

Когда все было приготовлено къ церемоніалу, Николаю Михайловичу было дано знать и онъ вмѣстѣ съ г. Роборовскимъ, переводчикомъ и казаками, облачившись въ парадную форму, отправился туда по улицамъ запруженнымъ зрителями до такой степени, что на лошадяхъ съ трудомъ можно было пробираться среди безчисленной толпы.

*

У воротъ ямыня они сошли съ коней и, пройдя черезъ дворъ, вступили въ первое помѣщеніе, гдѣ ихъ встрѣтилъ весьма вѣжливо, хотя и холодно амбань, который провелъ своихъ гостей въ пріемную фанзу. Здѣсь онъ усѣлся посрединѣ, пригласивъ помѣститься рядомъ съ собою Николая Михайловича, а г. Роборовскій и остальные присутствующіе размѣстились вдоль стѣнъ, исключая переводчика Абдулы, который остался возлѣ своего начальника.

Разговоръ начался съ обычныхъ разспросовъ о здоровьи и благополучіи пути. Затѣмъ амбань поспѣшилъ освѣдомиться, куда теперь путешественники намѣрены направиться.

— Нынѣшнею весною,—отвѣчалъ Николай Михайловичъ—мы пойдемъ на верховья Хуанъ-хэ и пробудемъ тамъ мѣсяца три-четыре, смотря по тому, сколько найдется тамъ научной работы.

— Не пущу туда—живо возразилъ амбань:—я имѣю предписаніе изъ Пекина какъ можно скорѣе выпроводить васъ отсюда. Предлагаю вамъ идти въ Ала-шань.

Пока переводчикъ передавалъ эти слова, амбань пристально смотрѣлъ на своего собесѣдника, желая, вѣроятно, замѣтить, какое впечатлѣніе произведетъ на него столь рѣшительный тонъ.

— На Желтую рѣку мы пойдемъ и безъ твоего позволенія, — спокойно улыбнувшись,—возразилъ ему на эту реплику Николай Михайловичъ.

Помолчавъ немного губернаторъ заговорилъ въ другомъ тонѣ.

— Знаете-ли,—началъ онъ,—на верхней Хуанъ-хэ живутъ разбойники-тангуты, которые, какъ мнѣ хорошо извѣстно, собираются жестоко отомстить вамъ за разгромъ ёграевъ въ Тибетѣ. Тангуты—народъ необыкновенно храбрый, просто отчаянный и даже я никакъ не могу съ ними справиться, несмотря на то, что у меня много солдатъ и всѣ они—прекрасные воины. Если вы мнѣ не вѣрите, то спросите у всѣхъ здѣшнихъ чиновниковъ — добавилъ онъ, указывая рукою на присутствующихъ, которые тотчасъ-же начали кивать головами, подтверждая слова своего начальника. Одинъ изъ нихъ даже слишкомъ поусердствовалъ: онъ поднялся со своего мѣста и доложилъ, что на Хуанъ-хэ живутъ даже людоѣды!

Но даже и столь тяжеловѣсный доводъ не произвелъ никакого дѣйствія.

— Тѣмъ не менѣе я пойду на истоки Желтой рѣки,—заявилъ Пржевальскій,—даже безъ проводника, если мнѣ его не дадутъ, какъ то не разъ уже мнѣ приходилось.

Озадаченный такою рѣшительностью, амбань снова погрузился въ размышленіе, а затѣмъ началъ торговаться относительно продолжительности пребыванія тамъ и предлагалъ ограничиться пятью-шестью днями такой опасной и безразсудной экскурсіи, но Пржевальскій не уступалъ и стоялъ на своемъ.

Около часу продолжались эти безполезныя словопренія и въ концѣ концовъ амбань попросилъ Николая Михайловича выдать ему росписку *) въ томъ,

*) Росписка эта препровождена была въ Пекинъ и представлена въ русское посольство.

что онъ предпринимаетъ эту экскурсію на свой рискъ, а китайскія власти слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность за безопасность путешественниковъ.

На это Пржевальскій охотно далъ свое согласіе, такъ какъ этимъ онъ избавлялся отъ стѣснительнаго конвоя китайскихъ солдатъ. Что-же касается другихъ требованій: обѣщанія не переходить на правый берегъ Хуанъ-хэ и не ходить снова на Куку-норъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, хотя и обѣщалъ по возможности исполнить эту просьбу.

Затѣмъ аудіенція окончилась и путешественники столь-же торжественно, какъ и раньше, препровождены были въ свою квартиру. Послѣ этого по обыкновенію Николай Михайловичъ послалъ амбаню подарки, но къ удивленію, онъ взялъ изъ нихъ лишь нѣкоторыя вещи, а отъ остальныхъ отказался и объяснилъ переводчику, что онъ боится, быть уличеннымъ во взяточничествѣ.

Четыре дня послѣ этого путешественники пробыли въ Сининѣ и за это время не имѣли ни минуты покою отъ зѣвакъ, которые толпою стояли на улицѣ, лѣзли во дворъ, на крышу, ломились въ дверь и окна. Болѣе солидные китайцы держали себя вѣжливѣе; они не лѣзли, какъ другіе, заглядывать на янъ-гуйзъ, а довольствовались лишь разспросами про нихъ проводника — Абдулы; вопросы эти по большей части были самые нелѣпые. Такъ напр., многіе были увѣрены, что у всѣхъ янъ-гуйзовъ нѣтъ костяной чашки въ колѣнномъ суставѣ, и сомнительно качали головами на всѣ увѣренія Абдулы. Самъ амбань по секрету разспрашивалъ переводчика, правда-ли, что начальникъ русскихъ видитъ на сорокъ саженей въ землю и сразу можетъ отыскивать тамъ всякія сокровища? Къ этому присоединялось увѣреніе, весьма распространенное, что бывшіе недавно передъ тѣмъ въ Сининѣ янъ-гуйзы (т. е. графъ Зечени и его два спутника) вытащили со дна Хуанъ-хэ волшебный камень, стоющій десять тысячъ ланъ золотомъ...

Но курьезнѣе всего было объясненіе, почему русскихъ не пустили въ Лхассу, которое при томъ интересно въ томъ отношеніи, что совершенно напоминаетъ легенду объ основаніи Дидоною Кареагена, и есть-ли это случайное совпаденіе, или оба преданія имѣютъ какую-нибудь связь—сказать трудно.

Вотъ что повѣдали сининскіе граждане Абдулу Юсупову.

— Въ весьма отдаленныя времена пришелъ въ Тибетъ одинъ янъ-гуйза, но его задержали и не пустили внутрь страны. Тогда пришлецъ попросилъ, чтобы ему продали хотя на границѣ клочекъ земли равный воловьей шкурѣ.

Тибетцы согласились на это, янъ-гуйза заключилъ съ ними формальное условіе на эту покупку и уплатилъ деньги. Послѣ этого онъ разрѣзалъ указанную въ договорѣ шкуру на тонкіе ремешки, обложилъ ими порядочное пространство и объявилъ все это своимъ владѣніемъ. Тибетцы не могли оспаривать это право, но пораженные такою хитростью чужестранца поклялись съ тѣхъ поръ никогда не впускать къ себѣ европейцевъ.

На четвертый день окончены были закупки муловъ и продовольственныхъ

запасовъ; теперь можно было-бы уже уѣзжать изъ города, но препятствіе встрѣтилось еще въ томъ, какъ поступить съ коллекціями.

Ясное дѣло, что ихъ не за чѣмъ было тащить на верховья Желтой рѣки, а между тѣмъ амбань рѣшительно воспротивился оставленію ихъ въ Шала-хото, гдѣ онѣ теперь находились и требовалъ, чтобы ихъ привезли въ Сининъ.

Такимъ образомъ онъ хотѣлъ заставить Николая Михайловича со своей экскурсіи возвратиться въ Сининъ и отказаться отъ вторичнаго посѣщенія Куку-нора.

Наконецъ и это было благополучно улажено. Въ Сининъ прибылъ караванъ изъ Ала-шаня, который вскорѣ уходилъ обратно, и Пржевальскому удалось нанять пришедшихъ монголовъ доставить вьюки прямо въ Дынь-юань-инъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

На верховьяхъ Желтой рѣки.

Мулъ, какъ вьючное животное.—Стоянка въ Балекунъ-гоми.—Общая характеристика верхняго бассейна Хуанъ-хэ.—Сигналъ туземцамъ при выступленіи экспедиціи; слухи, распускаемые китайцами.—Трудный путь вверхъ по долинѣ, подъемъ на сосѣднее плато.—Чудная панорама. — Бага-горги, первая встрѣча съ хара-тангутами, ихъ угроза. — Джаханъ-фидза, охота въ заповѣдныхъ лѣсахъ.—Р. Уму, сношенія съ туземцами.—Р. Чурмынъ.—Гонцы отъ Сининскаго амбаня.—Невозможность дальнѣйшаго слѣдованія.—Обратный путь по долинѣ Хуанъ-хэ. — Снова въ Балекунъ-гоми. — Отправка въ Сининъ за корреспонденціей, аудіенція Абдула у амбаня.—Экскурсія въ Гуй-дуй.—Изслѣдованіе горъ Джахаръ.—Охота на голубыхъ чеккановъ,—Восхожденіе на ледникъ.—Интересное свѣдѣніе о второмъ Далай-ламѣ.

Возвратившись въ Шала-хото, Николай Михайловичъ употребилъ еще два дня на сформированіе каравана изъ 14 вьючныхъ муловъ и на отправку коллекцій въ Ала-шань, а затѣмъ 17 марта выступилъ по направленію къ Желтой рѣкѣ, до которой было не далеко, всего 57 верстъ. Съ великою радостью шли теперь туда наши путешественники, заранѣе предвкушая всю прелесть весенняго пребыванія въ лѣсистыхъ горахъ сѣверо-восточнаго угла Тибетскаго нагорья. Юрта была замѣнена палаткою, все излишнее теплое одѣяніе было отправлено съ багажомъ въ Ала-шань и путешественники совсѣмъ перешли на лѣтнее положеніе.

Верблюды, истомленные тибетскимъ путешествіемъ, нисколько не поправились и ихъ пришлось отдать на пастьбу, новыхъ же купить не удалось, поэтому Николай Михайловичъ озаботился по возможности уменьшить багажъ при отправленіи въ свою лѣтнюю экскурсію.

Мулъ сильно уступаетъ по своимъ качествамъ верблюду: онъ гораздо менѣе выносливъ, требуетъ слишкомъ много ухода, гораздо болѣе разборчивъ на пищу и не можетъ обходиться безъ хлѣбнаго корма. Не только во время пути, но даже и на мѣстахъ остановокъ съ мулами вообще гораздо больше хлопотъ; при

малѣйшемъ недосмотрѣ они отрываются отъ привязи, дерутся между собою; во время пути нужно постоянно наблюдать, чтобы вьюки не сбивались на сторону, а иногда капризное животное даже ложится на землю и брыкается.

«Вообще,—говоритъ Пржевальскій,—если при двадцати верблюдахъ достаточно трехъ или четырехъ погонщиковъ, то при столькихъ же мулахъ людей требуется вдвое больше. Но зато мулъ гораздо легче верблюда ходитъ по горамъ, хотя вьюкъ при этомъ и рискуетъ постоянно свалиться въ пропасть».

Переваливъ черезъ хребетъ Южно-куку-норскій, караванъ взобрался на слѣдующій почти параллельный первому хребетъ Балекунъ и съ высоты его гребня предъ путешественниками открылся прекрасный видъ на долину Хуанъ-хэ. Широкою блестящею лентою извивалась эта могучая азіатская рѣка въ темной каймѣ густыхъ кустарниковыхъ зарослей, а на противоположномъ правомъ берегу возвышались гигантскіе обрывы, въ которыхъ мрачною трещиною выдѣлялось ущелье рѣчки Ша-кугу.

Сама Желтая рѣка, сопровождаемая съ востока непрерывною стѣною обрывовъ, а съ запада полосою невысокихъ холмовъ желтаго сыпучаго песка, уходила на югъ въ безконечную даль.

Урочище Балекунъ-гоми составляетъ крайній пунктъ осѣдлаго поселенія на верхней Хуанъ-хэ. Отсюда вверхъ по теченію живетъ только кочевое и разбойничье племя хара-тангуты.

Близъ Балекунъ-гоми путешественники разбили свой бивуакъ на самомъ берегу Желтой рѣки въ густыхъ кустарникахъ.

Абсолютная высота здѣсь была всего 8,600 ф.—такъ низко экспедиція не спускалась уже въ теченіе восьми мѣсяцевъ, отъ самаго Нанъ-шаня.

При томъ же, за исключеніемъ лишь безпокойной стоянки около Шалахото, съ самаго декабря путешественники еще ни разу не останавливались болѣе, чѣмъ на три дня, и поэтому теперь съ полнымъ правомъ можно было хорошенько отдохнуть, тѣмъ болѣе, что мѣсто было вполнѣ подходящее для этого.

Десять сутокъ простояли здѣсь путешественники, занимаясь охотничьими экскурсіями и ловлею рыбы въ рукавахъ Хуанъ-хэ.

Переводчикъ съ двумя казаками посланы были обратно въ Донкыръ, за кое-какими покупками. Однако-же разсчеты Николая Михайловича на богатую научную добычу въ этомъ мѣстѣ не оправдались.

Долина рѣки имѣетъ здѣсь версты 2—3 въ ширину и прорѣзывается нѣсколькими рукавами, наполняющимися водою только временами, а по большей части безводными. Окрестныя горы и обрывистые берега совершенно безплодны, а кустарниковыя заросли скучиваются лишь у самой рѣки, да и то лишь мѣстами. Въ этихъ кустарникахъ и въ небольшихъ тополевыхъ рощицахъ, которыя мѣстами подымаются въ видѣ небольшихъ островковъ, земля не покрыта зеленымъ дерномъ. Только около ключей, гдѣ просачивается подпочвенная вода, попадаются небольшія зеленѣющія лужайки или даже болотца.

Соотвѣтственно этому бѣдна и фауна верхней Хуанъ-хэ; крупныхъ звѣрей нѣтъ совсѣмъ, птицъ мало, въ особенности пролетныхъ, несмотря на то, что былъ конецъ марта.

Въ эту раннюю пору въ долинѣ Желтой рѣки, вслѣдствіе значительнаго пониженія мѣстности, было уже совсѣмъ тепло. Днемъ температура подымалась даже до 25° въ тѣни, рѣка давно уже очистилась ото льда и вода имѣла 8°, а въ мелкихъ рукавахъ доходила даже до 14°.

Къ концу марта на растеніяхъ стали раскрываться почки, появились цвѣты, но рядомъ съ такими проявленіями дружной весны, нерѣдко случались и холодные дни даже со снѣгомъ, а по утрамъ бывали морозы до—7,8°. Въ воздухѣ было сухо даже на самомъ берегу рѣки, при томъ же чуть не ежедневно бушевали пыльныя бури, напоминавшія собою Тибетъ.

Бури эти приносили съ собою тучи пыли, которая до такой степени заполняла атмосферу, что даже солнце скрывалось или чуть виднѣлось блѣднымъ дискомъ на сѣромъ, сумрачномъ небѣ. «Тяжело было дышать подобнымъ воздухомъ; грустно становилось на сердцѣ, при видѣ такого безобразія природы,—говоритъ Николай Михайловичъ,—тѣмъ болѣе, что кипучей весенней жизни нигдѣ не было замѣтно, даже пѣнія птицъ почти не было слышно. Только въ кустарникахъ кое-какія пташки немного оживляли тишину ранняго утра, да кое-гдѣ, на ключевыхъ болотахъ, изрѣдка раздавались крики гнѣздящихся тамъ черношейныхъ журавлей, гоготали сѣрые гуси и заунывно голосили турпаны...»

Все время своей десятидневной стоянки у Балекунъ-Гоми Пржевальскій неустанно, различными способами, хлопоталъ, чтобы достать себѣ проводника на верховья Желтой рѣки — но безуспѣшно. Безъ сомнѣнія, многіе тангуты хорошо знали эту мѣстность на далекое пространство, но всѣ поголовно отговаривались незнаніемъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько раньше нашихъ путешественниковъ въ Балекунъ-Гоми прибылъ чиновникъ отъ сининскаго амбаня, подъ предлогомъ заготовить проводника; онъ-то и запретилъ туземцамъ наниматься въ вожаки и вообще сообщать путешественникамъ какія-бы то ни было свѣдѣнія.

Николай Михайловичъ, по своему обыкновенію, хорошенько припугнулъ мѣстнаго старшину и только тогда появился проводникъ, почти полный идіотъ и къ тому же почти слѣпой, по имени Лаоцанъ, который зналъ дорогу верстъ на сто вверхъ по рѣкѣ.

Съ этимъ-то вожакомъ, припугнувъ его обѣщаніемъ суроваго наказанія за всякій обманъ, экспедиція выступила въ путь 30 марта.

Наканунѣ выступленія, ночью, на всѣхъ береговыхъ возвышенностяхъ зажжены были костры, что, очевидно, было условленнымъ знакомъ для всѣхъ обитателей долины.

Дѣйствительно, всѣ туземцы, какъ по мановенію волшебства, куда-то исчезли и путешественники сначала нигдѣ не встрѣчали жителей, хотя часто попадались на пути только что покинутыя стойбища.

Какъ впослѣдствіи оказалось, изъ Синина распущены были слухи, что русскіе идутъ съ враждебными цѣлями, и туземцы укочевали въ пески лѣваго берега, подальше отъ рѣки.

Верстъ на тридцать караванъ шелъ по удобной дорогѣ, вдоль самаго берега. Затѣмъ долина Хуанъ-хэ сильно съузилась и высокіе отвѣсные обрывы стали подходить вплотную то съ одной, то съ другой стороны теченія, вперемежку съ сыпучими песками. Пришлось карабкаться на эти стѣны или тащиться по пескамъ, гдѣ ноги муловъ глубоко вязли.

Еще верстъ черезъ двадцать отвѣсные обрывы, а выше ихъ цѣлыя горы песка совершенно преградили дальнѣйшій путь. Пришлось идти въ обходъ, словно ощупью отыскивая дорогу,—такъ какъ проводникъ рѣшительно не былъ въ состояніи дѣлать какія-либо полезныя указанія,—и взбираться на встрѣчную возвышенность, которая оказалась обширнымъ волнистымъ плато, отчасти степного характера, отчасти покрытымъ желтыми сыпучими песками.

Взобраться туда съ вьючными мулами была нелегкая задача, а затѣмъ предстоялъ большой безводный переходъ, такъ какъ на самомъ плоскогоріи, по окраинному гребню котораго двинулся караванъ, нигдѣ не было ключей. Идти здѣсь было довольно удобно, но жажда очень скоро начала томить какъ самихъ путешественниковъ, такъ и вьючныхъ животныхъ, набрать же запасной воды не было возможности, такъ какъ мулы и безъ этой добавочной ноши едва-едва вскарабкались на крутой подъемъ.

«Идя по гребню крутого ската къ рѣкѣ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—мы замѣчали внизу, тамъ и сямъ, соблазнительно зеленѣющія кучки тополей, обозначавшія присутствіе ключевой воды. Добыть ея было необходимо во чтобы то ни стало; поэтому, встрѣтивъ ключъ поближе другихъ, мы рѣшили дѣйствовать. Развьючивъ муловъ и оставивъ при багажѣ двухъ казаковъ, мы спустились съ мулами и лошадьми внизъ, версты за три, если считать зигзаги, которые пришлось дѣлать по крутому скату. Вода оказалась прелестною, мѣсто тѣнистымъ, прохладнымъ. Мы напоили своихъ животныхъ, напились сами чаю, позавтракали, и затѣмъ, завьючивъ немного воды, опять поднялись къ своему багажу и успѣли въ тотъ же день пройти еще верстъ десять...»

Далѣе шли такимъ же образомъ напрямикъ, оріентируясь лишь по высокой горѣ А м н э-в а і е н ъ, которая одиноко, словно маякъ, возвышается на юго-восточной окраинѣ плато среди голыхъ сыпучихъ песковъ. Гора эта у мѣстныхъ тангутовъ почитается священною и неприкосновенною: съ нея нельзя взять даже и маленькаго камешка. По преданію на нее сошелъ съ неба и нѣкоторое время жилъ здѣсь какой-то великій святой, что однако-же не помѣшало нашимъ путешественникамъ отлично поохотиться въ довольно густомъ лѣсу, покрывающемъ ея южный склонъ.

---

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 355.

Черезъ нѣсколько дневныхъ переходовъ пришлось перебираться черезъ встрѣтившійся довольно высокій горный кряжъ Сянъ-си-бей, хотя и безлѣсный, но имѣющій на своихъ склонахъ прекрасные луга и мѣстами кустарники, въ которыхъ животная жизнь (медвѣди, кабарги, волки, лисицы, зайцы, ягнятники, грифы и др.) встрѣтилась въ гораздо большемъ изобиліи, чѣмъ на сосѣдней равнинѣ.

На перевалѣ черезъ этотъ кряжъ (на высотѣ 12,600 фут.) Николай Михайловичъ взобрался на ближайшую вершину, откуда открылся чудный видъ на впереди лежащую мѣстность. На западѣ виднѣлась вѣчно снѣговая группа Угуту, къ востоку убѣгала въ даль степная равнина, по которой черною змѣею вился глубоко вырытый въ рыхлой почвѣ корридоръ Желтой рѣки и менѣе рельефно извивались подобныя же траншеи ея боковыхъ притоковъ; далѣе къ югу вновь подымались высокія горы, нагроможденныя и перепутанныя въ дикомъ хаосѣ. Разобраться въ направленіи и во взаимномъ расположеніи этихъ возвышенностей не было никакой возможности.

«Вообще,—говоритъ Николай Михайловичъ,—положеніе горныхъ хребтовъ верхней Хуанъ-хэ, за исключеніемъ лично видѣнныхъ нами, нанесено на карту лишь болѣе или менѣе гадательно. Разспросами проводника, а впослѣдствіи и мѣстныхъ тангутовъ мы рѣшительно ничего узнать не могли. И сколько портилось всегда крови при подобныхъ разспросахъ! Съ какимъ лихорадочнымъ любопытствомъ внимаешь бывало разсказу туземца, и какія нелѣпости и ложь слышишь постоянно!»

Двадцати-семи-верстный переходъ отъ хребта Сянь-си-бей привелъ экспедицію на рѣку Бага-горги или по тангутски Шань-чо, первый значительный притокъ Хуанъ-хэ съ лѣвой стороны.

Хотя рѣка эта весьма скромныхъ размѣровъ — саженей пять въ ширину при глубинѣ 1—3 фута, но ложе ея врыто очень глубоко и представляетъ ущелье около версты въ ширину, дно котораго на тысячу слишкомъ футовъ ниже уровня сосѣдняго плато; отвѣсные бока этого ущелья изрѣзаны въ свою очередь глубокими поперечными оврагами, поросшими на своихъ крутыхъ скатахъ густыми кустарниками и кое-гдѣ лѣсомъ.

Въ этихъ чащахъ, настолько запрятанныхъ въ ущельяхъ, что сверху ихъ можно замѣтить только подойдя вплотную къ обрыву, водятся въ большомъ изобиліи разные виды фазановъ, куропатки и многія болѣе мелкія пташки, между которыми много пѣвчихъ; также крупные звѣри: олени, медвѣди, кабаны, охота за которыми, вслѣдствіе неприступности мѣстности, оказалась чрезвычайно затруднительною.

На рѣкѣ Бага-горги въ первый разъ встрѣтились становища туземцевъ-тангутовъ. «Наше появленіе,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *), поразило ихъ удивленіемъ и страхомъ, несмотря на то, что, вѣроятно, всѣ хара-тангуты были

*) Тамъ же, стр. 359.

извѣщены своими собратьями изъ Балекунъ-Гоми о движеніи нашемъ вверхъ по Хуань-хэ. Здѣсь даже знали, какъ оказалось впослѣдствіи, о побитіи нами еграевъ на Танъ-ла—опять доказательство, какъ далеко и быстро разносятся вѣсти въ пустыняхъ Центральной Азіи».

Хара-тангуты немедленно же приняли по отношенію къ непрошеннымъ гостямъ угрожающее положеніе.

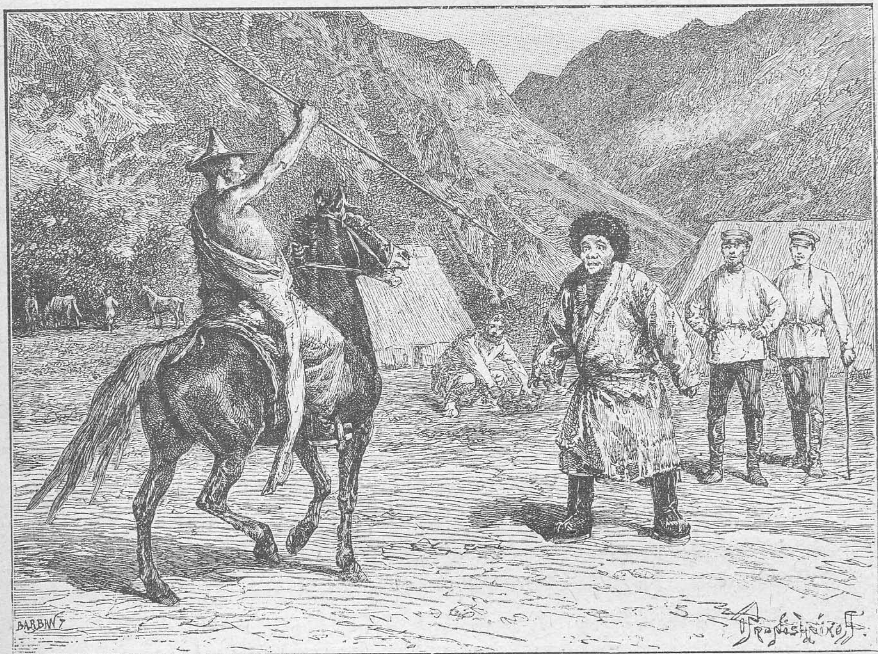
Дѣйствительно, на слѣдующій же день послѣ прибытія экспедиціи на Багагорги, къ бивуаку подъѣхалъ всадникъ, что-то прокричалъ проводнику и быстро

Угроза хара-тангута.

ускакалъ. Пока переводчикъ переводилъ его слова на монгольскій языкъ, а Иринчиновъ на русскій—туземецъ уже успѣлъ скрыться изъ виду. Оказалось, что онъ прокричалъ угрозу путешественникамъ, что вскорѣ всѣ они будутъ перебиты. Пренебрегать этимъ задорнымъ вызовомъ, конечно, не слѣдовало: немедленно же приняты были всѣ предосторожности, и путешественники перешли на военное положеніе подобно тому, какъ это было уже на Танъ-ла, въ виду враждебныхъ ёграевъ. Опасенія были тѣмъ болѣе основательны, что небольшое тангутское стойбище, бывшее по близости, немедленно куда-то исчезло.

Опять устроенъ былъ строгій ночной караулъ, а всѣ остальные спали въ полномъ вооруженіи, не раздѣваясь. Днемъ муловъ и лошадей отпускали на

Угроза хара-тангута.

пастьбу не далѣе разстоянія выстрѣла отъ бивуака; на охоту ходили съ револьверами за поясомъ и съ полными патронташами; половина наличнаго состава экспедиціи всегда оставалась на бивуакѣ. Наконецъ, и за проводникомъ былъ установленъ строгій надзоръ, который, впрочемъ, страшно трусилъ, въ виду сдѣланной туземцами угрозы и военныхъ приготовленій путешественниковъ.

Однако, же вся тревога оказалась пустою. Тангуты не рѣшились напасть на экспедицію, быть можетъ именно въ виду очевидности хорошаго отпора. Впослѣдствіи отношенія путешественниковъ къ туземному населенію сдѣлались менѣе враждебными; хотя осторожность по прежнему соблюдалась, по пословицѣ «береженаго и Богъ бережетъ», но научныя занятія отъ этого не страдали и коллекціи, особенно орнитологическія, собирались успѣшно.

Наибольшее вниманіе охотниковъ здѣсь обращено было на добычу для коллекцій ушастыхъ фазановъ (Crossoptilon auritum), извѣстныхъ у тангутовъ подъ названіемъ *шярама*.

Эти великолѣпныя птицы, величиною съ обыкновеннаго пѣтуха, съ роскошнымъ опереніемъ *), водились здѣсь въ довольно большомъ количествѣ, хотя охота за ними и была очень затруднительна, вслѣдствіе необыкновенной осторожности ихъ и крѣпости на рану. Николай Михайловичъ привезъ 26 экземпляровъ этихъ фазановъ.

Обшаривъ въ достаточной степени кустарники и лѣса Бага-гориг, Николай Михайловичъ перенесъ свой бивуакъ верстъ на десять южнѣе, къ подножію высокой, скалистой горы Джаханъ-фидза; новая стоянка расположена была на лугу возлѣ ущелья саженей въ 150 глубиною. Бока этого очень узкаго ущелья были почти совершенно отвѣсны и обставлены огромными скалами. Срашно было даже заглянуть въ такую пропасть, по дну которой съ шумомъ прыгала по камнямъ небольшая рѣчка.

У подножія Джаханъ-фидза построена небольшая кумирня, въ которой жилъ благочестивый гыгенъ. Кумирня эта и самая гора считается у тангутовъ священною и они сюда приходятъ толпами на поклоненіе, при чемъ обходятъ пѣшкомъ всю гору, падая ницъ черезъ каждые три шага.

Такъ какъ охота въ лѣсахъ, одѣвающихъ эту гору, запрещена для туземцевъ, то здѣсь животныя были болѣе довѣрчивы, и сборъ коллекцій былъ удачный.

Но самую замѣчательную особенность здѣшняго лѣса составляетъ необыкновенное изобиліе лекарственнаго ревеня. Одинъ изъ корней, взятый въ коллекцію, вѣсилъ въ сыромъ видѣ 26 ф. Теплая погода, которая приласкала путешественниковъ въ долинѣ Хуанъ-хэ и Бага-горги, окончилась съ поднятіемъ до 11,800 ф. на плоскогоріе около Джаханъ-фидза. Здѣсь опять наступили частые холода, по временамъ даже снѣгъ съ бурями. При томъ же воздухъ здѣсь былъ

*) Туловище голубовато-сѣраго цвѣта, голова ярко-красная цвѣта, клювъ желтый, подбородокъ и верхняя часть горла — бѣлая, длинный, роскошный хвостъ — синевато-стальной.

очень сухъ, и поэтому, несмотря на то, что была уже половина апрѣля, растительность здѣсь почти не начинала пробуждаться послѣ зимы. Такое же запозданіе природы оказалось и на рѣкѣ Уму, впадающей въ Бага-Горчи, куда Пржевальскій черезъ шесть дней перенесъ свой бивуакъ.

На этой рѣкѣ вездѣ кочевали тангуты, которые теперь уже достаточно поприсмотрѣлись къ путешественникамъ и начали даже заводить съ ними знакомство. Гыгенъ вышеупомянутой кумирни возлѣ г. Джаханъ-фидза даже прислалъ въ подарокъ молочныхъ продуктовъ и приказалъ тангутамъ продать путешественникамъ барановъ, тогда какъ раньше постоянно приходилось получать продовольствіе только подъ угрозою грабежа.

Спустя еще нѣсколько дней, на бивуакъ пріѣхалъ одинъ изъ мѣстныхъ старшинъ съ просьбою вылечить его отъ лихорадки и дѣйствительно получилъ исцѣленіе послѣ нѣсколькихъ пріемовъ хинина. Послѣ этого отношенія съ туземцами сдѣлались даже почти дружественными, хотя они по прежнему все скрывали относительно страны, отговариваясь незнаніемъ, или же если разсказывали, то выдуманныя нелѣпости.

Ущелье рѣки Уму поросло чрезвычайно густымъ лѣсомъ, состоящимъ преимущественно изъ исполинскихъ елей, достигающихъ 80—100 фут. высоты и до 4 фут. въ діаметрѣ, такъ что пробираться съ вьючными мулами между этими великанами представляло иногда немалыя трудности.

Недостатокъ подножнаго корма, отчего мулы стали быстро слабѣть, заставилъ путешественниковъ обратиться на поиски другой стоянки. Однако же, разъѣздъ, посланный съ этою цѣлью, не принесъ желаемаго результата. Посланные возвратились ни съ чѣмъ и объявили, что на большое пространство кругомъ степь дочиста выбита тангутскимъ скотомъ.

Тогда посланы были въ новый разъѣздъ казаки, которые возвратились черезъ два дня и объявили, что верстъ за 40 впереди есть небольшая рѣчка Чурмынъ, куда и рѣшено было перекочевать. Выйдя изъ ущелья Уму, караванъ направился по степному безводному плоскогорію, на которомъ кое-гдѣ начала уже зеленѣть травка, но гораздо больше было изсохшей прошлогодней травы, между прочимъ ковыля. Погода была прекрасная. Наканунѣ прошелъ сильный дождь и въ воздухѣ было сыро и прохладно. По степи вездѣ слышалось веселое пѣніе жаворонковъ, чеккановъ, кое-гдѣ виднѣлись пасущіеся хуланы.

«Но вся эта обстановка,—говоритъ Николай Михайловичъ,—круто измѣнилась, лишь только мы подошли къ совершенно незамѣтному издали обрыву ущелья р. Чурмынъ. Тогда, подъ самыми нашими ногами вдругъ раскрылась страшная пропасть, на днѣ которой былъ иной міръ и растительный, и животный. Здѣсь, вверху—безводная, покрытая лишь мелкою травою степь, со степными звѣрями и птицами; тамъ, внизу—шумящая рѣка, зеленѣющій лѣсъ, лѣсныя птицы и звѣри... Такой контрастъ, большій, чѣмъ на тысячеверстное пространство въ пустынѣ и вообще въ странахъ равнинныхъ—теперь встрѣчался

всего на разстояніи 2—3 верстъ спуска и около полутора тысячъ футовъ вертикальнаго поднятія» *).

Какъ и у всѣхъ рѣкъ верхняго бассейна Хуанъ-хэ, ущелье рѣки Чурмынъ имѣетъ отвѣсные скаты сильно изборожденные поперечными балками и ущельями. Та поперечная балка, которою путешественники воспользовались для спуска въ ущелье, имѣла всего 8—10 саженей ширины; здѣсь было даже страшно идти, такъ какъ съ отвѣсныхъ обрывовъ и со скалъ, возвышающихся по бокамъ саженей на 50—70, часто падали громадные камни. Мѣстами изъ этихъ стѣнъ выдавались страшно нависшія надъ пропастью огромныя глыбы, которыя чуть держались на своихъ основаніяхъ. Того и гляди рухнетъ эта громада и придавитъ весь караванъ!

Спустившись въ ущелье р. Чурмынъ, путешественники разбили свой бивуакъ на прекрасной лужайкѣ, возлѣ небольшого ключа подъ тѣнью громадныхъ тополей. Въ ихъ свѣжей пахучей листвѣ неумолкаемо раздавалось пѣніе птицъ, а въ сосѣднемъ лѣсу по утрамъ и вечерамъ слышалось токованіе фазановъ. Тепло было совершенно по лѣтнему.

Какъ ни отрадны были для Николая Михайловича и всѣхъ его спутниковъ лѣса верхняго бассейна Хуанъ-хэ, однако же, они составили себѣ о нихъ не особенно лестное мнѣніе.

«Въ этихъ лѣсахъ,—говоритъ Пржевальскій **),—все является какъ-то уродливо, какъ-то выкроено по узкой мѣркѣ; всѣ они растутъ клочками или небольшими площадками, запрятанными въ глубокихъ ямкахъ—вверхъ, на просторъ не показывается ни одно дерево, ни одинъ кустарникъ». А въ степи природа идетъ съ опозданіемъ благодаря рѣзкостямъ континентальнаго климата. Въ глубинѣ Азіи вообще рѣзкіе контрасты физической природы соотвѣтствуютъ не менѣе рѣзкимъ и климатическимъ переходамъ. Въ тихую, ясную погоду становилось жарко, какъ лѣтомъ; но вдругъ налетитъ вѣтеръ и въ одну минуту сдѣлается холодно; подымется буря—воздухъ наполнится тучами пыли; прольетъ дождь или выпадетъ снѣгъ—станетъ мокро и сыро. Но лишь только выглянетъ изъ-за тучъ солнце—влага быстро исчезаетъ, и черезъ нѣсколько часовъ вездѣ по прежнему сухо.

На р. Чурмынъ точно также были тангуты, съ которыми отношенія установились довольно дружественныя, и они безъ стѣсненія пригоняли на продажу барановъ, привозили молоко, масло.

Черезъ нѣсколько дней стоянки здѣсь, на бивуакъ неожиданно прибылъ отрядъ китайцевъ. Оказалось, что это посланцы отъ сининскаго амбаня, который спѣшилъ увѣдомить Николая Михайловича, что на его имя получены письма и бумаги изъ Пекинскаго посольства. Но вмѣсто того, чтобы прислать полученную корреспонденцію, амбань оставилъ ихъ у себя, отговариваясь боязнью грабежа.

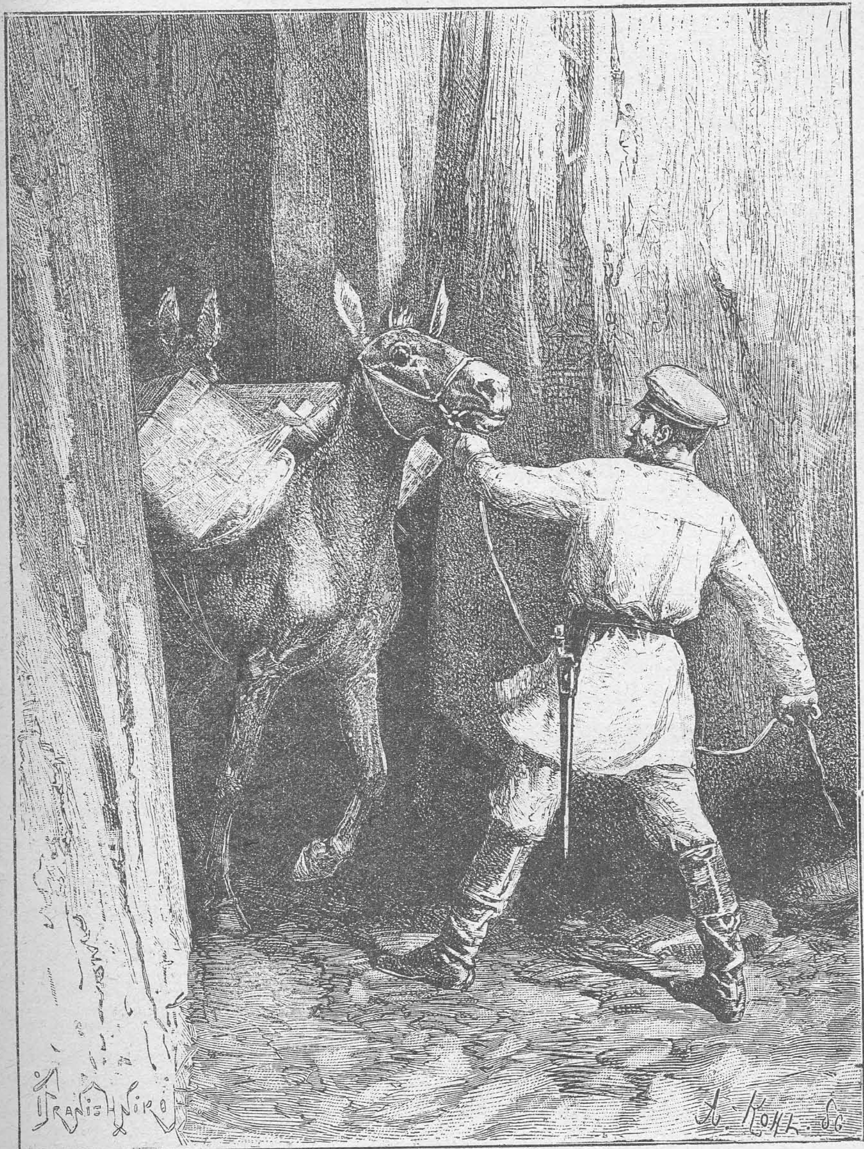
*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 369.
**) Тамъ же, стр. 371.

Конечно, это было не болѣе, какъ новая попытка заставить путешественниковъ поскорѣе вернуться въ Сининъ.

Хожденіе съ мулами въ лѣсахъ по р Уму.

Но Николай Михайловичъ не искусился на эту приманку; какъ ни желательно было ему и его спутникамъ поскорѣе узнать, что дѣлаетс яна родинѣ и

Хожденіе съ мулами въ лѣсахъ по р Уму.

Но Николай Михайловичъ не искусился на эту приманку; какъ ни желательно было ему и его спутникамъ поскорѣе узнать, что дѣлаетс яна родинѣ и

на бѣломъ свѣтѣ, онъ отправилъ китайцевъ обратно и просилъ амбаня поберечь у себя полученную посылку до его возвращенія.

Самъ же онъ рѣшилъ попытаться пробраться до самыхъ истоковъ Хуанъ-хэ, но вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ этого, по невозможности безъ проводника пробраться черезъ окружающія возвышенности.

Посланъ былъ разъѣздъ, который вернулся лишь на четвертыя сутки и съ неутѣшительными вѣстями. Казаки изъѣздили верстъ сорокъ и нигдѣ не нашли пути, удобнаго для слѣдованія съ караваномъ: безпрестанно встрѣчались глубокія пропасти или преграждали путь крутыя скалистыя горы, и всюду была безкормица.

Тогда Николай Михайловичъ попыталъ счастья въ другомъ мѣстѣ и самъ поѣхалъ внизъ по р. Чурмынъ до ея устья, чтобы попытаться здѣсь перебраться на другой берегъ Хуанъ-хэ.

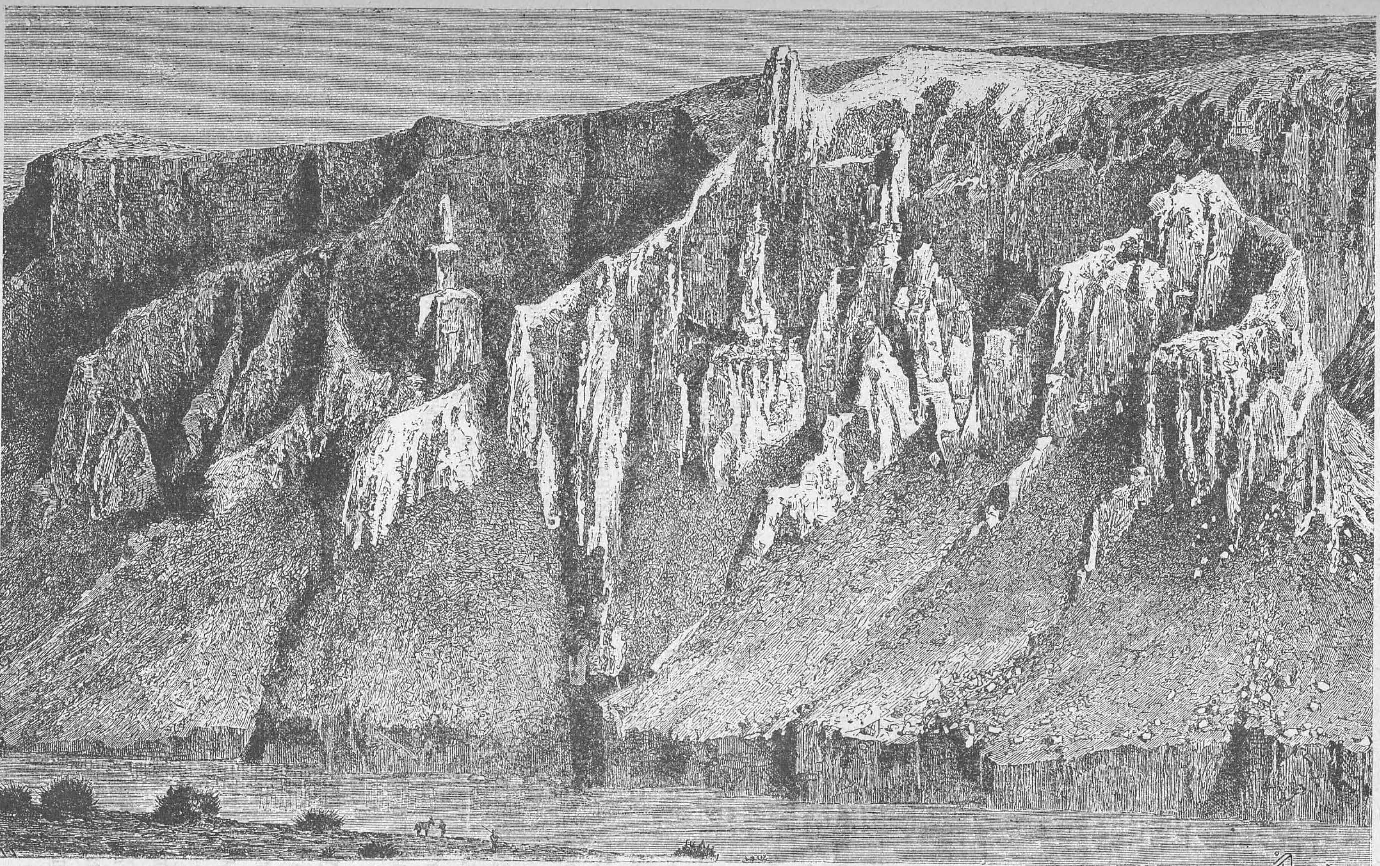
Хотя и этотъ разъѣздъ не принесъ желаемыхъ результатовъ, однако, рѣшено было сюда перекочевать, чтобы заняться подробнымъ изслѣдованіемъ мѣстности, такъ какъ все еще можно было надѣяться найти проходъ вверхъ по теченію рѣки.

Ущелье Желтой рѣки необыкновенно углублено въ почву и дно его находится на 1,600 ф. ниже поверхности окружающей плоской возвышенности. Сверху футовъ на 500—600 стѣны ущелья представляютъ почти совершенно вертикальные обрывы, причудливо изломанные и изборожденные; затѣмъ слѣдуетъ менѣе крутой скатъ, поросшій отчасти кустарниками и, наконецъ, внизу являются вторичные обрывы, въ которыхъ, словно въ искусственно вырытомъ корридорѣ, течетъ Желтая рѣка, имѣющая здѣсь саженей 40—50 въ ширину и не менѣе 1 сажени глубины, воду свѣжую и теченіе очень быстрое.

Долина рѣки имѣетъ версты три въ ширину и носитъ въ общемъ пустынный характеръ. Лѣсовъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ, и только мѣстами на берегу встрѣчаются небольшія заросли лозняка, да кое-гдѣ возвышается одинокая тополь.

Въ этой долинѣ путешественники пробыли четверо сутокъ въ тщетныхъ поискахъ средствъ переправы на правый берегъ. Брода нигдѣ не оказалось и слѣдовательно необходимо было строить плотъ, но для этого, помимо слишкомъ большой потери времени и труда, не было даже и подходящихъ матеріаловъ; да при томъ весьма сомнительна была и безопасность такой переправы съ мулами и багажемъ, при очень большой быстротѣ теченія и при обиліи громадныхъ камней, загромождающихъ русло рѣки. Наконецъ и переправа на другой берегъ не предвѣщала ничего хорошаго, такъ какъ, сколько можно было видѣть, и на той сторонѣ характеръ мѣстности былъ такой же, какъ на лѣвомъ берегу; и тамъ точно такъ же, какъ и здѣсь на югѣ, куда лежалъ путь къ истокамъ Хуанъ-хэ, виднѣлись сплошныя горы.

Оставалось, слѣдовательно, попытаться еще съ запада обойти снѣговую группу Угуту, преграждавшую дальнѣйшій путь, или же возвратиться прежнимъ путемъ черезъ Балекунъ-Гоми и переправиться здѣсь на правый берегъ.

Ущелье въ верховьяхъ Хуанъ-хэ.

Первое было рискованно, такъ какъ могло случиться, что въ западномъ направленіи также встрѣтятся непроходимыя мѣстности, тѣмъ болѣе, что мулы оказались гораздо менѣе выносливыми, чѣмъ верблюды и были уже на столько истощены, что пускаться на нихъ было опасно.

Сообразивъ все это, Николай Михайловичъ рѣшилъ возвратиться прежнею дорогою и посвятить наступающее лѣто изслѣдованію оазиса Гуй-дуй, озера Куку-нора и восточной части Нанъ-шаня.

Утромъ, 11 мая, завьючивъ своихъ муловъ и захвативъ съ собою запасной воды, путешественники начали подыматься изъ «глубокой ямины» Хуанъ-хэ и къ вечеру разбили свой бивуакъ среди степи, на плоскогоріи. Какъ-то просторнѣе показалось теперь на этой обширной открытой равнинѣ, послѣ долгаго пребыванія на днѣ сумрачныхъ глубокихъ ущелій. За то тамъ было тепло и привольно вблизи воды и кое-какой древесной растительности, а здѣсь на первую же ночь грянулъ морозъ въ —12,5°!

Пройдя черезъ степное плато, караванъ спустился снова въ ущелье Бага-горги, недалеко отъ устья этой рѣчки. Здѣсь одинъ за другимъ попадались прелестные уголки съ прекрасною ключевою водою среди рощъ исполинскихъ тополей въ 70—80 фут. высотою и до 5—6 футовъ въ діаметрѣ, окруженныхъ густымъ подлѣскомъ.

Весеннею нѣгою вѣяло въ этихъ уютныхъ уголкахъ; прохладный воздухъ напоенъ былъ ароматомъ свѣже-распустившейся зелени, повсюду пѣли птицы, красовались цвѣты... Словомъ здѣсь было такъ хорошо, въ особенности по контрасту съ сосѣднею степью, что путники не утерпѣли и даже безъ надобности сдѣлали здѣсь два раза дневку, занимаясь главнымъ образомъ сборомъ образчиковъ весенней флоры.

Около Балекунъ-Гоми произошла неожиданная задержка на одномъ изъ островковъ, образуемыхъ рукавами Хуанъ-хэ, такъ какъ, вслѣдствіе начавшагося въ этой странѣ дождливаго періода, вода вдругъ настолько прибыла, что перебраться въ бродъ оказалось невозможнымъ. Однако же черезъ три дня вода немного спала и отыскался бродъ.

Въ Балекунъ-Гоми къ каравану, въ подмогу совершенно истощеннымъ уже муламъ, присоединились пять верблюдовъ, оставленныхъ здѣсь раньше на выкормку. Поправились они мало, вѣроятно, вслѣдствіе дурного присмотра и двое изъ нихъ вскорѣ были брошены, но остальные три выходили до самаго конца экспедиціи.

Изъ Балекунъ-Гоми Николай Михайловичъ намѣревался переправиться на правый берегъ Желтой рѣки и заняться изслѣдованіемъ оазиса Гуй-дуй. Но предварительно онъ отправилъ Абдула-Юсупова съ однимъ изъ казаковъ въ Сининъ для полученія корреспонденціи, а въ ожиданіи ихъ возвращенія направился къ ущелью рѣки Т а г а л ы н ъ.

Дорога была отвратительная. Безпрестанно приходилось идти то по кру-

тымъ скатамъ, на которыхъ не только верблюды, но и мулы безпрестанно скользили по размякшей отъ постоянныхъ дождей глинистой почвѣ, — то по узкимъ, словно мостики, перешейкамъ между пропастями и оврагами.

Здѣсь встрѣтились осѣдлыя поселенія хара-тангутовъ: Хагоми, а немного далѣе Доро-Гоми. Населеніе здѣсь невелико: всего около 70 семействъ въ обоихъ поселкахъ вмѣстѣ, но окрестныя поля хорошо обработаны съ искусственнымъ орошеніемъ и весьма красиво обсажены тополями и ивами. Съ этихъ деревьевъ туземцы, по примѣру китайцевъ, получаютъ топливо съ весьма благоразумнымъ разсчетомъ. Дѣлается это такимъ образомъ: дерево, по достиженіи извѣстнаго возраста, срубаютъ на высотѣ немного болѣе одной сажени отъ земли и мѣсто обруба тщательно покрываютъ глиною, для предупрежденія высыханія. Отъ такого ствола вскорѣ выростаетъ густой пучекъ новыхъ вѣтвей, которыя впослѣдствіи также идутъ на дрова, такъ что одно и то же дерево черезъ нѣкоторые промежутки доставляетъ топливо въ теченіе очень долгаго времени.

Немного ниже Доро-Гоми пришлось проходить по совершенно исключительной дорогѣ. Тропинка здѣсь на разстояніи около полуверсты проходитъ по необыкновенно узкому корридору съ высокими совершенно отвѣсными стѣнками. Мѣстами этотъ корридоръ суживается до такой степени, что даже мулы съ навьюченными на нихъ ящиками не были въ состояніи пройти и пришлось расширять корридоръ, дѣлая выбоины въ глиняныхъ стѣнахъ.

Мѣстный тангутскій старшина, вѣроятно, по приказанію сининскаго амбаня, для проведенія каравана путешественниковъ черезъ вышеописанное узкое ущелье нарядилъ цѣлую сотню рабочихъ, которые съ кирками и лопатами принялись прокапывать дорогу.

Послѣ этого, также съ немалыми затрудненіями, добрались до Балекунъ-Гоми, куда въ тотъ же день прибыли посланцы изъ Синина съ корреспонденціей. Въ ней было множество писемъ, полученныхъ въ разное время въ Пекинскомъ посольствѣ на имя путешественниковъ, и кромѣ того газета «Недѣля» за весь минувшій годъ.

«Ровно 14 мѣсяцевъ, т. е. съ самаго выхода изъ Зайсана, — говоритъ Николай Михайловичъ *)—мы не имѣли никакихъ вѣстей съ родины и не знали, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Понятно, съ какою лихорадочною радостью принялись мы теперь за чтеніе и какимъ праздникомъ былъ для насъ этотъ день!»

Весьма интересенъ былъ также и разсказъ Абдула-Юсупова о своей поѣздкѣ.

Амбань принялъ его также парадно, какъ раньше и самого Николая Михайловича: въ ямынѣ, въ присутствіи всѣхъ главнѣйшихъ городскихъ властей и военныхъ начальниковъ. Когда онъ услышалъ, что экспедиція идетъ не въ Сининъ, а переправляется черезъ Хуанъ-хэ и направляется далѣе внутрь страны,

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 382.

*

то пришелъ въ сильное негодованіе и разсердившись, закричалъ, что не пуститъ путешественниковъ туда.

Но Абдулъ, по приказанію Николая Михайловича, нисколько не церемонился съ китайскимъ губернаторомъ и категорически объявилъ, что пойдутъ и безъ позволенія туда, куда окажется нужнымъ, какъ сходили передъ тѣмъ вверхъ по Хуанъ-хэ до устья Чурмына.

Тогда амбань сразу сбавилъ тонъ, пересталъ упорствовать въ своемъ отказѣ, а только просилъ не заходить далеко на югъ къ провинціи Сы-чуани и распрощался съ посланцами съ изысканною любезностью.

Переправа черезъ Хуанъ-хэ совершена была въ два пріема въ большой баркѣ. Рѣка здѣсь имѣетъ при средней водѣ около 60 саж. ширины, глубока и течетъ очень быстро. Отсюда внизъ по рѣкѣ начинается судоходное движеніе, хотя въ незначительныхъ размѣрахъ. По большей части употребляются оригинальные плоты, состоящіе изъ нѣсколькихъ бурдюковъ (надутыхъ воздухомъ бараньихъ шкуръ, цѣликомъ снятыхъ съ животнаго), сверху скрѣпленныхъ нѣсколькими тонкими жердями, на которыхъ настланъ слой тростника.

Спустившись внизъ по теченію по правому берегу на 65 верстъ отъ переправы, караванъ достигнулъ небольшого, но плодороднаго и густо-населеннаго оазиса Гуй-дуй, который состоитъ изъ областного города и нѣсколькихъ сотъ фанзъ, разбросанныхъ по окрестностямъ. Здѣсь протекаютъ двѣ рѣчки: Муджикъ-хэ и Дунъ-хо-цзянь, впадающія въ Желтую рѣку; отъ нихъ проведены безчисленные арыки, орошающіе прекрасно воздѣланныя поля, сады и огороды.

Несмотря на то, что путешественники расположились въ значительномъ разстояніи отъ города, они и здѣсь не избавились отъ многочисленныхъ зрителей, которые толпами приходили на бивуакъ, осаждали разспросами и слѣдили за каждымъ движеніемъ никогда еще не виданныхъ здѣсь пришлецовъ.

Послѣ дневки въ оазисѣ, путешественники двинулись дальше на югъ и, пройдя верстъ 40, достигли группы возвышенностей, извѣстной у туземцевъ подъ именемъ Джахаръ. Горы эти стоятъ изолированной группою на обширномъ лёссовомъ плато, имѣютъ, подобно другимъ возвышенностямъ верхняго бассейна Хуанъ-хэ, характеръ дикій, формы массивныя, склоны крутые, покрытые густыми лѣсами, которые и здѣсь прячутся по глубокимъ долинамъ и ущельямъ, а въ верхнемъ поясѣ—сочными прекрасными лугами.

Обслѣдовавъ наскоро нижній поясъ, Николай Михайловичъ перенесъ свой бивуакъ въ область альпійскую и расположился на высотѣ 12,400 фут., невдалекѣ отъ вѣчно-снѣговыхъ горъ, среди прекраснаго луга, пестрѣющаго безчисленными цвѣтами.

Ботаническая добыча была здѣсь довольно обильна, хотя экскурсіямъ сильно мѣшала дурная погода.

Почти безпрестанно шли дожди, иногда по цѣлымъ суткамъ безъ перерыва,

нерѣдко мѣшаясь со снѣгомъ. Временами подымались даже настоящія зимнія мятели; сырость была ужасная, такъ что просушиваніе собираемыхъ растеній доставляло не мало труда; холодъ стоялъ такой, что безъ полушубковъ нельзя было выходить въ экскурсію.

Тѣмъ не менѣе цвѣты красовались совершенно по лѣтнему.

«Случалось,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—что ночью снѣгъ засыпалъ сплошь эти цвѣты и холодъ ихъ замораживалъ, такъ что раннимъ утромъ альпійскіе луга похожи были на наши равнины, при первопутьи зимою. Но вотъ подымалось солнце, снѣгъ быстро растаивалъ, нагнутыя и замороженныя головки цвѣтовъ, какъ напр., мака, астры, буковицы и др., вновь выпрямлялись, оживали и къ полудню красовались, какъ ни въ чемъ не бывало»...

На этихъ богатыхъ пастбищахъ повсюду расположены были кочевья тангутовъ, которые относились къ нашимъ путешественникамъ вообще недовѣрчиво. Даже въ ближайшихъ къ бивуаку стойбищахъ они ни разу не хотѣли впустить къ себѣ въ палатку подозрительныхъ пришлецовъ, отговариваясь тѣмъ, что «при своей бѣдности они не могутъ принять столь высокихъ гостей.

Кромѣ сбора растеній не упускались изъ вида также и охотничьи экскурсіи, причемъ наибольшее вниманіе обращено было на голубыхъ чеккановъ (Grandala coelicolor), великолѣпныхъ птичекъ, величиною съ дрозда, съ чрезвычайно красивымъ опереніемъ: у самца крылья и хвостъ черные, а все туловище и голова ярко-голубого цвѣта.

«Чарующее впечатлѣніе,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—производитъ эта красивая птичка, сидящая, словно цвѣтокъ, на лугу, или порхающая по скаламъ. Иногда даже жалко стрѣлять въ милое, довѣрчивое созданіе. И всякій разъ, убивши голубого чеккана, сначала нѣсколько минутъ полюбуешься имъ, а потомъ уже спрячешь въ свою сумку» **).

Съ увлеченіемъ Николай Михайловичъ описываетъ охоты въ горахъ.

«Приходится лазить или сидѣть на высотѣ въ 13—14,000 фут., нерѣдко въ облакахъ, иногда даже выше ихъ. Во всѣ стороны раскрывается далекій, необъятный горизонтъ; смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь... Вдругъ надъ самою головою, съ особеннымъ дребезжащимъ шумомъ крыльевъ, плавно пролетитъ громадный грифъ или ягнятникъ; невольно провожаешь глазами эту могучую птицу. То раздастся громкій голосъ уллара, или прекрасное пѣніе непальской завирушки... Съ окрестныхъ скалъ нерѣдко валятся камни и съ шумомъ летятъ далеко внизъ въ пропасти; то вдругъ станетъ совершенно тихо, словно въ горахъ нѣтъ ни одного живого существа...

Но вотъ набѣжитъ облако и обдастъ сыростью, или осыплетъ снѣжною крупою, или, наконецъ, разразится недолгимъ бураномъ» ***)...

---

*) Тамъ же, стр. 389.
**) Тамъ же, стр. 390.
***) Тамъ же, стр. 391.

14 іюня, въ сопровожденіи В. И. Роборовскаго и одного изъ солдатъ, Николай Михайловичъ совершилъ восхожденіе на одну изъ вершинъ снѣговой группы Джахаръ.

Подымаясь сначала на лошадяхъ, а затѣмъ пѣшкомъ, они на высотѣ 15,000 ф. вступили въ самый верхній поясъ горы, гдѣ исчезла всякая растительность и начались голыя розсыпи; карабкаясь еще дальше по крутымъ склонамъ, достигли границы нерастаявшаго снѣга и, по сдѣланному барометрическому наблюденію, опредѣлили границу снѣговой линіи въ 15,500 ф. Дальше идти по твердому снѣгу было довольно легко и черезъ четверть часа путники очутились на самой вершинѣ, высота которой оказалась въ 15,800 ф. Невдалекѣ къ югу виднѣлись еще двѣ вершины нѣсколько большей высоты.

Налюбоваться вдоволь прекрасною панорамою, раскрывавшеюся съ этой вершины, не удалось. Появились сначала кучевыя облака, которыя, быстро сгущаясь, скоро обратились въ черныя тучи; вершины горъ закутались туманомъ... Необходимо было спѣшить обратно къ оставленнымъ лошадямъ.

Дѣйствительно, не успѣли еще путники добѣжать до нихъ, какъ поднялась страшная мятель и весь остальной спускъ сдѣланъ былъ уже съ большимъ рискомъ свалиться въ бездонную пропасть, такъ какъ кругомъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ ничего нельзя было разсмотрѣть.

Отсюда, по принятому уже раньше рѣшенію, Николай Михайловичъ повернулъ обратно и направился снова въ Гуй-дуй, чтобы обслѣдовать еще южный берегъ Куку-нора.

Снявъ свой бивуакъ, путешественники въ одинъ переходъ спустились въ лѣсную область, а на слѣдующій день и совсѣмъ вышли изъ горъ.

На равнинѣ, вмѣсто недавняго холода и сильной сырости, стало вдругъ тепло и сухо, такъ что можно было безъ труда просушить собранныя въ горахъ растенія и препарированныя чучела.

Отношенія къ туземцамъ теперь еще болѣе улучшились, сравнительно съ прежнимъ. Не видя ничего дурного отъ пришельцевъ, про которыхъ имъ наговорили напередъ всевозможныхъ страховъ, тангуты теперь перестали дичиться и даже не прочь были вступать въ довольно пріятельскія отношенія съ казаками, въ особенности съ переводчикомъ Абдуломъ.

Между прочимъ, послѣднему удалось узнать весьма интересное извѣстіе. Ему разсказали, что въ восточномъ Тибетѣ недавно родился новый Далай-лама, котораго признали въ обширномъ районѣ его родины, а также и тангуты, обитающіе на Амдосскомъ нагорьѣ. Другіе-же тибетцы не хотѣли признавать этого самозванца, считая по прежнему истиннымъ Далай-ламою того, который живетъ въ Лхассѣ. Начались раздоры, кое-гдѣ дошедшіе даже до кровавыхъ столкновеній, въ которыхъ приняли участіе китайцы, войска которыхъ отправлены были прошедшею весною на верховья Хуанъ-хэ, для усмиренія раскольниковъ—тангутовъ. Однако-же, по слухамъ, эти послѣдніе разбили китайцевъ и отняли у

нихъ обозъ, а новый Далай-лама увезенъ будто бы въ горы своими приверженцами.

Провѣрить это, во всякомъ случаѣ интересное извѣстіе, Николаю Михайловичу не удалось.

Лишь только караванъ экспедиціи вступилъ въ Гуй-дуй, какъ снова явился посланецъ отъ сининскаго губернатора, съ просьбой не идти на Куку-норъ, а отправляться прямо черезъ Сининъ въ Ала-шань.

Пржевальскій не счелъ нужнымъ церемониться съ неотвязчивымъ амбанемъ и немедленно-же отправилъ этого посла обратно, поручивъ ему передать губернатору, что онъ пойдетъ туда, куда ему нужно; снова совершена была переправа на лѣвый берегъ Хуанъ-хэ, и экспедиція направилась прямымъ путемъ къ озеру Куку-норъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Обратный путь въ родные края.

Р. Ара-голъ и ея озерки.—Кровопійцы и ихъ жертвы.—Удачная охота на горныхъ гусей.—Выборъ направленія пути.—Прощаніе съ Куку-норомъ.—Знакомцы въ Чейбсенѣ и Чертынтонѣ.—Хурды.—Конецъ съемки.—Населенность вмѣсто безлюдія.—Прощаніе съ горами.—Бивуакъ у г. Даджина, первый привѣтъ пустыни.—Путь по пустынѣ.—Прибытіе въ Дынь-юань-инъ.—Князья.—Разсказъ Сарджи о миссіонерахъ.—Путь срединою Гоби.—Нетерпѣніе при послѣднемъ переходѣ. — Прибытіе въ Ургу. — Выѣздъ въ Кяхту.—Благодарность спутникамъ.

23 іюня караванъ экспедиціи выбрался изъ глубокихъ ущелій верхней Хуанъ-хэ, поднялся на степное Куку-норское плато, и двинулся по направленію къ озеру долиною рѣки Ара-голъ.

Въ устьи этой рѣки образовалась песчаная пересыпь и воды ея, не достигая Куку-нора, разливаются въ два отдѣльныя небольшія озерка, на которыхъ еще болѣе, чѣмъ на самомъ Куку-норѣ, держались массами утки горные гуси, гагары (Podiceps cristatus), которыя въ это время еще высиживали яйца на своихъ плавучихъ гнѣздахъ, искусно сплетенныхъ изъ травы, черношейные журавли (Grus nigricollis) и др. водяныя и болотныя птицы.

Несмотря на весьма значительную абсолютную высоту, и вслѣдствіе этого довольно прохладную погоду, а также и на постоянные дожди, на болотистыхъ берегахъ озера оказалось множество мошекъ и комаровъ, которые начали сильно изводить не только самихъ путешественниковъ, но и ихъ животныхъ. Жертвой этихъ маленькихъ кровопійцъ сдѣлался знаменитый баранъ, по прозванью Ёграй, который купленъ былъ еще въ Тибетѣ и съ тѣхъ поръ постоянно ходилъ проводникомъ покупаемыхъ барановъ. Здѣсь Ёграй, непривыкшій на своей родинѣ къ мучительнымъ насѣкомымъ, чрезвычайно пострадалъ отъ нихъ и, наконецъ,

совершенно ослѣпъ. Убить стариннаго спутника не поднялась рука, и онъ былъ отпущенъ на свободу и оставленъ на мѣстѣ стоянки.

Въ караванѣ имѣлся другой, еще болѣе испытанный товарищъ, баранъ, купленный въ Цайдамѣ, прошедшій затѣмъ взадъ и впередъ по Тибету; онъ сопутствовалъ путешественникамъ на верховьяхъ Желтой рѣки, выходилъ почти всю экспедицію и впослѣдствіи дошелъ до средины Гобійской пустыни, гдѣ, наконецъ, на пятой тысячѣ верстъ своего безпримѣрнаго пути, оставленъ былъ мѣстнымъ монголамъ, и не могъ дальше слѣдовать, такъ какъ сильно подбилъ себѣ копыта на каменистой пустынѣ.

Двинувшись восточнымъ берегомъ Куку-нора, Николай Михайловичъ и его спутники, кромѣ сбора различныхъ типичныхъ растеній, занимались преимущественно охотою на горныхъ гусей. Эта интересная птица впервые открыта была въ Индіи и названа Anser indicus, но, по мнѣнію Пржевальскаго, этого гуся гораздо правильнѣе было бы назвать «горнымъ», такъ какъ онъ обитаетъ исключительно на большихъ абсолютныхъ высотахъ.

Горный гусь чрезвычайно остороженъ и хотя встрѣчался уже неоднократно раньше, но, несмотря на усердное преслѣдованіе, до сихъ поръ не удалось добыть еще ни одного экземпляра. Теперь же, во время стоянки при устьи р. Балема, Николаю Михайловичу особенно посчастливилось.

Однажды онъ вмѣстѣ съ Коломейцевымъ отправился на охоту, и на одномъ небольшомъ озеркѣ замѣтилъ большое стадо этихъ гусей. Отправивъ своего спутника въ обходъ на противоположный берегъ, Николай Михайловичъ самъ полѣзъ по довольно глубокому и топкому болоту напрямикъ къ стаду и приблизился къ нему такимъ образомъ шаговъ на 70. Видя опасность, одновременно угрожающую съ двухъ сторонъ, гуси растерянно плавали на одномъ мѣстѣ.

Улучивъ удобную минуту, когда гуси собрались въ кучу, Николай Михайловичъ пустилъ въ нихъ два заряда дробью, одинъ за другимъ.

«Полоса убитыхъ и раненыхъ,—разсказываетъ онъ *),—обозначила дорогу, по которой летѣла дробь. Поспѣшно сталъ я вновь заряжать свое нескорострѣльное ружье, стоя по поясъ въ водѣ; между тѣмъ гуси, видя на противоположномъ берегу Коломейцева, преградившаго имъ путь отступленія, не уходили, но совершенно растерявшись, плавали взадъ и впередъ на прежнемъ мѣстѣ и даже подплывали немного ближе ко мнѣ. Лишь только ружье было заряжено, я опять сдѣлалъ два выстрѣла въ ближайшую кучу. Опять крикъ и смятеніе въ стадѣ, но уходить оно и не думаетъ... Снова зарядилъ я ружье и снова съ того же мѣста выпалилъ изъ обоихъ стволовъ—гуси все-таки не уходятъ... Опять заряжаю и еще стрѣляю, затѣмъ еще и еще...

Такъ я стрѣлялъ съ одного мѣста 12 разъ. Наконецъ, гуси опомнились и въ разсыпную бросились уходить на болота...

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 400.

Тогда оба охотника отправились вбродъ по неглубокому озеру собирать добычу и въ короткое время набрали 21 гуся, хотя, конечно, брать приходилось только убитыхъ наповалъ, а всѣ, даже и смертельно раненые, ушли.

Съ большимъ трудомъ притащили они такую массу дичи на ближайшее тангутское стойбище, гдѣ, по счастью, встрѣтили двухъ казаковъ, пріѣхавшихъ туда покупать барановъ, которые, нагрузивъ гусями своихъ лошадей, доставили на бивуакъ эту баснословно богатую добычу, напоминавшую Николаю Михайловичу счастливыя времена Уссурійской экспедиціи.

Съ приходомъ на устье Балема закончена была съемка восточнаго берега озера Куку-нора, а такъ какъ южный и юго-восточный сняты были передъ отправленіемъ на верховье Желтой рѣки, а сѣверный—еще съ 1872—73 гг., въ первую экспедицію, то слѣдовательно линіи съемокъ теперь почти сомкнулись, осталось не снятымъ лишь разстояніе около 25 верстъ *).

Теперь предстоялъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ направиться домой, къ границѣ Россіи.

Отъ Куку-нора можно было идти тѣмъ же путемъ, какимъ путешественники прошли въ началѣ этой экспедиціи, т. е. черезъ Цайдамъ, Са-чжоу и Хами; или же можно было воспользоваться давнишнею знакомою дорогою черезъ Гань-су и Ала-шань на Ургу. Послѣднее направленіе показалось предпочтительнѣе, въ виду того, что коллекцій накопилось очень много, а оставшіеся вьючныя животныя были настолько ненадежны, что пускаться на нихъ черезъ Цайдамъ было очень рискованно, гдѣ при томъ верблюдовъ могли и не продать **), тогда какъ до Ала-шаня было ближе, а въ Дынь-юань-инѣ можно было смѣло разсчитывать пріобрѣсти достаточно верблюдовъ. При томъ-же коллекціи уже раньше (весною) были отправлены изъ Синина въ Дынь-юань-инъ.

6 іюня снятъ былъ бивуакъ на берегу озера Куку-нора, и путешественники двинулись на востокъ.

«Сегодня,—записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ,—распрощались мы съ Куку-норомъ, вѣроятно, уже навсегда.

«Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму.

«Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню я о счастливыхъ годахъ своей страннической жизни. Много въ ней перенесено было невзгодъ, но много испытано было и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба»...

---

*) Въ четвертую экспедицію снята была и эта часть берега, такъ что Николаю Михайловичу принадлежитъ заслуга точнаго опредѣленія положенія и размѣровъ этого озера.

**) Въ Куку-норскихъ степяхъ, вообще говоря, насколько могъ замѣтить Николай Михайловичъ въ первую свою экспедицію, разводится много верблюдовъ, но теперь ихъ нигдѣ нельзя было достать, даже и не встрѣчалось нигдѣ этихъ животныхъ. Вѣроятно, какъ догадывается Николай Михайловичъ, сининскій амбань распорядился угнать ихъ подальше отъ дороги, по которой проходила экспедиція, опасаясь, чтобы добывъ свѣжихъ вьючныхъ животныхъ, Пржевальскій не вздумалъ-бы снова отправиться въ Тибетъ.

На другой день озеро совершенно скрылось изъ вида, и караванъ въ восемь дней дошелъ до знакомой уже Пржевальскому кумирни Чейбсенъ.

Погода все время была плохая; по цѣлымъ днямъ шли дожди, нерѣдко съ грозами; путники постоянно ходили въ мокромъ платьѣ, коллекціи начали портиться, даже ружья и револьверы заржавѣли до крайности. По временамъ становилось даже холодно какъ осенью.

При такихъ условіяхъ кумирня Чейбсенъ казалась имъ обѣтованную землею.

«Все здѣсь живо напомнилось,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—несмотря на то, что минуло болѣе семи лѣтъ послѣ нашего пребыванія въ этихъ мѣстахъ». Нашлись и старые знакомые: донирь (который былъ теперь уже настоятелемъ), Нираба (экономъ) и еще одинъ лама, съ которыми мы нѣкогда шли сюда изъ Ала-шаня, а также монголъ Джигджитъ, ходившій съ Пржевальскимъ въ качествѣ проводника и переводчика по Гань-суйскимъ горамъ. Всѣ эти люди съ непритворнымъ радушіемъ и даже съ большою радостью встрѣтили теперь своихъ старыхъ знакомцевъ (Пржевальскаго и Иринчинова)... «Между тѣмъ,—замѣчаетъ Пржевальскій,—въ настоящее путешествіе мы почти нигдѣ не пріобрѣтали друзей. Причины тому разныя; главная же—недоброжелательство китайцевъ, распускавшихъ про насъ нелѣпые слухи; при томъ же мы теперь мало встрѣчали монголовъ, несравненно болѣе добродушныхъ, чѣмъ тангуты, не говоря уже про китайцевъ» **).

Въ самой кумирнѣ за семь лѣтъ ничто не измѣнилось. Новостью оказалось только нѣсколько водяныхъ моленъ, такъ называемыхъ *хурдэ*, устроенныхъ на сосѣднемъ ручьѣ.

Такая молельня, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ и весьма обыкновенная въ Тибетѣ и во многихъ другихъ странахъ буддайскаго міра, устраивается очень просто. Въ небольшой клѣткѣ, установленной на четырехъ сваяхъ, устанавливается желѣзный цилиндръ, на вертикальномъ столбѣ, соединенномъ съ обыкновеннымъ мельничнымъ колесомъ. Снаружи цилиндръ обыкновенно выкрашенъ въ красный цвѣтъ, и испещренъ различными священными надписями, а внутрь вѣрующіе кладутъ, написанныя на клочкахъ бумаги или на тряпочкахъ, молитвы. Теченіе ручья или рѣчки приводитъ въ безпрестанное движеніе колесо и цилиндръ, и такимъ образомъ молитвы какъ бы постоянно взываютъ къ Богу.

Подобная же, только гораздо меньшихъ размѣровъ, ручная машинка употребляется ламами для безпрерывнаго молитвословія. (См. рисунокъ ламы Чутунъдзамбы, т. I, стр. 354).

Съ приходомъ въ Чейбсенъ закончилась маршрутно-глазомѣрная съемка, которую Николай Михайловичъ производилъ отъ самаго Зайсана, такъ какъ предстоящій путь черезъ Ала-шань былъ уже нанесенъ на карту въ первую экспедицію.

Всего за третью экспедицію нанесено было такимъ образомъ 3,850 верстъ.

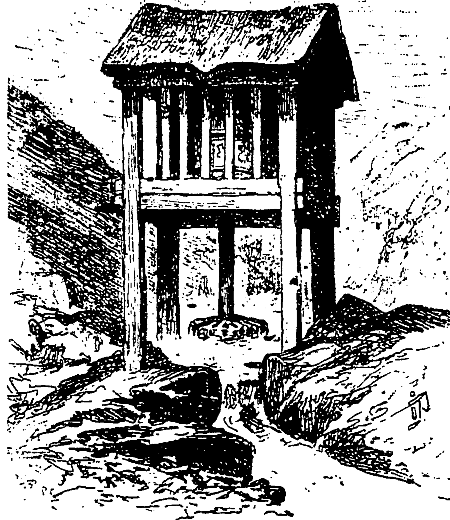
*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 401.

**) Тамъ-же.

Вмѣстѣ съ 5,300 в., снятыхъ при первомъ путешествіи по Монголіи и сѣверному Тибету и 2,300 в. съемки въ Лобъ-норскую экспедицію—составилось такимъ образомъ уже громадное пространство въ 11,470 в. проложенное на карту Центральной Азіи!

Около мѣсяца еще послѣ этого экспедиція оставалась въ горахъ окружающихъ долину Тэтунга, и, Пржевальскій дополнялъ и провѣрялъ свои прежнія изслѣдованія въ этой мѣстности.

Караванъ шелъ теперь по большей части той-же самою дорогою, что и въ первую экспедицію, и даже бивуакъ нерѣдко разбивали на хорошо знакомыхъ мѣстахъ. И какъ живо все помнилось, — говоритъ Николай Михайловичъ,—даже до мельчайшихъ подробностей! Старые знакомцы тангуты часто посѣщали бивуакъ и относились къ путешественникамъ довольно дружелюбно; даже китайцы не избѣгали съ ними сношеній и привозили изъ-за горъ цѣлыя корзины превосходныхъ фруктовъ, особенно абрикосовъ, хотя не упускали, конечно, случая сорвать хорошую цѣну.

Водяная молельня хурды.

Внѣшній видъ Тэтунгскихъ горъ вообще сильно измѣнился. По горнымъ дорогамъ безпрестанно сновали взадъ и впередъ китайцы съ вьючными ослами и мулами, на которыхъ везли по большей части дрова въ города, сосѣдніе съ мѣстными горами. Этими промышленниками теперь оказались почти на чисто вырублены также и густые кустарники, покрывавшіе предгорья и нижній поясъ горъ. Трудолюбивые и пронорливые китайцы пріѣзжали даже за 20—30 верстъ съ ослами, навьюченными корзинами, собирать валяющійся по дорогамъ пометъ животныхъ. На мѣстахъ, гдѣ прежде на большое пространство не было живой души, теперь появились не только одинокія фанзы и палатки, но даже харчевни, въ родѣ гостиницъ, гдѣ продавали кормъ для ословъ, лошадей и муловъ, а также чай и лапшу съ кунжутнымъ масломъ,—любимое кушанье китайскаго простонародія. Словомъ, прежняго безлюдія, которое Николай Михайловичъ наблюдалъ вездѣ во время своего путешествія 1872—73 гг., теперь не было и помину.

Съ половины іюля и погода исправилась; дожди хотя и перепадали часто, даже съ грозами, но въ промежутки устанавливалась прекрасная ясная погода.

Водяная молельня хурды.

Перейдя черезъ Тэтунгъ по мостику, «въ буквальномъ смыслѣ на курьихъ ножкахъ» *), путешественники вступили въ необыкновенно живописную мѣстность, гдѣ подъ громадными, нависшими скалами пріютилась кумирня Чертынтонъ, въ которой также нашлись многіе прежніе знакомцы и пріятели, хотя главный изъ нихъ — гыгенъ—незадолго передъ тѣмъ умеръ.

Точно такъ-же и въ горахъ Сѣверно-Тэтунгскихъ, на окраинахъ нагорья теперь вездѣ кочевали тангуты, а черезъ перевалъ постоянно ѣздили китайцы, хотя и теперь еще кое-гдѣ видны были развалины—послѣдніе слѣды долголѣтняго дунганскаго разгрома.

Про недавнія безпокойныя времена напоминало также изобиліе солдатъ во всѣхъ пунктахъ поселенія; мѣстами попадались также китайскіе пикеты, разставленные для охраны главнѣйшихъ дорогъ.

8 августа караванъ покинулъ гостепріимную кумирню и сталъ подниматься на перевалъ, спустившись съ котораго, путешественники на слѣдующій день очутились на порогѣ Ала-шаньской пустыни. Здѣсь приходилось распрощаться съ грандіозными высотами Тибетскаго нагорья, въ которыхъ столько времени провели наши путешественники.

Впереди уже не предстояло видѣть ни одной значительной возвышенности, за исключеніемъ хребта Ала-шаньскаго, а взамѣнъ того на пространствѣ болѣе 1,000 верстъ залегла утомительно однообразная Гобійская пустыня.

«Опередивъ немного караванъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ **),— я выбралъ болѣе открытое мѣстечко на перевалѣ и отсюда нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму оставшихся позади горъ».

«Оба хребта — Сѣверно- и Южно-Тэтунгскій раскидывались передо мною и убѣгали вдаль на западъ, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ атмосферу. Невдалекѣ, къ сѣверу, высилась скалистая вершина Гаджуръ, не окутанная, противъ обыкновенія, облаками. Внизу, подъ самыми моими ногами, темнѣло глубокое ущелье, а множество другихъ ущелій, большихъ и малыхъ, близкихъ и далекихъ, бороздили горы, извиваясь во всевозможныхъ направленіяхъ. Насколько хваталъ глазъ, все было перепутано, изломано, исковеркано»...

«Тамъ и сямъ, на общемъ зеленомъ фонѣ горъ, выдѣлялись болѣе темныя площади лѣсовъ и кустарниковъ или голыя желтовато-сѣрыя скалы. Любовались глаза, радовалось сердце».

«Но, въ то же время, грустное чувство охватывало душу при мысли, что сейчасъ придется надолго, быть можетъ навсегда, разстаться со всѣми этими прелестями. О! сколько разъ, при своихъ путешествіяхъ, я былъ счастливъ, взбираясь на высокія горныя вершины! Сколько разъ завидовалъ пролетавшему

*) См. т. I, стр. 301; устои этого мостика, деревянные брусья, не вкопаны въ землю, а прямо поставлены на выдающихся близъ воды скалахъ; на этихъ устояхъ прямо положены бревна, на которыхъ держится настилка.

**) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 420.

въ небесной выси надо мною грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы, еще болѣе величественныя!»...

«Лучшимъ дѣлается человѣкъ при подобной обстановкѣ; словно подымаясь въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. И надолго, на цѣлую жизнь, не забываются подобныя минуты»...

«Могу сказать, — замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ *), — кто не бывалъ на высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!»

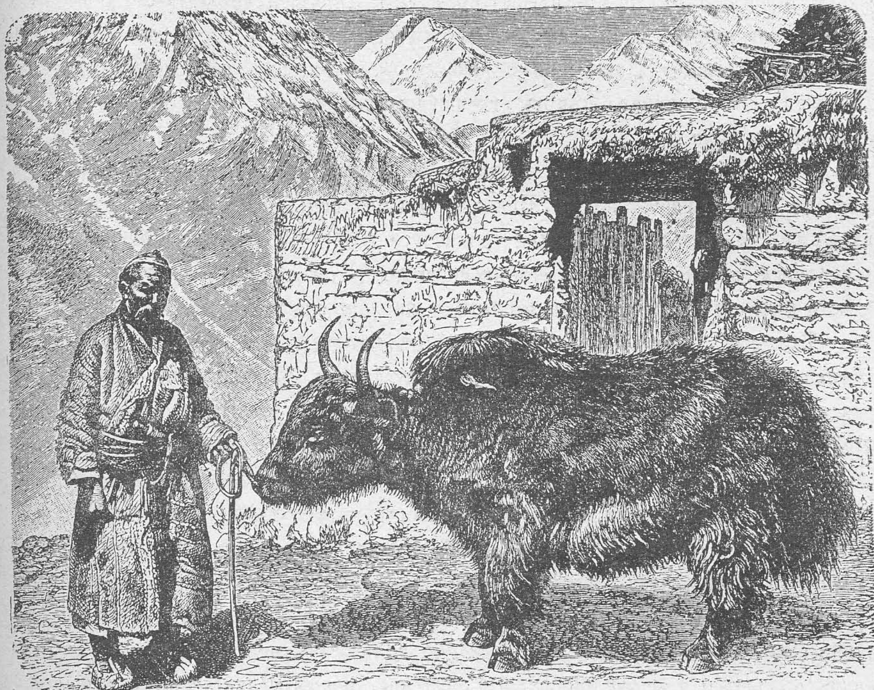
Монголъ съ домашнимъ якомъ въ Гань-су.

Спустившись съ перевала, караванъ поднялся на послѣдній окраинный хребетъ, который одинъ еще отдѣлялъ Гань-суйскія высоты отъ Ала-шаньской пустыни. Ея желтые сыпучіе пески уже отчетливо виднѣлись впереди и невольно нагоняли тревожныя мысли о благополучіи предстоящаго труднаго пути.

Погода въ началѣ августа опять испортилась и какъ будто на прощаніе съ постоянно сырой гористой областью Гань-су, теперь ежедневно шли дожди и небо постоянно оставалось пасмурнымъ.

Теперь, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе чувствовалась близость со

*) См. Дубровинъ, стр. 345.

Монголъ съ домашнимъ якомъ въ Гань-су.

сѣдней безводной пустыни. Чуть не съ каждою сотней футовъ пониженія абсолютной высоты мѣстность становится безплоднѣе, а на наружной окраинѣ хребта широкою полосою залегаетъ почти голая глина и мѣстами розсыпи. Формы окраиннаго хребта не имѣютъ слишкомъ дикаго характера; скалы небольшія, сильно вывѣтрившіяся, ущелья узки и не особенно глубоки, заваленныя продуктами разрушенія горныхъ породъ. Воды вездѣ мало...

9 августа караванъ подъ вечеръ остановился на ночлегъ въ двухъ верстахъ отъ знакомаго уже города Даджина, на абсолютной высотѣ 6,400 ф. Недавняя прохлада и влажность горъ смѣнилась жарою и крайнею сухостью. Вся природа совершенно измѣнилась, словно путешественники вдругъ перенеслись на громадное разстояніе. Лишь только разбитъ былъ бивуакъ, какъ налетѣла страшная буря, наполнившая воздухъ удушливою пылью. То былъ первый привѣтъ страшной пустыни...

Передневавъ у Даджина, путешественники выступили въ дальнѣйшій путь. Хотя по предстоящей дорогѣ Николай Михайловичъ проходилъ уже два раза, однако же, не желая подвергаться различнаго рода опаснымъ случайностямъ, онъ позаботился завербовать къ себѣ проводника, и по счастью ему удалось пріобрѣсти даже двухъ спутниковъ монголовъ, хорошо знающихъ дорогу.

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ Ала-шаньская пустыня на путника, который отваживается въ нее пуститься. Бредетъ онъ по сыпучимъ пескамъ, которые за свою безграничность получили у мѣстныхъ обитателей названіе «Тынгери» («небо»), или по обширнымъ глинисто-солончаковымъ, чисто выметеннымъ вѣтрами пустыни, площадкамъ. День за днемъ встрѣчаетъ онъ одни и тѣ же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустѣніе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ вдали пугливая и быстрая, какъ вѣтеръ, хара-сульта, юркнетъ въ нору испуганный тушканчикъ, глухо просвиститъ песчанка, затрещитъ саксаульная сойка, или, со своимъ обычнымъ заунывнымъ крикомъ, пролетитъ стадо больдуруковъ (Syrrhaptes paradoxus)... Нерѣдко по цѣлымъ часамъ сряду не слышно никакихъ звуковъ, не видно живого существа, кромѣ безчисленныхъ ящерицъ...

А между тѣмъ жгучее солнце невыносимо печетъ и негдѣ укрыться отъ его палящихъ лучей: нѣтъ здѣсь ни лѣса, ни тѣни, развѣ случайно набѣжитъ облачко и на минуту прикроетъ изнемогающаго отъ духоты путника.

Въ мутной, желтовато-сѣрой отъ пыли атмосферѣ не колыхнетъ вѣтерокъ, и только по временамъ набѣжитъ вихрь, вздымающій столбы горячаго, соленаго песка... По сторонамъ, словно для издѣвательства надъ путникомъ, играетъ обманчивый миражъ, рисующій картины, не сходныя съ неприглядной дѣйствительностью.

Вплоть до заката жжетъ неумолимое солнце; но даже тогда, когда скроется за горизонтомъ огненное свѣтило, раскаленная почва дышетъ жаромъ до самаго слѣдующаго утра—а тамъ опять багровымъ дискомъ подымается солнце и черезъ какой-нибудь часъ снова начинаетъ раскалять песчаную поверхность...

По этой пустынѣ наши путешественники шли въ теченіе двухъ недѣль и 24 августа, сдѣлавъ напрямикъ 283 версты, достигли хорошо знакомаго уже Николаю Михайловичу города Дынь-юань-ина. Еще далеко за городомъ, почти по срединѣ пустыни, на встрѣчу каравану выѣхали посланцы отъ князя, въ числѣ которыхъ былъ старый знакомецъ Мукдай, а еще черезъ нѣсколько переходовъ повстрѣчался казакъ Гармаевъ, отправленный еще весною вмѣстѣ съ коллекціями изъ Синина. Гармаевъ очень кстати захватилъ съ собой, отправляясь на встрѣчу, цѣлый вьюкъ превосходныхъ арбузовъ и дынь, которыми путешественники съ большимъ наслажденіемъ полакомились.

Въ Дынь-юань-инѣ путешественники, по прежнему, встрѣтили довольно радушный пріемъ, хотя въ княжескомъ семействѣ теперь произошли важныя перемѣны.

Старый ванъ умеръ еще въ 1877 г., и его мѣсто занялъ старшій сынъ Арія; средній — Сія былъ пожалованъ *гуномъ*, т. е. младшимъ княземъ 6-й степени *), а младшій по прежнему остался гыгеномъ.

Нынѣшній князь, какъ и подобаетъ столь важной персонѣ, растолстѣлъ и пріобрѣлъ еще болѣе важную и сановитую осанку, чѣмъ прежде.

Сія также въ значительной степени утратилъ свою прежнюю живость и подвижность, сильно пополнѣлъ, сдѣлался «пухлый и словно изъ тѣста сдѣланный», такъ что въ немъ теперь трудно было узнать прежняго страстнаго охотника и виртуоза-джигита. Гыгенъ, наоборотъ, такъ и остался худощавымъ, слабаго сложенія, и несмотря на то, что ему было уже подъ тридцать лѣтъ, выглядѣлъ совершенно мальчикомъ.

Всѣ три брата сообща правятъ своимъ небольшимъ государствомъ **). Вѣрнѣе, однако,—замѣчаетъ Пржевальскій ***),—что ни одинъ изъ князей ничего не дѣлаетъ; жизнь ведутъ праздную и только часто ссорятся другъ съ другомъ Впрочемъ, общая забота ала-шаньскихъ князей заключается въ томъ, чтобы правдою и неправдою возможно больше вытянуть со своихъ подданныхъ. Ради этого, помимо податей, въ казну вана поступаютъ различные сборы, какъ деньгами, такъ и скотомъ; нерѣдко князья прямо отнимаютъ у монголовъ хорошихъ верблюдовъ и лошадей, возвращая взамѣнъ плохихъ животныхъ. При томъ ванъ открылъ для себя значительный источникъ дохода, раздавая за деньги своимъ подданнымъ мелкіе чины, которыми нерѣдко украшаются даже пастухи и слуги княжескіе. За малѣйшую вину эти новоиспеченные чиновники опять разжаловываются; затѣмъ вновь возвращается прежній чинъ, а ванъ получаетъ новое при-

*) Самъ ала-шаньскій правитель имѣетъ титулъ *Цынь-вана*, т. е. князя 2-й степени.

**) Въ административномъ отношеніи Ала-шань составляетъ одинъ *аймакъ*, раздѣленный на три *хошуна;* послѣдніе дѣлятся въ свою очередь на 8 *сумо*. Общее число населенія составляетъ, по сообщенію князя, до трехъ тысячъ юртъ, тогда какъ во время перваго посѣщенія Николаю Михайловичу сообщали, что число ихъ лишь около одной тысячи. Слѣдовательно общая цифра населенія отъ 5 до 15 тысячъ душъ обоего пола.

***) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 448.

ношеніе. Оба его младшіе брата устраиваютъ театральныя представленія, въ которыхъ и сами принимаютъ участіе, исполняя даже и женскія роли; даже гыгенъ—воплощеніе божества, не стыдится наряжаться женщиною и плясать передъ вѣрующими, почитающими его за святого. На такіе спектакли приглашаются (даже и помимо желанія) жители Дынь-юань-ина, а также и пріѣзжіе зажиточные монголы и каждый зритель обязанъ сдѣлать устроителямъ-князьямъ подарокъ деньгами или естественными продуктами и скотомъ.

«Вообще, — заключаетъ Николай Михайловичъ, — всѣ три ала-шаньскихъ князя — выжиги и проходимцы первой руки. Несмотря на сдѣланные нами имъ хорошіе подарки, князья, и въ особенности ванъ, не стыдились выпрашивать черезъ своихъ подчиненныхъ подарить то или другое. Со своими подчиненными князья обращаются грубо, деспотически; при томъ постоянно прибѣгаютъ къ шпіонству».

«Однимъ словомъ, въ этотъ разъ нашего пребыванія въ городѣ Дынь-юань-инѣ, ала-шаньскіе князья произвели на меня непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Прежде, восемь лѣтъ тому назадъ, они были еще юношами, хотя также испорченными. Теперь же, получивъ въ свои руки власть, эти юноши преобразились въ самодуровъ-деспотовъ, каковыми являются весьма многіе азіатскіе правители»...

Главнымъ приближеннымъ ала-шаньскихъ князей по прежнему былъ давнишній знакомецъ и пріятель Николая Михайловича, лама Балдынъ Сорждu; онъ немного постарѣлъ, но все также былъ дѣятеленъ и энергиченъ, какъ и прежде.

По прежнему онъ любилъ заходить на квартиру, отведенную путешественникамъ и поболтать о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ, преимущественно же о возвышенныхъ, философскихъ матеріяхъ.

Между прочимъ, Сорджи сообщилъ своимъ собесѣдникамъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ на окраинѣ ала-шаньской территоріи, на берегу Желтой рѣки, поселились трое миссіонеровъ, а двое изъ нихъ пріѣзжали въ Дынь-юань-инъ и прожили здѣсь около года. Самъ Балдынъ Сорджи часто подвергался ихъ благочестивому воздѣйствію и бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ истинахъ.

Насколько могли замѣтить теперь наши путешественники, лама не вынесъ изъ этихъ бесѣдъ даже и смутнаго представленія о сущности христіанскаго вѣроученія. Во всемъ городѣ Дынь-юань-инѣ не нашлось ни одного охотника креститься, хотя, по словамъ того же Сорджи, въ другихъ мѣстахъ Ала-шаня проповѣдь имѣла значительный успѣхъ, и число крестившихся доходитъ до 300 человѣкъ, хотя принимаютъ христіанство почти исключительно изъ за матеріальныхъ выгодъ.

Въ столицѣ Ала-шаня путешественники пробыли девять сутокъ и за это время настолько отдохнули отъ предыдущаго перехода, что смѣло могли двинуться дальше.

Путь предстоялъ очень трудный, но, къ счастью, теперь какъ разъ насту-

пила осень—самое лучшее время для путешествія по песчанымъ пустынямъ Центральной Азіи.

Мулы, ходившіе лѣтомъ на верховья Желтой рѣки, были негодны для предстоящаго пути и были проданы за безцѣнокъ вану, а взамѣнъ того у него же нанято было 22 верблюда за красную цѣну по 12 ланъ за каждаго до самой Урги. Къ нимъ наняты были также шесть погонщиковъ, для наблюденія за которыми князья командировали Мукдоя. Наконецъ къ каравану присоединены были и три верблюда-ветерана, послѣдній остатокъ зайсанскаго снаряженія, которые хотя и порядкомъ заморились, но были еще въ состояніи идти съ небольшими вьюками.

Утромъ 2 сентября переформированный такимъ образомъ караванъ выступилъ изъ Дынь-юань-ина.

Снова потянулась предъ путниками непривѣтливая песчаная, отчасти каменистая, безграничная пустыня, со всѣми своими аттрибутами: жарами, пыльными бурями, безводіемъ и наводящимъ тоску однообразіемъ панорамы.

Впрочемъ, здѣсь не было такого абсолютнаго безплодія, какъ въ предыдущей Ала-шаньской пустынѣ; мѣстами встрѣчались степныя пространства, поросшія кое-какою травяною растительностью, и поэтому нерѣдко встрѣчались животныя, за которыми путешественники наши не упускали случая поохотиться.

Недалеко отъ ключа Хара-моритэ, гдѣ въ іюнѣ 1873 года Николай Михайловичъ, вслѣдствіе болѣзни своего несчастнаго спутника Пыльцова *) простоялъ 9 сутокъ, на небольшомъ озеркѣ Куку-норъ, выпала даже очень удачная охота на пролетныхъ утокъ и гусей.

Озерко это, имѣющее всего версты полторы въ окружности и сходное съ огромнымъ тибетскимъ озеромъ, носящимъ то же названіе, развѣ только по большой солености воды, поросло у своихъ береговъ густыми зарослями тростника, гдѣ находятъ себѣ отдыхъ большія стада перелетныхъ птицъ, и наши охотники, во время своей дневки здѣсь, истребили ихъ большое количество.

Въ горахъ Хурху неожиданно встрѣчена была очень цѣнная зоологическая находка—новый видъ аргали, котораго Николай Михайловичъ назвалъ въ честь недавно передъ тѣмъ скончавшагося знаменитаго англійскаго натуралиста *аргали Дарвина* (ovis Darwini).

Изо дня въ день въ теченіи почти полутора мѣсяца шли путешественники по непривѣтливой пустынѣ, дѣлая лишь кратковременныя остановки на болѣе удобныхъ мѣстахъ.

Переваливъ черезъ невысокій кряжъ Хурху, караванъ вступилъ въ предѣлы Халхи, гдѣ гораздо чаще, чѣмъ прежде, стали встрѣчаться монгольскія кочевья. Здѣсь, по замѣчанію Николая Михайловича, ни одного клочка, сколько-нибудь пригоднаго для пастьбы скота, не оставалось не занятымъ.

*) См. раньше, т. I, стр. 263.

Халхасскіе монголы.

Пустыня эта, какъ и вся впрочемъ Гоба, населена до послѣдней возможности. «И если,—говоритъ онъ,—населеніе всей Монголіи, заключающей въ себѣ болѣе 64,000 кв. миль, простирается лишь до трехъ или, много, четырехъ милліоновъ душъ, то бо̀льшему числу кочевниковъ здѣсь негдѣ и умѣститься. Уже и теперь нерѣдко, какъ напр. въ Ала-шанѣ и въ средней Гоби, номады живутъ, конечно по необходимости и не по доброй волѣ, въ такихъ мѣстахъ, которыя поражаютъ путешественника своимъ крайнимъ безплодіемъ. Приволье кочевой жизни—это сѣверная и восточная Монголія; но и тамъ обиліе стадъ, а вмѣстѣ съ ними номадовъ, существующихъ этими стадами, едва-ли можетъ быть значительно увеличено...» *).

Чѣмъ дальше подвигались путешественники къ сѣверу, тѣмъ лучше становилась мѣстность, чаще попадались покрытыя растительностью площадки, по которымъ паслись безчисленныя стада монголовъ.

Эти послѣдніе, коренные халхасцы, выглядѣли гораздо бодрѣе своихъ собратій, населяющихъ средину Гоби, и повидимому жили болѣе зажиточно.

Умножилась также и животная жизнь: мѣстами появлялись значительными стадами дзерены. Повсюду почва была изрыта норами тарабагановъ, которые въ

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 460.

Халхасскіе монголы.

это время впрочемъ находились въ зимней спячкѣ, но за то въ изобиліи шныряли полевки и пищухи.

Текучей воды попрежнему нигдѣ не было, но за то ключи и колодцы, и при томъ съ хорошею водою, попадались гораздо чаще, чѣмъ раньше.

Ближе къ Ургѣ начали попадаться и попутчики, богомольцы, отправляющіеся на поклоненіе кутухтѣ. Небольшія партіи этихъ благочестивыхъ пилигримовъ состояли по большей части изъ зажиточныхъ монголовъ, которые гнали передъ собою порядочные стада; вообще богомолье въ Ургу, точно также, какъ и въ Лхассу, обходится не дешево.

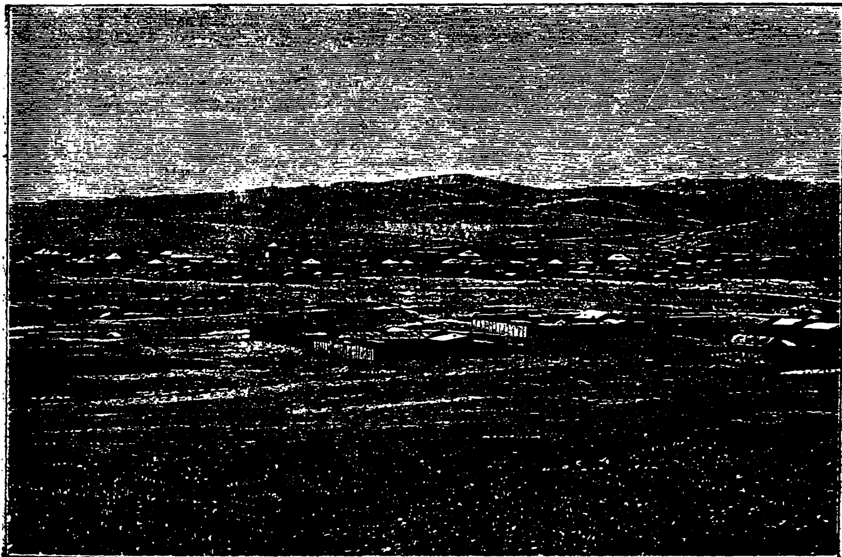
Съ наступленіемъ октября мѣсяца погода сдѣлалась суровѣе, и зима замѣтно приближалась. По ночамъ морозы доходили уже до —13°, да и днемъ при постоянномъ вѣтрѣ было довольно холодно, а по временамъ подымались даже и снѣжныя мятели.

Наконецъ караванъ добрался до степной рѣчки Бугукъ-гола, первой отъ самой Гань-су.

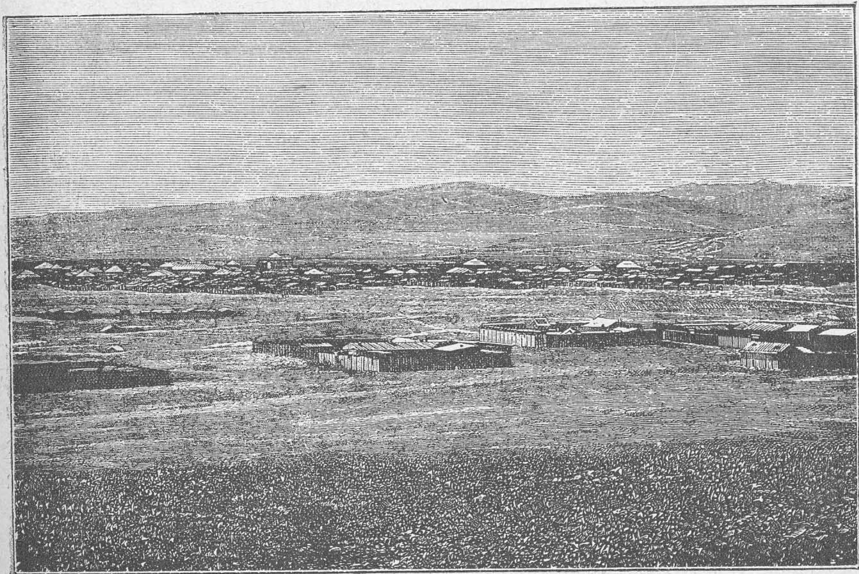
Одинъ только переходъ отдѣлялъ теперь путешественниковъ отъ Урги, и подъ вліяніемъ радостной надежды на близкое окончаніе изнурительныхъ странствованій, этотъ послѣдній переходъ тянулся невыносимо долго.

Какъ нарочно, мѣстность здѣсь сильно холмистая, такъ что не было возможности увидѣть желанный городъ издали.

«Наконецъ, съ послѣдняго перевала черезъ высокій холмъ,—разсказываетъ

Видъ г. Урги.

Видъ г. Урги.

*

Николай Михайловичъ,—передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся грязною, безобразною кучею священный монгольскій городъ Урга.

Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Тутъ же и быстрая Тола струила свою свѣтлую, еще незамерзшую воду. Справа, на горѣ Ханъ-ула, чернѣлъ густой, нетронутый *) лѣсъ...

Обстановка пустыни круто измѣнилась... Мы словно вступали въ другой міръ. Близился конецъ девятнадцати-мѣсячнымъ трудамъ и многоразличнымъ невзгодамъ... Родное, европейское чувствовалось уже недалеко.

Грязные монголы, встрѣчавшіеся на пути, казались теперь еще противнѣе... Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; ежеминутно подгонялись усталыя лошади и верблюды...

Но вотъ мы, наконецъ, и въ воротахъ знакомаго дома; видимъ родныя лица, слышимъ родную рѣчь...

Радушная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взамѣнъ грязной, холодной юрты, разнообразныя явства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчиваго сна **).

Подъ живымъ впечатлѣніемъ радости по случаю окончанія труднаго странствованія, Николай Михайловичъ пришелъ даже въ поэтическое воодушевленіе и записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее четверостишіе:

Бури грозно миновали
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ...

Въ Ургѣ путешественники отдыхали пять дней.

Верблюды, нанятые въ Ала-шанѣ, отправились обратно, а три ветерана-верблюда, выходившіе всю экспедицію, изъ Зайсана въ Тибетъ и обратно въ Ургу—были проданы, точно также, какъ и верховыя лошади.

Дальнѣйшій путь до Кяхты былъ совершенъ уже съ извѣстнымъ комфортомъ. Соотечественниками купцами, проживающими въ Ургѣ, предоставленъ былъ въ распоряженіе путешественниковъ объемистый тарантасъ и китайская телѣга—вышеописанный ***) ящикъ на двухъ колесахъ.

25 октября путешественники размѣстились въ этихъ экипажахъ съ легкимъ ручнымъ багажемъ, тогда какъ коллекціи, вѣсившія въ общей сложности болѣе восьмидесяти пудовъ, отправлены были подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ казаковъ на наемныхъ верблюдахъ, частью же на особыхъ подводахъ.

---

*) Такъ какъ этотъ лѣсъ заповѣдный.
**) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 464.
***) См. т. I, стр. 168 и рисунокъ на стр. 169.

Выѣздъ изъ Урги на почтовыхъ.

Цѣлая кавалькада конныхъ монголовъ-почтарей *) съ гикомъ и криками понеслись на своихъ быстрыхъ скакунахъ, увлекая за собою экипажи **), пыль столбомъ взвилась на дорогѣ, и черезъ нѣсколько времени Урга скрылась изъ глазъ, а на четвертый день такой ѣзды вдали показались уже блестящіе куполы кяхтинскихъ церквей, и путешественники со слезами на глазахъ привѣтствовали этотъ первый символъ своей родины... Еще нѣсколько минутъ бѣшенной скачки и взглядамъ глубоко растроганныхъ путешественниковъ представилась группа соотечественниковъ, которые вышли навстрѣчу дорогимъ гостямъ для выраженія искренняго и сердечнаго привѣтствія и проводили ихъ въ заранѣе приготовленную квартиру...

Такъ закончилось трудное, но чрезвычайно плодовитое научными результатами ***) третье путешествіе Николая Михайловича въ Центральную Азію.

«Если мнѣ и выпала счастливая доля совершить удачно три путешествія по Центральной Азіи,—говоритъ Николай Михайловичъ въ концѣ описанія третьей экспедиціи ****),—то успѣхъ этихъ путешествій—я обязанъ громко признать—обусловливался, въ весьма высокой степени, смѣлостью, энергіей и беззавѣтною преданностью своему дѣлу моихъ спутниковъ. Ихъ не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадныя, уходящія за облака, горы Тибета, ни леденящіе тамъ холода, ни орды дикарей, готовыхъ растерзать насъ... Отчужденные на цѣлые годы отъ своей родины, отъ всего близкаго и дорогого, среди многоразличныхъ невзгодъ и опасностей, являвшихся непрерывною чредою—мои спутники исполняли свой долгъ, никогда не падали духомъ и вели себя, поистинѣ, героями. Пусть же эти немногія строки будутъ хотя слабымъ указаніемъ на заслуги, оказанныя русскими людьми дѣлу науки, какъ равно и ничтожнымъ выраженіемъ той глубокой признательности, которую я навсегда сохраню о своихъ бывшихъ сотоварищахъ...

---

*) Между Ургою и Кяхтой устроено почтовое сообщеніе, содержимое монголами. На пространствѣ 300 верстъ существуетъ одиннадцать станій, гдѣ заготовляются лошади и юрта для помѣщенія проѣзжающихъ.

**) Ѣзда на почтовой ургинско-кяхтинской дорогѣ производится слѣдующимъ, довольно оригинальнымъ образомъ. Къ наружному концу каждой оглобли привязывается длинная поперечная жердь; каждый ея конецъ берется двумя всадниками, при чемъ одинъ кладетъ ее къ себѣ на сѣдло, а другой тащитъ за веревку, привязанную къ ней съ другого конца. Затѣмъ лошади пускаются вскачь, при чемъ черезъ каждые полчаса или даже минутъ двадцать такой бѣшенной скачки, всадники смѣняются. Такимъ образомъ при каждомъ экипажѣ слѣдуетъ болѣе десятка конныхъ монголовъ.

***) Обзоръ научныхъ результатовъ будетъ приведенъ дальше.

****) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 469.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тріумфъ на родинѣ.

Парадные пріемы на пути въ Вѣрномъ, Семипалатинскѣ, Омскѣ, Троицкѣ, Оренбургѣ и др. городахъ.—Встрѣча на вокзалѣ въ Петербургѣ, рѣчь П. П. Семенова.—Ходатайство о награжденіи спутниковъ.—Оваціи въ Петербургѣ.—Представленіе Государю.—Торжественное собраніе членовъ Географическаго Общества.—Лекція Н. М.—Награды отъ ученыхъ обществъ и учрежденій.—Разнообразныя просьбы, курьезное письмо —Выставка коллекцій.—Лекціи Наслѣднику Цесаревичу.—Покупка имѣнія „Слободы".—Лѣтній отдыхъ.—Мечты о новой экспедиціи.—Навойливость кандидатовъ въ спутники.—Выборъ П. К. Козлова.

Послѣ недѣльнаго отдыха въ Кяхтѣ, Николай Михайловичъ и его спутники отправились далѣе, на родину черезъ Вѣрное. Пять дней, проведенные въ этомъ городѣ, были сплошнымъ торжествомъ: парадные обѣды и разнаго рода другія приглашенія не давали ему покоя, и какъ онъ ни отговаривался, его все-таки упросили прочесть одну лекцію о совершенномъ путешествіи.

27 ноября цѣлыхъ 12 почтовыхъ троекъ выѣхали изъ Вѣрнаго, на которыхъ размѣстились путешественники и экспедиціонный багажъ. Дорога была до крайности грязная и тряская, такъ что, когда черезъ два дня путники пересѣли изъ тарантасовъ въ сани, то почувствовали истинное наслажденіе.

Лежащіе на пути большіе и значительные города: Семипалатинскъ, Омскъ, Троицкъ, Верхнеуральскъ и Оренбургъ, гдѣ экспедиція останавливалась дня по три, устраивали столь же восторженныя оваціи путешественникамъ. По всему пути его догоняли или встрѣчали на станціяхъ множество телеграммъ отъ разныхъ учрежденій и лицъ съ поздравленіями.

«Чествованія вездѣ такія,—писалъ Николай Михайловичъ *),—какихъ я никогда не смѣлъ ожидать».

Отъ Оренбурга до Москвы онъ со всѣми своими спутниками ѣхалъ въ отдѣльномъ вагонѣ, любезно предоставленномъ въ его распоряженіе правленіемъ желѣзнодорожнаго общества.

Въ день Рождества Христова онъ имѣлъ удовольствіе обнять въ Москвѣ своихъ братьевъ и близкихъ. «Теперь,—писалъ онъ **),—на радостяхъ, по случаю возвращенія къ роднымъ, ничего не могу написать дѣльнаго».

Съѣздивъ на нѣсколько дней въ свое родное гнѣздо Отрадное, Николай Михайловичъ снова поспѣшилъ въ первопрестольную столицу и оттуда немедленно же отправился въ Петербургъ.

7 января 1881 г., около 11 часовъ утра, къ приходу курьерскаго поѣзда, на платформѣ Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ собралось избранное общество: члены Географическаго Общества съ вице-президентомъ П. П. Семеновымъ

---

*) Въ письмѣ В. И. Срезневскому отъ 25 декабря 1880 г.
**) І. Л. Фатѣеву 25 декабря 1880 г.

во главѣ, многіе академики, офицеры генеральнаго штаба, многіе ученые, литераторы и журналисты и огромная толпа посторонней публики.

Вотъ показался поѣздъ, замедленнымъ ходомъ сталъ приближаться къ платформѣ и наконецъ остановился.

Толпа всколыхнулась, послышались крики: «здѣсь, здѣсь!» и лишь только Николай Михайловичъ появился на площадкѣ, какъ раздалось громкое «ура!», взрывъ восторженныхъ аплодисментовъ...

Пржевальскій со своими товарищами были введены въ особую залу, гдѣ П. П. Семеновъ, отъ имени Географическаго Общества, обратился къ нему съ привѣтственною рѣчью. Поздравивъ отважнаго путешественника съ успѣшнымъ окончаніемъ трудной экспедиціи, онъ прибавилъ, «что не только Общество (Географическое) и корпорація русскихъ ученыхъ, но и все русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за его шествіемъ по средне-азіатскимъ пустынямъ; что каждое извѣстіе о немъ немедленно повторялось всею періодическою печатью, а распространившійся тревожный слухъ о печальной участи, будто бы постигшей экспедицію, вызвалъ съ одной стороны всеобщее уныніе, а съ другой—недовѣріе къ этому слуху, такъ какъ смѣлость, находчивость и энергія Н. М. Пржевальскаго не допускали по общему мнѣнію неуспѣха въ каждомъ его предпріятіи» *).

Въ заключеніе своей рѣчи, ораторъ объявилъ, что Географическое Общество избрало знаменитаго путешественника своимъ почетнымъ членомъ.

Взволнованный Николай Михайловичъ отвѣчалъ, что именно въ сочувствіи русскихъ ученыхъ къ его дѣятельности и въ сознаніи, что за нимъ слѣдятъ на родинѣ, онъ и почерпалъ свою энергію и рѣшимость во всѣхъ трудностяхъ, представлявшихся на его пути.

Слова эти встрѣчены были новыми аплодисментами и снова громкое «ура!» пронеслось подъ сводами залы.

П. П. Семеновъ пригласилъ героя торжества въ заранѣе приготовленное для него географическимъ Обществомъ помѣщеніе въ гостиницѣ «Демутъ». Тамъ собрались наиболѣе близкія къ Николаю Михайловичу лица и засыпали его разспросами о только что оконченномъ славномъ путешествіи и о привезенныхъ коллекціяхъ.

— Вы мнѣ задали большую работу по разборкѣ растеній, привезенныхъ изъ прежнихъ экспедицій, которая еще и не доведена до конца,—заявилъ академикъ Максимовичъ.

— Я привезъ вамъ еще новое богатство, надъ которымъ желаю успѣшно потрудиться,—отвѣчалъ Пржевальскій.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ замѣтили Николаю Михайловичу, что онъ значительно пополнѣлъ противъ прежняго.

*) См. Дубровинъ, стр. 351, а также отчеты газетъ.

— Это все надѣлали,—отвѣчалъ онъ,—огромные монгольскіе бараны, которыхъ мы съѣли около четырехсотъ штукъ.

Мало по малу собраніе начало расходиться и, оставшись одинъ, Николай Михайловичъ успѣлъ еще въ тотъ-же вечеръ составить докладную записку начальнику главнаго штаба о совершенномъ путешествіи. Въ ней онъ счелъ своимъ долгомъ прежде всего просить о награжденіи своихъ спутниковъ.

«Всевозможныя трудности и лишенія—отъ жаровъ, морозовъ, огромнаго абсолютнаго поднятія мѣстности, недостатка воды, а изрѣдка и пищи,—докладывалъ онъ,—преслѣдовали насъ почти отъ перваго до послѣдняго шага путешествія. Къ этому присоединялось иногда враждебное настроеніе туземцевъ, выразившееся въ Тибетѣ даже открытымъ нападеніемъ».

«При такой неблагопріятной обстановкѣ, необходима была нравственная мощь, чтобы одолѣть встрѣченныя преграды и не пасть въ борьбѣ, длившейся безъ перерыва почти девятнадцать мѣсяцевъ. Борьба эта выдержана стойко, побѣда осталась за нами, экспедиція принесла богатые научные результаты—и всѣмъ этимъ я, какъ руководитель дѣла, обязанъ, прежде всего, смѣлости, энергіи и беззавѣтной преданности своихъ спутниковъ...

«Въ виду опасностей, которымъ подвергались всѣ мои спутники во время путешествія, смѣлости и мужества, оказанныхъ ими при двукратномъ отбитіи нападенія на насъ дикихъ тибетцевъ, рѣшаюсь ходатайствовать о пожалованіи имъ наградъ, назначаемыхъ за подвиги отличія въ военное время».

На завтра Пржевальскій отправилъ свою записку по назначенію и въ тотъ-же день состоялся особый докладъ, утвержденный 10-го января Государемъ.

Ходатайство его было исполнено вполнѣ. Роборовскій и Эклонъ произведены были въ слѣдующіе чины и каждому изъ нихъ была назначена пожизненная пенсія по 200 р. въ годъ.

Уряднику Забайкальскаго войска Дондоку Иринчинову, совершившему вмѣстѣ съ Пржевальскимъ уже три путешествія, назначено было единовременное пособіе въ 500 р. или по 60 р. ежегодно, а всѣмъ остальнымъ нижнимъ чинамъ и Абдулу Юсупову—по 200 р. единовременно и пожалованы знаки военнаго ордена.

Самому Николаю Михайловичу пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени и пожизненная пенсія въ 600 р. сверхъ прежней.

Время пребыванія Пржевальскаго въ Петербургѣ, особенно первые дни были сплошнымъ торжествомъ во всѣхъ ученыхъ сферахъ и сопровождались рядомъ восторженныхъ овацій, свидѣтельствовавшихъ объ общемъ сердечномъ сочувствіи къ возвратившемуся знаменитому путешественнику.

Ежедневно получалась масса писемъ и телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, а также и изъ-за границы. Всѣ поздравляли Николая Михайловича съ громадными успѣхами его на пользу науки.

10-го января, въ часъ дня, Пржевальскій представлялся Императору Александру II. Государь долго расспрашивалъ его о ходѣ экспедиціи и живо инте-

ресовался сообщеніями смѣлаго путешественника. Въ тотъ-же день онъ весьма милостиво принятъ былъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и его Августѣйшей Супругою, а 20-го января Пржевальскій, по желанію Государя, представлялъ ему всѣхъ своихъ спутниковъ.

14-го января состоялось торжественное собраніе членовъ Русскаго Географическаго Общества, назначенное для чествованія Николая Михайловича.

Собраніе это происходило въ концертномъ залѣ дворца Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Михайловны.

Желающихъ попасть на это засѣданіе было такое множество, что администраціи пришлось ограничиться только самою избранною публикой: выдано было почетныхъ билетовъ 90, для дѣйствительныхъ членовъ Общества 390 и для лицъ приглашенныхъ—350.

Въ числѣ присутствующихъ были многіе члены государственнаго совѣта, представители правительства, многіе ученые, артисты, художники и много дамъ.

Въ 8 часовъ 20 минутъ на эстраду, гдѣ за особымъ столомъ помѣщались члены совѣта Географическаго Общества, взошелъ Августѣйшій Президентъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи вице-предсѣдателя П. П. Семенова, которые ввели виновника торжества—Николая Михайловича Пржевальскаго. Лишь только они показались на эстрадѣ, какъ въ залѣ раздался взрывъ рукоплесканій.

На каѳедру взошелъ П. П. Семеновъ и въ краткой рѣчи сдѣлалъ оцѣнку заслугъ Пржевальскаго.

— Въ послѣднемъ своемъ собраніи,—заключилъ онъ,—Русское Географическое Общество избрало Николая Михайловича своимъ почетнымъ членомъ, и я имѣю честь вручить вамъ дипломъ на это почетное званіе, — прибавилъ онъ обращаясь къ Пржевальскому.

Громкіе аплодисменты и крики «браво, браво Пржевальскій!» не смолкали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и прекратились только тогда, когда взошелъ на каѳедру гласный Петербургской думы М. И. Семевскій, который объявилъ,—что дума сегодня-же, 14-го января, избрала Пржевальскаго почетнымъ гражданиномъ города С.-Петербурга и постановила помѣстить его портретъ въ одной изъ залъ думы *).

Послѣ этого, при взрывѣ новыхъ аплодисментовъ, на каѳедру поднялся самъ виновникъ торжества и въ сжатомъ, но чрезвычайно интересномъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ со своими двухлѣтними странствованіями въ глубинѣ азіатскихъ пустынь.

Когда онъ, упомянувъ про эпизодъ съ Егоровымъ, вывелъ на эстраду самого браваго унтеръ-офицера, то вся зала устроила ему шумную овацію.

---

*) Отъ послѣдней почести Николай Михайловичъ поспѣшилъ отказаться, когда узналъ, что дума ассигновала на постановку портрета 1,500 р. и просилъ думу употребить эти деньги лучше на какія-нибудь благотворительныя цѣли.

«Съ такими молодцами,—заключилъ свою лекцію Николай Михайловичъ,— мнѣ не казалась трудною моя задача. Противъ насъ была сила физическая—у насъ была сила нравственная и мы побѣдили».

Собраніе окончилось, но всѣ присутствующіе еще долгое время продолжали громко выражать свое одобреніе.

Примѣру Петербурга послѣдовалъ и родной городъ Николая Михайловича, Смоленскъ, представители котораго также избрали его почетнымъ гражданиномъ.

Вообще награды, самыя почетныя, посыпались теперь еще въ большей степени, чѣмъ раньше, на Пржевальскаго. Имп. Московскій университетъ избралъ его за выдающіяся научныя заслуги докторомъ зоологіи honoris causa; Имп. С.-Петербургскій университетъ, С.-Петербургское общество естествоиспытателей, Уральское общество естествознанія, Московское общество любителей правильной охоты, Московское общество сельскаго хозяйства—всѣ эти учрежденія спѣшили избрать Пржевальскаго своимъ почетнымъ членомъ.

Слава его имени прогремѣла и за границей. Географическія общества: Вѣнское, Итальянское, Дрезденское, Сѣверно-Китайское отдѣленіе королевскаго азіатскаго общества въ Шанхаѣ и нѣкоторыя другія, точно также присудили ему свои награды и присылали дипломы почетнаго члена.

Николай Михайловичъ едва поспѣвалъ отвѣчать благодарностью на всѣ эти почести. Въ особенности лестна была для него золотая медаль Лондонскаго королевскаго общества, присужденная ему еще во время путешествія, въ 1879 году.

«Принимая съ благоговѣйнымъ чувствомъ,—писалъ онъ президенту общества,—столь лестную награду, тѣмъ болѣе для меня цѣнную, что она исходитъ отъ ученаго общества, плодотворная дѣятельность котораго обнимаетъ обширныя страны того-же азіатскаго материка, я прошу васъ, милостивый государь, передать членамъ королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ искреннюю мою признательность за столь высокую оцѣнку моихъ посильныхъ изслѣдованій въ малоизвѣстныхъ странахъ Центральной Азіи» *).

Безпрерывныя чествованія и оваціи не легко давались Николаю Михайловичу. Новыя знакомства, визиты, приглашенія на обѣды и вечера въ конецъ измучили его. По возможности онъ старался отказываться отъ различныхъ приглашеній, но была масса и такихъ, отъ которыхъ никакъ нельзя было увернуться.

— Это хуже самаго труднаго путешествія,—говорилъ онъ не разъ своимъ пріятелямъ.—Обѣды и визиты до того меня доняли, что и жизнь становится немила.

Дѣло въ томъ, что, не говоря уже про самый характеръ Николая Михайловича, совершенно не подходящій къ подобной разсѣянной и шумной жизни, у него и времени для этого рѣшительно не было, такъ какъ онъ торопился привести въ порядокъ свои коллекціи для представленія ихъ Государю; въ виду этого ему приходилось наверстывать по ночамъ время, потерянное днемъ на визиты.

---

*) См. Дубровинъ, стр. 357.

Къ нему постоянно приходили съ просьбами дать портретъ и автобіографическія свѣдѣнія для различныхъ изданій и съ такими-же просьбами обращались и изъ-за границы.

— У меня такъ много неотложныхъ работъ, что я не имѣю ни времени, ни желанія заниматься жизнеописаніями,—большей частью отвѣчалъ на это Николай Михайловичъ.

Кромѣ того, къ нему, какъ герою дня, приходили съ просьбами оказать пособіе, похлопотать о доставленіи мѣста или пенсіи, скорѣйшаго производства въ чинъ и т. п.

Друзьямъ и близкимъ знакомымъ онъ давалъ для прочтенія курьезное письмо, полученное имъ по городской почтѣ отъ какой-то безутѣшной вдовы.

«Вамъ, родимый мой,—говорилось въ этомъ письмѣ, — всѣ власти нашего города нынѣ бьютъ челомъ; кумъ мнѣ сказывалъ, что вас повѣсили въ Думѣ, что вы въ почетѣ въ нашемъ городѣ, что вамъ все сдѣлаютъ.

«Такъ, ради Бога, отыщите мою собачку, кличка ея «Мурло», маленькая, хорошенькая, съ бѣльмомъ на глазахъ; крысъ и мышей ловитъ. И буду я, вдова безутѣшная, весь длинный вѣкъ Бога за васъ молить. Живу я на Петербургской, Зелениной (улицѣ) № 52 дома, у сторожа гвардейскаго, что подъ турку раненъ, Архипомъ прозывается» *).

Гостиница «Демутъ», во время пребыванія тамъ Пржевальскаго, осаждалась репортерами и разнаго рода любопытными, и номера въ ней занимались на расхватъ. Нѣкоторые прибѣгали даже къ посредничеству содержателя гостиницы и просили его оказать протекцію передъ его знаменитымъ жильцомъ. Такъ одинъ садовникъ изъ г. Риги, поставщикъ Императорскаго Двора, просилъ его оказать содѣйствіе въ доступѣ къ Пржевальскому для бесѣды о различныхъ ботаническихъ новостяхъ, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, привезъ не мало изъ своего путешествія.

Другой садовникъ письменно просилъ Пржевальскаго прислать ему рѣдкихъ сѣмянъ, для производства опытовъ ихъ культивировки.

Курьезныя и безцеремонныя просьбы исходили не только отъ темныхъ людей. Не успѣлъ еще Николай Михайловичъ мало-мальски разобраться со своими научными сокровищами, привезенными изъ экспедиціи, какъ уже получилъ отъ предсѣдателя географическаго общества въ Бременѣ просьбу прислать отчетъ о научныхъ результатахъ совершенной экспедиціи и даже «съ приложеніемъ карты путешествія».

Желаніе публики слышать разсказъ Николая Михайловича о его путешествіи было такъ велико, что сборы съ публичныхъ лекцій, прочтенныхъ имъ въ пользу различныхъ благотворительныхъ учрежденій, достигали весьма почтенныхъ цифръ.

Даже иностранныя учрежденія (какъ, напр., Лондонское географическое

*) См. Дубровинъ, стр. 357.

общество), просили Пржевальскаго пріѣхать и познакомить публику, сгорающую желаніемъ слышать про сдѣланныя имъ открытія и изслѣдованія.

Конечно, Пржевальскому не было никакой возможности исполнить не только всѣ, но даже и половину всѣхъ обращенныхъ къ нему просьбъ и приглашеній, тѣмъ болѣе, что у него были спѣшныя, неотложныя работы по приведенію въ порядокъ коллекцій, пожертвованныхъ имъ въ государственныя учрежденія: ботанической—въ Императорскій Ботаническій Садъ, а зоологической—въ Императорскую Академію Наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по ходатайству членовъ Академіи рѣшено было устроить выставку всѣхъ коллекцій, привезенныхъ въ разное время Пржевальскимъ изъ своихъ путешествій.

«Знаменитый путешественникъ, почетный членъ Академіи Н. М. Пржевальскій,—писалъ въ своемъ ходатайствѣ академикъ Штраухъ *),—собралъ во время своихъ путешествій по Центральной Азіи богатѣйшія коллекціи животныхъ, которыя пожертвованы имъ въ зоологическій музей Академіи.

«Со времени основанія музея никто еще не приносилъ ему такого цѣннаго и единственнаго въ своемъ родѣ подарка. Коллекціи Н. М. Пржевальскаго даютъ возможность познакомиться съ фауной до сихъ поръ неизвѣстныхъ частей Центральной Азіи, гдѣ до него не былъ ни одинъ натуралистъ.

«Для ознакомленія публики съ результатами столь плодотворныхъ путешествій г. Пржевальскаго было бы очень полезно выставить всѣ три привезенныя имъ коллекціи особо, такъ какъ въ музеѣ выставлена только часть ихъ, которая кромѣ того теряется въ массѣ имѣющихся другихъ предметовъ.

«По этому имѣю честь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбой устроить въ большой конференцъ-залѣ академіи выставку коллекцій г. Пржевальскаго. Входъ на выставку открыть по билетамъ и, если возможно, взимать за входъ небольшую плату. Изъ этого сбора можно-бы основать при музеѣ особый капиталъ имени Пржевальскаго, предоставивъ ему лично указать назначеніе процентовъ съ этого капитала на пользу музея»...

Выставка эта была открыта и несмотря на то, что плата за входные билеты назначена была невысокая **), она привлекла такую массу публики, что въ короткое время составился изъ чистой прибыли капиталъ въ 1,694 руб., который рѣшено было оставить неприкосновеннымъ.

Необыкновенный успѣхъ этой выставки, обратилъ на себя вниманіе даже Ихъ Величествъ, и не только коллекціи подвергнулись осмотру Августѣйшаго Семейства, но Николай Михайловичъ даже приглашенъ былъ прочесть рядъ лекцій Наслѣднику Цесаревичу о главнѣйшихъ результатахъ своихъ путешествій по Центральной Азіи, при чемъ онъ преподнесъ своему царственному слушателю коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ.

Покончивъ съ неотложными дѣлами, Николай Михайловичъ поспѣшилъ

---

*) Президенту академіи графу Литке, дѣло № 465, см. Дубровинъ, стр. 360.
**) По 30 к., а два раза въ недѣлю по 1 руб.

уѣхать въ свое родовое гнѣздо Отрадное, гдѣ предался отдыху отъ сутолоки петербургской жизни, хотя не оставлялъ и занятій.

Въ деревнѣ онъ установилъ себѣ очень регулярную жизнь.

Николай Михайловичъ вставалъ всегда рано, въ 7 часовъ и тотчасъ же окачивался съ ногъ до головы холодною водою; затѣмъ онъ садился заниматься перекусивъ что нибудь на скорую руку. Въ 12 часовъ всегда былъ обѣдъ, а въ девять—ужинъ.

Отрадное теперь не представляло уже для него такого благодатнаго уголка, какимъ оно было раньше, особенно во времена его дѣтства, при томъ же отсутствіе матери постоянно смущало его душевный покой. Кромѣ того мѣсто это сдѣлалось теперь слишкомъ люднымъ, что сильно не нравилось Николаю Михайловичу.

— Тамъ кабакъ,—говорилъ онъ друзьямъ, показывая рукою въ разныя стороны, тутъ—кабакъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ—домъ терпимости, а въ болѣе отдаленномъ—назойливо навязываютъ дочекъ-невѣстъ. Ну, ихъ совсѣмъ этихъ сосѣдей! Мои друзья—вотъ, прибавлялъ онъ,—показывая на ружье, на мшистое кочковатое болото и на лѣсъ.

Пржевальскій задумалъ избрать себѣ другую резиденцію, въ какомъ-нибудь захолустьѣ, гдѣ мѣсто по глуше, и просилъ своихъ друзей и знакомыхъ пріискивать такое мѣстечко, но все же въ родной Смоленской губерніи.

Вскорѣ его извѣстили, что въ Порѣчьскомъ уѣздѣ продается подходящее имѣніе. Николай Михайловичъ немедленно же поѣхалъ туда и убѣдившись, что это именно то, что ему надо, купилъ имѣніе «С л о б о д у» за 26,000 руб.

Имѣніе это находилось въ 40 верстахъ отъ Порѣчья и въ 80 верстахъ отъ ближайшей желѣзно-дорожной станціи. Въ немъ было 2,080 десятинъ земли и 700 десятинъ лѣсу, «да и лѣсъ, какъ сибирская тайга,—писалъ восхищенный своею покупкою новый владѣлецъ *), и рядомъ лѣса пошли на сто верстъ.

Въ имѣніи было два озера: Сопша верстъ 7—8 въ окружности, а другое съ полъ-версты длиною; двѣ рѣки, изъ нихъ одна (Ельша) довольно большая; рыбы и раковъ—изобиліе, въ лѣсу множество глухарей, тетерева, рябчики, медвѣди, попадались даже лоси, а иногда забѣгали и кабаны.

«Одно неудобство,—сообщалъ Пржевальскій **), что усадьба стоитъ рядомъ съ винокурнею; но это сейчасъ-же устроится: переношу усадьбу теперь-же на крутой берегъ озера Сопша. Кругомъ будетъ лѣсъ, а изъ горы бьетъ ключъ. Мѣстность вообще гористая, сильно напоминающая Уралъ. Озеро Сопша въ гористыхъ берегахъ, словно Байкалъ въ миніатюрѣ.

Продано такъ дешево потому, что въ глуши, а это именно для меня и требуется.

Николай Михайловичъ вообще былъ въ восторгѣ отъ своей покупки: кру-

*) Эклону, отъ 9 іюня 1881 г.
**) Въ письмахъ Н. И. Толпыго 9-го іюня 1881 г.

томъ на большое пространство почти дѣвственная природа, напоминавшая ему далекія страны Азіи, прекрасная рыбная ловля и богатая охота. Между тѣмъ въ Отрадномъ, вскорѣ по пріѣздѣ туда изъ Петербурга, Пржевальскій просидѣлъ въ лѣсу три ночи и вернулся ни съ чѣмъ, что его крайне огорчило.

— Вотъ какимъ крупнымъ землевладѣльцемъ я теперь сдѣлался,—говорилъ Николай Михайловичъ своимъ друзьямъ. Но это все-таки не исключаетъ желанія и даже очень сильнаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи только будетъ мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь Азіатскихъ пустынь.

Друзья говорили ему, что съ покупкой имѣнія ему недостаетъ только хорошей хозяйки, но Николай Михайловичъ по-прежнему былъ непреклоненъ въ желаніи остаться холостякомъ.

— Не измѣню я до гроба,—говорилъ онъ тому идеалу, которому посвящена моя жизнь. Написавъ что нужно, снова махну въ пустыню...

Впрочемъ всѣ, кто зналъ его ближе, нисколько и не сомнѣвались въ томъ, что Николай Михайловичъ ни въ какомъ случаѣ не усидитъ ни въ своемъ имѣніи, ни въ Петербургѣ, а непремѣнно отправится въ новыя странствованія.

«Грустное и тоскливое чувство,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій *) всегда овладѣваетъ мною лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти въ Европѣ..

«Истому путешественнику,—прибавляетъ онъ, — подобно герою сказокъ Шехеразады «Тысячи и одной ночи», Синбаду-мореходу: невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки, на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь»...

«Осенью опишу птицъ, добытыхъ въ Тибетѣ и на Желтой рѣкѣ. Зимою же, вновь буду снаряжаться въ экспедицію,—писалъ онъ весною одному изъ своихъ друзей» **).

«Вѣрите-ли, жаловался Николай Михайловичъ ***), покою не имѣю, смотря по картѣ, сколько въ Тибетѣ еще неизвѣстныхъ мѣстъ, которыя *я могу и долженъ* изслѣдовать. При томъ-же я привыкъ пребывать на заоблачныхъ высотахъ, оттого вѣроятно, мнѣ и не нравиться жить въ Петербургѣ».,.

Пржевальскій пригласилъ къ себѣ въ имѣніе своего бывшаго спутника Роборовскаго, а также унтеръ-офицера Румянцева, а со всѣми остальными

*) Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 469; см. также раньше, т. I, стр. 46.
**) А. М. Лушникову, 14 марта.
***) Ему-же въ письмѣ отъ 31 августа.

прежними товарищами по путешествію постоянно поддерживалъ оживленную переписку.

Не проходило дня, чтобы онъ не побывалъ на охотѣ.

По временамъ къ нему наѣзжали гости, и тогда охота, да и другія деревенскія удовольствія, принимали широкіе размѣры. Николай Михайловичъ считалъ своимъ долгомъ хорошенько ознакомить каждаго изъ своихъ гостей со всѣми прелестями своего имѣнія, съ озерами, болотами, лѣсными дебрями, возвышенностями, а главное со всѣми видами возможной здѣсь охоты—болотною и лѣсною, лѣтнею и зимнею, съ собаками и безъ нихъ...

Радушіе, широкое гостепріимство, чистая, дѣвственная натура привлекали къ нему всѣ сердца, и домъ его часто былъ полонъ друзьями.

Иногда онъ устраивалъ себѣ «отдыхъ», подъ которымъ понималъ полное отрѣшеніе отъ всякой книжной премудрости, не исключая даже и газетъ. «Въ это время,—разсказываетъ одинъ изъ ближайшихъ его друзей *), обильная ѣда, до четырехъ разъ въ день, разныя лакомства, которыя онъ (Пржевальскій) называлъ жизненными усладами и состоявшія изъ ланинскихъ напитковъ, водянокъ, фруктовыхъ квасовъ, наливокъ, всевозможныхъ фруктовъ и конфектъ въ невѣроятно большомъ количествѣ наполняли весь день, чередуясь съ охотою, рыбною ловлею, поѣздкою въ лѣсъ и проч.»...

«Запѣвалой всѣхъ начинаній,—разсказываетъ тотъ-же І. Л. Фатѣевъ, охотъ, поѣздокъ въ лѣсъ съ самоваромъ, путешествія на сѣнокосъ, устройства фейерверковъ, хожденія на пасѣку за добычей меда, устройства рыбныхъ ловель, купаній, обливаній, шутливыхъ декламацій въ стихахъ, имъ же сочиненныхъ, шутливыхъ разговоровъ на разныя темы—былъ Николай Михайловичъ.

Съ отъѣздомъ гостей, проходила пора веселья, и Пржевальскій начиналъ усиленно работать надъ своимъ сочиненіемъ, описаніемъ третьяго путешествія.

Когда Николаю Михайловичу являлась необходимость съѣздить въ Петербургъ, то ему тамъ по прежнему не было прохода «отъ газетчиковъ и попрошаевъ всякаго рода», и также какъ и въ первое время появленія его въ столицѣ его заваливали просьбами публичныхъ сообщеній, всевозможными приглашеніями и чествованіями.

Теперь еще ему не было отбоя отъ предложенія услугъ въ качествѣ спутниковъ въ новомъ путешествіи со стороны множества лицъ, самыхъ разнообразныхъ положеній.

Квартира его постоянно осаждалась такого рода просителями, а въ то же время такія же предложенія летѣли къ нему и по почтѣ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы.

Заявленія о томъ, что онъ еще не покончилъ съ разработкою результатовъ послѣдняго путешествія и не думаетъ о новомъ, были безполезны, его

*) І. Л. Фатѣевъ, см. Дубровинъ, ст. 373.

осаждали просьбами и предложеніями своихъ услугъ и на столько надоѣдали, что положительно нельзя было показаться на улицѣ или въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ.

Отцы рекомендовали ему своихъ сыновей, полковые командиры—подчиненныхъ имъ офицеровъ; при этомъ не упускались изъ вида всевозможныя приманки, въ родѣ обладанія «ланкастеромъ», виртуозностью въ стрѣльбѣ или въ верховой ѣздѣ и т. п.

Но Николай Михайловичъ всегда полагался лишь на свое собственное мнѣніе, при томъ же въ спутникѣ цѣнилъ больше всего нравственныя качества и физическую крѣпость, а за ученостью не гонялся, да наконецъ онъ съ давнихъ ооръ, еще со времени своей педагогической практики въ юнкерскомъ училищѣ, предпочиталъ имѣть дѣло именно съ юношами.

Выборъ его остановился на Петрѣ Кузьмичѣ Козловѣ, который оказался въ послѣдствіи прекраснымъ помощникомъ и товарищемъ и до настоящаго времени продолжаетъ идти по стопамъ своего незабвеннаго учителя *).

Юноша Козловъ въ то время только что окончилъ курсъ въ Духовщинскомъ городскомъ училищѣ и поступилъ на службу къ арендатору винокуреннаго завода въ имѣніи Пржевальскаго, Слободѣ, Х. П. Пашеткину.

Впервые обратила вниманіе на него старуха Макарьевна, отзывавшаяся о Козловѣ, какъ о прекрасномъ и трудолюбивомъ юношѣ.

Познакомившись съ нимъ нѣсколько ближе, Николай Михайловичъ рѣшилъ взять его съ собою въ экспедицію.

Козловъ оставилъ свою службу, поселился у Николая Михайловича и подъ его руководствомъ началъ усиленно готовиться къ экзамену на вольноопредѣляющагося, а въ свободное отъ занятій время Николай Михайловичъ пріучалъ его къ охотѣ и обучалъ стрѣльбѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Приготовленія къ новымъ странствованіямъ.

Проектъ четвертой экспедиціи.—Правительственная командировка.—Право вознаграждать спутниковъ за отличія.—Выходъ книги и ея колоссальный успѣхъ.—Милости Царской Фамиліи.—Путь до Кяхты.—Основанія для выбора этого пункта отправленія.—Снаряженіе въ Кяхтѣ.—Экспедиціонный отрядъ.—Способъ заготовки багажа и его укладки.—Выступленіе изъ Кяхты.—Сформированіе каравана въ Ургѣ.—„Приказъ“, выступленіе.

Въ концѣ декабря 1882 г. описаніе третьяго путешествія было наконецъ окончено, и въ первыхъ числахъ января 1883 г. Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ приступилъ къ печатанію книги.

*) П. К. Козловъ участвовалъ и въ четвертой экспедиціи Пржевальскаго, продолжалъ прерванную безвременной смертью Н. М.—пятую, въ 1893—96 г.г. путешествовалъ вмѣстѣ съ Роборовскимъ, а въ прошломъ 1899 г. снова отправился во главѣ значительной и прекрасно снаряженной экспедиціи въ Центральную Азію.

9 февраля онъ обратился къ совѣтъ географическаго общества съ докладной запиской.

«Теперь, когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, писалъ онъ,—да позволено мнѣ будетъ поднятъ вопросъ о новомъ путешествіи.

«Несмотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ,—внутри азіатскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще остается площадь болѣе 20,000 кв. геогр. миль, почти совершенно неизвѣданная... На этой площади лишь кое-гдѣ удалось побывать путешественникамъ...

«Продолжая разъ принятую на себя задачу—изслѣдованіе Центральной Азіи, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, помимо страстнаго къ тому желанія, вновь отправиться въ Тибетъ и поработать тамъ, насколько хватитъ силъ и умѣнья, для пользы географической науки. Двинуться въ путь разсчитываю, если не встрѣтится особенныхъ препятствій въ іюнѣ нынѣшняго года».

Извѣдавъ на опытѣ, какъ затруднительно и рискованно идти съ большимъ караваномъ и съ огромнымъ багажемъ на высокомъ плоскогоріи Тибета, Николай Михайловичъ на этотъ разъ выработалъ особый планъ. Онъ предполагалъ въ удобныхъ мѣстахъ устраивать этапные пункты, на которыхъ можно будетъ оставлять лишній багажъ и запасныхъ верблюдовъ подъ присмотромъ нѣсколькихъ казаковъ.

Самый же экспедиціонный отрядъ, необремененный лишнимъ багажемъ, и въ силу этого легкій въ своихъ передвиженіяхъ, будетъ совершать болѣе или менѣе отдаленныя и продолжительныя экскурсіи.

При такой постановкѣ дѣла, конечно, необходимо увеличить составъ экспедиціи, но за то ея успѣхъ будетъ вѣрнѣе обезпеченъ. Онъ полагалъ взять трехъ помощниковъ и 15 нижнихъ чиновъ.

Пржевальскій и на этотъ разъ намѣревался попытаться пробраться въ Лхассу, но не дѣлалъ этого исключительною цѣлью своего путешествія, находя, что и безъ того въ Тибетѣ слишкомъ обширно поле для изслѣдованій.

Если раньше, при снаряженіи въ предыдущія экспедиціи, всѣ предложенія Николая Михайловича принимались съ готовностью, то тѣмъ болѣе это было теперь, когда онъ успѣлъ уже своими подвигами заслужить себѣ громкую славу.

5-го апрѣля 1883 г. докладъ военнаго министра касательно новой экспедиціи Пржевальскаго былъ утвержденъ Государемъ. Пржевальскій, вмѣстѣ съ Роборовскимъ, Эклономъ и вольноопредѣляющимся Козловымъ, командировались на 2 года. Въ конвой назначались: одинъ переводчикъ, 7 нижнихъ чиновъ и 9 казаковъ.

Изъ средствъ государственнаго казначейства отпущено было $43^{1}/_{2}$ тысячи, не считая содержанія, выданнаго какъ Николаю Михайловичу, такъ и его помощникамъ за два года впередъ золотомъ и двойныхъ прогонныхъ денегъ до крайняго пограничнаго пункта, отпущено было оружіе и боевыя принадлежности,

астрономическіе и метеорологическіе инструменты... Кромѣ того, Пржевальскому предоставлено во время путешествія право производить нижнихъ чиновъ за отличія въ унтеръ-офицеры и старшіе урядники. Такимъ образомъ предстоящее научное путешествіе приравнивалось въ этомъ отношеніи къ военнымъ экспедиціямъ.

Пока разрѣшался этотъ вопросъ, Николай Михайловичъ успѣлъ окончить печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки» *), съ посвященіемъ «памяти незабвеннаго Императора Александра Николаевича, высочайшею волею котораго осуществилось путешествіе въ Центральной Азіи», (см. заглавный листъ). Книга эта встрѣчена была весьма сочувственно какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Повсюду о ней получились самые восторженные отзывы.

«Сочиненіе это представляетъ сокровищницу по-этно-и зоографіи Центральной Азіи,—писалъ извѣстный нѣмецкій ученый **).—Всѣ научныя сокровища, скрытыя въ этомъ новомъ трудѣ замѣчательно дѣятельнаго автора, мы надѣемся, скоро сдѣлаются общимъ достояніемъ, когда появятся нѣмецкій, французскій, англійскій и другіе переводы» ***).

Насколько великъ былъ интересъ, возбужденный въ ученомъ мірѣ новымъ трудомъ Пржевальскаго, можно видѣть изъ того замѣчательнаго факта, что Парижская Академія наукъ изъ за него нарушила даже свой уставъ. Именно, 13 (25 н. ст.) іюня состоялось экстренное засѣданіе Академіи и на немъ сдѣланъ былъ докладъ извѣстнаго геолога Добрэ о только что полученной книгѣ, между тѣмъ какъ по уставу Академіи библіографическія сообщенія не допускаются.

Передъ самымъ отъѣздомъ экспедиціи изъ Петербурга, Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаніи съ Пржевальскимъ, подарилъ ему на память превосходную зрительную трубу изъ алюминія, чрезвычайно удобную по своей легкости для употребленія при путешествіи. Нѣсколько позднѣе, уже на дорогѣ, Николай Михайловичъ получилъ письмо отъ воспитателя Царскихъ сыновей генералъ-адъютанта Г. Г. Даниловича, съ приложеніемъ фотографическихъ карточекъ Наслѣдника Цесаревича и его Августѣйшаго Брата.

«Еслибы во время путешествія,—писалъ г. Даниловичъ,—вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою».

Уже при самомъ отъѣздѣ изъ Отраднаго, Николаю Михайловичу пришлось еще испытать большое огорченіе; бывшій спутникъ его Эклонъ, собираясь же-

*) Сочиненіе это вышло болѣе солиднымъ по своему объему, чѣмъ всѣ предыдущія; оно заключало въ себѣ 473 страницы большого формата, издано изящно со многими иллюстраціями, заимствованными нами.

**) F. Marthe въ «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1883 г. №№ 9 и 10, стр. 490—499.

***) См. Дубровинъ, стр. 378.

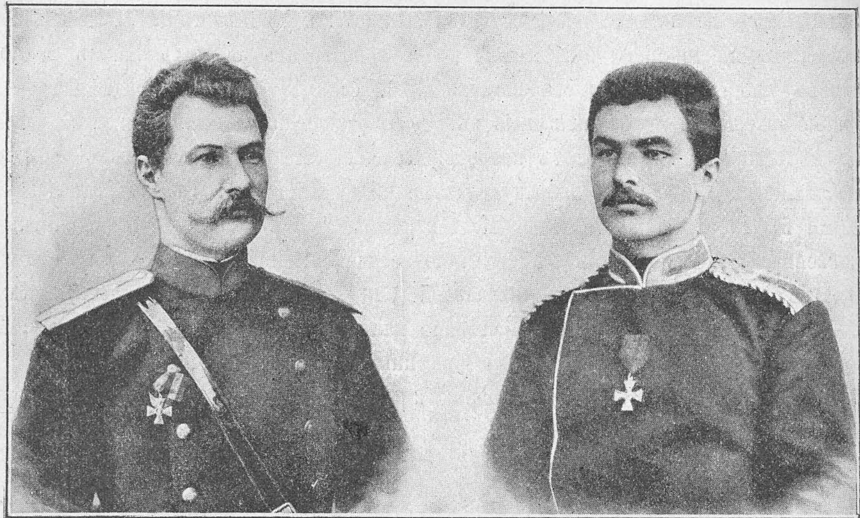
В. И. Роборовскій. П. К. Козловъ.

ниться, отказался отъ участія въ предстоящей экспедиціи. Объясненіе по этому поводу было очень тяжело для обоихъ. Пржевальскій отчислилъ Эклона отъ экспедиціи подъ предлогомъ болѣзни его отца и написалъ ему предписаніе вернуться въ полкъ.

Въ началѣ августа 1883 г. Николай Михайловичъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ выѣхалъ изъ Петербурга и направился въ Азію черезъ Москву, Пермь, Екатеринбургъ и Тюмень, гдѣ пересѣлъ на пароходъ и двинулся дальше по Тоболу, Иртышу и Оби.

Запасшись въ Томскѣ теплою зимней одеждою, онъ двинулся дальше черезъ Иркутскъ и 26 сентября прибылъ въ Кяхту.

Кяхту Николай Михайловичъ выбралъ на этотъ разъ исходнымъ пунктомъ своего путешествія послѣ зрѣлаго размышленія. Цѣлью предстоящей экспедиціи ставился Сѣверный Тибетъ, преимущественно его окраина, отъ истоковъ Желтой рѣки до Хотана, со второстепенными развѣтвленіями этого пути въ стороны. Хотя другой путь, — изъ русскихъ владѣній въ Туркестанѣ въ намѣченный районъ былъ бы гораздо короче, но Пржевальскій имѣлъ полное основаніе опасаться, что при такомъ маршрутѣ его на первыхъ же порахъ могли бы задержать китайскія власти въ оазисахъ Восточнаго Туркестана, еще недавно отвоеваннаго у инсургентовъ. Между тѣмъ какъ пробравшись по хорошо уже знакомой дорогѣ черезъ Гобійскую пустыню отъ Урги въ глубь Тибета, Пржевальскій уже не боялся никакихъ тайныхъ козней, а при вступленіи въ Лобъ-норскую область, китайцы уже волей или неволею должны были пропустить его по Восточному Туркестану до русской границы.

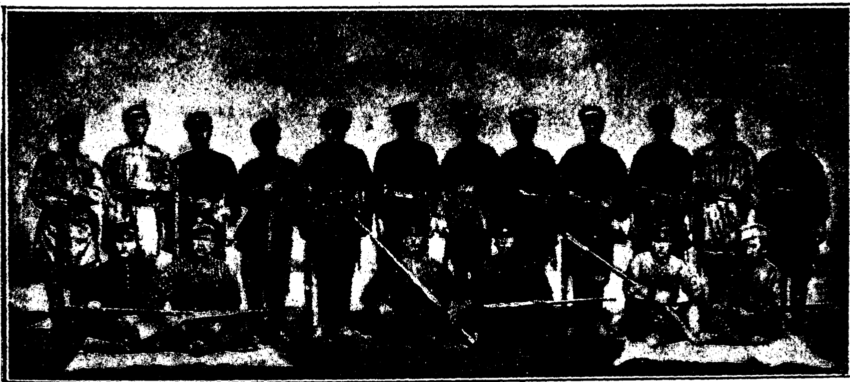
В. И. Роборовскій.　　　　П. К. Козловъ.

Кромѣ этого главнаго соображенія, у него было и нѣсколько второстепенныхъ, напр., что въ Сѣверной Монголіи можно было съ бо́льшимъ удобствомъ пріобрѣсти хорошихъ, пріученныхъ къ труднымъ странствованіямъ по пустынямъ верблюдовъ, легче было выбрать подходящихъ казаковъ для конвоя, наконецъ, то обстоятельство, что до самой Гань-су, Куку-нора и первоначально по Сѣверному Тибету путь предстоялъ сравнительно легкій, въ томъ отношеніи, что дорога и условія путешествія были уже хорошо изучены, а также и потому, что нигдѣ не встрѣчается густого китайскаго населенія; всѣ эти обстоятельства были благопріятны для постепеннаго пріученія еще неопытныхъ казаковъ и солдатъ, а Николай Михайловичъ на этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ въ предыдущіе разы рѣшилъ постоянно держаться на сторожѣ и желалъ какъ можно болѣе закалить свой отрядъ и такъ сказать «воспитать» своихъ спутниковъ въ желательномъ ему направленіи.

Окончательные сборы передъ выступленіемъ въ путешествіе задержали экспедицію въ Кяхтѣ около мѣсяца.

На первомъ планѣ стоялъ выборъ персонала экспедиціи. Еще въ Москвѣ въ составъ конвоя вошли уже старые спутники Пржевальскаго: старшій урядникъ Забайкальскаго войска Дондокъ Иринчиновъ и таранчинецъ Абдулъ Юсуповъ, которые оба прибыли въ Москву, командированные начальствомъ для присутствія на коронаціи Государя и съ великою радостью приняли предложеніе участвовать въ новомъ путешествіи. Кромѣ того, въ Москвѣ же Николай Михайловичъ выбралъ себѣ въ качествѣ спутниковъ четырехъ солдатъ изъ гренадерскаго полка.

Теперь предстояло выбрать еще добавочный конвой, при чемъ выборъ сдѣланъ былъ по рекомендаціи прежнихъ спутниковъ. Такимъ образомъ зачислено

Иринчиновъ. Добрынинъ. Хлѣбниковъ. Протопоповъ. Родіоновъ. Жаркой.
Безсоновъ. Дорджеевъ. Блинковъ. Телешовъ. Жарниковъ. Максимовъ
Нефедовъ Ивановъ. Переваловъ. Соковиковъ. Полуяновъ. Юсуповъ.
(Фотографія съ натуры В. И. Роборовскаго).

Иринчиновъ. Добрынинъ. Хлѣбниковъ. Протопоповъ. Родіоновъ. Жаркой.
Безсоновъ. Дорджеевъ. Блинковъ. Телешовъ. Жарниковъ. Максимовъ
Нефедовъ Ивановъ. Переваловъ. Соковиковъ. Полуяновъ. Юсуповъ.
(Фотографія съ натуры В. И. Роборовскаго).

было еще семь надежных казаковъ, а трое солдатъ изъ линейнаго баталіона избраны были по личному впечатлѣнію Пржевальскаго. Наконецъ, для собиранія растеній и насѣкомыхъ, а также и для прислуживанія при фотографическомъ аппаратѣ, который на этотъ разъ захватилъ съ собою Роборовскій, нанятъ былъ одинъ изъ обывателей сосѣдняго съ Кяхтой города Троицкосавска — Михаилъ Протопоповъ.

Когда, такимъ образомъ, сформировался экспедиціонный отрядъ *) Николай Михайловичъ, не теряя времени, немедленно же приступилъ къ обученію кандидатовъ стрѣльбѣ изъ берданокъ и револьверовъ. Умѣнье хорошо стрѣлять ставилось необходимымъ условіемъ окончательнаго зачисленія въ экспедицію, и всѣ «изъ кожи лѣзли», чтобы не ударить лицомъ въ грязь при окончательномъ испытаніи; у всѣхъ успѣхи оказались блистательными: отрядъ въ минуту могъ выпустить до сотни мѣткихъ пуль, «а при извѣстной трусости азіатцевъ,—писалъ Николай Михайловичъ **),—такой силы достаточно для гарантіи нашей безопасности».

Въ Кяхтѣ же произведено было и окончательное снаряженіе каравана за исключеніемъ вьючныхъ животныхъ, для покупки которыхъ посланъ былъ впередъ въ Ургу урядникъ Иринчиновъ. Нужно было все предусмотрѣть и заготовить всѣхъ необходимыхъ походныхъ принадлежностей: ящиковъ, сумъ, палатокъ и проч.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Д. Г. Анучинъ любезно предоставилъ въ распоряженіе Пржевальскаго рабочихъ изъ мѣстнаго казачьяго войска и линейнаго баталіона, которые и изготовили по спеціальнымъ указаніямъ: 3 парусинныхъ палатки, нужное количество (24) деревянныхъ ящиковъ для укладки будущихъ коллекцій и 26 кожаныхъ сумъ и холщевыхъ мѣшковъ для той же цѣли, нашили полушубковъ, обуви и прочей одежды, словомъ, сработали хозяйственнымъ способомъ всю массу мелочей, потребныхъ для походной жизни. Все остальное куплено было въ Кяхтѣ, при посредствѣ соотечественниковъ купцовъ, которые наперерывъ старались оказать выступающимъ въ путь свое содѣйствіе.

Между прочимъ, закуплено было цѣлыхъ 12 пудовъ китайскаго серебра для расходовъ въ пути.

Когда уже изготовлено и закуплено было все для предстоящаго путешествія,

*) 1) Начальникъ—Николай Михайловичъ, 2) два помощника: В. И. Роборовскій и П. К. Козловъ, 3) препараторъ—младшій урядникъ Пантелей Телешовъ (былъ въ предыдущемъ путешествіи), 4) старшій урядникъ Дондонъ Иринчиновъ (принималъ участіе во всѣхъ предыдущихъ экспедиціяхъ Н. М.), 5) солдаты гренадеры изъ Москвы: Петръ Нефедовъ, Гавріилъ Ивановъ, Павелъ Блинковъ, Михаилъ Безсоновъ, 6) солдаты изъ линейнаго баталіона въ Троицкосавскѣ: Алексѣй Жарниковъ, Григорій Добрынинъ и Евстафій Родіоновъ, 7) новые казаки: Кондратій Хлѣбниковъ, Никита Максимовъ, Григорій Соковиковъ, Бани Дарджеевъ, Семенъ Жаркой, Владиміръ Перевaловъ и Семенъ Полуяновъ; наконецъ 8) вольнонаемные: переводчикъ Абдулъ Юсуповъ и Михаилъ Протопоповъ.

**) Г. Г. Даниловичу 7 ноября 1883 г.

потребовалось еще два дня на окончательную разсортировку и укладку экспедиціоннаго багажа.

Многолѣтнимъ опытомъ Николай-Михайловичъ пріобрѣлъ себѣ и въ этомъ уже большую сноровку. Дѣло это также не легкое, такъ какъ, помимо извѣстнаго вѣса каждаго вьюка и болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія ихъ въ пары, необходимо еще разсортировать вещи такимъ образомъ, чтобы предметы самые важные находились всегда подъ рукою, чтобы болѣе хрупкія вещи не разбились о тяжелыя, чтобы порохъ не лежалъ со спичками, ѣда—съ мышьяковымъ мыломъ, платье съ жидкостью и т. п. Словомъ, каждый предметъ долженъ быть уложенъ съ извѣстнымъ разсчетомъ.

Практическій пріемъ Пржевальскаго былъ слѣдующій. Отобравъ и уложивъ предметы, не требующіе сортировки, какъ-то: продовольственные запасы—дзамбу, муку, крупу, патронные ящики, палатки и т. п., а также раскупоривъ весь багажъ, привезенный изъ Россіи, сносили вещи въ одну общую кучу по срединѣ большой комнаты, по бокамъ которой устанавливались пустые ящики и сумы, на которыхъ крупно намалеваны были номера на видномъ мѣстѣ. Затѣмъ начиналась сортировка. Сначала вещи размѣщались примѣрно по вьюкамъ, при чемъ производилось взвѣшиваніе, и, смотря по соображенію, то то, то другое перемѣщалось изъ одной кучи въ другую. Затѣмъ производилась повѣрка правильности размѣщенія предметовъ.

Ящики обыкновенно заполнялись ватою и паклей, нужной для набивки чучелъ, а внутри укладывались вещи наиболѣе ломкія и болѣе цѣнныя, которыхъ не желательно измять. Впослѣдствіи, по мѣрѣ израсходованія пакли, они заполнялись препарированными чучелами.

Въ ящикахъ-же размѣщались и всѣ научные инструменты, даже ртутный барометръ и хронометры *) и стеклянныя банки для спиртовыхъ препаратовъ Банки эти помѣщались въ особыхъ гнѣздахъ, сдѣланныхъ въ ящикахъ и обитыхъ внутри войлокомъ. Для спиртовыхъ коллекцій употреблялись также впослѣдствіи и всѣ наличныя стеклянныя банки и бутылки, для чего онѣ подбирались всегда съ широкими горлышками.

Въ кожаныхъ и полотняныхъ сумахъ размѣщались такія вещи, которыя не требуютъ болѣе тщательной укладки и не боятся порчи отъ случайныхъ толчковъ и сотрясеній, какъ-то: бѣлье, платье, обувь, дробь, серебро и т. п., но и то на дно обыкновенно укладывалась войлочная подстилка, да и сами предметы нерѣдко заворачивались въ войлокъ или хоть въ толстую бумагу.

*) Барометръ помѣщался въ наклонномъ положеніи на двухъ желѣзныхъ, обшитыхъ войлоками скобахъ, прибитыхъ къ стѣнкамъ ящика. Хронометровъ также не возили съ собою, во избѣжаніе скорой порчи ихъ отъ засоренія пылью. Ихъ укладывали въ спеціальные небольшіе ящички, обитые внутри толстымъ войлокомъ, предварительно заключивъ въ двойной футляръ: полотняный и войлочный, а затѣмъ эти ящики съ хронометрами помѣщались еще въ одинъ общій ящикъ побольше, также обитый войлокомъ. Предосторожности эти принимались для предохраненія отъ пыли, а также и отъ рѣзкихъ колебаній температуры и влажности.

Когда окончена сортировка и повѣрка вещей, начинается укладка, при чемъ ведется подробная запись содержимаго каждаго вьюка, иначе затруднительно припомнить, гдѣ что положено.

Впослѣдствіи, когда значительная часть запасовъ расходовалась, а также при переформированіи багажа экспедиціи (напр. при оставленіи части вьюковъ въ складочномъ пунктѣ) подобная процедура сортировки и регистрированія повторялась.

Закупку вьючныхъ животныхъ предполагалось произвести въ Ургѣ и потому для доставленія туда багажа нанятъ былъ монгольскій караванъ, привезшій грузъ чая въ Кяхту и возвращающійся обратно порожнемъ. Кромѣ того, что въ Ургѣ былъ большій выборъ верблюдовъ и лошадей, такое обстоятельство было выгодно еще и въ томъ отношеніи, что новички казаки могли за время этого перехода поучиться уходу за вьючными животными у монголовъ.

Выступленіе изъ Кяхты назначено было на 21 октября. Весь экспедиціонный багажъ разсортированный и упакованный выложенъ былъ уже съ ранняго утра на дворѣ, занимаемаго путешественниками помѣщенія. Нанятые монголы пригнали своихъ верблюдовъ и ожидали только приказанія начинать завьючиваніе.

По желанію казаковъ отслуженъ былъ напутственный молебенъ, а затѣмъ всей экспедиціи предложенъ былъ кяхтинскими старшинами прощальный обѣдъ...

Ровно въ три часа пополудни окончено было вьюченье верблюдовъ и они были выстроены длинною вереницей на улицѣ, гдѣ собралась огромная толпа народа, въ которой находились провожавшіе казаковъ родственники и знакомые. Начались послѣднія прощанія, напутствія, у многихъ показались на глазахъ слезы... Наконецъ караванъ тронулся въ путь и черезъ нѣсколько минутъ пограничная черта родной русской земли осталась уже позади... Путешественники на долгое время вступили на чуждую китайскую территорію.

Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ, сказалъ пловецъ,
Знать, я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ...

— въ поэтическомъ восторгѣ записалъ въ тотъ день въ своемъ дневникѣ Николай Михайловичъ.

Въ девять сутокъ пройдено было 300-верстное разстояніе отъ Кяхты до Урги, гдѣ путешественники съ большимъ радушіемъ встрѣчены были соотечественниками и расположились въ зданіи русскаго консульства.

Присланный раньше въ Ургу Иринчиновъ уже успѣлъ приторговать у монголовъ 56 выбранныхъ имъ верблюдовъ, которые при личномъ осмотрѣ Николая Михайловича оказались прекрасными и за нихъ немедленно было выплачена крупная сумма: 6,757 р. Куплены были кромѣ того семь верховыхъ лошадей, двѣ юрты, 30 барановъ и добавочные запасы продовольствія: дзамба, рисъ, мука, ячмень (для лошадей) и т. д.

Вьючныя сѣдла для этихъ верблюдовъ были изготовлены самими казаками.

Въ Ургѣ такимъ образомъ, закончено было снаряженіе экспедиціи и здѣсь-же сдѣлано было распредѣленіе экспедиціонной службы казаковъ на дежурства, варку пищи, пастьбу верблюдовъ, ихъ вьюченье и т. п. Наканунѣ выступленія, 7 ноября, Пржевальскій прочелъ передъ своимъ маленькимъ отрядомъ слѣдующій «приказъ»:

«Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ—великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ-же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тѣмъ службу, какъ для науки, такъ и для славы дорогого отечества».

Въ Ургѣ полученъ былъ паспортъ отъ пекинскаго правительства, и утромъ 8 ноября экспедиція выступила въ путь.

Караванъ состоялъ изъ 40 завьюченныхъ верблюдовъ; на четырнадцати ѣхали казаки, а два шли въ запасѣ; кромѣ того было семь верховыхъ лошадей. Багажа набралось болѣе 300 пудовъ. Всѣ караванныя животныя были раздѣлены на шесть эшелоновъ, и каждый сопровождался двумя казаками. Остальные казаки ѣхали частью въ срединѣ каравана подъ надзоромъ Козлова, частью въ аріергардѣ, гдѣ начальствовалъ Роборовскій. Самъ Николай Михайловичъ въ сопровожденіи проводника-монгола и урядника Телешова, являвшагося какъ-бы адъютантомъ, ѣхалъ нѣсколько впереди каравана, а старшій урядникъ Иринчиновъ, назначенный вахмистромъ велъ передній эшелонъ и соразмѣрялъ ходъ всего каравана. Наконецъ, въ хвостѣ каравана одинъ изъ конныхъ казаковъ гналъ стадо барановъ, предназначенныхъ для продовольствія отряда.

Такой порядокъ шествія установленъ былъ разъ навсегда и нарушался только по какимъ-либо особымъ соображеніямъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Поперекъ Великой Гоби до порога Тибета.

Замѣчательныя зори.—Встрѣча въ Дынь-юань-инѣ, угощеніе шампанскимъ.—Экскурсія въ Алашаньскія горы, сильныя перемѣны здѣсь.—Подъемъ на Нанъ-шань.—Чагрынская степь, новая антилопа.—Знакомыя мѣста въ долинѣ Тэтунгъ-гола.—Посольство Абдула Юсупова въ Сининъ.—Стѣснительная свита.—Письма на родину.—Курьезное наказаніе бурхановъ.—На Куку-норѣ.—Встрѣча Свѣтлаго праздника. —Эпизодъ на охотѣ съ медвѣдями.—Хырма Дзунъ-Засакъ. — Крутыя мѣры съ засакомъ. — Новое княжество. — Устройство склада въ хырмѣ Барунъ-засака.—Снаряженіе въ экскурсію на истоки Желтой рѣки.

Экспедиція направилась напрямикъ черезъ Гоби, тою самою дорогою, которою Николай Михайловичъ проходилъ уже два раза: въ 1873 г., возвращаясь изъ

перваго своего путешествія и въ 1880 г., заканчивая третью экспедицію въ Центральной Азіи.

На девятнадцатый день, по выходѣ изъ Урги, экспедиція перевалила черезъ невысокій кряжъ Хурху и, оставивъ за собою степной районъ, вступила въ настоящую дикую пустыню.

Такъ какъ мѣстность, по которой теперь слѣдовали путешественники, была уже раньше описана, то мы не будемъ теперь останавливаться на этомъ. Достаточно сказать, что трудный переходъ по пустынѣ совершенъ былъ вполнѣ благополучно, и Николай Михайловичъ имѣлъ теперь возможность дополнить свои прежнія изслѣдованія флоры, фауны, климата, собиралъ образцы почвъ и горныхъ породъ, а также дѣлалъ попутныя этнографическія наблюденія.

Упомянемъ про одно замѣчательное явленіе, которое наблюдалось Пржевальскимъ и его спутниками въ концѣ ноября и въ декабрѣ, во время движенія по Гобійской и Алашаньской пустынямъ.

Мы бывали почти ежедневно,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—свидѣтелями великолѣпной вечерней и утренней зари, и такого явленія я ни разу не наблюдалъ въ свои предыдущія путешествія.

Послѣ яснаго, какъ обыкновенно здѣсь зимою, дня, передъ закатомъ солнца, чаще же тотчасъ послѣ его захода, на западѣ появлялись мелкія перистыя или перисто-слоистыя облака... Вслѣдъ за тѣмъ весь западъ освѣщался ярко-бланжевымъ свѣтомъ, который вскорѣ сверху становился фіолетовымъ, изрѣдка испещреннымъ тѣневыми полосами. Въ это время съ востока подымалась полоса ночи—внизу темно-лиловая, сверху фіолетовая. Между тѣмъ, на западѣ фіолетовый цвѣтъ исчезалъ, вблизи же горизонта появлялся здѣсь, на общемъ свѣтло-бланжевомъ фонѣ, въ видѣ растянутаго сегмента круга, цвѣтъ ярко оранжевый, иногда переходившій затѣмъ въ свѣтло-багровый, иногда и въ темно-багровый или почти кровяно-красный. На востокѣ тѣмъ временемъ фіолетовый цвѣтъ исчезалъ, и все небо становилось мутно-лиловымъ.

Среди измѣняющихся переливовъ свѣта на западѣ, ярко, словно брилліантъ, блестѣла Венера, скрывавшаяся за горизонтомъ почти одновременно съ исчезновеніемъ зари, длившейся отъ захода солнца до своего померканія цѣлыхъ полтора часа. Почти все это время дивная заря отбрасывала тѣнь и особеннымъ, какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ освѣщала всѣ предметы пустыни.

Утренняя заря, часто бывала также не менѣе великолѣпна, но только переливы цвѣтовъ шли тогда въ обратномъ порядкѣ; иногда же эта заря начиналась прямо багровымъ цвѣтомъ. При полной лунѣ описанное явленіе было не менѣе рѣзко»...

Во все время пути по пустынѣ погода была благопріятная для хожденія, ясная и сухая но рѣзкости континентальнаго климата достигали крайней сте-

*) „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима". стр. 90. 91.

пени. По ночамъ бывало холодно, но днемъ, когда не было вѣтра, становилось тепло, такъ какъ солнце, несмотря на зимнее время, грѣло довольно сильно въ затишьи сыпучій песокъ, на крутыхъ скатахъ, обращенныхъ къ солнцу, нагрѣвался до 27,5°. Разница въ температурѣ между освѣщенною и тѣневою стороною въ это время достигала громадной величины.

Николай Михайловичъ по этому поводу разсказываетъ поразительные факты. точно имъ установленные, что въ то время какъ сторона тѣла путешественниковъ, обращенная къ солнцу, нагрѣвалась настолько значительно, что получалось даже ощущеніе жара, противоположная сторона сильно мерзла.

Такъ напр. 2 января, сообщаетъ онъ *), въ полдень, при слѣдованіи верхомъ съ караваномъ, у меня за спиною, въ тѣни, термометръ показывалъ—3°, а на груди, на солнечномъ пригрѣвѣ, въ то же самое время, температура была +30,3°». Такимъ образомъ выходитъ, что на разстояніи толщины человѣческаго тѣла, т. е. около полуаршина, разница температуръ составляла 33,3°!

3 января 1884 г. путешественники достигли ала-шаньскаго города Дынь-юань-ина уже четыре раза посѣщеннаго Николаемъ Михайловичемъ въ предыдущія свои путешествія и разбили бивуакъ въ полутора верстахъ отъ города.

На слѣдующій день произошло свиданіе съ ваномъ и его двумя братьями.

Встрѣтились, какъ старые знакомые, хотя, конечно, дружескій пріемъ со стороны князей обусловливался хорошими подарками, полученными ими отъ Пржевальскаго. Впрочемъ младшій принцъ—Гыгенъ, былъ непритворно радъ встрѣчѣ съ Николаемъ Михайловичемъ и Роборовскимъ, и даже угостилъ дорогихъ гостей, къ немалому удивленію ихъ шампанскимъ! Оказалось, что цивилизація распространилась уже и въ этотъ глухой уголокъ Средней Азіи; князья, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Пекинъ, познали веселящее дѣйствіе этого драгоцѣннаго напитка и съ тѣхъ поръ выписываютъ шампанское значительными партіями, благо средства для этого не трудно выколачивать со своихъ подданныхъ.

Подобно тому какъ и въ предыдущія посѣщенія, князья вели себя безстыдно и постоянно клянчили черезъ своихъ приближенныхъ о новыхъ подаркахъ. Къ сожалѣнію, теперь уже у нихъ не было главнаго наперсника Балдынъ-Сорджи, столь искуснаго во всякаго рода дипломатическихъ переговорахъ и незамѣнимаго посредника при выпрашиваніяхъ подарковъ — онъ умеръ во время одной изъ своихъ обычныхъ поѣздокъ въ Пекинъ. Не было также въ живыхъ уже и другого стариннаго пріятеля Николая Михайловича—Мукдоя. Какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, Мукдой сопровождалъ весною 1880 г. караванъ, нанятый Пржевальскимъ при возвращеніи своемъ изъ третьяго путешествія. Въ Ургѣ онъ натворилъ какихъ-то плутней и, по возвращеніи въ Ала-шань, повѣсился. въ виду неминуемой кары.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 97.

Необходимость пополнить израсходованные уже продовольственные запасы и произвести еще нѣкоторыя покупки, задержала экспедицію около Дынь-юань-ина на цѣлую недѣлю. Между прочимъ куплено было еще 11 хорошихъ верблюдовъ, такъ что въ караванѣ имѣлось теперь 67 «кораблей пустыни», и можно было разсчитывать, что двигательной силы экспедиціи хватитъ надолго.

Предоставивъ Иринчинову и переводчику Абдулу Юсупову, производить всѣ закупки, сами Николай Михайловичъ съ остальными спутниками совершилъ нѣсколько научныхъ экскурсій въ окрестностяхъ города и въ сосѣднихъ Ала-шаньскихъ горахъ. Послѣднія представляли теперь уже мало научнаго интереса; лѣса въ нихъ были въ значительной степени истреблены и вообще онѣ были далеко не такими дѣвственными, какъ въ первое посѣщеніе ихъ Николаемъ Михайловичемъ въ 1871 г. Тогда, благодаря дунганскому возстанію, горы были пустынны въ продолженіе многихъ лѣтъ, лѣса разрослись и животныя размножились въ нихъ на привольи.

10 января бивуакъ у Дынь-юань-ина былъ снятъ, и путешественники двинулись дальше прежнимъ путемъ къ границѣ Гань-су.

Дорога черезъ южно-алашаньскую пустыню оказалась хорошо наѣзженной и удобной даже и для колеснаго движенія, такъ какъ теперь здѣсь безпрестанно проходили караваны богомольцевъ изъ Монголіи въ Тибетъ или въ кумирню Гумбумъ *) и обратно.

Погода все продолжалась ясная и довольно теплая. Хотя по ночамъ морозы доходили до —22°, но днемъ даже въ тѣни термометръ нерѣдко подымался до +5,9°; въ полдень на солнечномъ пригрѣвѣ показывались пауки и мухи, въ незамерзающихъ ключахъ плавали креветы и вокругъ нихъ зеленѣла травка—словомъ, несмотря на январь мѣсяцъ, погода была чисто весенняя. Но со второй половины января снова загудѣли бури и наступили холода со снѣжными мятелями.

Въ началѣ февраля караванъ подошелъ къ нерукотворной гигантской оградѣ тибетскаго нагорья Нанъ-шаню и безъ труда поднялся по невысокому перевалу около города Даджина.

Отсюда путь до Тэтунгскихъ горъ лежалъ по волнистому плато, извѣстному подъ именемъ степи Чагрынской. Равнина эта поросла прекрасною кормною травою, и здѣсь довольно изобильны были различные звѣри, такъ что Николай Михайловичъ рѣшилъ устроить здѣсь бивуакъ, чтобы поохотиться.

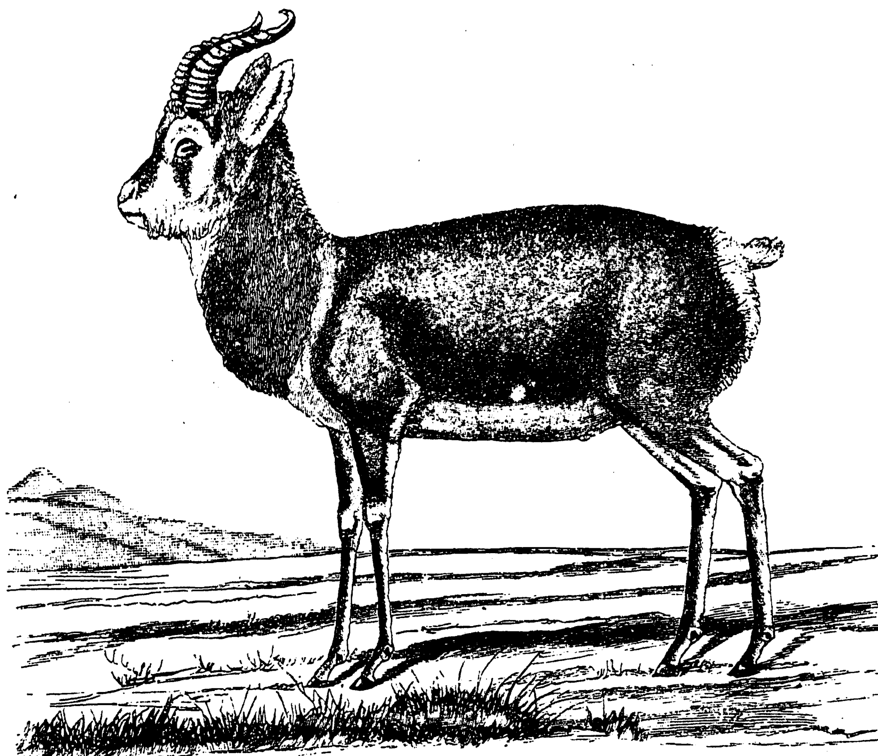
Къ великой его радости антилопа, нѣсколько экземпляровъ которой удалось здѣсь добыть, раньше (въ лѣтней шкурѣ), принимаемая за гобійскаго дзерена, оказалась новымъ видомъ, и Николай Михайловичъ назвалъ это животное въ честь великаго французскаго натуралиста —антилопой Кювье (Antilope Cuvieri).

---

* Около Синина, см. раньше.

Вступивъ въ систему сѣверно-тэтунгскихъ горъ, путешественники направились ущельемъ рѣки Ярлынъ-голъ, гдѣ по обилію научной добычи устроили продолжительную стоянку.

«Впервые отъ самой Урги встрѣтили мы теперь благодатный уголокъ,— разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—и радовались этому, какъ дѣти. Охоты и экскурсіи по окрестнымъ горамъ доставляли ежедневно много цѣнныхъ экземпляровъ для коллекцій».

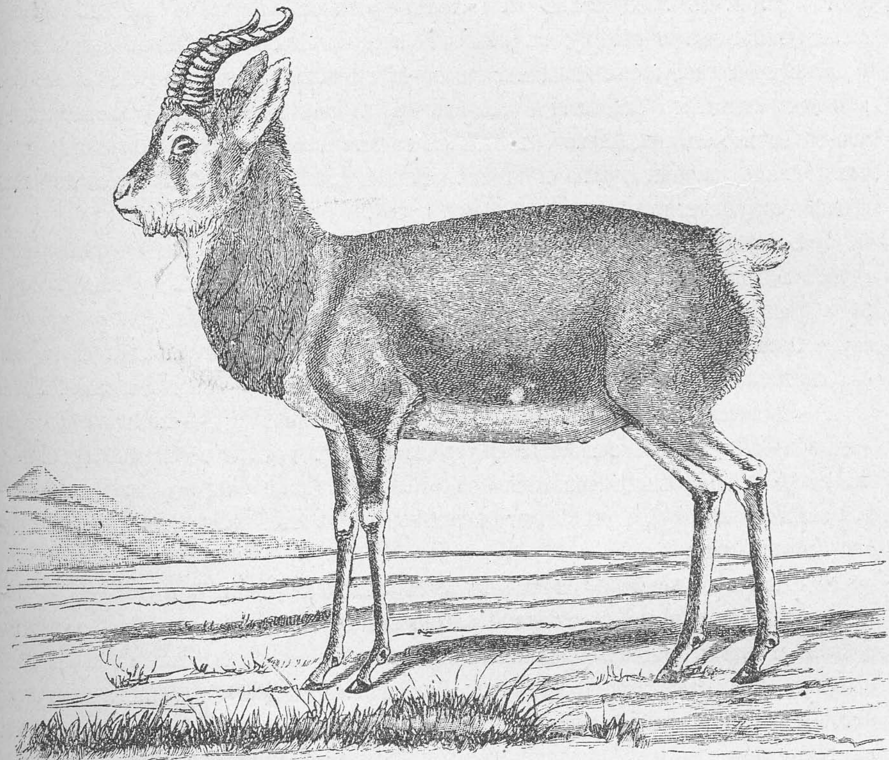

Антилопа Кювье (Antilope Cuvieri).

Между прочимъ, болѣе подробно чѣмъ раньше, осмотрѣнъ былъ колоссальный идолъ, высѣченный въ скалѣ одного бокового ущелья (см. рисунокъ).

Перевалъ черезъ сѣверно-тэтунгскій хребетъ, лежащій на высотѣ 11,500 ф., представилъ первую серьезную трудность. Хотя подъемъ здѣсь и не особенно крутъ, но обледенѣвшая дорога была до такой степени скользка, что верблюды нерѣдко падали и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось посыпать тропинку пескомъ, чтобы облегчить животнымъ восхожденіе.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 113.

Антилопа Кювье (Antilope Cuvieri).

«Однако же,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—весь нашъ караванъ слѣдовалъ благополучно, и верблюды еще разъ доказали, что, при умѣломъ обращеніи, съ ними можно проходить очень высокія горы».

Тотчасъ за спускомъ съ главнаго хребта, пришлось пересѣкать еще три боковыхъ его отрога. Тропинка вьется на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по чрезвычайно живописному ущелью, поросшему по бокамъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ изобиловали звѣри и птицы. Здѣсь путешественники очень удачно поохотились. В. И. Роборовскій, выслѣживая фазановъ, случайно набрелъ на небольшую потаенную пещеру, въ которой спасался благочестивѣйшій отшельникъ.

Встревоженный раздающимися вокругъ громкими выстрѣлами, лама выползъ изъ едва замѣтнаго отверстія и сначала съ жаромъ и энергичною жестикуляціей что-то бормоталъ непонятное, а затѣмъ, видимо проклиная злополучнаго охотника, снялъ съ ноги туфлю и отрясъ съ нея прахъ въ сторону дерзкаго пришлеца, нарушившаго его благочестивый покой.

Сдѣлавъ еще одинъ небольшой переходъ, путешественники спустились въ глубокую долину рѣки Тэтунгъ и переправившись по уцѣлѣвшему еще кое-гдѣ льду, расположились бивуакомъ напротивъ кумирни Чертынтонъ.

О стоянкѣ на этомъ прекрасномъ мѣстѣ Николай Михайловичъ и тѣ изъ его спутниковъ, которые бывали уже въ этихъ мѣстахъ, мечтали отъ самой Урги.

«Дѣйствительно, — говоритъ Николай Михайловичъ**), — какъ въ короткое время предыдущаго путешествія (путь изъ Урги), такъ и во все послѣдующее, мы ни разу не имѣли такой отличной стоянки, и даже нигдѣ во всей Центральной Азіи не встрѣчали столь очаровательной мѣстности, какъ по среднему теченію Тэтунгъ-гола.

Здѣсь прекрасные обширные лѣса, съ быстро текущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, устланные лѣтомъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, рядомъ съ дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самаго верхняго горнаго пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ каменныхъ громадъ—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно-однообразныя, безжизненныя равнины Гоби»...

Бивуакъ разбитъ былъ на ровной сухой площадкѣ на абсолютной высотѣ 7,600 ф., вблизи густого прекраснаго лѣса. Мѣстные тангуты пригоняли на продажу домашнихъ яковъ и приносили различные молочные продукты, китайцы привозили булки, яйца и проч. Словомъ, стоянка была великолѣпная во всѣхъ отношеніяхъ и только для верблюдовъ не было подходящаго подножнаго корма, но предусмотрительные путешественники на этотъ разъ запаслись достаточнымъ

*) Тамъ же, стр. 114.
**) Тамъ же, стр. 115.

количествомъ соли, которою и сдабривали для нихъ траву и кромѣ того, покупали имъ для продовольствія солому. Тѣмъ не менѣе, верблюды вскорѣ начали видимо худѣть, не находя своего любимаго гуджиру.

Двѣ недѣли провели путешественники на своей благодатной стоянкѣ, занимаясь научными экскурсіями и 27 февраля двинулись дальше и поднялись на перевалъ черезъ Южно-тэтунгскій хребетъ. Бивуакъ разбитъ былъ на почти такой же прекрасной лужайкѣ, но только значительно выше, въ альпійской области.

Отсюда Николай Михайловичъ послалъ своего дипломата-переводчика Абдула Юсупова въ сопровожденіи одного изъ казаковъ въ Сининъ, для представленія амбаню паспорта и просить проводниковъ изъ Цайдама на верховья Желтой рѣки. Въ ожиданіи возвращенія посланцевъ, а также и по случаю нездоровья В. И. Роборовскаго, путешественники оставались еще нѣкоторое время въ горахъ южно-тэтунгскихъ, а затѣмъ двинулись къ Чейбсену.

Передъ самымъ выступленіемъ бивуакъ посѣтилъ старинный знакомецъ Николая Михайловича и Иринчинова, тангутъ Рандземба, прозванный, какъ въ свое время было указано, «Многоглаголивымъ Аввакумомъ». Услышавъ о прибытіи русской экспедиціи, онъ поспѣшилъ повидаться со своими знакомцами и непритворно радовался при встрѣчѣ. Оказалось, что въ положеніи Рандзембы произошла важная перемѣна, такъ какъ онъ получилъ важный духовный санъ и въ силу этого не могъ уже по прежнему предаваться своей страсти — охотѣ.

Въ кумирнѣ Чейбсенъ также нашлись нѣкоторые старые знакомцы, которые встрѣтили путешественниковъ очень радушно.

На другой день послѣ прибытія въ Чейбсенъ, возвратились посланцы изъ Синина и вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ китайскій чиновникъ, присланный амбанемъ для привѣтствія путешественниковъ, который привезъ корреспонденцію, полученную изъ Пекина.

Пріемъ, оказанный посланцамъ губернаторомъ въ Сининѣ, былъ очень любезенъ и параденъ. Наученный прежнимъ опытомъ, амбань теперь уже и не пытался противиться движенію экспедиціи къ Куку-нору и на верховья Хуанъ-хэ, но только отговаривался неимѣніемъ людей, годныхъ служить туда хорошими проводниками.

Но большою непріятностью для Николая Михайловича и всѣхъ его спутниковъ явилось назначеніе, якобы для охраны экспедиціи и для выраженія почета, конвоя изъ нѣсколькихъ десятковъ китайскихъ солдатъ.

При отъѣздѣ чиновника обратно въ Сининъ, Николай Михайловичъ просилъ передать амбаню его убѣдительную просьбу, отозвать этотъ конвой назадъ, увѣряя, что онъ нисколько не нуждается въ посторонней охранѣ.

Пользуясь случаемъ, путешественники отправили на родину письма.

«У насъ все благополучно, — писалъ Николай Михайловичъ *); — казаки и

---

*) Л. Фатѣеву, 10 марта 1884 г., см. Дубровинъ, стр. 387.

солдаты ведутъ себя отлично и живутъ дружно. Отрядъ совершенно на военномъ положеніи: всѣ мы идемъ съ берданками и револьверами; днемъ и ночью очередныя дежурства, дисциплина неумолимая. Весело намъ и хорошо вдали отъ всѣхъ гадостей европейской жизни. Самъ я здоровъ совершенно; толстота пропала—потонѣлъ я теперь на $4^1/_2$ вершка въ окружности... Кругомъ насъ тангуты и китайцы, которые рады бы были проглотить нашу маленькую кучку да только не легко это сдѣлать»...

Простоявъ нѣсколько дней около Чейбсена, караванъ двинулся дальше по направленію къ озеру Куку-нору.

Погода между тѣмъ сильно испортилась; ежедневно шелъ снѣгъ, который покрылъ землю сплошной пеленою и черезъ это путь по крутымъ горнымъ тропинкамъ сдѣлался чрезвычайно затруднителенъ для верблюдовъ, которые вообще сильно попортились постоянною сыростью за время пребыванія въ Гань-су. Два раза путешественники принуждены были даже дневать около крутыхъ переваловъ за полною невозможностью для вьючныхъ животныхъ продолжать путь по размякшей глинистой почвѣ.

У города Шинъ-чень пришлось простоять даже двое сутокъ въ тщетныхъ поискахъ подходящаго пути.

Повсюду встрѣчались города и деревни, возобновленные послѣ дунганскаго всеобщаго разоренія и вообще мѣстность, по которой теперь шли наши путешественники, была очень густо населена китайцами, дунганами, тангутами, а также интереснымъ племенемъ далдами.

Одинъ разъ бивуакъ разбитъ былъ неподалеку отъ китайскаго кладбища, повидимому, стариннаго и заброшеннаго. Сохранились лишь каменныя ворота и нѣсколько каменныхъ столбовъ, наверху которыхъ помѣщались грубо высѣченныя изображенія бурхановъ (идоловъ) и лошадей.

Путешественники были сильно заинтересованы тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти изображенія были, видимо, недавно изуродованы и притомъ всѣ совершенно одинаково: у всѣхъ лошадей были отбиты ноги, а у бурхановъ — головы.

По курьезному объясненію мѣстныхъ жителей, оказалось, что эти бурханы по ночамъ пасли своихъ каменныхъ лошадей на поляхъ мѣстныхъ поселянъ и приносили этимъ такой большой ущербъ, что жители вынуждены были принять противъ нихъ строгія мѣры. Они обратились съ жалобой къ начальству и получили разрѣшеніе расправиться съ ними, какъ желаютъ. Тогда они съ общаго рѣшенія совершили надъ истуканами казнь, и отбили у бурхановъ головы, а у коней — ноги, чтобы сдѣлать тѣхъ и другихъ неспособными вредить на будущее время. Съ тѣхъ поръ поля находятся въ безопасности.

Путь изъ Гань-су къ Куку-нору лежалъ по мѣстности, населенной преимущественно дунганами. Испытывая страшное угнетеніе со стороны китайцевъ, въ особенности со времени подавленія возстанія, магометане всею душою ненавидятъ своихъ притѣснителей.

Далды.

Николай Михайловичъ разсказываетъ, что дунганы неоднократно выражали ему свое сочувствіе, и среди нихъ живетъ надежда на помощь русскихъ. «Во время стоянки у деревни Бамба́, мѣстный дунганскій начальникъ,—говоритъ онъ *),—человѣкъ весьма почтенный, не одинъ разъ украдкою пріѣзжалъ въ нашъ лагерь и горько жаловался на злосчастную судьбу своихъ единовѣрцевъ. Симпатіи этого дунгана къ русскимъ были такъ велики, что онъ хранилъ, какъ святыню, добытый гдѣ-то портретъ императора Александра II».

Китайскій конвой, который, несмотря на просьбу Пржевальскаго, все продолжалъ слѣдовать за экспедиціей, также расположился около дунганской деревни Бамба́. Здѣсь солдаты принялись пьянствовать, творить всякія безчинства съ жителями и грабить ихъ.

Николай Михайловичъ послалъ нарочнаго въ Symинъ, прося убрать ненужный ему конвой, который производитъ подобныя безобразія, но такого распоряженія не послѣдовало, амбань отвѣчалъ уклончиво. Тогда, выведенный изъ себя, Пржевальскій объявилъ китайскому офицеру, начальнику отряда, что онъ прикажетъ своимъ солдатамъ стрѣлять въ грабителей, если они не уйдутъ во свояси и только такою крайнею мѣрою отдѣлался отъ стѣснительной, якобы почетной свиты.

Въ виду того, что дальнѣйшій путь на очень долгое время предстоялъ по мѣстностямъ безлюднымъ, необходимо было озаботиться пополненіемъ продовольственныхъ запасовъ. Для этой цѣли отправился въ городъ Донкыръ г. Роборовскій съ переводчиками и нѣсколькими казаками. На пятыя сутки они вернулись, благополучно исполнивъ данное порученіе: закуплена была значительная партія муки, дзамбы, ячменя и проч., и все это отправлено было, подъ конвоемъ одного казака, на наемныхъ верблюдахъ впередъ, въ Цайдамъ къ князю Дзунъ-засаку.

Переваливъ черезъ послѣдній гань-суйскій гребень на высотѣ 11,200 ф., экспедиція безъ особыхъ затрудненій спустилась къ самому берегу озера Куку-нора, на устье р. Балема. Какъ разъ въ день прихода на озеро установилась хорошая, ясная, сухая и теплая погода, и путешественники вдоволь поохотились на антилопъ и хулановъ, которые цѣлыми стадами бродили въ пріозерныхъ степяхъ.

Чтобы завершить съемку береговъ Куку-нора, Николай Михайловичъ направился вдоль сѣвернаго берега озера на западъ.

По обширной степи, поросшей прекрасными кормовыми травами, повсюду паслись огромныя стада мѣстныхъ тангутовъ, но послѣдніе, завидя приближеніе каравана экспедиціи, поспѣшно отгоняли свои стада въ сторону, вѣроятно,—объясняетъ Николай Михайловичъ,—вслѣдствіе различныхъ нелѣпыхъ слуховъ, распускаемыхъ впередъ китайцами. «Послѣдніе, какъ прежде, всюду увѣряли туземцевъ, что истинная цѣль нашего путешествія—отыскиваніе золота и драгоцѣнныхъ

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки... стр. 122.

камней. Глупая толпа, конечно, вѣрила этимъ баснямъ и подозрительно на насъ смотрѣла» *).

При устьѣ Бухайнъ-гола устроили бивуакъ на три дня, по случаю Свѣтлаго праздника. «Христосуясь съ казаками,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—я далъ каждому вмѣсто краснаго яйца по полуимперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ не израсходовавшихся, мы полакомились коньякомъ **) и кое-какими презервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ».

Покинувъ берега озера Куку-нора, изъ широкой долины Бухайнъ-гола караванъ поднялся въ южно-кукунорскія горы и здѣсь остановился на дневку. На высокихъ, нависшихъ скалахъ горные гуси уже устроили свои гнѣзда и высиживали яйца. Возлѣ самки, сидящей на гнѣздѣ, обыкновенно дежуритъ и самецъ; сосѣднія пары иногда дѣлаютъ визиты другъ-другу. Близкимъ присутствіемъ путешественниковъ эти птицы, занятыя своимъ дѣломъ, обыкновенно не стѣснялись, но зато имъ приходилось зорко оберегать свои гнѣзда отъ воровскихъ наклонностей нахальныхъ вдроновъ.

«Однажды, на нашихъ глазахъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—двое этихъ нахаловъ, пользуясь тѣмъ, что гусыня на минуту слетѣла со своего гнѣзда, мигомъ бросились къ нему, схватили въ клювы по яйцу и пустились на уходъ. Замѣтивши покражу, гуси погнались за своими грабителями. Тогда вдроны поспѣшно спрятали уворованныя яйца въ разсѣлинахъ скалъ, а сами улетѣли въ сторону» ***).

Въ ближайшихъ окрестностяхъ горы были обнажены, но вдали, верстъ за десять, на противоположномъ склонѣ долины Цайцза-гола, виднѣлись густыя кустарниковыя поросли.

Отправившись туда съ нѣсколькими спутниками, Николай Михайловичъ наткнулся на громаднаго тибетскаго медвѣдя (ursus lagomyarius). Получивъ нѣсколько пуль, медвѣдь скрылся, хотя несомнѣнно былъ сильно раненъ. Цѣлыхъ три часа послѣ этого охотники безуспѣшно отыскивали его и только подъ конецъ дня, когда, отчаявшись въ успѣхѣ, они готовы были возвратиться на бивуакъ, случайно наткнулись на умирающаго звѣря, залегшаго въ непроходимой чащѣ кустарниковъ, и безъ труда пристрѣлили его. Оказалось, что медвѣдь, вѣроятно, отъ боли и со злости изгрызъ и съѣлъ свою поврежденную пулей лапу и часть другой здоровой.

Вскорѣ послѣ этого караванъ достигъ урочища Дуланъ-кита, гдѣ нашлись знакомые и между прочимъ старинный пріятель Николая Михайловича—тосолакчи, который и теперь еще правилъ кукунорскою областью, такъ какъ новый ванъ, выбранный на мѣсто умершаго прежняго, до сихъ поръ еще не утвержденъ былъ китайскимъ правительствомъ.

*) Тамъ-же.

**) „При путешествіи зимою, на постоянномъ холодѣ,—замѣчаетъ Н. М.,—даже непьющему человѣку по временамъ хочется выпить чего-нибудь спиртнаго“, см. тамъ-же, стр. 131.

***) Тамъ-же, стр. 133.

Въ Дуланъ-китѣ путешественники распрощались со сравнительно роскошными куку-норскими степями. Въ равнинахъ восточнаго Цайдама, куда они теперь вступили, мѣстность имѣла безотрадный, совершенно пустынный характеръ. По сторонамъ дороги потянулись теперь голыя площади лессовой глины или крупной гальки, мѣстами солончаки и сыпучіе пески, поросшіе саксауломъ, котораго путешественники наши не видѣли отъ самой Ала-шаньской пустыни. Повсюду печать мертвенности и почти абсолютнаго безплодія. Общій пейзажъ мѣстности былъ до крайности унылъ и разнообразенъ—всюду сѣро, желто, нѣтъ ни зелени, ни жизни. Какъ нарочно, и погода стояла отвратительная: густая пыль постоянно наполняла атмосферу, почти ежедневно налетали съ запада бури, въ воздухѣ было до крайности сухо; днемъ донимали жары, ночью—морозы.

Утромъ 1-го мая караванъ экспедиціи добрался до хырмы Дзунъ-засакъ. Отсюда, по заранѣе составленному плану, Николай Михайловичъ намѣревался, какъ и въ прежнія свои путешествія, двинуться въ Тибетъ, на восточную его окраину, къ истокамъ Желтой рѣки, и эта хырма должна была послужить опорнымъ базисомъ научныхъ экскурсій по сѣверному Тибету въ различныхъ направленіяхъ.

«Теперь закончился,—говоритъ онъ *),—предварительный, такъ сказать, актъ нашего путешествія. Поперекъ двухъ третей Центральной Азіи протащены были всѣ необходимыя для выполненія главной цѣли средства и запасы. Для этого потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ времени, въ теченіе котораго нами пройдено 2,400 верстъ»...

Намѣреваясь устроить складъ экспедиціоннаго багажа въ хырмѣ, Николай Михайловичъ прежде всего озаботился пріобрѣсти верблюдовъ, такъ какъ всѣ прежніе сильно попортились въ Гань-су и предыдущимъ продолжительнымъ переходомъ, такъ что пускаться на нихъ въ Тибетъ было очень рискованно.

Вторымъ насущнымъ вопросомъ было пріисканіе знающаго проводника на истоки Желтой рѣки, куда онъ предполагалъ прежде всего отправиться.

Обо всемъ этомъ онъ уже давно просилъ сининскаго амбаня, который и обѣщалъ исполнить эту просьбу и съ этою цѣлью послалъ вмѣстѣ съ экспедиціей своихъ двухъ чиновниковъ съ формальнымъ (письменнымъ) приказаніемъ на имя цайдамскихъ князей исполнить эти требованія.

Однако, какъ и всегда, вся эта податливость и любезность была лишь для виду, и несомнѣнно, что одновременно съ этимъ князьямъ было внушено, по возможности противиться всякому требованію путешественниковъ и тормозить всѣми возможными способами ихъ движеніе въ Тибетъ.

Дѣйствительно, лишь только Дзунъ-засакъ пріѣхалъ въ первый разъ на бивуакъ и Николай Михайловичъ изложилъ ему свои требованія, какъ хитрый монголъ тотчасъ же началъ отговариваться неимѣніемъ хорошихъ верблю-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. стр. 137.

довъ и вожаковъ, знающихъ мѣстность въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ. Даже на предложеніе продать полъ-сотни барановъ и немного ячменя для корма лошадей онъ началъ отнѣкиваться...

Становилось ясно, что добромъ съ нимъ ничего не подѣлаешь, а между тѣмъ необходимо было дѣйствовать рѣшительно, такъ какъ Иринчиновъ, посланный въ ставку Курлыкъ-бэйсе, возвратился также почти ни съ чѣмъ и съ трудомъ досталъ тамъ только шесть верблюдовъ, да и то очень плохихъ.

Тогда Николай Михайловичъ хорошенько припугнулъ князька и назначилъ ему четыре дня срока для исполненія предъявленныхъ требованій, обѣщая, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ.

Въ теченіе этихъ четырехъ сутокъ Пржевальскій занимался сортировкою багажа, отбирая, что взять съ собою въ предстоящую экскурсію, и что оставить въ складѣ.

Между тѣмъ Дзунъ-засакъ по обыкновенію вызвалъ къ себѣ сосѣда Барунъ-засака и оба они, вмѣстѣ со своими приближенными, придумывали, какъ-бы выйти изъ затруднительнаго положенія. «Всего криводушнѣе,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—былъ самъ Дзунъ-засакъ—выжига отъ природы, да еще напрактиковавшійся въ различныхъ плутняхъ, проживая на большой караванной дорогѣ тибетскихъ богомольцевъ».

Когда истекъ срокъ ультиматума, то Дзунъ-засакъ привелъ на бивуакъ десятка два никуда не годныхъ верблюдовъ и кучку такихъ-же барановъ. Что-же касается проводника, то относительно этого пункта послѣдовалъ полнѣйшій отказъ: князь заявилъ, что, несмотря на тщательные розыски, онъ не могъ найти рѣшительно ни одного подходящаго человѣка.

Тогда Николай Михайловичъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій посадилъ Дзунъ-засака подъ арестъ въ лагерной палаткѣ и поставилъ къ нему вооруженнаго часового; главный совѣтникъ и помощникъ князя, едва-ли еще не большій негодяй, былъ посаженъ на цѣпь, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить переводчика Абдула, былъ тотчасъ же сильно высѣченъ. Князю Пржевальскій, какъ и въ 1879 г. объявилъ, что если не будетъ доставленъ проводникъ, то онъ потащитъ его самого въ Тибетъ.

Такія мѣры тотчасъ же возымѣли свое дѣйствіе, какъ непосредственно на Дзунъ-засака, такъ и косвенно на его сосѣда Барунъ-засака.

У послѣдняго отыскался проводникъ, а черезъ два дня продано было 14 хорошихъ верблюдовъ и 46 отличныхъ барановъ; наконецъ, закуплено было достаточное количество ячменя и такимъ образомъ теперь не было задержки къ предполагаемой экскурсіи въ Тибетъ.

Барунъ-засакъ, кромѣ того, предложилъ свою хырму для храненія остав-

*) Тамъ-же, стр. 138.

ляемаго багажа; это предложеніе было принято, такъ какъ близъ ставки Баруна оказались хорошія пастбища для верблюдовъ.

Случайно путешественники узнали теперь о существованіи еще одного княжества въ восточномъ Цайдамѣ, которое называется Шанъ, и расположено въ юго-восточномъ углу Цайдамской котловины.

Княжество это, какъ и два другія—владѣнія Барунъ и Дзунъ-засаковъ, чрезвычайно невелико, «точно игрушечное», по выраженію Пржевальскаго. Въ каждомъ изъ нихъ считается не болѣе 300 юртъ, т. е. семействъ. Подати въ княжескую казну поступаютъ натурою: по одному барану и по кругу масла въ годъ съ каждой юрты. Болѣе зажиточнымъ изъ Цайдамскихъ князей является Курлыкъ-бэйсе, у котораго болѣе 500 юртъ подданныхъ, онъ-же состоитъ и старшимъ надъ остальными цайдамскими хошунами (засаками) подъ верховнымъ владычествомъ сининскаго амбаня. Что касается новооткрытаго княжества Шанъ, про которое почему-то въ прежнія путешествія здѣсь Николая Михайловича ему никто не обмолвился ни однимъ словомъ, то оно отъ китайцевъ совсѣмъ не зависитъ, а подчинено тибетскому владыкѣ Далай-ламѣ. Правителемъ здѣсь назначается лама изъ Тибета, который собираетъ подати и однажды въ три года отсылаетъ часть ихъ въ Тибетъ.

8 мая, перекочевавъ во владѣнія Барунъ-засака, путешественники занялись окончательнымъ снаряженіемъ и размѣщеніемъ оставляемаго багажа. Для этой цѣли заняты были въ хырмѣ двѣ наиболѣе просторныхъ мазанки или «конуры», по выраженію Николая Михайловича, гдѣ и расположены были вьюки.

Для охраны багажа и для наблюденія за оставляемыми для поправки верблюдами оставленъ былъ отрядъ изъ шести казаковъ подъ начальствомъ урядника Иринчинова. Двое изъ казаковъ по очереди ежедневно должны были пасти верблюдовъ, а остальнымъ приказано неотлучно находиться при складѣ и на всякій случай постоянно соблюдать всѣ предосторожности.

Для развлеченія отъ скуки казакамъ оставлены были имѣвшіяся въ багажѣ народныя книжки, а также розданы были кое-какія огородныя сѣмена для посѣва овощей. Огородниками казаки вообще оказались плохими, но книжки какъ въ этотъ разъ, такъ и во все время путешествія, во всякую свободную минуту, они читали съ большимъ удовольствіемъ. Нѣкоторые изъ казаковъ, бывшіе раньше безграмотными, даже научились читать за время путешествія.

Хорошо знакомый уже съ мѣстными условіями, Николай Михайловичъ далъ подробныя инструкціи и относительно выкормки верблюдовъ. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня онъ приказалъ казакамъ откочевать отъ хырмы на сѣверный склонъ окраиннаго хребта Бурханъ-Будда, такъ какъ въ Цайдамѣ въ это время оявляются милліарды оводовъ, мошекъ, комаровъ и другихъ кровопійцъ, не дающихъ покоя животнымъ на пастбищахъ. Съ верблюдами должны были отправиться пятеро казаковъ, а остальные двое должны посмѣнно, черезъ 20 дней, оставаться при складѣ.

Остальной экспедиціонный отрядъ въ числѣ 14 человѣкъ и въ сопровожденіи вожака-монгола и одного китайца, командированнаго изъ Синина (остатокъ надѣлавшаго столько хлопотъ почетно-охранительнаго конвоя), знающаго тангутскій и монгольскій языки и потому принятаго въ качествѣ переводчика,—снаряжался въ лѣтнюю экскурсію, продолжительность которой опредѣлялась въ 3—4 мѣсяца.

«Снарядились мы налегкѣ,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—да не совсѣмъ. Имѣя всѣ данныя на недружелюбную и даже враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ, мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на 4-хъ мѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и проч., представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ, въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать 6—7 пудовъ».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На истокахъ Желтой рѣки.

Заманчивая terra incognita.—Китайскія свѣдѣнія о Хуанъ-хэ.—Подъемъ на Тибетское нагорье.—Новая легенда о горахъ Бурханъ-Будда.—Трудный путь.—Одонь-тала.—Бивуакъ на берегу новорожденной великой рѣки.—Жертвенная гора, ежегодныя моленія на ней, то-же на Куку-норѣ.—Восхожденіе на жертвенную гору, великолѣпная панорама.—Злополучная экскурсія.—Неожиданное возвращеніе зимы.

10-го мая караванъ изъ 29 верблюдовъ (26 вьючныхъ, 2 запасныхъ и одного верхового) и 15 верховыхъ лошадей выступилъ изъ хырмы Барунъ-засакъ и направился къ отчетливо виднѣвшейся невдалекѣ гигантской оградѣ Тибетскаго нагорья.

«Въ рѣдкихъ случаяхъ, въ особенности въ наше время,—говоритъ Николай Михайловичъ **),—доводится путешественнику стоять у порога столь обширной невѣдомой площади, какая разстилалась передъ нами изъ юго-восточнаго Цайдама. Прямикомъ отсюда къ западу до меридіана Кэріи и отъ параллели Лобъ-нора до южныхъ частей Тибета залегла мѣстность, гдѣ за исключеніемъ лишь небольшой восточной части, никогда еще не ступала нога европейца. Да и для самихъ китайцевъ страна эта представляетъ полнѣйшую terra incognita. Мало того, даже неприхотливый дикарь обитаетъ здѣсь лишь кое-гдѣ по окраинамъ, ибо громадная абсолютная высота и ужасный климатъ, къ тому же большею частью крайнее безплодіе, дѣлаютъ на этихъ заоблачныхъ нагорьяхъ жизнь

---

*) Тамъ-же, стр. 146.
**) Тамъ-же стр. 142.

невозможною для человѣка. Только стада дикихъ звѣрей, иногда въ баснословномъ обиліи, бродятъ по скуднымъ пастбищамъ и живутъ привольно вдали отъ тѣсноты и безпощадныхъ гоненій культурныхъ странъ.

«Наиболѣе заманчивою, да кстати и ближайшею теперь къ намъ частью невѣдомаго района былъ его сѣверо-восточный уголъ, гдѣ лежатъ истоки знаменитой Желтой рѣки Китая».

Китайцы еще въ глубокой древности пытались изслѣдовать эти истоки. Такъ, во II столѣтіи до Р. Хр. при Ханьской династіи снаряжено было нѣчто въ родѣ ученой экспедиціи, которая производила изслѣдованія, но въ результатѣ ихъ получилось совершенно нелѣпое представленіе, по которому Хуанъ-хэ есть продолженіе рѣки Тарима.

Китайскіе ученые, съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относящіеся къ чужеземной или, вѣрнѣе, европейской наукѣ, быть можетъ, и до сихъ поръ продолжаютъ думать, какъ прежде, что въ западномъ углу Восточнаго Туркестана лежатъ истоки великой китайской рѣки, и воды ея, пройдя черезъ озеро Лобъ-норъ, скрываются подъ землею и просочившись такимъ образомъ подъ пустыней около тысячи верстъ, и поднявшись затѣмъ на страшную высоту, выступаютъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья изъ подъ почвы въ видѣ безчисленнаго множества ключей котловины Одонь-тала.

Дальнѣйшія изслѣдованія истоковъ Хуанъ-хэ производились въ IX в. нашей эры при Таньской династіи, затѣмъ въ XIII в. при династіи Юань и, наконецъ, уже въ прошломъ вѣкѣ при нынѣ царствующей династіи Манчжурской.

Всѣ эти изслѣдованія, въ особенности послѣднія, доставили очень много точныхъ данныхъ, касательно топографіи мѣстности, гдѣ зарождается великая рѣка, но совершенно лишены научной основы и потому нанесеніе пунктовъ на карты всегда являлось лишь приблизительнымъ и далеко не вѣрнымъ. Что же касается стороны физико-географической, а еще болѣе естественно-исторической, то въ этихъ отношеніяхъ источная область рѣки Хуанъ-хэ до послѣдняго тибетскаго путешествія Пржевальскаго оставалась совершенно неизученной.

Правда, всего за три года до описываемаго путешествія Пржевальскаго, черезъ истоки Желтой рѣки прошелъ одинъ изъ пундитовъ *), но онъ исполнилъ свою задачу крайне неудовлетворительно и еще больше, чѣмъ сами китайцы, исказилъ истину.

Хребетъ Бурханъ-Будда, простирающійся въ видѣ сплошного вала на сѣверной окраинѣ Тибета, подымается надъ равнинами Цайдама на 7—7½ тысячъ футовъ.

Хотя подъемъ на сѣверный склонъ со стороны ущелья рѣки Номохунъ-

*) Пундиты—индусы, обученные съемкѣ и производству нѣкоторыхъ научныхъ наблюденій, которыхъ посылаетъ время отъ времени англо-индійское правительство въ Центральную Азію. Путешествуютъ они инкогнито, подъ видомъ богомольцевъ, купцовъ и т. п., въ одиночку.

голъ въ общемъ очень пологій и растянутъ на протяженіи 32 верстъ, но переходъ черезъ перевалъ занялъ цѣлыхъ два дня времени. Восхожденіе совершено было благополучно, хотя съ непривычки вслѣдствіе громадной абсолютной высоты (16,000 фут.), у всѣхъ разболѣлись головы и чувствовалась общая слабость организма. Однако за переваломъ, какъ только высота немного уменьшилась, и организмы слегка попривыкли къ новымъ физическимъ условіямъ — все это скоро прошло.

Цайдамскіе монголы, сопровождавшіе караванъ, сообщили интересную легенду о происхожденіи названія хребта Бурханъ-будда, которая сильно отличается отъ раньше приведеннаго объясненія *), сообщеннаго также мѣстными монголами.

Много лѣтъ тому назадъ, такъ гласитъ эта легенда, Далай-лама послалъ своего батырь-ламу (богатыря) на сѣверъ разыскать двухъ гыгеновъ и оставить одного въ Богдо-курени (Ургѣ), а другого велѣлъ привезти въ Тибетъ. При этомъ онъ строжайшимъ образомъ запретилъ ему во время пути сажать мальчика на землю и велѣлъ все время держать его на рукахъ.

Посланный лама пріѣхалъ сначала на Куку-норъ и созвалъ всѣхъ мѣстныхъ ламъ съ ихъ учениками. Затѣмъ, онъ усадилъ всѣхъ собравшихся рядомъ на землю, и обнаживъ свою саблю, началъ, подходя къ каждому, дѣлать видъ, какъ-будто собирается нанести ударъ въ грудь. У одного юноши ламы при этомъ сильно забилось сердце, и это было указаніемъ на то, что это божій избранникъ.

Распустивъ собраніе, батырь-лама повезъ отысканнаго такимъ образомъ гыгена въ Богдо-курень и водворилъ его тамъ кутухтою.

Послѣ этого въ Монголіи онъ отыскалъ такимъ же образомъ другого гыгена, новорожденнаго мальчика, и повезъ его въ Тибетъ, держа его на рукахъ. Благополучно добрался онъ до Цайдама и вступилъ въ передовыя тибетскія горы, но, здѣсь встрѣтилъ громадное количество дикихъ звѣрей, и будучи страстнымъ охотникомъ, не утерпѣлъ, чтобы не поохотиться на нихъ.

Но такъ какъ гоняться за звѣрями неудобно съ ребенкомъ на рукахъ, то лама дерзнулъ нарушить запрещеніе своего владыки и посадилъ его на камень.

Вдоволь натѣшившись, батырь-лама вернулся къ оставленному мальчику и хотѣлъ снова взять его на руки, но, къ великому своему ужасу, почувствовалъ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать—гыгенъ приросъ къ камню, на которомъ сидѣлъ.

Въ отчаяніи, батырь-лама прибѣгнулъ къ послѣднему средству и отрубивъ саблею верхнюю часть туловища, повезъ въ Лхассу изуродованнаго такимъ образомъ божественнаго избранника. Оставшаяся же часть воплощеннаго божества такъ и осталась окаменѣвшею, и, по увѣренію монголовъ, до сихъ поръ можно видѣть гдѣ-то въ горахъ этого бурхана Будды, откуда и произошло названіе горнаго хребта.

*) См. раньше, т. I, на стр. 349.

Снова Николай Михайловичъ очутился въ совершенно особенномъ мірѣ Тибетскихъ пустынь, и спутники, впервые попавшіе въ эту «звѣриную страну», долго не могли опомниться отъ изумленія, при видѣ безчисленныхъ стадъ антилопъ, хулановъ, дикихъ яковъ и другихъ животныхъ, бродившихъ по равнинамъ; картина первобытной животной жизни развернулась передъ ними во всемъ своемъ дикомъ величіи.

Послѣ долгой трудной зимы, звѣри теперь были исхудалые и по большей части находились въ состояніи линянія, такъ что шкуры ихъ непригодны были для коллекцій. Въ виду этого безполезное истребленіе животныхъ, только ради охотничьей потѣхи, было запрещено.

Абсолютная высота мѣстности въ среднемъ достигала 14,000 фут., и путь въ разрѣженномъ воздухѣ напрямикъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было тропинокъ, кромѣ тропъ, протоптанныхъ дикими звѣрями, по рыхлой глинистой почвѣ, мѣстами изрытой безчисленными норами пищухъ, въ которыя безпрестанно проваливались лошади и верблюды—былъ очень труденъ. Повсюду лежала печать крайняго безплодія, почва по большей части была совершенно оголена, и лишь кое-гдѣ попадались клочками кочковатыя болота—мото-ширики, да изрѣдка торчали былинки тощаго злака...

По ночамъ ежедневно стояли сильные морозы, да и днемъ было довольно холодно, а иногда поднимались свирѣпыя снѣжныя мятели. Болотистая почва успѣла оттаять сверху, не болѣе, какъ на одинъ футъ, на мѣстахъ выхода ключей лежали толстыя накипи зимняго льда, а небольшія озерки еще оставались замерзшими.

За отсутствіемъ топлива, путешественникамъ приходилось постоянно мерзнуть, хуже, чѣмъ только что проведенною зимою въ Монголіи. Ежедневно то у одного, то у другого изъ путниковъ обнаруживались признаки лихорадки, но одинъ или два пріема хинина обыкновенно уничтожали приступы болѣзни.

Поставивъ цѣлью своей экскурсіи истоки Желтой рѣки, Пржевальскій уклонился на этотъ разъ отъ своихъ предыдущихъ маршрутовъ къ востоку, и шелъ прямо на югъ.

Миновавъ высокую столовидную горную вершину Урундуши и пройдя черезъ нагроможденную въ безпорядкѣ невысокую горную группу, караванъ вскорѣ достигъ западной оконечности обширной болотистой котловины Одонь-тала, гдѣ зарождается Хуанъ-хэ.

Желтая рѣка беретъ начало въ обширной (около 150 в. въ окружности) котловинѣ называемой монголами Одонь-тала, у китайцевъ извѣстной подъ именемъ Синъ-с-у-хай, а у тангутовъ Гарматынъ. Всѣ эти три названія имѣютъ почти одно и то-же значеніе: монгольское и тангутское имя означаетъ «звѣздная степь», китайское—«звѣздное море», и происходятъ отъ безчисленнаго множества ключей, бьющихъ изъ подъ земли, которые, если смотрѣть съ высоты, представляютъ нѣкоторое подобіе звѣздъ, разсѣянныхъ на небосклонѣ.

Котловина эта простирается съ сѣверо-запада къ юго-востоку верстъ на 70, а въ ширину имѣетъ около 20 в. Вся эта площадь, бывшая несомнѣнно въ недалекомъ прошломъ дномъ огромнаго озера, покрыта почти сплошь кочковатыми болотами, ключами и небольшими озерками; со всѣхъ сторонъ она окружена невысокими горами, которые оставляютъ выходъ лишь въ сѣверо-восточномъ углу. Большихъ возвышенностей, подымающихся до линіи вѣчныхъ снѣговъ, здѣсь нѣтъ, онѣ являются значительно дальше, внизъ по теченію рѣки.

Съ окружающихъ высотъ повсюду стекаетъ масса небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ, которые всѣ вмѣстѣ съ истоками озеръ, болотъ и ключей собираются въ два главныхъ потока, которые сливаются у сѣверо-восточнаго пролома возвышенной ограды и образуютъ Желтую рѣку, называемую въ этомъ мѣстѣ Сал о м à, которая вскорѣ проходитъ черезъ два большихъ озера.

Въ самомъ верхнемъ теченіи, до впаденія въ первое озеро, рѣка раздѣляется на нѣсколько (3—5) рукавовъ, которые проходятъ невдалекѣ другъ отъ друга, то расходясь, то снова соединяясь.

Еще утромъ 17-го мая, т. е. черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Цайдама, караванъ экспедиціи перешелъ вбродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ, и путешественники разбили свой бивуакъ на правомъ берегу ея, въ трехъ верстахъ ниже выхода ея изъ Одонь-тала.

«Такимъ образомъ,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—давнишніе наши стремленія увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: мы видѣли теперь воочію таинственную колыбель великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не было конца»... Къ довершенію наслажденія и погода выдалась, какъ нарочно, довольно хорошая, хотя по ночамъ по прежнему продолжали стоять порядочные (до—9,6°) морозы. Хуанъ-хэ была уже свободна отъ зимняго льда и замерзала лишь ночью въ мелкихъ рукавахъ.

Рыбы въ рѣкѣ было такъ много, что она безпрестанно плескалась а многочисленныя чайки безъ труда вытаскивали себѣ добычу, которую, впрочемъ, у нихъ очень часто отнимали крылатые разбойники—орланы.

Сейчасъ-же по приходѣ устроили рыболовство, которое дало баснословные результаты: небольшимъ бреднемъ въ омуткахъ, длиною не болѣе 15—25 шаговъ, вытаскивали заразъ пудовъ по шести, восьми и даже десяти рыбы! При вытаскиваніи бредня на берегъ, рыба съ такою силою металась, что чуть не сбивала съ ногъ вошедшихъ въ воду казаковъ.

Вблизи бивуака возвышалась сравнительно небольшая (на 700—800 фут., подымающаяся надъ окрестностью) гора, составляющая уголъ небольшого хребта, который ограничиваетъ Одонь-тала съ сѣвера.

Гора эта оказалась весьма замѣчательной. Здѣсь ежегодно совершается торжественное религіозное жертвоприношеніе духамъ, питающимъ истоки великой китайской рѣки.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. стр. 158.

Для этой цѣли изъ г. Синина губернаторомъ снаряжается цѣлая экспедиція подъ начальствомъ важнаго чиновника (въ рангѣ генерала) съ большою свитою. Они пріѣзжають въ Цайдамъ, забирають мѣстныхъ монгольскихъ князей или ихъ представителей и вся эта огромная процессія отправляется въ 7-мъ мѣсяцѣ, т. е. въ концѣ нашего іюня, на Одонь-тала, а къ этому же времени сюда стекается масса монголовъ и тангутовъ.

Въ назначенный день торжественная процессія всходитъ на эту гору, становится возлѣ «обо», которое сложено тамъ уже съ незапамятныхъ временъ, и главный жрецъ читаетъ молитву, присланную изъ Пекина, написанную на желтой бумагѣ и за личною подписью богдо-хана, въ которой духи Одонь-тала упрашиваются давать воду Желтой рѣкѣ, питающей сотни милліоновъ населенія Китая.

Послѣ этого приносится жертва: бѣлая лошадь, бѣлая корова, девять бѣлыхъ барановъ, три свиньи *) и нѣсколько бѣлыхъ же курицъ.

Самый актъ жертвоприношенія, впрочемъ, ограничивается у практичныхъ китайцевъ только заклинаніями и посвященіями, а затѣмъ всѣ эти животныя закалываются и собравшіеся богомольцы заканчиваютъ церемонію пиршествомъ.

На Одонь-тала посольство проводитъ двое или трое сутокъ, а затѣмъ возвращается. На устройство церемоніи и на путевыя издержки пекинское правительство ежегодно ассигнуетъ 1,300 ланъ серебра.

Изъ разсказовъ туземцевъ, сличенныхъ между собою и провѣренныхъ критикой, оказывается, что одновременно съ вышеописанной церемоніей, подобное же общественное моленіе происходитъ и на озерѣ Куку-норѣ, которое установлено какъ гласитъ преданіе, по слѣдующему поводу.

Въ началѣ прошлаго столѣтія китайскій богдо-ханъ Канъ-си послалъ своего дядю съ приличнымъ конвоемъ въ Тибетъ для изученія и составленія описанія этой страны.

Благополучно выполнивъ данное порученіе, дядя императора отправился въ обратный путь черезъ Сы-чуань, но здѣсь подвергнулся нападенію непокорныхъ тангутовъ и погибъ.

Въ ту же ночь дядя явился во снѣ императору и объяснилъ ему, что онъ выполнилъ данное порученіе, но убитъ разбойниками.

Канъ-си хотя и опечалился этимъ видѣніемъ, но не на столько сильно, какъ бы слѣдовало при потерѣ столь близкаго родственника.

Тогда явилось новое знаменіе—вся правая половина его трона вдругъ потемнѣла и оставалась въ такомъ состояніи цѣлыхъ три дня. Принявъ это за выраженіе гнѣва божества, по случаю столь легкомысленнаго отношенія къ несчастью, Канъ-си началъ приносить очистительныя и умилостивительныя жертвы и кромѣ того повелѣлъ ежегодно два раза—въ 3-мъ и 7-мъ мѣсяцѣ—произво-

*) Послѣднія привозятся тушами, такъ какъ доставить свиней живыми въ столь отдаленную и ужасную по своимъ физическимъ условіямъ мѣстность—оказывается невозможнымъ.

дить торжественныя моленія за покойника въ той самой странѣ, гдѣ погибъ несчастный дядя. При жизни этого императора торжественныя церемоніи жертвоприношенія дѣйствительно совершались на озерѣ Куку-норѣ, но впослѣдствіи первое моленіе—3-го мѣсяца, стало производиться въ самомъ Сининѣ, у западныхъ городскихъ воротъ, но второе по прежнему съ большою торжественностью совершается въ окрестностяхъ озера, въ кумирнѣ Хой-танъ-цза.

На эту церемонію пріѣзжаетъ самъ сининскій амбань въ сопровожденіи Куку-норскихъ князей и монгольскихъ правителей мѣстности къ югу отъ Желтой рѣки. Въ процессіи несется желтое знамя съ драконами, присылаемое изъ Пекина, и читается присланная отъ богдо-хана за его собственноручною подписью молитва, написанная на желтой шелковой ткани, въ которой богъ воды Хэ-лунъ-ванъ упрашивается помогать убитому дядѣ Канъ-си. Молитва эта по прочтеніи сожигается, а затѣмъ приносятся въ жертву (подобнымъ вышеописанному образомъ): двѣ бѣлыхъ коровы, четыре свиньи и двѣнадцать бѣлыхъ барановъ; но кромѣ этого государственнаго жертвоприношенія монгольскія князья, участвующіе въ мистеріи, дѣлаютъ и собственныя приношенія.

Это празднество для монгольскихъ князей является чрезвычайно важнымъ, такъ какъ здѣсь же имъ выдаются и всѣ слѣдующія по заслугамъ награды отъ богдо-хана.

Почти что у подножія священной жертвенной горы разбилъ теперь свой бивуакъ Николай Михайловичъ.

Предварительныя экскурсіи вверхъ и внизъ по теченію рѣки и устройство лагеря заняли весь остатокъ дня, такъ что ни Пржевальскій, ни кто-либо изъ его спутниковъ не успѣли посѣтить интересной горы, съ которой, несомнѣнно, долженъ быть видъ на широкій горизонтъ. Туда ходилъ только монголъ-проводникъ, но онъ по возвращеніи объявилъ, что «ничего не видно».

На слѣдующій день подъ вечеръ Николай Михайловичъ, въ сопровожденіи Роборовскаго, взошелъ на жертвенную гору, и съ вершины ея передъ ними раскинулась обширная панорама. Къ западу, какъ на ладони, видна была вся котловина Одоль-тала, усѣянная безчисленными ключевыми озерками, ярко блестѣвшими подъ лучами заходящаго солнца; къ востоку широкою гладью уходила болотистая долина Желтой рѣки, а за нею раскинулась на необозримое пространство зеркальная поверхность огромнаго озера... Сомнѣнія болѣе не было—экспедиція находилась на самыхъ истокахъ Хуанъ-хэ.

Около часа провели наши путешественники на вершинѣ горы, любуясь величественною панорамою, разстилавшуюся у ихъ ногъ, стараясь запечатлѣть ее въ своей памяти въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Ихъ интересовалъ еще вопросъ, какія побужденія были у монгола-проводника, такъ нагло обманывать; думалъ-ли онъ, что путешественники повѣрятъ ему и направятся за своими поисками въ другое мѣсто?

По возвращеніи Пржевальскаго на бивуакъ, монголъ былъ подвергнутъ строгому

допросу, но ловкій плутъ началъ клятвенно увѣрять, что на большой высотѣ у него «застилаетъ глаза» и поэтому онъ рѣшительно ничего не могъ разсмотрѣть вдали.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что какъ китайцы, такъ и монголы, конечно, по наущенію свыше, раньше всегда увѣряли, что никто рѣшительно не знаетъ дороги въ область истоковъ Желтой рѣки, хотя, какъ это очевидно изъ предыдущаго разсказа о ежегодныхъ торжественныхъ празднествахъ на жертвенной горѣ, путь туда долженъ быть хорошо знакомъ чуть не каждому жителю Цайдама, Кукунора и сининской области.

Къ обслѣдованію источной области Хуанъ-хэ приступили безъ проволочекъ.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ, самъ Николай Михайловичъ съ двумя казаками отправился въ экскурсію. Намѣреваясь проѣхать по дальше по берегу видѣннаго озера, онъ захватилъ съ собою провизіи на трое сутокъ, а также запасся и теплыми шубами на всякій случай, такъ какъ погода въ Тибетѣ чрезвычайно капризна что и не замедлило подтвердиться...

Всѣми этими припасами навьючена была одна изъ лошадей. Погода стояла прекрасная, настоящая майская. До полудня успѣли сдѣлать 17 верстъ вдоль лѣваго берега Желтой рѣки и встрѣтивъ прекрасную лужайку, устроили здѣсь привалъ.

«Живо разсѣдланы были лошади, стреножены и пущены на траву; сами же мы собрали немного аргала, вскипятили на немъ чай и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо закусили привезенною бараниною. Затѣмъ, пока кормились лошади, двое изъ насъ задремали, а третій остался на караулѣ».

Лишь только вздремнули утомленные путники, какъ караульный разбудилъ ихъ и указалъ на двухъ огромныхъ медвѣдей, спокойно прогуливающихся не въ далекѣ отъ мѣста привала.

«Сонъ мой,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—какъ рукой сняло. Живо забросилъ я на плечи свой штуцеръ—express и вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ отправился къ заманчивымъ звѣрямъ».

Съ пріемами истыхъ охотниковъ стали они подкрадываться и вскорѣ увидѣли, что тамъ не два, а цѣлыхъ четыре медвѣдя; не долго думая, они открыли по нимъ убійственную пальбу. Черезъ нѣсколько мгновеній два великана лежали уже мертвыми, а остальные пустились уходить, но съ испугу набѣжали прямо на бивуакъ, гдѣ оставшійся казакъ уложилъ еще одного косолапаго мишку, и только четвертый благополучно успѣлъ скрыться. Такимъ образомъ въ нѣсколько минутъ были добыты три прекрасныхъ шкуры для коллекціи.

Возня со сдираніемъ этихъ шкуръ задержала счастливыхъ охотниковъ на столько, что, когда работа эта была окончена, то солнце стало уже садиться и слѣдовательно о продолженіи пути нечего было и думать, Пришлось остаться здѣсь же и на ночлегъ, и, какъ оказалось, къ счастью...

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 159.

Едва начало темнѣть, какъ вдругъ погода рѣзко измѣнилась: сначала налетѣлъ страшный ураганъ, поднялась гроза, а затѣмъ въ воздухѣ вдругъ сильно похолоднѣло, и дождь перешелъ въ свирѣпый снѣжный буранъ, который не унимался всю ночь.

Къ утру путники не узнавали мѣстности: снѣгу навалило на цѣлый футъ, а мѣстами нанесло глубокіе сугробы.

«Я спалъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *), на войлокѣ, въ ложбинкѣ, и меня совершенно занесло снѣгомъ. Подъ такою покрышкою было тепло, хотя и не совсѣмъ пріятно, когда таявшій отъ дыханія снѣгъ начиналъ пускать капли воды подъ бокъ, иногда и за шею. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они поочередно караулили и сильно мерзли.

«Съ разсвѣтомъ едва-едва могли мы развести огонь изъ запасеннаго съ вечера аргала; напившись чаю, немного согрѣлись. Затѣмъ остались на томъ же мѣстѣ ждать, пока уймется мятель и можно будетъ съ ближайшихъ горъ осмотрѣть и засѣчь буссолью, по крайней мѣрѣ ближайшія части озера.

«Однако, мятель не унималась, а наши лошади, простоявъ на холодѣ безъ корма цѣлую ночь, сильно озябли. Поэтому въ 9 часовъ утра рѣшено было ѣхать обратно.

«Но не на радость былъ для насъ этотъ путь. Бѣдствовали мы еще цѣлыхъ пять часовъ: верховыя лошади безпрестанно спотыкались, идя по глубокому снѣгу, прикрывшему безчисленныя норы пищухъ; по временамъ мы заѣзжали въ топкія болота, изъ которыхъ назадъ едва выбирались; рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ со снѣгомъ билъ прямо въ лицо, самый же снѣгъ блестѣлъ нестерпимо; направленіе пути приходилось угадывать чутьемъ, ибо по сторонамъ ничего не было видно.

«Порядочно измученные вернулись мы лишь къ двумъ часамъ пополудни къ своей стоянкѣ. Здѣсь обогрѣлись и обсушились. Только нѣсколько дней потомъ у меня и у обоихъ казаковъ болѣли глаза отъ нестерпимаго снѣжнаго блеска».

Мятель стихла лишь къ вечеру; затѣмъ небо разъяснилось, и къ утру грянулъ морозъ въ 23°! На горахъ же, вѣроятно, еще болѣе. И это случилось,—прибавляетъ Николай Михайловичъ, 20 мая подъ 35° с. ш. Весьма краснорѣчивый фактъ для характеристики климата тибетскаго нагорья!

«Весь слѣдующій день зима вокругъ насъ была полная—все бѣло, ни одной проталины, санный путь отличный. Лишь къ вечеру снѣгъ немного стаялъ на южныхъ склонахъ горъ.

«Идти впередъ нечего было и думать, пока не сойдетъ снѣгъ, по крайней мѣрѣ хоть въ долинахъ».

Между тѣмъ караванныя животныя уже двое сутокъ оставались безъ корма. Верблюды совсѣмъ постились, а лошадямъ для поддержанія давали по три при-

*) Тамъ-же, стр. 160.

горшни ячменя. Тяжелое время наступало и для дикихъ животныхъ. Антилопы оронго съ трудомъ могли бѣгать по снѣгу, безпрестанно проваливаясь; такъ какъ слегка обледенѣлая за ночь поверхность не выдерживала ихъ тяжести и [illegible]лько до крови рѣзала имъ ноги. Не будучи такимъ образомъ въ состояніи полагаться на свои быстрыя ноги, они легко становились добычею волковъ и другихъ хищниковъ.

Отъ холода и недостатка пищи погибали также массами птицы, особенно мелкія пташки.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Экскурсія къ Голубой рѣкѣ. Борьба съ туземцами-дикарями.

Изнурительный путь къ югу.—Водораздѣлъ двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ, измѣненіе характера мѣстности.—Первыя сношенія съ туземцами.—Предостереженіе пріятеля.—Проводникъ—бывшій герой.—Ды-чю.—Первое нападеніе изъ засады.—Рѣшеніе возвратиться къ истокамъ Желтой рѣки.—Опасное приключеніе съ В. И. Роборовскимъ.—Путь по Джагынъ-голу.—Трудная служба казаковъ.—Источныя озера Хуанъ-хэ.—Разъѣздъ, къ счастью, неудачный.—Нападеніе тангутовъ и удачное ихъ отраженіе.—Новое нападеніе туземцевъ-голыковъ.—Военная хитрость Пржевальскаго.—Штурмъ тангутскихъ позицій.—Тревожная ночь.—Заключительныя изслѣдованія, возвращеніе къ складу.—Обиліе золота.—Встрѣча съ казаками, оставленными при складѣ, продолжительная стоянка.—Снаряженіе въ дальнѣйшій путь.—Письма на родину.

Еще двое сутокъ провели путешественники на прежнемъ мѣстѣ въ тщетномъ ожиданіи, что погода перемѣнится къ лучшему. Тогда Николай Михайловичъ рѣшилъ на время оставить изслѣдованіе озеръ Хуанъ-хэ и двинулся дальше къ югу разсчитывая произвести изслѣдованія на обратномъ пути, а пока намѣревался посѣтить область промежуточную между бассейномъ Желтой и Голубой рѣкъ.

Путь былъ до крайности затруднителенъ. Корма для животныхъ по прежнему нигдѣ не находилось, хотя на болѣе высокихъ мѣстностяхъ и не было сплошного снѣжнаго покрова; только изрѣдка попадалась общипанная до корня прошлогодняя осока, твердая, какъ проволока. Ледяная кора, которая образовывалась регулярно каждую ночь на болотахъ, проламываясь, рѣзала въ кровь ноги лошадямъ и верблюдамъ, а какъ только ледъ растаивалъ, приходилось на каждомъ почти шагу вязнуть въ топкихъ болотахъ.

Ползти приходилось по черепашьи, безпрестанно поправляя вьюки или подымая упавшихъ животныхъ.

Отъ дурной дороги и отъ истощенія двое верблюдовъ и одна лошадь вскорѣ совершенно выбились изъ силъ и были брошены; имѣлись и другіе кандидаты на подобную же участь.

Огромная абсолютная высота и холодная дурная погода подрывали силы и

самихъ путешественниковъ, сказываясь постоянною головною болью и общимъ болѣзненнымъ состоянiемъ. У многихъ казаковъ на лицѣ появилась какая-то особенная сыпь, которую прижигали растворомъ карболовой кислоты, а внутрь почти всѣ постоянно принимали хининъ.

Семь сутокъ пробились путешественники такимъ образомъ и, наконецъ, перевалили черезъ водораздѣльную возвышенность двухъ великихъ китайскихъ рѣкъ: Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзяна. Погода по прежнему все держалась отвратительная; солнце показывалось изъ-за темныхъ тучъ только урывками, все время шелъ дождь или снѣгъ, постоянно дули вѣтры.

Тотчасъ за водораздѣломъ характеръ мѣстности измѣнился: вмѣсто утомительно однообразнаго тибетскаго плато, явилась дикая альпiйская страна. Появились высокiя горы, подымающiяся выше линiи вѣчныхъ снѣговъ, и въ промежуткахъ между ними врѣзались глубокiя долины и дикiя ущелья, по которымъ струятся быстрыя горныя рѣчки. Растительная жизнь здѣсь нѣсколько болѣе разнообразна и обильна; по склонамъ горъ и по долинамъ являются даже густыя заросли кустарниковъ: лозняка, таволги, жимолости, можжеveловаго дерева, барбариса, а иногда и смородины. Въ верхнемъ поясѣ альпiйскiе луга имѣли менѣе безотрадный видъ.

Измѣнился и животный мiръ. Здѣсь появились кабарги, маралы, куку-яманы, лисицы, рыси, барсы; обильное пернатое царство: жаворонки, вьюрки, дрозды, синицы, ласточки, сороки, коршуны, вороны, куропатки и др.; попадались также ящерицы, змѣи, лягушки. Зато дикiе яки и хуланы совершенно исчезли.

Абсолютная высота уменьшалась только на тысячу футовъ, но всѣ путешественники и караванныя животныя почувствовали себя замѣтно лучше.

Идти теперь пришлось совершенно наугадъ, такъ какъ проводникъ не зналъ мѣстности. Черезъ 14 верстъ пути вдоль лѣваго берега р. Дао-чю пришлось остановиться, такъ какъ рѣчка эта впадала въ другую, гораздо большую; черезъ нее переправились съ большимъ трудомъ, а далѣе оказались такiя тѣснины, что пройти, не зная дороги, было невозможно.

Проводникъ-переводчикъ китаецъ, вмѣстѣ съ Абдуломъ, посланы были впередъ, чтобы разыскать становище мѣстныхъ тангутовъ и попытаться добыть у нихъ проводника.

Посланные вернулись на слѣдующiй день въ сопровожденiи цѣлой партiи конныхъ тангутовъ, человѣкъ въ двадцать, вмѣстѣ съ ихъ старшиною.

Сначала эти всадники, прирожденные разбойники, вели себя довольно нахально, но увидя, что со стороны невиданныхъ пришлецовъ поблажки не будетъ и замѣтивъ убiйственное дѣйствiе скорострѣльнаго дальнобойнаго оружiя, сочли за лучшее держать себя болѣе привѣтливо.

Въ сопровожденiи этой банды караванъ двинулся по указываемой ими дорогѣ внизъ по рѣкѣ Бы-чю (или Бё-чю—«рѣка букашекъ»; на берегахъ этой рѣки дѣйствительно встрѣтилось очень много разнообразныхъ насѣкомыхъ).

Отношенія съ тангутами постепенно все улучшались, такъ что они стали приводить на продажу барановъ, продали нѣсколько лошадей и сарлочьяго масла.

Особенно хорошо сошлись со старшиною, послѣ того какъ угостили его спиртомъ.

Однако, на разспросы про страну онъ отвѣчалъ по большей части уклончиво и сообщилъ только, что на верблюдахъ перебраться на другую сторону Ды-чю будетъ невозможно.

Эту горькую истину путешественники впрочемъ и сами уже давно предугадывали, видя, какъ трудно переправляться даже черезъ небольшія здѣшнія рѣчки. Вообще здѣсь на верблюдахъ никто не ходитъ; многіе тангуты даже никогда не видѣли этихъ животныхъ и брали верблюжій аргалъ, чтобы показать такую диковину своимъ домочадцамъ и сосѣдямъ.

Въ сношеніяхъ съ тангутами противъ обыкновенія оказалъ путешественникамъ большія услуги китаецъ-переводчикъ.

При нелицемѣрномъ желаніи услужить, онъ обладалъ еще порядочными знаніями страны и въ особенности хорошо зналъ языкъ и обычаи туземныхъ тангутовъ, такъ какъ въ молодости провелъ цѣлыхъ девять лѣтъ въ этой странѣ. Что же касается монгола проводника, взятаго изъ Цайдама, который также зналъ тангутскій языкъ, то онъ оказался большимъ плутомъ и кромѣ того ничего не зналъ; поэтому Николай Михайловичъ разсчиталъ его и отправилъ обратно.

Пріятель тангутскій старшина вскорѣ возвратился домой, и оставилъ въ качествѣ вожака своего родственника, управителя сосѣдняго хошуна.

При прощаніи онъ посовѣтовалъ по секрету «быть осторожными на всякій случай».

Съ новымъ вожакомъ очень скоро также установились пріятельскія отношенія. Въ молодости онъ былъ славный воинъ и необыкновенно отважный охотникъ. «Удалой я былъ безъ конца,—разсказывалъ онъ въ часы досуга,—бывало, одинъ кидался на сотни враговъ». Какъ страстный охотникъ, онъ не разъ бывалъ въ очень опасныхъ положеніяхъ.

Однажды раненый якъ бросился на отважнаго охотника и однимъ рогомъ прокололъ ему животъ. «Я схватилъ, — разсказывалъ старикъ, — этого яка за другой рогъ и саблею перерѣзалъ ему горло». Товарищи подняли раненаго и отвезли домой. Здѣсь страшную рану зашили шерстяными нитками, и благодаря крѣпости организаціи больной выздоровѣлъ, хотя постоянно уже послѣ того чувствовалъ слабость и почти не владѣлъ ногами, но ѣздить верхомъ все-таки пріучился.

Съ этимъ провожатымъ путешественники пробирались по дикимъ горнымъ ущельямъ все дальше на югъ, безпрестанно переправляясь вбродъ черезъ быстрыя горныя рѣчки и 10-го іюня вышли на берегъ Ды-чю, составляющей верховье гигантской Голубой рѣки.

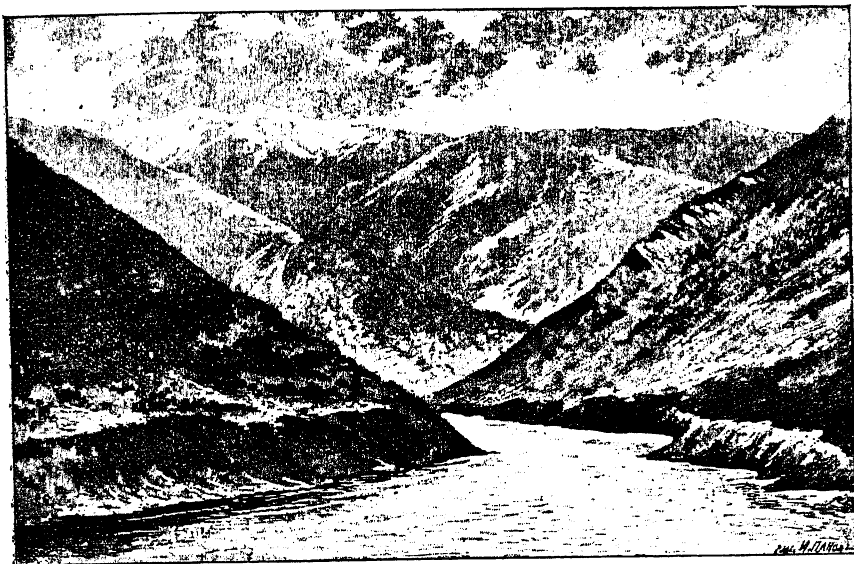
Бивуакъ расположили на прекрасной лужайкѣ подъ нависшими скалами въ полу-верстѣ отъ берега рѣки.

Лишь только окончена была установка юрты и палатки, Николай Михайловичъ съ Роборовскимъ отправился на рѣку.

Сдѣлавъ главныя засѣчки буссолью и измѣривъ температуру рѣки, они спокойно усѣлись на большомъ камнѣ и предались созерцанію чуднаго вида ущелья, лежащаго нѣсколько внизъ по теченію...

Вдругъ изъ-за скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ и пуля ударила въ песокъ, почти у самаго камня и обдала пылью сидѣвшихъ на немъ.

Созерцательное настроеніе мигомъ исчезло. Пржевальскій и его товарищъ вскочили и схватились за свои ружья. Никого не было видно и они сначала не

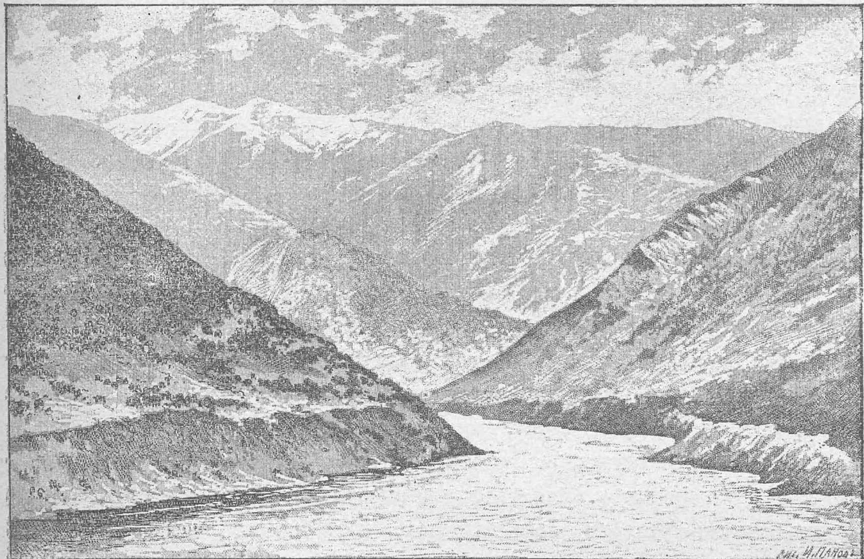

Рѣка Ды-чю.

могли понять, въ чемъ дѣло, но послѣдовавшіе за этимъ еще два выстрѣла, направленные довольно мѣтко прямо въ нихъ, не оставляли сомнѣнія, что то было нападеніе враговъ, спрятавшихся за выступами скалъ. Еще черезъ нѣсколько минутъ показались, наконецъ, и самые стрѣлки, перебѣгавшіе отъ одной скалы къ другой. Конечно, Николай Михайловичъ со своимъ товарищемъ не преминули пустить въ нихъ съ десятокъ пуль, но каковъ былъ результатъ этой пальбы, замѣтить было нельзя.

«Случай этотъ,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на сторожѣ. Поэтому, прежде всего мы перенесли свой бивуакъ изъ-подъ скалъ, откуда тан-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. стр, 177.

Рѣка Ды-чю.

гуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто, ночной караулъ былъ усиленъ, да при томъ всѣ спали не раздѣваясь и съ оружіемъ на готовѣ; увеличено было также число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности».

Однако, близкая опасность не помѣшала научнымъ занятіямъ. Ежедневно производились научныя экскурсіи, только съ усиленнымъ составомъ, казаки занимались въ свободное время рыболовствомъ и вообще жизнь потекла обычнымъ чередомъ. Мѣсто выдалось прекрасное, обильное кормомъ, такъ что экспедиціонныя животныя начали быстро поправляться отъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній.

Погода установилась довольно теплая, только постоянная сырость мѣшала просушиванію собираемыхъ въ изобиліи коллекцій.

Сначала изъ туземцевъ никого не было видно, и черныя палатки, видѣнныя раньше на противоположномъ берегу, куда-то исчезли. Однако, на третій день въ лагерь путешественниковъ пріѣхалъ лама изъ ближайшей кумирни Джоу-дунъ, который объяснилъ, что тангуты стрѣляли по ошибкѣ, принявъ путешественниковъ за разбойниковъ, которыхъ будто-бы много въ здѣшней мѣстности.

Въ отвѣтъ на это Николай Михайловичъ приказалъ передать этому ламѣ, что если такая «ошибка» повторится, то она не дешево обойдется нападающимъ. Послѣ этого сношенія съ туземцами нѣсколько возстановились, и изъ той же кумирни стали часто приходить ламы.

Желая переправиться на противоположный берегъ рѣки, Пржевальскій старался разузнать, нѣтъ-ли у мѣстныхъ жителей какихъ-нибудь средствъ переправы. Ему привезли оригинальную лодку, устроенную изъ деревянныхъ ободовъ, коекакъ скрѣпленныхъ между собою, и весь этотъ остовъ былъ обтянутъ снаружи невыдѣланными шкурами яковъ. Это единственныя суда, употребляемыя туземцами, на которыхъ они переправляютъ свои пожитки и мелкій скотъ. Конечно, о переправѣ верблюдовъ на такой лодкѣ нечего было и думать, а переправлять ихъ вплавь было рисковано, а между тѣмъ съ потерею верблюдовъ, или даже хоть части ихъ, экспедиція очутилась бы въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ другихъ вьючныхъ животныхъ нельзя было разсчитывать пріобрѣсти у туземцевъ.

Сообразивъ все это, Николай Михайловичъ рѣшилъ повернуть назадъ и заняться изслѣдованіемъ истоковъ Желтой рѣки.

18-го іюня лагерь на берегу Ды-чю былъ снятъ и караванъ направился прежнимъ путемъ на сѣверъ. Погода была гораздо теплѣе, чѣмъ прежде, и сборъ ботаническихъ коллекцій было довольно обиленъ. На берегу Бы-чю устроена была дневка у подножія огромной скалистой горы. Громадныя отвѣсныя скалы, вѣнчающія ея вершину, гордо подымались въ вышину; отъ нихъ внизъ широкими полосами сбѣгали каменныя осыпи; кое-гдѣ небольшими площадками являлись скудныя лужайки, а на противоположномъ скатѣ долины виднѣлись прекрасные луга. Вокругъ на большое пространство не было больше ни одной возвышенности и, быть можетъ, именно потому на этой горѣ множество куку-ямановъ, грифовъ,

уларовъ и др. дичи нашли здѣсь себѣ привольное убѣжище, тѣмъ болѣе, что самая гора считается у туземцевъ священною.

Еще въ первое посѣщеніе этой мѣстности, на пути къ Ды-чю, здѣсь замѣчено было множество куку-ямановъ, за которыми теперь и рѣшено было хорошенько поохотиться.

Послѣ пріятно проведенной дневки на Бы-чю, караванъ двинулся дальше по чрезвычайно плохой дорогѣ, такъ что за четверо сутокъ едва «проползли» 23 версты. Затрудненія представляли, кромѣ безпрестанныхъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, еще частыя переправы черезъ горныя рѣчки, которыя отъ частыхъ дождей всѣ надулись и быстро струились по дикимъ каменистымъ ущельямъ.

При одной подобной переправѣ чуть было не погибъ одинъ изъ товарищей Николая Михайловича, Всеволодъ Ивановичъ Роборовскій. Вотъ какъ это произошло.

Переправа предстояла черезъ рѣчку Дао-чю. Расположившись на ночлегъ, а самомъ ея берегу, путешественники занялись отысканіемъ удобнаго брода. Къ утру вода немного спала и казаки нашли бродъ глубиною немного болѣе трехъ футовъ при ширинѣ русла въ 15 саж. Теченіе было бурное, а дно усѣяно мелкими и крупными камнями. Однако верблюды и лошади благополучно переправились на другой берегъ и оставалось переправить только барановъ.

Когда послѣднихъ вогнали конные казаки въ воду, то на срединѣ ихъ понесло быстрымъ теченіемъ. Желая ихъ перехватить, В. И. Роборовскій и нѣсколько казаковъ бросились имъ на перерѣзъ.

Но лишь только лошадь Роборовскаго приблизилась къ безпомощно барахтающемуся въ пучинѣ стаду, какъ два барана со всего размаху ударили въ ея бокъ рогами съ такою силой, что лошадь вмѣстѣ со всадникомъ опрокинулась въ воду; на мгновеніе оба тѣла скрылись подъ водой, а когда показались на поверхности, то уже значительно дальше: быстрое теченіе уносило ихъ, не давая возможности оправиться. Къ счастью, Роборовскій успѣлъ высвободить ноги изъ стремянъ, не то онъ захлебнулся бы навѣрное. Лошадь вскорѣ справилась съ теченіемъ и вышла на берегъ, но несчастный Роборовскій, которому переброшенная черезъ плечо винтовка мѣшала дѣйствовать руками, безпомощно барахтался въ пучинѣ и стремглавъ летѣлъ внизъ по теченію. Раза два-три онъ даже скрывался съ головою, но снова показывался, стараясь уцѣпиться за крупные валуны, разсѣянные на днѣ. Казаки, которые были на берегу, пытались броситься къ нему на помощь, но испуганныя лошади артачились и не хотѣли идти въ воду.

Между тѣмъ, г. Роборовскій съ величайшими усиліями успѣлъ немного приблизиться къ берегу; тогда одинъ изъ казаковъ соскочилъ съ лошади, прыгнулъ въ воду и добравшись до утопающаго, помогъ ему выбраться на берегъ.

Всеволодъ Ивановичъ немного передохнулъ, затѣмъ опять сѣлъ на лошадь и прежнимъ бродомъ благополучно переправился. Здѣсь онъ переодѣлся и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ дальнѣйшій путь съ караваномъ. Отдѣлался онъ благополучно и только получилъ сильный ушибъ колѣна.

«Такъ въ путешествіи, подобномъ нашему,—замѣчаетъ по этому поводу Николай Михайловичъ,—бѣда можетъ грянуть во всякую минуту нежданно-негаданно» *)...

Утромъ 3-го іюня экспедиція перевалила черезъ водораздѣльную возвышенность Желтой и Голубой рѣкъ и очутилась снова на тибетскомъ плато.

Здѣсь мало что напоминало лѣтнюю пору, трава на мото-ширикахъ едва отрасла на одинъ дюймъ, дождь нерѣдко переходилъ въ снѣгъ, по ночамъ порядочно морозило. Постоянные дожди и снѣгъ до такой степени размягчили глинистую почву, что образовалось почти сплошное болото; всѣ озерки ключи мото-шириковъ сильно разлились. Къ тому-же рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ вскорѣ перешелъ въ настоящую зимнюю мятель и крупные хлопья снѣга слѣпили глаза, не давая возможности разглядѣть что-нибудь по сторонамъ даже, на небольшомъ пространствѣ. Холодный вѣтеръ пронизывалъ до костей не только путниковъ, но даже и закаленныхъ сыновъ пустыни—верблюдовъ, которые теперь какъ разъ линяли. Съ великимъ трудомъ они тащились по топкой грязи, безпрестанно спотыкаясь и падая. Чуть не на каждомъ шагу приходилось ихъ развьючивать и вытаскивать изъ трясины; намокшія сѣдла и вьюки сдѣлались гораздо тяжелѣе, и верблюды окончательно выбивались изъ силъ.

Едва-едва такимъ образомъ путешественники сдѣлали за день 15 верстъ и дотащились позднимъ вечеромъ до рѣки Д ж а г ы н ъ-г о л а, гдѣ и расположились на ночлегъ. Намокшій аргалъ, несмотря на усиленное раздуваніе мѣхомъ, не разгорался, такъ что пришлось обойтись безъ горячаго чая и супа, закусивъ кое-какими остатками отъ прежней трапезы.

Ночью вѣтеръ разогналъ на небосклонѣ тучи и ударилъ морозъ въ—4°, такъ что на завтра путь по замерзшимъ болотамъ былъ немного болѣе сносный.

Хотя дальше путь нѣсколько улучшился, но экспедиція подвигалась впередъ очень медленно, такъ какъ верблюды дошли уже до крайняго истощенія, и пятерыхъ изъ нихъ пришлось бросить; кромѣ того почти ежедневно посылались разъѣзды для развѣдокъ пути.

Нелегко было теперь путешественникамъ. Кромѣ разслабленія всего организма отъ громадной абсолютной высоты, ихъ донимали еще постоянные дожди и снѣжныя вьюги, а по ночамъ часто бывали морозы до—5°. Сырость повсюду была ужасная; спать приходилось на мокрыхъ войлокахъ, платье постоянно было промочено. Оружіе сильно ржавѣло и его приходилось постоянно чистить. Кромѣ того и коллекціи, собираемыя на пути, портились за невозможностью просушить ихъ.

Казакамъ приходилось еще хуже, чѣмъ остальнымъ. Даже и на бивуакѣ они продолжали мокнуть: на пастьбѣ верблюдовъ, на караулѣ; дежурный поваръ долженъ былъ на дождѣ варить пищу; мокрый аргалъ разгорался только при

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 193.

усиленномъ, продолжительномъ раздуваніи, а на дождѣ или при вьюгѣ приходилось еще надъ очагомъ устраивать навѣсъ.

Словомъ, жизнь экспедиціоннаго отряда была крайне трудная, но, какъ и раньше, всѣ спутники Николая Михайловича держали себя молодцами, и каждый въ высшей степени стойко и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Эта стойкость отряда въ борьбѣ съ суровою природою и враждебнымъ населеніемъ побудила Пржевальскаго увѣковѣчить дѣятельность экспедиціи въ тѣхъ мѣстахъ: онъ назвалъ, первой изъ озеръ, которыя одно за другимъ образуются Желтою рѣкою вскорѣ послѣ выхода изъ котловины Одонь-тала озеромъ Экспедиціи, а второе—Русскимъ.

Оба эти озера издревле извѣстны китайцамъ и называются: западное Цзярынъ-норъ, а восточное Ньоринъ-норъ, но по праву перваго изслѣдователя, первымъ изъ европейцевъ посѣтившій эти озера и точно установившій ихъ положеніе на картѣ, Пржевальскій далъ имъ свои названія. «Пусть первое изъ этихъ названій,—говоритъ онъ *)—свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человѣкъ, а второе—упрочитъ память нашей экспедиціи, которая оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія этихъ озеръ», какъ это сейчасъ увидитъ читатель.

Слѣдуя внизъ по теченію р. Джагынъ-голь, экспедиція дошла почти до ея впаденія въ восточное озеро (Русское). 11 іюля путешественники расположились бивуакомъ на правомъ берегу этой рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ противоположной стороны въ нее впадаетъ протока изъ раньше видѣннаго западнаго озера—озера Экспедиціи.

Впереди, насколько можно было обозрѣть въ подзорную трубу, виднѣлись сплошныя болота и потому, прежде чѣмъ двигаться дальше, необходимо было обслѣдовать мѣстность.

На слѣдующій день въ разъѣздъ отправился В. И. Роборовскій съ двумя казаками, а самъ Николай Михайловичъ, который уже ѣздилъ за день передъ тѣмъ до берега озера Экспедиціи, снова отправился туда также съ двумя казаками, съ цѣлью проѣхать какъ можно дальше по перешейку, раздѣляющему оба озера. Экскурсія эта разсчитана была на два дня.

Рано утромъ, 12 іюля, Пржевальскій и Роборовскій отправились, каждый въ свою сторону.

Однако, вода въ Джагынъ-голѣ настолько прибыла за ночь, что переправа черезъ нее сдѣлалась невозможной, и всѣ поиски брода были тщетными. Пробраться къ самому берегу озера Русскаго также оказалось невозможнымъ, такъ какъ по берегу широкою полосою раскинулись топкія болота. Такимъ образомъ, Николай Михайловичъ возвратился на бивуакъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ выѣзда.

---

*) Тамъ же, стр. 198.

Къ вечеру возвратился также и Роборовскій и сообщилъ, что пройти напрямикъ черезъ болота и трясины невозможно, придется идти въ обходъ, вверхъ по рѣкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Роборовскій сообщилъ, что онъ замѣтилъ большую партію тангутовъ, расположившихся на ночлегъ верстахъ въ двадцати отъ бивуака экспедиціи.

Такъ какъ всѣ военныя предосторожности и безъ того тщательно соблюдались: казаки держали посмѣнно караулъ, а двѣ собаки прекрасно сторожили, и всѣ путешественники держали всегда наготовѣ оружіе, — то Николай Михайловичъ не обратилъ особеннаго вниманія на сообщеніе Роборовскаго, предполагая, что это, вѣроятно, проходящій караванъ.

Наступившая ночь была совершенно темная, и густыя облака сплошь заволокли небосклонъ. Прошла она совершенно спокойно, только собаки безпрестанно лаяли, но часовые не тревожились этимъ, предполагая, что ихъ тревожатъ дикіе яки, которыхъ днемъ много паслось въ окрестностяхъ.

На разсвѣтѣ дежурный разбудилъ г. Козлова, который принялся за производство метеорологическихъ наблюденій, разбудилъ также казаковъ, а самъ отошелъ къ «кухнѣ» и началъ раздувать огонь мѣхомъ...

Вдругъ собаки съ тревожнымъ лаемъ вскочили и бросились по направленію къ сосѣднимъ кустарникамъ, въ то же время послышался громкій топотъ, и часовой увидѣлъ большую партію всадниковъ, скакавшихъ прямо на бивуакъ. Другая толпа неслась съ противоположной стороны...

«Нападеніе!» — крикнулъ казакъ и выстрѣлилъ... Скакавшіе тангуты съ своей стороны загикали и пришпорили своихъ лошадей...

Въ одинъ мигъ всѣ путешественники были на ногахъ, выскочили изъ палатокъ и открыли учащенную пальбу, когда тангуты приблизились уже шаговъ на полтораста.

Озадаченные такимъ пріемомъ, тангуты, вѣроятно, разсчитывавшіе захватить караванъ врасплохъ, остановились и черезъ минуту, пустивъ нѣсколько залповъ, уже бросились въ разсыпную и поскакали назадъ, подъ все непрекращающимся градомъ пуль, которыми ихъ осыпали путешественники. Въ нѣсколько минутъ выпущено было около 500 зарядовъ.

«Къ сожалѣнію, — говоритъ Николай Михайловичъ *), — утро стояло сѣрое и еще слабо разсвѣло, такъ что нельзя было мѣтко прицѣлиться, въ особенности вдаль. Однако, возлѣ нашего бивуака валялись двѣ убитыя лошади и одинъ убитый тангутъ. Кромѣ того, видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали съ собою товарищи. Таковъ обычай у тангутовъ, промышляющихъ грабежами. По ихъ повѣрью, если убитый не будетъ привезенъ домой въ свою палатку (откуда онъ все равно будетъ брошенъ на съѣденіе

*) Тамъ же, стр. 202.

грифамъ и волкамъ), то его душа станетъ вредить всему хошуну. Надъ товарищами въ такомъ случаѣ наряжается строгое слѣдствіе».

Нападеніе, такимъ образомъ, отбито было благополучно, никто изъ путешественниковъ не получилъ даже и малѣйшей раны, только во время суматохи сорвались съ привязи восемь лошадей, купленныя недавно (на Ды-чю) у тангутовъ; услыхавъ знакомое гиканье, онѣ начали отчаянно кидаться изъ стороны въ сторону, пока не оборвали своихъ привязей и тогда удрали къ тангутамъ. Кромѣ того, еще одна изъ оставшихся, прежнихъ, лошадей была ранена въ животъ и ее пришлось пристрѣлить.

Выбравшись изъ сферы выстрѣловъ, тангуты раздѣлились на нѣсколько партій и взобравшись на близъ лежащіе холмы, расположились въ наблюдательномъ положеніи. Тогда Николай Михайловичъ, чтобы отогнать негодяевъ и отбить у нихъ на будущее время охоту къ подобнымъ нападеніямъ, рѣшилъ самъ произвести нападеніе на тангутскій лагерь, который, какъ оказалось, за ночь былъ перенесенъ поближе и отстоялъ отъ бивуака экспедиціи всего на 5—6 верстъ.

Напившись чаю и наскоро закусивъ, путешественники прочистили свои винтовки, завьючили верблюдовъ и въ боевомъ порядкѣ двинулись по направленію къ тангутскому стойбищу.

Тангуты, лишь только замѣтили, куда направляется караванъ путешественниковъ, поспѣшно поскакали къ своимъ палаткамъ.

«Мы продолжали медленно туда подвигаться,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховыя лошади шли плотною кучею. Когда, такимъ образомъ, мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человѣкъ около 300, выстроилась впереди бивуака верхомъ въ линію; сзади ихъ же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты рѣшили дать намъ теперь отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать...

«Но такъ какъ позади тѣхъ же разбойниковъ протекала непроходимая вбродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться на искось мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же ихъ намъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы выпустили 14 залповъ. Несмотря на дальность разстоянія, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-шириковъ не могли быстро скакать»...

Сколько можно было замѣтить издали, у разбойниковъ было убито и ранено человѣкъ десять, да кромѣ того, убито было нѣсколько лошадей.

Кто были нападавшіе разбойники, рѣшить было трудно. Быть можетъ, это были тѣ самые, которые собирались произвести нападеніе еще на Ды-чю, и слѣ-

*) Тамъ же, стр. 202.

довали за экспедиціей, выжидая удобнаго случая для нападенія. Подтвержденіе этой догадки Николай Михайловичъ видитъ въ томъ непонятномъ раньше фактѣ, что все время пути по Джагынъ-голу, путешественники постоянно встрѣчали стада дикихъ яковъ и другихъ звѣрей, которые шли постоянно въ одномъ направленіи: отъ востока къ западу.

Теперь путешественники сообразили, что, вѣроятно, звѣрей пугали тангуты, слѣдовавшіе цѣлою ордою параллельно движенію экспедиціи, на нѣкоторомъ разстояніи къ востоку.

На убитомъ при утреннемъ нападеніи разбойникѣ найдена была сабля, пика, фитильное ружье, порядочный запасъ пороху и цѣлый мѣшочекъ пуль (штукъ 50); видимо, разбойники только недавно снарядились и еще не успѣли израсходовать своихъ боевыхъ запасовъ.

Кто бы ни были разбойники, но теперь путешественники отъ нихъ отдѣлались вполнѣ благополучно, если не считать потери девяти лошадей.

Нельзя не согласиться съ Николаемъ Михайловичемъ, что въ данномъ случаѣ ему дѣйствительно послужило счастье: если бы не случилось неудачи въ предпринятыхъ наканунѣ двухъ разъѣздахъ, то въ моментъ нападенія отрядъ оказался бы уменьшеннымъ почти на половину, и притомъ въ эту критическую минуту въ немъ не было бы ни начальника, ни главнаго его помощника.

Когда тангуты убрались во свояси, путешественники выбрали сухое удобное мѣсто и расположились бивуакомъ. На общей радости всѣ казаки произведены были Пржевальскимъ въ урядники, а солдаты — въ унтеръ-офицеры «за военное отличіе».

На слѣдующій день путешественники пошли дальше и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свои научныя экскурсіи. О тангутахъ въ окрестностяхъ не было ни слуху, ни духу.

Въ память отбитаго благополучно нападенія, Николай Михайловичъ назвалъ рѣку, которая впадаетъ въ озеро Русское, близъ устья Джагынъ-гола — Разбойничьею рѣкою.

Положеніе экспедиціи было, однако, весьма незавидно.

Изъ животныхъ осталось только 7 лошадей и 24 верблюда, послѣдніе всѣ уже сильно попортились, а пятеро даже едва волочили ноги.

Въ виду этого часть запасовъ продовольствія (дзамбы) пришлось бросить, а часть вьюковъ съ верблюдовъ переложили на нѣкоторыхъ лошадей; сами же путешественники поочередно шли пѣшкомъ.

Предпринять какую-либо дальнюю экскурсію нечего было и думать, и Николай Михайловичъ занялся изслѣдованіемъ хотя бы только источныхъ озеръ Хуанъ-хэ.

Перебравшись черезъ рѣку Разбойничью, караванъ двинулся дальше по берегу озера Русскаго. Мѣстность здѣсь была нѣсколько посуше, только ежедневные дожди по прежнему донимали путниковъ.

На берегу озера Русскаго пришлось испытать вторичное нападеніе разбойниковъ, только на этотъ разъ уже не отъ тангутовъ, а другого родственнаго имъ племени, голыковъ, которые въ числѣ около 14,000 палатокъ обитаютъ по верхнему теченію Желтой рѣки.

Вотъ какъ произошло это послѣднее и самое опасное столкновеніе съ враждебными туземцами.

На третій день пути по берегу озера, около полудня, когда подходило уже время располагаться бивуакомъ, впереди, на довольно большомъ разстояніи, показалось три всадника, и переводчикъ китаецъ сталъ рѣшительно утверждать, что это развѣдчики разбойниковъ, собирающихся произвести нападеніе. Дѣйствительно, всадники эти вели себя очень подозрительно, и Пржевальскій поспѣшилъ принять свои предосторожности.

Немедленно занялись устройствомъ лагеря, расположивъ его такимъ образомъ, чтобы тылъ былъ защищенъ озеромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Михайловичъ рѣшилъ, если уже не миновать нападенія, то постараться вызвать его днемъ, когда мѣткая, дальнобойная стрѣльба могла принести дѣйствительную пользу.

Съ этою цѣлью посланъ былъ Роборовскій съ китайцемъ переводчикомъ и четырьмя казаками въ сторону замѣченныхъ подозрительныхъ всадниковъ, но имъ приказано было ни въ какомъ случаѣ не нападать, а наоборотъ, постараться сдѣлать видъ, что они боятся.

Роборовскій мастерски исполнилъ возложенное на него порученіе, такъ что разбойники проѣхали вблизи, спросили у переводчика, сколько всѣхъ людей въ караванѣ и узнавъ, что всего четырнадцать человѣкъ, повернули своихъ коней и скрылись въ ближайшемъ ущельѣ.

Часа черезъ два послѣ этого, казаки, пасшіе верблюдовъ, снова замѣтили трехъ всадниковъ, которые выѣхали изъ ущелья и направились въ ихъ сторону.

Подозрѣвая недоброе, казаки поспѣшили собрать животныхъ и погнали ихъ къ бивуаку, несмотря на то, что всадники начали имъ махать и кричать, чтобы тѣ не боялись.

Не обращая никакого вниманія на подобныя увѣренія, казаки поспѣшно, какъ будто въ сильномъ страхѣ, гнали лошадей и верблюдовъ къ палаткамъ, гдѣ при помощи остальныхъ товарищей начали ихъ привязывать и стреноживать.

Хитрость вполнѣ удалась. Едва успѣли управиться съ животными, какъ изъ того же ущелья показалась огромная шайка голыковъ, человѣкъ въ 300, и направилась въ сторону лагеря путешественниковъ.

«Быстро изготовились мы, — говоритъ Николай Михайловичъ *), — принять непрошенныхъ гостей... Вся шайка разбойниковъ, приблизившись къ намъ на разстояніе около версты, съ громкимъ гиканьемъ бросилась въ атаку. Гулко

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 205.

застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развивались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы...

«Словно туча, неслась на насъ эта орда, дикая, кровожадная... Съ каждымъ мгновеніемъ рѣзче и рѣзче выдѣлялись силуэты коней и всадниковъ... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча, съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка — 14 человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода, какъ смерть или побѣда»...

Когда разбойники подскакали уже на разстояніе около 500 шаговъ, раздалась команда Пржевальскаго и полетѣлъ первый залпъ, за которымъ послѣдовала учащенная, почти безпрерывная пальба. Мѣткія пули дѣлали свое дѣло, и многіе изъ разбойниковъ, пораженные, подхватывались своими товарищами или на всемъ скаку скатывались на землю съ прострѣленныхъ лошадей, но остальные дружною толпою продолжали мчаться впередъ, пришпоривая своихъ быстрыхъ коней.

Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько въ сторонѣ, по самому берегу озера, и громко кричалъ «бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ, онъ намъ поможетъ! *)»...

Вдругъ шальная пуля сразила подъ нимъ лошадь и самъ онъ, вѣроятно, раненый, согнувшись, побѣжалъ назадъ.

Лишившись предводителя, разбойники потеряли храбрость и тотчасъ же повернули въ сторону, не доскакавъ до лагеря путешественниковъ всего шаговъ двухсотъ.

Позиція, занятая отрядомъ экспедиціи, имѣла одинъ важный недостатокъ: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, параллельно ему и между собою, протянулось нѣсколько валообразныхъ уваловъ, которые представляли изъ себя, вѣроятно, прежніе берега озера.

Валы эти возвышались надъ равниною на 10—15 футовъ и представляли какъ бы естественныя траншеи.

Дѣйствительно, разбойники, отказавшись отъ атаки, скрылись за первымъ уваломъ, спѣшились и открыли оттуда пальбу.

Положеніе путешественниковъ было критическое, такъ какъ разстояніе отъ увала было настолько невелико, что разбойники, оставаясь за своимъ прикрытіемъ сами неуязвимыми, даже и изъ своихъ фитильныхъ ружей могли перестрѣлять маленькую кучку путешественниковъ.

Тогда Николай Михайловичъ рѣшился на отчаянное предпріятіе и самъ отправился штурмовать враговъ въ ихъ укрѣпленіи.

Оставивъ для прикрытія лагеря Роборовскаго съ пятью казаками, онъ самъ съ остальными бросился выбивать разбойниковъ изъ за увала.

Послѣдніе сначала встрѣтили ихъ дружнымъ залпомъ, который однако

*) Какъ перевелъ проводникъ-китаецъ.

по счастливой случайности не принесъ никакого вреда храбрецамъ; затѣмъ пальба вдругъ стихла; разбойники, озадаченные такою непонятною для нихъ смѣлостью, бросили свою прекрасную позицію и поспѣшно стали садиться на коней.

Добѣжавъ до увала, храбрецы открыли съ своей стороны пальбу, и разбойники поспѣшили скрыться за вторымъ подобнымъ же уваломъ.

Итакъ, первая позиція была успѣшно взята. Но необходимо было для довершенія пораженія выбить разбойниковъ и со второго увала. «Воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—мы живо протерли смоченными тряпками закоптѣлые, сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ на увалъ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки и долго не выходилъ оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ намъ еще ведро воды для питья.

«Засѣвшіе на второмъ увалѣ разбойники вскорѣ опять открыли по насъ стрѣльбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятаго увала, иначе мы могли быть отрѣзанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ Козлова съ 4 казаками впередъ и нѣсколько въ сторону, на небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады».

Между тѣмъ значительная партія голыковъ, человѣкъ въ 50, разсчитывая, вѣроятно, что лагерь путешественниковъ оставленъ безъ защиты, внезапно бросились туда, но Роборовскій встрѣтилъ ихъ такимъ убійственнымъ огнемъ, что они поспѣшили отступить ни съ чѣмъ. Видя вездѣ неудачу, разбойники начали отступать къ горамъ подъ непрерывнымъ градомъ пуль, которыми ихъ осыпали побѣдители, до тѣхъ поръ пока разстояніе это позволяло.

Очутившись, наконецъ, въ безопасности отъ убійственныхъ берданокъ, голыки собрались въ плотную кучу, спѣшились, и начали совѣщаться. Въ то же время изъ ущелья появилась новая партія ихъ, человѣкъ въ 50, которая присоединилась къ шайкѣ.

Не считая еще борьбу оконченной, путешественники оставались на своихъ позиціяхъ—Пржевальскій съ семью казаками на взятомъ штурмомъ увалѣ, Роборовскій съ пятью казаками на бивуакѣ.

Такое неопредѣленное положеніе продолжалось съ полъ-часа.

Между тѣмъ начали уже наступать сумерки. Наконецъ, разбойники не спѣша направились въ горы и скрылись въ томъ самомъ ущельѣ, откуда появились при началѣ нападенія. Тогда и Николай Михайловичъ вернулся на свой бивуакъ.

Итакъ, счастливая судьба и на этотъ разъ охранила нашихъ путешественниковъ. Несмотря на страшную опасность, въ особенности когда пришлось брать приступомъ увалъ подъ градомъ пуль, никто изъ нихъ не получилъ даже и легкой раны. Уронъ заключался лишь въ томъ, что ранена была въ ногу одна ло-

щадь. Это уже было настоящее сраженіе, которое продолжалось болѣе двухъ часовъ, и за это время выпущено было около 800 зарядовъ. По общему заключенію разбойники потеряли убитыми около 30 человѣкъ, не считая раненыхъ.

Однако, опасность еще не вполнѣ миновала. Можно было опасаться, что разбойники произведутъ нападеніе наступающею ночью, когда темнота доставила бы имъ большія выгоды, избавляя ихъ отъ губительнаго дѣйствія берданокъ на большомъ разстояніи.

Всю ночь напролетъ продежурили путешественники, усѣвшись въ двѣ кучки на обоихъ флангахъ своего бивуака. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, бушевала буря, тьма стояла кромѣшная...

Однако, разбойники, очевидно, вполнѣ удовлетворились полученнымъ внушеніемъ и не рѣшились повторять нападенія.

Къ утру дождь еще болѣе усилился. Въ короткіе промежутки, когда погода немного прояснялась, видно было, какъ въ горахъ разъѣзжали небольшими партіями разбойники.

«Товарищи!—писалъ въ этотъ день въ приказѣ къ своему отряду Николай Михайловичъ.—Вчера было сдѣлано новое на насъ нападеніе разбойничьей тангутской шайки численностью болѣе 200 человѣкъ. Вы мужественно встрѣтили лютаго врага въ 20 разъ многочисленнѣйшаго и послѣ двухъ часового боя разбили и прогнали его.

«Этою побѣдою, равно какъ и предшествовавшею, куплено изслѣдованіе большихъ, до сихъ поръ невѣдомыхъ озеръ верхняго теченія Желтой рѣки.

«Вы сослужили славную службу для науки и для славы русскаго имени! За таковой подвигъ я буду ходатайствовать о награжденіи каждаго изъ васъ знаками отличія военнаго ордена. Переводчика же Абдула-Юсупова буду просить произвести въ хорунжіе милиціи».

Къ полудню дождь пересталъ и вѣтеръ разогналъ на небѣ облака.

Вдругъ со стороны, противоположной той, откуда вчера произошло нападеніе, снова показалась значительная партія всадниковъ, которые двигались прямо къ бивуаку экспедиціи.

Думая, что это повтореніе нападенія, Николай Михайловичъ чуть было уже не скомандовалъ пальбу, когда замѣчено было, что ново-прибывшіе махаютъ руками и что-то кричатъ. Подозрѣвая обманъ, путешественники стояли наготовѣ съ ружьями у прицѣла, но при посредствѣ переводчика-китайца вскорѣ разъяснилось, что это не разбойники, а передовой разъѣздъ большого каравана, слѣдующаго за ними.

Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ показался и самый караванъ, состоящій изъ 500 вьючныхъ яковъ. Караванъ этотъ былъ тангутскій и слѣдовалъ съ различными покупками (чай, рисъ, дзамба и т. п.) изъ Синина на Ды-чю. Тангуты, пришедшіе съ этимъ караваномъ, сообщили непріятное извѣстіе, что переправа вбродъ черезъ Желтую рѣку, по выходѣ ея изъ озера Русскаго—невоз-

можна, ихъ-же яки переправились вплавь. Такимъ образомъ не было возможности пройти на сѣверные берега источныхъ озеръ, обойдя ихъ съ востока и приходилось идти обратно на западъ.

Закончивъ съемку южныхъ береговъ озера и опредѣливъ его общую конфигурацію, Николай Михайловичъ двинулся въ обратный путь. Идти попрежнему приходилось на половину пѣшкомъ, а по ночамъ дежурили всѣ, раздѣляясь на двѣ смѣны. Къ счастью, погода нѣсколько улучшилась и это хоть немного облегчило тяжесть такого боевого положенія. Между тѣмъ постоянно быть на сторожѣ было необходимо, такъ какъ почти ежедневно замѣчались по сторонамъ разбойничьи разъѣзды и попадались слѣды ихъ стоянокъ, такъ что разбойники несомнѣнно слѣдили за нашими путешественниками и только не рѣшались послѣ полученной острастки повторить свое нападеніе.

Съ прекращеніемъ дождей, вода въ рѣкахъ спала, такъ что переправы черезъ р. Разбойничью и черезъ Джагынъ-голъ совершены были благополучно.

Употребивъ еще два дня на изслѣдованіе южныхъ и западныхъ береговъ озера Экспедиціи, путешественники переправились въ бродъ черезъ рѣку Саломà и направились прежнимъ путемъ къ своему складу въ Цайдамъ. Путь этотъ совершенъ былъ благополучно въ нѣсколько дней, хотя и при крайнемъ изнуреніи какъ самихъ путешественниковъ, такъ и въ особенности вьючныхъ животныхъ, которыя уже совершенно отказывались служить.

Упомянемъ еще про одно очень интересное свѣдѣніе, сообщаемое Пржевальскимъ, объ изобиліи золота въ районѣ настоящаго пути экспедиціи въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

Близъ входа въ долину Алакъ-норъ-гола, недалеко отъ южной подошвы хребта Бурханъ-Будда, еще раньше путешественники замѣчали слѣды разработокъ золота, теперь же, на обратномъ пути здѣсь встрѣтилась цѣлая партія тангутовъ, человѣкъ въ 30, которые занимались промывкою золота.

Разработка эта производилась до крайности примитивнымъ способомъ: золотоносную почву накапывали прямо съ поверхности не глубже 2 футовъ, при чемъ орудіями служили простыя деревянныя лопаты вродѣ совка, а еще чаще развороченные рога дикаго яка. Добытую такимъ образомъ золотоносную розсыпь насыпали въ небольшое деревянное корытце (фута въ 2 длиною и въ $1^1/_2$ шириною) которое ставили въ рѣчку въ наклонномъ положеніи; струя воды уносила песокъ и гальку, оставляя на днѣ лишь болѣе крупные куски золота, тогда какъ мелкія зернышки также уносились водою.

Пржевальскій передаетъ, впрочемъ, со словъ туземцевъ, что изобиліе золота здѣсь баснословное, такъ, напр., даже при такомъ несовершенномъ способѣ промывки одинъ работникъ, при томъ весьма лѣнивый, можетъ добыть въ день 7—8 золотниковъ драгоцѣннаго металла. У встрѣченныхъ тангутскихъ промышленниковъ дѣйствительно у каждаго были цѣлыя горсти промытыхъ исключительно крупныхъ зернышекъ, такъ какъ только такія и остаются при употребляемомъ

ими способѣ промывки. Они предлагали промѣнять свой драгоцѣнный металлъ на серебро. По словамъ тѣхъ же тангутовъ золота вездѣ много въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, на Ды-чю и на другихъ рѣкахъ.

Переваливъ черезъ хребетъ Бурханъ-Будда, путешественники порадованы были встрѣчею въ одномъ изъ ущелій съ казаками, оставленными при складѣ. Казаки эти согласно инструкціи откочевали съ верблюдами въ горы и здѣсь поочередно пасли ихъ.

Такъ какъ мѣсто это оказалось очень удобнымъ для стоянки, то Николай Михайловичъ рѣшилъ не спускаться въ самый Цайдамъ, а устроиться здѣсь на отдыхъ.

Въ складѣ все оказалось благополучнымъ. Хотя тангуты неоднократно грабили и убивали монголовъ даже въ ближайшихъ окрестностяхъ хырмы Барунъ-засакъ, но на самую хырму, занятую подъ складъ, ни разу не осмѣлились напасть. Оставленные 50 верблюдовъ прекрасно отдохнули, но этого все-таки было мало, такъ какъ возвратившіеся изъ экскурсіи были теперь никуда негодны. Въ виду этого Пржевальскій послалъ Иринчинова съ тремя казаками въ ставку Куку-норскаго вана и въ Дабасунъ-гоби для пріобрѣтенія еще хоть десятка хорошихъ верблюдовъ. Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ отправился теперь и переводчикъ-китаецъ, который вѣрно послужилъ путешественникамъ въ только что совершенной экспедиціи и былъ одаренъ за это щедро.

Такъ какъ китаецъ направлялся въ Сининъ, то путешественники воспользовались этимъ случаемъ для отправки писемъ и вѣстей на родину. Тогда же Пржевальскій отправилъ слѣдующую телеграмму въ главный штабъ, которая произвела по полученіи въ Петербургѣ фуроръ.

«Въ глубинѣ Центральной Азіи, на заоблачномъ плоскогоріи Тибета, за 3,000 верстъ отъ ближайшей нашей границы, среди дикой природы и ужаснаго климата наша экспедиція оружіемъ завоевала изслѣдованіе отъ вѣка невѣдомыхъ истоковъ Желтой рѣки и большихъ озеръ ея верхняго теченія. Дикари тангуты, старавшіеся преградить нашъ путь, дважды были разбиты горстью моихъ смѣльчаковъ спутниковъ, сослужившихъ отличную службу для науки и для славы русскаго имени. За таковой по истинѣ геройскій подвигъ умоляю наградить ихъ знаками отличія военнаго ордена»...

Предполагая дальше двинуться на западъ и пройти вдоль сѣверной окраины Тибета, Пржевальскій просилъ русскаго консула въ Кашгарѣ похлопотать у хотанскихъ властей, чтобы они давали проводниковъ и содѣйствовали въ покупкѣ припасовъ.

«Больше ничего не требуется,—писалъ Николай Михайловичъ *),—никакихъ конвоевъ и народныхъ встрѣчъ намъ не нужно—все это только великая помѣха для работъ экспедиціи».

*) Н. Ф. Петровскому отъ 8 августа 1884 г., см. Дубровинъ, стр. 400.

«Мы всѣ,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ *),—находимся въ вожделѣнномъ здравіи, живемъ дружно и помаленьку мастеримъ великое дѣло изслѣдованія Тибета. Мои спутники, казаки и солдаты — отличные люди, съ которыми можно пройти вездѣ и сдѣлать все».

«Отъ посѣщенія Лхассы отказываюсь, сообщилъ тогда же Николай Михайловичъ своему другу Фатѣеву,—въ виду важности намѣченныхъ изслѣдованій и возможности того, что насъ опять не пустятъ въ столицу Далай-ламы, въ особенности послѣ двукратнаго побитія тангутовъ на Желтой рѣкѣ».

На своемъ прекрасномъ бивуакѣ въ горахъ путешественники провели двѣ недѣли, отдыхая отъ тяжелыхъ понесенныхъ трудовъ и запасаясь силами къ дальнѣйшимъ странствованіямъ.

Коллекціи, привезенныя изъ послѣдней экскурсіи на истоки Желтой рѣки, были просушены и окончательно упакованы, казаки починили сѣдла, сбрую, а также свою собственную обувь и одежду, а Николай Михайловичъ на свѣжую память написалъ спеціальныя замѣтки о произведенныхъ изслѣдованіяхъ.

Вскорѣ всѣ эти работы были окончены, и путешественники благодушествовали, предаваясь полному отдыху, развлекаясь иногда охотою, а на бивуакѣ великимъ наслажденіемъ для нихъ было теперь чтеніе нѣкоторыхъ литературныхъ книгъ, которыя имѣлись въ багажѣ. Казаки также съ увлеченіемъ читали народныя книжки и по вечерамъ развлекались гармоніей, пѣли пѣсни и даже иногда устраивали пляски.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Черезъ Цайдамъ до Лобъ-нора. Зимняя экскурсія въ Тибетъ.

Забытый путь отъ Тарима въ Тибетъ, загадочное урочище Гасъ.—Повальная болѣзнь верблюдовъ, вынужденная остановка.—Наемъ вьючныхъ лошадей.—Тайджинерскій хошунъ въ западномъ Цайдамѣ.—Легенда о происхожденіи русскихъ.—Уланъ-гаджиръ.—Геологическая работа бурь.—Гансы и Гасъ.—Предварительныя экскурсіи.—Разъѣздъ для отысканія пути къ Лобъ-нору.—Другой разъѣздъ къ Тибетской оградѣ.—Замѣчательный случай нападенія антилопы-оронгò.—Возвращеніе Иринчинова изъ развѣдокъ: путь найденъ.—Складъ въ урочищѣ Чонъ-Яръ.—Экскурсія въ Тибетъ.—Географическія открытія: долина Вѣтровъ, хребты: Цайдамскій, Колумба, Московскій, Чеменъ-тагъ, „Загадочный“ (впослѣдствіи „хребетъ Пржевальскаго“), озеро Незамерзающее и др.—Другой путь изъ Китая въ Туркестанъ.—Рекогносцировка окрестностей и рѣшеніе возвратиться въ долину Вѣтровъ.—Трудное положеніе.—На вершинѣ перевала черезъ Алтынъ-тагъ.—Обратный путь по долинѣ.—Послѣдняя боковая экскурсія.—Возвращеніе въ Чонъ-Яръ.—Путь къ Лобъ-нору.—Древнее укрѣпленіе.

Въ прежнія свои путешествія Николай Михайловичъ неоднократно слышалъ отъ цайдамскихъ монголовъ, что черезъ ихъ страну можно прямо дойти до Лобъ-

*) А. М. Лушникову тогда же.

нора, что раньше дунганскаго возстанія такимъ путемъ совершались торговыя сношенія съ Туркестаномъ.

Наоборотъ, китайцы при всякомъ случаѣ старались доказывать, что никакого подобнаго пути не существуетъ и никогда не было, при чемъ въ своемъ рвеніи хватали черезъ край и даже оффиціальныя лица, министры, не постѣснялись русскому посланнику заявить, что даже изъ Хами и другихъ оазисовъ пути въ Тибетъ нѣтъ.

Въ сообщеніяхъ туземныхъ монголовъ часто, впрочемъ, оказывалось на повѣрку очень много невѣрныхъ данныхъ, и Николай Михайловичъ вообще относился ко всѣмъ подобнымъ свѣдѣніямъ очень осторожно.

Въ данномъ вопросѣ о пути изъ Тибета черезъ Цайдамъ интересно было сообщеніе о какомъ-то загадочномъ урочищѣ Гасъ, лежащемъ гдѣ-то въ юго-западномъ концѣ Цайдамской котловины, черезъ который будто-бы и проходилъ вышеупомянутый путь. Минувшею весною относительно этого интереснаго пункта добавились еще новыя свѣдѣнія отъ дунганъ д. Бамбà (см. раньше), которые сообщили, что ихъ купцы до послѣдняго возстанія часто ѣздили изъ Синина на Лобъ-норъ и далѣе, при чемъ и они упоминали урочище Гасъ.

Большая часть прямого пути изъ восточнаго Туркестана въ страну Кукуноръ была уже пройдена Николаемъ Михайловичемъ сначала во второмъ его путешествіи, когда изслѣдованъ былъ путь отъ Лобъ-нора до Алтынъ-тага, а въ другой разъ въ слѣдующее путешествіе, когда пройденъ былъ весь Цайдамъ отъ Сыртынской равнины до юго-восточнаго его угла (хырма Дзунъ-засакъ).

Разстояніе между Сыртынской равниной и ключемъ Чаглыкъ,—крайнимъ восточнымъ пунктомъ, до котораго тогда (во вторую экспедицію) Н. М. дошелъ вдоль по дошвы Алтынъ-тага,—было уже невелико, всего около 250 верстъ.

Теперь, однако, рѣшено было идти инымъ путемъ по южному краю Цайдама, дойти до урочища Гасъ, гдѣ, если окажется возможнымъ, Пржевальскій предполагалъ устроить складъ, совершить экскурсію въ области окраинныхъ тибетскихъ горъ, а затѣмъ идти на Лобъ-норъ и продолжать движеніе дальше на западъ, изслѣдуя сѣверную ограду Тибетскаго нагорья.

Въ теченіе двухнедѣльнаго отдыха Пржевальскій успѣлъ пріобрѣсти 13 новыхъ верблюдовъ, такъ что теперь на лицо имѣлось 75 вьючныхъ животныхъ, изъ которыхъ 64 были вполнѣ надежны. Запасы продовольствія также сдѣланы были въ широкихъ размѣрахъ, такъ что провіантомъ (исключая мяса) экспедиція была обезпечена на полгода.

Въ этихъ запасахъ оказалось нѣсколько мѣшковъ лишней дзамбы; Николай Михайловичъ предлагалъ мѣстнымъ монголамъ промѣнять ему ячменя по два мѣшка дзамбы за одинъ мѣшокъ ячменя, но выжиги-монголы, разсчитывая даромъ воспользоваться дзамбою, такъ какъ въ экспедиціи не было для этого достаточно вьючныхъ животныхъ, отказались отъ такой мѣны, а въ то-же время не соглашались и продавать ячмень. Тогда Пржевальскій, «чтобы не давать потачки», велѣлъ

высыпать лишній запасъ дзамбы въ болото. На другой день монголы охали и ахали, что упустили столь выгодную для себя сдѣлку.

Снарядившись окончательно, 26 августа экспедиція выступила въ путь и направилась на западъ по южному Цайдаму.

Однако, едва путешественники успѣли сдѣлать два дневныхъ перехода, какъ случилось большое несчастье: среди верблюдовъ распространилась повальная болѣзнь *хаса́*, которая заключается въ томъ, что ноги этихъ животныхъ начинаютъ сильно пухнуть, покрываются язвами и при общемъ болѣзненномъ состояніи всего организма даже сходятъ подошвы съ ногъ.

Проявившись сначала лишь у нѣкоторыхъ изъ верблюдовъ, болѣзнь очень быстро распространилась на остальныхъ, такъ что въ короткое время почти всѣ верблюды (54) оказались совершенно неспособными къ продолженію путешествія. Сильно испугался тогда Николай Михайловичъ: въ случаѣ гибели верблюдовъ не только о продолженіи экспедиціи нечего было-бы и думать, но даже доставить коллекціи къ русской границѣ оказалось-бы весьма затруднительнымъ, такъ какъ добыть новыхъ сносныхъ верблюдовъ, по крайней мѣрѣ въ болѣе близкомъ районѣ,—нечего было и думать.

Цѣлыхъ 18 сутокъ простояли путешественники на рѣкѣ Номохунъ-голъ, ожидая излѣченія верблюдовъ. Наконецъ, болѣзнь приняла благопріятное теченіе. Погибъ только одинъ верблюдъ, да у семерыхъ сошли подошвы съ ногъ *), а остальные стали поправляться.

Чтобы не терять времени, Николай Михайловичъ рѣшилъ двинуться, не ожидая ихъ окончательнаго выздоровленія, но въ то-же время опасаясь вьючить еще не окрѣпшихъ животныхъ, онъ нанялъ у монголовъ 45 вьючныхъ лошадей, которыя и повезли значительную часть клади.

15 сентября путешественники выступили, наконецъ, въ путь и не спѣша направились по принятому заранѣе направленію.

Мѣстность по всему пути была отвратительная: унылая на видъ равнина, поросшая тамарискомъ и кое-гдѣ хармыкомъ; иногда попадались оголенныя площадки, изрѣдка встрѣчались ключи съ солоноватою водою. Почва—сплошь солончаковая глина, твердая, какъ камень. Кое-гдѣ соль залегаетъ и въ чистомъ видѣ среди голыхъ солончаковъ. По всему пути вьется узкая тропинка, довольно хорошо наѣзженная. По такимъ тропинкамъ пройти безъ туземнаго проводника невозможно, такъ какъ онѣ часто пересѣкаются другими, ведущими къ ближайшимъ стойбищамъ и до крайности перепутываются.

Черезъ девять сутокъ путешественники добрались до рѣки Найджинъ-гола въ Тайджинерскій хошунъ, самый обширный во всемъ Цайдамѣ.

Здѣшніе жители имѣли ясные признаки примѣси тюркской крови; сношенія съ лобъ-норцами и туркестанцами въ прежнія времена здѣсь были довольно зна-

*) Ихъ Пржевальскій промѣнялъ у мѣстныхъ монголовъ на лошадей.

чительныя, чѣмъ, по мнѣнію Пржевальскаго, и объясняется такая смѣсь монголовъ съ тюрками.

Сами тайджинерцы объяснили путешественникамъ, что предки ихъ жили раньше на Куку-норѣ, откуда ушли приблизительно въ XVII в. по Р. Хр. подъ предводительствомъ какого-то древняго героя Данджинъ-хунъ-тайджи, возставшаго противъ китайцевъ. Пройдя побѣдоносно черезъ Курлыкъ и Сыртынъ, онъ вторгнулся въ оазисъ Са-чжоу, разграбилъ его, а затѣмъ черезъ Гасъ направился къ Лобъ-нору и далѣе къ Турфану, гдѣ принялъ магометанство и поселился со всѣми своими спутниками. Во время этого движенія часть его спутниковъ пожелала остаться на жительство въ западномъ Цайдамѣ и снова приняла китайское подданство, а ихъ начальникъ получилъ титулъ засака.

Разница тайджинерцевъ отъ монголовъ заключается, главнымъ образомъ, въ физическомъ типѣ, по образу-же жизни и по характеру они нисколько не отличаются отъ другихъ цайдамскихъ монголовъ—они такіе-же ханжи, лѣнтяи и плуты, такъ-же неряшливы... По поводу неряшливости ихъ Николай Михайловичъ сообщаетъ одинъ характерный курьезъ.

«Когда однажды,—говоритъ онъ,—мы купили здѣсь масла и упрекнули продавцевъ за то, что въ немъ слишкомъ много шерсти и грязи, то одинъ изъ нихъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «нужно жить, какъ велитъ Богъ; онъ посылаетъ грязь, ее слѣдуетъ и принимать. Хорошій праведный кочевникъ долженъ въ теченіе года съѣсть фунта три шерсти отъ своихъ стадъ, а земледѣлецъ-китаецъ столько-же земли отъ своего поля».

Отъ этихъ-же тайджинерцевъ путешественники слышали интересную легенду о происхожденіи русскихъ, хотя подъ этимъ именемъ, быть можетъ, подразумѣваются вообще всѣ европейцы, изъ которыхъ монголы знаютъ болѣе или менѣе только однихъ русскихъ.

Въ отдаленныя времена, такъ передавали тайджинерцы, гдѣ-то въ срединѣ Азіи, жилъ въ уединенной пещерѣ одинъ благочестивый лама-отшельникъ, который все время проводилъ въ молитвахъ.

Однажды онъ сильно заболѣлъ и уже былъ близокъ къ смерти, когда случайно въ окрестности пещеры прикочевала семья номадовъ. Дѣвушка изъ этой семьи, пасшая стада, случайно напала на обиталище отшельника, и увидѣвъ больного старика, начала за нимъ ухаживать. Она принесла страдальцу кислаго молока, но лама сначала не хотѣлъ вкусить подобной пищи и только уступая неотступнымъ просьбамъ сострадательной дѣвушки согласился, наконецъ, подкрѣпиться. Продолжая затѣмъ каждый день питаться ея приношеніями, онъ выздоровѣлъ и въ благодарность за спасеніе отъ смерти женился на своей спасительницѣ.

Когда объ этомъ страшномъ нарушеніи законовъ благочестія узналъ царь той страны, то онъ послалъ войско, съ приказаніемъ убить нечестивца.

Лишь только войско стало приближаться къ жилищу преступника-ламы, этотъ послѣдній нарвалъ метелокъ тростника и натыкалъ ихъ въ песокъ вокругъ

своей юрты. Послѣ этого онъ помолился Богу и по велѣнію свыше совершилось чудо: всѣ эти метелки превратились въ воиновъ, которые разбили царское войско.

Разгнѣванный царь послалъ другую рать, а за нею еще третью, но всѣ его войска не были въ состояніи одолѣть чудеснымъ образомъ сотворенныхъ ламою воиновъ, такъ какъ они въ свою очередь ломали метелки тростника и превращали ихъ въ новыхъ бойцовъ: такъ что въ короткое время у ламы составилось огромное войско.

Потерпѣвъ въ третій разъ пораженіе, царь счелъ за лучшее оставить въ покоѣ грѣховнаго ламу, но этотъ послѣдній не пожелалъ болѣе оставаться на землѣ и улетѣлъ на небо въ верхнее отверстіе своей юрты вмѣстѣ съ дымомъ, подымающимся отъ очага.

Его жена осталась правительницей чудесно сотвореннаго изъ тростника народа, отъ котораго и произошли впослѣдствіи русскіе. «У нихъ,—поясняли разсказчики Николаю Михайловичу,—тѣло бѣлое, а волосы часто бываютъ русые, потому что стебли тростника свѣтлые, а метелки лишь немного темнѣе *)».

По прибытіи къ Найджинъ-голу, нанятые у Дзунъ-засака монголы съ вьючными лошадьми были отпущены обратно. Николай Михайловичъ оставилъ при себѣ еще на нѣкоторое время лишь сининскаго переводчика, который привезъ на стоянку у юрты Барунъ-засакъ корреспонденцію изъ Синина. Этотъ переводчикъ, дунганинъ по происхожденію, весьма толковый и услужливый, оказалъ экспедиціи немалыя услуги. Такъ, напр., Пржевальскій отправилъ его впередъ на р. Утумурэнь, гдѣ поручилъ ему заготовить вожака на дальнѣйшій путь и купить барановъ для продовольствія, что тотъ и исполнилъ вполнѣ удачно.

Дунганинъ этотъ былъ довольно важный чиновникъ, и сининскій амбань, посылая его съ письмами, далъ конфиденціальное порученіе — отправиться въ Тибетъ, на р. Ды-чю, и навести тамъ подробную справку, кто именно нападалъ на русскую экспедицію.

«Вѣроятно,—предполагаетъ Николай Михайловичъ,—амбань опасался оффиціальной жалобы съ моей стороны и желалъ подробно разузнать, въ чемъ дѣло, чтобы впослѣдствіи «отписаться».

Пройдя по южной окраинѣ болотистаго урочища Галмыкъ, путешественники вступили въ полосу кустарниковъ, простирающихся на протяженіи около 170 верстъ до р. Уту-мурени. Общій характеръ мѣстности здѣсь тотъ-же, что и прежде, хотя повсюду попадались обильные ключи съ нѣсколько лучшею водою. Мѣстами по ключамъ росъ густой высокій тростникъ, въ которомъ водились въ необыкновенномъ изобиліи крупные, жирные фазаны, и путешественники въ продолженіе нѣсколькихъ дней продовольствовались этою лакомою дичью. Фазановъ было такъ много, что Николай Михайловичъ, отправляясь на охоту, бралъ съ собою двухъ казаковъ съ мѣшками, которые очень скоро наполнялись.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 232.

1 октября экспедиція перешла на зимнее положеніе, и палатки замѣнены были юртами.

Въ урочищѣ Уланъ-гаджиръ путешественники провели пять сутокъ, приготовляясь къ трудному переходу до урочища Гасъ. Съ большимъ трудомъ, и то лишь при содѣйствіи вышеупомянутаго дунганина изъ Синина, удалось достать проводника, и наконецъ 13 октября караванъ двинулся по направленію къ интересному урочищу.

Идти пришлось по чрезвычайно безплодной, холмистой, необыкновенно пыльной равнинѣ. Разгуливающіе на свободѣ вѣтры пустыни производятъ разрушительное дѣйствіе, которое видно на каждомъ шагу. Вѣтры изрыли рыхлую почву пустыни узкими долинами, ущельями, оврагами; мѣстами нагромоздили массы песка, а залежамъ твердой глины придали разнообразныя, иногда причудливыя, формы: башенъ, куполовъ и т. п.

Среди этой ужасной, совершенно безжизненной пустыни, кое-гдѣ выдаются болѣе или менѣе обширныя площади, гдѣ выступаютъ подземные ключи, питающіеся снѣговыми вершинами горъ, которыя ограничиваютъ равнину съ сѣвера и юга.

Къ такимъ-то до нѣкоторой степени орошеннымъ мѣстностямъ, представляющимъ подобіе оазисовъ, принадлежатъ два урочища—Гансы и Гасъ, тогда какъ далѣе отъ горъ внутри западной части Цайдамской котловины, нѣтъ никакихъ ключей, и тамъ пустыня проявляется со всѣми своими ужасами безводія и безплодія.

Отъ послѣдняго пункта остановки при небольшомъ соленомъ озерѣ Гашунъноръ до урочища Гансы предстоялъ большой безводный переходъ въ 67 верстъ, который прошли въ три пріема съ запасною водою.

Гансы представляетъ собою большую впадину, верстъ 50 въ окружности, бывшую, вѣроятно, еще недавно дномъ большаго высохшого озера.

Здѣсь выходитъ много ключей, но почва вообще сильно пропитана солью и поросла характерными солончаковыми растеніями. На другой день прихода въ урочище Гансы, именно 19 октября, путешественники отпраздновали годовщину своего путешествія. Со дня выхода изъ Кяхты пройдено было до сихъ поръ 3,980 верстъ.

Отъ Гансы до слѣдующаго ключевого урочища Гасъ снова предстоялъ безводный переходъ въ 57 верстъ, который совершенъ былъ вполнѣ благополучно, и къ полудню слѣдующаго дня по выступленіи путешественники уже разбили свой бивуакъ на восточной окраинѣ столь прославленнаго оазиса.

Урочище Гасъ, о которомъ такъ часто слышалъ раньше Николай Михайловичъ на Лобъ-норѣ и въ Цайдамѣ, лежитъ въ сѣверо-западномъ углу Цайдамской впадины; тамъ, гдѣ ограничивающій его съ сѣвера хребетъ Алтынъ-тагъ и главный кряжъ Куэнъ-люня наиболѣе сближаются между собою.

Подобно Гансы, Гасъ представляетъ собою котловину, бывшую прежде дномъ соленаго озера, отъ котораго теперь осталась лишь незначительная часть—озеро Гасъ, имѣющее верстъ 45 въ окружности. Площадь этой котловины весьма

значительна и протягивается верстъ на 70 съ востока на западъ, полосою верстъ въ 20 ширины.

Убыль вслѣдствіе испаренія въ озерѣ Гасъ пополняется небольшой единственной рѣчкой, которая образуется изъ многочисленныхъ ключей верстахъ въ 30 западнѣе. По низменнымъ берегамъ этой рѣчки, въ особенности по низовьямъ ея поросли тростники и разбросаны кочковатыя болота, все же остальное пространство урочища представляетъ почти сплошные солончаки.

Звѣрей въ Гасѣ довольно много: на солончаковыхъ пастбищахъ держатс хуланы и хара-сульты, много зайцевъ, волковъ и медвѣдей, а въ тростниковых заросляхъ держатся кабаны, которые, по сообщенію монголовъ, ежегодно прико чевываютъ сюда изъ Лобъ-нора, а на зиму обратно уходятъ.

Постоянныхъ жителей Николай Михайловичъ не нашелъ здѣсь, но временно монголы сюда появляются со своими стадами, а также приходятъ охотники изъ Черченскаго оазиса для охоты преимущественно за хуланами.

Между тѣмъ раньше, по сообщенію тѣхъ же монголовъ, здѣсь были постоянные жители. Подтвержденіемъ этого являются развалины древней хырмы и слѣды прежнихъ заброшенныхъ пашенъ.

Хотя само по себѣ урочище Газъ нисколько не лучше другихъ подобныхъ же клочковъ, орошенныхъ ключами, напр., Гансы, но цайдамскіе монголы, по замѣчанію Пржевальскаго, почему-то особенно имъ восхищаются. У нихъ даже существуютъ произведенія народнаго творчества касательно этой мѣстности. Такъ Николаю Михайловичу удалось записать одну изъ такихъ историческихъ пѣсенъ въ которой воспѣваются подвиги вышеупомянутаго героя Данджинъ-хунъ-тайджи:

«Бѣлый гасынскій дырисунъ колышется вѣтромъ. Одинъ маленькій Данджинъ отправляется отсюда къ сѣверу. Вѣтеръ, сбрасывающій верхніе юрточные войлоки, онъ за вѣтеръ не считается. Дождь, промачивающій шубу—дождемъ не считается. Обширную безводную глину, на которой устаетъ хуланъ—глиною не считаетъ. Лебедь блудитъ въ пыльномъ туманѣ — туманомъ не считаетъ. Сининскія ворота саблею рубилъ, самъ виноватъ сталъ и убѣжалъ. Бурю бурею не считаю; морозъ, въ который щеки отмерзаютъ, морозомъ не считаю. О, Господи! помилуй и прости мою душу *)!»

Выбравъ удобное для стоянки мѣсто, гдѣ подъ бокомъ была и ключевая вода, и подножный кормъ для животныхъ и топливо (хармыкъ), Николай Михайловичъ отправилъ Иринчинова съ Абдулой и проводникомъ-монголомъ проѣхать вдоль всего урочища и поискать, не встрѣтятся ли гдѣ-либо кочевники, изъ которыхъ можно было бы завербовать себѣ проводника, а самъ съ двумя казаками отправился въ экскурсію въ южномъ направленіи къ лежащимъ по близости горамъ.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 343.

«Мы направились,—разсказываетъ онъ *),—въ ущелье, образуемое рѣчкою, сбѣгающею съ западной снѣговой группы. Путь лежалъ по покатой отъ горъ, совершенно безплодной равнинѣ. Ну, и поработали же здѣсь вѣтры! Всѣ рѣшительно попадавшіеся намъ камни, крупные и мелкіе, при томъ нужно замѣтить, гранитные, были исковерканы и представляли собою формы блюдъ, чашекъ, башмаковъ, раковинъ и т. п.».

На слѣдующій день Пржевальскій вернулся на бивуакъ, нѣсколько позднѣе возвратился и другой разъѣздъ, безъ всякаго результата: они проѣхали все урочище, но нигдѣ не встрѣтили ни души, хотя слѣды недавнихъ стоянокъ попадались не разъ. Приходилось, слѣдовательно, отыскивать дальнѣйшій путь своими средствами.

Пржевальскій намѣревался, какъ уже раньше указано, устроить въ урочищѣ Гасъ складъ и предпринять экскурсію въ Тибетъ, а затѣмъ уже двинуться къ Лобъ-нору.

Но прежде чѣмъ идти въ Тибетъ, рѣшено было теперь-же, со свѣжими силами, отыскать напередъ дорогу къ Лобъ-нору, до котораго, судя по проложенному на картѣ предыдущему пути, оставалось уже недалеко, по крайней мѣрѣ до того пункта, который уже посѣщенъ былъ Пржевальскимъ въ Лобъ-норскую экспедицію (въ 1877 г.).

Тѣмъ не менѣе разъѣздъ предстоялъ громадный, такъ какъ приходилось «ощупью» разыскать удобный для вьючныхъ животныхъ проходъ въ хребтѣ Алтынъ-тагъ, другими словами, отыскать уже давно заброшенный древній путь изъ Тибтеа къ Лобъ-нору и на Куку-норъ.

Такое важное и трудное порученіе возложено было на испытаннаго уже и незамѣнимаго спутника, урядника Иринчинова, а сопутствовать ему вызвался казакъ Хлѣбниковъ. Къ нимъ присоединенъ былъ еще монголъ-проводникъ, который искусился хорошею платою, но, какъ потомъ оказалось, являлся лишь обузою для неутомимыхъ и отважныхъ развѣдчиковъ, самъ же приносилъ весьма мало пользы.

Посланные отправились на верблюдахъ и взяли съ собой продовольствія на двѣ недѣли, палатки же и другихъ принадлежностей бивуака, кромѣ самыхъ необходимыхъ, они не взяли съ собою, чтобы не обременять верблюдовъ багажемъ.

Одновременно съ этимъ посланъ былъ и другой разъѣздъ: казаку Телешову съ однимъ товарищемъ приказано было отправиться на западъ и развѣдать ближайшій путь, по которому предстояло отправиться въ экскурсію на Тибетское нагорье, да кстати настрѣлять антилопъ для продовольствія, такъ какъ теперь необходимо было экономить купленыхъ барановъ.

Этотъ разъѣздъ вернулся черезъ три дня. Казаки обслѣдовали мѣстность верстъ на 70 впередъ и убили 7 антилопъ оронго. Люде и эти посланцы не

*) Тамъ же, стр. 343.

встрѣтили ни души, такъ что достать проводника въ пустынѣ, слѣдовательно, нечего было и думать.

Замѣчательный случай былъ съ казакомъ Телешовымъ во время этой экскурсіи: на охотѣ одинъ раненый самецъ оронгò бросился на него и своими острыми рогами прокололъ ему шубу, но къ счастью, ударъ пришелся низко и такъ удачно, что нога застряла между рогами; если бы рога направлены были хоть немного выше, то ударъ могъ быть смертельнымъ. Такъ путешественнику грозитъ опасность на каждомъ шагу, даже отъ такого безобиднаго, повидимому, животнаго, какъ маленькая антилопа.

Въ ожиданіи возвращенія Иринчинова со своихъ развѣдокъ, путешественники занимались сортировкою багажа, отбирая то, что нужно взять и что оставить въ складѣ, а по окончаніи этой работы Николай Михайловичъ произвелъ нѣсколько научныхъ экскурсій въ болѣе близкомъ районѣ.

На двѣнадцатыя сутки вернулся Иринчиновъ съ товарищами и объявилъ, что путь найденъ. Большимъ трудомъ купленъ былъ такой успѣхъ. На протяженіи почти 50 верстъ по гребню Алтынъ-тага казаки излазили почти каждое ущелье, неоднократно переправлялись на противоположную сторону хребта, но встрѣтивъ уже дальше непроходимую мѣстность, возвращались назадъ, пока, наконецъ, не напали на истинный путь, по которому проѣхали верстъ 60 до совершеннаго выхода изъ горъ.

Такимъ образомъ древній путь, издавна утраченный, по которому изъ европейцевъ проходилъ одинъ только знаменитый Марко-Поло, былъ найденъ и теперь уже отперта была дверь въ бассейнъ Тарима изъ Цайдама и Куку-нора и Тибета. Это одно уже составляло крупный успѣхъ.

На западной окраинѣ Гасъ, въ ключевомъ урочищѣ Чонъ-яръ, устроенъ былъ складъ, при которомъ остались шесть казаковъ и переводчикъ Абдулъ Юсуповъ подъ начальствомъ старшаго урядника Иринчинова. Остальные путешественники снарядились налегкѣ и 19 ноября отправились въ экскурсію. Караванъ сформированъ былъ небольшой, взяли самыя необходимыя вещи и продовольствія на 2 мѣсяца.

Отъ Чонъ-яра сразу же предстоялъ безводный переходъ въ 35 верстъ по совершенно безплодной равнинѣ огромной долины Вѣтровъ. Путешественники вышли послѣ полудня, ночевали съ запаснымъ льдомъ и дровами а на слѣдующій день еще рано дошли до того мѣста, гдѣ рѣка Засайнъ-Сейту скрывается подъ землею, съ тѣмъ чтобы черезъ 35 верстъ выйти вновь на поверхность въ урочищѣ Чонъ-яръ въ видѣ многочисленныхъ ключей, образующихъ вышеупомянутый притокъ озера Гасъ.

Продолжая двигаться по долинѣ Вѣтровъ и слѣдуя теченію рѣки, путешественники сначала шли хорошо, имѣя подъ руками воду, подножный кормъ для животныхъ и топливо. Но все это вскорѣ кончилось, такъ какъ рѣка опять

исчезла подъ землею. Голая, совершенно безплодная и безводная пустыня явилась, лишь миновали только ключевые истоки рѣки.

Пришлось вернуться назадъ, и самъ Николай Михайловичъ съ двумя казаками отправился на розыски пропавшей рѣки.

Поиски увѣнчались успѣхомъ и въ тотъ же день исчезнувшая въ подземныхъ слояхъ рѣчка была найдена въ новомъ выходѣ.

Прежнее западное направленіе измѣнилось теперь сначала въ юго-западное, а затѣмъ въ южное, и путешественники двинулись по ущелью рѣки черезъ проломъ въ крайнемъ кряжѣ Куэнъ-люня на Тибетское плато.

Взобравшись на Тибетское нагорье, Николай Михайловичъ рядомъ небольшихъ экскурсій въ сравнительно короткое время успѣлъ разобраться въ топографіи мѣстности.

Долина Вѣтровъ, названная имъ такъ потому, что въ ней почти безпрестанно дуютъ необыкновенно сильныя западныя бури, съ сѣвера-запада ограничивается сначала хребтомъ Чаменъ-тагъ, а далѣе къ западу Алтынъ-тагомъ, къ которому примыкаетъ. Чаменъ-тагъ очень узкій хребетъ,—всего 10—15 верстъ въ поперечникѣ, но очень высокъ и подымается выше снѣговой линіи. Громадною стѣною подымается онъ почти отвѣсно на $1^1/_2$—2 тысячи футовъ по вертикалу надъ равниною долины и отличается крайнимъ безплодіемъ; ни ключей, ни какихъ либо признаковъ растительности на подобныхъ крутыхъ скатахъ нѣтъ и слѣда. Только по ущельямъ появляются кое-какіе корявые кустарники и жиденькія травы.

Съ юга долину Вѣтровъ ограничиваетъ сначала хребетъ, названный Пржевальскимъ Цайдамскимъ, такъ какъ онъ далеко протягивается на востокъ, ограничивая съ юга и съ юго-запада Цайдамскую равнину, а далѣе хребетъ Московскій со своею главною вершиною Кремль (13,800 ф.), дающій большой отрогъ къ югу, который замыкаетъ съ юга котловину большого соленаго озера Незамерзающаго.

Параллельно Цайдамскому хребту, къ югу отъ него простирается огромный хребетъ, названный въ честь великаго генэузца, открывшаго Новый Свѣтъ—хребтомъ Колумба. Хребетъ этотъ также узокъ, но подымается выше снѣговой линіи; общій характеръ такой же, какъ и у выше указанныхъ—безплодіе, бѣдность водою, крутизна склоновъ.

Флора и фауна на всѣхъ вышеупомянутыхъ хребтахъ бѣдна и носитъ тибетскій характеръ; жителей въ самыхъ горахъ и въ прилежащихъ къ нимъ мѣстностяхъ нѣтъ совсѣмъ, но кое-гдѣ въ ущельяхъ попадались слѣды недавнихъ стойбищъ, вѣроятно туркестанцевъ, которые тайкомъ отъ китайцевъ приходятъ изъ ближайшихъ оазисовъ Таримской котловины и занимаются промывкою золота, такъ какъ этого драгоцѣннаго металла много во всей этой странѣ *), да, какъ мы уже указывали, и въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

*) Особенно изобилуетъ золотомъ урочище Бугулукъ, въ долинѣ Вѣтровъ, гдѣ Пржевальскій нашелъ много слѣдовъ промывки. Также славится золотомъ и Алтынъ-Тагъ,

Когда караванъ взобрался на ограду долины Вѣтровъ съ юга, то съ высоты перевала (13,800 ф. абс. выс.) открылся видъ на обширную равнину, разстилавшуюся за хребтомъ Московскимъ и его южнымъ отрогомъ. Впереди, совсѣмъ, повидимому, близко, виднѣлась сверкающая водная поверхность большого озера, а за нимъ вдали высился новый огромный хребетъ, увѣнчанный вѣчными снѣгами.

Хребетъ этотъ, насколько можно было обозрѣть съ высоты, простирается на громадное пространство съ запада на востокъ и, какъ потомъ оказалось, соединяетъ хребетъ Марко-Поло (открытый и окрещенный Пржевальскимъ въ предыдущее тибетское путешествіе въ 1879—80 гг.) съ центральною частью Куэнь-люня (хребетъ Тогузъ-Дабанъ).

Этотъ хребетъ Николай Михайловичъ назвалъ «Загадочнымъ», но впослѣдствіи, по рѣшенію совѣта Географическаго Общества, хребетъ этотъ наименованъ былъ «хребтомъ Пржевальскаго» для увѣковѣченія имени знаменитаго путешественника въ той самой странѣ, гдѣ совершалъ онъ свои подвиги *).

Налюбовавшись вдоволь открывшеюся съ перевала величественною панорамою и сдѣлавъ необходимыя замѣтки, Николай Михайловичъ двинулся со своимъ отрядомъ впередъ по обширной равнинѣ по направленію къ озеру, которое занимало низину и было видно издали. До него, казалось, было совсѣмъ близко, однако караванъ шелъ цѣлый день и остановился на ночлегъ еще не дойдя 18 верстъ до ближайшаго берега озера.

Характеръ равнины, по которой шли теперь путешественники, былъ пустынный. Почва песчаная и глинистая, по большей части совершенно голая, лишь мѣстами попадались небольшія поросли осоки или корявыхъ низкорослыхъ кустарниковъ чернобыльника. Ни ручья, ни ключа не встрѣтилось ни одного, такъ что ночевали съ привезеннымъ льдомъ. Животныя страшно проголодались и съ жадностью накинулись на скудный подножный кормъ. Ночь проведена была въ довольно тревожномъ настроеніи, такъ какъ запасъ льда уже вышелъ, а еще неизвѣстно было найдутся-ли ключи около озера, такъ какъ собственная его вода навѣрное была слишкомъ солона для того, чтобы ее можно было пить **), между тѣмъ животныя уже третьи сутки не получали воды.

Дѣйствительно, когда подошли на слѣдующій день къ озеру, то оказалось, что вода его совершенно негодна для питья. Озеро это обширно и имѣетъ верстъ 50 въ длину и 10—20 въ ширину, но мелкое.

Вдоль береговъ тянулась узкая полоса рыхлаго льда въ 70—100 саж. шириною, вся же внутренняя часть оставалась незамерзшею, несмотря на то,

---

и самое названіе его въ переводѣ означаетъ „золотой хребетъ" („алтынъ"—золото по-монгольски, „тагъ"—хребетъ по-тюркски).

*) См. „Извѣстія И. Р. Г. Общ.", т. XXII, стр. 200 и 480.

**) Стояли уже сильные морозы, а между тѣмъ вода въ озерѣ явно была незамерзшая, что можно было объяснить только крайнею соленостью.

что морозы случались уже въ —34,4°: температура воды, измѣренная подъ льдомъ вблизи берега, оказалась —11°. Въ тихія, сильно морозныя ночи, надъ всѣмъ озеромъ подымался густой бѣловатый туманъ, который утромъ, при яркомъ освѣщеніи восходящаго солнца, представлялъ замѣчательно красивое и оригинальное зрѣлище.

Поиски ключей съ прѣсною водою, сначала тщетные, увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ найдены были накипи льда съ прѣсною водою.

Лишь только устроенъ былъ бивуакъ, Пржевальскій съ Роборовскимъ тотчасъ-же отправились на рекогносцировку окрестностей. Проѣхавъ версты три, они увидѣли довольно высокій холмъ и взобрались на его вершину. При общей равнинности мѣстности, горизонтъ открылся очень широкій..., но ничего утѣшительнаго для себя не увидѣли здѣсь путешественники: насколько хваталъ глазъ къ юго-востоку и къ югу тянулись все тѣ же невысокіе холмы и увалы, совершенно безплодные и, какъ можно было предполагать, безводные.

Рыхлая лёссовая почва, изъ которой слагалась поверхность этой мѣстности, была страшно изуродована: повсюду виднѣлись конусы, крѣпости, башни, мосты, подземные ходы, корридоры, вертикальные обрывы и т. п.

Осмотрѣвъ тщательно въ подзорную трубу всѣ окрестности, Николай Михайловичъ пришелъ къ заключенію, что дальше идти въ южномъ направленіи нельзя, такъ какъ истомленныя животныя не въ состояніи были бы идти еще неопредѣленное время по трудной, а, быть можетъ, даже и по непроходимой мѣстности. Поэтому рѣшено было вернуться и продолжать движеніе къ западу по долинѣ Вѣтровъ.

Пока же Николай Михайловичъ удовольствовался опредѣленіемъ общаго характера и направленія гигантскаго снѣгового хребта, который высился впереди— т. е. хребта Загадочнаго. Высшую точку этого хребта, имѣющую форму большой мѣховой шапки, онъ назвалъ Шапкой Мономаха.

Обратный путь и спускъ съ тибетскаго плато совершенъ былъ очень скоро, сокращенною дорогою напрямикъ, а затѣмъ двинулись снова на западъ по долинѣ Вѣтровъ. Здѣсь путь попрежнему былъ сносный: ключи попадались довольно часто, а возлѣ нихъ и кое-какой подножный кормъ, а также и кустарники для топлива.

Дневокъ путешественники теперь давно уже не дѣлали, но двигались не спѣша небольшими переходами, чтобы можно было безпрепятственно дѣлать боковыя экскурсіи для изслѣдованія мѣстности.

Ежедневныя дежурства, пастьба животныхъ и ночные караулы шли попрежнему. Казаки, какъ и раньше, держали себя молодцами, несмотря на то, что всякія трудности путешествія все возрастали. Дѣйствительно, съ одной стороны лютая зима донимала трескучими морозами (до —30°) и безпрестанными свирѣпыми бурями, съ другой—припасы, взятые въ обрѣзъ для возможнаго умень-

шенія багажа, подходили уже къ концу и приходилось экономить на всемъ, даже на такихъ предметахъ первой необходимости, какъ чай и дзамба.

Дно долины Вѣтровъ постепенно повышалось по мѣрѣ движенія къ западу, сама долина вмѣстѣ съ тѣмъ все съуживалась, такъ что ледники окружающихъ горъ, все время ярко блестѣвшіе на солнцѣ, все приближались и отъ нихъ шелъ въ долину совершенно ровный скатъ.

Къ сожалѣнію, усталость животныхъ не позволяла подняться до нихъ, такъ что Пржевальскій уже и не помышлялъ объ этомъ, а хотѣлъ лишь изслѣдовать, какимъ образомъ отдѣляется эта огромная долина отъ Таримской котловины и его интересовалъ вопросъ, нѣтъ-ли здѣсь удобнаго прохода.

Къ великой его радости такой проходъ дѣйствительно оказался.

19 декабря караванъ добрался до перевала, подъемъ на который со стороны долины Вѣтровъ настолько удобенъ, что путешественники даже почти не замѣтили, какъ добрались до высшей точки, откуда передъ ними вдругъ открылся видъ внизъ на противоположную сторону, гдѣ сначала идетъ также довольно пологій скатъ, а затѣмъ открывается ущелье Черченской рѣки, идущей въ Черченскій оазисъ, который находится уже по ту сторону Алтынъ-тага, т. е. въ Таримско-лобнорской котловинѣ. Отъ вершины перевала, до котораго достигли путешественники, оставалось до города Черчена вѣроятно не болѣе, какъ верстъ 200 и путь здѣсь несомнѣнно существуетъ, такъ какъ здѣсь видны были довольно хорошо прототоренныя тропинки, да въ этомъ увѣряли впослѣдствіи и туземные жители.

Какъ ни соблазнительно было для Николая Михайловича и его спутниковъ пробраться къ Черчену, гдѣ можно было бы хорошенько отдохнуть и найти въ изобиліи всякіе припасы, въ которыхъ они уже сильно нуждались, но этого исполнить было нельзя, такъ какъ экскурсія и безъ того уже слишкомъ удалилась отъ экспедиціоннаго склада, животныя, да и сами путешественники были слишкомъ истомлены, да, наконецъ, надо было торопиться идти къ Лобъ-нору, чтобы не опоздать и не пропустить наблюденія весенняго пролета птицъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ путешественники только взглянули на заманчивую дорогу къ Черчену и на слѣдующій день повернули назадъ къ своему складу.

Обратный путь былъ легче уже по одному тому, что сильные вѣтры, которые почти безпрерывно разгуливаютъ по долинѣ, дули теперь не въ лицо, а въ спину, и кромѣ того путешественниковъ подкрѣпляла и утѣшала надежда на скорое окончаніе мытарствъ и на отдыхъ.

Не доходя нѣсколькихъ переходовъ до Чонъ-яра, Николай Михайловичъ разбилъ бивуакъ на удобномъ мѣстѣ, во-первыхъ для того, чтобы дать отдохнуть верблюдамъ и лошадямъ и подкормиться, а во-вторыхъ для того, чтобы настрѣлять антилопъ для продовольствія, такъ какъ взятые бараны приходили уже къ концу, а предстоялъ еще долгій путь до Лобъ-нора.

На первой же охотѣ убиты были 23 антилопы оронгò, и Николай Михайловичъ прекратилъ дальнѣйшую бойню.

Отдохнувъ здѣсь два дня, путешественники двинулись дальше, но черезъ два перехода устроили новую дневку, по случаю наступленія Новаго года, который отпраздновали при крайней скудости запасовъ.

2 января 1885 года Пржевальскій отправилъ двухъ казаковъ съ нѣсколькими вьючными верблюдами въ Чонъ-яръ, а самъ съ остальными спутниками предпринялъ еще одну экскурсію, вверхъ по долинѣ р. Хатынъ-занъ, которая представляетъ притокъ Зайсанъ-Сейту, хотя зимою и не доходитъ до нея верстъ на 10.

Рѣка Хатынъ-занъ протекаетъ между хребтами Цайдамскимъ и Колумба. По ея долинѣ пролегаетъ почти заброшенный въ настоящее время древній путь западно-монгольскихъ богомольцевъ отъ Лобъ-нора въ Лхассу.

Николай Михайловичъ прошелъ по этому пути верстъ 80 и получилъ такимъ образомъ возможность закончить изслѣдованіе направленія и общаго характера окрестныхъ хребтовъ. Далѣе идти было невозможно, такъ какъ лошади и верблюды окончательно выбились изъ силъ.

Сами путешественники держались еще бодро, и неутомимый Николай Михайловичъ продолжалъ свои изслѣдованія, какъ географическія, такъ зоологическія и ботаническія. Между прочимъ, ему удалось здѣсь пріобрѣсти экземпляръ новаго вида аргали, который онъ назвалъ именемъ земного божества буддистовъ аргали Далай-ламы (ovis Dalai-lamae).

Отъ крайняго пункта Хатынъ-занской экскурсіи по прямому направленію до склада въ Чонъ-ярѣ оставалось всего верстъ 50. Нужно было только перевалить черезъ Цайдамскій хребетъ, но при крайнемъ истощеніи караванныхъ животныхъ объ этомъ нечего было и думать, хотя подъемъ на хребетъ былъ и не особенно труденъ.

Рѣшено было возвращаться прежнею дорогою, но съ послѣдняго бивуака Николай Михайловичъ предпринялъ еще одну научную экскурсію на ближайшую возвышенность Цайдамскаго хребта.

Съ большой высоты, при случайно выпавшей на нѣсколько часовъ хорошей, ясной погодѣ, ему удалось обозрѣть огромный горизонтъ, такъ что, въ связи съ прежними изысканіями, теперь уже окончательно выяснилось расположеніе хребтовъ и общій ихъ характеръ. «Высокія горы вверхъ и внизъ по долинѣ Хатынъ-зана были отлично видны на далекомъ протяженіи. Между ними громада Джинъ-ри (около 20 т. ф. въ хр. Марко-Поло) рельефно выдѣлялась на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Ея ледники блестѣли на солнцѣ, словно гигантскія зеркала. Гривою протягивалась отъ названной горы къ западу верстъ на 25—30 также громадная ледниковая масса... Долина къ югу и юго-востоку уходила за горизонтъ. Въ ближайшей ея части замерзшій Хатынъ-занъ тянулся серебряною лентою и, заворачивая круто къ югу, прятался въ горахъ. вблизи

своихъ истоковъ. Къ сѣверу совсѣмъ близко высилась снѣговая группа Цайдамскаго хребта и заслоняла собою болѣе далекій въ эту сторону горизонтъ *).

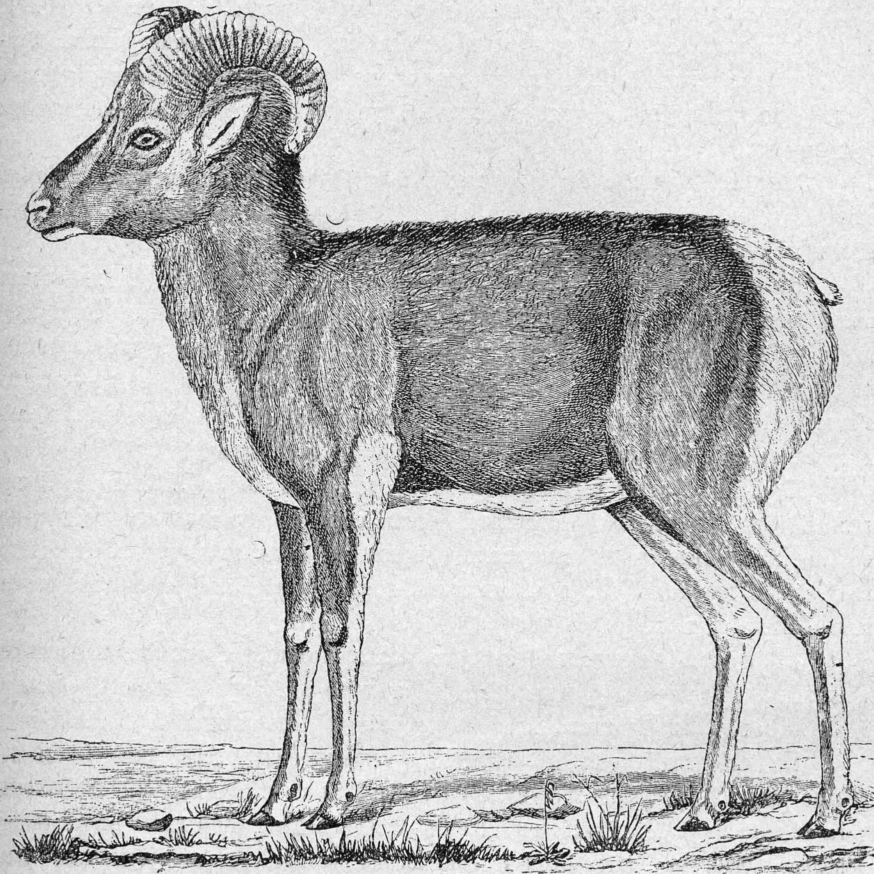
Порѣшивъ возвратиться, путешественники торопились поскорѣе пройти разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ склада, который казался имъ теперь какимъ-то раемъ, гдѣ можно будетъ отдохнуть отъ трудовъ и невзгодъ затянувшейся экс-

Аргали Далай-ламы (ovis Dalai-lamae).

курсіи. Невзгоды эти теперь уже обострились до крайности и путники страдали не только отъ безпрестанныхъ холодовъ и бурь, но также отъ недостатка бѣлья, одежды, обуви (все поизносилось за время трудной экскурсіи), а также и съѣстныхъ припасовъ: теперь уже приходилось питаться почти исключительно сквернѣйшею дзамбою, мѣтко прозванною казаками «мохнатою» (смолотою изъ неочищеннаго ячменя, вмѣстѣ съ остями). Чай былъ уже давно на исходѣ и его эко-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 275.

Аргали Далай-ламы (ovis Dalai-lamae).

номили до крайности, заваривая по нѣсколько разъ одинъ и тотъ же, барановъ давно уже не было, а звѣриное мясо сильно опротивѣло, тѣмъ болѣе, что его приходилось употреблять полу-сырымъ за недостаткомъ топлива и времени для настоящей варки при поспѣшномъ маршѣ.

Въ пять дневныхъ переходовъ изнуренные, до-нельзя грязные, въ лохмотьяхъ и почти впроголодь, путники добрались до урочища Чонъ-яръ, и 11 января 1885 г. были обрадованы встрѣчею со своими оставшимися при складѣ товарищами. Экскурсія продолжалась 54 дня и за это время Николаю Михайловичу удалось изслѣдовать одинъ изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ Центральной Азіи, пройдя 784 версты.

Здѣсь все обстояло благополучно: казаки были живы и здоровы, верблюды совершенно поправились, и теперь снова можно было двинуться въ дальнѣйшій путь.

По приходѣ въ Чонъ-яръ, путешественники употребили дня два на отдыхъ послѣ понесенныхъ тяжкихъ трудовъ, началась стрижка, мытье, словомъ, приведеніе себя въ образъ человѣческій; изъ вьюковъ выпуты были лучшіе припасы, чтобы полакомиться, послѣ долгихъ лишеній. «Всѣ минувшія невзгоды,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—теперь стушевались, и лишь въ отрадномъ образѣ являлся въ воспоминаніи успѣхъ совершеннаго путешествія» *).

Желая къ началу весны непремѣнно достигнуть озера Лобъ-нора, Пржевальскій рѣшилъ не долго отдыхать. Безъ дальнихъ проволочекъ тотчасъ-же начали приготовленія къ выступленію, приведены были въ порядокъ собранныя коллекціи и написаны всѣ необходимыя спеціальныя замѣтки, вновь разсортированъ багажъ и т. п.

14 января закончены были уже всѣ приготовленія, экспедиція покинула прекрасную стоянку въ урочищѣ Гасъ (Чонъ-яръ) и двинулась на сѣверо-западъ по пути, отысканному, какъ было раньше указано, еще въ ноябрѣ прошлаго года.

На слѣдующій день, по выходѣ, путешественники перевалили черезъ довольно высокій, но узкій хребетъ, простирающійся къ сѣверо-востоку отъ Чаменъ-тага и названный Пржевальскимъ Безъ-именнымъ. Караванъ вступилъ въ довольно обширную, солончаковую, совершенно безплодную и пустынную, усыпанную щебнемъ, вперемежку съ песчаными и лессовыми площадками, котловину, простирающуюся между упомянутымъ хребтомъ и Алтынъ-тагомъ.

Здѣсь встрѣтилось небольшое, чрезвычайно соленое (незамерзающее) озерцо Гашунъ-норъ, возлѣ котораго путешественники запаслись льдомъ, намерзшимъ большими накипями въ мѣстахъ выхода ключей, и двинулись дальше къ Алтынъ-тагу.

Черезъ два дневныхъ перехода караванъ достигнулъ южной подошвы громаднаго хребта Алтынъ-тага, открытаго и отчасти обслѣдованнаго уже Николаемъ Михайловичемъ еще въ 1876 г., во время Лобъ-норскаго путешествія.

*) Тамъ же, стр. 278.

Перевалъ черезъ этотъ хребетъ, найденный разъѣздомъ казаковъ въ ноябрѣ прошлаго года, оказался очень удобнымъ для прохода каравана.

Подъемъ съ южной стороны былъ почти незамѣтенъ, затрудненія представляли только груды обломковъ и камней, образовавшихся, вѣроятно, вслѣдствіе обваловъ и загромождавшихъ иногда дорогу по ущельямъ.

Въ одномъ изъ такихъ ущелій (Курганъ-сай), уже по ту сторону главнаго кряжа хребта, встрѣтилось ключевое и кормное мѣстечко, на которомъ путешественники устроили дневку, и Николай Михайловичъ съ вершины ближай-

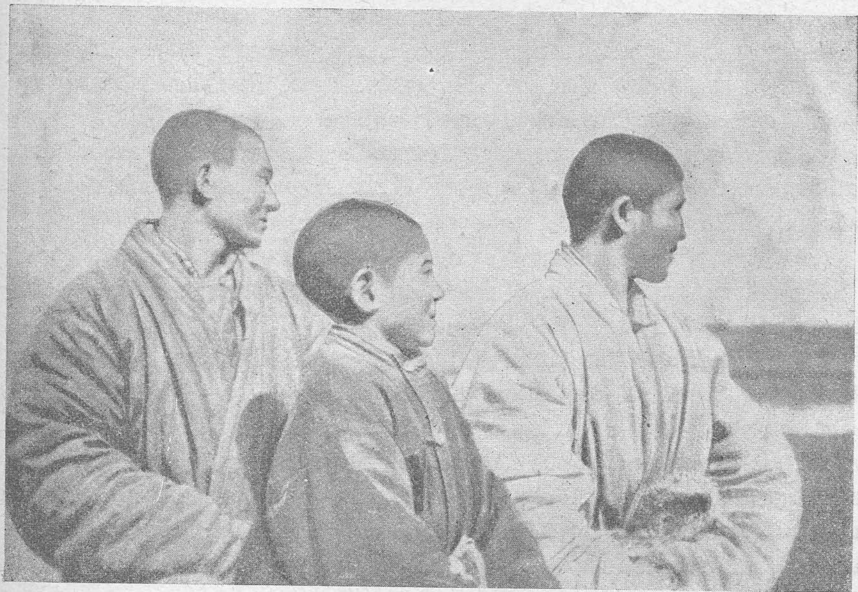
Лобъ-норцы изъ деревни Абдалъ,

шей возвышенности получилъ возможность нанести на карту, въ общихъ чертахъ орографію окрестной мѣстности.

Недалеко отъ бивуака, на небольшомъ холмѣ, оказались развалины древняго укрѣпленія, которое, очевидно, запирало нѣкогда проходъ черезъ ущелье Курганъ-сай. По собраннымъ нѣсколько позднѣе свѣдѣніямъ, такія же древнія заставы встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ проходахъ черезъ Алтынъ-тагъ. Нахожденіе этихъ развалинъ дало еще новое убѣдительное доказательство, что путь, по которому теперь шла экспедиція, былъ именно древній заброшенный путь отъ Лобъ-нора въ Китай и Тибетъ.

Пройдя еще верстъ 50 по совершенно безплодной и безводной, песчаной и хрящеватой равнинѣ, Пржевальскій встрѣтилъ, недалеко отъ ключа Ащи-булакъ, слѣды бивуака своего отряда, во время экскурсіи зимою 1877 г.

... съ вершины ближай-

Лобъ-норцы изъ деревни Абдалъ,

«Несмотря на то, что съ того времени минуло уже восемь лѣтъ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *), — еще хорошо сохранились слѣды нашей юрты и лежбищъ верблюдовъ; цѣлы были уголья нашего костра и даже оставшіяся тогда лишнія дрова».

До Лобъ-нора оставалось уже очень недалеко, верстъ 10; абсолютная высота спустилась до 2,600 ф. Отъ самой Кяхты путешественники ни разу не спускались такъ низко, и теперь сразу стало замѣтно теплѣе.

На слѣдующій день путешественники вышли на южный берегъ знаменитаго озера и двинулись на западъ вдоль линіи берега. Мѣстность, по которой теперь пришлось идти — отвратительная: голый солончакъ, взъерошенный на своей поверхности, словно застывшія волны. Полоса эта, очевидно, бывшее дно озера, облегаетъ, шириною верстъ на 10, весь южный берегъ Лобъ-нора, а къ востоку, по сообщенію туземцевъ, сильно расширяется.

Озеро было еще покрыто сплошной ледяной корой, но первые вѣстники приближающейся весны — утки и лебеди — уже начали появляться небольшими стайками.

Людей нигдѣ не встрѣчалось, хотя въ густыхъ заросляхъ тростниковъ мѣстами виднѣлись струйки дыма. Очевидно, лобъ-норцы попрятались, при приближеніи каравана.

Подозрѣвая это, Николай Михайловичъ послалъ впередъ къ деревнѣ Абдалъ, резиденціи Лобъ-норскаго правителя Кунчиканъ-бека, Абдула Юсупова и Иринчинова, уже бывшихъ въ этихъ мѣстахъ во время Лобъ-норской экспедиціи.

Посланные нашли селеніе Абдалъ совершенно пустымъ, не было ни одной живой души. Переводчикъ Абдулъ началъ громко кричать и приглашалъ жителей выходить. Только послѣ многократныхъ подобныхъ приглашеній, изъ густыхъ тростниковыхъ зарослей, сосѣднихъ съ деревнею, робко начали показываться туземцы и выходить изъ своихъ тайниковъ; но лишь только нѣкоторые изъ нихъ узнали въ пришельцахъ, надѣлавшихъ тревогу, своихъ давнишнихъ знакомцевъ, какъ отношенія тотчасъ же перемѣнились. Боязнь исчезла, а наоборотъ, добродушные дикари даже обрадовались встрѣчѣ со старыми знакомцами. Послѣ этого жители Абдала большою толпою отправились на встрѣчу экспедиціи и поднесли въ даръ Николаю Михайловичу только что испеченный хлѣбъ, котораго путешественники не видали отъ самой Урги.

Въ сопровожденіи этой толпы караванъ экспедиціи прошелъ еще четыре версты по берегу озера, и путешественники расположились бивуакомъ у деревни Новый Абдалъ, гдѣ Пржевальскій не разъ останавливался также и въ 1877 г.

---

*) Тамъ же, стр. 283.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Лобъ-норъ.

Бассейнъ Тарима и Лобъ-норъ; флора, фауна, население.—Удобная стоянка.—Дружественныя отношенія къ туземцамъ. — Этнографическія изслѣдованія Пржевальскаго на Лобъ-норѣ и Нижнемъ Таримѣ.—Историческая справка.—Мѣстныя преданія.—Развалины древнихъ городовъ и легенды о нихъ. — Современное состояніе: администрація, подати.—Типъ, одежда, жилище, домашній бытъ, занятія; пища, религія. — Достопримѣчательности, легенда о красномъ флагѣ и мѣдной чашѣ. — Кунчиканъ-бекъ. — Свѣдѣнія о колоніи русскихъ старовѣровъ на Лобъ-норѣ. — Непріятности отъ китайцевъ. — Переполохъ среди туземцевъ Восточнаго Туркестана, вызванный приходомъ экспедиціи.—Весеннее пробужденіе природы на Лобъ-норѣ, прилетъ птицъ.—Охоты на нихъ.—Отлетъ пернатыхъ странниковъ.

«Не много найдется во всей Центральной Азіи мѣстностей, столь заманчивыхъ издали и, въ сущности, такъ мало оправдывающихъ эти надежды, какъ Лобъ-норъ» *)—къ такому выводу приходитъ Николай Михайловичъ послѣ своего двукратнаго посѣщенія этого озера.

Дѣйствительно, огромный рѣчной бассейнъ Тарима, питающійся ледниками колоссальныхъ горныхъ системъ Тянь-шаня съ одной стороны и Куэнъ-люня съ другой, собираетъ въ себя такую массу воды, что, казалось бы, ея достаточно, чтобы образовать глубокое, обширное озеро, отрадный оазисъ въ пустынѣ.

Но не такъ это оказывается въ дѣйствительности. Остановленный въ своемъ теченіи къ югу вздутіемъ огромнаго хребта Алтынъ-тага, Таримъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ востоку и тотчасъ же начинаетъ расплываться на многіе десятки верстъ по горизонтальной почти равнинѣ, образуя обширные хотя и неглубокіе разливы: сначала озера Кара-бурана, а затѣмъ — Лобъ-нора. Теченіе рѣки явственно замѣтно не только въ Кара-буранѣ, но и въ самомъ Лобъ-норѣ вдоль почти всего западнаго берега; озеро это, благодаря освѣжающему и пополняющему дѣйствію рѣки, далеко, верстъ на 100, протягивается въ сѣверо-восточномъ направленіи, до тѣхъ поръ пока рыхлая почва и сильное испареніе не поглотятъ окончательно доставляемую влагу. Тогда снова начинается царство безводной и безплодной солончаковой пустыни, гдѣ пропитанная насквозь солью лессовая или песчаная почва, при постоянной крайней сухости атмосферы, при страшныхъ лѣтнихъ жарахъ,—является весьма неблагопріятною для развитія органической жизни.

Не лучше и въ ближайшихъ окрестностяхъ огромнаго озера, берега котораго сплошь представляютъ голые солончаки, а самое озеро поросло высокимъ тростникомъ и другими болотными растеніями; пространства чистой воды, свободной отъ порослей, на Лобъ-норѣ сравнительно не велики.

Животная жизнь, хотя разнообразнѣе растительной, но также бѣдна, за исключеніемъ лишь двухъ краткихъ періодовъ весенняго и осенняго пролета птицъ,

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 320.

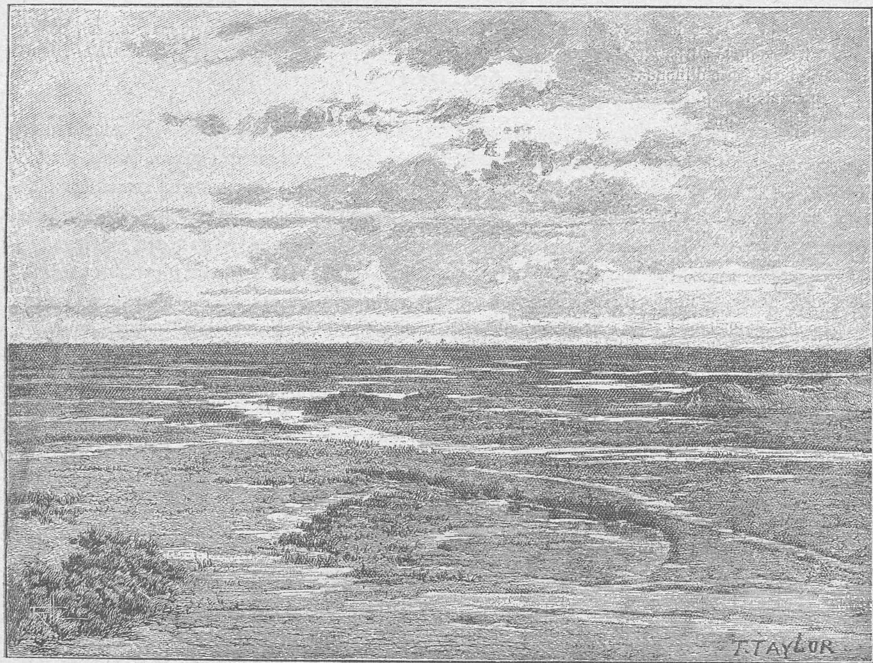
Таримская пустыня.

когда озеро и его окрестности оживляются и представляютъ картину кипучей жизни.

И человѣкъ обитаетъ здѣсь лишь по горькой нуждѣ, хотя и свыкся со своею злосчастною судьбою.

Зимнее время — самая унылая пора на описываемомъ озерѣ, когда холодъ угонитъ на югъ залетныхъ пернатыхъ гостей, тростники и другія растенія посохнутъ и примутъ уныло-однообразный, желто-бурый цвѣтъ. Покроется тогда озеро льдомъ болѣе фута толщиною, вся рыба соберется въ кучи и уйдетъ въ свои становища, такъ что даже ловъ ея, составляющій главное занятіе мѣстныхъ жителей, прекращается. Словомъ, не только въ окрестной пустынѣ, гдѣ мертвенность царитъ отъ вѣка, но даже и на самомъ озерѣ, на это время водворяется подавляющая тишина и безжизненность. «Правда, въ густыхъ тростникахъ попрежнему бродятъ **кабаны**, за которыми нерѣдко охотится **тигръ**; лисица и волкъ подкарауливаютъ зайцевъ и мелкихъ грызуновъ; наконецъ, по солончакамъ кое-гдѣ пробѣжитъ хара-сульта или въ рѣдкость забредетъ **дикій верблюдъ** — но всѣ эти проблески животной жизни весьма скрытны, мимолетны и случайны» *)...

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 321.

Таримская пустыня.

Какъ разъ въ концѣ этого мертваго сезона, именно въ послѣднихъ числахъ января 1885 г., Николай Михайловичъ пришелъ къ озеру Лобъ-нору и разбилъ свой бивуакъ у деревни Новый Абдалъ.

Такъ какъ въ природѣ еще не начиналось явственно весеннее пробужденіе, то первое время посвящено было приведенію въ порядокъ замѣтокъ о научныхъ изслѣдованіяхъ предшествовавшаго зимняго періода, а въ то же время дѣятельно приготовлялись къ встрѣчѣ наступающей весны.

Охотничьи экскурсіи, которыя предпринимались время отъ времени, приносили обыкновенно мало результатовъ.

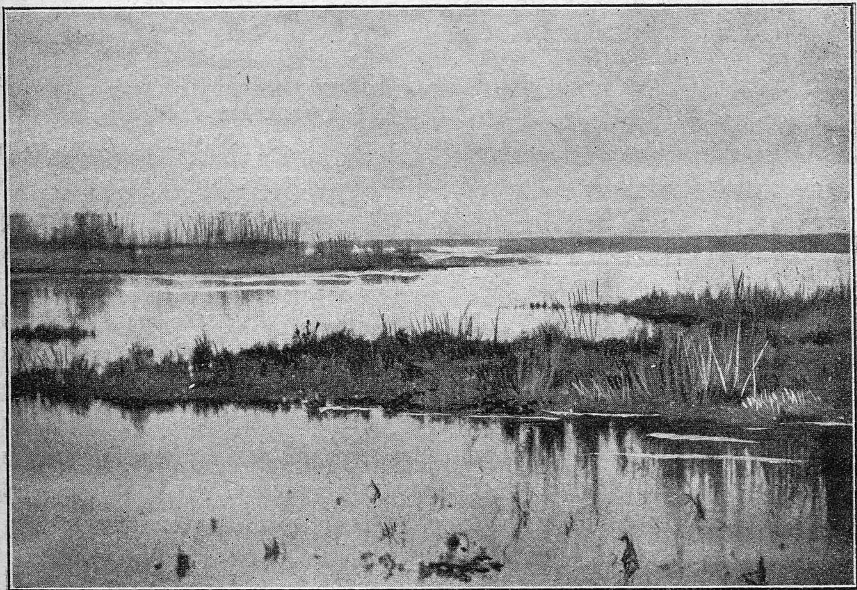
Неудачною оказалась также охота на тигра, который вдругъ проявился въ окрестностяхъ деревни и въ одну ночь задралъ у поселянъ двухъ коровъ, а у нашихъ путешественниковъ похитилъ собаку. Выслѣдить звѣря оказалось невозможнымъ, такъ какъ снѣгу не было, а на твердой, солончаковой почвѣ отпечатокъ слѣдовъ не былъ ясенъ. Пробовали рьяные охотники сторожить у задавленной добычи, но хищникъ не являлся раньше глубокой ночи, когда было совершенно темно, такъ что все равно стрѣлять было нельзя, а черезъ нѣсколько дней и совершенно исчезъ изъ окрестностей бивуака.

Черезъ десять дней, лишь только начали появляться пролетныя птицы, бивуакъ былъ перенесенъ на самый берегъ озера, въ одной верстѣ отъ деревни Старый Абдалъ.

Здѣсь путешественники предполагали провести всю весну и потому устроили

Озеро Лобъ-норъ близъ деревни Уйтунъ.

Озеро Лобъ-норъ близъ деревни Уйтунъ.

лагерь съ нѣкоторымъ комфортомъ. Двѣ палатки и двѣ юрты поставлены были просторно, въ опредѣленномъ мѣстѣ сложенъ былъ багажъ, въ одной юртѣ, которая за зиму порядкомъ растрепалась, устроена была кухня, а одна изъ палатокъ назначена была спеціально для просушки коллекцій и для препарировки шкурокъ.

Верблюды, числомъ 64, отправлены были на пастбища далеко отъ Лобъ-нора, на рѣку Джахансай, верстахъ въ 60 къ востоку отъ бивуака, подъ присмотромъ четырехъ казаковъ, которые смѣнялись черезъ недѣлю. Но предварительно, на верблюдахъ привезли большой запасъ топлива (тамариска) и сложили его около кухни.

Путешественники теперь вообще чувствовали себя привольно и прекрасно отдыхали отъ невзгодъ и трудовъ, понесенныхъ предшествовавшею зимою. Въ продовольствіи здѣсь также недостатка не было, такъ какъ тотчасъ же по приходѣ удалось промѣнять туземцамъ 8 совершенно уставшихъ лошадей и 2 такихъ же верблюда на 36 отличныхъ барановъ; кромѣ того, черезъ нѣсколько времени, какъ мы дальше увидимъ, можно было сколько угодно добывать гусей и утокъ. Наконецъ, путешественники теперь постоянно имѣли свѣжій хлѣбъ изъ пшеничной муки, которую не трудно было покупать у туземцевъ, и жена самого Лобъ-норскаго правителя, Кунчиканъ-бека, взялась печь для всего отряда превосходныя булки.

На восходѣ солнца всѣ путешественники вставали и пили чай, уже заранѣе приготовленный дежурнымъ казакомъ. Послѣ этого Николай Михайловичъ обыкновенно садился писать свои замѣтки или занимался разспросами туземцевъ, кто принимался препарировать птицъ, кто фотографировать или рисовать, казаки принимались за починку одежды, сбруи или утвари..., словомъ, каждый занимался своимъ дѣломъ до 9 часовъ утра, когда подавался завтракъ.

Подкрѣпившись, большинство отправлялись на охоту и бродили часовъ до трехъ-четырехъ пополудни, а къ этому времени сходились на бивуакѣ и обѣдали. Затѣмъ опять принимались за свои обыденныя занятія, вечеромъ снова пили чай, а часовъ около 8 ложились спать, кромѣ тѣхъ, которые по очереди должны были дежурить.

Отношенія къ туземцамъ на этотъ разъ были совершенно иныя, чѣмъ въ предыдущее посѣщеніе Лобъ-нора Николаемъ Михайловичемъ. Теперь пріемъ былъ чрезвычайно радушенъ, тогда какъ раньше, какъ они сами теперь разсказывали, имъ было велѣно начальствомъ ничего не разсказывать и всячески обманывать путешественниковъ. Подъ вліяніемъ такихъ наущеній они и сами смотрѣли на невѣдомыхъ пришлецовъ, какъ на людей подозрительныхъ. Теперь-же экспедиція появилась на Лобъ-норѣ совершенно неожиданно для китайскихъ властей, и поэтому они не успѣли еще сдѣлать туземцамъ должныхъ внушеній.

Къ этому, впрочемъ, слѣдуетъ прибавить еще болѣе общую причину. Какъ здѣсь, такъ и во всемъ Восточномъ Туркестанѣ, какъ оказалось при дальнѣйшемъ

Бивуакъ на Лобъ-норѣ.

движеніи къ русской границѣ, широко распространена ненависть туземнаго населенія къ китайцамъ, жестокимъ властителямъ страны, и надежда на русскихъ, отъ которыхъ они ждутъ избавленія отъ тяжелаго ига китайскаго.

Прежде лобъ-норцы и таримцы по возможности старались избѣгать встрѣчи съ путешественниками, теперь-же, наоборотъ, не только жители ближайшихъ селеній, но даже и очень отдаленные отъ мѣста бивуака экспедиціи, постоянно приходили въ лагерь, дружили съ казаками, приносили подарки и сами не отказывались отъ угощенія; сами они и ихъ старшины наперерывъ старались сообщать свѣдѣнія, какія они знали и вообще охотно угождали своимъ гостямъ. Такимъ образомъ для производства этнографическихъ изслѣдованій и собиранія всевозможныхъ научныхъ матеріаловъ, обстоятельства теперь складывались весьма благопріятно. Туземцы, какъ мужчины, такъ и женщины, всѣхъ возрастовъ, охотно соглашались фотографироваться и отвѣчали на всѣ разспросы.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ Николаю Михайловичу удалось теперь въ значительной степени пополнить и исправить свои прежнія наблюденія и выводы.

Въ виду крайней скудости свѣдѣній, имѣющихся въ наукѣ о населеніи Таримской котловины, мы позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на весьма цѣнныхъ изслѣдованіяхъ и выводахъ Пржевальскаго *).

Количество населенія въ Таримско-лобъ-норской области весьма невелико: на Таримѣ находится 9 поселеній, въ которыхъ, какъ сообщали Николаю Михайловичу въ 1876 г. и подтверждали теперь,—134 двора, въ которыхъ живетъ 1,184 жителя; на Лобъ-норѣ, вмѣстѣ съ оз. Кара-бураномъ, расположено 10 деревень, въ которыхъ считается 70 дворовъ съ населеніемъ 300—400 душъ, слѣдовательно, всего въ этой области около $1^1/_2$ тысячи жителей.

Нынѣшнее населеніе Лобъ-нора и нижняго теченія Тарима стоитъ на весьма низкой ступени культурнаго развитія, и среди нихъ сохранилось очень мало достовѣрныхъ преданій о своемъ прошломъ, не только въ отдаленныя историческія эпохи, но даже и въ ближайшую.

Довольно скудныя свѣдѣнія о болѣе древнихъ временахъ этой области почерпаются изъ нѣкоторыхъ, дошедшихъ до насъ китайскихъ источниковъ. Изъ нихъ можно вывести, что весьма давно, приблизительно лѣтъ за сто до Р. Хр., когда Китай вступалъ въ сношенія съ Таримскимъ бассейномъ, на Лобъ-норѣ существовало, вѣроятно, небольшое государство *Лэу-ланъ,* позднѣе называвшееся *Шань-шань.*

Черезъ эту страну пролегала въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій главная дорога изъ Китая въ Хотанъ, Кашгаръ и далѣе въ западныя страны.

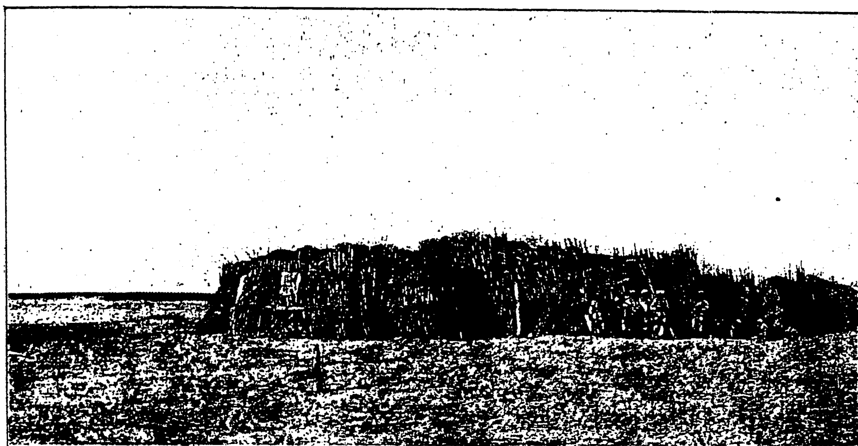
Въ VII или VIII в. по Р. Хр. сношенія Китая съ этими странами совершаются преимущественно черезъ болѣе сѣверный путь, вдоль Тянь-шаня и объ лобъ-норскомъ пути постепенно забыли.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 299—316.

Однако, въ XIII в. здѣсь несомнѣнно проходилъ знаменитый венеціанецъ Марко-Поло, который повѣствуетъ о большомъ городѣ *Лобъ,* населенномъ магометанами и подвластномъ «великому хану» *). Въ этомъ городѣ, по его сообщенію, караваны, слѣдовавшіе на востокъ, отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ на цѣлый мѣсяцъ, передъ тѣмъ какъ пуститься въ дальнѣйшій путь по страшной пустынѣ до г. Са-чжоу.

Далѣе, въ исторіи есть извѣстіе, что въ началѣ XV в. черезъ Лобъ-норъ проѣхало посольство Шаха-Рака, сына знаменитаго Тимура, изъ Китая въ Гератъ и обратно. Затѣмъ о Лобъ-норѣ опять нѣтъ въ исторіи никакихъ упоминаній въ теченіе почти трехъ вѣковъ.

Во второй половинѣ XVIII в. китайцы завладѣли восточнымъ Туркеста-

Деревня Абдаллъ

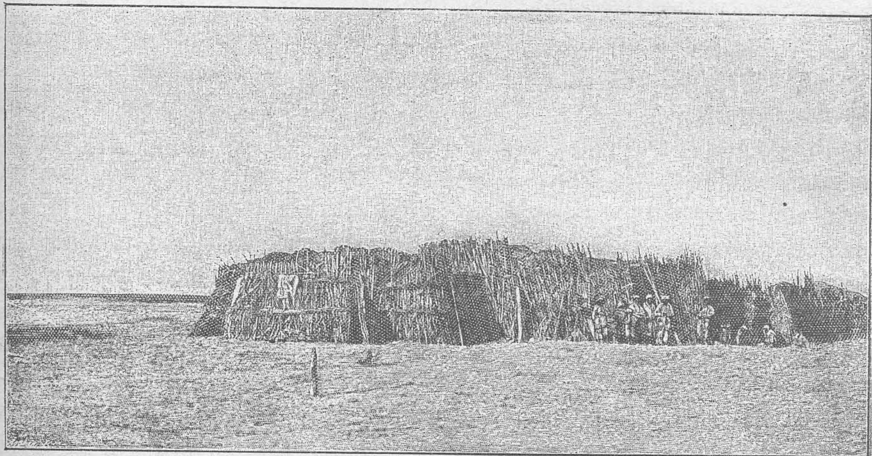
номъ и съ того времени появляются описанія этой страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Лобъ-нора.

Въ одномъ изъ такого рода китайскихъ источниковъ относительно лобъ-норцевъ говорится слѣдующее:

«При этомъ озерѣ (Лобъ-норѣ) лежатъ только два селенія, каждое въ 500 дворовъ. Жители не занимаются ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, а лишь однимъ рыболовствомъ; кромѣ того, они дѣлаютъ шубы изъ лебяжьяго пуха, ткутъ холсты изъ дикой конопли и привозятъ пойманную ими рыбу на продажу въ г. Курля. **Они не могутъ ѣсть ни хлѣба, ни мяса, подобно другимъ людямъ, потому что желудокъ ихъ извергаетъ эту пищу** **)»...

*) Извѣстно, что въ эту эпоху въ восточномъ Туркестанѣ властвовали потомки Чингисъ-хана.

**) Книга Си-юй-вынь-цзянь-лу, см. „Землевѣдѣніе Азіи“, Риттера, пер. Семенова, ч. I, стр. 17; Пржевальскій, стр. 300.

Деревня Абдаллъ

Вотъ все существенное, что можно найти въ китайскихъ источникахъ. Что касается мѣстныхъ преданій самихъ нынѣшнихъ жителей объ ихъ происхожденіи, то они сбивчивы и неопредѣленны.

По однимъ преданіямъ туземцевъ, предки ихъ—монголы, отдѣлившіеся отъ нѣкоего Алъ-батая и пришедшіе съ р. Или. Другіе также разсказываютъ, что предки ихъ—монголы, единоплеменные съ калмыками и указываютъ даже четыре главныхъ рода этихъ предковъ: Тыметъ, Еметъ, Линнасъ и Іаиннасъ. Наконецъ, по третьему преданію, пришлецы-монголы встрѣтили на Лобъ-норѣ племя мачинъ *), съ которыми и смѣшались.

Такимъ образомъ вопросъ о родоначальникахъ лобъ-норскихъ туземцевъ теменъ. Нѣсколько болѣе опредѣленныя свѣдѣнія сообщали они Пржевальскому о не столь отдаленномъ прошломъ.

Прежде у лобъ-норцевъ былъ городъ Лобъ; назывались они *кеврія* и исповѣдовали буддійскую религію. Позднѣе они насильно обращены были въ магометанство имамомъ Джаферъ-Садыкомъ, который и прикончилъ здѣсь свою миссіонерскую дѣятельность, убитый возставшими неофитами**). Новообращенные мусульмане, обитатели г. Лобъ (суннитскаго толка), оказались нетвердыми въ вѣрѣ, что повлекло нашествіе маулана Юсупъ-Секкаки, который съ огромнымъ войскомъ подступилъ къ стѣнамъ города. Испуганные жители пытались откупиться данью отъ грознаго ревнителя корана, но Юсупъ-Секкаки не умилостивился и разорилъ городъ Лобъ до основанія.

Туземцы указывали Николаю Михайловичу слѣды этого города, которые находятся верстахъ въ 30 къ югу отъ дер. Старый-Абдалъ на Лобъ-норѣ, при впаденіи въ него рѣчки Джахансай-дарья. Теперь на этомъ мѣстѣ совершенная пустыня, по которой разбросаны глиняные остовы жилищъ, видны остатки стѣнъ и башенъ. Развалины эти занимаютъ значительное пространство, верстъ 6 въ поперечникѣ и около 15 верстъ въ окружности. У мѣстныхъ жителей эти руины называются «Коне-шари», что въ переводѣ означаетъ «старый городъ».

Жители разрушеннаго города частью были истреблены, частью-же разбѣжались въ разныя стороны, частью, наконецъ, были уведены въ плѣнъ и поселены въ другихъ мѣстахъ восточнаго Туркестана.

По преданію, значительная партія бѣглецовъ явилась въ Кэрію. Тамошній властитель, подозрѣвая въ нихъ людей хитрыхъ и злоумышленниковъ, пожелалъ испытать, дѣйствительно-ли они такъ просты и дики, какъ это кажется, или только прикидываются таковыми. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ подать имъ для угощенія два блюда: одно, наполненное черными ягодами шелковицы, а другое—черными жуками. Лобъ-норцы стали ѣсть жуковъ, и это обстоятельство раз-

*) О мачинцахъ см. дальше.

**) Гробница (мазаръ) этого весьма почитаемаго во всемъ Восточномъ Туркестанѣ магометанскаго святого, сохранилась до настоящаго времени и находится верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ оазиса Нія.

сѣяло подозрѣнія кэрійскаго владѣтеля. Онъ милостиво принялъ ихъ и поселилъ невдалекѣ отъ города, гдѣ они составили деревню Кагалыкъ, которая существуетъ и до нынѣ; жители ея называются конгузъ-лыкъ, что означаетъ «жуковые люди».

Другое преданіе повѣствуетъ, что уже послѣ разоренія города Лобъ, на Лобъ-норѣ существовало еще небольшое самостоятельное государство. Изъ правителей этого государства прославился нѣкій Оттогушъ-ханъ, у котораго была столица на мѣстѣ нынѣшней деревни Чархалыкъ. Здѣсь также видны слѣды древняго, хотя небольшого города.

На сына и наслѣдника Оттогуша *) напалъ изъ Гаса вышеупомянутый монгольскій герой Хунъ-тайджи, который побѣдилъ лобъ-норцевъ и разрушилъ ихъ городъ. Часть ихъ снова разбѣжалась по разнымъ оазисамъ, а другіе ушли вглубь тростниковъ, гдѣ одичали и ведутъ жалкое существованіе, теперь уже, какъ говорили старики, въ седьмомъ поколѣніи.

Съ того времени, какъ китайцы завоевали восточный Туркестанъ и разгромили Чжунгаръ, они начали въ эту страну ссылать преступниковъ изъ собственнаго Китая, которые нерѣдко женились на туземкахъ, точно также какъ и множество бѣглыхъ изъ различныхъ оазисовъ; такимъ образомъ здѣсь появился и китайскій элементъ, и нынѣшнее, весьма незначительное, какъ мы видѣли, по числу, населеніе Лобъ-нора и нижняго Тарима является чрезвычайно разнообразнымъ по типу.

По собраннымъ Николаемъ Михайловичемъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ XIX столѣтія здѣсь было гораздо больше населенія, чѣмъ теперь, только на берегу озера насчитывалось до 500 семействъ; но нѣсколько лѣтъ подрядъ свирѣпствовавшая здѣсь эпидемія оспы уничтожила значительную часть населенія. Нѣсколько ранѣе сюда переселились выходцы изъ Хотана, и подъ ихъ цивилизующимъ вліяніемъ лобъ-норцы начали заниматься земледѣліемъ; только незначительная часть ихъ осталась по прежнему обитать въ глуши тростниковыхъ зарослей озера, гдѣ ведутъ по прежнему вполнѣ дикую жизнь.

Вт административномъ отношеніи населеніе Лобъ-нора и нижняго Тарима раздѣляется на 2 участка: собственно лобъ-норскій, гдѣ живутъ кара-курчинцы **) и таримскій или кара-кульскій. Въ томъ и другомъ управляютъ наслѣдственные беки: на Лобъ-норѣ при посѣщеніи Николаемъ Михайловичемъ правилъ Кунчиканъ-бекъ, кара-кульцами Насыръ-бекъ, который считается старшимъ. Но кромѣ того есть еще общій князь обоихъ хошуновъ Джунганъ, который имѣетъ свою резиденцію въ г. Турфанѣ и въ свою очередь подчиненъ таранчинскому вану въ Хами (въ то время ваньшѣ).

*) Этого послѣдняго самостоятельнаго лобъ-норскаго владѣтеля Николаю Михайловичу называли разно: одни—Магометъ-Абдулъ-Азисомъ, другіе—Ахметъ-ханомъ.

**) Кара-курчинъ — кара-хошунъ, т. е. „черный хошунъ“ (удѣлъ, княжество по-монгольски).

Несчастные лобъ-норцы и таримцы до крайности обременены налогами и разнаго рода поборами. Помимо содержанія своихъ бековъ, они обязаны ежегодно вносить въ казну турфанскаго Джунгана по 40 теньге *) съ каждаго мужчины, да кромѣ того посылаютъ естественные продукты—мѣха, скотъ и проч.

Турфанскій князь съ своей стороны посылаетъ ежегодно хамійской ваньшѣ въ видѣ дани 9 выдръ, нѣсколько другихъ звѣриныхъ мѣховъ и стадо барановъ, а въ видѣ отвѣтнаго подарка получаетъ нѣсколько кусковъ шелковой матеріи.

Перечисленныя подати опредѣленны и, такъ сказать, законны. Но кромѣ этого ихъ положительно грабятъ еще китайцы, при чемъ эти поборы совершенно неопредѣленны, но вообще весьма велики. Китайскіе чиновники съ болѣе или менѣе значительнымъ конвоемъ ежегодно пріѣзжаютъ сюда, а иногда по нѣсколько разъ, привозятъ различныя малоцѣнныя вещи, главнымъ образомъ матеріи, раздаютъ ихъ въ видѣ подарковъ, а сами забираютъ силою, якобы въ обмѣнъ, все, что у кого найдется болѣе цѣннаго: скотъ, мѣха, деньги, даже хлѣбные запасы. Не довольствуясь этимъ, китайцы по временамъ (но довольно часто) производятъ съ беззащитныхъ и безправныхъ таримцевъ и лобъ-норцевъ еще экстренные поборы для различныхъ случайныхъ надобностей.

Такъ, напримѣръ, въ мартѣ 1885 г., во время пребыванія здѣсь Николая Михайловича, Кунчиканъ-бекъ получилъ приказъ: немедленно отправить въ Турфанъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ съ лошадьми строить тамъ крѣпость. Кромѣ того, требовалось 2 ямба серебра, 25 пудовъ птичьихъ перьевъ и 500 пудовъ пушистыхъ головокъ куги **). Требованіе это исполнено было лишь отчасти, но при этомъ дана была чиновнику значительная взятка.

Не будучи въ состояніи выполнить всю массу повинностей, лежащихъ на нихъ, несчастные таримцы и лобъ-норцы нерѣдко бросаютъ свои жилища въ деревняхъ и обращаются въ бездомныхъ бродягъ, живущихъ подаяніемъ, или уходятъ въ ближайшіе населенные центры и поступаютъ тамъ въ работники.

Этнографическія данныя о туземцахъ Лобъ-нора, собранныя Пржевальскимъ съ большою полнотою, мы здѣсь изложимъ лишь вкратцѣ и остановимся преимущественно на условіяхъ домашняго быта.

Типъ здѣшнихъ туземцевъ, какъ можно уже судить изъ предыдущаго, чрезвычайно смѣшанъ и представляетъ пеструю смѣсь разнообразныхъ физіономій. Въ общемъ, однако, преобладаетъ тюркскій типъ съ большою примѣсью монгольскаго.

Несмотря на очень низкій уровень культуры, они, однако, уже вышли изъ того періода, когда главнымъ, даже почти единственнымъ матеріаломъ для одежды являются звѣриныя шкуры. Въ прежнія времена, какъ можно было судить по литературнымъ источникамъ и мѣстнымъ преданіямъ, въ этомъ отношеніи здѣсь

*) Теньге—мелкая серебряная монета, на наши деньги приблизительно равная гривеннику.

**) Куга—родъ тростника (Typha).

была оригинальная особенность: здѣсь раньше почти единственнымъ матеріаломъ для изготовленія одежды были птичьи шкурки: лебединыя, гусиныя, утиныя. У немногихъ наиболѣе бѣдныхъ жителей Николай Михайловичъ еще видѣлъ одежду (халаты, рубашки, панталоны), приготовленную изъ этого оригинальнаго матеріала: въ дѣло идутъ преимущественно утиныя шкурки, предварительно выдѣланныя солью и жиромъ, хотя лѣтнія шапочки изъ лебединаго, чаще утинаго «мѣха» и теперь еще въ большомъ употребленіи.

Но въ настоящее время одежда изготовляется главнымъ образомъ изъ грубаго холста, который выдѣлывается на примитивныхъ станкахъ изъ волоконъ мѣстнаго дикаго растенія кендыря.

Кара-курчинцы.

Изъ кендыреваго холста шьются какъ рубашки и панталоны (которыя, въ противоположность монголамъ, всегда носятъ какъ мужчины, такъ и женщины), такъ и верхняя одежда—халаты и армяки. Для верхней одежды болѣе зажиточные и болѣе цивилизованные изъ жителей употребляютъ иногда и покупныя ткани: дабу и мату китайскаго издѣлія и, наконецъ, иные умѣютъ изготовлять и грубое сукно изъ бараньей или верблюжьей шерсти. Что же касается мѣховыхъ шубъ, то по своей бѣдности лобъ-норцы весьма рѣдко имѣютъ ихъ; бараньи шкуры обыкновенно идутъ на уплату повинностей; взамѣнъ ихъ для зимней одежды часто употребляются шкурки птичьи.

Довольно знаменательно, что на Таримѣ и Лобъ-норѣ значительно распро-

Кара-курчинцы.

странены издѣлія русскихъ (московскихъ) фабрикъ, но, попадая сюда при посредствѣ китайскихъ купцовъ, они необыкновенно возвышаются въ цѣнѣ. Такъ, напр., Пржевальскій разсказываетъ, что за самый простой бумажный платокъ, который въ Москвѣ стоитъ 10—15 коп., китайцы берутъ со своихъ покупателей по барану, цѣнность котораго здѣсь на наши деньги составляетъ 4—5 рублей!

Къ великому удивленію Николая Михайловича абдалинцы, оказалось, знаютъ про Макарьевскую ярмарку, а также слышали о желѣзныхъ дорогахъ.

Обувью у кара-курчинцевъ, у мужчинъ и женщинъ, служатъ чирки, вродѣ галошъ или лаптей, которыя сшиваются изъ звѣриной шкуры, а голень обматывается большою онучею изъ кендыреваго холста и окручивается сверху веревкою. Впрочемъ, у болѣе зажиточныхъ есть и самодѣльные сапоги, даже съ каблуками.

Жилище у всѣхъ безъ различія устраивается изъ единственнаго обильнаго здѣсь строительнаго матеріала—тростника.

Такое жилище—сатма̀, представляетъ квадратную загородку длиною въ 5—6 саженей, устроенную изъ поставленныхъ вертикально связокъ тростника, перевязанныхъ между собою веревками и прутьями, а по угламъ для опоры (впрочемъ не всегда) вбиваются деревянныя колья. Крыша устраивается также изъ связокъ тростника, а посрединѣ оставляется отверстіе для выхода дыма и для свѣта.

Внутри сатма̀ обыкновенно раздѣляется перегородками на три или даже четыре отдѣленія, такъ что образуется нѣсколько комнатъ со спеціальнымъ подраздѣленіемъ: спальня, кухня и главная, гдѣ находится очагъ. Вмѣсто полокъ внутри къ стѣнамъ подвѣшиваются обломки старыхъ лодокъ. Полъ обыкновенно устла̀нъ тростникомъ, а въ спальнѣ нерѣдко устраиваются постели изъ перьевъ или мягкихъ головокъ тростника (Куги).

Изъ предметовъ домашняго обихода Николай Михайловичъ встрѣчалъ обыкновенно: чугунную чашку для варки пищи, мѣдный чайникъ для кипяченія воды и заварки чая, чугунокъ въ видѣ сковороды для печенья хлѣба, волосяныя сита для просѣиванія, топоръ, деревянныя ведра, такія же блюда, чашки, ложки, цыновки, служащія скатертью во время ѣды. Что же касается войлоковъ, столь обильныхъ въ домашнемъ быту монголовъ, то у лобъ-норцевъ они составляютъ большую рѣдкость. Всѣ вещи получше и поцѣннѣе, во избѣжаніе различныхъ несчастныхъ случайностей (пожары здѣсь очень часты) и грабежей со стороны китайцевъ, обыкновенно закапываются въ укромныхъ мѣстечкахъ въ песокъ.

Выше приведенный инвентарь полностью встрѣчается лишь у болѣе зажиточныхъ, тогда какъ у другихъ постоянно нѣтъ чего-нибудь: или вмѣсто чаши—черепокъ отъ разбитаго котла, или нѣтъ чайника, сковороды и т. п.

У женщинъ имѣются веретена, прялки, кое у кого и грубый ткацкій станокъ, мужчины почти всѣ имѣютъ огниво, бритву и ножъ, а за пазухой всегда имѣется деревянная, жестяная или какая-нибудь другая коробочка съ табакомъ, который здѣсь не курятъ, а жуютъ.

Наконецъ, необходимую принадлежность каждаго семейства составляютъ лодки, выдолбленныя изъ стволовъ туграка *), сѣти и удочки; нерѣдко имѣются также капканы для ловли лисицъ, волковъ и хара-сультъ; ружья же имѣются у очень немногихъ—на всемъ Лобъ-норѣ, какъ говорили, всего у семи человѣкъ.

Совершенную противоположность монголамъ, тангутамъ и тибетцамъ лобънорцы представляютъ своею чистоплотностью и опрятностью. Лѣтомъ они очень любятъ купаться и зимою постоянно моются; одежду, въ особенности бѣлье, содержатъ въ возможной чистотѣ; почти у всѣхъ есть кромѣ обыденнаго, праздничное одѣяніе, которое отличается безукоризненною чистотою и опрятностью.

Кара-курчинки.

Въ приготовленіи пищи они также соблюдаютъ возможную чистоту, постоянно чистятъ и моютъ посуду, а также, какъ правовѣрные мусульмане, передъ ѣдой и послѣ нея обязательно моютъ руки.

Главный продуктъ питанія составляетъ рыба, которую они ловятъ почти круглый годъ и употребляютъ обыкновенно свѣжую, отчасти сушатъ. Рыбій отваръ пьютъ вмѣсто чая, который здѣсь очень дорогъ и не всѣмъ доступенъ.

Подспорьемъ къ этой главной пищѣ весною и осенью являются утки, гуси

*) 12—14 ф. длины, фута въ 1½, а иногда и того менѣе, въ ширину—на такихъ душегубкахъ туземцы плаваютъ, какъ сидя, такъ и стоя, плаваютъ чрезвычайно быстро и управляютъ ими съ истинною виртуозностью.

Кара-курчинки.

и другія водяныя птицы, а зимою отчасти мясо звѣрей: хара-сультъ, дикихъ верблюдовъ и др.; кабановъ имъ запрещаетъ употреблять законъ Магомета.

У таримцевъ и западныхъ лобъ-норцевъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе хлѣбъ, но внутри озерныхъ тростниковъ и далѣе къ востоку Николай Михайловичъ встрѣчалъ еще такихъ дикарей (кара-курчинцы), которые никогда не ѣдятъ ни хлѣба, ни бараньяго мяса, и даже не могутъ его употреблять, такъ что вышеприведенное сообщеніе китайскаго изслѣдователя объ органическомъ отвращеніи къ этого рода пищи, весьма вѣроятно. Зато кара-курчинцы не брезгаютъ никакою рыбою и птицею, ѣдятъ даже пеликановъ и выпей. Наконецъ, какъ у лобъ-норцевъ, такъ и у таримцевъ употребляются въ пищу поджаренные въ рыбьемъ жиру корни кендыря и въ видѣ салата молодые побѣги тростника. Послѣдними лакомятся здѣсь и всѣ животныя, даже кошки и собаки.

Рыболовство производится небольшими сѣтями собственнаго приготовленія изъ нитокъ кендыря и удочками, также собственнаго издѣлія.

Для удобства рыбной ловли на Таримѣ, а отчасти и на Лобъ-норѣ, устраиваются искусственныя озера, что облегчается мѣстными условіями. Дѣйствительно при обильномъ осажденіи изъ атмосферы пыли, дно рѣки и берега нерѣдко сильно повышаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тогда какъ по сосѣдству можетъ оказаться болѣе низкая лощина. Въ такомъ мѣстѣ стоитъ только прокопать канаву и весною, во время половодья, вода хлынетъ туда и затопляетъ иногда весьма значительное пространство. Какъ только вода начнетъ спадать, канава поспѣшно засыпается, такъ что попавшаяся въ искусственно образованный такимъ образомъ водоемъ рыба, не можетъ уйти обратно. Здѣсь въ теченіе лѣта она жирѣетъ и отъѣдается, а между тѣмъ прудъ подъ вліяніемъ сильнаго жара за лѣто сильно уменьшается въ объемѣ. Когда рыбѣ станетъ уже тѣсно и душно, отпускная канава снова откапывается и ее сплошь загораживаютъ сѣтями, въ которыя кучами набивается рыба, почуявъ свѣжую воду рѣки.

Искусственное затопленіе водою повторяется нѣсколько лѣтъ сряду въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а затѣмъ его оставляютъ высыхать, и на илистомъ днѣ тотчасъ же выростаетъ прекрасный кормъ для скота, который нѣкоторыми разводится, правда, въ весьма ограниченномъ количествѣ (рогатый скотъ, бараны, изрѣдка ослы).

Птицу промышляютъ главнымъ образомъ разнаго рода ловушками (петли, сѣти).

Какъ уже раньше указано, цивилизація на Лобъ-норѣ и нижнемъ Таримѣ распространяется съ запада, изъ культурныхъ центровъ Туркестана, откуда иногда приходятъ переселенцы. Въ Абдалахъ Николай Михайловичъ видѣлъ даже временную школу, которая устроена была ахуномъ, пришедшимъ изъ Хотана.

Лобъ-норцы очень общительны и въ свободное отъ обычныхъ занятій время ходятъ другъ къ другу въ гости, чаще мужчины къ мужчинамъ, а женщины къ женщинамъ. При особыхъ торжествахъ сходятся и оба пола вмѣстѣ,

причемъ подается болѣе или менѣе обильное угощеніе и ведется оживленная болтовня, но ни игръ, ни плясокъ не устраивается; музыкальныхъ инструментовъ они никакихъ не знаютъ, пѣсни чрезвычайно заунывныя и поются почти исключительно во время ѣзды въ лодкѣ.

Религія лобъ-норцевъ—магометанская, суннитскаго толка; но фанатизмомъ они не отличаются, посты соблюдаются только стариками; съ другой стороны и суевѣрія здѣсь не особенно распространены: въ злого духа туземцы не вѣрятъ.

Главнѣйшую достопримѣчательность и высокочтимую святыню всего Лобънора составляетъ «мазаръ»—т. е. гробница, находящаяся въ одной верстѣ отъ деревни Старый Абдалъ. Здѣсь на невысокомъ бугрѣ устроена квадратная тростниковая загородка (около 9 кв. саж.), съ такою же плоскою крышей.

Съ западной стороны пристроена другая небольшая загородка—это и есть самая святыня. Здѣсь въ землѣ закопаны: мѣдная чашка и небольшой красный флагъ, а къ стѣнѣ, отдѣляющей обѣ загородки, пристроены небольшія деревянныя подмостки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: нѣсколько десятковъ роговъ мараловъ, головы хара-сультъ и домашнихъ барановъ, а также нѣсколько яковыхъ хвостовъ и пара ихъ роговъ. Такія же подмостки съ подобными приношеніями устроены и съ другой стороны стѣны, и снаружи загородки, наконецъ, по сторонамъ кое-гдѣ торчатъ невысокіе шесты, къ верхушкамъ которыхъ привязаны яковые хвосты.

Николая Михайловича и его товарищей туземцы безпрепятственно допустили къ осмотру этой святыни и при этомъ разсказали слѣдующую легенду.

Въ древнія времена пришли изъ Хотана шестеро магометанскихъ муллъ, которые подарили за какую-то услугу одному изъ предковъ Кунчиканъ-бека вышеупомянутую мѣдную чашку, а затѣмъ прислали изъ Турфана красный флагъ и бумагу на владѣніе обѣими подаренными драгоцѣнностями. Бумага эта сохраняется въ томъ же мазарѣ, завернутая въ шелковую матерію и положенная въ небольшой, весьма грубо сдѣланный ящикъ изъ тургаковаго дерева.

Далѣе легенда гласитъ, что сами святые ушли въ пещеру близъ Турфана и объявили, что они еще вернутся со временемъ. У входа въ эту пещеру будто бы лежитъ окаменѣлая собака, которая сопутствовала святымъ при жизни. Разсказываютъ, что ихъ однажды по пути въ Турфанъ преслѣдовали монголы, съ цѣлью убить и въ своихъ поискахъ руководствовались слѣдомъ собаки. Тогда ей отрубили всѣ лапы, но собака все-таки не отстала отъ нихъ.

Лобъ-норцы сильно почитаютъ свою святыню; они даже увѣряли Пржевальскаго, что только одна она и препятствуетъ имъ покинуть такое непригодное для населенія мѣсто, какъ Лобъ-норъ и окружающая его пустыня.

Что же касается кара-курчинцевъ, то они хотя и почитаютъ мазаръ, но рѣшительно не знаютъ въ чемъ заключается его святость.

Чтобы покончить съ описаніемъ лобъ-норцевъ, приведемъ еще характери-

стику ихъ правителя Кунчиканъ-бека *), человѣка рѣдкой нравственности и доброты.

Во время второго посѣщенія Лобъ-нора Пржевальскимъ, т. е. въ 1885 г., онъ имѣлъ уже 73 года отъ роду, но еще не былъ дряхлымъ старикомъ и пользовался отличнымъ здоровьемъ. Отношенія его къ своимъ подчиненнымъ чуть не идеальныя, онъ заботится объ нихъ положительно какъ отецъ родной о своихъ собственнымъ дѣтямъ. Никакихъ поборовъ онъ не требуетъ, самъ же при всякой нуждѣ немедленно помогаетъ каждому изъ своихъ подданныхъ.

Прежде, еще во времена Якубъ-бека, его состояніе было довольно значительно; у него былъ чистый капиталъ въ шесть ямбовъ серебра, барановъ было до тысячи и болѣе десятка лошадей, не считая обильныхъ запасовъ всякаго домашняго скарба. Но съ того времени китайцы постепенно отобрали у него почти все имущество подъ разными преддогами, частью же въ видѣ пополненія недоимокъ его подданныхъ, такъ что самъ бекъ сильно обѣднѣлъ *). Въ особенности много пришлось заплатить за то, чтобы добиться отмѣны распоряженія носить косы. Это китайское украшеніе до того не понравилось лобъ-норцамъ, что самъ Кунчиканъ-бекъ нарочно ѣздилъ въ Курла, отдалъ китайскимъ властямъ свои послѣднія деньги и едва добился разрѣшенія снова сбрить голову.

Однажды китайцы вздумали донять лобъ-норцевъ самымъ чувствительнымъ для нихъ образомъ: переселили отъ нихъ Кунчиканъ-бека съ семействомъ въ другое мѣсто (въ дер. Ахтарма). Тогда осиротѣвшіе лобъ-норцы стали умолять китайскихъ чиновниковъ возвратить имъ «отца родного», чего и добились, послѣ того, какъ въ складчину дали большую взятку.

Какъ человѣкъ темный и пришибленный безграничнымъ произволомъ властей, Кунчиканъ-бекъ страшно боится всякаго начальства и поэтому терпѣть не можетъ городовъ. За всю свою жизнь онъ только два-три раза былъ въ Курла, дальше Чархалыка не ѣздилъ, и ни разу не видалъ въ глаза ни одного крупнаго начальника.

Въ случаѣ требованія явиться къ какому-нибудь важному лицу, напр. въ Турфанъ, Кунчиканъ-бекъ обыкновенно поспѣшно собирается и отправляется вмѣстѣ съ привезшимъ требованіе человѣкомъ. Станціи три-четыре онъ ѣдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, затѣмъ втихомолку выпиваетъ настой табаку; послѣдствія отравы: рвота и обморокъ неопровержимо убѣждаютъ посланца въ тяжкой болѣзни бека. Кончается тѣмъ, что начальству посылается взятка, а злополучный Кунчиканъ-бекъ возвращается домой, радуясь въ душѣ, что и на этотъ разъ удалось увернуться отъ начальства.

---

*) Имя Кунчиканъ въ переводѣ означаетъ „восходящее солнце".

*) Въ 1885 г. все имущество Кунчиканъ-бека состояло, кромѣ нѣсколькихъ сѣтей и лодокъ, изъ десятка барановъ, 1 лошади, 2 коровъ и 3 ословъ. Наличными деньгами у него осталось только 1¼ лана (около 4 кредитн. рублей), да и тѣ пришлось отдать въ уплату податей.

Сатма̀ тростниковое жилище лобъ-норцевъ.

У Кунчиканъ-бека есть двое сыновей. Старшій исполняетъ на Лобъ-норѣ должность ахуна, младшій Джаханъ—считается наслѣдникомъ достоинства бека.

Упомянемъ еще про интересныя свѣдѣнія, собранныя Пржевальскимъ о пребываніи въ прежнее время на Лобъ-норѣ партіи русскихъ переселенцевъ.

Уже и въ первое свое здѣсь пребываніе Николай Михайловичъ слышалъ не разъ отъ различныхъ лицъ объ этомъ фактѣ; теперь же ему удалось разъяснить это дѣло болѣе обстоятельно.

Года за два до начала магометанскаго возстанія въ Восточномъ Туркестанѣ (слѣдовательно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) лобъ-норцы были удивлены неожиданнымъ появленіемъ у нихъ какихъ-то неизвѣстныхъ четырехъ человѣкъ. Это оказались русскіе старовѣры которые пришли въ качествѣ «ходоковъ» осматривать мѣстность. Затѣмъ двое изъ нихъ ушли, а двое другихъ остались съ туземцами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого на Лобъ-норъ явилась партія переселенцевъ, человѣкъ въ сто съ женщинами и дѣтьми. Всѣ они хорошо говорили по киргизски и объяснили, что пришли съ горъ, лежащихъ далеко къ сѣверу (съ Алтая), покинули же свою родину вслѣдствіе притѣсненій, которымъ они тамъ подвергались изъ-за своей вѣры.

По соглашенію съ туземцами, они поселились близъ развалинъ древняго города, недалеко отъ селенія Чархалыкъ (верстахъ въ 100 отъ Лобъ-нора) и основали собственную деревню, гдѣ вскорѣ выстроили себѣ «деревянный домъ» (вѣроятно церковь). Они немедленно же занялись хлѣбопашествомъ и зажили въ довольствѣ, съ туземцами жили дружно.

Однако не долго продолжалось ихъ благоденствіе. Черезъ годъ послѣ основанія ихъ колоніи, изъ Турфана пришло китайское войско, которое разорило деревню.

Интересный эпизодъ этого трагическаго событія разсказывали лобъ-норцы Николаю Михайловичу. Заслышавъ о приближеніи врага, старовѣры сначала хотѣли оказать сопротивленіе и приглашали жителей сосѣдней деревни Чархалыкъ къ совмѣстному отпору. Чтобы побудить ихъ къ этому союзу, старовѣры увѣряли чархалыкцевъ, что у нихъ есть колдунья, которая можетъ своимъ чародѣйствомъ сотворить, если понадобится, сколько угодно воиновъ. Однако же чархалыкцы, прежде чѣмъ вступить въ союзъ, пожелали убѣдиться въ могуществѣ этой чародѣйки.

Тогда явилась и сама колдунья и не смущаясь заявила, что дѣйствительно можетъ совершить такое чудо, но для этого ей необходимо имѣть пухъ куги, изъ котораго надо замѣсить тѣсто.

Куга (Туйга) не растетъ въ районѣ Чархалыка и плутовка, конечно, думала, что неимѣніе матеріала будетъ удобнымъ поводомъ увернуться отъ исполненія требуемаго чуда. Но къ несчастью для нея куга въ изобиліи растетъ на Лобъ-норѣ далѣе къ западу.

Посланный чархалыкцами нарочный гонецъ на слѣдующій же день привезъ

требуемаго пуху цѣлый мѣшокъ. Припертая такимъ образомъ къ стѣнѣ, чародѣйка принуждена была приступить къ своимъ таинственнымъ операціямъ, между тѣмъ какъ чархалыкцы съ великимъ нетерпѣніемъ ждали результата заклинаній Когда же, черезъ нѣсколько времени, старуха объявила, что она потеряла свою волшебную книгу и, не зная на память заклинаній, не можетъ произвести воиновъ, то разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, чархалыкцы на отрѣзъ отказали въ своей помощи. Старовѣры сами не рѣшились противиться наступающей рати и сдались на милость китайцевъ, которые тѣмъ не менѣе расправились съ ними жестоко и почти поголовно избили.

«Стонъ и вопль стояли всеобщіе, — разсказывали лобъ-норцы Николаю Михайловичу. Только четыремъ семьямъ удалось убѣжать въ Са-чжоу, гдѣ, по приказанію губернатора всѣ мужчины были казнены, а что сдѣлалось съ женщинами—неизвѣстно».

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ на Лобъ-норъ, Николай Михайловичъ отправилъ черезъ Кунчиканъ-бека краткій отчетъ о своемъ путешествіи и вѣсти на родину въ Кульджинское русское консульство.

Однако же недѣли черезъ двѣ послѣ этого корреспонденція пришла обратно, причемъ Кунчиканъ-бекъ подвергнулся еще изъ-за любезно принятыхъ гостей большой непріятности.

Именно, при возвращенной корреспонденціи, онъ получилъ отъ непосредственнаго своего начальника, таримскаго управителя Насыръ-бека оффиціальную бумагу (очевидно составленную по приказанію китайскаго начальства) слѣдующаго содержанія:

«Кунчиканъ-беку отъ Насыръ-бека».

«Вы свои распоряженія оставьте. Вы посылаете пакетъ отъ русскихъ для отправки въ Кульджу. Я посылаю этотъ пакетъ вамъ назадъ. Вы нашли себѣ новаго *да-женя* *). Наши начальники — китайцы; они же управляютъ и Кульджею. Когда есть наши начальники китайцы, вы не должны слушать русскихъ. Пріѣхали 20 русскихъ, хотя бы пріѣхало ихъ двѣ тысячи, намъ все равно. Какъ стали вы служить имъ самовольно, зная русскія мысли. Получивши это письмо, пріѣзжайте ко мнѣ день и ночь отдать отчетъ не дольше трехъ сутокъ. Насыръ-бекъ Кадырисъ».

Но даже и послѣ такой внушительной нахлобучки добродушный Кунчиканъ-бекъ не перемѣнилъ своего обращенія съ путешественниками и по-прежнему былъ услужливъ и предупредителенъ.

Самъ онъ по обыкновенію увернулся отъ представленія предъ грозныя очи начальства, а вмѣсто себя послалъ довѣреннаго человѣка.

---

*) Да-жень—«большой начальникъ», намекъ на Николая Михайловича.

Съ нимъ Николай Михайловичъ уже лично отъ себя послалъ свои письма съ оффиціальною просьбой переслать ихъ въ кульджинское русское консульство. Но и на этотъ разъ злополучный пакетъ былъ возвращенъ китайцами, съ комическимъ объясненіемъ при этомъ, «что въ трактатѣ у нихъ съ Россіей нѣтъ обязательства препровождать русскія письма съ Лобъ-нора».

Эпизодъ съ отсылкой писемъ *) началъ собою рядъ всевозможныхъ подвоховъ и каверзъ, по отношенію къ нашимъ путешественникамъ со стороны китайцевъ, тогда какъ въ настоящее (четвертое) путешествіе до того времени, пока экспедиція проходила по проторенный раньше Пржевальскимъ дорогѣ ему еще не приходилось имѣть съ ними столкновеній. Теперь же онъ вступилъ въ область, въ которой еще такъ недавно продолжительное и единодушное возстаніе съ большимъ трудомъ и съ крайнею жестокостью было потушено кровью десятковъ тысячъ жертвъ. Населеніе всѣхъ туркестанскихъ оазисовъ глубоко ненавидѣло своихъ безчеловѣчныхъ угнетателей—китайцевъ, а въ то же время Россія, въ короткое время умиротворившая сосѣднія за-тянь-шаньскія страны, пользовалась у туземцевъ большою симпатіей.

Какъ оказалось, неожиданное появленіе русской экспедиціи на Лобъ-норѣ произвело большой переполохъ среди жителей почти всего Восточнаго Туркестана. «Съ одной стороны до Кэріи и даже далѣе, а съ другой черезъ Курла и Карашаръ къ Турфану,—говоритъ Николай Михайловичъ **), быстро разнеслась вѣсть, что пришло русское войско воевать противъ китайцевъ. Туземцы охотно вѣрили этой нелѣпости и мѣстами, какъ напр., въ Кэріи, готовы были даже произвести возстаніе. Китайцы струхнули не на шутку. Для разъясненія дѣла изъ Кэріи командированъ былъ на Лобъ-норъ китайскій чиновникъ съ переводчикомъ. Когда эти посланцы явились къ намъ, мы показали имъ свой пекинскій паспортъ и объяснили цѣль своего путешествія. Китаецъ уѣхалъ обратно нѣсколько успокоенный. Тѣмъ не менѣе онъ всячески старался, конечно, безуспѣшно, отговорить насъ отъ пути съ Лобъ-нора въ Хотанъ, предлагая взамѣнъ идти черезъ Курла на Кульджу».

О китайскихъ тайныхъ козняхъ и о необыкновенно сочувственномъ отношеніи туземцевъ, намъ придется еще говорить при дальнѣйшемъ разсказѣ, а теперь перейдемъ къ разсказу о ходѣ самаго путешествія.

Уже въ концѣ января чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе, на Лобъ-норѣ природа начала рѣзко измѣняться. Съ первыми признаками приближающейся весны начали появляться сперва небольшими, а чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе значительными и многочисленными стаями различныя пролетныя птицы.

Точно по мановенію волшебства зимнее запустѣніе озера смѣнилось въ очень короткое время кипучею жизнью.

---

*) Которыя немного позже отосланы были изъ Черчена въ Кашгарское русское консульство.

**) Отъ Кяхты до истока Желтой рѣки, стр. 326.

Тамъ, гдѣ за недѣлю или за двѣ передъ тѣмъ рѣдко можно было встрѣтить живое существо; теперь можно было наблюдать крикливую суматоху безчисленныхъ и разнообразныхъ пернатыхъ созданій. Повинуясь могучему голосу природы, летятъ они цѣлыми тучами изъ теплыхъ странъ, изъ-за Гималаевъ въ благодатныя для нихъ сѣверныя страны, собираясь въ невѣроятно огромномъ числѣ на главнѣйшихъ пролетныхъ станціяхъ, въ ожиданіи пока растаютъ льды и снѣга Сибири, и заботливая мать-природа успѣетъ приготовить для нихъ незатѣйливое но обильное угощеніе на тундрахъ крайняго сѣвера, на побережьи безпредѣльнаго Ледовитаго океана.

Одною изъ самыхъ главныхъ станцій такого рода является почти сплошь поросшее тростникомъ, изобилующее укромными заводями, заливами, островами, отмелями, озеро-болото Лобъ-норъ, раскинувшееся вмѣстѣ съ прилежащими къ нему водоемами нижняго теченія Тарима на нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ среди необозримой безплодной и безводной пустыни, залегающей между Тибетомъ и Тянь-шаномъ.

Здѣсь собираются пернатые странники въ очень раннюю пору, когда даже и въ этой сравнительно теплой странѣ Центральной Азіи едва-едва начинается весеннее пробужденіе. Въ прошлогоднихъ тростникахъ и въ незамерзающихъ полыньяхъ они находятъ себѣ кое-какую пищу и питье, а главное въ густыхъ чащахъ они съ удобствомъ могутъ находить себѣ защиту отъ свирѣпыхъ вѣтровъ и пользуются сравнительною безопасностью отъ главнаго своего врага—человѣка, при незначительности населенія на Лобъ-норѣ.

Въ весну 1885 г. однако же нежданно-негаданно въ этихъ самыхъ привольныхъ заростяхъ залетныхъ пернатыхъ странниковъ поджидалъ лютый врагъ—Николай Михайловичъ со своими спутниками.

Лишь только птицы появились на озерѣ, какъ наши рьяные охотники начали свои опустошительныя охоты-бойни, ежедневно истребляя по нѣсколько десятковъ ихъ. Не только птицы убивались съ научными цѣлями, но въ теченіи почти цѣлаго мѣсяца весь экспедиціонный отрядъ продовольствовался исключительно утками и гусями, а при особенной удачѣ излишекъ отдавался еще лобъ-норцамъ. Въ промежутокъ съ 12 февраля (когда начался валовой прилетъ птицъ) по 1 марта такимъ образомъ убито было 655 утокъ и 34 гуся, если присчитать еще убитыхъ раньше (со времени прихода на Лобъ-норъ), то получится 743 утки и 42 гуся.

Слѣдуетъ замѣтить однако, что счетъ велся только убитымъ на-поваль, но при этомъ по крайней мѣрѣ въ двое больше было подстрѣлено, такъ что опустошенія произведенныя охотниками въ пернатыхъ легіонахъ за менѣе, чѣмъ мѣсячный періодъ времени, должно исчислить по крайней мѣрѣ въ 2—$2^1/_2$ тысячи!

Съ одного выстрѣла по большей части убивалось по 4—8 штукъ, а однажды Николай Михайловичъ ухитрился положить двойнымъ выстрѣломъ изъ обоихъ стволовъ даже 18 утокъ сразу! да при этомъ еще многія подстрѣленныя сгоряча

успѣли разлетѣться въ стороны и попали въ когти орловъ, вороновъ и др. хищниковъ, которые обыкновенно цѣлою толпою слѣдили издали за стрѣлкомъ.

Настрѣлявъ цѣлую кучу утокъ, охотникъ, чтобы не таскать ихъ по напрасну съ собою, обыкновенно пряталъ ихъ гдѣ-нибудь въ чащѣ тростника и, тщательно замѣтивъ это мѣсто, отправлялся подкрадываться къ другой стаѣ. Къ концу охоты у наиболѣе искуснаго и рьянаго стрѣлка, Николая Михайловича, обыкновенно накоплялась такая масса добычи, что снести ее на бивуакъ оказывалось затруднительнымъ. Тогда онъ призывалъ казака, который приходилъ съ мѣшкомъ и нагрузивши его чуть не до верха, покряхтывая отправлялся домой.

Въ послѣднихъ числахъ февраля на Таримѣ и на озерахъ взломался ледъ, въ воздухѣ сдѣлалось значительно теплѣе. Все это напомнило пернатымъ гостямъ Лобъ-нора, что наступило время дальнѣйшаго отлета. Стадо за стадомъ, стая за стаей начали они отлетать теперь уже прямо на сѣверъ (прилетаютъ птицы. обыкновенно съ юга-запада, пересѣкая Тибетское нагорье въ самой узкой его части), черезъ степи и горы въ обширную и пустынную сѣверную Сибирь... «Тамъ многіе изъ этихъ странниковъ вскорѣ найдутъ мѣста своего лѣтованія; другіе же полетятъ все дальше и дальше черезъ лѣсныя дебри, или по многоводнымъ рѣкамъ на пустынныя тундры Полярнаго моря, быть можетъ, даже на его острова, и наконецъ осядутъ здѣсь на время короткаго лѣта. Быстро промелькнетъ оно всюду на сѣверѣ, и вновь наступитъ для птицъ отлетная пора. Опять покинутъ они свои облюбленныя мѣста и двинутся обратно къ югу, но уже не спѣшно и радостно, какъ летѣли отсюда весною, наоборотъ—медленно, лѣниво, нерѣдко съ большими остановками, видимо неохотно, по горькой лишь нуждѣ покидая свою родину»... *).

Поразительно быстро опустѣлъ Лоръ-норъ, послѣ того какъ на немъ наблюдалась въ теченіе мѣсяца кипучая жизнь. Къ 5 марта здѣсь осталось уже не болѣе $^1/_3$ прежняго числа утокъ, а ко дню дѣйствительнаго наступленія весны онѣ составляли здѣсь уже почти рѣдкость. Что касается гусей, то они не такъ торопились улетѣть съ озера, а нѣкоторые даже стали устраивать гнѣзда, т. е. остались здѣсь лѣтовать...

Въ первыхъ числахъ марта, когда главные весенніе гости Лобъ-нора—утка и гуси—уже покидали его, наступила пора пролета мелкихъ пташекъ: роздовъ, скворцовъ, сорокопутовъ, славокъ, стрыжей и др., а также голенастыхъ—цапель, журавлей и др.

Вскорѣ наступила настоящая весенняя погода, заморозки и безпрестанно свирѣпствовавшія до того времени пыльныя бури, прекратились. Оживилось тогда населеніе Лобъ-нора, правда не столь уже многочисленное, какъ раньше, но за то болѣе разнообразное. Оставшіяся еще птицы, равно какъ и вновь прилетѣвшія стали веселиться совсѣмъ по весеннему. На Таримѣ и по растаявшимъ озер-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 337.

нымъ заводямъ начала плескаться рыба; всюду показались пауки, мухи, стрекозы, а отчасти и кровопійцы, бичъ здѣшнихъ мѣстностей въ болѣе позднюю лѣтнюю пору—комары и разныя мошки.

Массовыя истребленія дичи къ тому времени уже прекратились, но за то страстные охотники получали теперь великое наслажденіе на вечернихъ и утреннихъ стойкахъ въ засадкахъ.

Устраивались такія засадки спеціально за болѣе осторожными птицами, напр. гусями, цаплями, чайками и др., которыя держатся обыкновенно вдали отъ береговъ и къ которымъ поэтому трудно днемъ подобраться.

Такія охоты рѣдко доставляли обильную добычу, но сама обстановка ихъ въ высшей степени интересна для страстнаго любителя природы.

Позволяемъ себѣ привести выдержку изъ увлекательнаго описанія такой охоты Николаемъ Михайловичемъ *).

...«Съ вечера приготовлены всѣ боевыя и охотничьи принадлежности—ружья, патроны, охотничье одѣяніе. Дежурному на послѣдней смѣнѣ казаку приказано разбудить чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнетъ ночь и живо откликнешься на зовъ дежурнаго. Поспѣшно въ тихомолку одѣнешься и выйдешь изъ юрты, гдѣ крѣпкимъ сномъ спятъ товарищи. Едва замѣтная полоска свѣта начинаетъ отливать на востокѣ, но еще не слышно голосовъ птицъ; только изрѣдка гогочутъ гуси, да громко гукаетъ выпь...

«Вотъ и облюбованное заранѣе мѣсто засадки—маленькій клочекъ полусырой земли среди водяныхъ затоновъ и тростника; изъ тростника же устроена заранѣе загородка, чтобы лучше было спрятаться... Снимаешь фуражку, чтобы лучше укрыться, садишься на тростниковую подстилку и начинаешь напряженно всматриваться и прислушиваться. Ждать приходится недолго. На востокѣ побѣлѣла уже порядочная полоса неба, и одна за другой начинаютъ пробуждаться птицы. Громче и усерднѣе загоготали гуси, запищали въ тростникѣ лысухи, учащеннѣе раздается гуканье выпя и звонкій голосъ водяного коростеля; свистятъ, крякаютъ и кыркаютъ разныя утки; затѣмъ, когда еще немного посвѣтлѣетъ, запоютъ жаворонки, камышевки, стренатки, сорокопуты... По временамъ раздается отвратительное карканье вороны и крикъ лѣниво летящей чайки или сѣрой цапли... Не разнообразна и не богата серія лобъ-норскихъ пѣвуновъ, но и такимъ радуешься въ здѣшнихъ пустыняхъ; все-таки это жизнь, а не могильное молчаніе безплодныхъ равнинъ, гдѣ только завываніе бури нарушаетъ вѣковую тишину...

«Наслажденіе природою, однако же, не совершенно поглощаетъ вниманіе охотника. Зорко всматривается онъ по сторонамъ и напряженно прислушивается. Нѣсколько разъ уже съ шумомъ пролетали надъ засадкой небольшія стайки котъ, и даже садятся неподалеку на воду, но на нихъ стрѣлокъ не обращаетъ

---

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 339, 340.

вниманія, ожидая другую добычу. Гуси, то парами, то небольшими группами, перелетають тростникомъ съ одной заводи въ другую. Впереди летятъ вожаки-самцы и успокоительно гогочутъ, ободряя своихъ товарищей, убѣдившись въ безопасности. Но ошибся одинъ изъ такихъ вожаковъ и навелъ стадо на роковое мѣсто. Охотникъ уже издали замѣтилъ приближеніе добычи и еще болѣе притаился....

«Черезъ нѣсколько мгновеній томительнаго ожиданія птицы налетѣли почти на голову—мгновенно ружье взято на прицѣлъ и разъ за разомъ гремятъ два выстрѣла въ тишинѣ ранняго утра. Грузно шлепнулся гусь или два въ воду, съ громкимъ, тревожнымъ крикомъ шарахнулись въ сторону всѣ остальные... Грохотъ выстрѣла переполошилъ и другихъ птицъ, расположившихся по близости. Бросились онѣ, кто куда, сами не зная въ чемъ дѣло, и гдѣ опасность. По всѣмъ направленіямъ засновали утки, ныряя въ заводяхъ и низко перелетая черезъ тростниковыя заросли...

«Охотникъ тѣмъ временемъ спѣшитъ вложить въ свое ружье новые патроны и готовъ уже встрѣтить новую жертву. Въ суматохѣ нерѣдко на засадку снова налетаютъ гуси, опять раздаются выстрѣлы, и прежняя суматоха еще усиливается... Но мало-по-малу все успокаивается и обитатели тростниковъ начинаютъ попрежнему беззаботно веселиться, а солнце подымается все выше и выше.

«Однако же заря не имѣетъ такого радостнаго праздничнаго вида, какъ у насъ. Солнце, выплывающее изъ-подъ горизонта, не горитъ яркимъ свѣтомъ, а чуть замѣтно вырисовывается какимъ-то мутнымъ дискомъ сквозь нижніе слои атмосферы, наполненные густою пылью. Въ воздухѣ довольно тепло, но сухость окружающей пустыни сказывается въ отсутствіи росы, хотя кругомъ на большое пространство вода и болота.

«Стоитъ такимъ образомъ охотникъ, поджидая болѣе рѣдкихъ птицъ, бѣлую цаплю или большую чайку, нужную для коллекціи и часовъ въ семь утра, когда сдѣлается уже совсѣмъ свѣтло и озерная жизнь вступитъ въ обычный денной порядокъ, возвращается на бивуакъ, иногда съ значительной добычей, иногда же почти съ пустыми руками».

ГЛАВА ВОСЕМЬНАДЦАТАЯ.

Оазисы Черченскій, Нія, Ясулгунъ.

Прощаніе съ лобъ-норцами.—Встрѣча Свѣтлаго Праздника въ Чархалыкѣ.—Безграничные пески и погребенные въ нихъ древніе города, общее усыханіе страны.—Путь по Черченъ-дарьѣ.—Оригинальные „кальяны“ въ пустынѣ.—Пріемъ въ Черченѣ, прошлое и настоящее этого оазиса.—Преданія о древнемъ городѣ.—Происки китайцевъ.—Путь къ окраинѣ Тибета.—Хребетъ Русскій.—Дорога къ оазису Нія.—Трудный безводный переходъ.—Пріискъ Копа.—Достопримѣчательности на пути (мазаръ, свящ. ивы).—Встрѣча въ оазисѣ Нія.—Общій видъ средне-азіатскихъ оазисовъ, тяжелое положеніе туземцевъ.—Оазисъ Ясулгунъ, пріятное въ немъ пребываніе.—Слухи о тайныхъ козняхъ китайцевъ.—Переходъ до Кэріи.

Почти два мѣсяца (50 дней) провели наши путешественники на берегахъ озера Лобъ-нора и за это время прекрасно отдохнули отъ всѣхъ раньше перенесенныхъ невзгодъ.

Стоянка здѣсь, какъ выше указано, была прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь начинался третій заключительный періодъ путешествія *), обнимавшій собою движеніе по восточному Туркестану и до русской границы.

«Здѣсь,—говоритъ Николай Михайловичъ **),—со стороны населенія намъ сопутствовали два постоянныхъ фактора: большое расположеніе туземцевъ и, какъ прежде, скрытая ненависть китайцевъ. Пользуясь первымъ и по возможности игнорируя второе, наконецъ все съ прежнимъ счастьемъ, мы достаточно успѣшно выполнили вновь свою задачу».

Закончивъ научныя изслѣдованія Лобъ-нора и предпринявъ еще заключительную поѣздку внизъ по Тариму до деревни Уйтунъ, куда при содѣйствіи Кунчиканъ-бека вызваны были кара-курчинцы, для снятія съ нихъ фотографій и пополненія этнографическихъ свѣдѣній, путешественники дружески распрощались съ радушными лобъ-норцами, одаривъ многихъ изъ нихъ на прощаніе подарками. Кунчиканъ-беку Николай Михайловичъ подарилъ карманные часы и стереоскопъ. Старикъ былъ въ восхищеніи отъ полученныхъ вещей, похвастался ими передъ своими приближенными, а затѣмъ живо вскочилъ въ лодку, переправился черезъ Таримъ и закопалъ свои сокровища въ песокъ, въ укромномъ мѣстечкѣ.

Къ назначенному дню отправленія туземцы чуть не поголовно сошлись изъ всѣхъ ближайшихъ деревень прощаться со своими дорогими гостями, а самъ Кунчиканъ-бекъ вызвался даже отправиться въ качествѣ провожатаго на нѣсколько дней пути.

20-го марта, напутствуемые добрыми пожеланіями искренно благорасположенныхъ лобъ-норцевъ, путешественники покинули свою прекрасную стоянку и

*) Первый періодъ—движеніе отъ Кяхты до Цайдама, по хорошо извѣстной уже дорогѣ, былъ, такъ сказать, подготовительный къ самому путешествію, которое началось изслѣдованіемъ истоковъ Желтой рѣки.

**) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 348.

двинулись по направленію къ деревни Чархалыкъ. Путь шелъ сначала по совершенно безплодной солончаковой глинистой равнинѣ, а затѣмъ по сыпучимъ пескамъ, покрытымъ жидкою пустынною растительностью, мѣстами даже довольно густыми кустарниковыми зарослями (такъ называемый у туземцевъ джангалъ); попадались иногда и тугpаковыя небольшія рощицы.

Черезъ три дня караванъ достигнулъ деревни Чархалыкъ, посѣщенной Николаемъ Михайловичемъ еще въ 1876 г. Деревня эта лежитъ на рѣчкѣ того же имени, вытекающей изъ Алтынъ-тага, а быть можетъ, и съ сѣвернаго склона Чаменъ-тага, и впадающей въ Черченъ-дарью, до которой она, однако же, добѣгаетъ только во время половодья.

Въ Чархалыкѣ путешественники встрѣтили Свѣтлый праздникъ и на «пиршествѣ», устроенномъ по этому случаю, окончательно распрощались съ Кунчиканъ-бекомъ, который затѣмъ отправился домой. Новымъ проводникомъ вызвался быть чархалыкскій аксакалъ (старшина) Сэйфи, который еще въ 1876 г. водилъ Николая Михайловича къ Алтынъ-тагу.

Въ ночь на 26 марта, вдругъ поднялась необыкновенная сильная пыльная буря, которая продолжалась и почти весь слѣдующій день. На палатки и на вьюки нанесло цѣлые сугробы песку и пыли, вмѣстѣ съ тѣмъ температура сразу упала настолько, что рѣка покрылась льдомъ, а еще черезъ день ударилъ морозъ въ —5,1° Ц., между тѣмъ какъ до бури вода въ рѣкѣ имѣла +18°, а въ воздухѣ было очень жарко.

Буря эта нѣсколько задержала караванъ въ Чархалыкѣ, откуда выступили лишь 27 марта и въ два перехода достигли урочища Вашъ-шари, съ плодородной и лёссовой почвой, но недостаточно орошеннаго и пока еще весьма мало населеннаго.

Въ семи верстахъ отъ этого урочища находятся развалины древняго, довольно большого города. Руины эти покрыты песчаными заносами, и лишь мѣстами обнажаются остатки стѣнъ и построекъ. Кое-гдѣ валяются черепки глиняной посуды и человѣческія кости, иногда, какъ сообщали туземцы, здѣсь находятся монеты и металлическая домашняя утварь. Изъ песчаныхъ бугровъ кое-гдѣ торчатъ изсохшіе, поломанные и исковерканные стволы фруктовыхъ деревьевъ, тополей и др. Какихъ временъ этотъ городъ, и кто въ немъ жилъ — мѣстные жители не могли сообщить, такъ какъ они сами сравнительно недавно поселились здѣсь.

Тотчасъ за урочищемъ Вашъ-шари передъ путешественниками раскинулись на необозримое пространство сыпучіе пески, которые залегли почти во всей Таримской котловинѣ верстъ на 950 съ востока на западъ (отъ Нижняго Тарима до Яркенда) и верстъ на 350—370 съ сѣвера на югъ, т. е. болѣе чѣмъ на 350,000 квадр. верстъ! Если принять во вниманіе, что на востокѣ пески эти непосредственно сливаются съ пустынею вокругъ оазиса Са-чжоу и продолжаются непрерывною полосою до Ала-шаня и Ордоса, то безспорно эта песчаная пустыня

занимаетъ во всей Азіи первое мѣсто какъ по протяженію, такъ и по своей дикости и недоступности.

Сыпучіе пески Таримско-лобъ-норской котловины при своей подвижности, въ связи съ общимъ непрерывнымъ усыханіемъ, наблюдающимся на всей площади Центральной Азіи, представляютъ самаго страшнаго и непреодолимаго врага куль-

Чархалыкскій аксакалъ Сэйфи.

туры. Въ Восточномъ, точно также какъ и въ сосѣднемъ Западномъ Туркестанѣ, многія, процвѣтавшія въ глубокой древности мѣстности, теперь совершенно уничтожены и превратились въ дикую пустыню, такъ что, можно сказать, культурная площадь уменьшается здѣсь безпрерывно, съ неумолимою послѣдовательностью.

Усыханіе Средней Азіи началось еще въ предыдущую геологическую эпоху, когда оба здѣшнихъ громадныхъ бассейна—**Ханъ-хайскій** и **Туран-**

Центральной Азіи, представляютъ самое страшное

Чархалыкскій аксакалъ Сэйфи.

скій, представляли собою громадныя внутреннія моря. Но постепенно почти вся масса заключавшихся въ нихъ водъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся физико-геологическихъ условій, испарилась, и усыханіе это продолжается еще и въ настоящее время.

Помимо различныхъ геологическихъ данныхъ, не допускающихъ сомнѣнія въ фактѣ этого колоссальнаго усыханія, о томъ же безпрестанномъ уменьшеніи количества живительной влаги и о прогрессѣ здѣсь мертвящей пустыни, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ путешественнику засыпанные пескомъ, нѣкогда цвѣтущіе оазисы и города.

Количество такихъ погребенныхъ подъ песками пустыни, плодородныхъ и культурныхъ мѣстностей—весьма значительно, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ китайскимъ источникамъ, а также и по непосредственнымъ наблюденіямъ новѣйшихъ путешественниковъ. Такъ, напр., Николай Михайловичъ неоднократно слышалъ разсказы туземцевъ о томъ, что въ старину между Хотаномъ, Аксу и Лобъ-норомъ лежало 23 города и 360 селеній, нынѣ не существующихъ.

Въ то время, по мѣстному преданію, можно было изъ города Куча пройти на Лобъ-норъ «по крышамъ домовъ»—до такой степени густо населенъ былъ прежде, совершенно почти пустынный въ настоящее время, Нижній Таримъ.

«Еще и теперь,—сообщаетъ Николай Михайловичъ*),—жители Хотана, Кэріи, Нія и другихъ пока уцѣлѣвшихъ оазисовъ, ежегодно, осенью и зимою, ходятъ въ пески искать оголенные бурями остатки древнихъ поселеній.

«Тамъ, какъ говорятъ, находятъ иногда золото и серебро. Попадаются даже уцѣлѣвшія сакли, а въ нихъ одежда и войлоки. То и другое обыкновенно истлѣло до того, что отъ прикосновенія руки разсыпается въ пыль.

Искатели отправляются пѣшкомъ, но везутъ на верблюдахъ, иногда же несутъ на собственныхъ плечахъ, вьюки шестовъ, которые, съ навязанными на нихъ красными или синими тряпками, втыкаютъ на болѣе высокихъ песчаныхъ холмахъ и такимъ образомъ обезпечиваютъ себѣ обратный путь».

Сдѣлавъ 60 верстъ въ западномъ направленіи отъ Вашъ-шари, путешественники вышли на среднее теченіе Черченъ-дарьи. Рѣка эта очень мелка, имѣетъ чрезвычайно грязную воду и топкое зыбучее дно. Берега поросли узкою полосою кустарниковъ и туграковыми деревьями. Тугракъ (Populus diversifolia)-уродливое, корявое дерево, достигающее значительной величины (30—40, иногда даже 50 ф. высоты, при толщинѣ ствола въ 2—3 и даже 4 ф.). Почти всегда кора на тугракѣ сильно растрескивается, у старыхъ экземпляровъ часто отвислая и засыпанная пылью. Стволъ обыкновенно дуплистый, вѣтви и верхушка часто бываютъ поломаны, иногда дерево стоитъ даже до половины засыпанное пескомъ. При томъ весьма часто цѣлыя площади туграковыхъ порослей засыхаютъ, вслѣдствіе прекращенія подземнаго питанія водой.

---

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 356.

«Такія изсохшія деревья стоятъ безъ сучьевъ, словно исковерканные столбы; они не гніютъ въ здѣшнемъ крайне сухомъ воздухѣ, но распадаются на слои, пересыпанные пескомъ и пылью».

Растеніе это въ своихъ сокахъ содержитъ много соли, которая вывѣтривается на изломахъ въ видѣ бѣлаго налета.

Крайне безотрадную картину представляли эти кустарниковыя заросли и тугpаковыя рощи, пріютившіяся по берегамъ рѣки.

Всѣ растенія покрыты толстою пеленою тонкой лёссовой пыли, такъ что при малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи къ нимъ, путника обдаетъ цѣлою тучею пыли. Почва между кустарниками, также какъ и между деревьями — оголенная лёссовая глина, перемѣшанная и присыпанная пескомъ, то покрытая твердою солонцеватою корою, то совершенно рыхлая, какъ пепелъ, подымающаяся на воздухъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Подъ деревьями вездѣ валяются груды обломанныхъ бурями сучьевъ и кучи сухихъ листьевъ, которые звенятъ, словно каменные, когда ихъ перекатываетъ вѣтеръ.

Зелени почти нигдѣ не было видно, несмотря на то, что было уже совсѣмъ тепло (до $+30{,}8^\circ$ въ тѣни). Взамѣнъ весеннихъ цвѣтовъ и бабочекъ, по землѣ ползали обильные здѣсь скорпіоны, а въ тихую погоду носились тучи комаровъ.

Караванъ двигался по лѣвому берегу Черченъ-дарьи, небольшими переходами, чтобы лучше изслѣдовать мѣстность, но какъ ботаническая, такъ и зоологическая добычи были до крайности скудны; за то путешественники теперь часто купались и занимались рыболовствомъ. Погода по прежнему стояла весьма перемѣнчивая и нерѣдко послѣ 30-градусныхъ денныхъ жаровъ, ночью выпадалъ морозъ въ -2° и даже $-2{,}9^\circ$. Жаркая погода наплодила необыкновенное множество комаровъ въ воздухѣ и скорпіоновъ на землѣ. «Отъ первыхъ, — разсказываетъ Николай Михайловичъ*), — невозможно было уберечься, въ особенности при безвѣтріи; отъ скорпіоновъ же мы плотно закупоривали на ночь свои палатки и обсыпали ихъ снизу землею, чтобы не быть укушенными во время сна, чего ни разу не случилось».

Все время, пока шли по Черченъ-дарьѣ, до самаго Черченскаго оазиса, нигдѣ не замѣчали населенія. Одинъ только разъ повстрѣчался небольшой караванъ, съ которымъ путешественника расположился рядомъ на ночевку.

У туземцевъ, шедшихъ съ этимъ караваномъ, путешественники наблюдали очень оригинальный способъ куренья, который практикуется во время пути.

Курильщикъ беретъ кусокъ лёссовой глины и, смочивъ ее водою, лѣпитъ на поверхности ровной убитой площадки, какія не трудно найти вездѣ въ пустынѣ, небольшой валикъ около фута длиною и 1—2 дюймовъ въ діаметрѣ.

Внутри этого валика посредствомъ тростничинки дѣлается горизонтальная трубочка. На одномъ концѣ валика выдавливается небольшое углубленіе, служа-

*) Тамъ же, стр. 360.

щее для помѣщенія закуриваемаго табака, на другомъ же концѣ пробивается вертикальная трубочка, сообщающаяся съ горизонтальной и одинаковаго съ ней діаметра.

Въ нее вставляется очиненная тростничинка, которая играетъ роль чубука. Черезъ какой-нибудь часъ глина твердѣетъ, какъ камень, и весь этотъ аппаратъ дѣлается прочнымъ.

Передъ куреніемъ въ такого рода оригинальный кальянъ напускается вода, чтобы вымыть набившуюся туда пыль, а затѣмъ воду снова вытягиваютъ, да она и сама просачивается черезъ пористыя стѣнки. При томъ смачиванье, какъ увѣряли курильщики, способствуетъ улучшенію вкуса табачнаго дыма. Курятъ, лежа на землѣ, держа во рту чубукъ. Такія курилки устраиваются на мѣстахъ остановки въ пустынѣ и могутъ служить довольно долгое время для всѣхъ проходящихъ здѣсь путниковъ, пока ихъ не засыпетъ совсѣмъ песокъ или не размоетъ дождь.

Вскорѣ путешественники вступили въ область верхняго теченія Черченъ-дарьи; рѣка постепенно съузилась, а по обѣимъ сторонамъ начали попадаться тростниковыя болота и довольно обильныя пастбища. Кое-гдѣ начали попадаться пастухи со стадами барановъ, а въ 37 верстахъ отъ Черчена расположена даже небольшая деревня Татранъ, гдѣ сдѣлали дневку. Отсюда въ одинъ переходъ добрались до небольшого озерка Балыкъ-куль, гдѣ экспедицію ожидала депутація отъ черченцевъ, выѣхавшихъ навстрѣчу. Въ сопровожденіи этой свиты пушественники двинулись дальше и 14 апрѣля вступили въ самый Черченъ, гдѣ были встрѣчены главными мѣстными властями: хакимомъ (начальникъ), аксакаломъ и толпою жителей.

Черченскій оазисъ невеликъ: обработанной площади, по мнѣнію Пржевальскаго, наберется едва-ли больше одной тысячи десятинъ. Расположенъ онъ по обѣимъ сторонамъ Черченъ-дарьи, верстахъ въ 60 отъ выхода ея изъ окраинныхъ тибетскихъ горъ и заключаетъ въ себѣ около 600 семействъ поселенцевъ, т. е. приблизительно 3—3$^{1}/_{2}$ тыс. жителей.

Впервые Черченъ сдѣлался извѣстенъ со времени извѣстнаго Марко-Поло, который описывалъ его подъ именемъ Ciarcian'а. Однако, позднѣйшіе комментаторы сочиненій великаго венеціанца неправильно пріурочили это названіе къ г. Карашару и лишь въ сравнительно недавнее время, благодаря изслѣдованіямъ извѣстнаго оріенталиста Юля, разрѣшилась эта путаница. Несомнѣнно, что въ древнія времена площадь Черченскаго оазиса была гораздо больше. И теперь еще рядомъ съ обитаемою нынѣ площадью, среди совершенной пустыни, видны слѣды довольно обширной нѣкогда культурной площади, которая простирается по лѣвому берегу верстъ на 7—8 съ сѣвера на югъ и около 2—3 съ запада на востокъ.

Николаю Михайловичу удалось собрать кое-какія свѣдѣнія объ этихъ руинахъ у мѣстныхъ жителей. По преданію *), здѣсь въ разное время существовало два

*) См. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, 365, 366.

города. Болѣе древній изъ нихъ разрушенъ былъ около 3,000 лѣтъ назадъ богатыремъ *Рустемомъ-Дагестаномъ*. Послѣднимъ царемъ этого города былъ А п л ѝ п ъ - с а л ѝ, но наиболѣе процвѣталъ онъ при С і я - в у ш ъ - х а н ѣ, который, какъ гласитъ преданіе, былъ потомкомъ Н о я въ 7-мъ колѣнѣ. Самъ онъ, равно какъ и всѣ его подданные, исповѣдывалъ религію Ноя.

Въ то время городъ былъ богатъ и многолюденъ. Недалеко отъ стѣнъ столицы (къ западу) былъ выкопанъ огромный прудъ, наполнявшійся водою изъ рѣки во время половодья *). Вокругъ этого пруда расположены были сады, цвѣтники,

Правитель Лобъ-Нора Кунчиконъ-бекъ съ сыномъ.

бесѣдки, украшенныя статуями, здѣсь устраивались блестящія празднества. Этому-же прославленному хану Сія-вушъ приписывается основаніе и другого, нынѣ погребеннаго подъ песками пустыни города Ш а р и с т а н а, слѣды котораго видны и понынѣ близъ Хотана. Недалеко отъ Шаристана знаменитый ханъ нашелъ себѣ трагическую кончину, убитый по приказанію своего тестя А ф р а б ъ - с і я б а. Въ народной памяти преступленіе это запечатлѣлось слѣдующею легендою: на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь Сія-вушъ-хана, выросла особенная трава, получившая названіе н ы р ъ - с і я - в у ш ъ - х а н ъ, и до сихъ поръ употребляемая туземцами, какъ цѣлебная.

*) Впадина этого древняго пруда показывается туземцами, и мѣсто это теперь называется К а ш к а р ъ - б а ш ъ.

Правитель Лобъ-Нора Кунчиконъ-бекъ съ сыномъ.

Когда о насильственной смерти Сія-вушъ-хана,—повѣствуетъ далѣе легенда,—узналъ его другъ Рустемъ-Дагестанъ, находившійся въ то время въ Кабулѣ, то онъ собралъ изъ иранцевъ войско и отправился въ походъ. При этомъ онъ покрылъ себя и своего коня трауромъ и произнесъ слѣдующую клятву: «не сниму меча и траура, не остригу своихъ волосъ, не утру слезъ съ глазъ, пока не отомщу за своего друга»,—и дѣйствительно, на всемъ пути по восточному Туркестану Рустемъ превратилъ всѣ встрѣчные города въ развалины. Тогда-же разрушенъ былъ и Черченскій городъ, которымъ завладѣлъ, по убіеніи Сія-вушъ-хана, его врагъ Аплàпъ-салà, и Шаристанъ.

Про Рустема-Дагестана, туркестанскія легенды о которомъ отчасти напоминаютъ извѣстную эпопею Фирдуси «Рустемъ и Зорабъ» (см. переводъ Жуковскаго), намъ придется еще говорить, а теперь обратимся снова къ Черчену.

На той-же самой засыпанной песками пустыни древней культурной площади находятся развалины еще другого города, существованіе котораго, по мѣстному преданію, относится къ болѣе близкой къ намъ эпохѣ; туземцы разсказывали Николаю Михайловичу, что городъ этотъ разрушенъ былъ монголами около 900 лѣтъ тому назадъ.

По мнѣнію Пржевальскаго, эпохи разоренія обоихъ черченскихъ городовъ слѣдуетъ очень сильно приблизить. Онъ предполагаетъ, что паденіе болѣе древняго города произошло едва-ли раньше VIII вѣка нашей эры, когда арабы силою распространяли магометанство въ восточномъ Туркестанѣ. Рустемъ-Дагестанъ, вѣроятно, одинъ изъ арабскихъ витязей, прославившійся при нашествіи мусульманъ на страну. Что касается другого города, то разореніе его относится, вѣроятно, къ началу XIII вѣка, къ эпохѣ великаго монгольскаго завоевателя Чингисъ-хана. Нѣкоторое подтвержденіе своего предположенія Пржевальскій видитъ въ свидѣтельствѣ Марко-Поло, который проходилъ здѣсь въ концѣ того-же XIII вѣка и повѣствуетъ, что «область Ciarcian въ прежнее время благоденствовала и отличалась производительностью, но татары ее опустошили» *).

Нынѣшніе жители Черчена иногда производятъ небольшія раскопки на развалинахъ древнихъ городовъ, а то и просто бродятъ тамъ въ поискахъ случайно вышедшихъ на поверхность вещей. Въ особенности послѣ сильной бури устремляются туда искатели, такъ какъ вѣтеръ нерѣдко сдуваетъ песчаные курганы на значительную глубину. Находки нерѣдки. Попадаются монеты (мѣдныя, серебряныя, золотыя), иногда находятъ большія слитки серебра, въ формѣ плоскихъ четырехъугольниковъ, вѣсомъ около 50 китайскихъ ланъ ($4^1/_2$ фунта), серебряныя и золотыя украшенія одежды, драгоцѣнные камни, бусы, мѣдную посуду, желѣзные инструменты **), и что особенно замѣчательно—*битое стекло,* даже на разва-

*) См. Риттеръ „Восточный Туркестанъ", пер. Григорьева, стр. 431.

**) Напр. кетмени—родъ лопаты, и въ настоящее время универсальное земледѣльческое орудіе въ Средней Азіи.

линахъ древнѣйшаго города, а въ болѣе новомъ черченцы постоянно добываютъ для своихъ хозяйственныхъ надобностей обожженный кирпичъ.

Нынѣшнее населеніе Черченскаго оазиса, по собраннымъ Николаемъ Михайловичемъ свѣдѣніямъ, представляетъ потомковъ племени мачинъ *), переселившихся сюда изъ Кэріи и Хотана около 100 лѣтъ назадъ и племени ардбюль,—прибывшихъ изъ Кашгара и Аксу.

Въ Черченскомъ оазисѣ нѣтъ города, т. е. мѣста обнесеннаго, какъ всегда въ Азіи, стѣною; но глиняныя сакли туземцевъ расположены отдѣльными фермами по всей площади, способной къ культурѣ, а въ промежуткахъ между ними лежатъ поля, сады, огороды—весьма малыхъ размѣровъ, но прекрасно воздѣланные и обсаженные деревьями.

Въ садахъ разводятся груши, яблоки, абрикосы, персики, гранаты, шелковица, виноградъ, въ огородахъ родятся арбузы, дыни, табакъ, бобы и т. д. Скотоводство развито сравнительно мало за недостаткомъ пастбищъ.

Вернемся, однако, къ нашимъ путешественникамъ.

На другой день по приходѣ экспедиціи въ оазисъ, поднялась необыкновенно сильная буря, которая съ небольшими перерывами продолжалась всю недѣлю. Особенно силенъ былъ ураганъ на третьи сутки. Тучи песка и пыли наполнили воздухъ еще ночью, такъ что при восходѣ солнца во всей восточной половинѣ небеснаго свода атмосфера окрасилась оранжево-багрянымъ цвѣтомъ, точно зарево огромнаго пожара.

Затѣмъ вѣтеръ еще усилился и поднялъ такія тучи песка, что на цѣлый день наступила темная мгла. Палатки, несмотря на всѣ прикрѣпы, едва держались на мѣстѣ. Противъ вѣтра невозможно было двигаться, нельзя было перевести духъ и открыть глаза. Пыль и песокъ садились толстымъ слоемъ на весь бивуакъ, не исключая и верблюдовъ, которые цѣлыя сутки лежали привязанными на одномъ мѣстѣ.

При такомъ состояніи погоды, конечно, трудно было выступать въ путь.

Но помимо того, необходимо было снарядиться передъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь, въ чемъ встрѣтилось препятствіе со стороны мѣстныхъ властей—хакима и аксакала. Оба они по внѣшности были чрезвычайно любезны, но на дѣлѣ, конечно, по строгому внушенію китайцевъ, вели себя иначе. На просьбу Пржевальскаго—продать продовольственныхъ запасовъ и дать проводника, они начали отговариваться бѣдностью жителей, скудостью прошлогодняго урожая, неимѣніемъ людей, знающихъ дорогу до Кэріи и т. п. побасенками.

Николай Михайловичъ припугнулъ ихъ, обѣщая принять, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, крутыя мѣры, и тогда аксакалъ и хакимъ откровенно сознались, что получили отъ китайскихъ властей строжайшее запрещеніе, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности, продавать какіе-либо припасы или давать вожаковъ.

*) О мачинцахъ см. дальше.

Далѣе они сообщали, что всѣмъ жителямъ, подъ страхомъ смертной казни*), воспрещено входить въ какія-либо сношенія съ русскими путешественниками, а въ особенности давать какіе-либо правдивые отвѣты на ихъ разспросы.

Выслушавъ это, далеко не новое для него сообщеніе, Николай Михайловичъ объявилъ хакиму, что, въ случаѣ упорнаго сопротивленія, припасы взяты будутъ силою, а если не удастся достать проводника, то онъ станетъ разыскивать путь разъѣздами, но при этомъ захватитъ съ собою и самого хакима, «чтобы онъ на всякій случай узналъ дорогу въ Кэрію».

Не видя иного исхода, посовѣтовавшись съ аксакаломъ, хакимъ рѣшился нарушить приказаніе китайцевъ, далъ двухъ проводниковъ и исполнилъ всѣ остальныя требованія Пржевальскаго.

Передъ самымъ выступленіемъ экспедиціи изъ Черчена, случилась опять задержка. Переводчикъ Абдулъ Юсуповъ довольно сильно заболѣлъ, такъ что, прождавъ напрасно его выздоровленія сутки, Николай Михайловичъ рѣшилъ оставить его здѣсь на попеченіе хакима, потому что необходимо было дорожить временемъ и двигаться дальше.

Затѣмъ еще произошла задержка на одинъ день, такъ какъ оба назначенные властями проводника, наканунѣ выступленія, ночью, скрылись неизвѣстно куда. Вслѣдствіе энергичнаго требованія Николая Михайловича, аксакалъ поспѣшилъ подыскать двухъ новыхъ вожатыхъ, изъ которыхъ одинъ, родомъ афганецъ, по имени Айсаханъ, оказался очень толковымъ человѣкомъ, но по неимѣнію переводчика, съ нимъ приходилось объясняться лишь пантомимами, такъ что онъ не приносилъ той пользы, какую, несомнѣнно, могъ бы принести.

25 апрѣля, наконецъ, путешественники выступили изъ Черчена и направились къ югу, прямо къ виднѣвшемуся вдали тибетскому хребту. Горы эти, у подошвы которыхъ пролегалъ дальнѣйшій путь, на протяженіи болѣе 500 верстъ, представляютъ западную часть исполинской Куэнъ-люньской системы, ограничивающей съ сѣвера Тибетское нагорье.

Начинаясь съ западнаго края Алтынъ-тага и примыкая къ Токузъ-дабану, новый хребетъ тянется въ видѣ сплошной исполинской стѣны въ западно-сѣверо-западномъ направленіи верстъ на 400 слишкомъ. Въ виду того, что хребетъ этотъ имѣетъ лишь частичныя мѣстныя названія, и совершенно наугадъ наносился до сихъ поръ на карты, Николай Михайловичъ назвалъ его, по праву перваго изслѣдователя, хребтомъ Русскимъ. На всемъ своемъ протяженіи хребетъ этотъ имѣетъ на сѣверномъ, какъ и у всѣхъ окраинныхъ горъ, наиболѣе развитомъ склонѣ, общій характеръ дикости и недоступности.

Южный, тибетскій склонъ—короче, и формы рельефа здѣсь нѣсколько мягче.

Западная часть этихъ горъ вообще выше; здѣсь находится огромная,

---

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 364.

вѣчно снѣговая группа и въ ней вершина, подымающаяся, по приблизительному опредѣленію, выше 20 т. ф., названная Николаемъ Михайловичемъ Горой Царя Освободителя. Но и помимо этой вершины, хребетъ во многихъ своихъ частяхъ подымается выше снѣговой линіи, и здѣсь существуютъ обширныя скопленія льдовъ, которыми питаются рѣки, стекающія преимущественно по сѣверному склону въ Таримскую котловину.

Хребетъ Русскій вообще выше Алтынъ-тага и, прилегая ближе къ Тибетскому нагорью, изобилующему громадными снѣговыми и ледниковыми вершинами, менѣе бѣденъ атмосферическими осадками, чѣмъ Алтынъ-тагъ. Поэтому въ поясѣ отъ 10 до 12—13 т. ф. здѣсь образуются кое-какіе луга, почти совершенно отсутствующіе на Алтынъ-тагѣ.

Однако въ общемъ, хребетъ Русскій весьма бѣденъ, какъ растеніями, такъ и животными. Лѣсовъ по склонамъ почти нигдѣ нѣтъ, но по глубокимъ ущельямъ и на днѣ долинъ встрѣчаются болѣе или менѣе обширныя заросли кустарниковъ.

Что касается животнаго царства этого хребта, то здѣсь по большей части распространены тибетскіе виды: яки, хуланы, куку-ямани, аргали и т. п.

На всемъ протяженіи хребта Русскаго встрѣчается рѣдкое населеніе, пріютившееся лишь по немногимъ болѣе удобнымъ для осѣдлой и кочевой жизни уголкамъ. Всѣ здѣшніе жители принадлежатъ къ одному племени, составляющему коренной элементъ и во всѣхъ оазисахъ, расположенныхъ у подошвы тибетской ограды — мачинъ.

О нихъ будетъ сказано еще дальше, а теперь перейдемъ къ продолженію разсказа.

Изъ Черчена путь лежалъ къ оазису Нія, куда ведутъ двѣ дороги: нижняя и верхняя; первая болѣе прямая и потому короче, но зато бѣдная водою, хотя изобилуетъ кормомъ для верблюдовъ и топливомъ; вторая кружная проходитъ вдоль подошвы хребта Русскаго и длиннѣе верстъ на 100, но предпочитается въ лѣтнюю пору, такъ какъ здѣсь нерѣдко встрѣчаются ручьи и рѣчки, стекающія со снѣговыхъ горъ. Однако въ общемъ и этотъ путь неудобенъ, при почти полномъ отсутствіи корма для животныхъ и топлива.

Имѣя въ виду изслѣдованіе горной цѣпи, Николай Михайловичъ избралъ верхнюю дорогу и выступилъ изъ Черчена 25 апрѣля. Здѣсь на первый же день предстоялъ трудный безводный переходъ. Проводники, по обыкновенію, опредѣляли разстояніе весьма неточно и увѣряли, что вода встрѣтится черезъ 50 верстъ.

Разсчитывая быть на этой станціи на завтра утромъ, путешественники запаслись водою на сутки. Но уже къ полудню перваго дня выяснилось, что до станціи гораздо дальше, чѣмъ увѣряли проводники.

«Тогда,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *), мы, какъ говорится, при-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 373.

налегли и прошли къ вечеру 41 версту. Переспрошенные чуть не въ десятый разъ вожаки съ испугу бросились въ другую крайность и объявили, что мы далеко еще не сдѣлали половины всего перехода. Неутѣшительно было подобное свѣдѣніе, хотя мы ему и не вполнѣ повѣрили»...

Около полуночи Николай Михайловичъ приказалъ двумъ казакамъ выбрать самыхъ надежныхъ верблюдовъ и съ однимъ проводникомъ скакать впередъ, какъ можно скорѣе, набрать воды и спѣшить обратно на встрѣчу каравану. На разсвѣтѣ выступили и остальные путешественники, но, сдѣлавъ 25 верстъ, принуждены были остановиться, такъ какъ лошади и экспедиціонные бараны падали отъ изнеможенія. Изъ послѣдней воды сварили чай и въ мучительной тревогѣ ожидали спасенія отъ посланныхъ впередъ людей. Въ 3 часа пополудни вдали показалось облако пыли, изнемогающіе отъ жажды путники встрепенулись и черезъ нѣсколько минутъ съ несказаннымъ наслажденіемъ напились изъ привезенныхъ боченковъ вонючей, горько-соленой, но живительной влаги. Напоивъ затѣмъ понемногу животныхъ, исключая верблюдовъ, путешественники двинулись дальше, имѣя теперь вѣрное свѣдѣніе, что до станціи осталось 20 верстъ.

Туда добрались уже позднею ночью и въ темнотѣ разбили свой бивуакъ возлѣ деревни Ачанъ, лежащей у самой подошвы хребта, подымающагося здѣсь крутою стѣною надъ Таримскою равниною.

Мѣстность на всемъ протяженіи, отъ Черчена до хребта Русскаго представляетъ пологую равнину, совершенно безплодную, покрытую то сыпучими песками, то щебнемъ и галькою, мѣстами же встрѣчались оголенныя, плотно убитыя лёссовыя площадки.

Дневка у деревни Ачанъ дала Николаю Михайловичу возможность нѣсколько ознакомиться съ характеромъ хребта Русскаго, хотя густая пыль, наполнявшая атмосферу дѣлала невозможнымъ обозрѣніе горъ на большое пространство. Научныя экскурсіи также дали мало результатовъ, такъ какъ, несмотря на позднее время (конецъ апрѣля) растительная жизнь въ горахъ еще только начинала пробуждаться, а мѣстами, подъ нависшими скалами еще лежали сугробы снѣга.

Дальнѣйшій путь лежалъ къ урочищу Копа̀, которое славится, какъ очень богатый золотой пріискъ. Туда прибыли 2-го мая. Центральный пунктъ пріиска лежитъ въ предгорьи хребта Русскаго на высотѣ 8,400 ф. и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лачужекъ, сложенныхъ изъ булыжника, въ которыхъ помѣщаются власти: два китайскихъ чиновника, надзирающіе за работами, аксакалъ, мулла и нѣсколько торговцевъ.

На пріискѣ работало до 500 чел. *), которые почти всѣ помѣщались въ подземныхъ жилищахъ, весьма распространенныхъ у горныхъ жителей этой страны **). Золотоносныя розсыпи отдаются китайскимъ правительствомъ въ

*) Пржевальскому сообщали, что во времена Якубъ-бека число рабочихъ здѣсь простиралось до 4,000 чел.

**) См. дальше.

аренду частнымъ предпринимателямъ, а отчасти разрабатываются и самимъ правительствомъ, при чемъ рабочіе принудительно сгоняются изъ сосѣднихъ оазисовъ и вербуются изъ числа недоимщиковъ по уплатѣ казенныхъ податей.

При приближеніи экспедиціи, на пріискѣ произошла большая суматоха; оба китайскіе чиновника поспѣшно собрали все намытое золото и удрали въ Кэрію, работы по промывкѣ почти всѣ были прекращены, а мѣстныя власти, конечно, по приказанію китайцевъ, буквально не спускали глазъ съ непрошенныхъ гостей, во все время ихъ пребыванія здѣсь. Получить какія-либо достовѣрныя свѣдѣнія о содержаніи золота въ почвѣ, о пріемахъ разработки и т. п. по вышеуказаннымъ причинамъ не удалось,—и потому Николай Михайловичъ, чтобы не возбуждать излишнихъ подозрѣній, на слѣдующій же день выступилъ дальше.

Теперь предстояло идти вдоль самаго подножія горъ, по пустынной мѣстности, изборожденной оврагами и глубокими дикими ущельями горныхъ рѣчекъ. Дорога была очень плохая, тѣмъ болѣе что и корма для вьючныхъ животныхъ почти нигдѣ не встрѣчалось. При такихъ условіяхъ верблюды начали сильно портиться, такъ что въ одной деревушкѣ (Уй-Эйланъ), недалеко отъ рѣки Мольджи, пришлось сразу бросить 11 верблюдовъ, а черезъ три дневныхъ перехода—еще 4 животныхъ, что съ прежде оставленными по пути отъ Лобънора составило уже 19, и на лицо оставалось всего 45 верблюдовъ, да и изъ нихъ большая часть были сильно попорчены.

Въ горахъ между рѣками Бостанъ-тугракъ Толанъ-ходжа путешественники посѣтили большую мѣстную святыню—*мазаръ* (гробница) Унгеликъ-пашимъ, гдѣ покоится прахъ сестры весьма почитаемаго во всемъ Восточномъ Туркестанѣ святого имама Джафаръ-Садыка. Сюда стекаются большими толпами богомольцы не только изъ ближайшихъ оазисовъ, но даже изъ далека, напр. изъ Кашгара.

Легенда, разсказанная туземцами Николаю Михайловичу, гласитъ, что сестра вышеупомянутаго святого искала въ горной долинѣ, гдѣ теперь находится мазаръ, спасенія отъ преслѣдовавшихъ ее мачинцевъ. Когда враги совсѣмъ уже настигли ее, она махнула платкомъ на гору, которая разступилась и приняла въ свои нѣдра святую дѣвицу, но разсѣлина захлопнулась снова такъ неудачно, что защемила косу чудесно спасенной. Кончикъ этой косы, торчащій изъ разсѣлины, и до сихъ поръ показывается вѣрующимъ богомольцамъ. Изъ-подъ той же скалы бьетъ ключъ, въ струяхъ котораго выносятся мелкіе известковые камешки краснаго и бѣлаго цвѣта. Магометане весьма цѣнятъ эти камешки и тщательно ихъ собираютъ, считая, что это слезы святой дѣвицы, скрывшейся въ горѣ, которая и до сихъ поръ находится тамъ и плачетъ о людскихъ грѣхахъ.

Черезъ нѣсколько дневныхъ переходовъ, у ключа Юлгунъ, встрѣтилась новая достопримѣчательность—священныя ивы. Николай Михайловичъ насчиталъ такихъ ивъ 20; всѣ онѣ исполинскихъ размѣровъ, не столько въ вышину,

(40—50 ф.) сколько въ толщину (30—40 и даже $42^1/_2$ ф. въ обхватѣ), и при томъ дуплистые стволы ихъ почти у всѣхъ отъ самой земли дѣлятся на части, сильно разросшіяся въ сторону, змѣеобразно изогнутыя. Наибольшая изъ этихъ ивъ прикрываетъ своими раскидистыми вѣтвями пространство, имѣющее 135 шаговъ въ окружности.

Въ половинѣ мая экспедиція прибыла въ оазисъ Нія. Еще на предыдущей станціи на р. Чижганѣ путешественниковъ встрѣтилъ хакимъ оазиса Надимъ-бекъ, выѣхавшій навстрѣчу съ небольшою свитою. Лишь только разбитъ былъ бивуакъ, какъ хакимъ со своими приближенными явился въ палатку привѣтствовать Николая Михайловича и по мусульманскому обычаю предложилъ угощеніе дастаръ-ханъ, состоявшій изъ шепталы, изюма и другихъ сластей. Послѣ визита, продолжавщагося около часа, хакимъ со всею свитой уѣхалъ обратно, а путешественники на другой день, совершивши переходъ въ 36 верстъ, вступили въ предѣлы оазиса Нія и разбили свой бивуакъ на берегу рѣчки Нія-дарья. Здѣсь экспедиція пробыла цѣлую недѣлю. Стоянка была прекрасная; въ запрудѣ устроенной на рѣкѣ можно было купаться и ловить рыбу; поблизости были прекрасныя пастбища, какъ для верблюдовъ, такъ и для лошадей. Со стороны туземцевъ путешественники встрѣтили здѣсь очень радушный пріемъ.

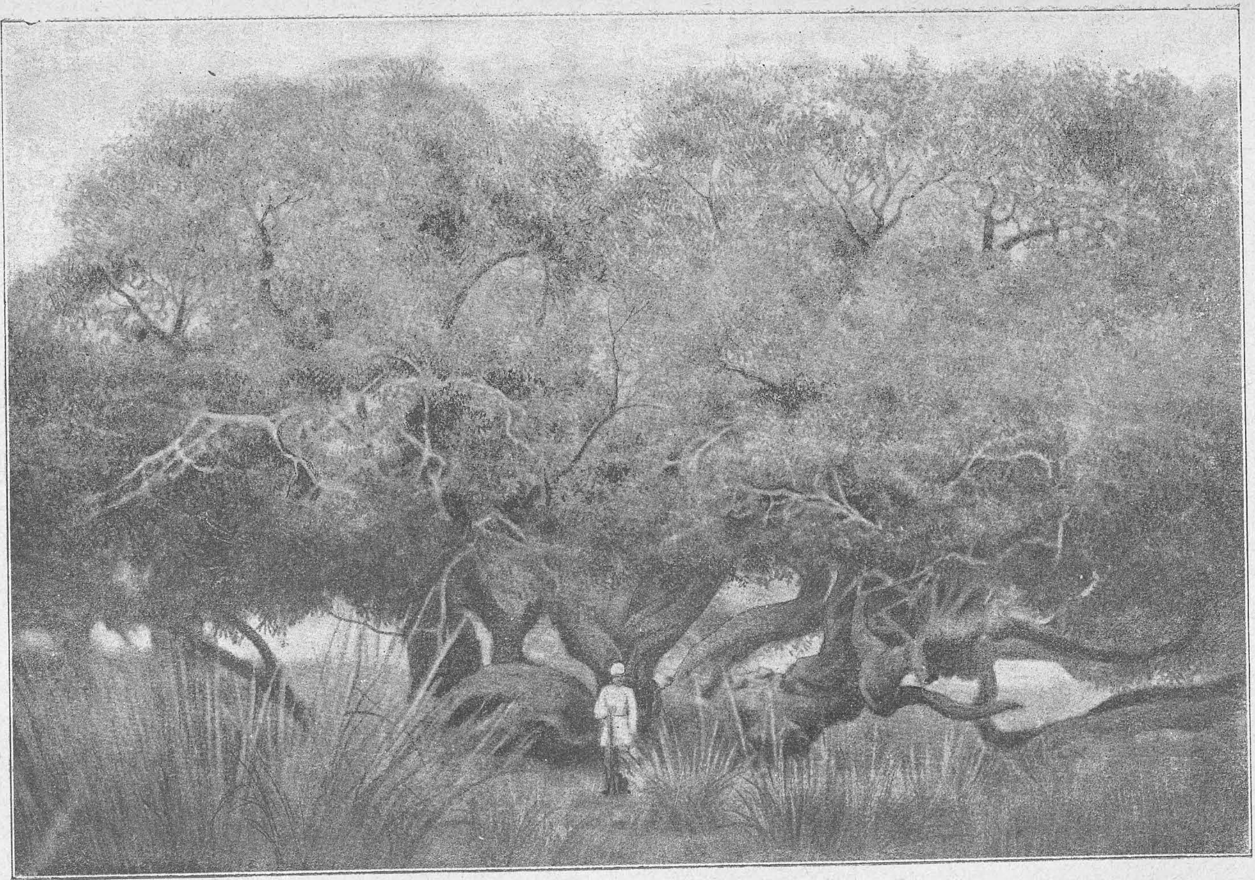
Населеніе оазиса Нія составляютъ тысячъ 5—6 мачинцевъ «испорченныхъ, какъ физически, такъ еще болѣе нравственно, главнымъ образомъ отхожимъ промысломъ на золотые пріиски», *) по нелестной аттестаціи Николая Михайловича.

Оазисъ Нія начинаетъ собою цѣлый рядъ такихъ же болѣе или менѣе орошенныхъ и плодородныхъ клочковъ земли, которые одинъ за другимъ тянутся вдоль подошвы Западнаго Куэнъ-Люня, Памира и Тянь-шаня. Общій видъ всѣхъ этихъ оазисовъ одинаковъ. Вездѣ главнѣйшее занятіе жителей—земледѣліе, которое еще въ глубокой древности достигло въ этихъ странахъ высокой степени совершенства.

«Неутомимая нужда, разсказываетъ Николай Михайловичъ заставила туземцевъ до крайности изощриться въ проведеніи оросительныхъ каналовъ (арыковъ) которые, развѣтвляясь, словно вены и артеріи въ животномъ организмѣ, оплодотворяютъ каждый клочекъ обработанной земли. Удивительнымъ для непривычнаго глаза образомъ перекрещиваются и распредѣляются эти арыки по оазису: они то текутъ рядомъ, только на разной высотѣ, то пробѣгаютъ по деревяннымъ желобамъ одинъ надъ другимъ, то, наконецъ, струятся по тѣмъ-же желобамъ черезъ плоскія крыши сакель. Всюду вода приноситъ здѣсь съ собою жизнь—она не только поитъ почву, но и оплодотворяетъ ее лёссовымъ иломъ» **).

Чтобы имѣть воду на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ поля, туземцы главные арыки проводятъ издалека, иногда за нѣсколько верстъ отъ оазиса вверхъ по теченію рѣки.

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки... стр. 385.
**) Тамъ-же, стр. 388.

Священныя ивы у ключа Юлгунъ.

Самая обработка полей, садовъ и огородовъ превосходная. Земля разрыхлена такъ, что въ ней нѣтъ малѣйшаго комочка. Притомъ всѣ поля выдѣланы небольшими грядками, на которыхъ сѣютъ зерно, а бороздки между ними наполняютъ водою. Когда напустить воду, когда запереть ее—зависитъ отъ усмотрѣнія хозяина, который до тонкости знаетъ свое дѣло. Поля обыкновенно миніатюрныхъ размѣровъ и нерѣдко расположены бываютъ другъ надъ другомъ террасами для удобства поливки. Очередь въ пользованіи водою соблюдается очень строго; за этимъ въ каждомъ оазисѣ наблюдаетъ особый старшина (мирабъ).

Въ каждую саклю, въ каждый садикъ и огородъ, мало того, къ каждому большому дереву, если только оно стоитъ въ сторонѣ—всюду проведены арыки, то запирающіеся, то отпирающіеся для воды, смотря по надобности.

Берега арыковъ всегда обсажены деревьями (преимущественно тополями, ивами и шелковицею), съ которыми обращаются очень заботливо, почему тѣ и растутъ необычайно быстро: въ 30 — 36 лѣтъ дерево достигаетъ двухъ обхватовъ въ толщину при высотѣ около 100 ф.

Во всѣхъ оазисахъ западной части таримской котловины на поляхъ сѣютъ пшеницу, ячмень, кукурузу, рисъ, горохъ, просо, арбузы, дыни, и изъ техническихъ: табакъ и хлопокъ; въ огородахъ воздѣлываются на миніатюрныхъ грядкахъ всевозможные овощи, а въ садахъ растутъ и превосходно зрѣютъ, при заботливомъ уходѣ, яблоки, абрикосы, персики, виноградъ, груши, сливы, гранаты, шелковица, грецкіе орѣхи и др. Плоды этихъ фруктовыхъ деревьевъ составляютъ важное подспорье населенію въ пищѣ и употребляются въ большомъ количествѣ лѣтомъ въ сыромъ, а зимою въ сушеномъ видѣ.

Какъ ни очаровательны, однако, съ виду всѣ эти оазисы, въ особенности по контрасту съ окружающею голою пустыней, но жизнь здѣшняго населенія крайне неприглядна: страшная бѣдность и нужда царитъ на каждомъ шагу.

Главнѣйшую причину этого Пржевальскій видитъ въ чрезвычайной тѣснотѣ: въ большинствѣ оазисовъ площади, сколько-нибудь пригодныя для культуры, до крайности переполнены, такъ что даже въ среднемъ разсчетѣ на семью въ 5—6 душъ приходится не болѣе 1 — $1^1/_2$ десятины земли, но по большей части туземцы владѣютъ еще меньшими участками. Правда, при тщательной уборкѣ здѣсь получаются очень обильные урожаи и притомъ жатва собирается два раза въ годъ, тѣмъ не менѣе большинство семей съ трудомъ перебивается отъ жатвы до жатвы; еще недозрѣвшіе абрикосы съ добавкою ягодъ шелковицы составляютъ тогда обыденную пищу бѣдняковъ, при чемъ ихъ зачастую ѣдятъ вмѣстѣ съ косточками, лишь бы набить себѣ желудокъ. «Мы видѣли,—разсказываетъ Николай Михайловичъ,—какъ хозяева, задолго до жатвы, собираютъ на своихъ крошечныхъ поляхъ болѣе зрѣлые колосья ячменя и, набравъ ихъ горсть или двѣ, несутъ на продовольствіе семьи. Въ тѣхъ же оазисахъ можно часто видѣть привязанными подъ шелковичными деревьями ословъ и козъ, которые цѣлый день подбираютъ изрѣдка падающія на землю ягоды; сплошь и кряду встрѣчаются также наарканенные

на самой малой площадкѣ чуть замѣтнаго корма ослы и одиночные бараны; нерѣдко туземецъ держитъ въ рукахъ такой арканъ и цѣлый день переводитъ свое животное съ мѣста на мѣсто; или иногда вс' рѣчается хозяинъ, который сбиваетъ палкою листья съ ивы, переходя отъ одного дерева къ другому, а сзади слѣдуютъ нѣсколько его барановъ и оселъ, поѣдая эти листья».

«Къ столь печальной долѣ многихъ туземцевъ слѣдуетъ еще прибавить полную деспотію всѣхъ власть имущихъ, огромныя подати, эксплоатацію кулаковъ, притѣсненія отъ китайцевъ—чтобы понять, какъ не сладко существованіе большей части жителей оазисовъ, даже среди сплошныхъ садовъ ихъ родного уголка.

Шелковичныя деревья съ привязанными подъ ними животными.

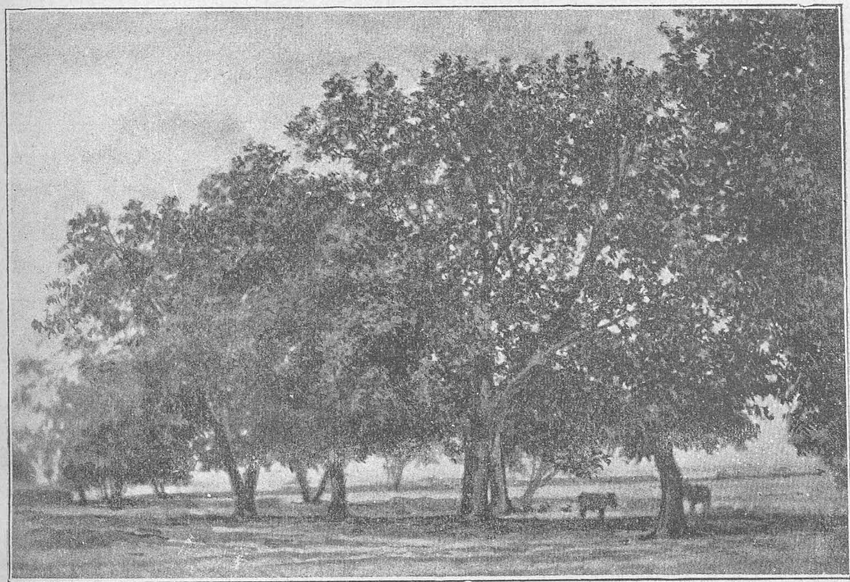
И еще нужно удивляться, — заключаетъ онъ, — какъ при подобной обстановкѣ, лишь немного видоизмѣняемой въ теченіе долгихъ вѣковъ, не привились къ населенію крупные пороки, напр., воровство, убійство и т. п. Или уже загнанный характеръ сдѣлался пассивнымъ къ требованіямъ жизни и замѣнилъ безусловною покорностью всякіе активные порывы?»... *).

Изъ Ніи Пржевальскій двинулся къ оазису Кэрія, разстояніе до котораго составляетъ 93 версты.

Сдѣлавъ трудный безводный переходъ въ 50 в. по голой песчаной пустынѣ, путешественники достигли небольшой деревушки Ясулгунъ, раскинувшейся

*) Тамъ же, стр. 390.

шей части жителей базисовъ, даже среди сплошныхъ садовъ ихъ родного уголка.

Шелковичныя деревья съ привязанными подъ ними животными.

вокругъ искусственнаго, довольно большого и глубокаго пруда, и расположились бивуакомъ. Здѣсь рѣшено было провести нѣсколько сутокъ, такъ какъ получено было извѣстіе, что экспедицію нагоняетъ оправившійся уже проводникъ Абдулъ Юсуповъ, оставленный, какъ выше было указано, по случаю болѣзни въ Черченѣ на попеченіи мѣстныхъ властей.

Деревня Ясулгунъ представляетъ прелестный уголокъ среди дикой пустыни. Здѣсь всего 8 сакель, тонущихъ въ зелени шелковицъ, абрикосовъ и ивъ, и окруженныхъ крошечными земельными участками, въ общей сложности едвали составляющими десятокъ десятинъ. Но участки эти образцово обработаны и представляютъ тучныя нивы, богатые сады и огороды.

Жители въ Ясулгунѣ — мачинцы, весьма добродушные и привѣтливые, съ которыми у нашихъ путешественниковъ очень скоро установились пріятельскія отношенія.

Вообще стоянка выпала здѣсь отличная. Палатки разбиты были въ тѣни шелковичныхъ деревьевъ, на самомъ берегу пруда, въ которомъ можно было сколько угодно купаться. Деревенская жизнь туземцевъ шла своимъ обычнымъ чередомъ. Женщины хлопотали по хозяйству, мужчины осматривали поля, исправляли арыки, копались въ садахъ или предавались отдыху въ идиллической деревенской обстановкѣ, ребятишки бѣгали нагишомъ, валялись въ пескѣ, купались, устраивали различныя игры *), дрались между собою, или же съ необыкновенною ловкостью, словно обезьяны, лазили по сучьямъ шелковицы, доставали ягоды. Возлѣ сакель рѣзвились ласточки, чирикали воробьи, ворковали голуби, пѣли пѣтухи, клохтали насѣдки съ цыплятами... Словомъ,—говоритъ Николай Михайловичъ **),—сельская жизнь здѣсь та же, что и у насъ; народъ сельскій также гораздо нравственнѣе городского». На пріиски ясулгунцы не ходятъ, и уже по одному этому выгодно отличаются отъ жителей другихъ, болѣе крупныхъ центровъ.

Николай Михайловичъ имѣлъ въ Ясунгунѣ возможность въ значительной степени пополнить свои этнографическія наблюденія надъ мачинцами, такъ какъ здѣсь можно было наблюдать ихъ въ патріархальной простотѣ.

Какъ мужчины, такъ и женщины охотно соглашались фотографироваться и просили только не говорить объ этомъ китайцамъ. По вечерамъ нерѣдко устраивались небольшія деревенскія празднества, на которыхъ казаки производили фуроръ своими пѣснями и лихими плясками, а въ особенности игрою на гармоникахъ. Скрипучіе звуки «тальянки» производили вездѣ чарующее дѣйствіе на жителей Восточнаго Туркестана (чего не замѣчалось, покрайней мѣрѣ въ такой степени, въ Монголіи и Тибетѣ). Слухъ объ этомъ удивительномъ инструментѣ шелъ постоянно далеко впереди экспедиціоннаго отряда, такъ что даже мѣстныя

*) Интересно, что ребятишки въ оазисахъ Восточнаго Туркестана играютъ, устраивая цѣлыя системы маленькихъ арыковъ, водяныя мельницы и т. п. Будущій земледѣлецъ виденъ уже въ ребенкѣ.

**) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 392.

власти, выѣзжая на встрѣчу путешественникамъ, обыкновенно прежде всего добивались «послушать музыку».

Пріятели ясунгувцы сообщили Пржевальскому нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и тайныхъ козней китайцевъ противъ русскихъ путешественниковъ.

Оказалось, что китайскіе начальники не только напередъ строжайше запрещали туземцамъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ путешественниками, прибытія которыхъ они со страхомъ и безпокойствомъ ожидали, и сообщать имъ правду на разспросы, но даже распорядились угнать всѣхъ наличныхъ верблю-

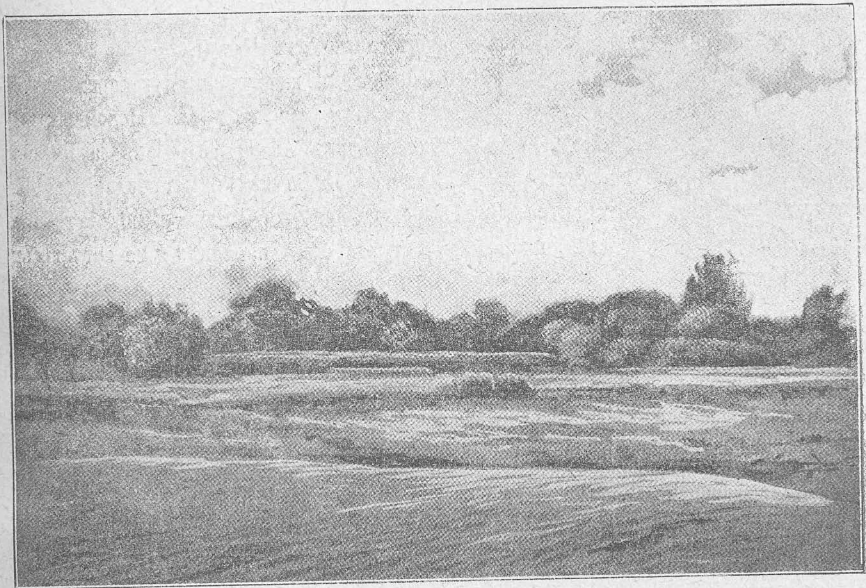
Оазисъ Ясулгунъ.

довъ и большую часть лошадей въ окрестныя горы, а чтобы скрыть ихъ слѣды, приказали прогнать вслѣдъ за ними большое стадо барановъ.

Кэрійскій амбань, прослышавъ, что Пржевальскій изъ этого оазиса намѣревается пробраться въ Тибетъ, послалъ рабочихъ съ приказаніемъ разрушить въ горахъ мосты и испортить дороги.

Наконецъ, тотъ же амбань приказалъ отобрать у всѣхъ жителей Кэріи весь запасный хлѣбъ, сложить его въ особыхъ восьми сакляхъ и подложить подъ нихъ мину, чтобы взорвать эти запасы въ случаѣ возстанія жителей, по приходѣ русскихъ.

Самъ амбань находился въ большомъ страхѣ нѣсколько ночей сряду и выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города, располагаясь на ночлегъ въ палаткѣ, такъ какъ опасался быть застигнутымъ врасплохъ.

Оазисъ Ясулгунъ.

Вообще, китайцы чувствуютъ непрочность своего положенія въ Восточномъ Туркестанѣ и постоянно опасаются народныхъ возстаній; а при этихъ условіяхъ приходъ русской экспедиціи представляется имъ весьма опаснымъ.

Незадолго передъ этимъ полицейскіе ходили въ Кэріи по домамъ, отбирали у обывателей небольшіе ножи, носимые на поясахъ, и отламывали у нихъ острые концы, чтобы сдѣлать такимъ образомъ это невинное оружіе еще болѣе безопаснымъ *).

Наконецъ, курьезно, что какъ китайцы такъ и туземцы, были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ помѣщались коллекціи, возились солдаты.

«Для насъ теперь стало ясно,—говоритъ Николай Михайловичъ **),—что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы попасть въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было отъ Кяхты.

Въ Ясулгунѣ путешественники отпраздновали шестую тысячу верстъ пройденнаго пути. Такія празднества Пржевальскій устраивалъ послѣ каждой тысячи.

31 мая прибылъ выздоровѣвшій переводчикъ Абдулъ Юсуповъ, а на слѣдующій день, 1 іюня экспедиція выступила изъ Ясулгуна по направленію къ Кэріи, куда прибыла черезъ сутки. За 15 верстъ отъ города экспедицію встрѣтили мѣстныя власти и китайскій чиновникъ; встрѣча была парадная и на видъ весьма дружественная. Всѣ члены депутаціи, особенно китаецъ, были очень вѣжливы и сладкорѣчивы. «Дорогимъ гостямъ» былъ предложенъ дастаръ-ханъ.

Пройдя, въ сопровожденіи этого почетнаго конвоя, еще нѣсколько верстъ и перейдя вбродъ р. Кэрія-дарью, путешественники разбили свой бивуакъ на ея берегу вблизи города Кэрія. Отъ Лобъ-нора сдѣлано было 870 верстъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Кэрія. Экскурсія въ горы Тибетской окраины.

Кэрійскій оазисъ.—Устройство склада, возня съ китайцами.—Угроза русскими войсками.—Радушіе туземнаго населенія. — Выступленіе въ экскурсію. — Безуспѣшные поиски прохода въ Тибетъ.—Туземцы просятъ казака въ командиры.—Переправа черезъ Кэрійскую рѣку.—Тибетская колонія Полу, ея происхожденіе. — Дружественныя отношенія съ полусцами.—Хребетъ Кэрійскій и его изслѣдованіе.—Мачинцы, ихъ домашній бытъ (Лёсовыя жилища) и характеръ. — Трудный путь. — Прибытіе въ оаз. Чира.

Кэрійскій оазисъ занимаетъ площадь около 100—150 кв. верстъ, орошаемую рѣкою Кэрія-дарья. Здѣсь живутъ около 3,000 семействъ мачинцевъ, которые занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, а еще болѣе добываютъ себѣ средства къ существованію отхожими промыслами, отправляясь главнымъ образомъ на ближайшіе золотые пріиски.

*) Въ Восточномъ Туркестанѣ жителямъ запрещено имѣть какое-либо оружіе.

**) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 393.

Самый городъ расположенъ въ юго-восточной части оазиса, гдѣ находится базаръ, небольшая глиняная крѣпость, занятая китайскимъ гарнизономъ, и скучены сакли мѣстныхъ жителей. Торговля на базарѣ бойкая, хотя постоянныхъ лавокъ здѣсь немного. Замѣчательно, что среди товаровъ преобладаютъ произведенія русской промышленности, которыя привозятся сюда въ большомъ количествѣ и весьма доступны по цѣнѣ даже для не особенно богатыхъ мѣстныхъ жителей *). Вообще здѣсь уже чувствуется близость русской границы: встрѣчаются русскіе товары, ходятъ русскія деньги, даже бумажныя, не рѣдкость также встрѣтить торговца, понимающаго по-русски.

Въ Кэріи путешественники провели 6 сутокъ и все это время заняты были хлопотами по снаряженію въ дальнѣйшій путь.

Николай Михайловичъ рѣшилъ здѣсь сдѣлать попытку пробраться черезъ горную ограду на Тибетское нагорье, а въ случаѣ, если такое восхожденіе окажется невозможнымъ, то заняться болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ сосѣдней части самаго хребта.

Въ виду этого онъ рѣшилъ устроить складъ въ Кэріи, оставить на поправку измученныхъ верблюдовъ, а въ экскурсію отправиться на наемныхъ лошадяхъ.

Но къ приведенію въ исполненіе этого плана, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтились серьезныя препятствія со стороны китайцевъ, которымъ желательно было какъ можно скорѣе выпроводить русскихъ изъ Восточнаго Туркестана, въ виду всеобщаго сочувствія къ нимъ туземнаго населенія.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Ясулгунѣ, Пржевальскій узналъ здѣсь и многое другое.

Незадолго до прибытія экспедиціи, въ Кэріи на базарѣ вывѣшено было объявленіе, въ которомъ подъ страшными угрозами воспрещалось продавать русскимъ путешественникамъ съѣстные припасы и входить съ ними въ сношенія. Въ день прибытія экспедиціи объявленіе было снято, но полицейскіе то-же самое громогласно повторили обывателямъ съ поясненіемъ, что русскіе — дурные люди, имѣютъ дурныя цѣли и т. п.

Узнавъ обо всемъ этомъ, Николай Михайловичъ немедленно же послалъ своего переводчика къ главному мѣстному китайскому начальнику и предложилъ отмѣнить вышеприведенное приказаніе; онъ велѣлъ передать, что, въ случаѣ отказа, онъ вынужденъ будетъ взять все необходимое силою. Такой ультиматумъ быстро произвелъ свое дѣйствіе, и амбань на завтра явился на бивуакъ экспедиціи съ визитомъ.

Посѣщеніе это было обставлено большими церемоніями. Китаецъ ѣхалъ въ двухколесной телѣгѣ, запряженной муломъ, а по бокамъ его сопровождали верхами главныя должностныя лица изъ туземцевъ. Шествіе замыкалъ значительный

*) Преобладаютъ красные товары московскаго издѣлія: ситцы, кумачъ, платки, плисъ и т. п. Аршинъ кумача стоитъ около 20 коп., столько же бумажный платокъ; фунтъ сахара — 40 коп. и т. д.

отрядъ солдатъ, одѣтыхъ въ форменныя красныя и синія куртки, вооруженныхъ трезубцами, сѣкирами и нѣсколькими заржавленными пистонными ружьями.

Впереди процессіи несли знамена, большой распущенный красный зонтикъ и мѣдный бубенъ, въ который немилосердно колотили, а по временамъ солдаты выкрикивали какой то возгласъ, вѣроятно въ родѣ нашего «ура».

Николай Михайловичъ принялъ амбаня въ своей палаткѣ, усадилъ его и мѣстнаго хакима на разостланный войлокъ и угостилъ чаемъ. Вся остальная свита осталась стоять у входа въ палатку.

Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ со стороны китайца о здоровьи, благополучіи пути и т. п., Николай Михайловичъ перешелъ къ дѣлу. Онъ изложилъ вкратцѣ научную цѣль своего путешествія и заявилъ, что намѣренъ сходить на лѣто въ Тибетъ.

— «Если, — прибавилъ онъ,—*туземцы* вздумаютъ испортить дорогу (при этомъ Николай Михайловичъ сдѣлалъ видъ, что онъ не допускаетъ возможности такого поступка со стороны самыхъ китайцевъ), то для починки ея я призову русскихъ солдатъ изъ Кашгара *).

При такой угрозѣ китаецъ вытаращилъ глаза и поспѣшилъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры къ охраненію пути.

Затѣмъ, Николай Михайловичъ, не считая нужнымъ больше упоминать о скандальной исторіи съ объявленіемъ, послѣ того какъ наканунѣ амбань выразилъ готовность исполнить всѣ требованія, попросилъ его здѣсь же, въ его присутствіи отдать кэрійскому хакиму приказаніе—снабдить экспедицію нужнымъ числомъ вьючныхъ лошадей и съѣстными припасами, отвести подъ складъ подходящее помѣщеніе и вообще исполнить все, что потребуется.

Амбань до такой степени былъ напуганъ угрозою, брошенною вскользь Николаемъ Михайловичемъ, что поспѣшилъ отдать хакиму требуемое приказаніе и началъ съ жаромъ увѣрять въ своей дружбѣ къ русскимъ и во всегдашней готовности оказывать имъ посильныя услуги.

Послѣ этого визитъ продолжался не долго, и китаецъ уѣхалъ обратно съ прежними церемоніями.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ, въ сопровожденіи г. Роборовскаго, переводчика и нѣсколькихъ казаковъ отправился въ городъ возвратить визитъ амбаню.

Пріемъ былъ очень парадный. Помимо солдатъ, собраны были почти всѣ городскія власти. При вступленіи въ ворота жилища амбаня, почетнымъ гостямъ салютовали тремя взрывами и музыкой. Самъ хозяинъ встрѣтилъ ихъ во дворѣ и провелъ въ пріемную фанзу, гдѣ приготовлено было угощеніе и самъ подавалъ имъ чай.

На прощаніе Пржевальскій опять напомнилъ китайцу о своемъ желаніи

---

*) Письмо къ Н. Ф. Петровскому отъ 2 го іюня 1885 г., см. Дубровинъ, стр. 410.

скорѣйшаго снаряженія, и тотъ снова повторилъ хакиму свое вчерашнее приказаніе.

Такимъ образомъ наружно все обстояло вполнѣ благополучно, хотя на дѣлѣ всякаго рода тайныя козни продолжались. Туземцамъ попрежнему строжайше было запрещено вступать въ сношенія съ путешественниками, многочисленные шпіоны постоянно окружали ихъ, и многіе изъ обывателей поплатились за неисполненіе этихъ предписаній.

Съ другой стороны обыватели постоянно, при каждомъ удобномъ случаѣ, выражали русскимъ свои симпатіи.

Во время экскурсій, въ каждой хижинѣ ихъ принимали съ искреннимъ радушіемъ и угощали всѣмъ, что имѣлось лучшаго. Казаковъ, ходившихъ на базаръ, радостно привѣтствовали и имъ старались оказывать различныя мелкія услуги. Замѣтивъ, какъ казаки отдаютъ честь своимъ офицерамъ, туземцы, не исключая дѣтей и женщинъ, стали прикладывать руку точно такимъ же образомъ къ своему головному покрову. Про экспедицію у всѣхъ было весьма преувеличенное понятіе; всѣ говорили: «теперь насъ Бѣлый Царь принимаетъ» и радовались этому отъ всего сердца.

Вслѣдствіе различныхъ скрытныхъ затрудненій, устраиваемыхъ китайцами при всякомъ случаѣ, снаряженіе въ экскурсію отняло цѣлыхъ шесть сутокъ. Наконецъ, все было сдѣлано: продовольствіе закуплено и навьючено на 30 нанятыхъ лошадей, коллекціи помѣщены въ особой саклѣ и сданы на храненіе хакима и проч.: 7-го іюня экспедиція выступила изъ Кэріи въ полномъ составѣ, такъ какъ вмѣстѣ шли и тѣ изъ казаковъ, которые должны были остаться для пастьбы верблюдовъ; Николай Михайловичъ разсчитывалъ найти въ предгорьяхъ мѣстечко покормнѣе и попрохладнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Кэріи.

Двинувшись въ юго-восточномъ направленіи, путешественники шли сначала по совершенно безплодной пустынѣ, полого подымающейся, но по мѣрѣ приближенія къ горамъ мѣстность сдѣлалась холмистою, начали попадаться кое-какіе кустарники, небольшія лужайки съ довольно обильнымъ мелкимъ животнымъ населеніемъ, а наконецъ встрѣтилась значительная деревня А ч а н ъ, пріютившаяся по берегамъ небольшой рѣчки того же имени. Деревня эта вытянулась отдѣльными фермами верстъ на 10 въ длину и заключаетъ около сотни дворовъ.

Пока путники занимались устройствомъ бивуака, въ деревню явился китаецъ-соглядатай, который поспѣшилъ застращать обывателей всякими страхами и добился того, что Николай Михайловичъ рѣшительно ничего не могъ разузнать отъ нихъ относительно сосѣднихъ горъ.

Пришлось прибѣгнуть къ разъѣзду.

Снарядившись налегкѣ, самъ Николай Михайловичъ, въ сопровожденіи г. Козлова и двухъ казаковъ, отправились на завтра рано утромъ и разсчитывали проѣздить двое или даже трое сутокъ, чтобы основательно развѣдать мѣстность на большое разстояніе. Однако, пришлось вернуться въ тотъ же день, такъ какъ

очень скоро выяснилось, что переходъ черезъ горы въ этомъ мѣстѣ совершенно невозможенъ, потому что хребетъ вздымается здѣсь гигантскою сплошною и почти отвѣсною стѣною; что же касается ущелья рѣчки Ачанъ, то оно черезъ нѣсколько верстъ вверхъ по теченію превратилось въ узкій корридоръ, гранитныя стѣны котораго отвѣсно подымались надъ самыми водами бѣшенаго горнаго потока.

Оставалось поискать счастья еще въ другомъ мѣстѣ, и Пржевальскій, не теряя времени, на завтра же двинулся вдоль подошвы горъ дальше на западъ; въ Ачанѣ же оставлены были верблюды подъ присмотромъ пяти казаковъ. Путь съ непривычными къ вьюкамъ лошадьми по крутымъ горнымъ тропинкамъ былъ довольно труденъ. Къ тому же дорога во многихъ мѣстахъ была нарочно испорчена. Пржевальскій узналъ объ этомъ еще въ Ачанѣ и отправилъ кэрійскому амбаню требованіе немедленно ее исправить. Теперь надъ починкою дороги трудились тѣ же самые мачинцы, которые незадолго передъ тѣмъ портили ее и при этомъ естественно на голову китайцевъ сыпались всевозможныя проклятія. Старшины мачинскихъ родовъ нарочно издалека пріѣзжали теперь къ Пржевальскому и единодушно твердили: «прикажи—и мы пойдемъ рѣзать китайцевъ!» Подобныя же предложенія приходилось слышать и въ Кэріи.

Вообще туземцы Восточнаго Туркестана при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ только могли украдкою отъ китайскихъ соглядатаевъ бесѣдовать съ русскими путешественниками, постоянно выражали свою готовность по первому знаку начать рѣзню китайцевъ.

«Мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Бѣлаго Царя». «Мы знаемъ, какая справедливость теперь водворилась въ Русскомъ Туркестанѣ. А у насъ—каждый китайскій чиновникъ, даже каждый солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго вынести подобнаго положенія. У многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе—нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хоть простого казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ»... Такія и подобныя рѣчи не разъ приходилось Николаю Михайловичу выслушивать не только отъ единичныхъ личностей, но даже отъ старшинъ, уполномоченныхъ отъ цѣлыхъ селеній и родовъ.

Кэрія-дарья, на которую вышли теперь путешественники, представляетъ необыкновенно бурный горный потокъ *), шириною 10—12 саж. при глубинѣ около 3 фут. Лѣтомъ, когда въ ней почти все время держится высокая вода, переправа черезъ эту рѣку вбродъ весьма затруднительна, часто и совсѣмъ невозможна. У туземцевъ практикуется тогда слѣдующій оригинальный способъ переправы **): между столбами, крѣпко вбитыми въ высокіе берега, туго натянутъ

---

*) На протяженіи отъ выхода изъ горъ до Кэріи среднее паденіе ея составляетъ 40 фут. на 1 версту.

**) Подобный способъ переправы употребляется также и въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Тибета, см. рисунокъ.

Переправа черезъ потокъ въ Тибетѣ.

канатъ. На немъ скользитъ кольцо, къ которому прикрѣпляется пассажиръ, и его перетягиваютъ веревками.

Въ день прихода экспедиціи на рѣку, вода въ ней была высока, и туземцы предлагали имъ такой способъ переправы, причемъ наивно показывали приготовленный запасной канатъ, на случай если прежній оборвется.

Однако, Николай Михайловичъ не рѣшился рисковать и предпочелъ обождать, разсчитывая по состоянію погоды, что вода должна скоро уменьшиться. И дѣйствительно, уже на завтра переходъ съ лошадьми и багажемъ былъ совершенъ вполнѣ благополучно.

Очутившись такимъ образомъ на лѣвомъ берегу рѣки, путешественники пошли внизъ по ея теченію. Рѣка вскорѣ вышла изъ горъ и вступила въ область предгорій, гдѣ течетъ въ глубокомъ корридорѣ саженей 10—15, а иногда и меньше ширины. Отвѣсные бока этой траншеи вырыты въ рыхлой наносной почвѣ на глубину въ 30—40 саж.; еще выше идетъ страшная горная круча, по которой лѣпится узкая тропинка. Путешественники шли по ней верстъ 18, пока встрѣтилось поперечное ущелье р. Курабъ, куда они и свернули.

Пройдя еще верстъ пять, они прибыли въ небольшую магометанскую колонію Полу. Жителей здѣсь всего 50 семействъ, составляющихъ одну деревню.

Полусцы оказались не мачинцами, а тибетцами, попали же они сюда по преданію слѣдующимъ образомъ.

Въ древнія времена, такъ гласитъ это преданіе, въ Тибетѣ существовалъ обычай выбирать царя, а по истеченіи 10 лѣтъ правленія его умерщвляли, каковымъ бы онъ себя ни заявилъ правителемъ—хорошимъ или дурнымъ, все равно.

Одинъ изъ такихъ выборныхъ царей, по имени Хатамъ, незадолго до окончанія срока своего правленія, рѣшилъ избѣгнуть ожидавшей его горькой участи и убѣжалъ съ тремя стами своихъ приверженцевъ. Добравшись благополучно до верховій Кэрійской рѣки, онъ основалъ здѣсь колонію, слѣды которой видны и понынѣ *).

Но вскорѣ на поселеніе напали монголы, разорили его и избили всѣхъ жителей. Спасся только самъ Хатамъ съ женою, сыномъ и двумя дочерьми. Эти бѣглецы ушли внизъ къ теченію Кэрія-дарья и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Вступивъ въ браки съ сосѣдними жителями мачинцами, они постепенно увеличились въ числѣ, и въ настоящее время живетъ уже седьмое поколѣніе.

Хоть у полусцевъ несомнѣнно смѣшанный типъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ мачинскаго, но у нѣкоторыхъ субъектовъ ясно видны типичныя черты тибетцевъ.

Главнѣйшее занятіе полусцевъ—земледѣліе и скотоводство. Прежде у нихъ славились лошади, хотя небольшого роста, но необыкновенно крѣпкія и выносливыя. Однако, теперь число этихъ лошадей весьма невелико, такъ какъ

*) Урочище Арашъ, Баба-хатымъ.

китайцы систематически отбирають у нихъ приплодъ, особенно жеребцовъ. Послѣ водворенія въ Восточномъ Туркестанѣ, по смерти Якубъ-бека, они забирали даже всѣхъ лошадей у туземцевъ съ цѣлью парализовать возможность возстанія. Часть отбираемыхъ лошадей китайцы забирали себѣ, частью же ихъ просто истребляли: разстрѣливали или же заводили зимою въ рѣки и тамъ оставляли ихъ замерзать, иногда же съ этою цѣлью обливали ихъ водою на морозѣ.

Въ деревнѣ Полу путешественники провели пять сутокъ и точно такъ же, какъ раньше въ Ясулгунѣ, очень скоро подружились съ жителями. Они потомъ откровенно говорили, что, за нѣсколько дней до прихода экспедиціи въ ихъ де-

Полусцы.

ревню, здѣсь получено было изъ Кэріи строжайшее запрещеніе давать русскимъ проводниковъ и продавать имъ съѣстные припасы; при этомъ китайцы чернили путешественниковъ самымъ гнуснымъ образомъ и возводили на нихъ всевозможныя небылицы. Полусцы въ простотѣ своей повѣрили этому и, опасаясь грабежа со стороны пришлецовъ, попрятали наиболѣе цѣнные предметы изъ своего имущества въ горныхъ тайникахъ; прятали также женъ и дѣтей. Видя теперь на дѣлѣ совершенно противоположное аттестаціи китайцевъ, полусцы не знали, какъ услужить дорогимъ гостямъ и исполняли всякое ихъ желаніе. При этомъ старшина ихъ, хитрый дипломатъ, отписалъ въ Кэрію: «мы не можемъ исполнить ваше приказаніе относительно русскихъ, ибо они грозятъ намъ силою; сами мы сопротивляться не въ состояніи. Если вы сильнѣе русскихъ, то придите сюда и расправьтесь съ ними».

Полусцы.

Дружба полусцевъ со своими гостями дошла до того, что они даже устроили два раза въ честь ихъ празднество, нѣчто въ родѣ музыкальнаго и танцовальнаго вечера со скоморохами. На самыхъ почетныхъ мѣстахъ усадили Николая Михайловича и обоихъ его помощниковъ, а казаки принимали живое участіе въ весельи и лихо отплясывали по своему подъ звуки гармоніи, тогда какъ у хозяевъ былъ цѣлый оркестръ изъ струнныхъ инструментовъ вродѣ гитаръ, бубенъ и простого русскаго подноса, въ который колотили въ тактъ. Казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда экспедиція выступала изъ Полу́, то большинство женщинъ плакали навзрыдъ и причитали: «уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ!»

Полусцы сообщили Николаю Михайловичу, что вверхъ по ущелью рѣки Курабъ существуетъ проходъ на Тибетское плато, но что дорога эта, сама по себѣ, крайне трудная, недавно еще умышленно окончательно испорчена китайцами.

Николай Михайловичъ отправился въ разъѣздъ и лично убѣдился, что проходъ съ вьючными животными по этой дорогѣ совершенно невозможенъ.

Въ виду этого, по заранѣе намѣченному плану, рѣшено было направиться дальше къ западу вдоль снѣговыхъ горъ и заняться ихъ изслѣдованіемъ, не переставая, хотя и съ малою надеждою на успѣхъ, подыскивать болѣе удобный проходъ въ Тибетъ.

Такого прохода не нашлось и дальше, такъ что отъ попытки совершить экскурсію на Тибетское плато на этотъ разъ пришлось отказаться; вмѣсто этого Николай Михайловичъ занялся болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ Кэрійскихъ горъ. **Кэрійскимъ** хребтомъ Пржевальскій назвалъ западную часть Куэнъ-Люня, которая лежитъ между рѣками Кэрійскою и Юрунъ-кашъ.

Въ этихъ предѣлахъ Кэрійскій хребетъ тянется въ видѣ крутой, сравнительно узкой, но очень высокой стѣны, сплошь подымающейся своимъ гребнемъ выше снѣговой линіи, верстъ на 160 съ запада на востокъ и примыкаетъ къ хребту Русскому.

Верхній поясъ горъ, представляющій собственно главный хребетъ, вездѣ подымается выше 11 т. ф. и состоитъ изъ сплошныхъ величественныхъ горныхъ массъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами.

Выше 13 т. ф. исчезаютъ альпійскіе луга и всякая растительность; здѣсь только изборожденныя глубокими трещинами скалы и обширныя розсыпи, залегающія по обѣимъ склонамъ. Мѣстность совершенно недоступная, и по ней во многихъ мѣстахъ навѣрное еще никогда не ступала нога человѣческая.

Начиная приблизительно съ 8 т. ф. внизъ, залегаетъ верстъ на 15—20 въ ширину поясъ предгорій, которыя въ общей картинѣ представляютъ собою сбѣгающія отъ главнаго гребня къ пустынѣ гривы и гряды холмовъ и уваловъ, постепенно понижающихся и раздѣленныхъ между собою глубокими рѣчными ущельями. Рѣчекъ здѣсь очень много, но большинство изъ нихъ оканчиваются уже у подошвы, уходятъ въ землю и выходятъ снова на поверхность лишь зна-

чительно дальше на границѣ сплошныхъ песковъ пустыни. Такъ какъ почва предгорій исключительно наносная, то бурные горные потоки размываютъ себѣ чрезвычайно глубокія ложа и по большей части текутъ въ глубокихъ корридорахъ, имѣющихъ иногда около 1,000 ф. по отвѣсу.

Въ лѣтнее время Кэрійскій хребетъ чрезвычайно обиленъ осадками. Въ верхнемъ поясѣ дожди, вѣроятно, идутъ почти ежедневно, но въ болѣе низкіе пояса они достигаютъ лишь отчасти.

Несмотря на такое сравнительное обиліе влаги, особенно въ верхнемъ поясѣ, Кэрійскій хребетъ бѣденъ флорою; древесной растительности здѣсь нѣтъ совсѣмъ, мало также кустарниковъ, но зато луга имѣютъ широкое распространеніе, хотя трава развивается лишь на короткое время лѣтняго дождливаго періода.

Небогата также фауна описываемаго хребта, несмотря на то, что горы эти расположены на границѣ двухъ характерныхъ областей—тибетской и таримской. Причиною этой бѣдности служитъ, по мнѣнію Пржевальскаго, крайняя дикость и недоступность горъ, сравнительная узкость полосы предгорій, болѣе удобныхъ для развитія животной жизни, а главное, отсутствіе лѣсовъ и кустарниковъ. Притомъ же горы эти въ значительной степени населены, и стада домашнихъ животныхъ: барановъ, козъ, рогатаго скота, отчасти лошадей и ословъ, на лѣтнее время подымаются почти до пояса розсыпей, занимая всѣ удобныя пастбища.

Жители кэрійскихъ горъ принадлежатъ исключительно къ племени мачинъ или мальчи. Племя это считаетъ себя кореннымъ населеніемъ всего Восточнаго Туркестана и до настоящаго времени представляетъ преобладающій элементъ во всѣхъ оазисахъ юго-восточной части Таримской котловины, а еще болѣе въ горныхъ областяхъ южной ея границы.

По мѣстному преданію, предки нынѣшнихъ мачинцевъ въ глубокой древности пришли сюда изъ Индіи, а затѣмъ смѣшались съ китайцами.

Горные мачинцы, сравнительно съ тѣми, которыхъ Николаю Михайловичу приходилось наблюдать раньше, въ оазисахъ, сохранили въ гораздо большей чистотѣ свой національный типъ, и поэтому лѣтняя экскурсія въ горахъ Кэрійскихъ дала возможность прекрасно завершить раньше сдѣланныя этнографическія изслѣдованія туземнаго населенія.

По наружному типу мачинцы представляютъ смѣшеніе чертъ монгольской и арійской расъ, но съ преобладаніемъ послѣдней. Черты лица въ общемъ (особенно у женщинъ) некрасивыя; тѣлосложеніе слабое, ростъ по большей части средній и даже малый.

Универсальнымъ одѣяніемъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, служитъ халатъ, сшитый изъ бѣлой или крашеной (преимущественно темно-синей) маты, или же изъ привозныхъ матерій: русскаго ситца или тика, наконецъ у достаточныхъ—изъ шелковой китайской матеріи. Халаты эти въ большинствѣ случаевъ бываютъ стеганные на ватѣ и подпоясываются широкимъ цвѣтнымъ кушакомъ.

Въ противоположность монголамъ, мачинцы вообще опрятны, часто моются и всегда носятъ бѣлье. Зимою надѣваютъ бараньи шубы или теплые халаты. Обувью служать сапоги, нерѣдко съ каблуками и подковами.

Какъ народъ земледѣльческій, мачинцы питаются преимущественно растительною пищей; хлѣбъ изъ муки ячменной, пшеничной или кукурузы, болтушка изъ той же муки, приготовленная на вскипяченной водѣ, съ добавленіемъ кислаго молока—вотъ почти всегдашняя ихъ пища.

У жителей оазисовъ, какъ уже раньше указано, громадное подспорье составляютъ различные фрукты. Горцы же, вмѣсто этого, употребляютъ въ нѣсколько большемъ количествѣ мясо домашнихъ животныхъ, которыя разводятся, однако, главнымъ образомъ, какъ рабочій скотъ и какъ молочный.

Жилища въ оазисахъ и городахъ представляютъ глиняныя сакли, рѣже — сложенныя изъ сырцеваго кирпича. Что же касается горцевъ, то они живутъ почти исключительно въ подземныхъ жилищахъ.

Для устройства такого обиталища, выбираютъ обыкновенно обрывъ балки или крутые склоны лёссоваго холма, обращенные преимущественно на югъ, и выкапываютъ себѣ пещеру, оставляя для потолка сводъ фута въ три толщиною.

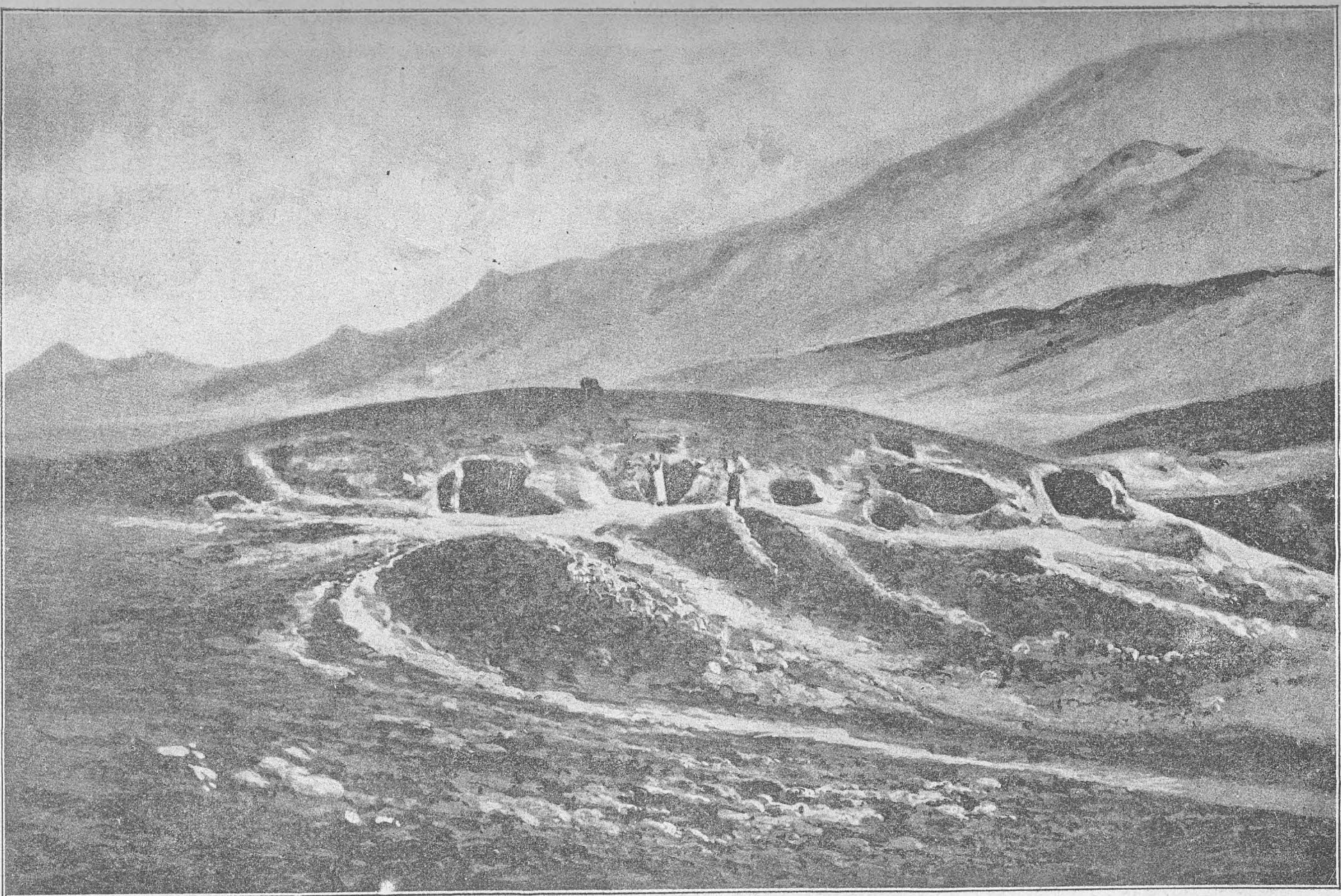
Размѣры такихъ жилищъ разнообразны—отъ небольшой конурки, служащей лишь временнымъ обиталищемъ для пастуховъ, до просторныхъ помѣщеній въ 3—5 комнатъ, высокихъ и достаточно свѣтлыхъ. Въ потолкѣ обыкновенно продѣлывается наклонная отдушина для свѣта, который кромѣ того проходитъ черезъ корридоро-образный входъ. Въ одной изъ боковыхъ стѣнъ выкапывается печь съ выведеннымъ наружу дымовымъ ходомъ, а въ другой, обыкновенно противуположной входу, устраивается просторная ниша, служащая для склада всякой домашней утвари. Рядомъ съ главной комнатой мачинцы обыкновенно устраиваютъ кладовую и одну или двѣ спальни. Здѣсь возлѣ стѣнъ оставляются пласты лёсса въ видѣ наръ для сидѣнья и спанья, а въ стѣнахъ и здѣсь дѣлаются ниши и небольшія печурки для помѣщенія различныхъ пожитковъ.

Возлѣ жилого помѣщенія обыкновенно выкапываютъ небольшія ямы для храненія аргала и устраиваютъ загоны для скота, нерѣдко также подземные.

Такія лёссовыя подземныя жилища въ общемъ довольно удобны; зимою въ нихъ тепло, а лѣтомъ, наоборотъ — прохладно. Притомъ же такое помѣщеніе чрезвычайно крѣпко и можетъ служить почти безъ всякаго ремонта лѣтъ до 40, а затѣмъ уже стѣны и потолокъ начинаютъ осыпаться.

Каждая семья мачинцевъ имѣетъ обыкновенно нѣсколько подземныхъ сакель, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, и перекочевываетъ въ нихъ, смотря по времени года и по состоянію подножнаго корма для скота.

Иногда туземцы избираютъ для своего жилья и естественныя пещеры. Пржевальскій разсказываетъ, какъ однажды онъ посѣтилъ одну изъ такихъ пещеръ (на р. Апш-дарья). Жилище состояло изъ большой полу-сферической выемки въ вертикальномъ обрывѣ наноса. На самой срединѣ потолка висѣлъ огромный

Лессовыя жилища мачинцевъ въ горахъ Кэрійскихъ.

камень въ нѣсколько сотъ пудовъ, держась лишь одною верхнею своею половиною. Ежеминутно онъ, равно какъ и другіе меньшіе валуны, грозили упасть и раздавить все, находящееся подъ ними, но объ этомъ никто изъ жильцовъ не заботился. Хозяйка на вопросъ удивленнаго Николая Михайловича объяснила, что семья ихъ живетъ здѣсь благополучно уже 14 лѣтъ, и хотя за это время иногда падали съ потолка крупные камни, но они никого не задѣвали; на мелкіе же камешки, которые валятся довольно часто, никто не обращаетъ вниманія.

По своему характеру мачинцы, какъ горные, такъ и живущіе въ оазисахъ котловины, представляютъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ, «съ значительнымъ, впрочемъ, преобладаніемъ послѣднихъ надъ первыми»,—заключаетъ Пржевальскій *).

Прежде всего бросается въ глаза наблюдателя необыкновенная склонность къ болтливости, и въ этомъ мужчины, по мнѣнію Пржевальскаго, какъ кажется, даже перещеголяли женщинъ; затѣмъ всѣ мачинцы вообще большіе трусы и гуляки. Пѣсни, музыка **) и танцы составляютъ любимѣйшія утѣхи туземцевъ даже въ самыхъ дикихъ горныхъ уголкахъ.

«Счастье, что этотъ народъ не знаетъ водки, а то бы совсѣмъ съ пути сбился», — говорили казаки Пржевальскаго, мѣтко опредѣляя разгульный характеръ мачинцевъ. «Притомъ эти послѣдніе вообще скупы, жадны на деньги и достаточно лѣнивы; наконецъ, как ъ всѣ вообще азіатцы, развратны»,—такъ завершаетъ свою краткую характеристику Николай Михайловичъ.

Къ похвальнымъ чертамъ онъ причисляетъ: любовь къ дѣтямъ и вообще родственниковъ между собою; при нуждѣ они всегда посильно помогаютъ другъ другу. Родители и старики здѣсь пользуются большимъ уваженіемъ; воровство составляетъ весьма рѣдкое преступленіе, пьянство неизвѣстно, но табакъ курятъ не только мужчины, но и многія женщины. Кромѣ того въ городахъ оазисовъ сильно распространено куреніе одуряющей *гашй* ***), но горные жители еще не знаютъ этой губительной отравы.

Умственныя способности мачинцевъ не блестящи. «Хотя они и достаточно хитры и плутоваты, но мало показываютъ смѣтки во всемъ, что только выходитъ изъ узкихъ рамокъ ихъ обыденныхъ понятій и обыденной обстановки» ****).

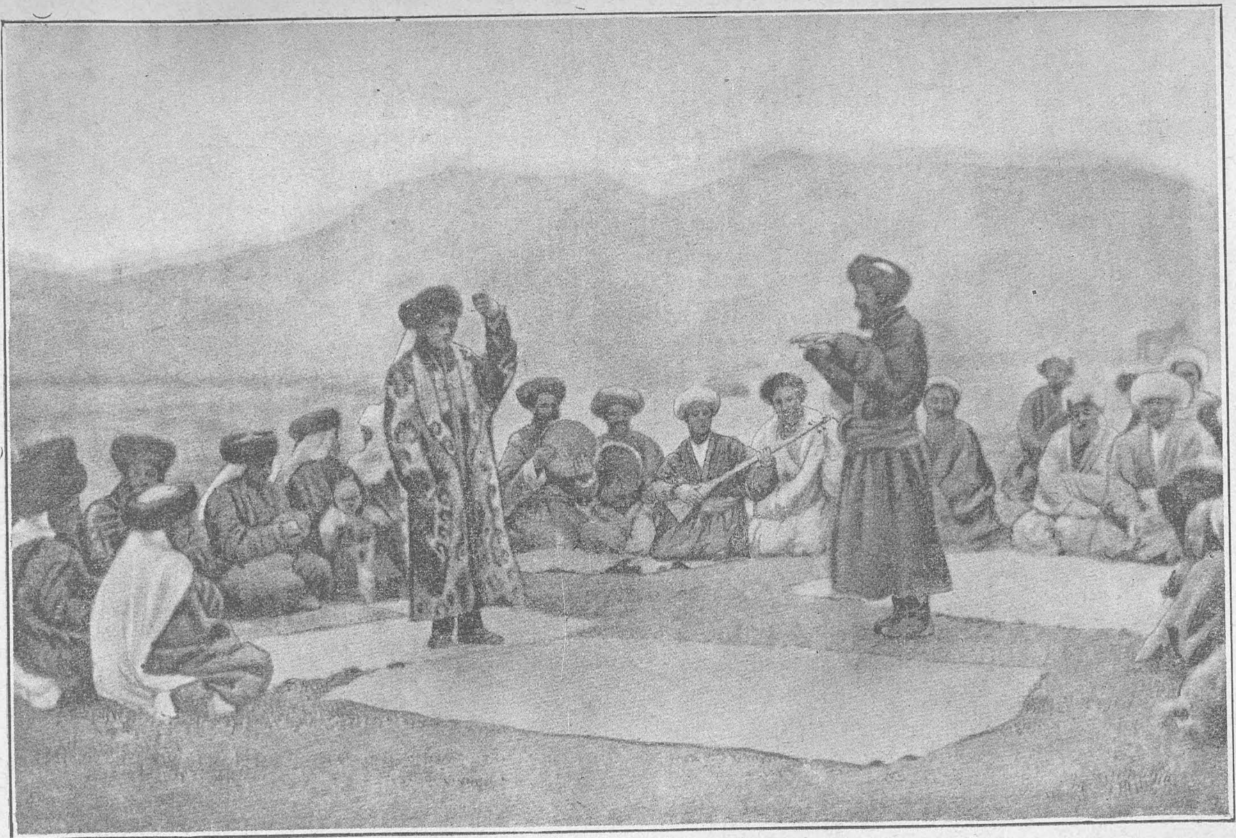
---

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 427.

**) Интересно, что у мачинцевъ существуетъ не мало музыкальныхъ инструментовъ; изъ нихъ Пржевальскій упоминаетъ слѣдующіе струнные: Дутàръ—родъ балалайки съ двумя струнами, изготовляемыми изъ бараньихъ кишекъ или изъ шелковыхъ нитокъ; играютъ на немъ пальцами. Ситэръ—также въ родѣ балалайки съ 6—7 мѣдными струнами: на этомъ инструментѣ играютъ смычкомъ. Ребàбъ—съ шестью струнами (3 мѣдныхъ и 3 кишечныхъ), играютъ на немъ при помощи небольшой деревянной палочки. Калунъ—родъ большой цитры со многими желѣзными и мѣдными струнами; при игрѣ музыкантъ надѣваетъ на большой палецъ костяной коготь. У городскихъ жителей имѣется еще родъ скрипки—гиджакъ, и родъ флейты—мѣдный духовой инструментъ—сурна. Маленькія тростниковыя дудки и мѣдный бубенъ—данъ распространены повсемѣстно.

***) Гашишъ, не тюркски—бангъ, приготовляется изъ сѣмянной пыли конопли

****) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 428.

Танцы мачинцевъ въ Кэрійскихъ горахъ.

Хотя мачинцевъ и нельзя назвать вялыми, но женщины здѣсь вообще бойчѣе мужчинъ и трудолюбивѣе ихъ; на женщинахъ мачинцевъ, какъ и вездѣ въ Азіи, лежатъ всѣ заботы по хозяйству и по воспитанію дѣтей, да кромѣ того и многія земледѣльческія работы и по уходу за скотомъ.

Склонность къ разгульной жизни сказывается у мачинцевъ между прочимъ въ томъ, что они весьма любятъ ходить въ гости другъ къ другу и при каждомъ удобномъ случаѣ устраиваютъ общественныя празднества; отправляясь на работу, они обыкновенно берутъ съ собою музыкальные инструменты и въ минуты отдыха устраиваютъ пляски, а пѣсни поютъ постоянно, даже при тяжелыхъ работахъ.

Потребность просвѣщенія развита у мачинцевъ въ немалой степени. Даже въ горныхъ деревушкахъ нерѣдко имѣются школы, а въ болѣе значительныхъ подгорныхъ селеніяхъ есть по 2—3 школы, не говоря уже про оазисы и города, гдѣ грамотны почти всѣ безъ исключенія обыватели. Въ Кэріи, Хотанѣ и еще въ нѣкоторыхъ центрахъ существуютъ даже медрессе, т. е., высшія духовныя училища; въ этихъ школахъ преподаются даже персидскій и арабскій языки, а окончившіе дѣлаются кандидатами на должности муллы.

Экскурсія въ Кэрійскихъ горахъ продолжалась почти мѣсяцъ, и это былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ изъ всей экспедиціи.

Путешественники шли въ верхней полосѣ предгорій, на абсолютной высотѣ 10—12 тысячъ футовъ, у самой подошвы главнаго хребта.

Путь по большей части шелъ напрямикъ черезъ холмы и горные отроги, увалы, пади и глубоко врѣзанныя въ рыхлую почву рѣчныя ущелья. Такой характеръ мѣстности, въ особенности же безпрестанныя переправы черезъ горныя рѣчки и ихъ почти отвѣсныя ущелья, до крайности затрудняли движенія каравана.

Притомъ же почти безпрестанно шли дожди, которые съ своей стороны еще увеличивали всевозможныя трудности: одежда самихъ путешественниковъ постоянно была измокшая, вьюки, напитавшись водою, сдѣлались тяжелѣе, крутые спуски и подъемы скользкими, вода въ рѣчкахъ вездѣ прибыла и переправы вбродъ сдѣлались не только трудными, но и опасными; наконецъ, единственное мѣстное топливо—аргалъ, при постоянной сырости, не горѣлъ, и нерѣдко приходилось обходиться безъ огня и горячей пищи. Лошади, которыя замѣнили теперь верблюдовъ, оказались никуда не годными. Завьючивать ихъ была настоящая мука: онѣ то брыкались и становились на дыбы, то ложились на землю, во время пути забѣгали въ стороны, чтобы щипать траву, да кромѣ того были совсѣмъ непривычны лазить по горамъ и не разъ обрывались съ кручи въ пропасти... Словомъ, всѣ трудности экспедиціонной жизни обострились до крайности, и насколько затруднено было движеніе, видно уже изъ того, что въ 28 дней караванъ сдѣлалъ только 135 верстъ.

Наибольшія трудности представляли переходы черезъ рѣки и ихъ ущелья, которыя у болѣе значительныхъ потоковъ достигаютъ страшной глубины, на тысячу и даже болѣе того футовъ по отвѣсу. Бока такой долины или ущелья

почти всегда бываютъ очень круты и спускаться по нимъ приходится безчисленными зигзагами. Но еще больше трудностей и опасностей для путника таится на днѣ ущелій, гдѣ обыкновенно мчится по каменистому ложу съ ужасающей быстротой бѣшеный горный потокъ, переходъ черезъ который, даже и при низкой водѣ, небезопасенъ; если же вода прибыла, что бываетъ почти каждый день съ трехъ часовъ пополудни и до утра слѣдующаго дня, то переправа вбродъ и совсѣмъ невозможна. Нерѣдко наводненіе приходитъ съ горъ сразу, послѣ проливного дождя, причемъ вода набѣгаетъ валомъ, сокрушая все на своемъ пути, и случается, что уноситъ при этомъ десятками застигнутый врасплохъ скотъ туземцевъ.

«Дикую, грандіозную картину представляетъ въ это время подобный потокъ,—разсказываетъ *) Николай Михайловичъ, бывшій не разъ самъ свидѣтелемъ подобныхъ наводненій.

«Грязныя, желтовато-сѣрыя волны съ грохотомъ бѣшено мчатся внизъ, наскакиваютъ одна на другую и на берегъ, разсыпаются брызгами или пѣною, растираютъ въ песокъ мелкую гальку и катятъ громадные валуны...

«Намъ случалось видѣть вынесенныя изъ горъ въ ущелья, вѣроятно, при исключительной прибыли воды, каменныя глыбы, страшно сказать, до десяти кубическихъ саженей въ объему!.. По грудамъ всюду наметанныхъ крупныхъ валуновъ можно заключить, какое гигантское разрушеніе творитъ здѣсь вода, та самая, которая, пробѣжавъ нѣсколько десятковъ верстъ внизъ, мирно орошаетъ хлѣбное поле или фруктовый садъ туземца»...

Всѣ невзгоды труднаго пути далеко не вознаграждались научною добычею, собранною за это время. Цвѣтущія растенія, несмотря на то, что былъ іюнь мѣсяцъ, встрѣчались рѣдко, птицъ было мало, да и тѣ, которыя попадались, обыкновенно линяли и не годились для коллекцій; звѣри также встрѣчались совсѣмъ рѣдко, такъ какъ днемъ они держатся въ полосѣ недоступныхъ розсыпей. Наконецъ и тѣ немногія шкурки и растенія, которыя удавалось добыть, стоило весьма большого труда просушить при той страшной сырости, которая безпрестанно держалась въ воздухѣ. Въ палаткахъ постоянно стояли лужи дождевой воды, одежда, багажъ и даже научныя принадлежности не просыхали и начали портиться.

Крайне трудно было также производить съемку, даже и въ томъ случаѣ, когда дождь на время прекращался: горы всегда были окутаны непроницаемыми облаками, и нужно было ловить моменты, когда вѣтеръ на время разрывалъ ихъ.

23-го іюля экспедиція достигла урочища Улукъ-ачикъ. Отсюда до рѣки Юрунъ-кашъ, составляющей западную границу хребта Кэрійскаго, оставалось всего верстъ 30, но идти туда не было необходимости, такъ какъ общій характеръ хребта, его топографія, флора и фауна были выяснены уже въ достаточной

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 434

степени, а между тѣмъ трудности пути не только не уменьшались, но даже увеличивались съ каждымъ днемъ движенія къ западу, и караванныя животныя были уже окончательно измучены, кромѣ того, окончательно выяснилось, что прохода въ Тибетъ здѣсь не существуетъ.

Въ виду этого Пржевальскій рѣшилъ закончить здѣсь свою экскурсію и, повернувъ на сѣверъ, спустился до Кэрійско-хотанской дороги. Сдѣлавъ по ней еще одинъ переходъ, экспедиція вступила въ оазисъ Чира. Экскурсія была закончена; за два мѣсяца пройдено было 450 верстъ, но измучились путники болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ при тысячеверстномъ переходѣ.

Послѣ однодневнаго отдыха въ Чира, Роборовскій и Козловъ съ переводчиками и двумя казаками отправились въ Кэрію за оставленнымъ тамъ багажемъ и верблюдами. Самъ-же Николай Михайловичъ засѣлъ за писаніе спеціальныхъ замѣтокъ объ экскурсіи и послалъ въ Петербургъ (черезъ русскаго консула въ Кашгарѣ) отчеты.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Хотанъ, Аксу, Тянь-шань. Переходъ черезъ русскую границу.

Письмо къ Семирѣченскому губернатору.—Снова по пескамъ.—Преданія о руинахъ (Рустемъ-дагестанъ).—Непріятное приключеніе въ селѣ Хангуй, посрамленіе китайцевъ и ихъ клевретовъ.—Хотанскій оазисъ. — Инцидентъ съ китайскими солдатами. — Вооруженная „прогулка“ въ китайской крѣпости. — Путь къ Аксу. — Снова на Таримѣ.—Близость родной страны.—Пограничный перевалъ.—Прощальный „приказъ“ отряду.—Встрѣча въ Караколѣ.

Черезъ 8 дней помощники Николая Михайловича возвратились. Въ складѣ оказалось все благополучнымъ и казаки, остававшіеся тамъ, совершенно оправились отъ предыдущихъ трудовъ.

Что же касается верблюдовъ, то они поправились плохо, такъ какъ для нихъ не было удовлетворительнаго пастбища. Нѣсколько изъ нихъ издохли, другіе были проданы за негодностью. Всего осталось 39 верблюдовъ; но это были уже не тѣ гиганты, съ которыми экспедиція выступила въ началѣ путешествія изъ Кяхты. 7,000 верстъ пройденнаго пути по негостепріимнымъ странамъ Средней Азіи сломили ихъ силы, и всѣ они были теперь слабосильные, полу-больные, словомъ такіе, что могли еще протащить облегченные вьюки по болѣе сносной дорогѣ до Тянь-шаня, но перевалить черезъ эту гигантскую стѣну они во всякомъ случаѣ были бы не въ состояніи.

Въ виду этого предусмотрительный Николай Михайловичъ отправилъ черезъ Кашгаръ семирѣченскому губернатору А. Я. Фриде письмо, въ которомъ просилъ его выслать въ Аксу къ половинѣ октября 40 свѣжихъ верблюдовъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно доставить въ Россію драгоцѣнную научную добычу.

Нѣсколько дней ушло еще на пересортировку багажа и на отдыхъ, и 16-го августа экспедиція тронулась въ дальнѣйшій путь.

Вьюки пришлось разложить на всѣхъ верблюдовъ, такъ что для казаковъ пришлось нанять верховыхъ лошадей.

Путь шелъ по обнаженной пустынѣ; вправо тянулись сплошные сыпучіе пески, среди которыхъ направленіе дороги обозначалось изрѣдка поставленными вѣхами или спеціально предназначенными для этой цѣли сооруженіями такъ называемыми у туземцевъ «потай», т. е. пирамидами, сложенными изъ сырцеваго кирпича, саж. 4 въ основаніи каждой стороны квадратнаго фундамента и саж. въ 3 вышиною.

Верстъ черезъ 40 послѣ Чира встрѣтился большой оазисъ Сампула, недалеко отъ котораго путникамъ указывали слѣды древняго города Шаристана, о которомъ уже упоминалось раньше.

По преданію, слышанному теперь путешественниками отъ туземцевъ, Шаристанъ, основанный также упоминавшимся уже выше, знаменитымъ Сія-вушъ ханомъ, былъ весьма обширенъ и имѣлъ 24 воротъ; при каждыхъ изъ нихъ стояла стража изъ 1,000 человѣкъ. Въ срединѣ города лежалъ огромный прудъ, орошавшій многочисленные сады и огороды жителей, которые принадлежали къ племени мачинцевъ и были отчасти огнепоклонники, отчасти исповѣдывали іудейскую религію («вѣру Ноя»).

Оазисъ Сампула, въ который вступили теперь путешественники, оказался самымъ обширнымъ изъ всѣхъ видѣнныхъ ими до сихъ поръ въ восточномъ Туркестанѣ. Общее число жителей оазиса простирается до сравнительно огромной цифры 5,500 семействъ *), слѣд. около 27,000 человѣкъ. Все это мачинцы, за исключеніемъ лишь жителей двухъ волостей: Лобъ и Хангуй. Въ первой живутъ потомки бѣглецовъ разореннаго древняго города Лобъ **), вторая, по преданію, населена потомками богатыря Рустемъ-дагестана.

Легенда эта весьма интересна въ томъ отношеніи, что сильно напоминаетъ, какъ мы уже раньше указывали, сказаніе поэмы Фирдуси.

У Рустема-дагестана,—такъ гласитъ эта легенда,—былъ сынъ, котораго онъ оставилъ въ нынѣшнемъ восточномъ Туркестанѣ вмѣстѣ съ матерью, отправляясь куда-то въ дальній походъ.

Отсутствіе продолжалось весьма долго, такъ что мальчикъ успѣлъ возмужать и занялся посѣвомъ дынь, чѣмъ продовольствовалъ себя и свою мать.

Наконецъ, послѣ долгаго отсутствія, возвратился витязь Рустемъ, но всѣ его поиски сына и жены были тщетны. Однажды на полѣ онъ встрѣтилъ незнакомаго юношу, который настолько поразилъ его выраженіемъ своей силы и отваги, что герой вздумалъ съ нимъ вступить въ состязаніе. Бой продолжался очень

---

*) Въ Сампула 15 волостей, управляемыхъ каждая особымъ старшиною Минъ-баши, которые всѣ подчинены одному хакиму.

**) См. раньше.

долго, по наконецъ Рустемъ одолѣлъ своего противника и уже собирался его убить, когда тотъ взмолился: «пощади сына Рустема-дагестана». Обрадованный Рустемъ, такимъ образомъ, благодаря случаю, узналъ въ немъ своего сына, отъ котораго произошло потомъ многочисленное потомство, и на мѣстѣ счастливой встрѣчи основанъ былъ городъ. Первоначально городъ этотъ назывался Маганъ, а впослѣдствіи былъ переименованъ въ Хангуй.

Какъ разъ около этого самаго селенія Хангуй, куда Пржевальскій нарочно свернулъ съ прямой дороги, чтобы наблюдать рыжеволосыхъ потомковъ Рустемъ-дагестана, про которыхъ ему говорили, что они непохожи на мачинцевъ,—случилось одно весьма непріятное приключеніе, которое, однако, благодаря энергіи и находчивости Николая Михайловича, окончилось посрамленіемъ его тайныхъ враговъ китайцевъ.

Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Отъ станціи Акъ-лянгеръ, въ семи верстахъ отъ оазиса, экспедиція свернула вправо и двинулась по направленію къ Хангую. Вскорѣ на встрѣчу путешественникамъ выѣхали старшины этой деревни и предложили имъ дастаръ-ханъ, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ и самъ хакимъ оазиса, который вызвался сопровождать экспедицію.

Слѣдуя его указаніямъ, караванъ прошелъ нѣсколько верстъ по дорогѣ между разбросанными саклями, а затѣмъ вдругъ круто свернулъ вправо и двинулся напрямикъ сначала черезъ пустоши, а затѣмъ и по засѣяннымъ полямъ туземцевъ. Хакимъ вскорѣ уѣхалъ впередъ и оставилъ вмѣсто себя другого проводника.

Позади каравана оставлялся широкій слѣдъ истоптаннаго маиса, клевера, пшеницы... Между тѣмъ прекратить такое безобразіе было невозможно, такъ какъ не находилось мѣста, годнаго для бивуака, а невыносимая жара заставляла искать его.

Наконецъ, уже на окраинѣ деревни Хангуй встрѣтилась небольшая незанятая полянка, гдѣ путешественники и посчѣшили разбить свои палатки.

Немедленно же Николай Михайловичъ вытребовалъ къ себѣ хакима, а пока онъ явился, подвергъ строгому допросу проводника. Вскорѣ тотъ сознался, что поступокъ его былъ умышленъ, но сдѣлалъ онъ это по приказанію хакима, который съ своей стороны получилъ строжайшее внушеніе со стороны китайскаго начальника. Тоже самое подтвердили и старшины, составлявшіе пріемную депутацію. Ѳни же пояснили и смыслъ такого гнуснаго поступка: китайцы хотѣли дискредитировать русскихъ путешественниковъ въ глазахъ туземцевъ, для которыхъ воздѣланное потомъ и кровью поле дороже всего на свѣтѣ.

Когда черезъ нѣсколько времени послѣ этого явился виновный хакимъ и началъ отговариваться незнаніемъ мѣстности, то Николай Михайловичъ рѣзко прервалъ потокъ его льстивыхъ и изворотливыхъ рѣчей и приказалъ своимъ казакамъ арестовать какъ самого хакима, такъ и его главнаго соучастника, проводника Минъ-баши.

Со связанными назади руками ихъ привязали веревками къ деревьямъ, растущимъ около бивуака, и къ нимъ приставленъ былъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ.

Въ то же время переводчику Абдулъ-Юсупову и одному изъ мѣстныхъ старшинъ велѣно было собрать у хозяевъ истоптанныхъ полей свѣдѣнія объ ихъ убыткахъ. Часа черезъ два свѣдѣнія эти были уже доставлены, и Николай Михайловичъ немедленно возместилъ потерпѣвшимъ ихъ убытки изъ экспедиціонныхъ средствъ.

Между тѣмъ вѣсть о томъ, что хакимъ арестованъ и сидитъ на привязи въ лагерѣ русскихъ, съ необыкновенною быстротою распространилась по всему оазису; туземцы начали толпами стекаться на такое необыкновенное зрѣлище, втихомолку радуясь такому злополучью своего начальника, который, по ихъ словамъ, всею душою преданъ былъ ихъ заклятымъ врагамъ и угнетателямъ—китайцамъ.

Пржевальскій хотѣлъ такимъ образомъ выдержать хакима до слѣдующаго утра и заставить потомъ его вывести караванъ изъ ловушки, разставленной имъ самимъ. Но передъ вечеромъ на бивуакъ пришли мѣстные старшины и многіе почетные поселяне, которые просили «простить виновнаго хакима» *).

Видя изъ этого, что туземцы поняли истинный смыслъ случившагося, Николай Михайловичъ велѣлъ освободить арестантовъ и, послѣ строгаго внушенія, сдѣланнаго въ присутствіи депутаціи старѣйшинъ и огромной толпы собравшихся поселянъ, отпустилъ ихъ во свояси.

Какъ разъ во время этой демонстраціи, явились двое китайскихъ чиновниковъ, присланные хотанскимъ амбанемъ «узнать о здоровьи путешественниковъ». Чтобы довершить впечатлѣніе, Николай Михайловичъ въ виду всего народа отказался принять этихъ посланцевъ, которые съ посрамленіемъ ушли ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ козни китайцевъ все продолжались. Такъ амбань прислалъ въ оазисъ Сампула строжайшее запрещеніе продавать русскимъ хотя бы самый небольшой клочекъ земли. Китайцы разъясняли невѣжественнымъ туземцамъ, что если русскіе пріобрѣтутъ хотя бы одинъ квадратный аршинъ земли, то они посадятъ здѣсь иву, которая, подъ вліяніемъ волшебства, станетъ расти необыкновенно быстро и въ короткое время охватитъ своею тѣнью громадное пространство. Тогда, по словамъ китайцевъ, русскіе объявятъ своею собственностью всю эту землю.

Кромѣ того, попрежнему усердно распространялись слухи о томъ, что въ большихъ ящикахъ, которые везутъ экспедиціонные верблюды, спрятаны солдаты, причемъ послѣдніе силою волшебства въ цѣляхъ экономіи мѣста и продовольствія, замурованы въ большія яйца, какъ цыплята, но въ случаѣ надобности они очень легко могутъ превратиться въ настоящихъ солдатъ.

---

*) Ихъ собственное выраженіе, см. отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 498.

Невѣжественная толпа, конечно, хотя отчасти вѣрила подобнымъ нелѣпостямъ и потому выражала свои симпатіи къ русскимъ сдержанно, въ особенности въ болѣе крупныхъ центрахъ.

При томъ же выраженіе симпатій было вообще оченъ рискованно, такъ какъ туземцамъ было строжайше запрещено безъ нужды показываться путешественникамъ на глаза и приказано было по возможности уклоняться отъ всякихъ сношеній съ ними.

Отъ Сампула до Хотана продолжается почти непрерывная полоса плодородной и воздѣлываемой земли.

За рѣкой Кара-усу начинается обширный оазисъ Юрунъ-кашъ, который плотно населенъ и считается городомъ.

Путешественникамъ пришлось проходить черезъ большой базаръ, который тянется почти на версту вдоль Кэрійско-хотанской дороги.

Устройство его такое же, какъ и во всѣхъ другихъ средне-азіатскихъ городахъ: по обѣ стороны дороги или улицы, шириною лишь въ $1^1/_2$—2, весьма рѣдко въ 3 сажени, тянутся два ряда тѣсно скученныхъ маленькихъ глиняныхъ сакель—это лавки. Впереди каждой изъ нихъ подъ небольшимъ навѣсомъ устроенъ также изъ плотно убитой глины прилавокъ, на которомъ раскладываются товары, и здѣсь именно происходитъ торговля. Иногда базары бываютъ обсажены деревьями, и тогда довольствуются ихъ тѣнью, но чаще на всю ширину улицы устраивается покрышка изъ тростниковыхъ рогожъ, уложенныхъ на поперечныя жерди. Кромѣ того, въ самое жаркое время, базары изрѣдка поливаются водою.

Торговля на азіатскихъ базарахъ до крайности мелочная: «въ одной лавченкѣ,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—сидитъ продавецъ съ десяткомъ дынь и арбузовъ, маленькою кучкою персиковъ или какихъ-либо овощей, въ другой высыпано на мѣшкахъ по пуду, или того менѣе пшеницы, риса, кукурузы, нѣсколько пригоршней какихъ-то сѣмянъ, связка чесноку, сушеные абрикосы, шептала и изюмъ, въ третьей продаются пирожки, пельмени, супъ, жареное мясо; все это тутъ же и стряпаютъ; въ четвертой выставлено нѣсколько фунтовъ сахара, рядомъ съ которымъ лежатъ — стручковый перецъ, табакъ и зажигательныя спички; въ пятой разложена кучка желѣзнаго хлама и при немъ работаетъ кузнецъ; въ шестой продаютъ и тутъ же шьютъ сапоги; въ седьмой виситъ баранья туша»..., въ иной разложены русскіе красные товары: ситцы, кумачъ, плисъ, тесемки и проч., которые составляютъ большинство всѣхъ товаровъ..., въ другихъ лавкахъ продаются серебряные браслеты, кольца, серьги, гребенки, зеркальца, румяна и другія косметическія средства и принадлежности женскаго туалета.

Переправившись въ бродъ черезъ рѣку Юрунъ-кашъ, путешественники вступили въ Хотанъ. На переправѣ ихъ уже ожидалъ китайскій чиновникъ, выслан-

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 453.

ный амбанемъ для привѣтствія, а на другой сторонѣ рѣки ихъ привѣтствовали, но уже не лицемѣрно, а съ непритворнымъ радушіемъ, нѣсколько десятковъ сартовъ, русскихъ подданныхъ, торгующихъ въ Хотанѣ.

Эти послѣдніе предложили Николаю Михайловичу и его спутникамъ достарханъ и прочее обильное угощеніе и предоставили въ распоряженіе путешественниковъ заранѣе приготовленное помѣщеніе.

Знаменитый въ глубокой древности по своему торговому и политическому значенію Хотанскій оазисъ занимаетъ обширную площадь около 600 квадратныхъ верстъ и орошается водами двухъ рѣкъ, стекающихъ съ сосѣднихъ горъ Тибетской ограды: Юрунъ-каша и Кара-каша, которыя нѣсколько ниже сливаются вмѣстѣ и получаютъ названіе Хотанъ-дарьи. Здѣсь живетъ около 300,000 душъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ мачинцевъ, отчасти же изъ племени ардбюль и изъ пришлыхъ афганцевъ, индусовъ, сартовъ и др.

«Въ нравственномъ отношеніи», — аттестуетъ по обыкновенію неодобрительно Николай Михайловичъ *): — «здѣшнихъ жителей нельзя похвалить. Хотя они и не лѣнивы, какъ кэрійцы, но, какъ мы слышали, весьма развратны и продажны, при томъ скупы, жадны на деньги, а въ городахъ нерѣдки выжиги и проходимцы: также гуляки, какъ вообще всѣ мачинцы». Существуетъ даже мѣстная поговорка: «кэрійцу слѣдуетъ (за лѣнь) ногайка, хотанцу (для веселья) нужна водка». Куреніе наши здѣсь очень распространено.

При большой густотѣ населенія и при общей его бѣдности, цѣна на рабочія руки стоитъ чрезвычайно низкая. Обыденная плата рабочему въ годъ на готовомъ содержаніи всего 32 теньге, т. е. 3 руб. 20 коп. на наши деньги, а женщины по большей части служатъ изъ за куска хлѣба и одежды. Продажа въ рабство дѣтей практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Покупщиками обыкновенно являются болѣе зажиточные изъ самихъ же туземцевъ или пріѣзжіе купцы, преимущественно китайцы **).

Самый городъ Хотанъ, называемый также Ильчи, лежитъ на лѣвомъ берегу р. Юрунъ-кашъ и состоитъ изъ тѣсно скученныхъ глиняныхъ сакель, въ промежуткахъ между которыми проходятъ узкія, кривыя улицы. Замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ здѣсь нѣтъ, нѣтъ также и какихъ-либо важныхъ достопримѣчательностей.

Городской стѣны нѣтъ, но видны остатки вала, окружавшаго древній, гораздо болѣе обширный городъ.

Кромѣ пришедшаго уже въ ветхость стараго глинянаго укрѣпленія временъ Якубъ-бека, китайцы выстроили здѣсь (какъ и въ другихъ городахъ Восточнаго Туркестана, послѣ вторичнаго завоеванія его) новую крѣпость, такъ называемый Янги-шаръ, состоящій изъ квадратной высокой (около 35 ф.) зубчатой стѣны

*) Тамъ же, стр. 456.

**) Мальчикъ 5—12 лѣтъ стоитъ 5—20 руб., дѣвочка того же возраста $1^1/_2$—5 руб., если она не особенно красива.

(изъ глины), длиною съ каждой стороны около 200 саж. По угламъ стѣны возвышаются башни, а въ срединѣ каждаго фаса устроены ворота. Внутри этой крѣпости помѣщаются казармы, живетъ амбань со своими чиновниками, а на площади устроенъ новый базаръ.

Помѣщеніе, приготовленное для путешественниковъ соотечественниками сартами, было превосходное. Кромѣ нѣсколькихъ просторныхъ сакель здѣсь былъ прекрасный и довольно обширный фруктовый садъ, такъ что истомленные путники съ наслажденіемъ расположились въ тѣни абрикосовыхъ, шелковичныхъ, персиковыхъ и др. деревьевъ.

Однако же пробыть въ этомъ земномъ раю пришлось лишь нѣсколько часовъ...

Не успѣли еще казаки развьючить верблюдовъ, какъ появились двое китайскихъ полицейскихъ и съ наглостью полѣзли осматривать вещи.

Само собою разумѣется, что Николай Михайловичъ не допустилъ этого; непрошенные ревизоры были выгнаны и уѣхали съ угрозами и ругательствами.

Во избѣжаніе повторенія подобной исторіи, Пржевальскій послалъ переводчика Абдула въ китайскій ямынь (управленіе) заявить о случившемся и потребовалъ, чтобы солдатамъ запрещены были подобныя дерзкія выходки. Вмѣстѣ съ Абдуломъ отправились два торговыхъ аксакала *) изъ русскихъ сартъ.

Посланные эти отправились въ Янги-шаръ (китайская крѣпость), сдѣлали, какъ имъ было приказано, заявленіе въ ямынѣ и отправились въ обратный путь. Но при выѣздѣ изъ воротъ Янги шара на нихъ совершенно неожиданно напала цѣлая ватага китайскихъ солдатъ, которые порядочно избили безоружныхъ посланцевъ. При этомъ солдаты похвалялись точно также раздѣлаться и со всѣми остальными русскими. Абдулъ-Юсуповъ, вырвавшись изъ рукъ негодяевъ, бросился обратно въ ямынь, а оба аксакала, совершенно растерянные, прискакали во весь духъ на бивуакъ экспедиціи и съ начала съ испугу даже не могли толкомъ разсказать, въ чемъ дѣло, а только кричали, что «китайцы нападаютъ».

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ и Абдулъ въ сопровожденіи китайскаго чиновника, посланнаго амбанемъ. Китаецъ разсыпался въ извиненіяхъ и увѣрялъ, что виновные будутъ наказаны.

Николай Михайловичъ имѣлъ полное основаніе не вѣрить искренности такихъ увѣреній и объявилъ чиновнику, что оставитъ это дѣло только въ такомъ

*) Со времени учрежденія въ Кашгарѣ русскаго консульства (въ 1882 г.) въ пяти главныхъ городахъ Восточнаго Туркестана (Кашгаръ, Янги-гиссаръ, Учь-турфанъ, Аксу и Хотанъ) учреждена должность торговыхъ аксакаловъ, т. е. выборныхъ старшинъ; они, въ зависимости отъ кашгарскаго консула, наблюдаютъ за интересами русскихъ подданныхъ — торговцевъ, которые изъ числа всѣхъ хотанскихъ торговцевъ не рѣдко составляютъ громадное большинство. Такъ, напр., въ Хотанѣ кромѣ небольшого числа туземныхъ купцовъ, торгуютъ бухарцы, афганцы, индусы, кашмирцы, но всего болѣе русскіе подданные сарты изъ различныхъ частей Русскаго Туркестана, которые извѣстны здѣсь подъ общемъ именемъ андижанъ. По собраннымъ Пржевальскимъ свѣдѣніямъ, андижанъ въ Хотанѣ бываетъ 100—200 человѣкъ, тогда какъ торговцевъ всѣхъ другихъ національностей не болѣе какъ по 30—50.

случаѣ, если дерзкіе солдаты здѣсь же всенародно, при его глазахъ будутъ наказаны и попросятъ извиненія у переводчика и у обоихъ аксакаловъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая безопаснымъ свой бивуакъ въ роскошномъ саду отъ нападенія дерзкихъ, распущенныхъ солдатъ, которые при скученности городскихъ построекъ, могли бы при случаѣ съ успѣхомъ проявить какія-либо непріязненныя дѣйствія, Николай Михайловичъ немедленно же перенесъ свою стоянку на открытый лугъ, на берегу Юрунъ-каша, гдѣ берданки представляли серьезную гарантію противъ всякаго рода враждебныхъ покушеній.

Пржевальскій считалъ, однако, что недостаточно принять однѣ пассивныя мѣры къ охраненію своей безопасности. Впечатлѣніе, произведенное на туземцевъ дерзкимъ нападеніемъ китайскихъ солдатъ, было слишкомъ велико и его необходимо было немедленно же парализовать.

Съ этою цѣлью Николай Михайловичъ, лишь только на новомъ мѣстѣ устроенъ былъ «лагерь», послалъ подъ начальствомъ г.г. Роборовскаго и Козлова десять казаковъ, вмѣстѣ съ только что потерпѣвшимъ переводчикомъ Абдуломъ въ городъ «прогуляться» передъ глазами китайцевъ и туземнаго населенія.

«Посланные были вооружены винтовками съ примкнутыми къ нимъ штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому было поручено отъ меня, — разсказываетъ Пржевальскій *): — пройти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій (т. е. въ крѣпость Янги-шаръ), отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно. Въ случаѣ же нападенія со стороны китайскихъ солдатъ—приказано было стрѣлять въ нихъ».

«Страннымъ, невѣроятнымъ,—прибавляетъ онъ,— можетъ казаться издали, въ особенности по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ; но въ Азіи, тѣмъ болѣе, имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ»...

Стройно, при одобрительныхъ возгласахъ со стороны туземцевъ, собравшихся въ этотъ день со всего округа на базаръ, прошелъ маленькій отрядъ въ китайскую крѣпость. Тамъ сдѣланъ былъ привалъ; окружающая многолюдная толпа сдѣлала казакамъ сочувственную демонстрацію, и торговцы наперерывъ угощали ихъ арбузами, дынями и плодами. Были при этомъ и комическія сцены. Такъ, напр., одна старуха-торговка обратилась къ русскому отряду со слѣдующею рѣчью:

«Русскіе молодцы! побейте поганыхъ китайцевъ, я вамъ за это всѣхъ своихъ куръ подарю!»

Отдохнувъ, казаки отправились обратно прежнимъ путемъ съ пѣснями. Не только не было на нихъ сдѣлано какого-либо нападенія, но даже, наоборотъ, всѣ

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 460

солдаты и власти попрятались, и даже ни одинъ изъ встрѣтившихся на пути китайцевъ не обмолвился ни однимъ дурнымъ словомъ, тогда какъ обыкновенно такія встрѣчи никогда не обходятся безъ ругательствъ, пущенныхъ хотя бы въ догонку. Ясно было для всѣхъ, что китайцы струсили.

На слѣд. день на бивуакъ путешественниковъ снова явился посланный отъ губернатора китайскій чиновникъ въ сопровожденіи туземныхъ властей и снова началъ упрашивать Николая Михайловича позабыть о случившемся. При этомъ онъ объяснилъ, что солдаты не подчинены амбаню, въ рукахъ котораго находится лишь гражданское управленіе, что они крайне распущены и иногда дѣлаютъ дерзости даже самому амбаню. По словамъ чиновника-дипломата, амбань уже послалъ крупнымъ воинскимъ властямъ въ Яркендъ и въ Кашгаръ подробное донесеніе о случившемся, и нѣтъ сомнѣнія, виновные понесутъ строгое наказаніе...

Николай Михайловичъ настаивалъ на своемъ прежнимъ требованіи, и чиновникъ со всею свитою уѣхалъ безъ результата.

На слѣдующій день повторилась прежняя исторія упрашиванія, но на этотъ разъ ходатаями явились также и оба пострадавшіе аксакала, несомнѣнно по внушенію китайцевъ. Пржевальскій снова отказалъ и даже отказался войти въ какія-либо личныя сношенія съ амбанемъ.

Тогда чиновникъ попросилъ его отправить вмѣсто себя для свиданія съ губернаторомъ хотя бы одного изъ своихъ помощниковъ.

На это Николай Михайловичъ согласился, тѣмъ болѣе, что ему уже до крайности надоѣла возня съ криводушными китайцами, да и не было времени особенно съ ними возиться.

На слѣд. день утромъ В. И. Роборовскій, въ сопровожденіи переводчика и конвоя изъ 10 казаковъ отправился въ китайскую крѣпость.

Амбань встрѣтилъ его съ большими церемоніями и съ изысканною любезностью; съ первыхъ же словъ онъ началъ просить покончить съ непріятною исторіею, увѣряя, что негодяи солдаты не избѣгнутъ очень тяжкаго наказанія.

Г. Роборовскій, согласно данной ему инструкціи, заявилъ, что его начальникъ готовъ примириться, вѣря слову губернатора, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, амбань, первый сдѣлалъ визитъ начальнику русской экспедиціи, что и будетъ принято какъ бы извиненіемъ съ его стороны за скандальную исторію.

Конечно, сдѣлано это было все въ тѣхъ же цѣляхъ поддержанія престижа русскаго имени въ глазахъ туземцевъ.

Политичный амбань уклонился отъ прямого отвѣта на это предложеніе и проводилъ г. Роборовскаго съ прежними почестями.

Едва успѣлъ Всеволодъ Ивановичъ возвратиться въ лагерь, какъ отъ амбаня пріѣхалъ чиновникъ и привезъ *визитную карточку* губернатора.

«Такое криводушіе,—говоритъ Николай Михайловичъ *),—окончательно меня

---

*) Тамъ же, стр. 462.

возмутило,—и чиновникъ былъ прогнанъ съ надлежащимъ внушеніемъ». Весь этотъ день изъ китайцевъ никто не показывался. Но на слѣдующій день утромъ явился амбань съ большою свитою изъ своихъ приближенныхъ чиновниковъ и туземныхъ мусульманскихъ властей, а вечеромъ Николай Михайловичъ возвратилъ ему визитъ. Такимъ образомъ хорошія отношенія повидимому возстановились.

5-го сентября путешественники, закончивъ къ тому времени, при помощи торговыхъ аксакаловъ, закупку необходимыхъ припасовъ, выступили изъ Хотана по направленію къ оазису Аксу, куда прибыли 16 октября.

Путь шелъ большею частью по голой пустынѣ и сыпучимъ пескамъ, сопровождавшимъ теченіе рѣкъ Юрунъ-Кашъ и Хотанъ-Дарьи и протянувшимся до самого Тарима.

Дневные жары все не прекращались, и термометръ ежедневно показывалъ, пока солнце видно было на горизонтѣ, около 25° и болѣе въ тѣни. При томъже въ воздухѣ носились тучами мучительные кровопійцы-комары, а въ пескѣ роились миріады клещей, впивавшихся въ тѣло верблюдовъ и. лошадей, причиняя имъ сильныя страданія. Теперь еще путники имѣли возможность отдыхать отъ жаровъ хотя по ночамъ, когда температура нерѣдко падала ниже нуля, хотя такіе слишкомъ рѣзкіе переходы были и рискованы для здоровья.

Но можно себѣ представить, какія мученія выпадаютъ въ этихъ мѣстахъ на долю путника лѣтомъ!

Недаромъ одинъ изъ нихъ излилъ свою скорбь въ надписи, которую видѣли Николай Михайловичъ и его спутники на обтесанномъ стволѣ туграка.

Шутливо меланхолическая надпись эта гласила слѣдующее: «Кто пойдетъ здѣсь лѣтомъ въ первый разъ, сдѣлаетъ это по незнанію; если вторично отправится—будетъ дуракъ; если же въ третій разъ захочетъ идти, то долженъ быть названъ кафиромъ и свиньей».

Въ 75 верстахъ къ сѣверу отъ Хотана на берегу рѣки Юрунъ-кашъ лежитъ небольшой оазисъ Т а в е к ъ - к е л ь (Куль), который представляетъ послѣдній въ направленіи къ западу клочекъ орошенной и культурной земли у подножія Тибетскаго нагорья. Далѣе отсюда, вплоть до Тарима, нѣтъ ни одного даже малѣйшаго осѣдлаго населенія. Здѣсь путешественники провели нѣсколько дней послучаю нездоровья г. Роборовскаго и имѣли возможность вдоволь лакомиться прекраснымъ виноградомъ, персиками, абрикосами и другими плодами, которые при томъ здѣсь были чрезвычайно дешевы; такъ, за ч а р ы к ъ ($18^3/_4$ фунта) винограда платили 1 теньге, т. е. 10 коп., столько же за 24 десятка крупныхъ персиковъ и т. п.

Здѣсь же были дешевы и продовольственные продукты, такъ что путники съ удобствомъ пополнили свои запасы.

Вскорѣ экспедиція вышла на Хотанъ-дарью, которая имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и Юрунъ-кашъ: течетъ извилисто по каменистому, усыпанному валунами дну и бѣдна водою, которая отчасти пересыхаетъ и уходитъ

подъ почву, отчасти же разводится по рѣкамъ тѣхъ оазисовъ, по которымъ она проходитъ въ своемъ верхнемъ теченіи.

Пройдя верстъ 75 послѣ своего образованія изъ сліянія Юрунъ-каша и Кара-каша, Хотанъ-дарья огибаетъ невысокую горную гряду Мазаръ-тагъ, а еще 25 верстъ ниже совсѣмъ пересыхаетъ исчезая въ пескахъ.

Путешественники пошли теперь по высохшему ложу рѣки, гдѣ путь былъ гораздо удобнѣе, чѣмъ по сыпучимъ пескамъ, залегающимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Впрочемъ, характеръ мѣстности теперь значительно измѣнился, такъ какъ по склонамъ Мазаръ-тага и дальше внизъ по теченію (лѣтнему) рѣки появились жиденькіе кустарники, а иногда и значительныя рощи туграковыхъ деревьевъ.

Здѣсь путешественники постоянно видѣли соблазнительные слѣды тигра, кабановъ, мараловъ... Но напрасно рьяные охотники пускались въ поиски за этими звѣрями, особенно за тигромъ—по нему ни разу даже не пришлось и выстрѣлить, хотя кромѣ выслѣживанія устраивали даже и облавы; причиною этого Николай Михайловичъ считаетъ необыкновенную чуткость звѣря, къ которому подкрасться совершенно невозможно, въ особенности въ туграковыхъ зарасляхъ, гдѣ земля усыпана опавшими и обломанными вѣтками, которыя издаютъ громкій трескъ при ходьбѣ здѣсь охотника.

Не удалось убить также и ни одного марала, но кабана все таки добыли.

7 октября экспедиція достигла Тарима, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ образуется изъ сліянія рѣкъ Яркендской, зарождающійся въ сѣверо-западной окраинѣ Тибета, въ ледникахъ Мусъ-тага и Аксуйской, питающейся ледниками Тянъ-шаня.

Таримъ уже здѣсь представляетъ значительную рѣку, шириною у переправы въ 80 саж., глубиною 3 — 5 фут. (при наиболѣе низкомъ уровнѣ воды).

Сопоставляя здѣсь изслѣдованія размѣровъ и свойствъ Тарима съ прежними *) Николай Михайловичъ приходитъ къ заключенію, что рѣка эта вполнѣ доступна для плаванія рѣчныхъ мелкосидящихъ (не болѣе 3 ф.) пароходовъ отъ самаго своего начала вплоть до Лобъ-нора. Кромѣ того, доступны для небольшихъ пароходовъ также Яркендъ-дарья по крайней мѣрѣ вверхъ отъ Тарима до впаденія Кашгарской рѣки, а лѣтомъ, при высокой водѣ и гораздо дальше, по Аксуйской-же рѣкѣ судоходство возможно по всей вѣроятности лишь до г. Аксу.

Наконецъ, большой лѣвый притокъ Тарима, Конче-дарья, судоходенъ вѣроятно весь: отъ устья до озера Багарашъ, или по крайней мѣрѣ до г. Курла.

Проведя двое сутокъ около переправы черезъ Таримъ, которая совершилась въ нѣсколько пріемовъ посредствомъ небольшого плашкоута, экспедиція двинулась дальше по большой аксуйской дорогѣ и вскорѣ вступила въ предѣлы этого обширнаго оазиса. Наступила совершенно ясная погода, вслѣдствіе чего

*) Во вторую экспедицію Николай Михайловичъ прошелъ по среднему теченію и тогда же, а еще болѣе въ настоящее путешествіе изучилъ нижнее теченіе.

еще отъ деревни Матанъ, слѣдовательно верстъ за 200, на горизонтѣ вырисовалась передъ путешественниками колоссальная вершина Тянь-шаня—Ханъ-тенгри. Сначала очертанія ея были не ясны, но черезъ два перехода нерукотворенный гигантъ, увѣнчанный огромнымъ снѣжнымъ куполомъ, предсталъ во всемъ своемъ величественномъ великолѣпіи.

Въ противоположность всѣмъ другимъ средне-азіатскимъ оазисамъ, Аксу по описанію Пржевальскаго, еще далекъ отъ перенаселенія *), и поселяне живутъ здѣсь просторно, а поэтому большинство туземцевъ—зажиточные хозяева.

Въ городѣ Аксу, куда черезъ недѣлю послѣ этого пришли путешественники, ихъ встрѣтила депутація отъ русскихъ подданныхъ торговцевъ, которые предложили имъ обильный дастаръ-ханъ по восточному обычаю, но при этомъ угостили также чаемъ изъ тульскаго самовара.

Что касается китайцевъ, то они попрежнему продолжали свои тайныя козни, хотя по наружности старались казаться весьма дружественно расположенными къ русскимъ путешественникамъ.

Въ Аксу экспедиція пробыла только одинъ день. При помощи соотечественниковъ-торговцевъ очень скоро сдѣланы были необходимыя покупки, проданы въ конецъ истомившіеся верблюды (по 10 р.), а вьюки перегружены на 40 верблюдовъ, высланныхъ въ Аксу согласно просьбѣ Николая Михайловича изъ Семирѣчья и уже ожидавшихъ здѣсь экспедицію.

23-го октября караванъ достигнулъ города Учь-Турфана, который состоитъ изъ китайской крѣпости, возлѣ которой скучено до сотни сакель. Около крѣпости возвышается футовъ на 500—600 скалистая каменная съ обрывистыми боками гряда, и на выдающемся углу ея устроена небольшая цитадель, занятая небольшимъ гарнизономъ.

Со стороны китайцевъ опять пришлось испытать непріятности. Учь-турфанскій амбань не только запретилъ туземнымъ торговцамъ продавать что-либо путешественникамъ, но даже для наблюденія за исполненіемъ этого приказанія разставилъ на базарѣ особыхъ караульныхъ. Кромѣ того, онъ посадилъ подъ арестъ торговаго аксакала, вышедшаго встрѣчать путешественниковъ и, какъ оказалось потомъ, подвергнулъ его тяжкой отвѣтственности. Не обошлось также и безъ столкновенія съ солдатами.

Имѣнно, лишь только путники занялись устройствомъ бивуака, пройдя версты двѣ отъ крѣпости, какъ къ нимъ начали являться гурьбами солдаты и по обыкновенію вели себя очень нахально. Одинъ изъ нихъ даже началъ рыться въ раскрытыхъ вьюкахъ и несмотря на протесты переводчика, не желалъ удалиться и даже началъ ругаться. Николай Михайловичъ приказалъ казакамъ хоро-

*) По распроснымъ свѣдѣніямъ собраннымъ Пржевальскимъ, здѣсь живетъ около 56,000 семействъ, слѣдовательно около 280,000 жит.; по Риттеру («Восточный Туркестанъ», стр. 176) населеніе этого оазиса исчисляется въ 20 т. семействъ, а по Куропаткину («Кашгарія», стр. 40), въ 30 т. семействъ.

шенько проучить негодяя, который, вырвавшись, съ ругательствами и угрозами побѣжалъ къ крѣпости.

Судя по тому движенію, въ которое пришли, какъ было замѣтно издали, толпы солдатъ, можно было ожидать нападенія болѣе серьезнаго. Николай Михайловичъ на ночь нарядилъ усиленный караулъ. Однако, изъ крѣпости больше никто не показывался.

На слѣд. день экспедиція продолжала свой путь. Русская граница и конецъ всѣхъ мытарствъ двухлѣтняго путешествія были уже близко.

Переправившись въ бродъ черезъ Учь-Турфанъ-дарью, путешественники направились ущельемъ Уй-талъ къ тянь-шаньскому перевалу Бедель. Дорога до перевала на протяженіи 36 верстъ нетрудная, хотя и довольно крутая; жителей во всемъ ущельи нѣтъ, только въ 9 верстахъ отъ входа стоитъ запирающій дорогу небольшой «курганъ», т. е. редутъ Ибрай. Черезъ ворота, устроенныя въ ветхой глиняной стѣнѣ, оказалось невозможнымъ пройти верблюдамъ, навьюченнымъ большими ящиками съ коллекціями. Тогда караульные изъ туземцевъ предложили расширить проходъ въ стѣнѣ и сами начали помогать казакамъ въ этой работѣ, приговаривая: «все равно, скоро русскимъ ломать здѣшнюю китайщину придется».

По дорогѣ часто встрѣчались торговые караваны, идущіе изъ Каракола, Токмака, изъ Кульджи; нерѣдко встрѣчались русскіе купцы, а андижаны составляли громадное большинство.

Невдалекѣ отъ перевала путешественники въ послѣдній разъ переночевали на китайской негостепріимной территоріи и 29-го октября рано утромъ двинулись къ вершинѣ перевала Бедель, которая по барометрическому опредѣленію оказалась на абсолютной высотѣ 13,700 ф.

Вѣчныхъ залежей снѣга здѣсь нѣтъ, но благодаря позднему времени на протяженіи слишкомъ двухъ верстъ лежалъ снѣгъ въ 2—3 фута, покрытый сверху ледяною корою. На крутыхъ спускахъ и на карнизахъ, по которымъ лѣпится здѣсь тропинка, верблюдамъ идти было очень трудно, и несмотря на то, что на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ ихъ поддерживали веревками казаки, одинъ все таки оступился и скатился въ пропасть съ высоты 30 саж. Однако, по счастью, и здѣсь дѣло обошлось благополучно, такъ какъ верблюдъ упалъ въ глубокій снѣгъ и не только не получилъ самъ серьезнаго ушиба, но даже ящики съ коллекціями нисколько не пострадали.

На самомъ перевалѣ Пржевальскій поздравилъ своихъ спутниковъ съ приближающимся концомъ экспедиціи и приказалъ сдѣлать залпъ изъ берданокъ и револьверовъ, имѣвшихся у каждаго, въ ближайшую скалу; затѣмъ онъ подарилъ казакамъ винтовки, съ которыми они путешествовали.

Спустившись по сѣверному склону, путешественники около полудня разбили свой бивуакъ уже на русской землѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ передъ отходомъ ко сну передъ экспедиціон-

нымъ отрядомъ прочтенъ былъ слѣдующій прощальный приказъ Николая Михайловича:

«Сегодня для насъ знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа, и люди. Вспомните — мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Ала-Шаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачной высотѣ.

Несчастье съ верблюдомъ на Бедельскомъ перевалѣ.

«Мы жили два года какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ, и переносили то 40 градусные морозы, то еще большіе жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ добавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая вражда туземцевъ: вспомните, какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно вездѣ относились къ намъ китайцы.

«Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія—ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ большей части которыхъ еще не ступала нога европейца.

«Честь и слава вамъ, товарищи! О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему

Несчастье съ верблюдомъ на Бедельскомъ перевалѣ.

свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора, насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили, отъ имени родины, которую мы прославили...»

Въ первыхъ числахъ ноября экспедиція добралась до города Каракола, гдѣ 3-го числа Пржевальскій былъ осчастливленъ полученіемъ поздравительной телеграммы отъ Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами».

Передъ вступленіемъ въ городъ, въ семи верстахъ отъ него, путешественники встрѣчены были властями города, всѣми наличными офицерами и чиновниками.

Въ юртѣ, на мѣстѣ встрѣчи, сервированъ былъ роскошный завтракъ съ шампанскимъ.

«Такъ сегодня,—записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ *),—окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра...

«Но мила и сердцу дорога свободная странническая жизнь! Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ ней разставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій...

«Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невиданныхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ...

Снова бури миновали,
Снова невредимъ пловецъ,
Снова, снова не сказали,
Что для бурь насталъ конецъ...“

Отдохнувъ 2 недѣли въ Каракалѣ, Николай Михайловичъ со своими спутниками черезъ Вѣрное и Омскъ, не теряя времени, направился въ Петербургъ.

*) См. Дубровинъ, стр. 418.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Послѣдніе лавры при жизни.

Награды участникамъ экспедиціи.—Почетныя награды отъ ученыхъ обществъ.—Жизнь въ слободѣ. — Загадочное письмо К. О. Веселовскаго.—Вызовъ въ Петербургъ для экстреннаго совѣщанія. — „Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ". — Конференція Академіи Наукъ 3 мая 1886 г.—Поѣздка въ Москву, консультація съ докторомъ.—Крайне пессимистическое настроеніе.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Торжественное засѣданіе членовъ Академіи 29 декабря 1886 г.—Медаль.—Выставка коллекцій.—Обстановка дома въ Слободѣ.

Безпримѣрныя научныя заслуги Николая Михайловича по возвращеніи на родину прежде всего оцѣнены были Государемъ Императоромъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 22-го января полковникъ Пржевальскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ членомъ Военно-Ученаго комитета Главнаго Штаба.

Кромѣ того, по представленію военнаго министра П. С. Ванновскаго, Пржевальскому назначена была добавочная пожизненная пенсія въ 600 руб. ежегодно, что съ прежнимъ составило 1,800 руб. Поручику Роборовскому—орденъ св. Владиміра 2-й степени и добавочная пенсія въ 200 руб. ежегодно; вольноопредѣляющемуся П. К. Козлову—военный орденъ 4-й степени и 500 р. единовременно. Старшему урядику казачьяго войска Дондоку Иринчинову—орденъ 3-й степени и пожизненная пенсія въ 120 руб., старшему урядику Пантелею Телешову—также орденъ 3-й степени и 300 руб. единовременно; всѣмъ остальнымъ участникамъ экспедиціи—ордена 3-й степени и по 200 руб. единовременно, съ предоставленіемъ права на шестимѣсячный отпускъ для отдыха.

Еще въ 1884 г., въ то время, когда Николай Михайловичъ странствовалъ по пустынямъ Азіи, шведское антропологическое и географическое общество присудило ему свою высшую награду, медаль «Вега». Теперь же, лишь только онъ возвратился и многія другія русскія и иностранныя ученыя учрежденія спѣшили присудить ему свои награды.

Въ 1886 г. Пржевальскій избранъ былъ почетнымъ членомъ общества землевѣдѣнія въ Лейпцигѣ, И. Россійскаго общества садоводства и Императорской Германской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ *).

---

*) Позволяемъ себѣ привести здѣсь выдержку изъ интереснаго диплома, полученнаго Пржевальскимъ изъ академіи:

Въ благополучное царствованіе ВИЛЬГЕЛЬМА ПЕРВАГО, возстановителя Германской имперіи и достославнаго императора, покровителя нашей ученѣйшей академіи.

Императорской германской имени Леопольда-Каролины Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ, основанной въ 1652 году въ Швейнфуртѣ, освященной основными законами въ 1677 году и украшенной названіемъ Императорской Академіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ

императоромъ

ЛЕОПОЛЬДОМЪ ПЕРВЫМЪ.

Въ февралѣ 1886 г. въ Совѣтѣ И. Р. Географическаго общества рѣшено было почтить несомнѣнныя и громадныя заслуги Н. М. Пржевальскаго по географіи Азіи присвоеніемъ его имени одному изъ первостепенныхъ географическихъ предметовъ въ Азіи и постановлено было вѣчно снѣговой хребетъ, названный Николаемъ Михайловичемъ *«Загадочнымъ»*, переименовать въ *«хребетъ Пржевальскаго»*.

Несмотря на всѣ эти чествованія и награды, Николай Михайловичъ очень тяготился суетливою жизнью въ Петербургѣ.

«Общая характеристика петербургской жизни,—говорилъ онъ,—на грошъ дѣла,—на рубль суматохи».

«Рѣшительно не найду минуты свободной, чтобы посѣтить васъ,—писалъ Николай Михайловичъ одной своей знакомой дамѣ 11-го февраля, среди приготовленій къ лекціи, которую онъ на слѣд. день долженъ былъ прочесть въ библіотекѣ главнаго штаба.

Послѣ этого ему пришлось прочесть еще двѣ публичныя лекціи, состоявшіяся въ залѣ городской Думы, и на деньги, собранныя съ нихъ, въ Петербургѣ устроена была первая городская безплатная читальня.

Вообще чествованія и шумныя оваціи положительно изводили Николая Михайловича.

«Пребываю еще въ Питерѣ,—писалъ онъ А. М. Лушникову *),—*и мучаюсь несказанно*. Не говоря уже про различныя чтенія и оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ—сейчасъ обознаютъ и пошла писать исторія, съ разными разспросами, привѣтствіями и т. п. Мало того, Телешову проходу не даютъ...

затѣмъ тѣмъ же императоромъ въ 1687 году и императоромъ

КАРЛОМЪ СЕДЬМЫМЪ

въ 1712 году расширенной въ своихъ привиллегіяхъ,

президентъ

дворянинъ священной Римской имперіи лейбъ-медикъ и Императорскій Пфальцграфъ

Карлъ Германнъ Кноблаухъ

привѣтствуетъ благороднѣйшаго и извѣстнѣйшаго мужа

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО

согласно постановленію академіи 18-го іюля 1886 года

дѣйствительнымъ членомъ академіи.

Избравъ съ основанія своего девизомъ „Всегда за дѣломъ", Академія желаетъ, чтобы и всѣ вновь принимаемые въ ея составъ, всегда имѣли его въ виду.

...Намъ очень пріятно, что ты, выдающійся мужъ, чьи познанія и изслѣдованія въ области естествовѣдѣнія были давно уже признаны и оцѣнены всѣми образованными людьми, приступаешь къ нашему обществу.

Свидѣтельствуя настоящимъ торжественнымъ привѣтствіемъ объ избраніи твоемъ въ число членовъ императорской академіи ...надѣюсь, что это новое избраніе послужитъ на пользу наукѣ, честью для нашей Академіи и радостью для тѣхъ, къ обществу которыхъ ты симъ причисленъ.

Президентъ Академіи д-ръ Кноблаухъ.

*) 28-го февраля 1886 г., см. Дубровинъ, стр. 422.

«Искренно васъ благодарю за ваше письмо и за ваше поздравленіе. Только рѣчь о *генеральшѣ,* вѣроятно останется безъ исполненія, не тѣ уже мои года *), да и не такая моя профессія, чтобы жениться. Въ Центральной же Азіи у меня много оставлено потомства,—замѣтилъ онъ подобно древне-греческому герою Эпаминонду **),—не въ прямомъ, конечно, смыслѣ, а въ переносномъ: Лобъ-норъ, Куку-норъ, Тибетъ и проч.—вотъ мои дѣтища...»

Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ приведеніемъ въ систему своихъ замѣтокъ для составленія описанія своего послѣдняго путешествія, но такъ какъ въ Петербургѣ для этого была неподходящая обстановка, то онъ торопился уѣхать въ свое гнѣздо Слободу и разсчитывалъ тамъ съ бо́льшимъ успѣхомъ заняться своею работою.

«Года два,—писалъ онъ Н. Ф. Петровскому ***),—сидѣть придется за разработкою привезенныхъ матеріаловъ. Насчетъ истиннаго положенія Восточнаго Туркестана мнѣ приходилось говорить съ сильными міра сего, но они, сколько я знаю, считаютъ мои слова преувеличенными, другими словами—ложными. Время сдѣлаетъ свое дѣло, и истина всегда возьметъ верхъ надъ ложью и проходимствомъ».

Пржевальскій, на основаніи того, что онъ лично видѣлъ въ Восточномъ Туркестанѣ, былъ убѣжденъ, что Россія очень легко могла бы завоевать себѣ всѣ эти области и вѣрилъ въ культурную и гуманную миссію Россіи, такъ какъ положеніе туземцевъ въ такомъ случаѣ несомнѣнно измѣнилось бы къ лучшему.

Хотя соображенія его, какъ видно изъ приведеннаго отрывка письма, не нашли себѣ широкаго сочувствія въ правительственныхъ сферахъ, однако, Пржевальскому было поручено изложить свое мнѣніе о возможности войны съ Китаемъ и о дѣйствіяхъ, какъ въ самой Кашгаріи, такъ и со стороны Кашгаріи.

Николай Михайловичъ съ увлеченіемъ принялся за исполненіе этого важнаго порученія и думалъ этимъ спеціально заняться прежде всего, по пріѣздѣ въ деревню.

Отъѣздъ туда, однако же, по разнымъ причинамъ приходилось откладывать, и только 20-го марта Николай Михайловичъ прибылъ въ свою Слободу вмѣстѣ съ нѣкоторыми спутниками своего путешествія по Азіи.

Первые два дня посвящены были разборкѣ багажа, но лишь только это было покончено, Николай Михайловичъ съ Телешовымъ отправился въ лѣсъ на охоту. Просидѣли всю ночь, но ничего не убили, такъ какъ погода была очень плохая, да и время было еще раннее: тетерева токовали плохо, утокъ и вальдшнеповъ совсѣмъ не было.

Отказавшись временно отъ охоты, Николай Михайловичъ занялся своимъ

*) Николаю Михайловичу тогда было 46 лѣтъ.
**) Ѳиванскій герой, умирая, оставилъ своимъ согражданамъ двухъ *дочерей:* Левктру Монтинею.
***) 14-го марта 1886 г.

хозяйствомъ; садъ уже очищался отъ снѣга, сѣмена дынь и арбузовъ, привезенныхъ изъ Аксу, были посажены въ парники и вскорѣ дали отличные ростки.

Началось весеннее пробужденіе, и Николай Михайловичъ почти все время проводилъ въ саду и огородѣ.

Любуясь природою, онъ сожалѣлъ только о томъ, что его друзья-спутники отсутствовали: Роборовскій въ это время усиленно подготовлялся къ экзамену для поступленія въ академію генеральнаго штаба, а Козловъ—въ юнкерское училище.

Николай Михайловичъ очень часто писалъ имъ и сообщалъ о всякой мелочи касательно своей деревенской жизни, но въ то же время совѣтовалъ имъ крѣпиться, не увлекаться мечтами о деревнѣ и даже не думать объ ней, пока не доведутъ до конца своего дѣла.

«Зубри съ утра до вечера, иначе не успѣешь приготовиться. Не уступай передъ трудностями поступленія въ академію; въ этомъ вся твоя будущность,— писалъ онъ Роборовскому 20-го марта и тогда же соболѣзновалъ Козлову:

«Воображаю, какъ тебѣ бываетъ грустно при хорошей погодѣ! Но нечего дѣлать, нужно покориться необходимости. Твоя *весна* еще впереди, а для меня уже близится *осень*. Пожалуйста не часто пиши, лучше учись къ экзамену, послѣ же экзамена пиши каждую недѣлю».

Самъ Николай Михайловичъ, съ наступленіемъ настоящей весны, рѣдко бывалъ дома и жилъ почти экспедиціонною жизнью: днемъ охотился, вечеромъ билъ щукъ на прудѣ острогою, а ночевалъ въ лѣсу, подкарауливая глухарей...

«Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ,—писалъ онъ въ то время Ѳ. А. Фельдману *),—я жилъ жизнью экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома—все въ лѣсу, на охотѣ за рябчиками, глухарями и т. п. Вздохнулъ свободно и отошелъ послѣ петербургской суматохи. На-дняхъ примусь за писаніе».

Такимъ образомъ мирно текла жизнь въ Слободѣ среди деревенскихъ развлеченій. Разъ въ недѣлю, когда привозилась почта съ ближайшей станціи, теченіе ея нарушалось для хозяина-охотника. Каждый разъ привозили цѣлую кучу писемъ съ разныхъ концовъ Россіи, а также и изъ-за границы, и Николай Михайловичъ, перечитывая ихъ, оживалъ душою, такъ какъ многія письма: изъ Кашгара, Кяхты, Вѣрнаго, Зайсана, будили въ немъ массу живыхъ воспоминаній.

Въ одинъ изъ такихъ дней, именно 15 апрѣля, разбирая корреспонденцію, Пржевальскій былъ сильно заинтересованъ письмомъ непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ. К. С. Веселовскій просилъ Николая Михайловича немедленно съѣздить въ Смоленскъ и снять тамъ съ себя фотографическую карточку «непремѣнно въ профиль и безъ ретушовки» — эта фотографія, прибавлялъ г. Веселовскій, очень нужна для академіи, и исполненіемъ этой просьбы вы несказанно меня порадуете и обяжете».

*) 14-го апрѣля 1886 года.

«Зачѣмъ понадобилась такая карточка?»—терялся въ догадкахъ Николай Михайловичъ и, считая неловкимъ обратиться за разъясненіемъ къ самому Веселовскому, написалъ академику А. А. Штрауху, гдѣ просилъ объяснить, въ чемъ дѣло, и при этомъ прибавлялъ, что съѣздить теперь въ Смоленскъ по бездорожью — нельзя, такъ что исполнить просьбу г. секретаря онъ можетъ только лѣтомъ.

«Спросите у К. С. Веселовскаго, не годенъ-ли будетъ мой портретъ въ двѣ трети поворота головы; такой у меня есть и я могу его прислать».

Отвѣтъ, полученный отъ А. А. Штрауха, далеко не разсѣялъ его недоумѣнія; онъ только убѣдился, что отъ него что-то скрываютъ. А. А. Штраухъ писалъ, что портретъ въ двѣ трети поворота «для нашей цѣли не годенъ, а требуется непремѣнно портретъ въ полной профили».

«Надѣюсь,—прибавлялъ онъ,—что вы не откажетесь съѣздить въ Смоленскъ къ фотографу и доставить намъ необходимый портретъ въ теченіе мая, а самое позднее въ теченіе іюня мѣсяца, а то нашему художнику не хватитъ времени исполнить ту вещь, для изготовленія которой именно и нуженъ портретъ. Что это за вещь, вы вѣроятно давно отгадали, а подробности я сообщу черезъ нѣсколько времени».

Но Николай Михайловичъ не отгадалъ и, не считая возможнымъ продолжать теперь еще разспросы, отложилъ разъясненіе этого заинтриговавшаго его дѣла до поѣздки въ Петербургъ, которая предстояла не скоро, пожалуй, даже не раньше осени.

Однако, сложилось иначе, чѣмъ предполагалъ Николай Михайловичъ: 20 мая онъ получилъ телеграмму, въ которой его вызывали въ Петербургъ для присутствія въ особомъ комитетѣ по обсужденію принятія мѣръ на случай войны съ Китаемъ.

Захвативъ только что оконченную передъ тѣмъ свою записку подъ заглавіемъ «Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ», Пржевальскій помчался въ Петербургъ и явился на совѣщаніе во всеоружіи.

Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, который имѣлъ въ своихъ рукахъ, вѣроятно, всѣ документы, относящіеся къ этому вопросу, разсказывая въ своей біографіи Пржевальскаго объ этомъ засѣданіи, замѣчаетъ: «близость времени лишаетъ насъ возможности познакомить читателей какъ съ въ высшей степени интересной запиской Николая Михайловича, такъ и съ происходившими преніями. Будущій біографъ, разсказывая объ этомъ эпизодѣ жизни его съ большею подробностью, скажетъ, что голосъ Пржевальскаго имѣлъ рѣшающее значеніе» *).

Въ настоящее время въ виду послѣднихъ событій въ Китаѣ, приходится особенно пожалѣть, что не опубликованъ этотъ важный документъ.

«На совѣщаніяхъ,—писалъ Николай Михайловичъ Роборовскому **),—длив-

*) См. Дубровинъ, стр. 426.
**) 6 іюня 1886 г.

шихся часа по четыре, мое торжество было полное. Мой отчетъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Оппоненты, конечно, есть, но слабы они своимъ незнаніемъ».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Николай Михайловичъ узналъ, что 3 мая въ Академіи Наукъ происходило общее собраніе членовъ и на немъ читалось слѣдующее заявленіе, подписанное ординарными академиками: К. Веселовскимъ, А. Штраухомъ, Ф. Овсянниковымъ, Л. Шренкомъ, А. Фаминцынымъ, К. Максимовичемъ и Ф. Шмидтомъ *).

«Экспедиціи Николая Михайловича Пржевальскаго въ Центральную Азію составляютъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ исторіи ученыхъ путешествій вообще. Первымъ изъ европейцевъ, нашъ знаменитый путешественникъ проникъ въ центръ высокой нагорной Азіи и познакомилъ насъ съ мѣстностями, извѣстными до него, и то лишь отчасти, только по скуднымъ китайскимъ источникамъ. Тамъ онъ произвелъ цѣлый рядъ крайне важныхъ открытій и изслѣдованій, вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и за границей и поставившихъ имя его на ряду съ именами знаменитѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ и народовъ.

«Но Н. М. Пржевальскій отнюдь не довольствовался чисто географическими изслѣдованіями, какъ большинство другихъ путешественниковъ, а во всѣхъ совершенныхъ имъ экспедиціяхъ собралъ также и естественно-историческія коллекціи. Добытые имъ изумительно богатые зоологическіе и ботаническіе матеріалы дали намъ возможность опредѣлить составъ и характеръ фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ мы до того, въ этомъ отношеніи, не имѣли ни малѣйшаго представленія.

«Какъ извѣстно, зоологическія коллекціи Н. М. Пржевальскаго принесены имъ въ даръ Академіи и составляютъ, безусловно, самое важное и существенное обогащеніе, когда-либо поступившее въ нашъ музей. Въ виду этого мы полагаемъ, что Академіи надлежитъ выразить неутомимому путешественнику особенную признательность, и поэтому предлагаемъ конференціи для этой цѣли выбить въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изобразить портретъ путешественника съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*», а на оборотѣ слова: «*первому изслѣдователю природы Центральной Азіи 1886 г.*», окруженныя лавровымъ вѣнкомъ».

Предложеніе это было единогласно принято собраніемъ и постановлено было ходатайствовать о разрѣшеніи поднести такую медаль Пржевальскому. Это и была разгадка писемъ К. С. Веселовскаго и А. А. Штрауха, столь заинтересовавшихъ его въ деревнѣ.

8 іюля Пржевальскій снова уѣхалъ въ Слободу, гдѣ по прежнему все время проводилъ на охотѣ, рыбной ловлѣ или занимался устройствомъ своей усадьбы.

*) См. § 58 протокола засѣданія общаго собранія Академіи Наукъ, 3 мая 1886 года.

Работалъ же онъ очень мало, такъ что за все лѣто успѣлъ написать только одну главу: «Очеркъ современнаго положенія Центральной Азіи», которую отправилъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника». Статья эта вызвала обширное возраженіе со стороны г. Георгіевскаго, помѣщенное въ «Вѣстникѣ Европы» *).

Пржевальскій сначала не собирался отвѣчать на это возраженіе, но прочтя статью г. Георгіевскаго, послалъ въ «Новое Время» небольшое письмо для напечатанія.

«Въ бумагахъ Николая Михайловича,—говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ **),—сохранилось много писемъ отъ разныхъ лицъ, печатать которыя мы не имѣемъ права и возможности, лицъ, знакомыхъ съ Китаемъ и выражавшихъ сочувствіе къ поднятому Николаемъ Михайловичемъ вопросу».

Пржевальскій собирался усердно засѣсть за работу осенью. «Послѣ питерской каторги теперь отдыхаю въ деревнѣ и ни за что никуда не поѣду до глубокой осени»,—говорилъ онъ.

Однако, и теперь его предположенія не оправдались. Вскорѣ болѣзнь ноги заставила его противъ желанія съѣздить въ Москву, гдѣ онъ обратился къ доктору Остроумову.

Послѣдній объявилъ Николаю Михайловичу, что онъ «боленъ отъ избытка здоровья. Вашъ организмъ работаетъ отлично, но мускульнаго употребленія мало, и потому избытокъ отлагается въ видѣ жира, который замедляетъ кровообращеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла, отчего и происходитъ опухоль ногъ».

Докторъ Остроумовъ предписалъ Пржевальскому діэту и купаніе, посовѣтовалъ ему поменьше сидѣть за писаніемъ и непремѣнно найти себѣ переписчика, чтобы диктовать свое сочиненіе.

По возвращеніи въ Слободу Николай Михайловичъ сначала строго исполнялъ всѣ предписанія доктора и въ нѣсколько дней убавился въ вѣсѣ на 9 фунтовъ. Но потомъ почти все пошло по старому.

Что касается опухоли ногъ, то это его не особенно безпокоило послѣ объясненія доктора.

«Эту опухоль,—писалъ Николай Михайловичъ супругѣ брата Владиміра Михайловича, которая, безпокоясь о его здоровьи, приглашала пріѣхать къ нимъ на дачу,—вѣроятно, вылѣчитъ только пустыня, какъ то и было въ минувшую мою экспедицію.

«Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клѣткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди «*цивилизаціи*», гдѣ каждый человѣкъ, прежде всего, рабъ условій общественной жизни. Но просторъ въ пустынѣ — вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю. Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ своей дикой свободы..,»

---

*) 1887 г. №№ 7 и 8.

**) См. стр. 428.

«Еще разъ искренно васъ благодарю за вниманіе. По временамъ ласки пріятны и дикому звѣрю» *).

Пессимистическое отношеніе къ цивилизаціи и къ людямъ развилось теперь у Николая Михайловича до крайней степени.

Онъ находилъ, что даже и въ его слободѣ слишкомъ людно, и потому рѣшилъ закрыть винокуренный заводъ, составлявшій единственную крупную статью дохода въ имѣньи, «для возможно бо́льшаго личнаго уединенія».

«Счастливы вы въ Азіи,—писалъ Пржевальскій Николаю Ивановичу Толпыго **),—куда еще не проникла цивилизація европейская—великая вещь сама по себѣ, но совершенно непригодная въ нашихъ дикихъ мѣстахъ и вовсе неприложимая своими идеями къ нашему (русскому) дикому человѣку... Крестьяне, какъ и вездѣ, пьяницы и лѣнтяи; съ каждымъ годомъ все хуже и хуже. Къ чему только это приведетъ! Казакъ Телешовъ весьма мѣтко однажды мнѣ замѣтилъ: мы искали въ Азіи дикарей, но вотъ гдѣ живутъ дикари!»

«Беззаконіе и развратъ полные,—писалъ онъ въ то же время А. М. Лушникову,—я еще живу въ 80 верстахъ отъ желѣзной дороги, а вблизи этихъ дорогъ населеніе еще пакостнѣе».

«Отсутствіе власти и закона чувствуется особенно въ деревнѣ. Тамъ пьяный волостной писарь и безграмотный старшина безконтрольно властвуютъ. Плохо и очень! Изъ года въ годъ все хуже и хуже... Въ общественной жизни въ деревнѣ такая неурядица, такія беззаконія и такое торжество порока, какихъ нигдѣ не встрѣчалъ въ самыхъ дикихъ ордахъ Центральной Азіи ***)».

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи Николай Михайловичъ оставилъ свою Слободу и въ началѣ ноября 1886 г. прибылъ въ Петербургъ.

Здѣсь для него началась прежняя суетливая жизнь среди всевозможныхъ овацій и торжествъ.

2 декабря Пржевальскій окончилъ обработку и принесъ въ даръ музею Академіи Наукъ свою орнитологическую коллекцію и 29 числа того же мѣсяца приглашенъ былъ на годовое торжественное собраніе членовъ.

Этотъ день, небывалый еще въ исторіи Академіи, былъ полнымъ торжествомъ для Николая Михайловича, торжествомъ, выпадающимъ только на долю блестящихъ единицъ и двигателей науки ****).

Непремѣнный секретарь Академіи К. С. Веселовскій произнесъ блестящую рѣчь, выдержки изъ которой мы взяли эпиграфомъ настоящаго труда:

«Есть счастливыя имена...

«Тѣмъ менѣе имѣю я надобность, скажу даже—право, говорить о значеніи Пржевальскаго здѣсь передъ вами,—продолжалъ г. Веселовскій.—Да и что бы я

*) Письмо къ Софьѣ Алексѣевнѣ Пржевальской отъ 3 августа 1886 г., см. Дубровинъ, стр. 429.

**) 19 сентября 1886 г.

***) Письма отъ 16 мая къ Я. П. Шишмареву и барону Ѳ. Р. Остенъ-Сакену.

****) Дубровинъ, стр. 431.

могъ сказать для васъ новаго, вамъ неизвѣстнаго, даже если бы мнѣ приходилось въ пространной рѣчи развернуть передъ вами длинную одиссею этихъ многолѣтнихъ, нескончаемыхъ, опасныхъ странствованій по необозримымъ протяженіямъ неизвѣданныхъ еще странъ, гдѣ только одна непреклонная воля, находчивость и отвага помогли путешественнику одолѣвать всѣ препятствія, какими на каждомъ шагу преграждали ему путь то силы природы—высочайшіе на землѣ хребты горъ, съ ихъ холодомъ и бурями, или безбрежныя, безлюдныя пустыни, со всѣми ихъ азіатскими ужасами—удушливымъ зноемъ, безводіемъ, ураганами,—то, наконецъ, еще болѣе опасныя преграды — невѣжество, подозрительность и враждебность туземцевъ, а невѣжество есть также сила и даже очень большая, часто неодолимая. Были минуты и не разъ, когда при столкновеніи съ этою силою, одна смѣлость путешественника спасала его отъ вѣрной смерти, и я увѣренъ, что богатырски отстаивая себя въ этихъ случаяхъ, онъ не столько думалъ о спасеніи себя самого, сколько объ охраненіи тѣхъ научныхъ сокровищъ, которыхъ онъ былъ въ то время носителемъ.

«Да, всѣ лишенія, претерпѣнныя нашимъ путешественникомъ, всѣ опасности погибнуть въ неравной борьбѣ съ силами природы, сложить свою голову гдѣ-нибудь въ глухой пустынѣ, подъ ножемъ какого-нибудь темнаго азіатца—были жертвами, цѣною которыхъ были куплены неисчерпаемыя богатства для науки.

«Эти богатства зоологическія и ботаническія, составлявшія сами по себѣ цѣлый музей, были подарены имъ музею Императорской Академіи Наукъ и Императорскому ботаническому саду. Въ нихъ находится неисчерпаемый источникъ для изученія фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ до Пржевальскаго ученые не имѣли ни малѣйшаго представленія...

«Не смѣю,—прибавилъ К. С. Веселовскій въ заключеніе своей рѣчи,—поддаваться искушенію говорить далѣе о такой заманчивой темѣ, какъ заслуги Николая Михайловича. Я обязанъ быть краткимъ и потому скажу только, что имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ.

«Подносяему сегодня выбитую въ честь его медаль, Академія желала какъ бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великости услугъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, трудно доступныхъ пространствахъ земного шара».

Рѣчь эта произвела на Николая Михайловича необыкновенно сильное впечатлѣніе, и онъ долгое время послѣ этого находился въ крайне возбужденномъ состояніи.

«Вотъ прекрасный *некрологъ* для меня и готовъ,—повторялъ онъ;—теперь знаю, что̀ скажутъ послѣ моей смерти».

Между тѣмъ для него подготовлялось новое торжество — выставка всѣхъ его зоологическихъ коллекцій, устройство которой, однако, потребовало много вре-

мени, такъ что она готова была только ко 2-му февраля, когда ее посѣтилъ Государь Императоръ съ Августѣйшею супругой, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе князья Георгій и Владиміръ Александровичи.

4-го марта Николай Михайловичъ уѣхалъ въ свою Слободу и 9-го числа «для перваго дня весны», засѣлъ за описаніе путешествія. Съ этого времени онъ работалъ очень усидчиво, а въ промежутки между писаніемъ, занимался хозяйствомъ, устройствомъ усадьбы и постройкою дома.

Лѣтомъ 1887 года домъ былъ уже оконченъ вчернѣ, и Николай Михайловичъ не щадилъ денегъ для устройства обстановки по своему вкусу.

Домъ имѣлъ шесть комнатъ внизу и небольшой мезонинъ въ три комнаты.

У дверей изъ передней въ гостинную стояло чучело огромнаго тибетскаго медвѣдя, держащаго въ своихъ лапахъ подносъ, а надъ медвѣдемъ висѣлъ портретъ Николая Михайловича, нарисованный его другомъ А. А. Бильдерлингомъ *), и представляющій возвращеніе съ охоты съ богатой добычей. Въ столовой на стѣнахъ размѣщены были, подъ стеклянными колпаками, чучела птицъ, между прочимъ, великолѣпныхъ фазановъ, привезенныхъ изъ Азіи, а въ кабинетѣ, кромѣ письменнаго стола и прочей мебели, стоялъ роскошно отдѣланный шкафъ для ружей; въ спальнѣ на простой, желѣзной кровати лежалъ матрацъ, изготовленный изъ хвостовъ дикихъ яковъ, убитыхъ лично Николаемъ Михайловичемъ или его спутниками во время странствованій по Тибету.

«Такого матраца нѣтъ ни у кого изъ царей»,—съ гордостью говорилъ Николай Михайловичъ.

Дверь изъ гостинной вела на террасу, а оттуда въ роскошный садъ, въ которомъ, кромѣ всевозможныхъ фруктовыхъ деревьевъ, были разныя диковинки, вывезенныя изъ Азіи, какъ напр., гигантскій ревень, изъ Гань-су, хотанскія дыни и арбузы и др.

Въ саду этомъ устроены были дорожки, но повидимому исключительно для гостей, такъ какъ самъ Николай Михайловичъ никогда ими не пользовался, а всегда ходилъ напрямикъ.

Въ углу сада выстроена была «хатка»—маленькій домикъ, состоявшій изъ трехъ небольшихъ комнатъ.

Здѣсь Николай Михайловичъ проводилъ большую часть времени, когда былъ дома, здѣсь онъ работалъ, а нерѣдко и по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ «хатки».

*) Вскорѣ этому же самому Бильдерлингу пришлось еще потрудиться для своего друга... надъ составленіемъ проэкта *памятника* ему.

ГЛАВА ДВАДЦАДЬ ВТОРАЯ.

Пятая экспедиція. Смерть Пржевальскаго.

Соображенія о новой экспедиціи.—Программа 5-го путешествія.—Выходъ книги и ея пріемъ въ публикѣ.—Хлопоты о паспортѣ.—Политическія осложненія.—Настроеніе передъ отправленіемъ въ послѣднюю экспедицію. — Болѣзнь Макарьевны. — Отъѣздъ изъ Слободы. — Прощаніе въ Петербургѣ.—Сборы въ Пишпекѣ, Вѣрномъ, Караколѣ.—Роковая охота на берегахъ рѣки Чу.—Начало болѣзни, мрачныя мысли, безпокойное состояніе.—Переселеніе въ юрту.—Развитіе болѣзни, переѣздъ въ баракъ.—Послѣднія минуты.—Выборъ сообща мѣста могилы.—Похороны, надгробныя рѣчи. — Рѣчь П. П. Семенова, 1-го ноября 1888 г., въ экстренномъ засѣданіи И. Р. Г. О., сравненіе Николая Михаиловича съ богатыремъ русскихъ былинъ.—Памятники.

Описаніе четвертаго путешествія было еще далеко не закончено, а Пржевальскій уже мечталъ о новыхъ странствованіяхъ и съ тоской видѣлъ, что «блаженная минута» можетъ наступить лишь по окончаніи работы, которую онъ потому и торопился довести до конца. При этомъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ, «что онъ только тѣломъ въ Европѣ, а духомъ постоянно витаетъ въ Азіи».

«Какъ вы думаете,—спрашивалъ онъ еще весною Н. Ѳ. Петровскаго*),—можно ли *безъ приключеній* пройти черезъ Кашгаръ, Яркендъ, въ Хотанъ и Лобъ-норъ, а оттуда въ Тибетъ, отрядомъ человѣкъ въ тридцать? По моему, китайцы нарочно вызовутъ столкновеніе, чтобы затормозить путь въ Тибетъ. Положимъ, 30 молодцовъ достаточно, чтобы разнести нѣсколько тысячъ китайцевъ, но цѣль-то путешествія—посѣщеніе Тибета—не будетъ достигнута. А въ Лхассу дойти можно, только, конечно, силою; для этого именно нужно человѣкъ тридцать отчаянныхъ» **)...

«Думаю, — писалъ Николай Михайловичъ въ ноябрѣ I. Л. Фатѣеву, — еще разъ сходить въ Тибетъ, посмотрѣть теперь Далай-ламу. Нужно 20—30 стрѣлковъ и головою ручаюсь, что буду въ Лхассѣ. Пусть попробуютъ туда сходить синологи, со своею китайскою грамотою и плаксивыми проповѣдями мира».

Въ началѣ марта 1887 г. Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представилъ въ совѣтъ Географическаго общества проектъ пятаго своего путешествія въ Центральную Азію, на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ.

Продолжительность путешествія онъ предполагалъ въ два года и исходнымъ пунктомъ экспедиціи избралъ г. Караколъ въ Семирѣченской области. Отсюда Николай Михайловичъ предполагалъ выступить осенью будущаго 1888 г. и двинуться черезъ Тянь-шань на Аксу и Хотанъ, далѣе черезъ Кэрію въ Черченъ и Гасъ, гдѣ разсчитывалъ устроить складъ подъ охраною 7—8 казаковъ.

---

*) Въ письмѣ 8-го апрѣля 1887 г.

**) См. Дубровинъ, стр. 436.

Весну и лѣто 1888 г. онъ предполагалъ посвятить изслѣдованію сѣверо-западнаго Тибета къ югу и юго-западу отъ Гаса. Послѣ этого, по его проекту, собравшись снова въ Гасѣ, отдохнувъ и переснарядившись, экспедиція раннею весною двигается прямо къ Лхассѣ.

«Если пріемъ нашъ будетъ радушный,—писалъ онъ *),—то пойдемъ изслѣдовать восточную тибетскую провинцію Камъ.

Если же встрѣтимъ въ Лхассѣ недружелюбіе, то придется возвратиться отсюда тѣмъ или другимъ путемъ въ Цайдамъ, куда въ теченіе зимы 1889—90 гг. перейдетъ изъ Гаса и нашъ складъ.

«Весна и лѣто 1890 г. будутъ тогда посвящены, смотря по обстоятельствамъ, или изслѣдованіямъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, или въ Тибетѣ западномъ, по направленіи къ Ладаку. Позднею осенью того же 1890 г. путешествіе, вѣроятно, закончится».

Набросавъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ програму своего новаго путешествія, Николай Михайловичъ представилъ свои соображенія относительно способовъ приведенія въ исполненіе этой програмы и вѣроятной стоимости экспедиціи.

Онъ полагалъ необходимымъ въ составѣ отряда имѣть двухъ офицеровъ-помощниковъ, двухъ переводчиковъ **) двухъ препараторовъ, 15 солдатъ и 7 казаковъ.

Столь значительную численность отряда онъ обусловливалъ необходимостью оставлять охрану при складахъ, а также и для гарантіи безопасности при движеніи въ разбойничьихъ мѣстностяхъ и наконецъ, чтобы имѣть возможность не особенно церемониться съ китайцами и тибетцами, когда дойдетъ дѣло до посѣщенія Лхассы. Стоимость экспедиціи исчислена была имъ, не считая получаемаго по службѣ содержанія участниковъ, въ почтенную цифру 48,520 рублей.

Предоставивъ свой проектъ въ Географическое общество, Николай Михайловичъ одновременно подалъ докладную записку военному министру, генералъ-адъютанту П. С. Ванновскому, и просилъ исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на командированіе его въ Тибетъ на два года.

Ходатайство Пржевальскаго было доложено министромъ Государю и 15-го апрѣля уже послѣдовало высочайшее утвержденіе.

Въ составъ экспедиціи были назначены: поручикъ Роборовскій, подпоручикъ Козловъ и 24 нижнихъ чина солдатъ и казаковъ, отпущены были прогонныя деньги отъ Петербурга до Каракола, оружіе и боевые припасы, научные инструменты.

Въ то же время по ходатайству Географическаго общества разрѣшено было отпустить изъ государственнаго казначейства средства экспедиціи: 48,520 руб.,

*) См. Дѣло Географическаго общества, 1888 г., № 12.
**) Одного для тюркскаго, другого для монгольскаго языковъ.

которые по желанію Государя выданы были золотомъ и серебромъ, что съ курсовою разницею составило 63,600 руб. кредитныхъ, а вмѣстѣ съ прогонными и содержаніемъ, выданнымъ впередъ также звонкою монетою, составило громадную цифру 80,335 руб. кредитныхъ.

Когда организація новаго путешествія была такимъ образомъ обезпечена, Николай Михайловичъ вернулся въ Слободу и съ удвоенной энергіей принялся за свою работу, чтобы поскорѣе развязать руки для новыхъ подвиговъ.

Необыкновеннымъ напряженіемъ и усидчивостью ему удалось достигнуть того, что въ началѣ августа уже окончено было печатанье его книги, которая появилась подъ заглавіемъ: «От ъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъноръ по бассейну Тарима» *).

Теперь уже ничто больше не мѣшало Николаю Михайловичу начать приготовленія къ новому путешествію, къ которому уже давно стремились его помыслы.

Однако, на этотъ разъ организація экспедиціи, столь значительной по своимъ размѣрамъ, встрѣтила еще болѣе препятствій, чѣмъ всѣ предыдущія.

Китайское правительство сначала рѣшительно отказалось выдать паспортъ для путешествія въ Тибетъ, указывая на многочисленность конвоя, который предполагалъ съ собою взять Николай Михайловичъ, а къ этому прибавляли и прежнія отговорки: о невозможности обезпечить безопасность путешественниковъ, о подозрительности тибетцевъ къ иностранцамъ и т. п.

Дѣйствительною причиною отказа въ паспортѣ было, конечно, нежеланіе допустить Пржевальскаго въ Тибетъ, который китайцы особенно ревниво оберегали отъ европейцевъ, а тѣмъ болѣе отъ русскихъ, вліяніе которыхъ въ Тибетѣ для китайскихъ государственныхъ людей кажется особенно опаснымъ. При томъ же Пржевальскаго, огласившаго на весь свѣтъ въ своихъ сочиненіяхъ многія темныя и слабыя стороны Китая, совѣтники Богдо-хана сильно не долюбливали и его, болѣе чѣмъ какого-либо другого изслѣдователя, не рѣшались пустить въ столицу Далай-ламы.

Впрочемъ, на этотъ разъ у китайцевъ и среди европейскихъ великихъ державъ нашлись союзники и единомышленники..

Англичане очень непріязненно отнеслись къ новому путешествію Пржевальскаго въ Тибетъ. Встревоженныя лондонскія газеты указывали на странное, по ихъ мнѣнію, совпаденіе этого путешествія съ обостреніемъ отношеній между Англіей и Тибетомъ. Политика всѣхъ азіатскихъ государствъ, — говорилось въ инспирируемой англійской прессѣ,—основана на соперничествѣ между Англіей и

*) Сознавая, что опубликованіемъ научныхъ результатовъ своихъ путешествій (объ этихъ весьма важныхъ трудахъ см. дальше) онъ всецѣло обязанъ покровительству Государя Наслѣдника Цесаревича, Пржевальскій ходатайствовалъ о дозволеніи посвятить ему свой послѣдній трудъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

Россіей, и вотъ теперь какъ разъ въ Лхассѣ начинаютъ обнаруживаться симпатіи къ послѣдней. Газеты присовокупляли, что Россія всегда очень искусно умѣла пользоваться сочувствіемъ, проявляющимся къ ней у азіатскихъ народовъ, и весьма вѣроятно, что новая экспедиція Пржевальскаго имѣетъ цѣлью именно поощрить тибетцевъ къ сопротивленію Англіи.

Континентальныя газеты также толковали о предстоящей новой экспедиціи Пржевальскаго и обсуждали безпокойство Англіи.

«Въ Лондонѣ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ отрядѣ, которому поручено прогнать изъ Сиккима вторгнувшихся туда тибетцевъ, — говорилось въ брюссельской газетѣ «Indépendance Belge» *). — Извѣстія эти ожидаются съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что положеніе угрожаетъ, повидимому, осложниться вмѣшательствомъ иностранной державы...

«Путешествіе генерала Пржевальскаго предпринимается, будто бы, исключительно съ научною цѣлью, тѣмъ не менѣе оно сильно обезпокоиваетъ британскихъ государственныхъ дѣятелей своимъ совпаденіемъ съ военными дѣйствіями въ Сиккимѣ, такъ что въ англійскихъ политическихъ сферахъ усматриваютъ въ экспедиціи генерала Пржевальскаго политическое, а можетъ быть даже военное значеніе, и полагаютъ, что она предпринята съ цѣлью создать новыя затрудненія для Англіи.

«Россія давно уже нашла слабую сторону индо-британской имперіи на сѣверо-западной индійской границѣ съ Афганистаномъ.

«Вторженіе тибетцевъ въ Сиккимъ свидѣтельствуетъ о существованіи другого слабаго пункта на сѣверо-восточной ея границѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Россія пожелаетъ этимъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ предполагаютъ, что экспедиція генерала Пржевальскаго предпринята не безъ задней мысли. Въ Лондонѣ убѣждены, что русскій генералъ, по прибытіи въ Лхассу, не преминетъ заключить секретный договоръ съ Далай-ламой»...

«Для Англіи,—сообщаетъ далѣе газета,—это тѣмъ болѣе прискорбно, что она не имѣетъ въ виду завоевывать Тибетъ. Правда, что, поколотивъ тибетцевъ, британское правительство могло бы установить надъ нимъ свой протекторатъ» **)...

Всѣ эти осложненія очень безпокоили Николая Михайловича, но такъ какъ по его разсчетамъ медлить было нельзя и необходимо было отправляться именно осенью, то онъ рѣшился дѣйствовать напроломъ и хотѣлъ просить Высочайшаго разрѣшенія идти безъ китайскаго паспорта.

Однако, къ такой крайней мѣрѣ не пришлось прибѣгнуть, такъ какъ китайское правительство, наконецъ, уступило энергичному требованію русскаго посланника и выдало паспортъ Пржевальскому, хотя и съ большими оговорками.

*) 1888 г., 8-го сентября (27-го августа ст. ст.).
**) См. Дубровинъ, стр. 441, 442.

«Въ виду полученія отъ вашего превосходительства новаго и убѣдительнаго письма, — писали министры нашему посланнику въ Пекинѣ, г. Кумани, — правительству остается только скрѣпя сердце (черезъ силу) согласиться на выдачу охраннаго листа. Но только при этомъ мы замѣтимъ, что въ мѣстахъ, гдѣ въ разговорѣ не будутъ понимать другъ друга и гдѣ письменность другая (т. е. не китайская), этотъ листъ будетъ безполезенъ...

«Въ виду только что открывшейся вражды тибетцевъ съ англичанами, — говорилось далѣе въ посланіи министровъ,—нельзя разсчитывать на повсемѣстную безопасность русскихъ, вслѣдствіе того, что у нихъ есть охранный листъ...

«Однимъ словомъ, въ этотъ разъ, при непремѣнномъ желаніи ученаго путешественника проникнуть изъ Хотана далѣе, положительно трудно поручиться за то, что онъ не встрѣтитъ опасностей. А потому китайское правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за случайности».

Паспортъ выданъ былъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы конвой Пржевальскаго не превышалъ 16 человѣкъ, хотя лично посланнику было заявлено, что путешественникъ и помимо этого числа можетъ добавить нѣсколько человѣкъ прислуги.

«Для насъ не вполнѣ ясно, говорилось въ томъ же заявленія министровъ *), беретъ ли съ собой русскій офицеръ Пржевальскій солдатъ или прислугу. Если это солдаты, то министерству трудно было бы на это согласиться. Если же это прислуга, то двухъ десятковъ намъ кажется слишкомъ много, потому что когда людей много, то это вызываетъ изумленіе и весьма легко можетъ повести къ непріятнымъ исторіямъ. Если же смотрѣть на нихъ, какъ на людей необходимыхъ на случай опасности, то, въ случаѣ таковой, 20 человѣкъ прислуги дѣлу не помогутъ, а въ спокойное время они будутъ только пугать мѣстное населеніе.

«Изъ продолжительнаго пребыванія въ Китаѣ, добавляли министры въ заключеніе, ваше превосходительство безъ сомнѣнія убѣдились, что противъ нравовъ китайскаго населенія и мѣстныхъ обычаевъ трудно идти».

Друзья и спутники Николая Михайловича замѣчали, что собираясь въ пятое путешествіе онъ не выказывалъ такого увлеченія, какъ раньше.

Передъ самымъ отправленіемъ изъ Петербурга онъ получилъ извѣстіе, что неизмѣнный спутникъ всѣхъ его путешествій по Центральной Азіи урядникъ Дондокъ Иринчиновъ на этотъ разъ отказывается принять участіе въ экспедиціи, такъ какъ не надѣется на свои силы, чувствуетъ себя не въ состояніи перенести всѣ невзгоды и лишенія экспедиціонной жизни.

— Я увѣренъ,—говорилъ Иринчиновъ,—что если пойду въ экспедицію, то домой не вернусь.

На Николая Михайловича отказъ Иринчинова произвелъ глубокое и тяже-

---

*) Тамъ же, стр. 446.

лое впечатлѣніе; лишеніе такого спутника сильно его огорчало, хотя онъ и признавалъ справедливость его доводовъ.

— Умно Иринчиновъ сдѣлалъ,—говорилъ Пржевальскій —онъ умнѣе меня въ этомъ случаѣ: нравственно я тоже чувствую себя слабымъ.— Самъ-то я довольно здоровъ, хотя, конечно, теперь далеко не та сила физическая, какая была въ молодые годы; теперь мнѣ 49 лѣтъ, за то опытности много.

Однажды весною Николай Михайловичъ встрѣтилъ поручика г. Артамонова, который кому-то изъ офицеровъ по линіямъ руки предсказывалъ будущность, и протянулъ ему свою руку.

— Вы думаете образно,—сказалъ ему г. Артамоновъ,—никогда не забываете друзей, но жизнь ваша будетъ коротка.

Пржевальскій тогда не обратилъ вниманія на это предсказаніе и только замѣтилъ, что совершенно справедливо г. Артамоновъ замѣтилъ про его способъ мышленія.

Но за недѣлю передъ тѣмъ, какъ выѣхать изъ Петербурга, въ разговорѣ со своимъ другомъ І. Л. Фатѣевымъ, Николай Михайловичъ вдругъ вспомнилъ про предсказаніе недолговѣчности.

Вообще, отправляясь въ пятое путешествіе, Пржевальскій довольно часто подумывалъ о томъ, что, быть можетъ, онъ назадъ не вернется.

Въ іюлѣ 1888 г. Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ свою Слободу и началъ дѣлать приготовленія къ предстоящему отъѣзду.

Какъ разъ въ это время къ его великому огорченію у его любимой няни Макарьевны началась серьезная болѣзнь—воспаленіе почекъ, и по мнѣнію доктора надежды на выздоровленіе не было.

Николай Михайловичъ сильно опечаленъ былъ этимъ, и еще тяжелѣе ему было покидать Слободу при такихъ обстоятельствахъ.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 5 августа. Сборы всѣ были уже заранѣе окончены и вещи отправлены на станцію, но Николай Михайловичъ не торопился уѣхать. Въ этотъ день онъ всталъ ранѣе обыкновеннаго, чуть свѣтъ, и, не сказавъ никому изъ пріѣхавшихъ прощаться сосѣдей и друзей ни слова, черезъ балконъ вышелъ въ садъ, гдѣ долго ходилъ, обошелъ всѣ любимые уголки, побывалъ и въ хаткѣ, гдѣ постоянно работалъ, прошелъ еще разъ по саду, часто останавливаясь, словно прощаясь съ каждымъ деревцомъ... На глазахъ его видны были слезы.

Прощаніе съ друзьями было очень грустное, въ особенности съ няней Макарьевной.

— «Въ послѣдній разъ!» могла только вскрикнуть старушка среди душившихъ ее рыданій.

Николай Михайловичъ просилъ ее благословить себя и старался утѣшить, обѣщая вернувшись изъ этой послѣдней экспедиціи, зажить въ Слободѣ уже совершенно покойною жизнью.

Перецѣловавъ со слезами на глазахъ всѣхъ присутствующихъ не исключая и рабочихъ и ихъ дѣтей, Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ вышелъ на балконъ и здѣсь на одной изъ колоннъ написалъ краснымъ карандашомъ: «5 августа 1888 г. До свиданія, Слобода. Н. Пржевальскій».

Затѣмъ, подозвавъ своихъ спутниковъ: В. И. Роборовскаго, П. К. Козлова, казаковъ Телешова и Нефедова, приказалъ имъ написать свои фамиліи на той же колоннѣ *).

Когда усѣлись въ экипажи и тронулись въ путь, Николай Михайловичъ все смотрѣлъ на Слободу, обернувшись назадъ и когда его любимое озеро Сопша стало уходить изъ глазъ, онъ воскликнулъ: «Ну, теперь прощай мое любимое озеро!»

Въ среду, 10 августа, Пржевальскій представлялся въ Петергофѣ Государю Императору и поднесъ свою книгу: «Четвертое путешествіе въ Центральную Азію».

«Пріемъ былъ такой милостивый,—писалъ онъ **),—о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали, какъ роднаго».

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ просилъ Пржевальскаго писать и вообще почаще давать о себѣ знать.

Послѣдніе дни пребыванія въ Петербургѣ квартира Николая Михайловича имѣла видъ амбара, въ которой сложены самыя разнообразныя вещи; сюда сносились лопаты, капканы, книги, инструменты, деревянныя чашки, разнаго вида и устройства ящики, пакеты, свертки... Все это сортировалось, укладывалось и запаковывалось при личномъ наблюденіи Николая Михайловича и при неутомимомъ содѣйствіи его спутниковъ.

18 августа друзья и знакомые, а также безчисленная толпа публики собрались на Николаевскомъ вокзалѣ провожать знаменитаго путешественника, отправляющагося совершать новые подвиги. Несмотря на то, что Николай Михайловичъ всѣми силами старался скрыть день своего отъѣзда, во всѣхъ столичныхъ газетахъ появилось сообщеніе объ этомъ; на вокзалѣ собралась цѣлая армія газетныхъ репортеровъ, но такъ какъ тѣсно сплоченный кругъ друзей препятствовалъ имъ накинуться на самого Николая Михайловича, то они осадили В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова, засыпавъ ихъ разными вопросами.

Наконецъ путешественники сѣли въ вагоны, раздалось послѣднее «прощайте», и поѣздъ тронулся.

Николай Михайловичъ высунулся изъ окна вагоны и обращаясь къ Ѳ. Д. Плеске крикнулъ: «если меня не станетъ, то обработку птицъ поручаю вамъ!»

Въ Москвѣ Николая Михайловича нагнала телеграмма, извѣстившая о смерти Макарьевны.

*) Послѣ смерти Пржевальскаго надписи эти заключены въ стеклянную рамку.
**) Е. С. Денисову 17 августа и О. А. Пржевальской 22 августа.

Вѣсть эта такъ взволновала его, что онъ даже хотѣлъ возвратиться въ Слободу на похороны, и отъ этого его удержало только сознаніе, что для успѣха экспедиціи необходимо спѣшить, да кромѣ того онъ сознавалъ, что поѣздка въ Слободу слишкомъ сильно его разстроитъ.

Сдѣлавъ усиліе, Николай Михайловичъ переломилъ себя и 24 августа путешественники отправились по Нижегородской желѣзной дорогѣ.

«Въ 4 часа, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,—почтовый поѣздъ повезъ меня въ пятое путешествіе по Центральной Азіи. Радость великая!,. Опять впереди свобода и дѣло по душѣ... Но для успѣха его необходимо прежнее счастье, которое да не отвратится и нынѣ отъ меня»...

На слѣдующій день путешественники сѣли въ Нижнемъ на пароходъ и въ двѣ недѣли прокатили внизъ по Волгѣ, Каспію и далѣе по Закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда, куда прибыли 7 сентября, сдѣлавъ 5,000 верстъ.

Закаспійская желѣзная дорога чрезвычайно понравилась Николаю Михайловичу. «Словно въ сказкѣ, писалъ онъ Ѳ. А. Фельдману *) несешься по сыпучимъ пескамъ или по безплодной и безводной соляной равнинѣ. Послѣ первой ночи ѣзды отъ Каспія является Кизылъ-Арватъ, къ вечеру того же дня Асхабадъ, на завтра утромъ Мервъ, Бухара, и такъ далѣе до Самарканда.

Вообще Закаспійская дорога созданіе смѣлое и съ большимъ значеніемъ въ будущемъ»...

Въ Самаркандѣ Николая Михайловича встрѣтилъ его сводный братъ Н. И. Толпыго, на квартирѣ котораго онъ и остановился.

11-го сентября путешественники отправились далѣе и на слѣдующій день прибылъ въ Ташкентъ.

«Теперь для насъ одинъ маршрутъ,—говорилъ Николай Михайловичъ провожавшему его Толпыго,—впередъ до Лхассы; черезъ два года увидимся.

Въ городѣ Пишпекѣ, куда Пржевальскій со своими спутниками прибылъ 23 сентября, ему особенно понравилась предупредительность уѣзднаго начальника С. М. Махонина и городничаго К. Н. Крупеникова, которые, зная не любовь Пржевальскаго къ городской жизни, приготовили за городомъ 4 юрты. Николай Михайловичъ съ великимъ удовольствіемъ размѣстился въ нихъ съ своими товарищами по экспедиціонному.

Три дня провозился здѣсь Николай Михайловичъ, выбирая верблюдовъ для экспедиціи; ихъ требовалось 120, но къ 26 числу успѣли выбрать лишь 43; остальные оказались ненадежными.

26 сентября въ сопровожденіи Роборовскаго Николай Михайловичъ отправился въ Вѣрный, чтобы выбрать тамъ солдатъ для экспедиціи.

Во время пути въ бесѣдѣ со своимъ спутникомъ онъ развивалъ планы

---

*) 10 сентября 1888 г.

редстоящаго путешествія и заглядывалъ также въ будущее. При этомъ онъ по ольшей части приходилъ къ мрачнымъ заключеніямъ.

— Если путешествіе окончится благополучно,—говорилъ онъ Всеволоду Івановичу,—то жизнь моя будетъ самая тяжелая. Я привыкъ къ дѣятельности і не могу сидѣть дома; меня томитъ и давитъ покой, я долженъ по природѣ ѕсегда бороться въ достиженіи заданной себѣ цѣли. А тутъ старость, упадокъ ;илъ и толстота не позволяютъ мнѣ дѣлать то, къ чему стремиться душа. Самая грустная будущность ожидаетъ меня на старости. Съ завистью смотрю я на тебя съ Козловымъ,—вотъ бы мнѣ ваши лѣта, я бы все отдалъ. Ваша жизнь еще впереди и послѣ путешествія вы можете продолжать ее, а мнѣ придется развѣ только давать совѣты и наставленія.

«Нѣсколько разъ,—разсказываетъ В. И. Роборовскій, возвращался Николай Михайловичъ и къ мыслямъ о смерти. Онъ говорилъ, что больше всего желалъ бы умереть не дома, а гдѣ-нибудь въ путешествіи, на рукахъ отряда, который онъ называлъ «*нашей семьей*».

Подъѣзжая 3-го октября къ Пишпеку, Пржевальскій видѣлъ много фазановъ и рѣшилъ завтра же явиться сюда на охоту. Дѣйствительно отправившись на станцію Константиновскую около полудня, онъ проохотился до ночи и на столько удачно, что сопровождавшій его казакъ принесъ цѣлый мѣшокъ убитыхъ фазановъ.

— Ну, потѣшился же я,—говорилъ онъ Роборовскому,—пострѣлялъ сегодня на первый разъ хорошо; завтра чуть свѣтъ еще пойдемъ. Только ужасно жарко, совсѣмъ вспотѣлъ.

Слѣдующій день Николай Михайловичъ почти весь провелъ на охотѣ; было на столько жарко, что китель и бѣлье сдѣлались совершенно мокрыми отъ пота. При этомъ онъ все время пилъ воду изъ рѣки Чу, которая даже и у туземцевъ считается вредною въ сыромъ видѣ.

Вообще мѣстность около Пишпека, а въ особенности въ кустарниковыхъ поросляхъ, гдѣ охотился Николай Михайловичъ на фазановъ,—болотистая и нездоровая, а всю зиму 1887 г. между киргизами, живущими здѣсь, свирѣпствовалъ тифъ.

Возвратившись поздно вечеромъ съ охоты на станцію, Николай Михайловичъ засталъ готовый самоваръ, но по привычкѣ сгоряча выпилъ двѣ бутылки холодной «запивки» *).

Ночью ему показалось жарко, и онъ открылъ окно. Утромъ Пржевальскій опять сходилъ на охоту, но скоро возвратился, такъ какъ ему все казалось слишкомъ жарко; между тѣмъ другіе совсѣмъ этого не ощущали.

---

*) Какъ дома, такъ по мѣрѣ возможности и въ экспедиціи, Пржевальскій больше всего пилъ такъ называемую „запивку“, которая приготовлялась изъ холоднаго чая съ сахаромъ и клюквеннымъ морсомъ. Въ жаркое время онъ пилъ почти исключительно запивку и въ послѣднюю экспедицію взялъ съ собою 40 бутылокъ клюквеннаго экстракта.

Въ Пишпекѣ Пржевальскій оставался еще нѣсколько дней, выбирая верблюдовъ, а 10 октября прибылъ въ Караколъ.

На слѣдующій день утромъ туда же прибыли Роборовскій и Козловъ. На замѣчаніе ихъ, что онъ успѣлъ уже побриться, Николай Михайловичъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица отвѣтилъ:

«Да, братцы! Я видѣлъ себя сегодня въ зеркалѣ такимъ сквернымъ, старымъ, страшнымъ, что просто испугался и поскорѣе побрился» *).

— Завидую тебѣ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Роборовскому,—какой ты здоровый!

Нѣсколько страннымъ показалось спутникамъ такое замѣчаніе.

Вскорѣ они замѣтили, что Николаю Михайловичу не нравится ни одна квартира, и за одинъ день онъ перемѣнилъ ихъ четыре, хотя и послѣднею былъ также не доволенъ. Одна казалась ему сырою, другая темною, въ третьей «давили стѣны и потолокъ» и т. п.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, надо посмотрѣть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по экспедиціонному...

Роборовскій съ казакомъ Телешовымъ отправились за городъ и около Каракольскаго ущелья выбрали широкую площадку, возлѣ которой проходилъ рукавъ чистой воды р. Каракола. Николай Михайловичъ поѣхалъ самъ взглянуть, и мѣсто это ему очень понравилось. Онъ самъ указалъ, гдѣ разбить юрты, гдѣ устроить кухню, гдѣ сложить вещи и проч., но все это время, по словамъ Роборовскаго, былъ раздражителенъ и въ мрачномъ расположеніи духа. 14-го октября путешественники со всѣмъ отрядомъ и съ багажемъ переселились изъ города на бивуакъ, и Николай Михайловичъ написалъ свой первый приказъ по экспедиціонному отряду. Здѣсь онъ перечислялъ поименно всѣхъ лицъ, вошедшихъ въ его составъ, распредѣлилъ между ними занятія во время путешествія и проч.

«Итакъ,—писалъ онъ въ заключеніе **),—начинается наше путешествіе. Дѣло это будетъ трудное, но зато и славное. Теперь мы на виду не только всей Россіи, но даже цѣлаго свѣта. Покажемъ же себя достойными такой завидной участи и сослужимъ для науки службу молодецкую...

«Впереди, на цѣлые два года, насъ ждетъ непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и опасностей, но помните, что смѣлымъ Богъ владѣетъ и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадаютъ».

Перебравшись къ полудню 14 октября на бивуакъ, Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного человѣка и жаловался, что ему нездоровится, хотя и не соглашался пригласить доктора.

— Не въ первый разъ это,—говорилъ онъ,—и такъ пройдетъ.

Тѣмъ не менѣе изъ юрты онъ уже почти не выходилъ, отчасти, впрочемъ,

---

*) См. Дубровинъ, стр. 461.
**) Тамъ-же, стр. 462.

и потому, что началась дурная погода, шелъ дождь, а потомъ повалилъ снѣгъ, покрывшій землю сплошнымъ покровомъ.

Николай Михайловичъ провелъ цѣлый день въ полулежачемъ положеніи въ самомъ мрачномъ настроеніи, часто самъ себѣ измѣрялъ температуру и отсчитывалъ свой пульсъ.

Къ вечеру навѣстить его пріѣхалъ изъ города штабсъ-капитанъ Хацитовскій, у котораго Пржевальскій очень много разспрашивалъ, часто ли бываетъ въ Караколѣ *тифъ*, въ какихъ формахъ проявляется, и т. д.

Ночь съ 15 на 16 октября Николай Михайловичъ провелъ очень неспокойно и утромъ чувствовалъ себя еще хуже, чѣмъ раньше, но выйдя изъ юрты и увидавъ на сосѣднемъ косогорѣ сидящаго чернаго грифа, не вытерпѣлъ: попросилъ принести ружье и выстрѣлилъ. Когда грифъ покатился мертвымъ, Николай Михайловичъ оживился, послалъ за нимъ и началъ расправлять крылья и перья, любуясь могучею птицей.

На слѣдующее утро состояніе ухудшилось настолько, что Николай Михайловичъ согласился, наконецъ, пригласить доктора. В. И. Роборовскій тотчасъ же поѣхалъ въ городъ и привезъ Ив. Ив. Крыжановскаго, который тщательно изслѣдовалъ больного и прописалъ лекарство.

Къ утру положеніе немного улучшилось. Пріѣхавшій докторъ настаивалъ на переселеніи въ городъ. Жизнь въ холодной нетопленной *) юртѣ, постоянное нахожденіе въ мѣховой одеждѣ, лежаніе на кошмахъ, разостланныхъ прямо на сырую землю—все это по его мнѣнію могло только ухудшить и безъ того опасное положеніе больного; при такихъ условіяхъ болѣзнь не поддавалась леченію.

Николай Михайловичъ согласился, наконецъ, перебраться въ домъ, но только съ условіемъ, если подходящее помѣщеніе найдется за городомъ и притомъ такое, чтобы въ ближайшемъ сосѣдствѣ могъ расположиться и весь экспедиціонный отрядъ съ багажемъ и верблюдами.

Докторъ тотчасъ же пріискалъ строеніе, удовлетворяющее всѣмъ этимъ условіямъ. Это былъ баракъ каракольскаго лазарета—каменное, высокое, сухое и теплое зданіе.

Немедленно же сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія: стѣны выбѣлены, полъ вымытъ, весь баракъ протопленъ и провентилированъ; на дворѣ поставлены юрты для отряда, вещи сложены во дворѣ, обнесенномъ деревьями, а верблюды пущены на пастьбу на сосѣдней прекрасной открытой лужайкѣ, которую можно было видѣть изъ оконъ барака.

Все это сдѣлано было во вторую половину дня 17 октября, а въ 9 ча-

*) Николай Михайловичъ, несмотря на холодъ, не позволялъ топить въ своей юртѣ, такъ какъ ему больно было смотрѣть на мерцающій огонь, да кромѣ того, ѣдкій дымъ, наполнявшій юрту при разведеніи огня, затруднялъ дыханіе, а когда дрова хорошо разгорались, то сразу становилось жарко.

совъ утра 18 числа верховой казакъ привезъ доктору Крыжановскому записку отъ Роборовскаго, съ просьбой поспѣшить къ больному, такъ какъ у него съ 8 часовъ, не переставая, идетъ кровь изъ носа.

Пославъ съ тѣмъ же казакомъ указаніе, какъ поступить до его пріѣзда, г. Крыжановскій заѣхалъ къ старшему врачу каракольскаго лазарета, къ г. Барсову, и оба они поспѣшили на экспедиціонный бивуакъ.

Николай Михайловичъ находился въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, за которымъ послѣдовалъ обильный потъ и сильное изнуреніе.

— Воздуху не хватаетъ!—твердилъ страдалецъ.

Почувствовавъ себя послѣ этого немного лучше, Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе перебраться въ баракъ. Ему надѣли шубу и валенки, посадили въ тарантасъ и шагомъ перевезли до приготовленнаго помѣщенія, которое ему понравилось.

Здѣсь силы какъ будто немного возстановились, появился аппетитъ, и Николай Михайловичъ скушалъ тарелку куринаго супу и выпилъ немного вина.

Въ $12^1/_2$ ч. ночи пришелъ докторъ, которому больной жаловался, что «животъ давитъ ему грудь и мѣшаетъ дышать»; замѣтенъ былъ большой упадокъ силъ. Николай Михайловичъ слегка дремалъ и бредилъ, все объ экспедиціи *). Приходя по временамъ въ сознаніе, онъ совершенно твердымъ голосомъ говорилъ окружавшимъ его спутникамъ о близости своей смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти,—говорилъ онъ,—и нѣсколько разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней.

Замѣчая при этомъ слезы на глазахъ окружающихъ, онъ называлъ ихъ «бабами».

Сознавая свой скорый конецъ, Николай Михайловичъ дѣлалъ послѣднія распоряженія.

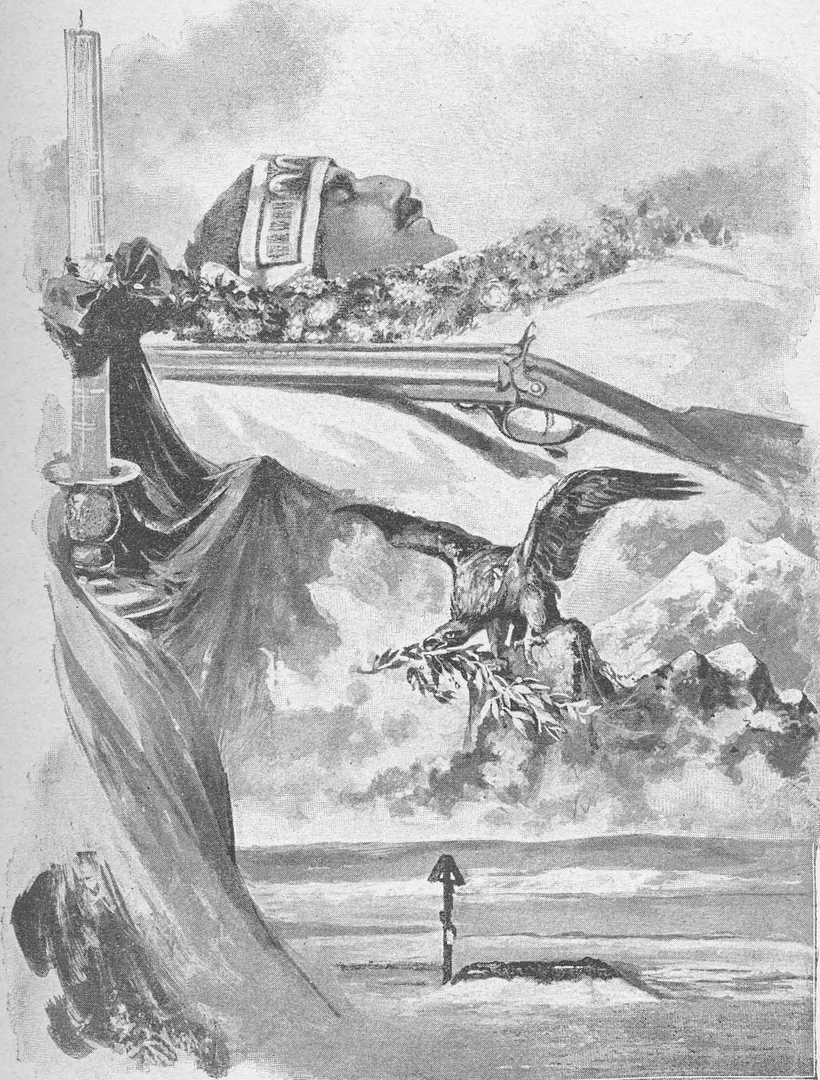
— Похороните меня,—завѣщалъ онъ,—непремѣнно на Иссыкъ-кулѣ, на берегу, но чтобъ не размыло водою. Надпись просто «*Путешественникъ Пржевальскій*». Положить въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ; пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты,—обратился онъ къ Роборовскому,—сними съ меня фотографію съ ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Перде— Козлову. Слободу передаю Владиміру Михайловичу въ маіоратъ Володѣ, чтобы она не продавалась. Если Володя откажется, то дочери Евгенія Михайловича— Лелѣ, въ ея родъ и тоже маіоратомъ... Книги мои, млекопитающихся—Бихнеру, птицъ—Плеске...

— Скажите, докторъ,—обратился онъ вдругъ къ г. Крыжановскому, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—скоро ли я умру? Мнѣ надо многое передать. Вы меня не испугаете, если скажете правду; смерти я не боюсь нисколько.

Докторъ старался, какъ могъ, успокоить страдальца.

---

*) В. И. Роборовскій „Послѣдніе часы Н. М. Пржевальскаго".

Н. М. Пржевальскій на смертномъ одрѣ и его могила на берегу Иссыкъ-Куль.

— Ну, въ такомъ случаѣ я все скажу завтра,—проговорилъ онъ,—завтра пошлемъ и телеграммы.

Такъ прошла ночь на 20 октября до 5 часовъ, когда Николай Михайловичъ заснулъ, но не болѣе какъ на $1^1/_2$ часа. Здѣсь же на полу уснулъ на это короткое время и докторъ, измученный двумя безсонными ночами, проведенными у постели больного.

Въ седьмомъ часу жаръ снова началъ усиливаться, и термометръ показывалъ 40,5° Ц.

Къ 8 часамъ Николаю Михайловичу стало совсѣмъ худо; онъ безпрестанно бредилъ и лежалъ, прикрывъ глаза руками. По выраженію нижней части лица можно было замѣтить, что онъ плакалъ. По указанію доктора спутники вытирали все тѣло страдальца уксусомъ. Мучился несчастный очень сильно, опять наступилъ пароксизмъ, на этотъ разъ роковой...

Бредъ, преимущественно о различныхъ предметахъ, касающихся экспедиціи, все усиливался; лишь на короткіе моменты больной приходилъ въ сознаніе...

Вдругъ Николай Михайловичъ вскочилъ съ постели, сталъ на ноги, и выпрямился во весь ростъ, поддерживаемый своими друзьями-спутниками, постоялъ такъ нѣсколько мгновеній, обвелъ взглядомъ всѣхъ окружающихъ и сказалъ: «Ну, теперь я лягу».

Это были его послѣднія слова.

«Мы помогли лечь,—разсказываетъ В. И. Роборовскій,—но вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько учащенныхъ дыханій,—затѣмъ два-три глубокихъ, сильныхъ вздоха унесли навѣки безцѣнную жизнь человѣка, который для насъ, для отряда, былъ дороже всѣхъ людей.

«Докторъ бросился растирать грудь его холодной водой, я положилъ туда же полотенце со снѣгомъ, но было уже поздно: лицо и руки стали желтѣть»...

Ровно въ 9 часовъ 20 октября Николай Михайловичъ скончался.

«Никто,—сообщаетъ Роборовскій,—не могъ совладать съ собою; что дѣлалось съ нами—я не берусь и описать. Докторъ не выдержалъ этой картины ужаснаго искренняго горя; всѣ рыдали въ голосъ, рыдалъ и докторъ...

Онъ вдругъ угасъ средь азіатской дали,
Въ странѣ степей песчаныхъ, горныхъ грядъ,
Когда всю Русь собою занимали
Его трудовъ и странствій цѣлый рядъ *).

По объясненію докторовъ, у Николая Михайловича былъ брюшной тифъ, которымъ онъ, вѣроятно, заразился при охотѣ 5 октября около Пишпека на рѣкѣ Чу, когда онъ нѣсколько разъ пилъ изъ нея воду. Острыхъ пароксизмовъ этой болѣзни не выдержало его ожирѣвшее сердце.

Осиротѣвшіе казаки и солдаты рѣшили никого не допускать къ драгоцѣннымъ останкамъ покойника и сами исполнили всѣ приготовленія къ погребенію.

*) Н. Можайскій „Памяти Н. М. Пржевальскаго“ „Наблюдатель“ 1890 г. № 1.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля.

На слѣдующій день всѣ члены экспедиціи отправились сообща выбрать мѣсто для могилы и выбрали небольшую площадку на крутомъ обрывистомъ берегу озера. На западъ отсюда открывается восхитительная панорама Иссыкъ-Куля, который виденъ весь, до Буамскаго ущелья—дороги на родину, въ Европу, въ то время какъ на востокѣ вдали виднѣется проходъ въ Кашгарію и центральную Азію—путь на арену безчисленныхъ подвиговъ, совершенныхъ усопшимъ при жизни; на югѣ виднѣется Караколъ, до котораго отсюда 12 верстъ, на сѣверѣ—высокій хребетъ, отдѣляющій Иссыкъ-Куль отъ г. Вѣрнаго.

Сама эта площадка господствуетъ надъ окрестностью и видна довольно далеко для проѣзжающихъ по почтовой дорогѣ, которая проходитъ въ 2-хъ верстахъ отсюда.

Съ большимъ трудомъ экспедиціонные солдаты въ теченіе двухъ дней выкопали въ твердомъ каменномъ грунтѣ могилу. Два гроба — одинъ деревянный, другой—желѣзный—изготовили солдаты мѣстнаго гарнизона, а украшеніемъ его занялись всѣ каракольскіе обыватели сообща; дамы изготовили прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Сами же солдаты сдѣлали огромный вѣнокъ и гирлянду изъ вѣточекъ ели.

Въ такихъ печальныхъ приготовленіяхъ прошло время до 26 октября, когда около 8 часовъ вечера получено было отъ командующаго войсками округа по телеграфу разрѣшеніе предать тѣло землѣ.

На слѣдующій день въ $8^1/_2$ часовъ утра передъ лазаретомъ и на далекое разстояніе по дорогѣ къ Иссыкъ-Кулю выстроены были всѣ наличныя войска города Каракола, здѣсь же на лицо были и почти всѣ обитатели этого города. Въ сопровожденіи оркестра и артиллеріи двинулась печальная процессія... Гробъ былъ настолько тяжелъ, что его едва донесли до пушечнаго лафета, которымъ воспользовались за неимѣніемъ дрогъ.

Многочисленные провожающіе, даже дамы, всѣ 12 верстъ шли пѣшкомъ. На дорогѣ и перекресткахъ встрѣчались толпы киргизъ, стоявшихъ безъ шапокъ. Всю дорогу пѣли пѣвчіе, смѣняемые оркестромъ. Погода стояла прекрасная:—сухая и ясная; солнце глядѣло совершенно по лѣтнему.

Возлѣ могилы войска, зашедшія впередъ, выстроились и пропустили съ должными почестями процессію; спутники-товарищи сняли съ колесницы-лафета гробъ и понесли къ приготовленному склепу...

«Залпы орудій и пѣхоты,—говоритъ Роборовскій *),—грозно разносили грустную вѣсть далеко по озеру и по окрестнымъ горамъ... Началась служба. Рыданіе спутниковъ, бывшихъ тутъ многихъ стороннихъ людей и женщинъ возносились вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему «*упокоить душу усопшаго раба Николая...*»

*) Въ своихъ воспоминаніяхъ.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому въ С.-Петербургѣ.

Окончился обрядъ погребенія, священникъ бросилъ горсть земли, и на краю могилы появился полковникъ Корольковъ.

«20-е октября настоящаго года,—сказалъ онъ *),—будетъ, безспорно, причислено къ числу скорбныхъ дней всѣмъ образованнымъ міромъ. Особенною же скорбью скажется день этотъ во всемъ нашемъ отечествѣ, ибо въ этотъ день оно лишилось одного изъ извѣстнѣйшихъ тружениковъ на поприщѣ науки изъ числа сыновъ своихъ—Николая Михайловича Пржевальскаго...»

Охарактеризовавъ затѣмъ въ краткихъ словахъ дѣятельность Н. М., какъ путешественника, который весьма много способствовалъ распространенію и возвышенію среди полудикаго населенія Средней Азіи престижа русскаго имени, г. Корольковъ воскликнулъ: «Господа! На нашу долю выпала честь упокоить на нашей землѣ прахъ великаго русскаго работника. Не только Россія, весь міръ, которому извѣстно имя Пржевальскаго, будутъ смотрѣть на эту могилу...»

Затѣмъ выступилъ съ прощальнымъ словомъ докторъ И. Крыжановскій, говорившій сквозь слезы и заставившій плакать всѣхъ, окружавшихъ могилу.

...«Хотя тѣлесный его (Пржевальскаго) образъ и скроется скоро изъ глазъ нашихъ,—сказалъ докторъ **),—но внутренній духъ его, обезсмертившій себѣ всемірную ученую славу, никогда для насъ не умретъ. Онъ постоянно будетъ витать надъ русскою землей; онъ выдвинетъ изъ среды русскаго народа подобныхъ себѣ отважныхъ и неутомимыхъ изслѣдователей природы и постоянно будетъ служить для нихъ путеводною звѣздой на трудномъ и тернистомъ пути ученой славы...»

По окончаніи надгробныхъ рѣчей, склепъ былъ задѣланъ, засыпанъ землею, а на могилѣ водруженъ большой черный крестъ, на которомъ В. И. Роборовскій написалъ, согласно волѣ покойнаго, простую надпись: «*Путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій. Родился 1839 года, марта 31-го. Скончался 1888 года, октября 20-го*».

Такимъ образомъ предсмертное желаніе Николая Михайловича было исполнено: его похоронили на берегу Иссыкъ-Куля.

«Широко раскинулась вправо,—говоритъ П. П. Семеновъ ***),—синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля.

«Этотъ величественный рядъ закутанныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ дѣлалъ свои

*) См. Дубровинъ, прилож. № 19, гдѣ рѣчь полк. Королькова приведена цѣликомъ.
**) Тамъ же, приложеніе № 20 (цѣликомъ).
***) Рѣчь 1-го ноября 1888 г., см. изданіе И. Р. Г. О. „Памяти Пржевальскаго“.

отважные набѣги въ почти невѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которое такъ бережливо тратилъ онъ на свои экспедиціи, была эта добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго, впослѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ, постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки».

Упомянувъ далѣе про то, что возбуждена мысль о постановкѣ памятника Пржевальскому, П. П. Семеновъ сказалъ, обращаясь къ членамъ географическаго общества.

«Но есть еще одинъ нерукотворный памятникъ, который можетъ быть созданъ Пржевальскому...

«Нерукотворный памятникъ въ его духѣ могутъ поставить тѣ изъ васъ, которые послѣдуютъ его примѣру и отдадутъ свои силы продолженію тѣхъ изслѣдованій, которыя онъ началъ...

«Не бредомъ больного воображенія было послѣднее, выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе, быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича.

«Въ русскомъ народномъ творчествѣ,—развиваетъ далѣе свою мысль П. П. Семеновъ,—сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьи, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

«Въ этомъ выражается глубокая и трогательная вѣра русскаго народнаго героя не только въ безсмертіе его идеи, но и въ неоскудѣніе русской земли такими же богатырями, какъ онъ. Онъ считаетъ себя только однимъ изъ многихъ доблестныхъ сыновъ своей родины, а доблестные сыны всегда найдутся у такой родины, какъ Россія.

«И замѣтьте, что русскій богатырь всегда бываетъ вѣренъ народному духу и доблестнымъ преданіямъ своего отечества. Идетъ впередъ безъ оглядки и корыстныхъ разсчетовъ, на славу своего отечества, побѣждая препятствія и злыя силы. Измѣняются только его цѣли и задачи, съ измѣненіемъ понятій и потребностей родной земли.

«Но замѣтьте еще одну особенность тѣхъ дорогихъ намъ народныхъ былинъ и преданій, которыя такъ любилъ Николай Михайловичъ. Препятствія, злыя силы побѣждаются большею частью оружіемъ, таинственно скрытымъ въ могилѣ богатыря, тѣнь котораго или охраняющіе могилу духи сторожатъ это оружіе и охотно передаютъ его не иначе, какъ достойному преемнику его подвиговъ.

«Вотъ глубоко осмысленное, легендарное, поэтическое значеніе одинокой могилы Пржевальскаго на пустынномъ прибрежьи Иссыкъ-куля, у подножія самой

величественной грани русской земли, при входѣ въ тѣ невѣдомыя страны, завѣсы которыхъ только приподнялъ передъ нами своею смѣлою, *богатырскою* рукою Н. М. Пржевальскій. Туда манитъ многихъ изъ васъ, милостивые государи, тѣнь усопшаго.

«Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тѣни, и она охотно передастъ вамъ весь нехитрый запасъ своего оружія, который слагается изъ чистоты душевной, отваги богатырской, изъ живой любви къ природѣ и высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ, и изъ пламенной, безпредѣльной преданности своему отечеству...

«Берите же смѣло это оружіе съ изголовья могилы усопшаго изъ-подъ его лавроваго вѣнка, идите съ нимъ отважно впередъ на любомъ пути истины и знанія на славу дорогой Россіи и *вы соорудите нерукотворный памятникъ Н. М. Пржевальскому!*»—такъ закончилъ свою рѣчь вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ.

Замѣтимъ, что вышеприведенное сравненіе Пржевальскаго съ богатыремъ русскихъ народныхъ преданій и былинъ не случайно у П. П. Семенова.

Точно также извѣстный знатокъ Сибири и Азіи, покойный Ядринцевъ сравниваетъ Пржевальскаго съ богатыремъ Ильей Муромцемъ.

И дѣйствительно, какъ справедливо замѣтилъ покойный проф. Э. Ю. Петри: «могучая личность и коллоссальыне подвиги Пржевальскаго отзываются чѣмъ-то эпическимъ, грандіознымъ. Онъ какъ будто бы стоитъ на границѣ далекаго прошлаго, героическаго вѣка и новѣйшаго точнаго изслѣдованія» *).

Вскорѣ послѣ похоронъ Пржевальскаго начальникъ каракольскаго гарнизона обратился въ Петербургъ съ ходатайствомъ: 1) наименовать баракъ, въ въ которомъ скончался знаменитый путешественникъ, «баракомъ генералъ-маіора Пржевальскаго», и 2) прибить на стѣнѣ, противъ того мѣста, гдѣ стояла койка покойника, мѣдную доску съ надписью: «здѣсь скончался генералъ-маіоръ Пржевальскій 20-го октября 1888 года въ 9 часовъ утра».

Немного позже командующій войсками Омскаго военнаго округа генералъ Колпаковскій, исполняя желаніе каракольцевъ, ходатайствовалъ о переименованіи города Каракола въ «Пржевальскъ».

«Имя города Каракола,—писалъ онъ въ своемъ ходатайствѣ **),—тѣсно связано съ памятью о знаменитомъ путешественникѣ. Изъ этого города онъ отправился на озеро Лобъ-норъ (2-я эксп.); по возвращеніи изъ четвертаго его путешествія, городъ Караколъ былъ первымъ населеннымъ пунктомъ, гдѣ генералъ Пржевальскій вступилъ на родную землю, встрѣтилъ радушный пріемъ и въ продолженіе нѣкотораго времени готовился къ отъѣзду въ Петербургъ и къ

*) Лекція въ засѣданіи Русскаго Антропологическаго общества 20-го октября 1898 г.
**) См. Дубровинъ, стр. 472.

отправленію туда же богатыхъ коллекцій. Наконецъ, Караколъ былъ избранъ исходнымъ пунктомъ для новой экспедиціи въ Тибетъ...»

На эти оба ходатайства 11-го марта послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Съ разрѣшенія Государя военный министръ приказалъ управленію Омскаго округа составить соображеніе о сооруженіи памятника Пржевальскому на казенный счетъ.

Вскорѣ представленъ былъ проектъ памятника въ видѣ пирамиды 15 саж. высотою. Но одновременно съ этимъ товарищъ и другъ покойнаго Николая Михайловича, генералъ-маіоръ А. А. Бильдерлингъ представилъ и свой проектъ, который чрезвычайно понравился Государю и былъ утвержденъ.

Памятникъ этотъ, уже описанный нами *) и рисунокъ котораго здѣсь приложенъ, сооруженъ на средства, Высочайше дарованныя, и открытъ въ 1890 году.

Кромѣ того, съ 1-го декабря 1890 г. по всей Россіи открыта была подписка на другой памятникъ Пржевальскому въ Петербургѣ, которая въ годъ дала крупную сумму около 30,000 рублей.

Открытіе памятника, исполненнаго также по рисунку Бильдерлинга, произошло съ большою торжественностью въ четвертую годовщину смерти Николая Михайловича, 20-го октября 1892 года, въ Александровскомъ скверѣ **), а изъ оставшейся суммы (18,700 руб.) образованъ капиталъ *преміи Н. М. Пржевальскаго*.

Нечего и говорить, что безвременная и совершенно неожиданная смерть Пржевальскаго, на котораго въ то время, можно сказать, взиралъ весь ученый и просвѣщенный міръ, ожидая, по примѣру предыдущихъ экспедицій, богатѣйшихъ результатовъ,—произвела вездѣ тяжелое впечатлѣніе. Можно смѣло сказать, что едва-ли было не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, хоть одно ученое общество, дѣятельность котораго сколько-нибудь соприкасается съ областью естествознанія, географіи и антропологіи, гдѣ бы таковое извѣстіе о смерти Николая Михайловича прошло незамѣченнымъ. Наоборотъ, почти повсемѣстно по этому поводу устраивались чрезвычайныя собранія, на которыхъ подводились предварительные итоги научной дѣятельности знаменитаго путешественника со всевозможными его восхваленіями.

Что же касается Россіи, то въ ней весьма немного найдется лицъ, имя которыхъ имѣло бы такую широкую, можно сказать, пожалуй, даже всеобщую извѣстность, какъ Николай Михайловичъ Пржевальскій.

*) См. т. I, стр. 7.

**) Памятникъ этотъ изображаетъ бюстъ путешественника двойной натуральной величины на пьедесталѣ съ лежащимъ у ногъ верблюдомъ, навьюченнымъ ящиками съ коллекціями, см. рисунокъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Научные результаты экспедицій Пржевальскаго.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались по возможности полно охарактеризовать грандіозную личность Пржевальскаго, насколько она проявлялась въ дѣятельности его, какъ ученаго изслѣдователя.

Каждая экспедиція этого замѣчательнаго путешественника была до такой степени плодотворна и богата цѣнными научными результатами, что пришлось-бы сильно удлиннить предыдущее описаніе путешествій, если-бы мы захотѣли, болѣе или менѣе полно, исчерпывать научную сторону его открытій и изслѣдованій въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. въ ходѣ самаго разсказа, не говоря уже про то, что въ такомъ случаѣ изложеніе было-бы болѣе сухимъ и тяжелымъ для чтенія.

Въ виду этого мы предпочли при изложеніи хода экспедицій указывать только на самые важные факты, избѣгая всякихъ подробностей.

Въ настоящемъ-же отдѣлѣ мы перейдемъ къ разбору матеріаловъ, добытыхъ Пржевальскимъ въ своихъ научныхъ путешествіяхъ, которые настолько громадны и многосторонни, что по необходимости ихъ придется сгруппировать въ нѣсколькихъ отдѣлахъ.

Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ характерѣ научной дѣятельности Пржевальскаго.

Въ рецензіяхъ заграничныхъ ученыхъ главнѣйшими его заслугами считалось: 1) обширность района изслѣдованій, 2) богатство открытій, изслѣдованій и научныхъ коллекцій,—«добычи» вывезенной имъ изъ тѣхъ «набѣговъ», которые онъ, по выраженію П. П. Семенова, производилъ на невѣдомыя до тѣхъ поръ страны центральной Азіи; наконецъ 3) быстрота, съ которою Пржевальскій знакомилъ ученый міръ съ результатами своихъ путешествій, описанныхъ въ объемистыхъ сочиненіяхъ.

Офицеръ по карьерѣ, намѣченной еще въ юношескомъ возрастѣ по увлеченію, географъ и историкъ по спеціальности, избранной на педагогическомъ поприщѣ, зоологъ, ботаникъ и вообще натуралистъ по призванію, по врожденной и привитой условіями воспитанія любви къ природѣ и ея изученію,—Пржеваль-

скій являлся замѣчательно хорошо подготовленнымъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, которымъ онъ себя всецѣло посвятилъ. Обладая при этомъ прекрасными способностями и феноменальной памятью, онъ съ легкостью усваивалъ всю доступную ему литературу, касательно странъ, которыя онъ намѣревался посѣтить. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкія личныя качества его, умѣнье выбирать подходящихъ товарищей и способность становиться съ ними въ самыя близкія отношенія, далѣе, беззавѣтная отвага, предпріимчивость, выносливость и физическая крѣпость, наконецъ, замѣчательная энергія и сила воли, легко подчиняющая своему вліянію все окружающее,—все это вмѣстѣ сдѣлало Пржевальскаго замѣчательнымъ путешественникомъ, дало орлиный полетъ всѣмъ его предпріятіямъ, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ были успѣшны, хотя самъ Николай Михайловичъ по скромности приписывалъ это не своимъ достоинствамъ, а «*счастью*».

Однако, какъ это и всегда бываетъ, вмѣстѣ съ единодушными весьма лестными отзывами о дѣятельности Пржевальскаго *), слышались иногда (какъ въ родной странѣ, такъ и заграницей) и нѣкоторыя критическія замѣчанія въ неблагопріятномъ смыслѣ.

Одинъ изъ упрековъ, которые дѣлались Пржевальскому касательно его изслѣдованій, заключается въ томъ, что его четыре путешествія по Центральной Азіи не дали сколько-нибудь удовлетворительнаго познанія геологическаго строенія этой страны.

Дѣйствительно, Пржевальскій не производилъ въ своихъ путешествіяхъ правильныхъ геологическихъ изысканій, такъ какъ не имѣлъ для этого достаточной спеціальной подготовки, хотя общую структуру почвы проходимой мѣстности онъ обыкновенно заносилъ въ свой дневникъ. Тѣмъ не менѣе странно ставить въ укоръ Пржевальскому то, что онъ былъ не всеобъемлющій ученый — энциклопедистъ. Скорѣе надо удивляться, что въ немъ было такое счастливое сочетаніе качествъ прирожденнаго страстнаго путешественника съ основательной подготовкой въ обширномъ циклѣ наукъ географо-антропологическихъ и біологическихъ. Говорятъ, что при столь значительномъ составѣ экспедиціоннаго конвоя, какой былъ у Пржевальскаго во всѣхъ его путешествіяхъ, исключая безпримѣрнаго перваго путешествія, ему легко было-бы пригласить спеціалиста для геологическихъ изслѣдованій. Но такое введеніе посторонняго самостоятельнаго спеціалиста оказалось совершенно невозможнымъ при томъ своеобразномъ характерѣ экспедицій, который опредѣлился уже съ перваго путешествія, когда Пржевальскому въ сопровожденіи только трехъ спутниковъ удалось проникнуть въ глубь Тибетскаго нагорья до верховьевъ Голубой рѣки, несмотря ни на какія препятствія дикой природы и со стороны туземцевъ, а еще болѣе китайскаго населенія.

Въ большинствѣ случаевъ приходилось идти «на проломъ», не взирая

*) Въ предыдущемъ изложеніи приведено не мало такихъ отзывовъ, сдѣланныхъ авторитетными представителями науки, какъ напр., академикомъ Веселовскимъ, барономъ Рихтгофеномъ и др.

ни на какія препятствія. При такихъ условіяхъ Пржевальскому приходилось брать на себя отвѣтственность за жизнь и безопасность довѣрившихся ему спутниковъ, а также и за успѣхъ всего дѣла, и Николай Михайловичъ пришелъ къ убѣжденію, что самою главною гарантіей успѣха предпріятія—хорошая организація отряда, основанная на безусловномъ подчиненіи всѣхъ участниковъ единой волѣ; относясь къ своимъ спутникамъ съ братской гуманностью и любовью, онъ требовалъ строгаго дисциплинарнаго подчиненія, по военному, и очевидно, что при такихъ условіяхъ въ его экспедиціяхъ не было мѣста для лица ему равнаго, производящаго изслѣдованія самостоятельно.

Притомъ-же изслѣдованія Пржевальскаго, по собственнымъ его словамъ имѣли характеръ «научныхъ рекогносцировокъ» *), а при такихъ условіяхъ цѣли двухъ или нѣсколькихъ изслѣдователей часто очень трудно было-бы совмѣстить; къ такому заключенію пришелъ и совѣтъ И. Р. Географическаго общества изъ опыта многихъ русскихъ и западно-европейскихъ большихъ экспедицій.

Послѣ того какъ экспедиціями Пржевальскаго почва для изслѣдованій въ средней Азіи была уже хорошо подготовлена, другіе изслѣдователи сравнительно легко уже съумѣли восполнить тѣ пробѣлы, которые оставались въ изученіи страны съ геологической стороны. Въ особенности хорошимъ дополненіемъ такого рода явились изслѣдованія горнаго инженера В. А. Обручева **) въ 1892—94 гг.

Другой упрекъ, который въ разное время не разъ дѣлали Пржевальскому, заключался въ томъ, что онъ недостаточно обращалъ вниманія на изслѣдованіе культурныхъ центровъ странъ, по которымъ онъ путешествовалъ.

Но это не только не входило, но и не могло входить въ программу изслѣдованій Николая Михайловича, который, какъ мѣтко формулировано въ конференціи Академіи Наукъ, былъ «первый изслѣдователь *природы* центральной Азіи» ***), изученіе же съ антропологической и бытовой стороны осѣдлыхъ обитателей ея городовъ было лишь второстепенною цѣлью Пржевальскаго, хотя нельзя сказать, что Пржевальскій ничего не сдѣлалъ даже и въ этомъ отношеніи.

Какъ много сдѣлалъ Пржевальскій для этнографіи центральной Азіи, будетъ видно дальше, здѣсь же укажемъ лишь на то, что безпрестанная борьба съ китайцами, ставившими ему на каждомъ шагу всевозможныя препятствія въ путешествіяхъ, исключала возможность научныхъ изслѣдованій въ городахъ и во всѣхъ болѣе населенныхъ пунктахъ. Къ тому-же и по самому складу своего характера Николай Михайловичъ долженъ былъ относиться отрицательно къ жизни крупныхъ городскихъ центровъ.

Далѣе, Пржевальскаго упрекали въ пренебреженіи не только къ китайской

---

*) Объ этомъ подробнѣе см. дальше.

**) „Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-шань". Изд. И. Р. Г. О. подъ редакціей Мушкетова. СПБ. 1900 г.

***) Надпись на медали, выбитой въ честь Пржевальскаго.

администраціи, но и къ китайской цивилизаціи вообще и къ китайской научной литературѣ (географической и исторической).

Упрекъ этотъ не совсѣмъ точенъ. Свое пренебреженіе Пржевальскій высказывалъ собственно лишь къ административнымъ порядкамъ Китая и къ военной организаціи срединнаго государства. Замѣчанія его впрочемъ относились преимущественно къ застѣннымъ областямъ Китая.

Что-же касается исторіи Китая и его древнѣйшей цивилизаціи, то пренебреженія къ ней Пржевальскій никогда не имѣлъ, хотя и мало интересовался древне-китайскою литературою. «Будучи по преимуществу изслѣдователемъ природы, умѣющимъ смѣло и свободно читать, во время своихъ отважныхъ странствованій, открытыя только для естествоиспытателей страницы книги природы, онъ мало интересовался чтеніемъ такихъ авторовъ, для которыхъ не только эта книга была закрыта, но и самая ея азбука непонятна» *).

Въ упрекъ Пржевальскому ставилось еще иногда и то, что въ изданныхъ путешествіяхъ онъ не давалъ подробнаго, шагъ за шагомъ, описанія топографическаго характера мѣстностей, а довольствовался лишь общею ихъ характеристикой.

Но намъ кажется, что это составляетъ скорѣе достоинство сочиненій Николая Михайловича, чѣмъ недостатокъ. Матеріалы, добытые въ его путешествіяхъ, были столь обширны, что даже и такое сжатое изложеніе ихъ составило болѣе ста печатныхъ листовъ текста, имѣющаго при томъ вполнѣ удовлетворительную съ литературной точки зрѣнія обработку. Черезъ это сочиненія Пржевальскаго доступны для чтенія такъ называемой «большой публикѣ», между тѣмъ какъ отчеты объ ученыхъ путешествіяхъ по большей части бываютъ очень сухи и скучны, и пользоваться ими могутъ только спеціалисты.

Надобно впрочемъ замѣтить, что изданныя Пржевальскимъ описанія его путешествій («Монголія и страна тангутовъ», «отъ Кульджи на Лобъ-норъ»... «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ»... и «отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки») представляли лишь предварительные отчеты, предназначавшіеся именно для широкой публики. Для спеціалистовъ издавались 2 и 3-й тт. «Монголіи и страны тангутовъ» и предполагалось выпустить цѣлую серію спеціальныхъ описаній флоры, фауны, климата и этнографіи посѣщенныхъ въ разное время странъ Центральной Азіи.

Отправляясь въ пятую экспедицію, Пржевальскій считалъ ее послѣднею и разсчитывалъ послѣ этого заняться только обработкою матеріаловъ, которыхъ накопилось уже такъ много, что одному ему ни въ какомъ случаѣ нельзя было съ ними справиться и потому онъ пріискалъ себѣ достойныхъ сотрудниковъ: Штрауха, Плеске, Воейкова, Максимовича и др. Послѣ внезапной смерти Николая Михайловича, поименованные ученые исполнили этотъ громадный трудъ сами.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ оцѣнкѣ научныхъ заслугъ Пржевальскаго за время его болѣе, чѣмъ 20-лѣтней дѣятельности, кото-

---

*) См. П. П. Семеновъ „Исторія полувѣковой дѣятельности И. Р. Г. О.“ ч. II, стр. 545.

рая, по выраженію П. П. Семенова *): «блестящимъ метеоромъ» мелькнула передъ образованнымъ міромъ, но отъ нея осталось огромное «научное наслѣдство», надъ разработкой котораго долгое время трудилась цѣлая плеяда первоклассныхъ русскихъ ученыхъ.

Для познанія Азіи въ географическомъ отношеніи, для знакомства съ ея флорою, фауной и населеніемъ Пржевальскій сдѣлалъ такъ много, что въ наукѣ открылась новая эра съ появленіемъ его сочиненій, при чтеніи которыхъ, по мѣткому выраженію г. Марте, ученые «испытывали чувство, производимое на человѣка переходомъ изъ темной комнаты на яркій солнечный свѣтъ» **).

За всѣ свои четыре путешествія Пржевальскій въ общей сложности провелъ въ Центральной Азіи 9 лѣтъ 2 мѣсяца и 27 дней, и общее протяженіе пути внѣ границы русскихъ владѣній составляетъ 29,585 верстъ; если же сюда присоединить еще и Уссурійское путешествіе, то получится еще болѣе грандіозная цифра: 31,185 в.

Научныя изслѣдованія заключались въ слѣдующемъ: 1) маршрутно глазомѣрная съемка, которая производилась всегда, за исключеніемъ только тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда никакимъ образомъ нельзя было устранить бдительность китайскихъ шпіоновъ ***) или когда шли по пути уже нанесенному на карту во время предыдущаго прохожденія, 2) астрономическія опредѣленія широтъ, а въ послѣднее путешествіе и долготъ; 3) барометрическое опредѣленіе абсолютныхъ высотъ главныхъ пунктовъ; 4) метеорологическія наблюденія; 5) спеціальныя изслѣдованія надъ млекопитающими и птицами; 6) этнографическія изысканія; 7) собираніе коллекцій: зоологической, ботанической и отчасти минералогической; наконецъ, постоянное веденіе путевого дневника.

Кромѣ того, помощникъ Николая Михайловича, Роборовскій рисовалъ, насколько это было возможно, болѣе выдающіеся типы, ландшафты и т. п., а въ четвертое путешествіе при удобныхъ случаяхъ производилъ фотографическіе снимки. Самъ Пржевальскій постоянно ѣхалъ впереди каравана съ маленькою записною книжечкою ****) въ рукахъ, въ которую заносилъ все заслуживающее вниманія и съ буссолью для съемки.

Мы разсмотримъ научные результаты экспедицій Пржевальскаго по слѣдующимъ 5 отдѣламъ: географія, этнографія, зоологія, ботаника, метеорологія и въ

*) Ibid.

**) См. Verhandlung der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin Band XV, № 9, 1888 г., стр. 485—462

***) Съемку безусловно необходимо было производить тайно, и Пржевальскій умѣлъ обставить дѣло такъ, что ни разу не попался въ этомъ, хотя и шелъ почти всегда съ проводниками, которые въ большинствѣ случаевъ играли роль китайскихъ шпіоновъ.

****) Въ видахъ экономіи эти книжечки онъ просто сшивалъ изъ 1 листа писчей бумаги и къ вечеру каждаго дня она обыкновенно уже вся заполнялась; на бивуакѣ всѣ нужныя свѣдѣнія заносились въ дневникъ, а данныя съемки на чистый планшетъ, составляющій карту въ 10-ти верстномъ масштабѣ

заключеніе изложимъ вкратцѣ выводы, которые вынесъ Пржевальскій изъ своихъ путешествій и въ свое время представилъ по назначенію, относительно политическаго состоянія народовъ и государствъ Центральной Азіи, и о роли, которую играетъ тамъ Россія.

I. Географическія изслѣдованія Н. М. Пржевальскаго въ Центральной Азіи.

Громадное значеніе для науки географіи имѣли прежде всего маршрутныя карты, которыя составлены Пржевальскимъ для всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Между тѣмъ площадь его изслѣдованій чрезвычайно громадна: верстъ на 4,000 въ длину (съ З. на В. отъ Хингана до Памира) и болѣе 1,000 в. въ ширину (между 32° и 48° сѣв. шир.), и на всемъ этомъ пространствѣ линіи его маршрутовъ составляютъ настоящую сѣть. При этомъ астрономически опредѣлено было положеніе 63 точекъ по широтѣ и 6 точекъ по долготѣ въ послѣднее путешествіе, тогда какъ до него въ Центральной Азіи не было ни одного астрономически опредѣленнаго пункта.

Барометрически опредѣлена была абсолютная высота около 300 точекъ въ различныхъ мѣстахъ. Отсюда уже ясно, что географическая наука очень многимъ обязана трудамъ Пржевальскаго: онъ одинъ исполнилъ то, на что обыкновенно требуются усилія десятковъ ученыхъ *), и не безъ основанія въ отзывахъ иностранныхъ ученыхъ о трудахъ Н. М. Пржевальскаго ему отводятъ первое мѣсто не только среди русскихъ, но и среди всѣхъ иностранныхъ путешественниковъ, современныхъ ему. Про него говорятъ, что имъ однимъ сдѣлано для Азіи болѣе, чѣмъ сдѣлали для Африки Стэнли, Ливингстонъ и Бартъ **).

Работы Гумбольда, Риттера и карты 60-хъ годовъ, составленныя на основаніи китайскихъ источниковъ, доставили Пржевальскому только канву, на которую онъ нанесъ свои маршруты, и послѣ этого Центральная Азія предстала предъ ученымъ міромъ въ значительно измѣненномъ видѣ: появились новые горные хребты озера, рѣки и т. д., даже цѣлыя княжества ***), неизвѣстныя до тѣхъ поръ, измѣнилось относительное положеніе многихъ пунктовъ.

Съемка, какъ уже сказано, производилась на ходу, маршрутно—глазомѣр-

---

*) По отзыву А. Е. Тизенгаузена, см Дубровинъ, стр. 482.

**) Гукеръ, извѣстный изслѣдователь флоры Гималаевъ, сравнивая Пржевальскаго съ названными тремя путешественниками, говоритъ: „Стэнли и Ливингстонъ были отважными піонерами, но они только съумѣли проложить на картѣ пройденный путь, для изученія же природы ими ничего не сдѣлано, а послѣ знаменитаго Барта пришлось даже посылать особаго человѣка, чтобы нанести его маршрутъ на карту; одинъ Пржевальскій соединилъ въ своемъ лицѣ отважнаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ“, см. „Памяти Н. М. Пржевальскаго“, изд. И. Р. Геогр. Общ., стр. 45.

***) Для примѣра укажемъ на Ала-шанское княжество, которое до перваго путешествія Пржевальскаго считалось частью Гань-суйской провинціи; затѣмъ упомянемъ про открытіе княжества Шанъ въ восточномъ Цайдамѣ (см. т. II, стр. 198).

ная. «Засѣчки дѣлались, держа буссоль въ обѣихъ рукахъ на уровнѣ глазъ; засѣкались — направленіе пути и важные боковые предметы; второстепенныя засѣчки нерѣдко производились компасомъ, не слѣзая съ коня. Разстоянія въ пути измѣрялись временемъ, соотвѣтственно ходу верблюдовъ, а въ гористыхъ мѣстностяхъ—на глазъ» *).

При быстротѣ движеній экспедиціи болѣе точная съемка, конечно, невозможна. Однако и эта «приблизительная» съемка, сдѣланная, такъ сказать, «мимоходомъ», отличалась всегда удивительною точностью. Полковникъ Большевъ, редакторъ азіатскихъ картъ, издаваемыхъ военно-топографическимъ отдѣломъ главнаго штаба, черезъ руки котораго прошелъ весь картографическій матеріалъ доставленный Пржевальскимъ, говоритъ, что провѣрка разстояній, проложенныхъ на маршрутной картѣ Пржевальскаго, вычисленіемъ ихъ по опредѣленнымъ и нанесеннымъ на карту широтамъ «привела къ полному согласію координатъ широтъ съ линейными протяженіями между пунктами» **).

Къ этому надо упомянуть про рѣдкую способность Пржевальскаго необыкновенно точно описывать пройденныя имъ мѣстности. Тотъ-же самый полковникъ Большевъ сообщаетъ, что при составленіи имъ 100-верстной карты Азіи, за неимѣніемъ маршрутной съемки IV путешествія Пржевальскаго (которое въ это время еще не было окончено), воспользовался текстомъ писемъ Николая Михайловича (къ Государю Наслѣднику Цесаревичу). Когда-же по окончаніи экспедиціи онъ сталъ свѣрять свою работу съ представленною маршрутною съемкою, то не пришлось дѣлать почти никакихъ измѣненій.

Такимъ образомъ глазомѣрные маршруты Пржевальскаго, дополняемые подробными дневниками, удовлетворительно замѣняли самую точную географическую съемку.

Астрономическое опредѣленіе географическаго положенія главнѣйшихъ точекъ требовало гораздо болѣе труда и времени, чѣмъ съемка. Для опредѣленія широты Пржевальскій пользовался небольшимъ универсальнымъ инструментомъ Бауера. Кругъ его имѣлъ въ діаметрѣ около 3 дюймовъ, съ точностью ноніусовъ въ 20 секундъ; труба имѣла объективъ около 3/4 дюйма. Для опредѣленія времени измѣрялись высоты верхняго и нижняго краевъ солнца. Наблюдалась высота солнца, а также обыкновенно и полярной звѣзды, причемъ въ обоихъ случаяхъ производилось 12 наблюденій съ записываніемъ показанія хронометра, отсчета по уровню и ноніусовъ. Барометръ и термометръ отсчитывались непосредственно до и послѣ астрономическихъ наблюденій.

По свидѣтельству профессора К. В. Шарнгорста въ работахъ Пржевальскаго по опредѣленію широтъ изъ наблюденій солнца и полярной звѣзды можно

---

*) „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки", стр. 59.
**) Записка А. А. Большева, см. Дубравинъ, стр. 480.

допустить погрѣшности не болѣе $^1/_4$ минуты. Точность опредѣленія времени оцѣнивается въ 2 секунды.

Для опредѣленія долготъ Пржевальскій не могъ пользоваться 2—3 карманными хронометрами, имѣвшимися въ экспедиціи, вслѣдствіе продолжительности путешествія и полнаго отсутствія на пути хорошо извѣстныхъ точекъ, которыми можно было бы воспользоваться для вывода долготъ по способу перевозки хронометровъ. Въ четвертомъ путешествіи онъ имѣлъ довольно сильную трубу Фрауенгофера и опредѣлялъ долготу астрономическимъ способомъ, наблюдая покрытіе звѣздъ луною. Повторенныя неоднократно въ нѣсколькихъ мѣстахъ наблюденія эти дали очень согласные между собою результаты.

Опредѣленія абсолютныхъ высотъ производились посредствомъ барометра и вычислялись относительно ближайшихъ метеорологическихъ станцій: въ Пекинѣ, Иркутскѣ, Барнаулѣ и Ташкентѣ, при чемъ принимались во вниманіе изобары.

Чтобы покончить съ астрономическими и физическими наблюденіями Пржевальскаго, упомянемъ еще про необыкновенную осторожность, съ которою онъ обращался во время экспедицій съ инструментами. Большинство этихъ послѣднихъ благополучно, безъ малѣйшихъ поврежденій, служили ему во всѣхъ путешествіяхъ и даже употреблялись потомъ его преемниками-изслѣдователями, напр. Пѣвцовымъ.

Уже въ первое свое путешествіе по Уссурійскому краю Пржевальскій въ значительной степени обогатилъ науку свѣдѣніями объ этой странѣ, въ то время чрезвычайно мало изслѣдованной. Наиболѣе важные результаты его изслѣдованій касаются верховьевъ р. Уссури, бассейна оз. Ханка, южной части хребта Сихота-алинь и побережья Японскаго моря на протяженіи отъ залива Америка до 44° с. ш.

Озеро Ханка получило на картѣ болѣе опредѣленныя очертанія и доказано было усыханіе бассейна, причемъ опредѣлены были древніе его берега и ближайшая причина уменьшенія бассейна—господство западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, набрасывающихъ на противоположный берегъ озера массы песку и другихъ наносовъ.

Доказательство продолжающейся геологической дѣятельности этихъ вѣтровъ Пржевальскій видѣлъ въ образованіи пересыпи въ нѣсколько саженей ширины отдѣлившей въ сѣверной части бассейна небольшое озеро.

Сихота-алинь пересѣченъ Пржевальскимъ два раза и восточный склонъ на значительномъ протяженіи нанесенъ на карту.

Однако, эти изслѣдованія, весьма цѣнныя сами по себѣ и сразу обратившія на Пржевальскаго вниманіе всего ученаго міра, совершенно блѣднѣютъ передъ великими открытіями, которыя сдѣланы имъ въ Центральной Азіи. Изслѣдованія Пржевальскаго охватываютъ всю степь Гоби отъ сѣверо-восточной ея окраины, озера Далай-норъ, до г. Аксу на юго-западѣ съ врѣзывающимися въ нее горными системами Алтая, Тянь-шаня и хребтами южной окраины Монгольскаго на-

горья. Кромѣ того имъ изслѣдовано болѣе половины высочайшаго въ свѣтѣ Тибетскаго плоскогорія.

Вотъ вкратцѣ главнѣйшіе выводы Пржевальскаго изъ его многочисленныхъ географическихъ и топографическихъ изслѣдованій.

Великая степь Гоби далеко не всегда представляетъ изъ себя однообразную песчаную равнину, какъ это представляли себѣ раньше него. Почти повсемѣстно она изрѣзалась грядами холмовъ, иногда переходящими въ настоящіе хребты. Почти посрединѣ своей, а именно на линіи между восточной оконечностью Тянь-шаня и Ала-шанемъ, пустыня сильно суживается до 450 в. въ поперечникѣ. Въ этомъ же мѣстѣ Гоби теряетъ характеръ ужасной пустыни, благодаря нѣкоторому количеству подземной влаги, питающей колодцы и ключи; здѣсь проходитъ главная дорога, связующая притянь-шаньскіе оазисы съ Гань-суйской провинціей. Эта сравнительно менѣе непривѣтливая для путника полоса дѣлитъ пустыню Гоби на двѣ части: Восточную Гоби и Западную.

Восточная Гоби описана весьма полно и обстоятельно Николаемъ Михайловичемъ. При этомъ онъ отчасти пользовался трудами своихъ предшественниковъ (Фуса, Бунге, Тимковскаго, Ковалевскаго и нѣкоторыхъ другихъ), но, благодаря многочисленнымъ личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, произведеннымъ во время четырехкратнаго пересѣченія по двумъ направленіямъ (черезъ Ургу на Калганъ и на Ала-шань), онъ имѣлъ возможность обобщить и систематизировать добытыя до него данныя и во многихъ отношеніяхъ ихъ дополнить и расширить. Впрочемъ предварительныя данныя имѣлись лишь относительно пути отъ Урги до Калгана, по которымъ не только не разъ проходили русскіе изслѣдователи, но и совершается постоянное караванное движеніе, такъ какъ этимъ путемъ идутъ въ Кяхту громадные грузы чая.

Что же касается пути изъ Урги до Ала-шаня, то Пржевальскій прошелъ его первымъ изъ всѣхъ европейцевъ (три раза) и ему всецѣло принадлежитъ заслуга изслѣдованія этого участка пустыни.

Главнѣйшимъ результатомъ его изслѣдованій здѣсь является выводъ изъ наблюденій абсолютныхъ высотъ.

Оказалось, что Гоби въ этомъ участкѣ, точно также, какъ и во многихъ болѣе восточныхъ пунктахъ, гораздо ниже, чѣмъ предполагали ранѣе географы.

Важны также топографическія изслѣдованія. Приблизительно посрединѣ Гоби по линіи Кяхта—Ала-шань Пржевальскій открылъ и первый описалъ хребетъ Хурху (Гурбынъ-Сейхынъ), высотою около 2,000 ф. надъ поверхностью пустыни, чрезвычайно широкій, валообразный (около 10 в. въ ширину). Пржевальскій сначала предположилъ, что этотъ хребетъ представляетъ собою отрогъ Тянь-шаньской системы, но при повторныхъ изслѣдованіяхъ и при сопоставленіи съ данными, добытыми другими путешественниками въ смежныхъ частяхъ Гоби, Хурху признанъ былъ имъ за продолженіе Южнаго Алтая.

Несмотря на сравнительно незначительную свою высоту, хребетъ Хурху,

по наблюденіямъ Пржевальскаго, составляетъ довольно рѣзкую физическую границу. Двѣ различныя характеристики даны имъ для части Гоби къ сѣверу отъ этого кряжа и къ югу отъ него. Сѣверная Гоби имѣетъ глинистую почву съ довольно обильною степною растительностью; песковъ, по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе значительными протяженіями, здѣсь не встрѣчается.

Къ югу отъ Хурху, наоборотъ, сыпучіе пески покрываютъ весьма значительныя пространства и Гоби пріобрѣтаетъ характеръ дикой безжизненной пустыни.

Въ восточной части Гоби главнѣйшую заслугу Николая Михайловича составляетъ изслѣдованіе южной окраины степи. Имъ подробно изучена обширная полоса, начиная отъ подножья Большого Хангана (оз. Далай-норъ) къ западу до города Даджина, лежащаго уже на порогѣ Тибетской возвышенности.

Имъ прослѣжена почти вся ограда, простирающаяся на юго-восточной и южной окраинѣ монгольскаго плато и отдѣляющая его отъ болѣе низменныхъ и болѣе теплыхъ равнинъ собственнаго Китая. Ограда эта состоитъ изъ ряда горныхъ хребтовъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ; иногда въ нѣсколько рядовъ, съ запада на востокъ.

Отъ Гу-бей-кеу къ г. Долонъ-нору *) на протяженіи около 150 в. идетъ рядъ такихъ хребтовъ, въ общемъ средней высоты, но мѣстами принимающихъ дикій альпійскій характеръ.

Они образуютъ контръ-форсъ обширнаго нагорья Монголіи, лежащаго позади ихъ.

У подножья Хингана Пржевальскимъ изслѣдовано озеро Далай-норъ, самое большее изъ озеръ сѣверо-восточной Монголіи, опредѣлена абсолютная высота (4,200 ф.), обслѣдована окружность и притоки.

Попутно нанесено было на карту 230 верстъ въ странѣ до того времени весьма мало изслѣдованной. Свѣдѣнія, доставленныя Пржевальскимъ, въ значительной степени измѣнили прежнія представленія объ этой странѣ. Хотя мѣстность здѣсь представляетъ холмистую песчанную степь, мѣстами сильно пропитанную солью, но травяная растительность довольно обильна, такъ что здѣсь откармливаются табуны богдыхана.

На пути изъ Калгана къ Куку-хото также встрѣчались богатыя пастбища.

Свернувъ съ прямой караванной дороги, Пржевальскій направился прямо на западъ по самой окраинѣ Монгольскаго плоскогорья и обслѣдовалъ хребты, составляющіе его южную ограду.

Восточный изъ нихъ Ш а р а-х а д а (Желтый хребетъ) состоитъ изъ желтоватыхъ известняковъ и составляетъ рѣзкую границу, такъ какъ къ западу отъ него исчезаетъ травяная растительность.

---

*) Положеніе г. Долонъ-нора установлено астрономически Пржевальскимъ, наблюденіемъ высоты полярной звѣзды (42^0 16^0 сѣв. шир.), чѣмъ въ первые точно установлено географическое положеніе одной изъ окраинъ монгольскаго плоскогорья.

Въ 50 верстахъ отъ него далѣе къ западу тянется въ томъ же направленіи хребетъ Сума-хада, имѣющій дикій альпійскій характеръ.

Двигаясь далѣе къ западу по Монгольскому нагорью, Пржевальскій нашелъ высыхающія соляныя озера и менѣе богатую травяную растительность.

Встрѣченныя далѣе горы оказались принадлежащими къ системѣ Инъ-шаня. Горы эти протянулись верстъ на 250 къ западу отъ Куку-хото и оканчиваются на югѣ у долины Хуанъ-хэ скалистымъ хребтомъ Муни-ула, который отличается обиліемъ лѣса и воды. Такой же характеръ носитъ и лежащій далѣе къ востоку отъ него хребетъ Сырунъ-булыкъ. Горы эти вулканическаго происхожденія и представляютъ пріятный контрастъ съ другими монгольскими хребтами, такъ какъ обильно поросли лѣсами и кустарниками, въ которыхъ научная добыча была значительна.

Къ западу отъ Муни-ула встрѣтились еще два хребта Шейтенъ-ула и Хара-наринъ-ула, ограничивающіе долину Желтой рѣки въ ея сѣверномъ изгибѣ.

Уступая хребту Муни-ула по высотѣ, горы эти рѣзко отличаются отъ послѣдняго по своему внѣшнему виду. Онѣ имѣютъ дикій характеръ. Огромныя гранитныя и гипсовыя скалы разбросаны въ безпорядкѣ въ верхнемъ поясѣ, а обширныя розсыпи занимаютъ склоны и спускаются почти до дна многочисленныхъ дикихъ ущелій. Пустынность и безплодіе царитъ въ этихъ горахъ. Не только лѣсной и кустарниковой,—но даже и травяной растительности здѣсь вообще говоря нѣтъ. Степь Гоби къ сѣверу отъ этихъ кустовъ также безплодна и носитъ равнинный характеръ.

Болѣе подробныя характеристики даны Пржевальскимъ для двухъ небольшихъ частей Гобійской степи: Ордоса и Ала шаня.

Ордосомъ называется часть Монгольскаго плато, ограниченная съ трехъ сторонъ (западной, сѣверной и восточной) сѣвернымъ изгибомъ Желтой рѣки, а съ юга рѣзко очерченная краевыми хребтами плоскогорія, по которымъ тянется продолженіе Великой Китайской стѣны.

Здѣсь Николай Михайловичъ проходилъ въ первое путешествіе и произвелъ съемку на протяженіи 434 верстъ по долинѣ Хуанъ-хе.

Долина эта, имѣющая 30—60 верстъ въ ширину, съ юга окаймлена полосою сыпучихъ песковъ Кузипчи, которые мѣстами подходятъ очень близко къ рѣкѣ и образуютъ иногда обрывистыя стѣны въ 50, а иногда даже въ 100 ф. вышины.

Пески Кузипчи состоятъ изъ невысокихъ (рѣдко достигающихъ 100 ф.) бугровъ. Николай Михайловичъ объясняетъ ихъ образованіе дѣйствіемъ вѣтровъ, переносящихъ на значительное разстояніе мелкій песокъ и пыль; около каждой задержки, напримѣръ, ствола низкорослаго хармыка, постепенно накопляются возвышенія, которыя съ теченіемъ времени уплотняются и получаютъ видъ бугристыхъ кочекъ, а выростаніе на ихъ поверхности кустарниковъ еще болѣе закрѣ-

пляетъ почву и способствуетъ дальнѣйшему накопленію сыпучаго матеріала, увеличивая высоту бугра. Пески Кузипчи у Дынькоу подходятъ вплотную къ рѣкѣ и сливаются такимъ образомъ съ песками Ала-шаня.

Подъ именемъ Ала-шаня или За-ордоса извѣстна часть Гоби, лежащая къ западу отъ Желтой рѣки. Границей на западѣ является р. Эдзинъ, а южною—сѣверные склоны Нанъ-шаня.

Пржевальскій шесть разъ посѣтилъ Ала-шань и подробно изслѣдовалъ какъ песчаную равнину, такъ и горный хребетъ, отдѣляющій ее отъ долины Хуанъ-хэ. Пески здѣсь простираются на сотни верстъ и имѣютъ видъ взволнованнаго моря; мѣстами они прерываются небольшими площадками плотно убитой лессовой глины или солончаками. Въ сѣверо-восточномъ углу Ала-Шаня Пржевальскимъ открыто большое самоосадочное озеро Джаратай-дабасунъ, воды котораго представляютъ настолько концентрированный разсолъ, что даже на поверхности происходитъ осажденіе кристалловъ соли, и озеро издали представляется покрытымъ корою, словно ледяною. Соляной пластъ, образовавшійся на днѣ, достигаетъ отъ 2 до 6 футовъ толщины.

Ала-шаньскій хребетъ соединяется на своей сѣверной оконечности съ ордосскимъ хребтомъ Арбусъ-ула и Хуанъ-хэ прорывается здѣсь въ узкой тѣснинѣ между обоими кряжами. Хребетъ этотъ образуетъ сплошную высокую гряду, и отдѣльныя вершины нигдѣ не подымаются рѣзко надъ общимъ уровнемъ; возвышенности подымаются здѣсь до 11—$11^{1}/_{2}$ т. ф., но ни одна не достигаетъ области вѣчныхъ снѣговъ.

На западномъ, болѣе отлогомъ склонѣ Пржевальскій нашелъ три характерныхъ зоны: степную, шириною версты въ 2, занимающую подножіе и нижнюю полосу скатовъ, лѣсную, на высотѣ отъ 7,500 ф. до 10,000 ф. и верхнюю альпійскую. Вдоль хребта, начиная отъ его подножія, простирается полоса степей съ довольно развитою травяною растительностью и усѣянную валунами; ширина этой полосы отъ 15 до 20 верстъ; далѣе начинается мертвая песчаная пустыня.

Сравнительное богатство растительности на Ала-шаньскомъ хребтѣ Пржевальскій объясняетъ дождями, которые приносятся сюда китайскими муссонами; эти же вѣтры приносятъ въ изобиліи осѣдающую здѣсь плодородную лессовую пыль, благодаря чему склоны покрыты здѣсь плодородною (при достаточномъ орошеніи) почвою. Но несмотря на дожди, хребетъ вообще бѣденъ водою и здѣсь образуется лишь два небольшихъ ручья, которые, пробѣжавъ нѣсколько верстъ, теряются въ пескахъ.

Въ западной Гоби различается двѣ части: Чжунчарская пустыня между Алтаемъ на сѣверѣ, Тарбагатаемъ на западѣ, Тянь-шанемъ на югѣ и Восточный Туркестанъ или Таримско-лобнорская котловина, между Тянь-шанемъ и сѣверною оградою Тибета.

Въ Чжунгарской равнинѣ Пржевальскій прошелъ три раза: во время второй своей прерванной экспедиціи, и въ третье путешествіе.

Въ первый разъ (въ 1877 г.) онъ прослѣдовалъ по сѣверозападной окраинѣ Чжунгаріи и пересѣкъ ее посрединѣ, пройдя до города Гучена у подножія Тянь-шаня и обратно до Зайсана. Въ Тибетскую экспедицію онъ изслѣдовалъ всю сѣверо-восточную окраину, пройдя по подножію Алтая (по теченію рѣки Урунгу) и снова пересѣкъ всю равнину, достигнувъ при-тянь-шаньскаго города Баркуля. На всемъ этомъ пути онъ сдѣлалъ съемку.

Чжунгарская пустыня, по описанію Пржевальскаго, представляетъ обширную волнистую равнину, постепенно повышающуюся къ востоку. Въ сѣверной и восточной частяхъ она покрыта щебнемъ и гравіемъ, продуктами разрушенія породъ, изъ которыхъ сложены лежащія здѣсь и по сосѣдству горы, на западѣ же и въ особенности на сѣверо-западѣ почва слагается преимущественно изъ залежей лессовой глины; далѣе къ югу залегаютъ сплошные сыпучіе пески, мѣстами прерываемые солончаковыми пространствами.

Болѣе подробное описаніе Николай Михайловичъ далъ относительно бассейна рѣки Урунгу, который онъ изслѣдовалъ весь, и озера Улюнгура. Озеро это обширно, имѣетъ около 130 верстъ въ окружности и расположено на абсолютной высотѣ 1,600 ф.; восточный берегъ болотистый и усѣянъ мелкими озерами и солончаками, на основаніи чего Пржевальскій заключилъ, что озеро это усыхаетъ и недавно еще простиралось гораздо дальше къ востоку; озеро Бага-норъ, находящееся въ 15 верстахъ (къ ю.-в.) отъ нынѣшняго берега Улюнгура, по его мнѣнію, несомнѣнно представляетъ древній остатокъ этого озера.

Въ восточной части Чжунгаріи, при пересѣченіи ея по направленію къ Баркулю, Пржевальскій встрѣтилъ два хребта, простирающихся параллельно Алтаю и Тянь-шаню: Балтыкъ-богдо и Хара-сырхэ (Куку) оба до 5,000 футъ. Къ югу отъ послѣдняго разстилается необозримая песчаная совершенно безжизненная равнина, которою чжунгарская пустыня соединяется съ Монгольскою Гоби.

Колоссальный азіатскій хребетъ Тянь-шань, которымъ ограничивается на западѣ центрально-азіасткое нагорье, Пржевальскій пересѣкъ четыре раза: два раза у истоковъ рѣки Или во вторую экспедицію, одинъ разъ въ третью на восточной оконечности между городами Баркулемъ и Хами и въ послѣдній разъ (въ четвертую экспедицію) по Бедельскому перевалу. Изъ-за этой великой грани русской земли онъ собирался произвести еще одинъ отважный «набѣгъ» на страны Центральной Азіи, но здѣсь сложилъ свою «буйную голову» и нашелъ вѣчное успокоеніе послѣ безчисленныхъ подвиговъ.

Полнаго описанія этой колоссальной горной системы Николай Михайловичъ не составилъ, но имъ даны частныя характеристики районовъ, лично изслѣдованныхъ.

При движеніи изъ Кульджи къ берегамъ Тарима и на обратномъ пути изъ негостепріимныхъ предѣловъ коварнаго Бадуалета, Пржевальскій обслѣдовалъ массивное плато Юлдусъ, лежащее между тянь-шаньскими хребтами. Плато это

состоитъ изъ двухъ частей: Малаго (восточнаго) и Большого (западнаго) Юлдуса, которыя раздѣляются между собою небольшимъ хребтомъ, носящимъ различныя мѣстныя названія. Малый Юлдусъ представляетъ собою степную равнину длиною верстъ въ 130, а шириною около 30 верстъ; абсолютная высота 7—8 т. ф. Окружающіе плато хребты мало возвышаются надъ общимъ уровнемъ его поверхности. Посрединѣ, почти во всю длину Малый Юлдусъ прорѣзывается рѣкою Бага-Юлдусъ-голомъ, которая, прорвавшись черезъ пограничный кряжъ, проходитъ на Большой Юлдусъ, имѣющій нѣсколько меньшую абсолютную высоту, но занимающій большую поверхность. Здѣсь рѣка эта протекаетъ подъ именемъ Хайду-гола и впадаетъ въ озеро Баграчъ-куль.

Другое средне-тянь-шаньское плоскогоріе, подобно Юлдусу, Пржевальскимъ встрѣчено у города Баркуля. Плато это имѣетъ около 100 вер. длиною и ограничивается съ сѣвера хребтомъ Мечинъ-ула, а съ юга Тянь-шанемъ.

Восточный Туркестанъ принадлежитъ къ тѣмъ странамъ Центральной Азіи, честь перваго изслѣдованія которыхъ принадлежитъ всецѣло Пржевальскому. Онъ первый изъ европейскихъ ученыхъ путешественниковъ своими изслѣдованіями доставилъ положительныя географическія данныя и этимъ снялъ завѣсу, скрывавшую до того времени эту область отъ ученаго міра.

До путешествій Пржевальскаго въ Восточномъ Туркестанѣ были болѣе или менѣе изслѣдованы лишь западная и сѣверо-западная окраины—именно притяньшаньскіе оазисы и населенные центры по Кашгарской и Яркендской рѣкамъ. Что же касается всей остальной площади этой котловины, то она была извѣстна европейскимъ ученымъ лишь по китайскимъ источникамъ. Наилучшимъ изъ нихъ, которымъ всѣ пользовались, являлась карта Клапрота, составленная по китайскимъ картографическимъ матеріаламъ, добытымъ еще во времена императора Кіенъ-лунга, по свѣдѣніямъ, заключавшимся въ сочиненіяхъ различныхъ древнихъ китайскихъ авторовъ и по другимъ даннымъ, собраннымъ кропотливымъ трудомъ синологовъ; нѣкоторымъ дополненіемъ къ этому являлись еще сообщенія пекинскихъ миссіонеровъ отчасти по бѣглымъ собственнымъ наблюденіямъ, отчасти же основанныя на тѣхъ же китайскихъ источникахъ, только болѣе новыхъ. Для описанія этихъ земель и нанесенія ихъ на карту ученые, за полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо мѣстныхъ достовѣрныхъ изслѣдованій, обращались къ тщательному изученію произведеній знаменитыхъ китайскихъ классиковъ, почти исключительно древнихъ и пытались на основаніи этихъ цѣнныхъ и «священныхъ» въ глазахъ современныхъ китайцевъ памятниковъ возсоздать дѣйствительность.

Само собою понятно, что всѣ эти матеріалы оказывались весьма мало пригодными для современной науки, столь отличной по своимъ методамъ и даже задачамъ отъ древней китайской премудрости.

Чтобы дать понятіе о достоинствахъ вышеупомянутой карты Клапрота относительно площади Восточнаго Туркестана, достаточно указать на грубыя неточности и невѣрности касательно Тарима и Лобъ-нора.

Рѣка эта показывалась тамъ текущею неизмѣнно въ прямомъ направленіи съ запада на востокъ приблизительно вдоль параллели 40^{0} $45'$ и впадающею въ громадное озеро Лобъ-норъ, овальной формы, которое помѣщалось подъ тою же широтою между 58^{0} и 59^{0} вост. долг. (по Пулковскому меридіану). Большое озеро окружено семью озерами меньшихъ размѣровъ. Разстояніе между Лобъ-норомъ и оз. Баграчъ-кулемъ по этой картѣ показывается лишь около 120 в., тогда какъ въ дѣйствительности оно достигаетъ 360 в. слишкомъ. Къ юго-востоку отъ Лобъ-нора на разстояніи около 100 в. на картѣ Клапрота показано почти одинаковыхъ съ нимъ размѣровъ озеро Гасъ-норъ, которое въ дѣйствительности оказалось весьма скромныхъ размѣровъ и совсѣмъ на другомъ мѣстѣ: на Тибетскомъ нагорьи, верстъ на 300 отъ Лобъ-нора.

Но особенно крупныя невѣрности старыхъ картъ относятся къ южной границѣ Восточно-Туркестанской пустыни. На картѣ Клайрота пустыня эта простирается къ югу отъ параллели Тарима и Лобъ-нора верстъ на 500 до хребта Куэнъ-люнь, который считался непосредственной, рѣзко очерченной границей Тибета и наносился прямой линіею по параллели. Далѣе будетъ указано, какія громадныя измѣненія въ нанесеніи этой колоссальной горной системы произведены изслѣдованіями Пржевальскаго. Здѣсь же укажемъ лишь на то, что передовой валъ ограды Тибета, Алтынъ-тагъ оказался отстоящимъ отъ Лобъ-нора лишь на 58 верстъ съ небольшимъ.

Вообще, по выраженію барона А. Е. Тизенгаузена *), «Карты Восточнаго Туркестана того времени (до путешествій Пржевальскаго) по точности своей можно уподобить картамъ Европы, составленнымъ древними географами Греціи и Рима».

Но послѣ экспедицій нашего геніальнаго путешественника въ Восточный Туркестанъ, карта этой области Средней Азіи существенно измѣнилась, и труды позднѣйшихъ путешественниковъ не могли прибавить ничего существеннаго, такъ какъ осталось разрабатывать лишь детали картографіи.

Николай Михайловичъ поставилъ спеціальною цѣлью своей второй экспедиціи изслѣдованіе нижняго теченія Тарима и оз. Лобъ-нора; а въ задачи четвертаго путешествія входило болѣе подробное ознакомленіе съ южной окраиной Таримско-лобъ-норской котловины и ограничивающей ее сѣверной оградою Тибета, наряду съ изслѣдованіемъ верхней части Таримскаго бассейна, причемъ снова посѣщенъ былъ Лобъ-норъ. Эти два путешествія доставили ему обширный матеріалъ, на основаніи котораго Николай Михайловичъ далъ полное описаніе всей впадины Восточнаго Туркестана.

Въ 1876 г., двигаясь отъ Кульджи къ Тариму, Пржевальскій вскорѣ убѣдился въ невѣрности существующихъ картъ, встрѣтивъ вмѣсто одного русла этой рѣки немного ниже г. Курла — три: Инчике-дарью, Угенъ-дарью и собственно Таримъ, не считая притока Конче-дарья, составляющей подъ именемъ Хайду-гола истокъ озера Баграчъ-куля.

*) См. Дубровинъ, стр. 493.

«Всѣ три рукава Тарима приблизительно на 57 меридіанѣ (считая отъ Пулкова) круто поворачиваютъ на юго-востокъ, при чемъ Инчике-дарья сливается съ Конче-дарьей, а Угенъ-дарья—съ Таримомъ.

Однако, нѣсколько ниже русло Тарима снова раздѣляется на два рукава, которые черезъ нѣсколько времени опять сливаются вмѣстѣ, и соединенная рѣка Таримъ поворачиваетъ отсюда еще болѣе къ югу, сохраняя это направленіе до впаденія въ озеро Кара-буранъ, размѣры котораго весьма значительны: длина 30—35 верстъ, ширина 10—12 верстъ, но глубина небольшая: 3—4 фута. Берега его отлогіе, покрыты солончаками и затопляются на большое пространство при господствующихъ здѣсь сильныхъ вѣтрахъ съ востока.

Пройдя черезъ Кара-буранъ, Таримъ становится весьма значительною рѣкою, но при дальнѣйшемъ теченіи быстро уменьшается въ своихъ размѣрахъ; причина этого заключается помимо сильнаго испаренія, въ особенности при лѣтнихъ жарахъ и постоянныхъ сухихъ вѣтрахъ, — еще въ томъ, что воды рѣки отводятся жителями въ стороны по многочисленнымъ каналамъ.

Пройдя такимъ образомъ верстъ двадцать, послѣ выхода изъ Кара-бурана, Таримъ впадаетъ въ озеро Кара-курчинъ или Лобъ-норъ, размѣры котораго уже указаны раньше.

По своей формѣ это озеро или правильнѣе обширное тростниковое болото представляетъ неправильный элипсисъ, вытянутый длинною осью по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Глубина вездѣ незначительная, но вода прозрачная, чистая и прѣсная, какъ и въ самомъ Таримѣ.

Послѣднее качество воды существенно отличаетъ Лобъ-норъ отъ всѣхъ другихъ озеръ Центральной Азіи, у которыхъ всегда вода въ большей или меньшей степени солона. Но Лобъ-норъ въ сущности не озеро, а мелководный разливъ рѣки Тарима, обусловленный топографіей и физическими условіями мѣстности. Вздутіе Алтынъ-тага заставляетъ рѣку свернуться со своего прежняго пути и пойти въ обходъ, при чемъ воды сильно разливаются въ ширину по почти горизонтальной поверхности; сильное увеличенія испаренія, происходящее отъ этого, позволяетъ рѣкѣ пройти при такихъ условіяхъ лишь на сотню верстъ, а далѣе теченіе уже не можетъ продолжаться.

Этому же уменьшенію количества воды, какъ выше указано, способствуетъ также въ немалой степени и прорытіе искусственныхъ каналовъ, путемъ которыхъ образуются временные искусственные водоемы (см. раньше).

Въ Лобъ-норѣ теченіе рѣки болѣе или менѣе ясно замѣчается вдоль всего западнаго берега, но у противоположныхъ восточныхъ береговъ, въ особенности въ мелководныхъ заводяхъ, вода имѣетъ солоноватый вкусъ, такъ какъ во время весенняго таянія снѣга и при случайныхъ дождяхъ соль въ обиліи выщелачивается изъ окружающей озеро солончаковой почвы, а между тѣмъ притокъ прѣсной рѣчной воды здѣсь не великъ.

Замѣчающееся повсемѣстно въ Средней Азіи усыханіе несомнѣнно имѣетъ

мѣсто и въ Лобъ-норскомъ бассейнѣ; Пржевальскій считаетъ, что въ былыя времена озера Кара-буранъ и Лобъ-норъ составляли одно цѣлое, и бассейнъ этотъ занималъ значительно большую площадь, чѣмъ въ настоящее время; доказательство этому онъ видитъ въ плоскихъ низменныхъ равнинахъ съ солонцеватою намывною почвою, которыя облегаютъ широкою полосою оба современныя озера съ юга и залегаютъ между ними и вдоль южнаго берега нижняго Тарима.

Въ своемъ среднемъ теченіи Таримъ, протекая по значительному уклону съ большою быстротою, точно также какъ и его притоки и рукава, вырыли себѣ въ рыхлой почвѣ глубокія, корытообразныя русла. По берегамъ нижняго Тарима разбросаны во множествѣ болота и небольшія озера, изъ которыхъ многія образованы искусственно для цѣлей рыболовства, какъ это было раньше указано.

Характеръ прибрежныхъ равнинъ весьма различенъ. Вдоль береговъ, въ особенности лѣваго, узкая полоса по большей части покрыта кустарниками, мѣстами и лѣсомъ, а по болотамъ растутъ густые высокіе тростники; далѣе вглубь страны отъ лѣваго берега преобладаетъ почва глинистая, отчасти солончаковая, то совершенно оголенная, представляющая видъ безжизненной пустыни, то покрытая рѣдкими кустарниками тамариска и саксаула; пески, по крайней мѣрѣ, болѣе значительными скопленіями здѣсь встрѣчаются рѣдко.

Наоборотъ, равнины праваго берега представляютъ почти сплошь голые пески, набросанные холмами, которые мѣстами подходятъ къ самому берегу.

Такой характеръ береговъ, т. е. скопленіе песковъ на одномъ правомъ берегу и преобладаніе восточныхъ вѣтровъ, по мнѣнію Пржевальскаго, обезпечиваютъ ложе Тарима отъ засыпанія, которое навѣрное имѣло бы мѣсто при господствѣ противоположныхъ вѣтровъ.

Результаты изслѣдованій Пржевальскаго, произведенныхъ въ 1876—77 гг., доставили множество новыхъ данныхъ, противорѣчащихъ прежнимъ, прочно утвердившимся воззрѣніямъ ученыхъ географовъ, и возбудили огромный интересъ во всемъ ученомъ мірѣ. Но слава Николая Михайловича, какъ добросовѣстнаго и надежнаго изслѣдователя, уже въ то время были настолько упрочена, что лишь весьма немногіе усумнились отбросить издавна утвердившіяся въ наукѣ заблужденія.

Въ особенности невѣроятнымъ казалось новое географическое положеніе, которое установилъ Пржевальскій для озера Лобъ-нора, и такой авторитетный географъ, какъ баронъ Рихтгофенъ, глава берлинскаго общества землевѣдѣнія, даже рѣшился печатно высказать недовѣріе къ открытіямъ Пржевальскаго. Въ начавшейся полемикѣ онъ нашелъ энергичную поддержку со стороны синологовъ, которые, находясь подъ обаяніемъ китайской учености, не допускали возможности географическихъ открытій на территорія Китая и рѣшительно не хотѣли примириться съ тѣмъ, что ихъ «ученѣйшія» и подробнѣйшія географическія описанія до такой степени не согласны съ дѣйствительностью, какъ показалъ это нашъ знаменитый путешественникъ.

Однако, обстоятельное возраженіе Николая Михайловича и повторное посѣщеніе Лобъ-нора въ 1885 г. разсѣяли всѣ сомнѣнія на счетъ этого озера,

и разъ на всегда установлено было вѣрное представленіе о Таримѣ и его конечныхъ озерахъ.

Вмѣстѣ съ Таримомъ Пржевальскій обслѣдовалъ и другія рѣки Лобъ-норскаго бассейна. Къ нимъ въ настоящее время принадлежитъ Черченъ-дарья, впадающая въ Кара-буранъ недалеко отъ устья Тарима, и притокъ ея Чархалыкъ, который вмѣстѣ съ двумя незначительными ручьями: Джагансай-дарья и Карганъ-булакъ беретъ начало на вновь открытомъ хребтѣ Алтынъ-тагъ, но два послѣдніе доходятъ до озера только временами, при полой водѣ, а въ остальное время теряются въ пескахъ; точно также Чархалыкъ лишь временами доходитъ до Черченъ-дарьи.

Послѣдняя обслѣдована весьма подробно, такъ какъ Николай Михайловичъ въ свою послѣднюю экспедицію видѣлъ сначала истоки въ перевалѣ, гдѣ сходятся хребты Алтынъ-тагъ и Тогузъ-дабанъ, а затѣмъ прошелъ почти по всему теченію этой рѣки до города Черчена.

Черченъ-дарья, по описанію Пржевальскаго, представляетъ собою типичную рѣку пустыни, извивающуюся среди песковъ по зыбучему руслу широкимъ плесомъ, достигающимъ мѣстами 200 саженей, между тѣмъ какъ главное русло, гдѣ ясно обозначается теченіе, не шире 30—35 саженей. Вдоль береговъ тянутся съ обѣихъ сторонъ русла неширокія полосы весьма бѣдной растительности, преимущественно кустарниковой, но отчасти и лѣсной.

Юго-западная часть верхняго бассейна Тарима также впервые изслѣдована Пржевальскимъ. Изъ притоковъ этой наибольшей изъ средне-азіатскихъ рѣкъ, обстоятельно изслѣдована Хотанъ-Дарья, до Николая Михайловича не пройденная ни однимъ европейцемъ.

Рѣка эта составляется изъ рѣкъ Юрунъ-каша и Кара-каша, которыя обѣ питаются ледниками тибетскихъ горъ и пробиваются чрезъ каменныя громады къ сѣверу до таримской котловины.

По выходѣ изъ Хотанскаго оазиса, Хотанъ-дарья вступаетъ въ сыпучіе пески среди которыхъ течетъ широкимъ русломъ, достигающимъ во время половодья до версты въ ширину, а при низкой водѣ наоборотъ съуживается и представляетъ лишь рядъ болѣе или менѣе широкихъ и глубокихъ омутовъ, соединенныхъ узкими и мелководными рукавами.

Въ самое жаркое время Хотанская рѣка даже изсякаетъ совершенно верстахъ въ 80 ниже сліянія Юрунъ-каша съ Кара-кашемъ и не доходитъ до Тарима. Въ нижнемъ своемъ теченіи Хотанъ-дарья вообще имѣетъ очень мало воды, которая изсякаетъ подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца и сухихъ вѣтровъ пустыни; здѣсь правильное теченіе сохраняется лишь въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, во время половодья.

Устье Хотанъ-дарьи находится въ 20 верстахъ ниже впаденія Яркендъ-дарьи.

Послѣдняя, послѣ своего сліянія съ Аксуйской рѣкой, собственно, составляетъ

начало Тарима. Изслѣдованія произведенныя Пржевальскимъ въ районѣ его пути во время послѣдней экспедиціи (въ 1885 году) закончили изученіе Таримскаго бассейна.

При сліяніи Аксуйской и Яркендской рѣкъ, Таримъ имѣетъ около 80 саж. ширины и $6^1/_2$ фут. глубины; по словамъ мѣстныхъ жителей, даже въ самую низкую воду глубина рѣки не бываетъ меньше 3 мѣстами даже 4 футовъ. Отсюда Николай Михайловичъ выводитъ важное заключеніе, что Таримъ отъ устья Яркендъ-дарьи и до самаго Лобъ-нора, т. е. на протяженіи 700 верстъ судоходенъ и доступенъ для мелкосидящихъ рѣчныхъ пароходовъ (съ осадкою не ниже 3 ф.).

Не трудно видѣть, что открытіе это имѣетъ громадное значеніе для развитія культуры въ Восточномъ Туркестанѣ, тѣмъ болѣе, что на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, а отчасти и своихъ собственныхъ изслѣдованій, Николай Михайловичъ высказалъ предположеніе, что судоходна также и Яркендъ-дарья вверхъ до сліянія съ Кашгарскою рѣкою, Аксу-дарья до города Аксу и Конче-дарья до г. Курла, а быть можетъ и до своего истока, озера Баграчъ-куля.

Пустыня Восточнаго Туркестана, заключающая въ себѣ Таримско-лобъ-норскую котловину, пройдена Пржевальскимъ четыре раза поперекъ: во вторую экспедицію (въ 1876—77 гг.) вдоль нижняго теченья Тарима, въ третью (въ 1879 г.) по срединѣ отъ Баркуля черезъ Хами до Са-чжоу и въ четвертую (1885 г.) на западной окраинѣ, по Хотанской рѣкѣ и одинъ разъ вдоль по южной окраинѣ (въ 1885 г.).

Вся эта пустынная равнина, заключающая въ себѣ около 800,000 кв. верстъ до путешествій Пржевальскаго была страною совершенно невѣдомою: европейскіе ученые не знали о существованіи огромныхъ снѣговыхъ хребтовъ, стекающихъ съ нихъ и питающихся ихъ ледниками быстрыхъ горныхъ рѣкъ и оплодотворяемыхъ ими плодородныхъ, густонаселенныхъ оазисовъ, изъ которыхъ только самые главные, какъ напр. Хотанъ и Аксу были извѣстны, да и то лишь по свѣдѣніямъ китайскимъ или сообщеніямъ болѣе или менѣе случайнымъ и отрывочнымъ тѣхъ немногихъ европейцевъ, которымъ удавалось проникнуть сюда.

Пржевальскій на основаніи личныхъ изслѣдованій далъ обстоятельное описаніе Восточнаго Туркестана и установилъ названія (отчасти свои собственныя, отчасти туземныя) различнымъ частямъ этой обширной равнины.

По описанію Николая Михайловича, огромная площадь, длиною верстъ въ 350 и шириною мѣстами въ 350—370 в., обнимающая южную часть Восточнаго Туркестана, къ югу отъ Тарима (нижняго его теченія) и Яркендъ-дарьи, наполнена сыпучими песками. Нигдѣ въ Средней Азіи, отъ Китая до Каспійскаго моря, не встрѣчаются такія обширныя скопленія песковъ, какъ здѣсь. Совершенно безжизненные и оголенные, за исключеніемъ лишь узкихъ полосъ, сопровождающихъ теченіе немногочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, таримскіе пески мѣстам представляютъ скопленія продолговатыхъ невысокихъ уваловъ, мѣстами типичные барханы.

Навѣтренная сторона у тѣхъ и другихъ, какъ и всегда, полога, подвѣтренная же, наоборотъ, имѣетъ очень короткій скатъ, а иногда даже обрывиста.

Детальное изученіе геологическаго строенія и топографіи на столь значительномъ пространствѣ, конечно, было невозможно при кратковременныхъ пребываніяхъ въ различныхъ мѣстахъ.

Однако Пржевальскій высказываетъ предположеніе, что на всемъ протяженіи этой песчаной пустыни едва ли можно ожидать какихъ либо болѣе значительныхъ горныхъ грядъ.

Только на западной окраинѣ, по Хотанской рѣкѣ, въ 50 верстахъ отъ сліянія Юрунъ-каша и Кара-каша имъ встрѣченъ узкій и невысокій хребетъ Мазаръ-тагъ, простирающійся въ сѣверо-западномъ направленіи и доходящій по указаніямъ туземцевъ до Кашгарской рѣки. Къ востоку отъ нижняго Тарима характеръ мѣстности значительно измѣняется; пески встрѣчаются гораздо рѣже и здѣсь они уже нигдѣ не скопляются сплошнымъ покровомъ на значительныхъ пространствахъ. Часто почва состоитъ изъ рыхлой глины, то совершенно безжизненной и оголенной, то поросшей скудною степною растительностью: кустами тамариска, саксаула, вокругъ которыхъ свирѣпые вѣтры пустыни накопляютъ песчаные сугробы.

Топографія и здѣсь та же—въ общемъ преобладаетъ совершенная равнина, только вблизи озера Баграчъ-куля отъ Тянь-шаня отдѣляется отрогъ, который идетъ далеко на востокъ подъ именемъ Курукъ-тагъ и верстъ черезъ 200 оканчивается грядою небольшихъ песчаныхъ холмовъ.

Продолженіе этого хребта можно однако видѣть далѣе на востокъ въ горахъ Сулусинъ-тагъ, нанесенныхъ на карту въ третью экспедицію, на пути отъ Хами до Са-чжоу; наконецъ, непрерывная связь съ этою же грядою повидимому существуетъ и у хребта Чухунъ-шанъ, который простирается уже на сѣверной окраинѣ Ала-шаня, такъ что непрерывная гряда возвышенностей протянулась по мнѣнію Пржевальскаго черезъ всю почти пустыню Гоби съ запада на востокъ приблизительно вдоль 41-й параллели.

Къ югу отъ хребта Курукъ-тага мѣстность имѣетъ все еще дикій, совершенно пустынный характеръ и носитъ названіе Гашуньской-гоби; по своей дикости и недоступности она почти не уступаетъ выше упомянутымъ пескамъ Кузипчи и Тынгери.

Восточная оконечность равнины Восточнаго Туркестана или правильнѣе Западной Гоби названа Николаемъ Михайловичемъ Хамійскою пустыней; она не столь обширна, какъ вышеупомянутая громадная площадь песковъ Тарима и занимаетъ самую узкую часть Гоби, гдѣ сѣверная и южная ограда Центрально-азіатскаго нагорья (Тянь-шань и Нанъ-шань) наиболѣе сближаются между собою Здѣсь проходитъ путь, соединяющій Притянь-шанскіе оазисы съ Гань-суйскою провинціей Западнаго Китая.

По опредѣленію Пржевальскаго, Хамійская пустыня представляетъ обшир-

ное вздутіе около 5,000 фут. абсолютной высоты, имѣющее около 120 верстъ въ поперечникѣ; поверхность здѣсь имѣетъ видъ волнистой равнины, на которой разбросаны лёссовые холмы, по большей части съ обрывистыми боками, въ видѣ стѣнъ, башенъ, столовъ и т. п.; почва покрыта гравіемъ и галькою и совершенно обнажена отъ растительности. Съ сѣвера и съ юга это вздутіе ограждено грядами невысокихъ холмовъ—Бэй-сянъ, которые тянутся съ запада на востокъ и по предположенію Пржевальскаго составляютъ продолженіе Курукъ-тага.

Какъ историческія свидѣтельства и даже преданія, сохранившіяся отчасти до сихъ поръ среди туземцевъ, такъ и геологическія данныя несомнѣнно убѣждаютъ, что огромная площадь Восточнаго Туркестана въ болѣе или менѣе отдаленныя времена имѣла болѣе благопріятныя физическія условія, чѣмъ теперь. Несомнѣнно, что пески и всѣ другіе аттрибуты пустыни все болѣе и болѣе распространяются и въ настоящее время; страна эта, какъ и вся средняя Азія, подверженная усыханью, быть можетъ, въ будущемъ превратится въ сплошную безжизненную и страшную пустыню. Нынѣ единственными собирателями атмосферной влаги являются окаймляющіе ее съ сѣвера и съ юга исполинскіе хребты, съ которыхъ стекаютъ, правда, немногочисленные, но все же хотя временами и въ извѣстномъ раойнѣ обильные водою потоки, которые даютъ жизнь многочисленнымъ оазисамъ, лежащимъ у подножія той и другой ограды.

Существованіе многихъ изъ этихъ оазисовъ было извѣстно съ глубокой древности, но объ ихъ населеніи, условіяхъ быта, наконецъ, о протяженіи, климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, имѣлись лишь скудныя свѣдѣнія; Николай Михайловичъ посѣтилъ почти всѣ извѣстные до него оазисы, кромѣ того открылъ нѣсколько новыхъ, и наука обязана ему первымъ обстоятельнымъ описаніемъ ихъ.

Изъ притяньшанскихъ оазисовъ Пржевальскій посѣтилъ Аксу, Курла и Хами, которые въ значительной степени были изслѣдованы уже и до него, преимущественно русскими путешественниками, съ тѣхъ поръ какъ горы Тяньшань стали границею русскаго государства.

Но главная его заслуга заключается въ описаніи оазисовъ, расположенныхъ у подошвы Тибетскаго нагорья. Въ четвертую свою экспедицію (въ 1885 г.) онъ прошелъ вдоль сѣвернаго подножія Куэньлюньской горной системы съ востока на западъ на разстояніи болѣе 1,500 верстъ и посѣтилъ оазисы: Черченскій, Нія, Ясунгунъ, Ой-тугракъ, Кэрія, Чира и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ по протяженію.

Въ своихъ описаніяхъ онъ постоянно придерживался, по возможности, одного плана и приводитъ: 1) ихъ размѣры, 2) численность населенія, 3) его этнографическую характеристику, родъ занятій, условія быта. Всѣ эти оазисы, являющіеся незначительными клочками среди окружающей безпредѣльной пустыни, чрезвычайно однородны, благодаря рыхлой лессовой почвѣ, нуждающейся исключительно въ орошеніи.

Открытіе оазисовъ и опредѣленіе дѣйствительнаго географическаго положенія

Лобъ-нора дало возможность узнать направленіе древняго пути изъ Европы въ Китай. До Пржевальскаго европейскіе ученые считали пустыню Гоби непроходимою, и непонятнымъ являлось сообщеніе знаменитаго путешественника XIII в. Марко Поло, что онъ шелъ мимо Лобъ-нора. Когда Пржевальскій показалъ, что озеро это лежитъ значительно южнѣе, чѣмъ это раньше предполагали и при томъ вблизи новооткрытаго имъ хребта Алтынъ-Тага, составляющаго передовой уступъ Тибета, то стало понятно, что именно здѣсь долженъ былъ пролегать путь черезъ пустыню, такъ какъ у подножія высокихъ горъ больше шансовъ встрѣтить ключи и кормъ для животныхъ, чѣмъ въ открытой пустынной равнинѣ.

Переходимъ теперь къ Тибету, наиболѣе интересной съ нашей точки зрѣнія области, такъ какъ здѣсь трудами нашего знаменитаго путешественника поистинѣ снята завѣса таинственности, скрывавшая эту замѣчательную во многихъ отношеніяхъ страну отъ европейской науки.

До путешествій Николая Михайловича совершенно неизученнымъ было почти все Тибетское нагорье, т. е. площадь между 30° и 36° сѣв. широты, 52° и 72° восточной долготы (по пулковскому меридіану), за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстностей по южной и юго-западной окраинѣ плоскогорія.

Край этотъ оставался загадочнымъ какъ относительно его топографіи, такъ и еще болѣе касательно флоры, фауны и населенія. Физическое строеніе этой страны, по выраженію Николая Михайловича, извѣстно было не болѣе, чѣмъ видимая намъ сторона луны.

Только въ восточной части, по пути буддійскихъ богомольцевъ, въ послѣднее время удалось побывать нѣкоторымъ европейцамъ, преимущественно монахамъ и миссіонерамъ, но ни одинъ изъ этихъ путешественниковъ не производилъ систематическихъ научныхъ изслѣдованій и не оставилъ болѣе или менѣе подробнаго и обстоятельнаго описанія посѣщенныхъ мѣстностей.

Крайняя скудость научныхъ свѣдѣній о природѣ Тибета легко объясняется необыкновенными трудностями, которыя представляютъ здѣсь смѣльчаку, рискнувшему пробраться туда: то дикая негостепріимная природа, то разбойничьи племена, обитающія въ нѣкоторыхъ пунктахъ этой въ общемъ пустынной и безлюдной страны. Николай Михайловичъ былъ первымъ изъ путешественниковъ, который рѣшился проникнуть туда съ научною цѣлью, вполнѣ подготовленный для производства здѣсь изслѣдованій, необыкновенно смѣлый и энергичный, съ закаленнымъ организмомъ, но и его желѣзное здоровье подломилось *) въ постоянной борьбѣ съ непривычными для европейца физическими условіями заоблачныхъ высотъ Тибета, превышающихъ высочайшія вершины Альпъ и Кавказа. Въ предыдущемъ изложеніи были уже довольно подробно описаны всѣ особенности кли-

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ докторовъ, причину безвременной смерти Николая Михайловича, между прочимъ, надо искать въ долговременномъ пребываніи его на слишкомъ большой абсолютной высотѣ Тибетскаго нагорья, что неблагопріятно отразилось на дѣятельности сердца.

мата и природы Тибетскаго нагорья, которыя представляютъ преграды для пытающихся туда проникнуть. Необыкновенно разрѣженный воздухъ, изнурительно дѣйствующій на человѣка и животныхъ; крайности климата и необыкновенно рѣзкіе переходы отъ большой влажности къ крайней сухости, отъ дневного жара—къ ночнымъ морозамъ въ—30° и болѣе; отсутствіе топлива, въ особенности при постоянныхъ дождяхъ, когда намокшій аргалъ горитъ только при усиленномъ безпрестанномъ раздуваніи; скудный кормъ для караванныхъ животныхъ; наконецъ, подозрительность и враждебность туземцевъ, съ которыми постоянно необходимо было вести себя очень осторожно и не разъ приходилось даже вступать въ открытую борьбу—вотъ тѣ препятствія, которыя въ теченіе многихъ столѣтій заграждали путь европейцамъ, до тѣхъ поръ, пока за исполненіе этой задачи не взялся Пржевальскій.

Границами Тибетскаго плоскогорья съ юга являются высочайшія въ свѣтѣ горы Гималайскія, съ сѣвера гигантская система Куенъ-люнь, съ запада цѣпи Каракорумъ, Гиндукушъ и грандіозная «Крыша Міра»—Памиры, а съ востока крайнія западныя провинціи Китая: Гань-су и Сы-чуань. Огромная площадь, заключающаяся въ этихъ предѣлахъ, можетъ быть раздѣлена на три довольно рѣзко различающіяся между собою по топографическому характеру части 1) южный Тибетъ, къ которому относится полоса предгорій Гималаевъ и верхнія долины рѣкъ, стекающихъ въ плодородную индійскую низменность—Инда; Сетледжа и Брамапутры; 2) сѣверный Тибетъ, самая обширная часть, представляющая массивное плоскогоріе съ общимъ пустыннымъ характеромъ и 3) восточный Тибетъ, альпійская страна, составляющая переходъ отъ колоссальнаго поднятія сѣвернаго Тибета къ низменнымъ равнинамъ собственнаго Китая здѣсь поверхность изрыта огромными и чрезвычайно глубокими корридорами, изборождена горными хребтами, понижающимися уступами къ востоку и юго-востоку.

Границею между столь различными по своему топографическому характеру сѣвернымъ и восточнымъ Тибетомъ, по изслѣдованіямъ Пржевальскаго, можно принять прямую линію, проведенную отъ озера Тенгри-норъ къ истокамъ Желтой рѣки.

До южнаго Тибета Пржевальскому не удалось проникнуть, хотя въ планы его пятой, неосуществившейся по случаю внезапной его смерти, экспедиціи и входило пробраться до Гималаевъ и изучить мѣстность вдоль сѣверной подошвы этого хребта.

Въ восточный Тибетъ Николай Михайловичъ заходилъ дважды: въ третью и четвертую экспедиціи, но здѣсь изученіе ограничилось сравнительно небольшимъ райономъ истоковъ Желтой рѣки и верховій Голубой рѣки (Муръ-усу, Ды-чю).

Но главная заслуга Николая Михайловича заключается въ изслѣдованіи Сѣвернаго Тибета, преимущественно въ полосѣ, пограничной съ Восточнымъ и сѣверной его ограды.

Массивное вздутіе сѣвернаго Тибета, по описанію Пржевальскаго, прости-

рается съ запада на востокъ на 1,000—1,500 в., а въ ширину въ среднемъ верстъ на 500; абсолютная высота на всемъ этомъ пространствѣ не спускается почти нигдѣ ниже 13 тыс. ф. и въ среднемъ составляетъ 14—15 тыс. ф.

Все это плоскогорье въ общемъ имѣетъ столовидную форму, но на его поверхности простираются хребты, которые по большой части протянулись съ з. на в., т. е. параллельно Куень-люньской системѣ, но подымаются надъ общимъ уровнемъ плато незначительно: на 1,000—2,000 ф.

Пржевальскій даетъ общую характеристику Тибетскихъ хребтовъ: формы ихъ по большей части отличаются мягкостью, скаты длинны и отлоги, такъ что перевалы рѣдко представляютъ большія препятствія для перехода; вершины куполообразны. Хотя абсолютная высота этихъ горъ весьма значительна и превышаетъ, напр., Кавказскій хребетъ, но только немногія отдѣльныя вершины имѣютъ залежи вѣчныхъ снѣговъ; снѣговая линія такимъ образомъ лежитъ здѣсь очень высоко и внутри плоскогорія расположена на высотѣ 16,500 ф.—17,000 ф.

Въ промежуткахъ между хребтами залегаютъ болѣе или менѣе пространныя волнистыя равнины, по большей части замкнутыя со всѣхъ сторонъ возвышенностями и имѣющія характеръ обособленныхъ въ гидрографическомъ отношеніи котловинъ.

Своеобразный характеръ формъ Тибетскихъ горъ, по объясненію Николая Михайловича, является результатомъ необыкновенно сильныхъ и почти безпрестанныхъ бурь, которыя свирѣпствуютъ здѣсь большую часть года. Впрочемъ, бури, по его замѣчанію, являются весьма важнымъ геологическимъ дѣятелемъ не только здѣсь, но и во всей Центральной Азіи и производятъ такія разрушенія и измѣненія въ формахъ рельефа, какія въ другихъ странахъ земного шара являются послѣдствіемъ геологической дѣятельности водъ, циркулирующихъ на поверхности. Непрерывно въ теченіе многихъ вѣковъ разгуливаютъ здѣсь вѣтры на просторѣ, выдуваютъ, измельчаютъ въ пыль и поднимаютъ на воздухъ прежніе водные осадки и въ переработанномъ видѣ отлагаютъ ихъ мощными толщами лёса въ замкнутыхъ котловинахъ, значительно повышая съ теченіемъ времени ихъ уровень на огромныхъ протяженіяхъ; горные хребты и всѣ другіе выступы поверхности постепенно сглаживаются и разрушаются, наоборотъ сыпучіе пески переносятся съ мѣста на мѣсто, заполняя всѣ углубленія.

Переходя къ детальному разбору изслѣдованій Пржевальскаго въ Тибетѣ, мы прежде всего должны остановиться на области Куку-норъ, которая до перваго путешествія Николая Михайловича принадлежала къ наиболѣе загадочнымъ странамъ въ мірѣ. Пржевальскій три раза посѣтилъ «Голубое озеро» и благодаря его изслѣдованіямъ объ немъ имѣются весьма точныя и довольно подробныя свѣдѣнія; можно сказать, что область Куку-норъ теперь принадлежитъ къ наиболѣе изученнымъ уголкамъ Центральной Азіи.

Громадное альпійское озеро Куку-норъ представляетъ собою совершенно замкнутый бассейнъ, и котловина его, значительно приподнятая надъ уровнемъ поверхности сосѣдней Гобійской пустыни, окружена со всѣхъ сторонъ горами.

Съ сѣвера Куку-норская котловина ограничивается отрогами и развѣтвленіями Нань-шаньской горной системы, а съ юга горами другой системы, которыя Пржевальскій назвалъ хребтомъ Южно-Куку-норскимъ. Котловина эта въ видѣ широкой равнины простирается далеко на западъ, гдѣ обѣ вышеупомянутыя системы возвышенностей соединяются посредствомъ хребта Риттера. Наконецъ, съ востока Куку-норская равнина отдѣляется отъ сосѣдней Гань-суйской провинціи хребтомъ Южно-Тэтунгскимъ.

Всѣ перечисленные хребты непосредственно связаны съ Тибетскими горами и составляютъ ихъ развѣтвленія, продолженія или отроги.

Само озеро Куку-норъ расположено въ восточной части указанной равнины; но лежитъ на абсолютной высотѣ 10,700 ф. и представляетъ огромную водную поверхность около 6,000 квадр. верстъ (около 100 в. въ длину, съ с.-з. на ю.-в. и 50—60 въ ширину). Въ сѣверо-восточной части, гдѣ Николай Михайловичъ производилъ измѣренія по льду, оказалась весьма большая глубина въ 59 фут. на разстояніи трехъ верстъ отъ берега. По неимѣнію лодки подробный промѣръ глубины былъ невозможенъ, но нѣкоторыя соображенія (характеръ береговъ, общая топографія равнины, направленіе господствующихъ вѣтровъ и др.), а также сообщенія туземцевъ даютъ основаніе Пржевальскому предполагать, что сѣверо-восточная часть озера—самая глубокая. Въ юго-западной части глубина по измѣренію оказалась гораздо меньше, берегъ здѣсь отлогій и песчаный и наносы песку безпрестанно повышаютъ уровень дна.

Какъ всѣ другіе водные бассейны Средней Азіи, Куку-норъ усыхаетъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ небольшое озеро Хара-норъ, лежащее недалеко отъ восточнаго берега Куку-нора и раньше несомнѣнно составлявшее его часть. Вода въ озерѣ соленая и замѣчательна тѣмъ, что издали отливаетъ голубоватымъ цвѣтомъ, откуда и произошло названіе Куку-норъ.

Горы, ограничивающія Куку-норскую котловину, почти вплотную подходятъ къ южному берегу, а съ другихъ сторонъ оставляютъ лишь небольшую низменную прибрежную полосу со степнымъ характеромъ; только съ сѣверо-западной стороны за небольшими береговыми возвышенностями на нѣсколько сотенъ верстъ раскинулась волнистая степная равнина.

Не имѣя истока, озеро Куку-норъ принимаетъ довольно много маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, которые стекаютъ съ окружающихъ горъ. Только одинъ притокъ этого озера имѣетъ довольно значительные размѣры, это—Бухайнъ-голъ, впадающій большою дельтою съ западнаго берега. Рѣка эта въ нижнемъ теченіи вырыла себѣ широкую и глубокую долину въ 12—15 верстъ шир. и вѣроятно, прежде была гораздо болѣе многоводною; но въ настоящее время размѣры ея довольно скромны, у устьевъ она имѣетъ не болѣе 15 саж. ширины, при глубинѣ около 2 ф., хотя длина рѣки, по разсказамъ туземцевъ, достигаетъ 400 верстъ.

Къ востоку и сѣверо-востоку отъ Куку-норской равнины простираются почти параллельно другъ другу два хребта, которые, по имени рѣки, протекающей

въ продольной долинѣ между ними, названы Николаемъ Михайловичемъ горами Сѣверно-Тэтунгскими и Южно-Тэтунгскими. Оба эти хребта очень высоки, хотя и не подымаются до линіи вѣчныхъ снѣговъ, за исключеніемъ одной вершины—Конкырь (въ Сѣверно-Тэтунгскомъ хребтѣ, недалеко отъ истоковъ Тэтунгъ-гола у города Ю-Нань-чень). Двѣ другія вершины, на которыя Николай Михайловичъ подымался и измѣрилъ абсолютную высоту—Гаджуръ въ Сѣв. Тэтунгскомъ и Сади-Соруксумъ въ Южно-Тэтунгскомъ, имѣютъ около 14,000 ф., но не имѣютъ вѣчныхъ залежей снѣговъ. Южный хребетъ въ общемъ выше Сѣвернаго.

Расположенные на границѣ безводныхъ степей и пустынь Центральной Азіи и богато орошенныхъ горныхъ областей внутренняго Китая, Тэтунгскіе хребты на своихъ склонахъ представляютъ переходныя полосы между столь различными въ климатическомъ отношеніи областями.

Уже на сѣверномъ склонѣ Сѣверно-Тэтунгскаго хребта появляется травяная растительность и жидкія заросли кустарниковъ; въ верхней полосѣ есть даже и лѣса, которые, однако, на южномъ склонѣ занимаютъ гораздо болѣе значительныя пространства.

Что же касается Южно-Тэтунгскаго хребта, то онъ вообще обильно орошенъ и покрытъ богатою травяною, кустарниковой и лѣсною растительностью. Сѣверный склонъ этого хребта почти сплошь покрытъ дремучими лѣсами, начиная отъ подошвы, до высоты $9^1/_2$—10 т. ф. Еще выше начинается полоса рододендроновъ и другихъ альпійскихъ кустарниковъ, а затѣмъ появляются роскошные альпійскіе луга приблизительно до 12,000 ф., гдѣ уже исчезаетъ растительность, и появляются голыя каменныя розсыпи.

Тэтунгскія горы весьма подробно изучены Пржевальскимъ, который посѣтилъ ихъ четыре раза въ разное время года и хотя занимался здѣсь главнымъ образомъ изученіемъ фауны и флоры, но не упускалъ случая дѣлать и всякія другія научныя изслѣдованія. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой области онъ открылъ залежи каменнаго угля, который отчасти и разрабатывается мѣстными китайцами.

Котловина Куку-нора, какъ уже выше указано, замыкается съ юга Южно-Куку-норскимъ хребтомъ, восточная часть котораго отдѣляетъ котловину отъ сильно изрѣзанной области истоковъ великой Китайской рѣки Хуанъ-хэ, а далѣе къ западу составляетъ границу съ другой еще болѣе обширной котловиной Цайдама, которая залегла между передовымъ валомъ Тибетскаго нагорья—хребтами Алтынътагомъ, Гумбольдта, Риттера и Южно-Куку-норскимъ съ сѣверо-востока и центральной частью Куень-люньской горной системы.

Цайдамская равнина, простирающая верстъ на 700 въ длину (съ з.-с.-з. на в.-ю.-в.) и верстъ на 100 — 300 въ ширину, представляетъ собою совершенно обособленную въ гидрографическомъ отношеніи площадь, и ея изслѣдованіе всецѣло произведено Николаемъ Михайловичемъ. По его описанію, Цайдамъ, образую-

щій передовой уступъ Тибетскаго плоскогорія, имѣетъ абсолютную высоту около 9,000 ф. По характеру почвы, а также и по климатическимъ условіямъ Цайдамскую равнину можно раздѣлить на двѣ совершенно различныя части: сѣверную и южную.

Сѣверный Цайдамъ представляетъ безводную пустыню съ твердой глинистой почвой, мѣстами покрытой галькою. Хребетъ Риттера и его западное продолженіе отдѣляетъ въ сѣверномъ углу Цайдама обособленную равнину, которая называется у мѣстныхъ монголовъ Сыртынскою. Въ западной части этой равнины расположены реликтовыя соленыя озера: Бага-сыртынъ-норъ, Ихэ-сыртынъ-норъ и Хуйтунъ-норъ, окруженныя солончаками и небольшими кочковатыми болотами; въ этой озерной части на поверхность во многихъ мѣстахъ выходятъ родники, и мѣстность эта покрыта довольно обильною травяною растительностью. Къ востоку отъ Сыртынской равнины въ Сѣверномъ Цайдамѣ залегли сыпучіе пески Куку-сай.

Южный Цайдамъ представляетъ совершенно ровную площадь, почти сплошь покрытую солончаками. Мѣстами солончаки высохшіе, которые издали блестятъ, какъ бы покрытые снѣгомъ, но большая часть равнины занята кочковатыми болотами. Абсолютная высота Южнаго Цайдама менѣе сѣвернаго. Солончаковая почва и изобиліе болотъ въ Цайдамѣ даетъ основаніе Пржевальскому высказать предположеніе, что вся эта котловина еще въ недавнюю геологическую эпоху представляла дно огромнаго озера, впослѣдствіи высохшаго; въ южномъ Цайдамѣ воды держались долѣе, чѣмъ въ сѣверномъ. Орошеніе въ южномъ Цайдамѣ гораздо обильнѣе, чѣмъ въ сѣверномъ. На сѣверной его окраинѣ, вдоль южной подошвы Южно-Куку-норскаго хребта лежитъ цѣлый рядъ реликтовыхъ соляныхъ озеръ: Ихэ-цайдаминъ-норъ, Бага-цайдаминъ-норъ, Сырхэ-норъ, Тосо-норъ, Дуланъ-норъ и нѣсколько болѣе мелкихъ. Наибольшее изъ этихъ озеръ, Дуланъ-норъ—прѣсноводное. Вдоль подошвы сѣверныхъ Тибетскихъ горъ протянулась широкая полоса, очень обильная влагою. Воды, стекающія съ этихъ горъ, образуютъ множество небольшихъ рѣчекъ и ручьевъ, повсюду выходятъ на поверхность подземныя воды, просачивающіяся черезъ каменныя розсыпи, загромождающія склоны и подошву хребтовъ. Здѣсь мѣстность покрыта обильною растительностью, густыми зарослями тамариска, хармыка, а на болотистыхъ впадинахъ и тростника. Кромѣ того вдоль подошвы также разбросаны соляныя и прѣсныя озера. Главною рѣкою Цайдама является Баянъ-голъ, которая беретъ начало въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья близъ истоковъ Хуанъ-хэ и вытекаетъ изъ большаго озера Тосо-норъ. Отсюда рѣка течетъ въ западно-сѣверо-западномъ направленіи на протяженіи около 250 в. и впадаетъ въ мелководное соленое озеро-болото, названія котораго Николаю Михайловичу не удалось узнать.

Несмотря на громкое названіе рѣки Баянъ-голъ, что въ переводѣ съ монгольскаго означаетъ «богатая рѣка», цайдамская равнина въ той части, гдѣ рѣка

*

эта протекаетъ, почти сплошь состоитъ изъ солончаковъ, по большей части совершенно безплодныхъ. Мѣстами соль лежитъ на поверхности слоемъ въ дюймъ толщины. Только въ заболоченныхъ низинахъ появляются характерныя солончаковыя растенія, кусты тамариска и хармыка вперемежку съ тростниками.

Изъ притоковъ Баянъ-гола Пржевальскій упоминаетъ: Булунгиръ-голъ, впадающій справа, Номохунъ-голъ, съ притокомъ Шишинъ-голъ (Харасу) и Сангинъ-голъ—слѣва. Далѣе къ западу сѣверно-тибетскими горами питается вторая значительная рѣчная система—Найджинъ-голъ съ главнымъ правымъ притокомъ Шуга-голъ.

Еще западнѣе встрѣчена рѣка Уту-мурень, представляющая истокъ большого озера Хайтунъ-норъ.

Отсюда далѣе къ западу, сѣверо-западу и къ сѣверу до хребта Алтынъ-тага залегла обширная пустынная равнина, характеризующаяся крайнимъ безплодіемъ и безводіемъ. Почва здѣсь глинистая, усыпанная галькою, солончаковая, гдѣ ключи и сопровождающая ихъ скудная степная растительность встрѣчаются очень рѣдко.

Въ четвертое путешествіе Пржевальскій прошелъ всю Цайдамскую равнину съ востока на западъ, слѣдуя по подошвѣ окаймляющихъ ее съ юга горъ и на всемъ пути къ западу отъ Уту-Мурени встрѣтилъ лишь два выхода подземныхъ ключей, образующихъ подобія оазисовъ.—Это урочища Гансы и Гасъ съ реликтовыми солеными озерами того же имени.

Рѣчки и ручьи, стекающіе съ высокихъ горъ, которые окаймляютъ Цайдамъ почти со всѣхъ сторонъ, обыкновенно оканчиваются въ своихъ устьяхъ небольшими солеными озерками или болотами.

Кромѣ выше указанныхъ трехъ рѣкъ: Баянъ-гола, Найджинъ-гола и Уту-мурени, и еще притока Баяна—Номохунъ-гола съ горной ограды въ котловину стекаетъ множество мелкихъ ручьевъ и горныхъ ключей, которыя, по выходѣ изъ горъ, теряются въ почвѣ.

Въ періодъ дождей или усиленнаго таянья снѣговъ на возвышенностяхъ, многіе изъ этихъ ручьевъ на короткое время превращаются въ настоящія рѣки.

Такое превращеніе видѣлъ Николай Михайловичъ на своемъ пути осенью 1884 г. между Найджинъ-голомъ и Уту-муренью съ ключами Торай, Дзуха, Хоргоинъ и Наринъ-дзуха.

Однако и тѣ рѣчки и ручьи, которые по выходѣ изъ горъ теряются въ почвѣ, не пропадаютъ безслѣдно и выходятъ снова на нѣкоторомъ разстояніи отъ подошвы хребта на поверхность въ видѣ ключей. Воды этихъ ключей въ большей или меньшей степени выщелачиваютъ излишнюю соль изъ почвы, и на образуемыхъ такимъ образомъ болотистыхъ площадкахъ встрѣчается сравнительно обильная растительность, заросли осоки, тростника, колосника,—единственный подножный кормъ въ этихъ мѣстахъ.

Что ключевыя болота Цайдама образуются именно такимъ образомъ, Пржевальскій заключаетъ изъ того факта, что, какъ онъ неоднократно замѣчалъ, вода

въ этихъ болотахъ безъ всякой видимой мѣстной причины (при полномъ отсутствіи дождей) начинала прибывать въ нихъ въ маѣ и іюнѣ, а въ срединѣ лѣта быстро уменьшается. Николай Михайловичъ объясняетъ прибыль воды въ ключахъ и болотахъ тѣмъ, что въ это самое время или немного раньше въ горахъ Тибета стаиваютъ снѣга, а затѣмъ начинаются дожди. Въ концѣ мая на хребтѣ Бурханъ-Будда снѣга уже всѣ стаиваютъ, а къ концу лѣта и дожди уменьшаются, отчего происходитъ замѣтное уменьшеніе воды въ Цайдамскихъ болотахъ.

По направленію къ западу Цайдамская котловина постепенно съуживается и окончаніемъ ея надо считать открытую Николаемъ Михайловичемъ «Долину Вѣтровъ».

Обратимся теперь къ Куэнъ-люньской горной системѣ, «*позвоночному столбу Азіи*», по выраженію барона Рихтгофена. Изслѣдованіе этой колоссальной горной системы составляетъ одну изъ самыхъ главныхъ заслугъ Николая Михайловича. До его путешествій Куэнъ-люньскій хребетъ былъ извѣстенъ европейскимъ ученымъ больше, такъ сказать, по наслышкѣ, чѣмъ на основаніи точныхъ географическихъ описаній. Сѣверная грань Тибета, которою издавна признавался Куэнъ-люнь, обозначалась на картахъ условно, въ видѣ прямой линіи, соединявшей Нанъ-шань съ южною оконечностью несуществующаго въ дѣйствительности хребта Болоръ-тага, т. е. нынѣшней Памирской возвышенности. На протяженіи 12° по долготѣ, считая отъ меридіана цайдамской рѣки Найджинь-гола и почти до Кэріи въ Восточномъ Туркестанѣ, Куэнъ-люнь оставался до путешествій Пржевальскаго совершенно не изслѣдованнымъ.

Николай Михайловичъ въ трехъ мѣстахъ перешелъ Куэнъ-люньскій хребетъ со всѣми его развѣтвленіями и отрогами и кромѣ того прошелъ въ четвертую экспедицію на громадномъ протяженіи вдоль сѣверной его подошвы и отчасти южной. Неоднократно подымался онъ по склонамъ хребта и доходилъ до его гребня.

Въ описаніи Пржевальскаго, которое онъ даетъ на основаніи своихъ изысканій, прямолинейный Куэнъ-люнь словно ожилъ. Выяснилось направленіе главнаго хребта, его главнѣйшіе изгибы, появились на картѣ второстепенныя цѣпи съ развѣтвленіями и отрогами, горные узлы, отдѣльные боковые хребты, разсѣченные глубокими долинами, а главное Пржевальскому удалось выяснить общее направленіе и непрерывное протяженіе всей этой гигантской горной системы.

Въ общемъ Куэнъ-люнь въ своей средней части представляетъ большой дугообразный изгибъ къ сѣверу, восточная и западная оконечности котораго лежатъ почти на одинаковой географической широтѣ, приблизительно на 36 параллели, между тѣмъ какъ средина дуги на сѣверѣ касается 38° с. ш.

Приблизительно по 87 меридіану отъ Гривича, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ центральной системы отдѣляется открытый Пржевальскимъ и заходящій еще дальше на сѣверъ хребетъ Алтынъ-тагъ, можетъ быть проведена западная граница центральнаго Куэнъ-люня, который къ востоку, по изысканіямъ барона

Рихтгофена, простирается на 17° по долготѣ (до 104° отъ Гр.) и характеризуется широкимъ развѣтвленіемъ на систему параллельныхъ цѣпей.

Главная, собственно Куэнъ-люньская цѣпь является сѣверною оградою Тибета и отдѣляетъ его отъ Таримско-лобъ-норской и Цайдамской котловинъ, прорѣзываетъ въ томъ же западно-восточномъ направленіи область истоковъ и верхняго теченія Желтой рѣки и уходитъ далеко на востокъ во внутренній Китай.

Пржевальскій считаетъ именно эту цѣпь главною на томъ основаніи, что она непрерывно простирается болѣе, чѣмъ на 40° по долготѣ, тогда какъ другіе хребты средней развѣтвленной области, при общемъ направленіи съ запада на востокъ, имѣютъ гораздо меньшее протяженіе въ длину.

Но кромѣ этой главной цѣпи есть еще одна вѣтвь, которая лишь немного уступаетъ ей по длинѣ, а по высотѣ и грандіозности своихъ формъ въ нѣкоторыхъ частяхъ даже превышаетъ ее. Это громадный снѣговой хребетъ, изслѣдованный Николаемъ Михайловичемъ въ его четвертую экспедицію, который отдѣляется отъ главнаго хребта Куэнъ-люня въ его западной части, именно около ущелья Кэрійской рѣки и тянется въ юго-восточномъ направленіи весьма далеко внутрь Тибета, «на цѣлый мѣсяцъ пути», какъ опредѣляли это протяженіе туземцы. Пржевальскій предполагаетъ, что этотъ хребетъ, быть можетъ, соединяется съ цѣпью Танъ-ла или съ горами, лежащими сѣвернѣе озера Тенгри-норъ.

Во время второй своей экспедиціи Пржевальскій открылъ недалеко къ югу отъ озера Лобъ-нора огромный хребетъ Алтынъ-тагъ, и хотя въ то время ему не удалось прослѣдить направленіе этого хребта далѣе къ западу и востоку, но онъ совершенно справедливо предположилъ, что Алтынъ-тагъ принадлежитъ къ Куэнъ-люньской системѣ, что и доказано было въ четвертую экспедицію.

Открытіе это для географіи Азіи имѣло громадное значеніе. Выяснилось, что площадь Тибета простирается въ этомъ мѣстѣ (на меридіанѣ Лобъ-нора) на цѣлыхъ 3° по широтѣ далѣе къ сѣверу, чѣмъ это раньше предполагали; вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣнилась фигура Тибетскаго плоскогорія, а западная часть Гобійской пустыни соотвѣтственно сократилась.

Восточная часть Тибетскаго краевого хребта, издавна извѣстная подъ именемъ Нанъ-шаня, подробно изслѣдована Николаемъ Михайловичемъ, который проходилъ здѣсь пять разъ: четыре раза близъ прорыва черезъ эту цѣпь Желтой рѣки на пути изъ Ала-шаня въ Гань-су и обратно и одинъ разъ у западной оконечности Нанъ-шаня на пути изъ Са-чжоу въ Цайдамъ.

Первый хребетъ этой системы со стороны Ала-шаньской пустыни, называемый у монголовъ Момо-шаненъ, постепенно подымаясь, на перевалѣ достигаетъ 8,600 ф. Сѣверный склонъ развитъ полно, южный же очень коротокъ и вскорѣ переходитъ въ покатую къ югу степную равнину Чагрынъ-гола, притока Хуанъ-хэ. Протянувшись на порогѣ пустыни горы эти въ весьма сильной степени испытываютъ ея вліяніе, такъ что до высоты 7,500 ф. сѣверный

склонъ является совершенно обнаженнымъ и безплоднымъ, и лишь въ самомъ верхнемъ поясѣ появляется травяная растительность.

Къ сѣверо-западу отъ перевала, по которому идетъ путь изъ Монголіи и Ала-шаня въ Гань-су и Тибетъ, хребетъ Нанъ-шань принимаетъ болѣе грандіозные размѣры и образуетъ вѣчно-снѣговые хребты Куліанъ и Ланъ-чжу, сверкающіе ледники которыхъ Николай Михайловичъ видѣлъ со стороны Ала-шаньской пустыни.

Такіе же снѣговые хребты встрѣчаются и въ западной оконечности Нанъ-шаньской системы у истоковъ рѣкъ Эцзина и Толая.

Къ югу отъ оазиса Са-чжоу, Нанъ-шань съуживается до 40 верстъ и продолжается далѣе на западъ въ видѣ двухъ параллельныхъ цѣпей, изъ которыхъ южная болѣе высокая и достигаетъ въ своихъ вершинахъ высоты 11,400 и 13,200 ф.

Далѣе къ западу обѣ эти цѣпи снова соединяются и образуютъ вѣчно снѣговую группу Аненбаръ-ула, которая представляетъ уже восточную оконечность хребта Алтынъ-тагъ.

Къ востоку отъ перевала на пути изъ Са-чжоу въ Цайдамъ, обѣ цѣпи Нанъ-шаня также сливаются въ огромный вѣчно-снѣговой хребетъ, который Николай Михайловичъ окрестилъ именемъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго Гумбольдта (Хребетъ Гумбольдта). Такой же увѣнчанный снѣгами хребетъ, названный Хребтомъ Риттера, отходитъ отъ восточной его оконечности почти подъ прямымъ угломъ въ сѣверный Цайдамъ.

Оба указанные хребта вмѣстѣ съ западнымъ продолженіемъ южно-Кукунорскаго хребта ограничиваютъ выше упомянутую Сыртынскую равнину съ сѣвера, востока и юга.

Къ сѣверу отъ крайней гряды Нанъ-шаня простирается верстъ на 50 въ ширину возвышенная равнина, подымающаяся до 5—7 тысячъ футовъ и составляющая передовой уступъ Тибетскаго нагорья.

Какъ и въ восточной части, хребетъ Нанъ-шань имѣетъ здѣсь болѣе развитый сѣверный склонъ. Отъ подножія ($7^1/_2$ т. ф. абс. выс.) до 11 т. ф. онъ покрытъ галькою и большими валунами гранита, хотя встрѣчаются и лессовыя площади, образованныя изъ осаждающейся пыли пустыни на значительномъ протяженіи. Растительность здѣсь очень скудная, а пыль, покрывающая всю поверхность, придаетъ этой мѣстности крайне печальный и мрачный видъ.

Отъ 11 до $12^1/_2$ т. ф. преобладаютъ альпійскіе луга, представляющіе прекрасныя пастбища. Еще выше залегаютъ розсыпи, а съ высоты 14,500 ф. начинаются вѣчные снѣга, при чемъ ледяные потоки глетчеровъ спускаются и значительно ниже, на 200—300 саженей.

Южный склонъ болѣе короткій; снѣговая линія здѣсь нигдѣ не спускается ниже 15,700 ф. Древесной растительности нѣтъ, также какъ и на противоположномъ склонѣ.

Восточная половина собственно куэнь-люньской цѣпи была довольно подробно изслѣдована Пржевальскимъ еще въ первое его путешествіе, но въ третье и четвертое путешествіе свѣдѣнія объ этой части тибетской ограды сильно были имъ дополнены.

Къ сторонѣ цайдамской котловины здѣсь протянулись въ направленіи отъ востока къ западу хребты: Бурханъ-Будда, Го-шили. Толай, Торай, Цозсонэ и Дзуха.

Бурханъ-Будда былъ уже описанъ довольно подробно. Хребетъ этотъ, имѣющій абсолютную высоту 14—16 т. ф., поднимается сплошною стѣною надъ плоскою равниною Цайдама на $7^1/_2$ т. ф. и простирается отъ оз. Тосо-нора, истока Баянъ-гола до прорыва рѣки Номохунъ-гола въ Цайдамскую равнину Общій характеръ хребта Бурханъ-Будда крайне дикій и суровый; сѣверный склонъ совершенно безплоденъ, на южномъ нѣсколько чаще встрѣчаются ручьи и около нихъ скудная травяная растительность. Склоны состоятъ изъ глины, галешника, розсыпей, или изъ обнаженныхъ скалъ сланцевыхъ, сіенитовыхъ, сіенитоваго порфира. Хребетъ имѣетъ видъ сплошной стѣны, весьма мало расчлененной. Отдѣльныя вершины встрѣчаются рѣдко и подымаются онѣ надъ общимъ гребнемъ сравнительно незначительно.

Несмотря на столь значительную абсолютную высоту, Бурханъ-Будда нигдѣ не имѣетъ вѣчныхъ залежей снѣга. Причина этого, по мнѣнію Пржевальскаго, заключается въ томъ, что склонъ хребта съ южной стороны слишкомъ коротокъ. На разстояніи лишь 1,000—2,000 ф. отъ гребня разстилаются огромныя пустыни, которыя лѣтомъ довольно сильно нагрѣваются и теплые вѣтры, дующіе отсюда, быстро сгоняютъ снѣгъ съ самыхъ высокихъ вершинъ.

При томъ же зимою, по наблюденію Николая Михайловича, снѣга падаетъ здѣсь очень немного; гораздо больше выпадаетъ его весною, но тогда уже солнечная теплота не позволяетъ скопляться значительнымъ залежамъ.

Продолженіе Бурханъ-Будда къ западу отъ глубокой долины Намохунъ-гола, составляютъ хребты Го-шили и хребетъ Толай, которые имѣютъ такой-же характеръ.

Еще далѣе къ западу отъ прорыва Найджинъ-гола протянулся огромный хребетъ Торай, образующій, также какъ и Бурханъ-Будда, первую ограду Тибета къ сторонѣ Цайдама.

Хребетъ Торай также нигдѣ не имѣетъ снѣговыхъ залежей, также дикъ безплоденъ и скалистъ. Впрочемъ, скалы здѣсь появляются лишь ниже 12,000 ф.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ во время третьяго путешествія Николай Михайловичъ обозначилъ на своей картѣ въ видѣ западнаго продолженія хребта Торай, сначала цѣпь Юсунъ-обо, а еще далѣе Цаганъ-ниръ («Бѣлое лицо»). Посѣтивъ снова эту мѣстность въ четвертую экспедицію, Пржевальскій убѣдился, что на мѣсто двухъ послѣднихъ хребтовъ слѣдуетъ поставить хребты: Цозсонэ и Дзуха.

Что-же касается названія Юсунъ-обо, то по новымъ, отчасти также сбивчивымъ свѣдѣніямъ, оно должно быть пріурочено къ горамъ, которыя расположены между верховьями Уту-мурени и Батыганту, а подъ именемъ Цаганъ-ниръ разумѣются три снѣговыя группы Шара-гуи, Умыкэ и Харза, которыя всѣ составляютъ части хребта Марко-Поло.

Параллельно вышеописанной передовой оградѣ Тибетскаго нагорья далѣе къ югу протянулась вторая стѣна, состоящая изъ хребтовъ: Шуга и Урундуши, на востокѣ продолжающихся въ горахъ Амне-мачинъ, Гурбу-чундзуга и Гурбу-найджи.

Хребетъ Шуга имѣетъ около 15,200 ф. абс. высоты, склоны на обѣ стороны не крутые и удобные для перехода.

Главное отличіе отъ хр. Бурханъ-Будда заключается въ томъ, что здѣсь имѣются нѣсколько снѣговыхъ вершинъ; крайнее безплодіе также царитъ на обоихъ склонахъ; хотя горы эти имѣютъ въ общемъ не особенно дикій характеръ, но мѣстами въ большемъ числѣ громоздятся огромныя скалы изъ известняка и эпидозита.

Хребты Гурбу-чундзуга и Гурбу-найджи составляютъ западное продолженіе хребта Шуга и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ вторую, т. е. среднюю ограду Тибета. Оба они не достигаютъ снѣговой линіи. Южные склоны очень коротки и совершенно безплодны, сѣверные гораздо длиннѣе и мѣстами покрыты пастбищами. Абсолютна высота около 15,000 ф.

Наконецъ, третью параллельную цѣпь составляетъ хребетъ Марко Поло, названный такъ Николаемъ Михайловичемъ въ честь великаго венеціанскаго путешественника, исходившаго Среднюю Азію еще въ XIII в. Хребетъ этотъ громадный, какъ по длинѣ, такъ и по высотѣ.

Возникаетъ онъ сначала невысокими возвышенностями на лѣвомъ берегу средняго теченія р. Шуга-голъ при сліяніи ея съ Уянъ-Харзай и тянется отсюда на западъ на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, составляя мощную ограду (вторую, мѣстами третью) Тибета со стороны Цайдамской котловины. Въ четвертую экспедицію Пржевальскій прослѣдилъ его въ этомъ направленіи до снѣговой группы Харза.

Наибольшей своей высоты хребетъ достигаетъ въ своей восточной половинѣ между перевалами Чюмъ-чюмъ (16,300 ф.) и Ангыръ-дакчинъ (около 16,000 ф.). Здѣсь же подымается и самая большая вершина всего хребта Балдынъ-дорджи или Ачюнъ-гончикъ, достигающая высоты 18, а быть можетъ даже и 19 т. ф. Почти такой же высоты достигаетъ вершина Субэ, которая стоитъ около перевала Чюмъ-чюмъ.

Далѣе къ западу хребетъ Марко-Поло повидимому понижается, и не представляетъ сплошной снѣговой массы. Издали замѣтны были только три снѣговыя группы: Шара-гуи, весьма высокая, около $18,^{1}/_{2}$ т. ф., Умыкэ и Харза. Верстъ на 40 къ сѣверу отъ этой группы лежитъ огромное озеро Хатунъ-

юръ, изъ котораго вытекаетъ р. Уту-мурень, а ледниками группы Умыкэ питается р. Найджинъ-голъ.

Далѣе къ западу отъ меридіана Уту-мурени сѣверная тибетская ограда принимаетъ сѣверо-западное направленіе, сохраняя попрежнему характеръ двойной, а мѣстами тройной цѣпи. Въ наружной цѣпи, ближайшей къ Цайдаму, высится недалеко отсюда громадная снѣговая вершина Джинъ-ри, къ которой вѣроятно примыкаетъ съ востока хребетъ Гарынга. Между послѣднимъ хребтомъ и хр. Марко-Поло залегла длинная обильная ключами и пастбищами долина, имѣющая сначала видъ узкаго корридора, но постепенно къ западу расширяющаяся.

Къ сѣверо-западу отъ Джинъ-ри тянется верстъ на 200, до прорыва въ Цайдамѣ р. Зайсанъ-сейту, хребетъ, названный Пржевальскимъ по имени открывшаго Америку мореплавателя хребтомъ Колумба.

Верстахъ въ пятидесяти отъ той-же вершины Джинъ-ри тянется другой вѣчно-снѣговой хребетъ, составляющій вѣроятно часть главной цѣпи Куэнъ-люня, который Николай Михайловичъ назвалъ «хребтомъ Загадочнымъ», но впослѣдствіи, какъ это было раньше указано, переименованъ былъ по рѣшенію Совѣта И. Р. Географическаго Общества въ **хребетъ Пржевальскаго**.

Высшая точка этого хребта, нанесенная на карту лишь издали, названа была соотвѣтственно своей формѣ Шапкой Мономаха.

Сѣвернѣе хребтовъ Колумба и Гарынга въ параллельномъ имъ направленіи на самой границѣ плоскогорія съ Цайдамской впадиной, протянулся длинный хребетъ, названный Пржевальскимъ хребтомъ Цайдамскимъ. Этотъ хребетъ на востокѣ оканчивается узкимъ выступомъ, заходящимъ въ Цайдамъ, а на западѣ упирается въ долину рѣки Зайсанъ-сейту и примыкаетъ къ хребту Московскому; на всемъ протяженіи онъ отдѣляется съ юга отъ двухъ вышеуказанныхъ хребтовъ длинною и узкою долиною. Въ средней части этой долины протекаетъ р. Хатынъ-занъ, по которой прошелъ Николай Михайловичъ въ концѣ своей зимней экскурсіи изъ урочища Чанъ-яръ (Гасъ).

Подобныя корридорообразныя, иногда очень длинныя долины составляютъ характерную черту кряжа средняго Куэнъ-люня.

Длина Цайдамскаго хребта—около 320 верстъ. Въ общемъ онъ узокъ, въ особенности въ своей западной половинѣ, но по направленію къ востоку нѣсколько расширяется и повышается. Здѣсь лежатъ двѣ снѣговыя вершины: Ихынъ-Гансынъ-хоргу и Ихынъ-Госынъ-хоргу. Со стороны Цайдама, гдѣ Пржевальскій прослѣдовалъ вдоль всей его подошвы, хребетъ этотъ представляется правильной формы валомъ. На всемъ его протяженіи находится лишь одинъ перевалъ Шара-голъ, который ведетъ въ долину Хатынъ-зана изъ урочища Гансы. Цайдамскіе проводники сообщали, что верстахъ въ 25 далѣе къ западу находится еще одинъ перевалъ.

Общій характеръ Цайдамскаго хребта—безплодіе и безводіе. Горныя породы изъ которыхъ слагается этотъ хребетъ—преимущественно гранитъ и сланцы, но

снаружи поверхность ихъ сильно изуродована атмосферными дѣятелями и засыпана лёссомъ.

Параллельно Цайдамскому, въ видѣ второй ограды Тибета, протянулся другой громадный хребетъ Колумба. Начинаясь около вершины Джинъ-ри, какъ было выше указано, хребетъ этотъ идетъ къ сѣверо-западу, а затѣмъ, приблизительно посрединѣ своего протяженія, поворачиваетъ прямо на западъ и оканчивается около ущелья Зайсанъ-сейту.

При весьма значительной длинѣ, около 200 верстъ, хребетъ этотъ очень узокъ, такъ что даже и въ самой широкой части имѣетъ лишь около 20 в. въ поперечникѣ. Тѣмъ не менѣе многія вершины его подымаются выше снѣговой линіи и образуютъ громадные ледники.

Общій характеръ одинаковъ съ вышеописанными хребтами центральнаго Куэнъ-люня: то-же безплодіе и дикость формъ, то-же отсутствіе скалъ въ особенности на южномъ склонѣ.

Хребты Цайдамскій и Колумба на западномъ концѣ соединяются, и въ видѣ ихъ продолженія далѣе къ западу идетъ новый хребетъ, названный Николаемъ Михайловичемъ Московскимъ. Хребетъ этотъ проходитъ верстъ на сто съ лишнимъ до своего соединенія съ Токузъ-дабаномъ и на всемъ почти протяженіи ограничиваетъ съ юга Долину вѣтровъ. Высота кряжа очень велика, такъ что онъ почти сплошь покрытъ ледниками, наиболѣе распространенными въ средней части, гдѣ возвышается и главная вершина Кремль. Гора эта, если смотрѣть съ востока, имѣетъ правильную форму усѣченнаго конуса и по высотѣ не уступаетъ Джинъ-ри.

Огромные ледники покрываютъ всѣ склоны этой горы. Съ южнаго глетчера вытекаетъ р. Зайсанъ-сейту, но какіе истоки всей западной стороны хребта Московскаго и къ какому бассейну они принадлежатъ, Пржевальскому не удалось разъяснить.

Что касается склона сѣвернаго, то Николай Михайловичъ обозрѣлъ его на большомъ протяженіи и убѣдился, что отсюда не стекаетъ ни одной рѣчки, хотя ему и попадались высохшія русла горныхъ потоковъ, которыя временами, очевидно, наполняются водою.

Южный склонъ этого хребта вообще крутъ и обрывистъ и притомъ короткій; сѣверный—хотя также крутъ, но довольно ровный и постепенный. Очевидно, бури, свирѣпствующія почти круглый годъ въ Долинѣ Вѣтровъ, засыпали ущелья, уничтожили скалы и вообще изгладили рельефъ. Сложены горы этого хребта, точно также какъ Цайдамскаго и Колумба, изъ кремнистыхъ сланцевъ.

Въ общемъ хребетъ Московскій весьма безплоденъ и несмотря на обиліе ледниковъ, бѣденъ въ болѣе низкомъ поясѣ водою. Въ особенности безплодіемъ отличается южный склонъ.

На плоскогоріи, лежащемъ къ югу отъ западной оконечности хребта Колумба, во время своей боковой экскурсіи, которыя Николай Михайловичъ часто

совершалъ для рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ,—въ данномъ случаѣ для отысканія пути внутрь плато Тибета со стороны западнаго Цайдама,—онъ открылъ огромное озеро, которое оказалось до того насыщеннымъ солью, что даже при 30—40° морозахъ не было покрыто льдомъ и названо имъ поэтому «Незамерзающимъ». Съ береговъ этого озера, которое лежитъ на высотѣ 11,700 ф, Пржевальскій увидалъ ясно вырисовавшійся вдали на югѣ снѣговой хребетъ, соотвѣтствующій по своему направленію хребту Загадочному. Отсюда онъ предположилъ, что оба упомянутые хребта составляютъ одну и ту же цѣпь Центральнаго Куэнъ-люня, которая тянется далеко къ западу до соединенія съ хребтомъ Русскимъ и Тогузъ-дабаномъ.

Къ югу отъ Лобъ-Нора въ близкомъ отъ него разстояніи, какъ уже выше было указано, еще во вторую экспедицію, Пржевальскимъ открытъ былъ огромный хребетъ Алтынъ-тагъ («золотой хребетъ»), который составляетъ переднюю ограду средней части Тибета и составляетъ непосредственное продолженіе Нань-Шаня. Границами Алтынъ-тага Пржевальскій считаетъ на востокѣ высокую группу Анембаръ-ула, а на западѣ ущелье Черченской рѣки, такъ что протяженіе его съ запада на востокъ составляетъ около 700 в.

Изъ этого протяженія Николаемъ Михайловичемъ обслѣдовано въ двѣ экспедиціи (2-ю и 4-ю) около 300 верстъ.

Въ общемъ хребетъ этотъ представляетъ гряду невысокихъ скалистыхъ пиковъ, которые, однако, нигдѣ не подымаются выше снѣговой линіи; только у западной оконечности, у истоковъ Черченъ-дарьи возвышаются вершины, имѣющія небольшія залежи вѣчныхъ снѣговъ. Какъ и у другихъ окраинныхъ хребтовъ Средней Азіи, только сѣверный склонъ, къ сторонѣ Лобъ-норской впадины, развитъ вполнѣ, тогда какъ южный очень коротокъ и едва замѣтенъ. Рельефъ сѣвернаго склона очень разнообразенъ и представляетъ въ западной, своей части между Чархалыкомъ и р. Джагатай, совершенно отвѣсную стѣну, далѣе къ востоку образуетъ террасы, круто спускающіяся къ озеру и еще далѣе на восточной оконечности посылаетъ къ сѣверу невысокіе отроги, которые постепенно мельчаютъ и сливаются съ песчаными холмами Кумъ-тагъ. Повсюду хребетъ этотъ весьма бѣденъ водою и почти совершенно лишенъ растительности.

Къ западу отъ Алтынъ-тага, въ видѣ его продолженія, въ томъ-же западно-восточномъ направленіи простирается хребетъ Чаменъ-тагъ, который вслѣдъ за Алтынъ-тагомъ служитъ сѣверною оградою Долины Вѣтровъ.

Пржевальскій слышалъ объ этомъ хребтѣ уже во вторую экспедицію къ Лобъ-Нору. Но по описанію, которое тогда давали туземцы, подъ именемъ Чаменъ-тагъ, понимались хребты Цайдамскій, Колумба и Московскій вмѣстѣ. Между тѣмъ, въ послѣднюю тибетскую экспедицію, цайдамскіе проводники, взятые въ урочищѣ Уланъ-гаджирѣ, прямо указывали на описываемый хребетъ, называя его Чаменъ-тагомъ. Точно также и лобъ-норцы при вторичномъ посѣщеніи говорили, что Чаменъ-тагомъ называется хребетъ, мимо котораго нужно проходить на пути съ Лобъ-нора въ Гась.

Длина Чаменъ-тага болѣе 100 верстъ, но ширина не превосходитъ 10—15 в. Почти на всемъ своемъ протяженіи онъ достигаетъ громадной абсолютной высоты и мѣстами подымается выше снѣговой линіи. Самая высокая часть—западная. Съ сѣвернаго склона течетъ одинъ значительный потокъ, который затѣмъ прорывается черезъ Алтынъ-тагъ и стекаетъ къ Лобъ-нору. Пржевальскій не доходилъ до истоковъ этой рѣки, но судя по ея положенію, на основаніи сообщеній туземцевъ, онъ предполагаетъ, что это Чархалыкъ-дарья. Южный склонъ ледниковъ этого хребта питаетъ подземною водою р. Зайсанъ-сайту.

Чаменъ-тагъ вздымается въ видѣ узкой, высокой и крутой стѣны; склоны хребта совершенно безплодны; ключей и ручьевъ нѣтъ совсѣмъ, чахлые низкорослые кустарники встрѣчаются рѣдко, луга въ верхнемъ поясѣ также весьма скудны.

Между хребтами Чаменъ-тагомъ а отчасти Алтынъ-тагомъ съ сѣвера, Московскимъ и Цайдамскимъ—съ юга, на протяженіи около 200 верстъ залегаетъ огромная Долина Вѣтровъ. Упомянутые хребты, ограничивающіе ее, постепенно сближаются къ западу, а на востокѣ расходятся до 40—60 в. и образуютъ широкій выходъ въ Цайдамъ и котловину Гасъ. Дно долины расположено на значительной абсолютной высотѣ, которая постепенно понижается отъ запада къ востоку съ 13 т. ф. (перевалъ близъ истоковъ Черченской рѣки) до $9^1/_2$ т. ф. (Чонъ-Яръ).

Долина Вѣтровъ, открытая Пржевальскимъ въ четвертое его путешествіе, названа имъ такъ потому, что здѣсь почти безпрестанно дуютъ сильные западные вѣтры. «Затишья выдаются здѣсь, какъ рѣдкость, на часъ или два, не больше; иногда же вѣтеръ превращается въ бурю, которая, какъ обыкновенно въ Тибетѣ, бушуетъ только днемъ» *). Постоянную вѣтренность и притомъ исключительно въ направленіи съ запада на востокъ Пржевальскій объясняетъ топографіею долины, которая протянулась въ видѣ прохода между двумя гигантскими стѣнами какъ разъ въ томъ направленіи, по которому дуютъ преобладающіе вѣтры на Тибетскомъ плато. Притомъ близость громадныхъ ледниковъ, которыми увѣнчаны вершины горъ, обусловливаетъ безпрестанное стеканіе внизъ токовъ охлажденнаго воздуха.

Почва долины состоитъ изъ песка, лесса и гальки; лишенная орошенія она по большей части совершенно безплодна, и только въ мѣстахъ выхода подземныхъ ключей, которые сопровождаютъ кое-гдѣ теченіе единственной здѣшней рѣки Зайсанъ-Сайту, появляются жидкіе кустарники бударганы, бѣлолозняка и др. Въ нижнемъ теченіи этой рѣки, гдѣ выходы ключей болѣе многочисленны, растительность немного лучше, и здѣсь есть пастбища.

---

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Стр. 265.

Ущелье Черченской рѣки отдѣляетъ съ запада Алтынъ-тагъ отъ другого хребта, огромнаго и длиннаго, который тянется къ западу верстъ на 400 и составляетъ сѣверную ограду Тибетскаго плоскогорія къ сторонѣ Таримской котловины. Николай Михайловичъ, которому принадлежитъ заслуга открытія и перваго описанія этого хребта, назвалъ его хребтомъ Русскимъ.

Подобно Алтынъ-тагу онъ на всемъ своемъ протяженіи дикъ и трудно доступенъ. Сѣверный, вполнѣ развитой склонъ отличается грандіозностью формъ, тогда какъ южный гораздо короче и имѣетъ болѣе мягкія очертанія рельефа. Самая высокая, вѣчно снѣговая часть хребта, лежитъ въ его западной окраинѣ между рр. Чижганъ и Кэрія-дарья.

Вблизи послѣдней возвышается громадная вершина, названная Николаемъ Михайловичемъ въ честь Императора Александра II—горой Царя-Освободителя, которая по приблизительному глазомѣрному измѣренію подымается выше 20 т. ф. Вершина ея увѣнчана громадными залежами снѣговъ и льда. Въ той же западной группѣ находится нѣсколько другихъ вершинъ, подымающихся до 14—20 т. ф. Здѣсь находятся истоки рѣкъ Чижганъ и Нія-Дарья.

Восточная половина хребта вообще ниже западной, хотя и здѣсь находится нѣсколько группъ, подымающихся выше снѣговой линіи. Наибольшей высоты достигаютъ три группы: одна близъ Тогузъ-дабана, а двѣ другія въ верховьяхъ рѣкъ Кара-муранъ и Мольджа; еще двѣ снѣговыя группы лежатъ нѣсколько западнѣе: въ верховьяхъ рѣкъ Бостанъ-тугракъ и Толанъ-Ходжа.

Перечисленныя рѣки составляютъ полный перечень всѣхъ болѣе значительныхъ потоковъ, которые стекаютъ съ хребта Русскаго, по его сѣверному склону. Впрочемъ рѣки Толанъ-ходжа, Кара-Муранъ и Мольджа, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, начинаются на Тибетскомъ плато и лишь пробиваются черезъ этотъ хребетъ въ Таримскую котловину.

Всѣ упомянутыя рѣки имѣютъ характеръ типичныхъ горныхъ потоковъ: онѣ текутъ чрезвычайно быстро по дикимъ, трудно доступнымъ горнымъ ущельямъ. По выходѣ изъ горъ, сѣверное подножіе которыхъ лежитъ на абсолютной высотѣ 8—9 т. ф., онѣ вступаютъ въ полосу розсыпей, усыпанную каменными обломками и засыпанную рыхлыми продуктами вѣкового разрушенія горъ. Въ этой полосѣ, имѣющей характеръ совершенно пустынной равнины, бурливые потоки, стекающіе съ хребта Русскаго, вырыли себѣ весьма глубокія траншееобразныя русла, съ отвѣсными почти стѣнами, подымающимися надъ ложемъ рѣки на 800—1000 ф. по вертикали. По мѣрѣ удаленія отъ горъ такіе корридоры дѣлаются мельче, рѣки вскорѣ вступаютъ въ сыпучіе пески, по которымъ бѣгутъ еще нѣкоторое время въ видѣ рѣки, а затѣмъ пропадаютъ и проявляются гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, въ видѣ выходовъ ключей.

Преобладающую горную породу, изъ которой сложенъ этотъ хребетъ, составляетъ гранитъ, а также другія каменныя породы: сіенитъ, кварцитъ, доломитъ

и сланцы. Здѣсь-же во многихъ мѣстахъ встрѣчается нефритъ, минералъ очень цѣнный съ Китаѣ, и золотыя розсыпи.

Въ общемъ хребетъ Русскій, подымающійся во многихъ мѣстахъ выше снѣговой линіи, богаче водою, чѣмъ Алтынъ-тагъ и Чаменъ-тагъ. Лѣтомъ здѣсь идутъ значительные дожди, которые вообще обильнѣе въ западной части.

Однако, онъ почти такъ-же, какъ и Алтынъ-тагъ, бѣденъ растеніями и животными. Древесной растительности здѣсь нѣтъ совсѣмъ, кустарники ютятся по дну ущелій, луга, хотя въ общемъ и тощіе, встрѣчаются вездѣ на высотѣ 10—13 т. ф.

Западная часть Куэнь-люня представляетъ двойной хребетъ высокихъ снѣговыхъ горъ, изъ которыхъ одинъ, наружный составляетъ гигантскую ограду Тибетскаго плато съ сѣверной стороны, а другой тянется параллельно ему на самомъ плоскогоріи. Наружный изъ этихъ кряжей въ районѣ между прорывами рѣки Кэрійской и Юрунъ-каша, названъ Николаемъ Михайловичемъ хребтомъ Кэрійскимъ.

Протянувшись на 160 верстъ съ вост. на зап. отъ хребта Русскаго до Каранга-тага, хребетъ этимъ представляетъ сравнительно узкую, но весьма высокую и крутую стѣну, гребень которой сплошь подымается выше снѣговой линіи. Наибольшія высоты, какъ можно заключить издали, заключаются въ средней и западной частяхъ, гдѣ многія вершины, впрочемъ, не особенно выдающіяся надъ общимъ уровнемъ цѣпи, подымаются футовъ на 19—20 тыс.

Вышеупомянутая сплошная стѣна подымается лишь выше 11 тыс. фут., а ниже полосою верстъ въ 15—20 раскинулась полоса предгорій, гдѣ абсолютная высота понижается постепенно до 8 тыс. фут.

Альпійскіе луга встрѣчаются лишь въ полосѣ отъ 11 до 13 тыс. фут.

Выше этого предѣла всякая растительность исчезаетъ, и здѣсь начинается дикое царство угрюмыхъ каменныхъ скалъ, изборожденныхъ трещинами, на половину засыпанныхъ лессовою пылью и окруженныхъ каменными розсыпями. Мѣстность эта совершенно недоступна, и, по мнѣнію Николая Михайловича, здѣсь во многихъ мѣстахъ еще никогда не ступала нога человѣка.

Еще выше, приблизительно съ высоты $15^1/_2-16$ тыс. фут., начинаются безконечныя ледяныя поля и глетчеры, которые питаютъ множество рѣчекъ и ручьевъ, сбѣгающихъ въ Таримскую котловину. Наибольшими изъ этихъ горныхъ потоковъ являются: Аксу, Ашкэ-эмэ, Нура, Улуксай, Генджи-дарья и Аши дарья.

Менѣе печальную картину представляютъ предгорья. Эта полоса прорѣзана въ поперечномъ направленіи множествомъ сбѣгающихъ отъ высокихъ горъ гривъ и волнистыхъ увал овъ, которые затѣмъ постепенно теряются въ пустынной равнинѣ и въ части ближайшей къ подошвѣ главной стѣны безпрестанно разсѣкаются глубокими продольными и поперечными ущельями. Такъ какъ въ этой полосѣ лѣтомъ падаютъ обильные дожди, то здѣсь на всѣхъ склонахъ приблизительно на высотѣ отъ 11 до $9^1/_2$ т. ф. расположены прекрасные луга, доставляющіе

роскошныя пастбища, но ниже 9 т. ф., гдѣ орошеніе бываетъ слабѣе, растительность становится все болѣе и болѣе скудною, такъ что подошва хребта сливается незамѣтно съ сосѣднею пустыней, за исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, гдѣ выбѣгаютъ изъ горъ рѣчки, орошающія приносимою водою плодородную лессовую почву; въ такихъ мѣстахъ, которыхъ встрѣчается вдоль подошвы не мало, пріютились поселки земледѣльцевъ-мачинцевъ.

Кэрійскимъ хребтомъ заканчивается на западѣ часть Куэнь-луньской горной системы, обслѣдованной Николаемъ Михайловичемъ. Пройдя въ четвертую экспедицію вдоль сѣверной подошвы этого хребта до Юрунъ-Каша, онъ свернулъ по теченію этой рѣки на востокъ.

Обратимся еще къ восточной части Сѣвернаго Тибета.

Вслѣдъ за спускомъ по южному склону хребта Бурханъ-Будда до уровня долины р. Алакъ-норъ-голъ и впадины озера Алакъ-нора, изъ котораго она вытекаетъ (13,400 ф. абс. выс.), далѣе къ югу снова мѣстность быстро начинаетъ повышаться и вскорѣ высота равнины достигаетъ обычной въ Тибетѣ цифры 14—15 тыс. фут.

Невысокій горный кряжъ, который протянулся верстъ на 60 параллельно южному берегу упомянутой рѣки, служитъ связью между двумя огромными хребтами, которые простираются на западѣ и востокѣ.

Съ запада высится вѣроятно вѣчноснѣговая группа Бурла-обгай, которая повидимому, составляетъ восточную оконечность хребта Шуга. Съ востока находится хребетъ Хара-сай, также достигающій своими вершинами снѣговой линіи, который уходитъ далеко на востокъ и вблизи озера Тосо-норъ, вѣроятно соприкасается съ Бурханъ-Буддой, или же заходитъ еще дальше и сливается съ вѣчноснѣговою группой Амне-мачинъ, которая наполняетъ большой верхній изгибъ Хуанъ-хэ.

Къ югу отъ этой двойной, а мѣстами и тройной горной ограды простирается волнистое плато, частью загроможденное разбросанными въ безпорядкѣ горами; изъ нихъ наибольшей высоты достигаютъ хребетъ Акта, который протянулся дугообразно отъ с.-в. къ ю.-з.. и одиночная гора Урундуши, подымающаяся до $16^{1}/_{2}$ т. ф.

Поверхность плато представляетъ равнину съ песчаной глинистой, отчасти солончаковой почвой, по большей части совершенно безплодной. Солончаки не встрѣчаются далѣе къ югу отъ нижеописаннаго водораздѣла двухъ могучихъ китайскихъ рѣкъ, но до потоковъ Хуанъ-хэ попадаются нерѣдко. Образованіе здѣсь солончаковъ, по мнѣнію Николая Михайловича, обусловливается вѣтрами, которые постоянно приносятъ изъ пропитанныхъ солью равнинъ Цайдама соленую пыль, осѣдающую здѣсь.

Въ восточной части этой возвышенной равнины находится область истоковъ Желтой рѣки. Южной границей источной области этого бассейна служитъ хребетъ Куку-шили, протянувшійся верстъ на 600 съ запада на востокъ, и хребетъ Баянъ-хара-ула, составляющій его западное продолженіе.

Послѣдній хребетъ является водораздѣломъ между системами Желтой и Голубой рѣкъ (Муръ-усу).

Баянъ-хара-ула (что въ переводѣ означаетъ «богатыя черныя горы») протянулся широкою плоскою возвышенностью, которая подымается надъ окрестными равнинами лишь на 1,000 фут., но абсолютная ихъ высота достигаетъ 15,000 фут.

Хребетъ Куку-шили выше предыдущаго и подымается на 16 т. ф. надъ уровнемъ моря, хотя сосѣднюю равнину превышаетъ лишь на 1,000—2,000 ф. Несмотря на столь значительную абсолютную высоту даже наиболѣе выдающіяся надъ гребнемъ вершины не достигаютъ снѣговой линіи. Скаты въ обѣ стороны весьма пологи и по большей части покрыты луговою растительностью.

Долины и междугорныя котловины часто заболочены и поросли характернымъ для Тибета болотнымъ растеніемъ—осокою.

Такія-же заболоченныя кочковатыя низины, по большей части окруженныя возвышенностями, встрѣчаются во всей сѣверо-восточной части Тибетскаго плато и называются по-монгольски мото-шириками.

Эти кочковатыя болота, по мнѣнію Пржевальскаго, обязаны своимъ происхожденіемъ обильнымъ осадкамъ и бурямъ, свирѣпствующимъ въ Тибетѣ почти круглый годъ. Дожди доставляютъ въ обиліи влагу, которая задерживается на поверхности глинистою почвой, а бури зимою и весною сдуваютъ со всѣхъ бугровъ снѣгъ, а также и высохшій слой почвы: остаются только кочки, гдѣ почва скрѣплена густымъ пучкомъ болотныхъ растеній.

Къ югу отъ водораздѣла Баянъ-хара-ула мѣстность принимаетъ характеръ альпійской горной страны. Горы здѣсь сразу становятся очень высоки, круты и трудно доступны, хотя сначала все же не достигаютъ снѣговой линіи, которая проходитъ здѣсь приблизительно на высотѣ 17,000 ф.

Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ мѣстность становится все болѣе и болѣе дикой; Николай Михайловичъ наблюдалъ такую рѣзкую перемѣну характера мѣстности съ каждымъ десяткомъ верстъ при движеніи внизъ по теченію р. Ды-чю.

Вскорѣ появляются уже и снѣговыя вершины группы Гаты-джу. Вмѣстѣ съ тѣмъ хребты, сбѣгающіе къ югу отъ водораздѣла, принимаютъ меридіональное направленіе и становятся богаче какъ растеніями, такъ и животными. Впрочемъ, скалъ здѣсь сравнительно немного, но хребты изборождены безчисленными долинами и ущельями, по которымъ текутъ быстрыя горныя рѣчки, собирающія свои воды въ Ды-чю.

На правый берегъ этой рѣки Пржевальскій не переходилъ, но онъ предполагаетъ, что и далѣе этой рѣки мѣстность носитъ тотъ-же характеръ.

Вверхъ по Ды-чю горная область принимаетъ болѣе мягкія формы рельефа и постепенно переходитъ въ волнистую равнину Тибетскаго плато.

Изслѣдованіе истоковъ Желтой рѣки составляютъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ Николая Михайловича. До его послѣдняго путешествія, географы руководились

исключительно китайскими описаніями, матеріалы для которыхъ собраны были весьма давно, еще въ прошломъ столѣтіи.

Николай Михайловичъ въ четвертую экспедицію поставилъ своею цѣлью изслѣдованіе истоковъ этой рѣки и съ этою цѣлью посѣтилъ сѣверо-восточный уголъ Тибетскаго нагорья.

Хотя китайскія описанія верховій Хуанъ-хэ оказались въ общемъ вѣрными, но Пржевальскому несомнѣнно принадлежитъ заслуга научнаго открытія истоковъ великой рѣки, такъ какъ китайскія свѣдѣнія о ея истокахъ были запутаны и лишены всякаго научнаго основанія.

Китайцы еще въ глубокой древности пытались изучить истоки Хуанъ-хэ. питающей милліоны населенія. Во II вѣкѣ до Р. Хр. при Ханьской (старшей) династіи снаряжена была съ этою цѣлью даже ученая экспедиція, которая конечно принесла свою долю пользы, но лишенная научныхъ основаній дала въ результатѣ «нелѣпое представленіе, котораго, быть можетъ и до сихъ поръ держатся китайцы, что настоящіе истоки Желтой рѣки лежатъ въ верховьяхъ Тарима. воды котораго, протекая въ озеро Лобъ-норъ, скрывается подъ землею и пробѣжавъ такимъ образомъ чуть не тысячу верстъ, снова выходитъ на поверхность почвы въ видѣ многочисленныхъ ключей котловины Одонь-тала»... *) Въ XI в. нашей эры, при Таньской династіи, въ XIII в. при династіи Юань и наконецъ, въ прошломъ столѣтіи при нынѣшней Манчжурской династіи, точно также снаряжались экспедиціи съ научною цѣлью. Въ результатѣ ихъ получилось весьма подробное описаніе источной области Хуанъ-хэ въ топографическомъ отношеніи, но оно также страдало отсутствіемъ научныхъ основаній и для пользованія европейскихъ ученыхъ было малопригодно; даже топографическія данныя, заимствованныя изъ китайской литературы, наносились на карту совершенно наугадъ, такъ какъ географическія каординаты не были опредѣлены. Что же касается научнаго изученія физико-географическихъ данныхъ, а еще болѣе флоры и фауны, то въ этомъ отношеніи китайцами не было сдѣлано почти ничего.

Для разрѣшенія этой путанницы англичане, которые съ завистью смотрѣли на замѣчательныя географическія открытія, произведенныя Пржевальскимъ въ Средней Азіи и въ области, сосѣдней съ Индіей, секретно снарядили въ 1881 г. Пундита А. К. въ сѣверо-восточный Тибетъ, съ порученіемъ изслѣдовать истоки Желтой рѣки.

Однако послѣдній весьма неудовлетворительно исполнилъ данное ему порученіе; онъ изобразилъ источную область еще хуже, чѣмъ китайцы, и показалъ здѣсь, вмѣсто двухъ большихъ озеръ, одно.

Пржевальскій посвятилъ двѣ большихъ экскурсіи для изслѣдованія верховій Хуанъ-хэ: въ концѣ третьей экспедиціи и въ началѣ четвертой; онъ превозмогъ всѣ трудности, сопряженныя съ пребываніемъ въ пустынной болотистой, чрез-

*) Пржевальскій, „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки“, стр. 143.

вычайно нездоровой мѣстности, среди враждебнаго населенія, съ которымъ неоднократно приходилось вступать въ настоящія сраженія и постоянно необходимо было соблюдать всѣ военныя предосторожности, завоевалъ себѣ такимъ образомъ доступъ къ загадочнымъ истокамъ знаменитой рѣки и произвелъ здѣсь хотя бѣглыя, но, какъ и всегда, чрезвычайно точныя изслѣдованія.

Двигаясь въ юго-восточномъ направленіи отъ перевала черезъ хребетъ Бурханъ-Будда, онъ вскорѣ достигнулъ водораздѣла рѣкъ, стекающихъ въ Кукуноръ и Цайдамъ и въ Желтую рѣку.

Тотчасъ за долиною Алакъ-норъ-гола мѣстность начинаетъ быстро подыматься и достигаетъ 14 т. ф. абс. высоты. Полное безплодіе царитъ въ этой мѣстности, солончаковая почва совершенно оголена и лишь кое-гдѣ попадаются клочками мото-ширики, да изрѣдка встрѣчаются жиденькія заросли твердочашечника (Myricaria prostrata), единственнаго представителя здѣсь кустарниковой растительности.

Миновавъ гору Урундуши и пробравшись не безъ труда черезъ гряду невысокихъ и разбросанныхъ въ безпорядкѣ горъ, Николай Михайловичъ достигъ восточнаго устья большой котловины, которая оказалась тою именно колыбелью Хуанъ-хэ—Одонь-тала, о которой упоминалось во всѣхъ описаніяхъ верховій Желтой рѣки, сдѣланныхъ по китайскимъ источникамъ.

Одонь-тала представляетъ изъ себя большую долину въ 70 в. длиною и около 20 шириною, расположенную на высотѣ 14,000 ф.; она окружена со всѣхъ сторонъ невысокими горами, и даже нигдѣ по близости нѣтъ вѣчноснѣговыхъ горъ, которыя появляются лишь гораздо ниже по теченію рѣки. Дно котловины усѣяно безчисленными ключами, озерками, болотами; здѣсь же собираются воды многочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, стекающихъ съ окружающихъ возвышенностей.

Николай Михайловичъ обнаружилъ невѣрность китайскаго описанія этой мѣстности: оказалось, что верховья Хуанъ-хэ образуются не одною рѣкою, а соединеніемъ двухъ притоковъ почти одинаковой величины, которыя образуются изъ сліянія всѣхъ этихъ потоковъ и встрѣчаются подъ прямымъ угломъ у восточнаго угла Одонь-тала. Первый изъ этихъ притоковъ начинается двумя вѣтвями въ горахъ Хара-дзыганъ и Уджай-махлацы и по всей вѣроятности есть Алтынъ-голъ, который по китайскимъ источникамъ составляетъ начало Хуанъ-хэ. Второй несетъ воды собственно котловины.

Мѣстныхъ названій обоихъ этихъ притоковъ Николай Михайловичъ не могъ узнать.

Рѣку Саломà, которая образуется изъ сліянія этихъ двухъ притоковъ, Пржевальскій считаетъ началомъ Хуанъ-хэ; точка сліянія притоковъ опредѣлена имъ астрономически: 34°55,3′ сѣв. шир., а долгота получена прокладкою маршрута отъ раньше установленныхъ пунктовъ: р. Уту-мурени въ Цайдамѣ и Кум-Чертынтонъ въ Ганьсу.

По выходѣ изъ Одонь-тала, Салома тотчасъ же принимаетъ съ сѣвера небольшую рѣчку и верстъ черезъ 25 проходитъ одно за другимъ два большихъ озера.

На короткомъ протяженіи отъ выхода изъ Одонь-тала до впаденія въ первое озеро, рѣка раздѣляется на нѣсколько (3—5) рукавовъ, которые быстро бѣгутъ невдалекѣ другъ отъ друга, и соединяются или снова расходятся. Количество воды, которое несетъ Салома, невелико; каждый изъ рукавовъ имѣетъ 10—13 саж. въ ширину, при глубинѣ 1—$1^1/_2$ фута, но мѣстами встрѣчаются омуты въ видѣ небольшихъ озеръ. Вся долина верхней Хуанъ-хэ въ этомъ мѣстѣ, имѣющая 5—10 верстъ въ ширину, представляетъ степную равнину, покрытую небольшими озерками и мото-шириками и совершенно подобна котловинѣ Одонь-тала.

Источныя озера Желтой рѣки, какъ уже было раньше указано, были издавна извѣстны китайцамъ и имѣли монгольскія названія: западные Цзярынъ-норъ и восточные—Нооринъ-норъ. Но по праву перваго изслѣдователя Николай Михайловичъ назвалъ ихъ: первое озеромъ Русскимъ, а второе—озеромъ Экспедиціи.

Оба они лежатъ на высотѣ 14,000 ф. и отдѣляются другъ отъ друга лишь возвышеннымъ перешейкомъ, шириною верстъ въ 10, а мѣстами и менѣе.

Идолъ, высѣченный въ скалѣ на р. Ярлынъ-голъ.

Размѣры ихъ приблизительно одинаковые: около 130 верстъ въ окружности, форма неправильнаго эллипсиса, но озеро Экспедиціи вытянуто по своей главной оси въ направленіи съ юга на сѣверъ, а озеро Русское—съ запада на востокъ. Берега обоихъ озеръ возвышены и сильно изрѣзаны, въ особенности съ южной стороны; подымаются они надъ уровнемъ воды на 400—600 ф.

Глубина не была изслѣдована по неимѣнію лодки, но, вѣроятно, она не очень значительна; вода совершенно прѣсная.

Рѣка Салома впадаетъ съ западнаго берега озера Экспедиціи; туда же съ сѣверной стороны вливаются еще двѣ порядочныя рѣки; отсюда Хуанъ-хэ выхо-

Идолъ, высѣченный въ скалѣ на р. Ярлынъ-голъ.

дитъ изъ восточной части и, прорвавшись черезъ гористый перешеекъ, впадаетъ съ сѣверной стороны въ озеро Русское. Послѣднее принимаетъ кромѣ того на юго-западѣ р. Джагынъ-голъ и рядомъ другую, впадающую съ юга.

Несмотря на то, что описываемыя озера весьма богаты водою, такъ какъ питаются притоками съ обширной, притомъ почти сплошь болотистой мѣстности, оба они, какъ и всѣ другіе бассейны Средней Азіи носятъ на себѣ явные слѣды усыханія. По наблюденію Пржевальскаго объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ небольшіе усыхающіе озерки, которые разбросаны повсюду вблизи берега большихъ озеръ въ низменныхъ котловинахъ, окруженныхъ прибрежными возвышенностями; тоже самое доказываетъ распространенность болотъ по р. Салома и въ низовьяхъ другихъ значительныхъ притоковъ, и наконецъ, высокіе (7—20 ф.) береговые увалы изъ наносной почвы, которые тянутся параллельно нынѣшней линіи береговъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ горы нѣсколько отступаютъ отъ озера.

Пройдя черезъ озеро Русское, Хуанъ-хэ вытекаетъ изъ сѣверо-восточнаго угла его подъ тангутскимъ именемъ Ма-чю, течетъ къ востоку, и образуетъ большую дугу для обхода вѣчноснѣговаго хребта Амне-мачинъ.

Далѣе она прорывается черезъ поперечностоящую гряду Центральнаго Куэнъ-люня и вступаетъ въ предѣлы Собственнаго Китая.

Съ южной стороны къ озеро Русское вливается небольшая рѣка, которую Николай Михайловичъ въ память опасной стычки съ разбойничьей шайкой тангутовъ назвалъ рѣкой Разбойничьей.

Благодаря энергіи и настойчивости Пржевальскаго въ достиженіи намѣченной цѣли, истоки Хуанъ-хэ и ея верхнее теченіе сдѣлались хорошо извѣстными. Неизслѣдованною осталась лишь сравнительно небольшая часть верхняго теченія около 400 верстъ, считая отъ выхода изъ озера Русскаго до впаденія въ нее р. Чурмыни. Начиная отсюда до оазиса Гуй-дуй, на протяженіи 250 в. рѣка обслѣдована была Николаемъ Михайловичемъ въ 1880 г. въ концѣ третьей экспедиціи.

Добраться до истоковъ Желтой рѣки тогда ему не удалось, но результаты экскурсіи были весьма значительны, такъ какъ мѣстность по самому своему характеру оказалась весьма интересною.

Сѣверо-восточный уголъ и вся восточная окраина Тибетскаго нагорья представляютъ выдающійся научный интересъ для геолога и географа, такъ какъ здѣсь подъ вліяніемъ могущественныхъ геологическихъ и климатическихъ дѣятелей мощное Тибетское плато, такъ сказать, обнажаетъ свой горный скелетъ и изъ столовидной возвышенной равнины превращается въ дикую альпійскую страну.

Зародившаяся еще на самомъ нагорьи, Желтая рѣка вслѣдъ затѣмъ вступаетъ въ область исполинскихъ горъ и здѣсь, безпрестанно стѣсняемая въ своихъ берегахъ, обходя безчисленныя преграды или пробиваясь черезъ стоящія на пути громады, прихотливо изгибаетъ свое русло во всемъ верхнемъ теченіи.

Горные хребты, которые въ безпорядкѣ загромождаютъ эту область, почти всѣ принадлежатъ къ системѣ Куэнъ-люня и преобладающее ихъ направленіе—

съ запада на востокъ. Одни изъ нихъ составляютъ прямое продолженіе окраинныхъ тибетскихъ горъ къ сторонѣ Цайдама, другіе же находятся въ связи съ главною осью Куэнъ-люня, оріентированы въ параллельномъ ему направленіи и наполняютъ собою всю страну до Куку-норскаго плато на сѣверѣ.

Всѣ эти хребты носятъ дикій альпійскій характеръ, хотя по большей части и не достигаютъ снѣговой линіи, за исключеніемъ лишь немногихъ вершинъ.

Въ промежуткахъ между горными кряжами залегаютъ болѣе или менѣе обширные плато со степнымъ, а мѣстами даже и пустыннымъ характеромъ. Эти плато, по мнѣнію Пржевальскаго, въ прежнія времена представляли изъ себя озера, подобныя двумъ вышеописаннымъ, но постепенно опорожнялись, по мѣрѣ того какъ главная водная артерія всей этой страны прорывала себѣ путь черезъ поперечныя горныя гряды. Много вѣковъ, вѣроятно просуществовали эти исчезнувшія въ настоящее время озера и за это время въ нихъ отлагались наносы, приносимые рѣчками съ сосѣднихъ горъ, такъ что теперь здѣсь залегаютъ громадныя толщи валуновъ, гальки и песка, хотя на поверхности здѣсь по большой части успѣлъ уже отложиться значительной толщины лессовый покровъ.

Въ настоящее время какъ наносная почва, такъ и лессовые осадки изъ атмосферной пыли изборождены глубокими оврагами и корридорообразными ущельями, которые сопровождаютъ теченіе каждой рѣчки, каждаго ручья, даже такихъ, которые наполняются водою лишь временами. Такая изрѣзанность рыхлой почвы придаетъ весьма оригинальный видъ всей этой области и въ то же время дѣлаетъ ее почти недоступной.

Въ самыхъ горахъ такія ущелья по большей части имѣютъ почти совершенно отвѣсные бока или обставлены дикими, недоступными по своей крутизнѣ скалами.

Рѣчки несутся здѣсь со страшною быстротою, перекатываютъ по своему ложу громадные валуны, нерѣдко образуютъ водопады. Паденіе здѣшнихъ рѣкъ обыкновенно весьма значительное; Хуанъ-хэ, судя по разницѣ абсолютныхъ высотъ оз. Русскаго и р. Чурмыни, на этомъ разстояніи падаетъ на 4,800 ф.

По выходѣ изъ горъ, эти рѣчки текутъ нѣсколько медленнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ ущелья дѣлаются глубже и шире. Со стороны такое ущелье обыкновенно совершенно незамѣтно, пока не подойдешь къ самому обрыву.

Оголенные обрывы, подымающіеся надъ дномъ иногда на 500—800 и даже 1,000 ф. (какъ Хуанъ-хэ) по вертикали, состоятъ изъ лессовой глины или песка, съ прослойками гальки и валуновъ, мѣстами лессъ составляетъ почти всю толщу, а иногда встрѣчаются каменныя стѣны и нависшія надъ пропастью скалы.

Все это безпрестанно разрушается вслѣдствіе энергичнаго вывѣтриванія, камни со скалъ постоянно валятся внизъ, въ особенности при сильномъ вѣтрѣ или послѣ дождя, иногда въ пропасть срываются и цѣлыя скалы или толстые слои растреснувшейся скалы. Вслѣдствіе этого береговые обрывы ущелій въ большинствѣ случаевъ представляютъ причудливыя очертанія башенъ, стѣнъ, пирамидъ и т. п.

Боковыя ущелья втораго порядка обыкновенно бываютъ коротки, узки и недоступны.

На днѣ ущелій и поперечныхъ балокъ, преимущественно на сѣверной сторонѣ крутыхъ скатовъ, обыкновенно растутъ кустарники (акаціи, барбарисъ, шиповникъ, жимолость, кизиль, смородина, рябина), которые иногда образуютъ непроходимыя заросли.

Въ четвертую экспедицію Пржевальскій, открывши Одонь-тана и источныя озера Хуанъ-хэ, оставилъ на время ихъ изслѣдованіе и двинулся дальше на югъ къ верховьямъ Янъ-цзы-цзяна.

Бассейнъ этой великой китайской рѣки начинается тотчасъ за вышеописаннымъ водораздѣломъ.

Въ верхнемъ теченіи рѣка эта извѣстна подъ монгольскимъ названіемъ Муръ-усу, т. е. «великая рѣка» и здѣсь она была уже дважды передъ тѣмъ посѣщена Николаемъ Михайловичемъ при движеніи къ Лхассѣ (въ первую и третью экпедицію). Истоки Муръ-усу, по свидѣтельству тибетцевъ, лежатъ на сѣверномъ склонѣ Танъ-ла въ 100 верстахъ далѣе къ западу отъ перевала черезъ этотъ хребетъ, по которому проходитъ караванный путь буддайскихъ богомольцевъ. Здѣсь она составляется изъ многочисленныхъ ключей и небольшихъ рѣчекъ, которыя питаются, вѣроятно, лежащими по близости вѣчно-снѣговыми горами. Первоначальное ея направленіе—сѣверное, которое затѣмъ измѣняется въ сѣверо-восточное. Огибая такимъ образомъ съ сѣвера плато Танъ-ла, Муръ-Усу течетъ къ сѣверо-востоку до сліянія съ Напчитай-уланъ-муренью; отсюда она поворачиваетъ на юго-западъ еще далѣе—прямо на югъ. Начиная отъ устья Напчитай-уланъ-мурени, а быть можетъ и нѣсколько ранѣе, рѣка эта извѣстна у мѣстныхъ кочевниковъ тангутовъ подъ именемъ Ды-чю, что означаетъ «коровья рѣка» — названіе, данное по изобилію на ея берегахъ дикихъ яковъ.

Рѣка Напчитай-уланъ-мурень беретъ начало на южномъ склонѣ хребта Марко-Пало. При своемъ теченіи къ югу она раздѣляется на нѣсколько мелководныхъ рукавовъ, изъ которыхъ два были пересѣчены Николаемъ Михайловичемъ. Прорвавшись черезъ хребты Куку-шили и Баянъ-хара, Напчитай-уланъ-мурень становится значительной рѣкою шириною саженей въ 40. Вода этой рѣки, протекающей на значительномъ протяженіи по солонцеватой почвѣ, имѣетъ солоноватый вкусъ.

Рѣка Муръ-усу въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ караванный путь, течетъ на абсолютной высотѣ 14,000 ф. и имѣетъ 30 саж. ширины при малой водѣ; въ это время на бродѣ глубина была $2^1/_2$ ф.; при половодьи ширина увеличивается саженей до 50. При сліяніи съ Напчитай-уланъ-муренью, Муръ-усу имѣетъ около 108 саж., какъ оказалось при измѣреніи по льду, но судя по слѣдамъ оставленнымъ на берегахъ (полосы гальки), и по сообщенію туземцевъ, весною заливается водою вся долина саженей въ 800 шириною. Глубина здѣсь отъ 5 до 7

Выставка зоологическихъ коллекцій Н. М. Пржевальскаго,
открытая въ И. Академіи Наукъ 15 марта 1881 г.

футовъ и болѣе, теченіе очень быстрое, часто образуются пороги и каскады; броды не встрѣчаются, за исключеніемъ лишь урочища Чамбаръ-абданъ, которое лежитъ нѣсколько ниже устья Напчитай-уланъ-мурени, гдѣ Ды-чю дѣлится на 7 рукавовъ.

Съ высоты 14,600 ф, по которой Муръ-усу протекаетъ у сѣверной подошвы Танъ-ла, русло Ды-чю спускается до 13,100 ф., каковая оказалась по измѣреніи при впаденіи Конъ-чюнъ-чю, стекающій съ горъ Баянъ-хара. Устье этой послѣдней рѣки, по вычисленію Пржевальскаго, лежитъ приблизительно на долготѣ 96° (отъ Гринвича) и составляетъ крайній восточный пунктъ въ описываемой части Тибета, посѣщенный Николаемъ Михайловичемъ. Изъ другихъ болѣе значительныхъ притоковъ верховій Голубой рѣки Пржевальскій упоминаетъ Тактонай-уланъ-мурень. Рѣка эта по собраннымъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, вытекаетъ изъ западной окраины плоскогорья Танъ-ла и пересѣчена Пржевальскимъ въ третье путешествіе. На мѣстѣ переправы глубина 1 — 2 ф. при ширинѣ 10 — 12 саж. Она, повидимому, длиннѣе Муръ-усу до мѣста сліянія съ нею, но во всякимъ случаѣ гораздо бѣднѣе водою, чѣмъ эта послѣдняя. Судя по полосамъ наносной гальки, во время весенняго разлива ширина этой рѣки достигаетъ около полуверсты.

Тотчасъ за переправою на правый берегъ Муръ-усу мѣстность начинаетъ быстро возвышаться и образуетъ колоссальное вздутіе Танъ-ла, по мнѣнію Пржевальскаго, самое высокое во всемъ сѣверномъ Тибетѣ. Съ вершины Бугумагнай въ сторонѣ отъ направленія караваннаго пути богомольцевъ, Николай Михайловичъ любовался этимъ гигантскимъ плоскогорьемъ, сплошь покрытымъ снѣгами и увѣнчаннымъ на своемъ хребтѣ длинною цѣпью вѣчно-снѣговыхъ горъ. Хребетъ этотъ носитъ то-же названіе, что и плоскогорье, на которомъ онъ простирается, и составляетъ какъ-бы позвоночный хребетъ этого колоссальнаго вздутія.

Помимо этого главнаго хребта на поверхности Танъ-ла простираются въ различныхъ направленіяхъ другіе кряжи и отдѣльныя группы возвышенностей, изъ которыхъ многія увѣнчаны вѣчными снѣгами. Въ промежуткахъ между ними залегаютъ болѣе низкія мѣстности, по большей части сильно холмистыя. Главный хребетъ Танъ-ла простирается въ направленіи съ запада на востокъ верстъ на 460, но быть можетъ въ своемъ западномъ продолженіи соединяется съ главною цѣпью Куэнъ-люня.

На востокѣ, по предположенію Пржевальскаго, какъ хребетъ, такъ и плато, на которомъ онъ простирается, продолжается, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ западной своей части (хребетъ вообще повышается къ западу отъ перевала и понижается къ востоку) до Кинъ-ча-цзяня, т. е. верхней части Голубой рѣки въ предѣлахъ Собственнаго Китая. Хребетъ Танъ-ла является водораздѣльною возвышенностью, раздѣляющей бассейны величайшихъ рѣкъ юго-восточной Азіи.

Дѣйствительно, съ сѣвернаго склона плато стекаютъ рѣки и ручьи въ Муръ-усу, т. е. въ Янъ-цзы-цзянъ, который идетъ на востокъ до Великаго океана. Съ южнаго склона западной части Танъ-ла собираетъ воды большая рѣка Зача-цампо, впадающая въ озеро Митыкъ-джансу. Послѣднее, судя по его положенію, по всей вѣроятности и есть озеро Чаргутъ-чо, которое обозначено на картѣ Пундита *Наинъ-Синга*. Озеро это по сообщенію Синга очень велико и является главнымъ вмѣстилищемъ всѣхъ рѣкъ расположенныхъ на значительномъ протяженіи къ западу и востоку отъ него по сѣверной подошвѣ Гималаевъ. Сюда впадаютъ также истоки другихъ значительныхъ озеръ.

Изъ Митыкъ-джансу или Чаргутъ-чо по разспроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Николаемъ Михайловичемъ въ его третье путешествіе, вытекаетъ къ востоку рѣка, впадающая вскорѣ въ озеро Амдо-цонакъ, изъ котораго выходитъ новая рѣка, извѣстная у тибетцевъ подъ именемъ Напъ-чю, а у монголовъ называемая Хара-усу. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи рѣка эта получаетъ китайское названіе Лу-цзе-цзянь, тибетское—Нге-кіо, а въ предѣлахъ Индокитая называемая Салуеномъ.

Въ рѣку, вытекающую изъ озера Митыкъ-джансу, вѣроятно, впадаетъ также съ сѣверо-запада истокъ озера Тенгри-норъ, а съ сѣвера впадаютъ рѣки и рѣчки стекающія съ южнаго склона западной половины плоскогорья Танъ-ла.

Нѣсколько далѣе отсюда къ востоку на томъ же южномъ склонѣ Танъ-ла лежатъ истоки рѣкъ Омъ-чю и Барунъ-чю, которыя, соединившись близъ города Ча-му-то образуютъ рѣку Ланъ-цзанъ-цзянь, называемую у тибетцевъ Ла-кіо. Рѣка эта идетъ сначала на востокъ, а затѣмъ поворачиваетъ на югъ и вступаетъ въ Индокитай подъ именемъ Меконга или Камбоджи.

Если подтвердятся свѣдѣнія, полученныя Пундитомъ Наинъ-Сингомъ разпроснымъ путемъ, относительно связи озера Митыкъ-джансу съ другими, лежащими далѣе къ западу, то истоки Салуена, которые должны лежать такимъ образомъ подъ 53° в. долг. (отъ Пулкова) и приблизительно подъ $32^1/_2$° с. ш., окажутся такимъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ истоками Яру-цампо, т. е. верхней Брамапутры, впадающей въ священную рѣку индусовъ—Гангъ. Салуэнъ и Грамапутра такимъ образомъ почти на всемъ протяженіи своего верхняго теченія идутъ параллельно другъ другу въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но раздѣленныя одна отъ другой гигантскою цѣпью сѣвернаго Гималая. Само плоскогорье Танъ-ла и его гигантскій хребетъ, подымается на страшную высоту около 16 т. ф., а вершины хребта даже до 19—20 т., въ западной части навѣрное и болѣе того. Подобно большинству тибетскихъ кряжей Танъ-ла не имѣетъ скалъ и носитъ на себѣ слѣды сильнаго разрушенія водами, а еще больше свирѣпыми бурями почти постоянно бушующими въ Тибетѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ, полосы розсыпей, сопровождающія подобные хребты съ обѣихъ сторонъ.

Снѣговая линія проходитъ здѣсь приблизительно на высотѣ около 17 т. ф. по сѣверному склону, а по южному отодвигается вверхъ еще футовъ на 500.

На этомъ мы закончимъ обзоръ географическихъ подвиговъ Николая Михайловича и перейдемъ къ краткому перечню результатовъ его экспедицій по отношенію къ этнографіи и антропологіи.

II. Этнографическія изслѣдованія Николая Михайловича Пржевальскаго.

Заслуги Пржевальскаго въ области этнографіи сравнительно съ географическими, зоологическими и ботаническими имѣютъ меньше значенія. Пржевальскій былъ по преимуществу «изслѣдователь природы», какъ это мѣтко формулировано конференціей Императорской Академіи Наукъ въ надписи на выбитой въ честь его медали.

То, что сдѣлалъ Пржевальскій для изученія населенія центральной Азіи, долгое время оставалось какъ бы въ тѣни, быть можетъ только потому, что рядомъ со сравнительно краткими и при томъ написанными съ большою осторожностью и скромностью замѣтками касательно того или другого народа стояли поистинѣ колоссальные, признанные таковыми всѣмъ свѣтомъ, географическіе результаты, огромныя, неимѣющія себѣ цѣны ботаническія и зоологическія коллекціи. Величіе другихъ трудовъ Николая Михайловича такимъ образомъ какъ бы затемняло собою менѣе значительныя этнографическія изслѣдованія.

Сравнительная слабость этнографическихъ изслѣдованій Николая Михайловича нѣкоторыми рецензентами приводилась въ связь съ основными чертами его характера: именно съ его крайне пессимистическимъ воззрѣніемъ на «такъ называемую цивилизацію» *); говорили что Пржевальскій былъ «человѣконенавистникомъ», что онъ презиралъ людей и поэтому систематически игнорировалъ человѣка въ тѣхъ странахъ, которыя ему приходилось посѣщать, отдавая всю свою энергію и всѣ научныя познанія исключительно изученію природы, преимущественно флоры и фауны.

Нечего и говорить, что подобные отзывы не выдерживаютъ никакой критики. Пржевальскій дѣйствительно весьма скептически относился къ «городской цивилизаціи» и склоненъ былъ видѣть въ городскихъ жителяхъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ, гораздо больше дурныхъ сторонъ, чѣмъ хорошихъ. Но тѣмъ болѣе гуманно относился онъ къ простому народу, еще не испорченному «гнилой» цивилизаціей, къ темнымъ азіатцамъ, ведущимъ почти первобытную жизнь въ дебряхъ Средней Азіи. По отношенію къ нимъ Николай Михайловичъ держалъ себя всегда въ высшей степени гуманно, вступалъ съ ними въ дружескія отношенія и постоянно соблюдалъ самую строгую справедливость.

Изучая флору, фауну и вообще природу Средней Азіи, Пржевальскій не

*) См. Біографію.

могъ оставить безъ вниманія вѣнца природы—человѣка, но, какъ натуралистъ, онъ интересовался главнымъ образомъ некультурнымъ человѣкомъ и изучалъ дикарей въ ихъ естественной домашней обстановкѣ.

Причиною того, что Николай Михайловичъ не достигъ въ этомъ отношеніи столь-же блестящихъ результатовъ, какъ въ изученіи физико-географическихъ условій страны, ея флоры и фауны,—является между прочимъ то обстоятельство, что онъ не владѣлъ туземными языками и принужденъ былъ пользоваться переводчиками, что конечно составляло большое неудобство.

Кромѣ того большія препятствія въ сношеніяхъ съ туземцами Пржевальскому постоянно ставили китайскіе администраторы, которые употребляли все свое ліяніе на то, чтобы возбудить подвластныхъ имъ монголовъ, тибетцевъ, лобнорцевъ и др. мѣстныхъ жителей противъ русскихъ путешественниковъ.

Несмотря на всѣ препятствія со стороны китайцевъ, Пржевальскій умѣлъ поставить себя такъ, что туземцы въ большинствѣ случаевъ относились къ нему съ довѣріемъ; умѣніемъ ставить вопросы и отдѣлять дѣйствительность отъ умышленной лжи или невольнаго искаженія истины добивался богатыхъ результатовъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ разбору матеріаловъ, избранныхъ Николаемъ Михайловичемъ изъ его наблюденій надъ жителями различныхъ странъ Центральной Азіи.

Мы уже раньше упомянули, что результаты этнографическихъ изслѣдованій Пржевальскаго уступаютъ по своему значенію изслѣдованіямъ географическимъ, зоологическимъ и ботаническимъ.

Однако, сами по себѣ изслѣдованія о народахъ Азіи, произведенныя Пржевальскимъ, весьма цѣнны. Вотъ какъ отзывается объ этой сторонѣ дѣятельности Николая Михайловича одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ антропологовъ, недавно умершій проф. Э. Ю. Петри. Разбирая дѣятельность его, какъ этнографа, онъ говоритъ: «Если бы Пржевальскій не оставилъ никакихъ другихъ научныхъ результатовъ своихъ путешествій, кромѣ замѣтокъ о различныхъ народностяхъ, то и тогда онъ имѣлъ бы право на названіе великаго путешественника» *).

Чтобы ни говорили тѣ или другіе рецензенты о недостаткахъ этнографическихъ изслѣдованій Пржевальскаго, лучшимъ доказательствомъ несостоятельности такого сужденія является то обстоятельство, что въ любомъ сочиненіи, русскомъ или иностранномъ, по этнологіи или антропологіи страницы положительно пестрятъ ссылками на Пржевальскаго, разъ дѣло касается посѣщенныхъ имъ мѣстностей Средней Азіи.

Уже въ первое свое путешествіе въ Уссурійскій край Николай Михайловичъ заявилъ свои способности къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, составивъ монографію «Объ инородческомъ населеніи въ южной части При-

---

*) Лекція въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ въ засѣданіи 20 октября 1898 г.

морской области», гдѣ описывалъ китайцевъ, гольдовъ, орочей или тазовъ и корейцевъ.

Въ виду современныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ, мы остановимся нѣсколько на этой интересной монографіи, такъ какъ Пржевальскій былъ одним изъ первыхъ русскихъ піонеровъ, благодаря трудамъ которыхъ Россія прочно утвердилась въ Амурскомъ и Уссурійскомъ краѣ. Прошло всего тридцать лѣтъ со времени путешествія Николая Михайловича по Уссури и во Владивостокъ, и какую громадную разницу представляетъ этотъ край въ настоящее время сравнительно со столь недавнимъ прошлымъ! По непроходимымъ лѣснымъ дебрямъ и топкимъ болотамъ проведены желѣзныя дороги, по рѣкамъ совершаютъ правильные рейсы цѣлыя флотиліи пароходовъ, густая сѣть телеграфовъ прорѣзываетъ страну во всѣхъ направленіяхъ, Владивостокъ, Портъ-Артуръ, Харбинъ и др. пункты представляютъ собою кипучіе центры промышленности и общественной жизни.

Политическимъ успѣхамъ Россіи въ Амурско-Уссурійскомъ краѣ предшествовало детальное изученіе этой страны, и Николай Михайловичъ принималъ въ немъ большое участіе, своими изслѣдованіями въ одномъ изъ самыхъ дикихъ и недоступныхъ уголковъ этого края.

Въ Уссурійскомъ краѣ главнымъ по численности населеніемъ Пржевальскій нашелъ китайскихъ манзъ. Населеніе это встрѣчается какъ по самой Уссури, такъ и по ея большимъ правымъ притокамъ, но всего болѣе скучено по долинамъ рр. Сандогу, Лифудинъ, Ула-хэ, Дауби-хэ, въ западной части Ханкайскаго бассейна и по всѣмъ болѣе значительнымъ береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, въ особенности на Шито-хэ, Сучанъ, Пхусунъ и Тазуши.

Китайское населеніе Уссурійскаго края Пржевальскій раздѣляетъ на двѣ части: постоянное, или осѣдлое и временное, или приходящее.

Первые образовались по всей вѣроятности изъ ссыльныхъ преступниковъ и бѣглыхъ выходцевъ изъ Собственнаго Китая. Извѣстно, что въ половинѣ XVII вѣка нашей эры, когда манчжуры овладѣли Китаемъ, восточная часть ихъ родины (Манчжуріи), скудно населенная туземными племенами орочей и гольдовъ, сдѣлалась мѣстомъ ссылки преступниковъ. Съ другой стороны, естественныя богатства этой страны, въ особенности соболь, драгоцѣнный корень жень-шень, наконецъ, изобиліе морской капусты (одинъ изъ видовъ фукусовой водоросли) у береговъ—все это привлекало массы скитальцевъ, которые не находили на родинѣ примѣненія своей рабочей силы и приходили въ этотъ край съ надеждою легкаго обогащенія. Но соболь и жень-шень вскорѣ сдѣлались во всемъ краѣ большою рѣдкостью, а промыселъ капусты, хотя и развивается съ каждымъ годомъ, но прибыльность его для работниковъ уменьшилась, благодаря эксплоатаціи капиталистовъ.

Вслѣдствіе этого, большинство китайцевъ обратились къ своему любимому занятію—земледѣлію, которое у нихъ доведено до большой степени совершенства.

«Поля, находящіяся при ихъ жилищахъ, могутъ служить образцомъ трудолюбія», говоритъ Николай Михайловичъ *). Воздѣлывается преимущественно просо, которое составляетъ ихъ главную пищу, а также сорго, бобы, фасоль, кукуруза и пшеница. Помимо того, китайцы прекрасные огородники и на образцово воздѣланныхъ грядкахъ выращиваютъ всевозможныя овощи: огурцы, дыни, капусту, лукъ, чеснокъ, рѣдьку, перецъ (красный), табакъ и др.

Немногіе изъ китайцевъ занимаются разведеніемъ корня жень-шеня (Panax Ginseng) **).

Сами себя китайцы называютъ *манзами* или, правильнѣе, *маньцзами*.

Жилища манзъ—ф а н з ы—по большей части стоятъ въ одиночку, и рѣдко образуютъ небольшой поселокъ. Фанзы всѣ строятся совершенно однообразно она всегда имѣетъ четвероугольную форму, стѣны около четверти аршина толщиной дѣлаются изъ плетня, обмазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиной. Внутренніе размѣры фанзы довольно велики: 6 — 7 саж. въ длину и окол 4—въ ширину иногда перегородка раздѣляетъ ее на двѣ комнаты. Сверху устраивается соломенная крыша, круто покатая на обѣ стороны. Съ солнечной стороны устраиваются два-три рѣшетчатыхъ окошечка, а между ними дверь. Какъ окна, такъ и верхняя половина двери заклеены промасленной бумагой.

Внутри фанзы по одной, а иногда и по двумъ или тремъ стѣнамъ устраиваются нары, которыя покрываются искусно сплетенными изъ тростника цыновками. и служатъ для сидѣнья и для спанья.

Съ одной стороны помоста устраивается печка, верхнее отверстіе которой закрывается большою чугунною чашкою; труба отъ печки проводится подъ всѣми нарами и выводится наружу гдѣ оканчивается выдолбленнымъ внутри деревяннымъ столбомъ.

Кромѣ того, посрединѣ фанзы устраивается очагъ, на которомъ постоянно поддерживается огонь или сохраняются горячіе уголья, засыпанные сверху золой.

*) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 79.

**) Корень этого растенія издавна считается у китайцевъ цѣлебнымъ средствомъ даже отъ такихъ болѣзней, какъ старческое истощеніе силъ, чахотка и т. п. Цѣнится этотъ корень невѣроятно дорого; такъ миссіонеръ Вероль увѣряетъ, что фунтъ дикорастущаго жень-шеня стоитъ въ Пекинѣ до 50,000 фр. Пржевальскій считаетъ это сообщеніе сильно преувеличеннымъ, но по свѣдѣніямъ собраннымъ имъ самимъ отъ манзъ, цѣна фунта этого корня на наши деньги простирается до 2,000 р.! Даже выращенный на плантаціяхъ корень стоитъ за фунтъ 40—50 руб. Собираніе дикаго жень-шеня чрезвычайно затруднительно, такъ какъ растеніе это встрѣчается весьма рѣдко въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ, и всегда въ глубокихъ, тѣнистыхъ падяхъ; искатели получаютъ особое разрѣшеніе и билеты на промыселъ отъ правительства, и жизнь ихъ исполнена трудовъ, лишеній и опасностей. Культурный жень-шень разводятъ сѣменами или корнями, которые садятъ въ особымъ образомъ приготовленныя гряды и лѣтомъ устраиваютъ надъ ними навѣсы для защиты отъ солнечныхъ лучей, а на зиму раскрываютъ, чтобы могъ образоваться снѣжный покровъ. Корень этотъ растетъ очень медленно, но даже и въ глубокой старости достигаетъ лишь величины пальца человѣческой руки. Вырытый изъ земли корень получаетъ спеціальную обработку (вываривается), высушивается и въ такомъ видѣ идетъ въ продажу.

У бѣдныхъ манзъ очагъ устраивается прямо на земляномъ полу, у богатыхъ-же дѣлается глиняное возвышеніе вродѣ камина, и на немъ горитъ каменный уголь.

Надъ очагомъ манзы просиживаютъ цѣлыми часами и даже днями, если позволяетъ время, грѣются у огонька, покуриваютъ трубки и попиваютъ чай, а то просто теплую воду, которая стоитъ здѣсь-же въ чугунномъ чайникѣ. Высота фанзы около двухъ саженей, но потолка не устраивается. Вмѣсто этого на высотѣ около полуторыхъ сажень отъ земли укладывается нѣсколько поперечныхъ жердей, на которыхъ развѣшивается различная мелочь и хозяйственныя вещи, какъ-то: одежда, шкуры, кукуруза, припасенная для будущаго посѣва, старые башмаки т. п. Вдоль стѣнъ, не занятыхъ нарами, устанавливаются деревянные ящики съ болѣе цѣнною рухлядью.

«Вонь и дымъ въ фанзѣ бываютъ постоянно,—разсказываетъ Николай Михайловичъ *),—частью отъ очага, частью отъ разной, развѣшанной на жердяхъ дряни, которая ежедневно коптится въ дыму въ то время, когда топится печка, потому что трубы надъ нарами рѣдко устроены такъ хорошо, чтобы черезъ нихъ выходилъ весь дымъ; большая часть его всегда идетъ въ фанзу»; помимо того дымъ въ фанзу идетъ въ достаточномъ количествѣ и изъ очага.

Снаружи къ стѣнамъ фанзы обыкновенно дѣлаются пристройки, куда загоняется скотъ, складываются различные припасы; у богатыхъ манзъ есть особыя отдѣленія, гдѣ помѣщаются жернова, на которыхъ размалывается мука, и обдирается крупа. Дворъ обносится высокимъ частоколомъ съ просторными воротами по срединѣ.

При нѣкоторыхъ фанзахъ находятся молельни — небольшія строенія около сажени въ квадратѣ съ рѣшетчатыми небольшими дверцами. Внутри такой часовеньки помѣщается идолъ во образѣ китайца и передъ нимъ различныя приношенія: полотенца съ какими-то надписями, палочки, ленточки, желѣзная чаша и т. п.

Замѣчательная особенность китайскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ— это отсутствіе женщинъ. Манзы всѣ живутъ безъ семействъ, съ которыми они должны были разстаться при отправленіи въ этотъ дальній край.

Безсемейная жизнь сильно отражается на характерѣ манзъ, дѣлаетъ его мрачнымъ, эгоистичнымъ, грубымъ. «Вообще грубость, неряшество, страшная жадность къ деньгамъ—вотъ качества, которыя характеризуютъ всѣхъ представителей небесной имперіи, живущихъ въ нашихъ предѣлахъ»,—такъ характеризуетъ манзъ Николай Михайловичъ. Всѣ помыслы и заботы ихъ вертятся только на томъ, чтобы насытить свой желудокъ да пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ рублей; внѣ этого они ничего не знаютъ.

Не имѣя семействъ, манзы почти всегда селятся компаніями и владѣютъ недвижимымъ имуществомъ—фанзою и полями—сообща. Въ каждой фанзѣ такимъ

*) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ стр. 82.

образомъ по большей части живетъ нѣсколько хозяевъ и еще нѣсколько работниковъ.

Насколько удавалось наблюдать Николаю Михайловичу, образъ жизни ихъ весьма однообразенъ. У всѣхъ одинъ и тотъ-же.

Обыкновенно рано утромъ на разсвѣтѣ одинъ изъ манзъ подымается и прежде всего затопляетъ печку и въ вышеупомянутой чашѣ, которою прикрыто верхнее отверстіе печки варитъ просо—буду. Одновременно разводится огонь и на очагѣ, отчего вся фанза тотчасъ-же наполняется дымомъ, и приходится открывать дверь.

Холодъ снизу и дымъ сверху заставляетъ подняться и тѣхъ манзъ, которые заспались дольше другихъ.. Потягиваясь, встаютъ манзы, наскоро одѣваются и тотчасъ-же, не умываясь, принимаются за свою незатѣйливую пищу; каждый накладываетъ себѣ варенаго проса въ небольшую глиняную чашку и ѣстъ его, поднося ко рту двумя тоненькими деревянными палочками. Какъ приправа къ будѣ, часто употребляется ѣдкаго вкуса соусъ, который приготовляется изъ стручковаго перца.

Такова обыденная пища манзъ, но болѣе достаточные приготовляютъ иногда и болѣе изысканныя яства, какъ-то: пельмени, булки, печеныя на пару, а также изрѣдка козлиное, оленье или какое-нибудь другое мясо.

Утренняя ѣда продолжается около часу. Манзы ѣдятъ не спѣша и непомѣрно много; при этомъ они попиваютъ изъ крошечныхъ чашечекъ, величиною немного побольше наперстка, нагрѣтую водку—сули, которую они сами приготовляютъ домашнимъ способомъ изъ ячменя.

По окончаніи завтрака, работники отправляются молотить хлѣбъ, молоть муку, убирать скотъ и на другія хозяйственныя работы; что-же касается хозяевъ, то они зимою обыкновенно ничего не дѣлаютъ сами. Въ холода они по цѣлымъ днямъ сидятъ передъ очагомъ, курятъ трубки и безъ конца пьютъ чай, который прямо завариваютъ въ тѣхъ чашкахъ, изъ которыхъ пьютъ.

Такъ проходитъ цѣлый день до вечера.

Передъ сумерками опять варится просо, манзы принимаютъ свою вечернюю пищу такимъ-же порядкомъ и съ наступленіемъ темноты ложатся спать; иногда сидятъ еще минутъ двадцать—полчаса при свѣтѣ лучины или ночника, въ которомъ горитъ сало или растительное масло. Это время обыкновенно посвящается манзами истребленію собственныхъ паразитовъ, которыхъ у нихъ большое множество при крайней нечистоплотности; такое времяпровожденіе доставляетъ манзамъ большое удовольствіе, но для посторонняго наблюдателя представляетъ отвратительное зрѣлище, такъ какъ манзы казнятъ своихъ враговъ на переднихъ зубахъ.

Вѣроятно, во избѣжаніе тѣхъ-же паразитовъ, манзы на ночь имѣютъ обыкновеніе снимать съ себя все платье и спять совершенно голыми на теплыхъ

нарахъ, нагрѣтыхъ дневною топкою; однако, ночью, лишь только огонь въ печ погаснетъ, въ фанзѣ становится очень холодно.

Однообразно, описаннымъ порядкомъ, проходятъ дни за днями до наступленія весны, когда начинаются полевыя работы и тогда всѣ манзы, не исключая и хозяевъ, превращаются въ образцовыхъ, трудолюбивыхъ земледѣльцевъ.

Одежда манзъ весьма разнообразна, смотря по сезону, достатку и вкусу каждаго. Преобладающимъ одѣяніемъ, однако, является въ теплое время длиннополый халатъ изъ синей дабы, такого-же или сѣраго цвѣта панталоны и кожаные (изъ звѣриныхъ шкурокъ или изъ рыбьей кожи) башмаки съ загнутыми вверхъ носками; для теплоты и мягкости внутрь этихъ башмаковъ накладывается сухая трава у л а-ц х а о (одинъ изъ видовъ ситовника—cyperus); головнымъ покровомъ служитъ низкая шляпа съ отвороченными вверхъ полями.

Зимняя одежда менѣе разнообразна. Обыкновенно манзы носятъ китайскія мѣховыя куртки шерстью вверхъ и мѣховую-же шапку съ широкими наушниками.

Обыкновеннымъ матеріаломъ для изготовленія того и другого служитъ мѣхъ енота, изрѣдка антилопы или оленя. Волосы манзы брѣютъ, оставляя лишь пучекъ на затылкѣ, который заплетаютъ въ косу; брѣютъ также бороду и оставляютъ усы.

Кромѣ земледѣльческихъ фанзъ, расположенныхъ обыкновенно въ долинахъ рѣкъ, бываютъ еще такъ называемыя з в ѣ р о в ы я ф а н з ы, которыя устраиваются въ лѣсной глуши; эти имѣютъ болѣе простое устройство, меньше и бѣднѣе, чѣмъ вышеописанныя земледѣльческія фанзы.

Обитатели ихъ еще болѣе угрюмы и дики и занимаются исключительно звѣроловствомъ. Впрочемъ, число манзъ-звѣролововъ сравнительно съ земледѣльцами очень незначительно; этимъ промышляютъ почти исключительно болѣе дикіе обитатели этого края гольды и орочи, не знающіе земледѣлія.

Упомянемъ еще про общественное устройство китайскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ.

Всѣ осѣдлые манзы группируются въ общины, во главѣ которыхъ стоятъ выборные старшины, которые разбираютъ различныя мелкія тяжбы своихъ односельчанъ. Старшина избирается на опредѣленный срокъ, но можетъ быть уволенъ отъ своей должности и во всякое время, если члены общины найдутъ его неудовлетворительнымъ. Кромѣ того, существуютъ еще старшины высшаго порядка, которые выбираются въ извѣстномъ районѣ и являются главными надъ всѣми остальными старшинами своего округа. Главный старшина разбираетъ важныя преступленія, и власть его весьма велика, такъ что онъ можетъ присуждать даже къ смертной казни.

Численность осѣдлаго китайскаго населенія въ Уссурійскомъ краѣ Пржевальскій опредѣлялъ приблизительно въ 4—5 тысячъ душъ.

Болѣе значительной цифры достигаетъ временное пришлое населеніе манзъ,

Рыбная ловля манзъ съ дрессированными баклапами.

которые приходятъ въ этотъ край изъ пограничныхъ областей Манчжуріи, а иногда и изъ внутреннихъ провинцій Собственнаго Китая.

Приманкою для нихъ, какъ уже выше было указано, являются естественныя богатства края, главнымъ образомъ, морская капуста, золото, отчасти пушные звѣри, а также грибной промыселъ; послѣдній, впрочемъ, упалъ съ прочнымъ водвореніемъ здѣсь русскихъ.

Ловля капусты производится на всемъ побережьи Японскаго моря; самыми лучшими для этой цѣли мѣстами являются утесистые берега заливовъ, гдѣ нѣтъ сильныхъ волненій, и гдѣ глубина не превосходитъ двухъ-трехъ саженей. Въ чистой, совершенно прозрачной водѣ такихъ заливовъ хорошо видно дно и искомая водоросль, которая прикрѣпляется къ подводнымъ камнямъ, раковинамъ и т. п.

Ловцы разъѣзжаютъ на лодкахъ, высматриваютъ водоросли и достаютъ ихъ со дна особаго устройства деревянными вилами; затѣмъ сушатъ на солнцѣ, связываютъ въ пучки по 1 — 2 пуда и въ такомъ видѣ отправляютъ на продажу, обыкновенно во Владивостокъ или въ гавань Св. Ольги. Здѣсь капусту скупаютъ оптовые торговцы по цѣнѣ среднимъ числомъ по одному рублю за пудъ на наши деньги и отправляютъ большими партіями въ Шанхай, Чи-фу и др. китайскіе порты. Вывозъ этого продукта достигаетъ 200—300 тыс. пудовъ въ годъ, и ростетъ съ каждымъ годомъ.

Промыселъ этотъ все развивается и постепенно совершенствуется его организація. Одиночные ловцы, промышляющіе самостоятельно, уступаютъ мѣсто крупнымъ предпріятіямъ капиталистовъ. Богатые купцы изъ Нингуты, Хунъ-чуна и др. городовъ обыкновенно зимою нанимаютъ большія партіи рабочихъ, снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ для ловли и подъ надзоромъ довѣренныхъ приказчиковъ отправляютъ раннею весною на выбранный напередъ районъ. Ловля производится на одномъ и томъ-же мѣстѣ черезъ годъ, для того, чтобы истребленная въ одно лѣто водоросль успѣла опять наростии.

Въ началѣ весны на побережьѣ моря собирается, такимъ образомъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ ловцовъ, которые выходятъ въ море и продолжаютъ свой промыселъ до поздней осени.

Въ дни, когда погода не благопріятствуетъ лову, они укрываются въ закрытыхъ заливахъ и многіе изъ нихъ отправляются въ прибрежные лѣса на охоту, гдѣ преслѣдуютъ главнымъ образомъ оленей изъ-за ихъ роговъ (панты).

Съ приближеніемъ зимы ловля прекращается, и работники отправляются большими партіями во-свояси.

Однако не всѣ изъ нихъ отправляются на зиму домой; многіе остаются здѣсь и нанимаются на зимнее время въ работники къ манзамъ земледѣльцамъ, а съ наступленіемъ весны снова отправляются въ море.

Рядомъ съ ловлею морской капусты промышляется также и трепангъ (Holoturia), но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

За нѣсколько лѣтъ до пришествія Николая Михайловича весьма важнымъ промысломъ въ Уссурійскомъ краѣ являлся грибной, наиболѣе развитый въ западной части Ханкайскаго бассейна, въ мѣстностяхъ, изобилующихъ дубовыми лѣсами. Китайцы срубали тысячами вѣковые дубы и оставляли ихъ гнить въ лѣсной чащѣ. На слѣдующій годъ на стволахъ и на пняхъ появляются слизистые наросты, которые манзы собираютъ, сушатъ въ спеціально устроенныхъ сушильняхъ и отправляютъ большими партіями на продажу въ Китай, гдѣ продуктъ этотъ дорого цѣнится. Промышленники въ ближайшихъ портовыхъ пунктахъ получаютъ рублей 10—12 за пудъ на наши деньги.

Богатые манзы за игрой.

Такое варварское истребленіе вѣковыхъ дубовыхъ лѣсовъ систематически продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; русская администрація была не въ силахъ положить предѣлъ такому расхищенію естественныхъ богатствъ края, и всѣ запрещенія этого промысла оставались мертвою буквою, такъ какъ число русскихъ въ Уссурійскомъ краѣ было сравнительно незначительно, и во многихъ мѣстахъ туземцы знали русскихъ только по наслышкѣ.

Но уже въ 1868 г., когда предпринята была военная экспедиція противъ хунъ-хузовъ, дѣло приняло иной оборотъ, а еще болѣе съ того времени, какъ учреждена была южно-уссурійская казачья сотня.

Наконецъ, большое количество манзъ ежегодно приходятъ на Уссури для промывки золота, розсыпи котораго встрѣчаются преимущественно между Уссурійскимъ заливомъ и рѣками Цыму-хэ и Сучаномъ. На зиму, когда промывка прекращается въ этихъ мѣстахъ, особенно въ долинахъ послѣднихъ двухъ рѣкъ скопляется весьма значительное количество всевозможныхъ бездомныхъ бродягъ и искателей приключеній.

«Неспособные ни къ какому труду, они вели праздную и разгульную жизнь и большую часть времени проводили за картежною игрою» *).

*) Тамъ-же, стр. 90.

Богатые манзы за игрой.

Картежная игра вообще сильно распространена между манзами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуютъ специальные игорные дома, въ которыхъ игра производится день и ночь.

«Многіе китайцы,—разсказываетъ Николай Михайловичъ, — приходятъ издалека, собственно для того, чтобы играть, и часто случается, что богатый хозяинъ за одну ночь проигрываетъ все свое состояніе, даже фанзу и идетъ въ работники».

Въ послѣдующія путешествія Пржевальскому пришлось познакомиться болѣе коротко съ китайцами на ихъ собственной территоріи. Николай Михайловичъ находитъ, что китаецъ вездѣ одинъ и тотъ-же: видѣлъ ихъ онъ въ самомъ сердцѣ Срединной имперіи, въ ея знаменитой столицѣ — Пекинѣ, и въ портѣ Тянь-цзинѣ, въ предгорьяхъ Тибета, около озера Куку-нора, въ густо населенной Сонниской равнинѣ, въ оазисахъ Гобійской пустыни и восточнаго Туркестана, въ Илійскомъ краѣ...

Земледѣлецъ, торговецъ, чиновникъ — китаецъ всегда и вездѣ сохраняетъ свои характерныя національныя черты:—трудолюбіе, умѣренность, флегматичный темпераментъ *), крайне матеріалистическое міросозерцаніе, крайній консерватизмъ и недружелюбіе ко всему иностранному, любопытство и др.

Что касается общественнаго строя Китая, то мы коснемся этого вопроса еще въ другомъ мѣстѣ, а теперь обратимся къ выводамъ Пржевальскаго относительно другихъ народовъ, которыхъ ему приходилось наблюдать въ Средней Азіи.

Изъ нихъ прежде всего остановимся на монголахъ, которыхъ Николай Михайловичъ изучалъ наиболѣе подробно.

II.

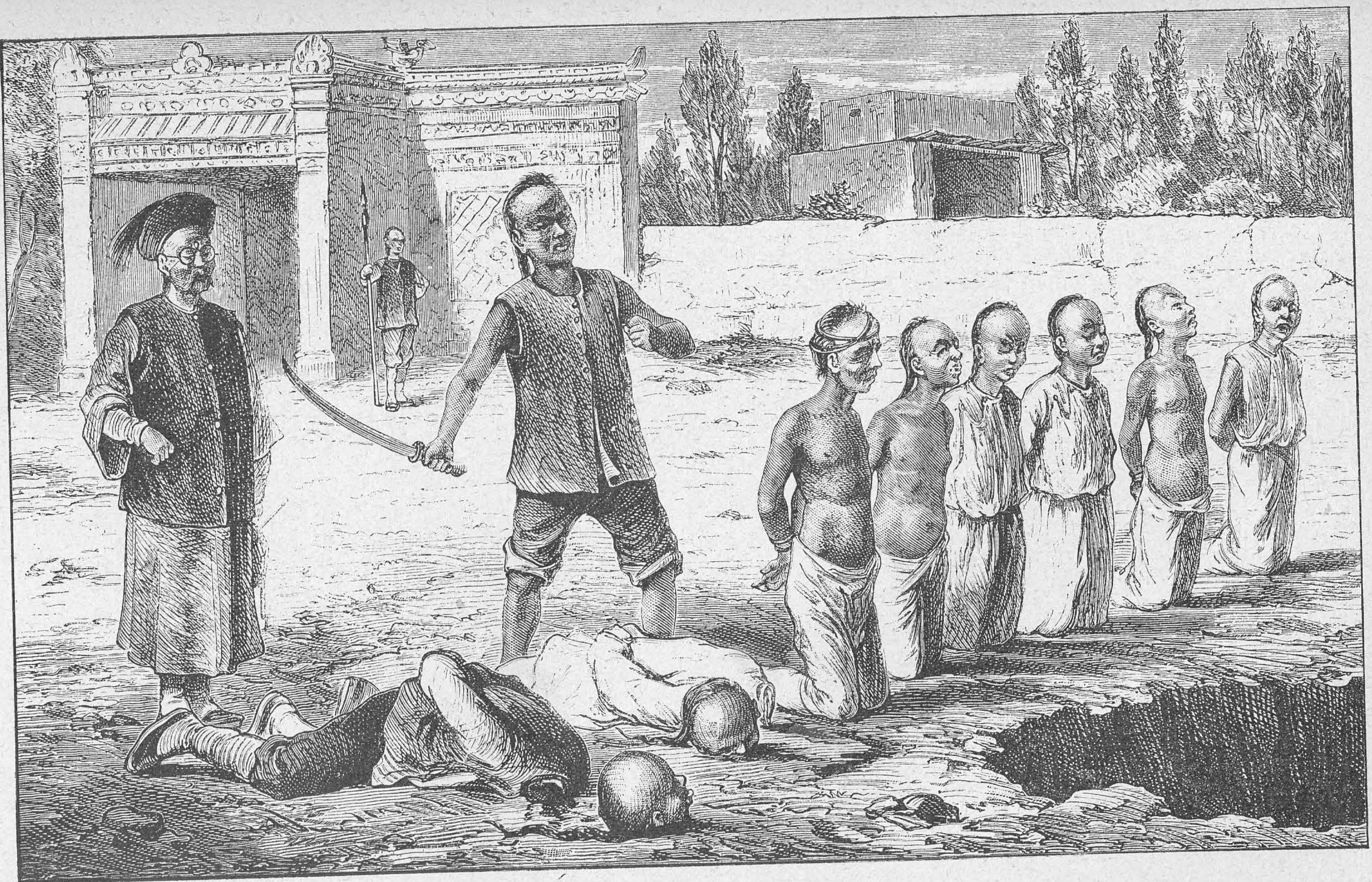
Монголы.

Представителемъ наиболѣе чистой монгольской расы, по мнѣнію Николая Михайловича, слѣдуетъ признать халхасца.

Отличительныя черты его физическаго типа—слѣдующія: широкое плоское лицо съ выдающимися скулами, приплюснутый носъ, небольшіе, узко-прорѣзанные глаза, угловатый черепъ, большіе оттопыренные уши, черные, жесткіе волосы, весьма рѣдкіе на усахъ и бородѣ, смуглый, загорѣлый цвѣтъ кожи, наконецъ, плотное коренастое сложеніе при среднемъ или даже небольшомъ ростѣ.

Подъ вліяніемъ сосѣдей, монголы далеко не вездѣ удержали свой типъ. Въ особенности живо сказалось на нихъ ассимилирующее вліяніе китайцевъ, и хотя

*) Прекрасной иллюстраціей этой стороны характера китайцевъ можетъ служить фактъ приведенный Пржевальскимъ (см. раньше т. I, стр. 296), а также флегматичное выраженіе лицъ преступниковъ, которымъ срубаютъ головы (см. рис.).

Казнь у китайцевъ.

кочевая жизнь номада трудно мирится съ условіями культуры осѣдлаго земледѣльца-китайца, все-таки въ теченіе столѣтій послѣдніе съумѣли настолько упрочить свое вліяніе на своихъ дикихъ сосѣдей, что обитатели ближайшихъ къ Великой стѣнѣ частей монголіи: цахары, уроты, тумыты въ настоящее время уже на половину окитаились, и характерныхъ чертъ монгольскаго типа здѣсь уже не найти. Грубое плоское лицо чистокровнаго монгола у цахара, напр., вслѣдствіе частыхъ браковъ съ китаянками, замѣнилось болѣе правильнымъ очертаніемъ физіономіи китайца; въ одеждѣ, въ домашней обстановкѣ, даже въ разговорной рѣчи онъ считаетъ щегольствомъ и достоинствомъ поддѣлываться подъ китайскій типъ. Самый характеръ прирожденнаго номада здѣсь уже подвергся измѣненіямъ: его уже не такъ манитъ дикая пустыня, какъ многолюдные города Китая, въ которыхъ онъ успѣлъ уже оцѣнить выгоды цивилизованной жизни. Но образъ жизни такихъ окитаившихся монголовъ въ большинствѣ случаевъ и теперь еще мало измѣнился. За немногими исключеніями обитатели монгольской степи, даже въ непосредственной близости съ Великою стѣною и китайскими городами, — подобно своимъ предкамъ ведутъ пастушескій образъ жизни, живутъ въ войлочныхъ шатрахъ и внѣ своего стада не знаютъ никакихъ другихъ интересовъ. Но, какъ всегда бываетъ съ дикарями, монголы перенимаютъ отъ своихъ сосѣдей цивилизаторовъ-китайцевъ почти исключительно дурныя отрицательныя стороны культуры, сохраняя тѣ-же самыя и изъ своихъ національныхъ чертъ.

«Въ концѣ-концовъ, замѣчаетъ Николай Михайловичъ *), они дѣлаются выродками, которыхъ китайское вліяніе только развратило, но вовсе не подняло на лучшую противъ прежняго ступень общественной жизни».

Подобно китайцамъ, монголы брѣютъ голову, оставляя небольшой пучекъ волосъ только на затылкѣ, который заплетаютъ въ косу; монголы, состоящіе въ рангѣ ламы, брѣютъ всю голову до чиста. Усовъ и бороды монголы не носятъ, такъ какъ растительность на лицѣ у нихъ вообще весьма скудная.

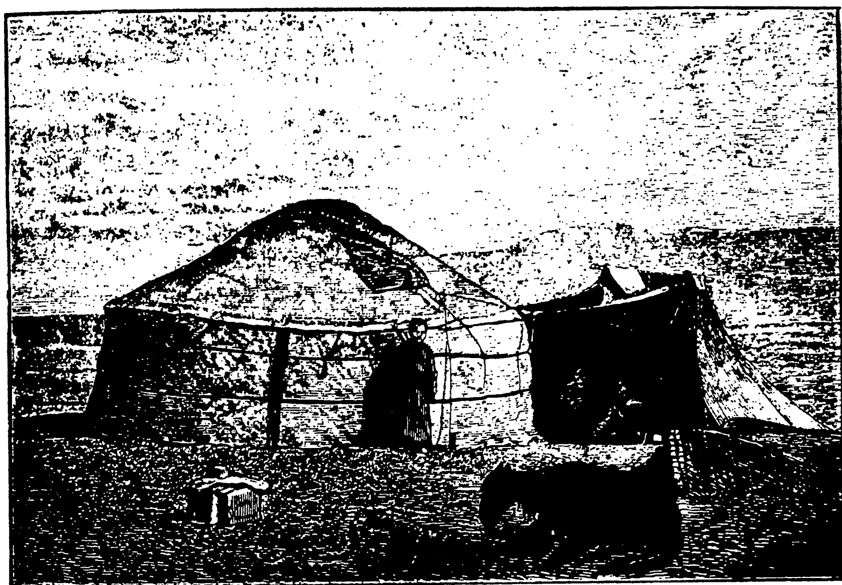
Монгольскія женщины отращиваютъ длинные волосы и заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыя украшаютъ яркими лентами, кораллами, бисеромъ и носятъ ихъ спереди. Въ видѣ головныхъ украшеній монголки употребляютъ также серебряныя бляхи съ кораллами, которыя накладываются на волосы. У бѣдныхъ вмѣсто коралловъ, дорогоцѣнимыхъ въ Монголіи и Китаѣ, употребляются стеклянныя бусы, а серебрянныя бляхи замѣняются мѣдными. Такое украшеніе покрываетъ переднюю часть темени и свѣшивается на лобъ. Кромѣ того, въ уши вдѣваются большія серебрянныя серьги, а на рукахъ носятся браслеты и кольца.

Одежда монголовъ состоитъ изъ длиннополаго халата, обыкновенно сдѣланнаго изъ китайской дабы синяго цвѣта, китайскаго-же фасона сапоговъ съ толстыми подошвами и плоской войлочной шляпы съ отвороченными вверхъ по-

*) Монголія и страна Тангутовъ, стр. 33.

лями. Зимою вмѣсто халата надѣвается теплая баранья шуба и такіе-же панталоны, а вмѣсто шляпы—мѣховыя шапки. Что-же касается нижняго бѣлья, то, какъ уже раньше было указано, монголы за рѣдкими исключеніями совсѣмъ его не носятъ. Богачи дѣлаютъ себѣ лѣтній халатъ изъ китайской шелковой матеріи.

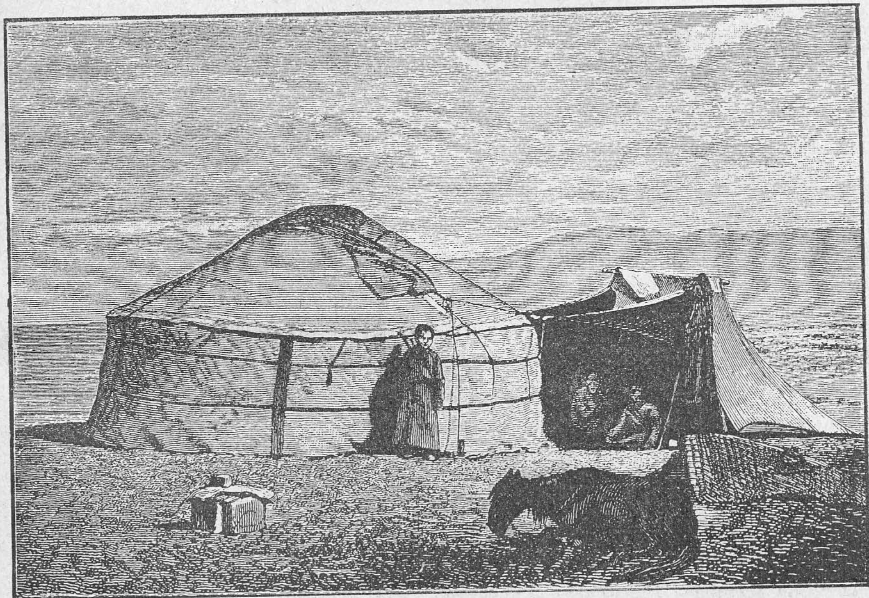
Какъ халатъ, такъ и зимняя шуба всегда подпоясываются кушакомъ, къ которому привѣшиваются неизмѣнныя принадлежности каждаго монгола: кисетъ съ табакомъ, трубка и огниво. Помимо того, за пазухой у монгола обыкновенно имѣется еще табакерка съ нюхательнымъ табакомъ, и при встрѣчѣ первый долгъ вѣжливости состоитъ въ предложеніи другъ другу понюхать табаку.

Монгольская юрта въ степи.

Мужчины монголы не носятъ обыкновенно на тѣлѣ особыхъ украшеній, но щегольство его заключается въ отдѣлкѣ табакерки, чашки, а главнымъ образомъ сбруи коня. Эти три необходимыя принадлежности украшаются настолько богато, сколько позволяютъ средства, при чемъ въ качествѣ матеріала нерѣдко употребляется серебро.

Женское одѣяніе немного отличается отъ мужского. Халатъ ихъ нѣсколько иного покроя и уже, притомъ носится безъ пояса; сверху-же обыкновенно надѣвается родъ фуфайки безъ рукавовъ. Впрочемъ, покрой платья и даже самый его составъ у монгольскихъ женщинъ значительно измѣняется въ различныхъ странахъ Монголіи.

Монгольская юрта въ степи.

Жилище монголовъ всегда одно и то-же—это войлочный шатеръ, или юрта (*гыръ* по-монгольски). Она имѣетъ полушарообразную форму съ коническою рѣшетчатою верхушкою. Остовъ шатра составляется изъ нѣсколькихъ деревянныхъ рамъ, которыя устраиваются изъ палокъ, подвижно скрѣпленныхъ. Такимъ образомъ, что будучи раздвинуты образуютъ ромбическія клѣтки около фута въ просвѣтѣ.

Отдѣльныя части рѣшетки при установкѣ юрты связываются веревками, съ одной стороны устанавливается небольшая дверь (фута 3 высоты и около 2 — ширины). Размѣры юрты бываютъ разнообразные, но по большей части около 12—15 ф. въ діаметрѣ и около 10 ф. вышины.

Когда всѣ рамы связаны и установлены въ должномъ порядкѣ, устраивается крыша. Она дѣлается изъ палокъ, которыя прикрѣпляются одними концами къ верхнему краю рамъ, а другими—къ деревянному кругу, къ которому они сходятся по радіусамъ. Такимъ образомъ, кругъ (3 — 4 ф. въ діаметрѣ) оказывается какъ разъ надъ срединою юрты и служитъ съ одной стороны для выхода дыма, а съ другой—для прохожденія внутрь свѣта.

Послѣ установки остова юрты, приступаютъ къ обтягиванію ея со всѣхъ сторонъ войлоками, въ зимнее время двойными. На верхнее окно кладется войлочная покрышка, а на дверь вѣшается такая-же занавѣска.

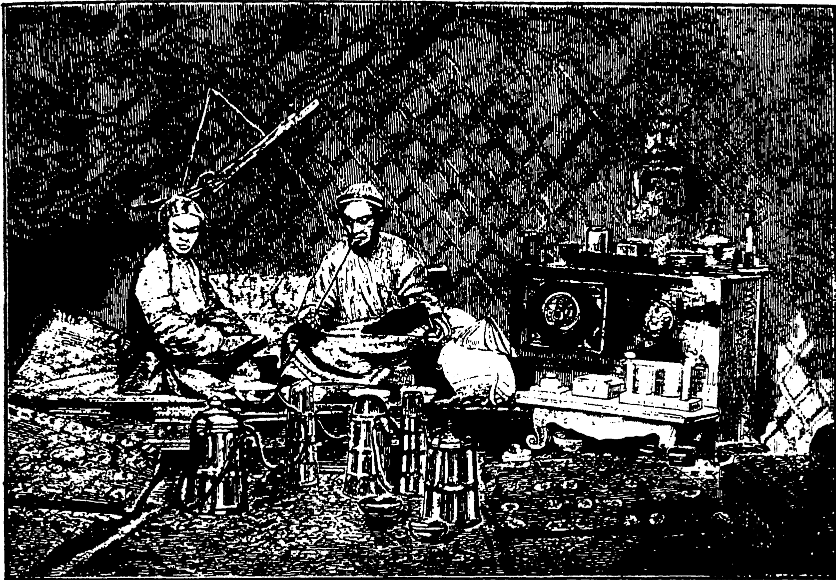
Внутреннее расположеніе монгольской юрты слѣдующее: посрединѣ помѣщается очагъ; противъ двери у противоположной стѣны ставятся бурханы (идолы), а по другимъ стѣнкамъ раскладывается различный домашній скарбъ. Посрединѣ юрты, вокругъ очага, разстилаются войлоки, а у богатыхъ номадовъ сверху еще ковры. У наиболѣе богатыхъ монголовъ, какъ, напр., у князей, кромѣ того, стѣны юрты внутри увѣшиваются бумажными или шелковыми матеріями, а на землю настилается деревянный полъ.

Устроенная такимъ образомъ юрта составляетъ для кочевника-монгола незамѣнимое жилище и имѣетъ множество очень важныхъ достоинствъ. Главное удобство заключается въ томъ, что юрта очень легко разбирается, навьючивается на верблюдовъ и по приходѣ на мѣсто новой стоянки устанавливается опытными номадами въ полъ-часа. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ достаточно надежную защиту зимою отъ холода и страшныхъ вьюгъ, а лѣтомъ отъ палящихъ лучей солнца и отъ дождей, даже отъ страшныхъ ливней.

Въ обыденной жизни монголовъ наблюдателю прежде всего бросается въ глаза ихъ необычайная нечистоплотность. Читатель въ достаточной степени, кажется намъ, ознакомился изъ предыдущаго изложенія съ этою стороною жизни номадовъ Средней Азіи. Достаточно вспомнить хотя-бы ламу Чутунъ-дзамбу, доблестнаго проводника Николая Михайловича по пустынямъ Тибета. Въ теченіе всей своей жизни монголъ не моетъ своего тѣла; даже руки и лицо моютъ очень рѣдко, лишь при какомъ-нибудь случаѣ, да и то далеко не всѣ.

Обусловливается это, конечно, прежде всего тѣми условіями, среди которыхъ приходится жить кочевнику въ безводныхъ степяхъ и пустыняхъ Средней Азіи, гдѣ въ большинствѣ случаевъ каждая капля воды составляетъ драгоцѣнность и расходуется съ большою осторожностью.

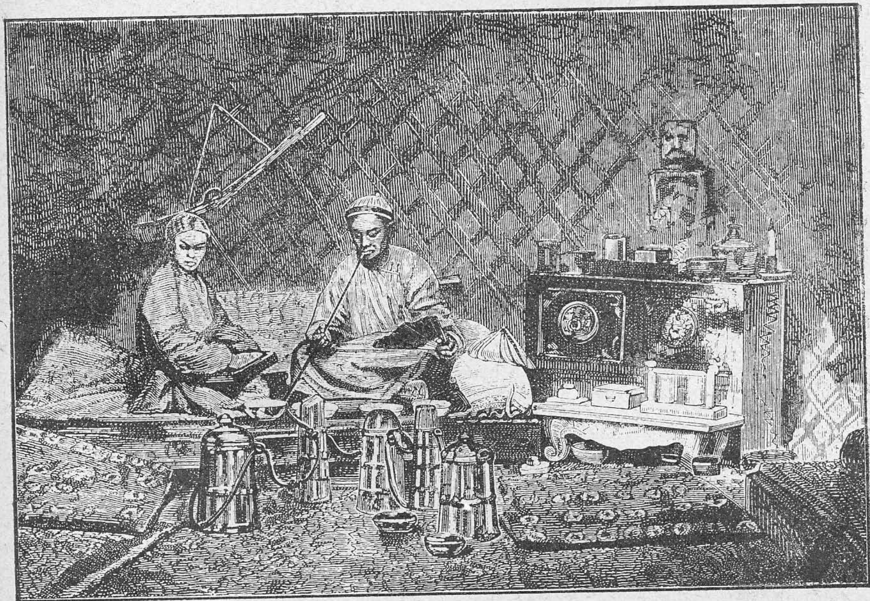
При томъ-же, вслѣдствіе крайней сухости, которая составляетъ самую характерную черту климата Центральной Азіи, въ самой организаціи монгола замѣчается замѣчательная особенность: боязнь или отвращеніе къ водѣ. Номадъ ни за что на свѣтѣ не перейдетъ пѣшкомъ даже черезъ маленькую лужу,

Внутренность юрты богатаго халхасца.

боясь замочить себѣ ноги; онъ самымъ старательнымъ образомъ избѣгаетъ ставить свою юрту близъ какого-нибудь сырого мѣста: ключа, ручья или болота, такъ какъ сырость дѣйствуетъ на него пагубно; легко переносящій крайности континентальнаго климата: сорокаградусные морозы и такіе-же лѣтніе жары, страшныя снѣжныя вьюги и пронзительные холодные осенніе вѣтры, — монголъ схватитъ насморкъ, кашель и совсѣмъ расхворается отъ самой незначительной на нашъ взглядъ причины, если, напр., какъ-нибудь промочитъ себѣ ноги или переночуетъ возлѣ сырого мѣста.

Отъ постоянной грязи въ одеждѣ номадовъ разводится неимовѣрное количество паразитовъ, которыхъ они постоянно истребляютъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ; какой-нибудь важный чиновникъ или лама, находясь въ кругу

Внутренность юрты богатаго халхасца.

большого общества, преспокойно разворачиваетъ свою шубу, ловитъ назойливое насѣкомое и тутъ-же казнитъ его на переднихъ зубахъ.

Какъ истый номадъ, монголъ кормится исключительно отъ своего скота: молокомъ и его продуктами наряду съ мясомъ. Но кромѣ того, универсальную пищу монголовъ составляетъ чай, безъ котораго они совершенно не могутъ обходиться.

Монголы совершенно не употребляютъ сырой воды, но зато постоянно пьютъ кирпичный чай. Цѣлый день, съ ранняго утра до поздней ночи, въ каждой юртѣ на очагѣ стоитъ котелъ, въ которомъ варится этотъ китайскій напитокъ; его пьютъ почти безпрестанно всѣ члены семьи, и онъ-же составляетъ первое угощеніе пришедшаго гостя.

Крайняя нечистоплотность монголовъ сказывается и въ приготовленіи чая.

Посуда, въ которой онъ готовится, никогда не моется и не чистится; развѣ только изрѣдка тароватая хозяйка вытретъ ее внутри сухимъ аргаломъ. Вода, на которой завариваетея это китайское зелье, всегда бываетъ соленая; если приходится иногда употреблять воду изъ прѣснаго источника или колодца, то монголы нарочно прибавляютъ соли. Когда вода въ котлѣ закипитъ, то туда всыпаютъ горсть измельченнаго чая, предварительно накрошеннаго ножемъ или истолченаго въ ступѣ. Такъ какъ зимою промерзшій кирпичъ дѣлается твердымъ, какъ камень, то кирпичъ предварительно кладется на нѣсколько минутъ въ горящій аргалъ, «что, конечно, придаетъ еще больше аромата и вкуса самому напитку»—замѣчаетъ Николай Михайловичъ.

Въ кипящій настой обыкновенно прибавляется еще немного молока. Въ такомъ видѣ напитокъ готовъ для употребленія и его пьютъ, какъ уже сказано цѣлый день: 15 чашекъ, вмѣстимостью равныхъ приблизительно обыкновенному стакану,—составляетъ самую обыкновенную ежедневную порцію даже для молодой дѣвушки или подростка 10—12 лѣтъ, а взрослые пьютъ вдвое болѣе.

Для большей сытности монголы засыпаютъ въ горячій чай, налитый въ чашку, дзамбу и прибавляютъ къ этому мѣсиву масла или куски сырого курдючнаго жира.

Все это дѣлается безъ всякихъ приспособленій, прямо руками. Чашки составляютъ исключительную собственность каждаго члена семьи и всегда носятся за пазухою; при этомъ надобно замѣтить, что онѣ никогда не моются, а только тщательно вылизываются послѣ ѣды. Чашка составляетъ предметъ щегольства и у богачей дѣлается изъ чистаго серебра; у нѣкоторыхъ ламъ Николай Михайловичъ видѣлъ чашки сдѣланныя изъ человѣческихъ череповъ, оправленныя въ серебро.

Изъ молочныхъ продуктовъ монголы употребляютъ: масло, пѣнки, ареку и тарасунъ.

Пѣнка изготовляется изъ цѣльнаго молока, которое долгое время кипя-

тится на медленномъ огнѣ, при чемъ собирающіяся сверху пѣнки снимаютъ и сушатъ, прибавляя жареное просо.

Арека изготовляется изъ прокисшаго снятого молока; высушенные мелкіе кусочки творога называются арель.

Изъ прокисшаго овечьяго или кобыльяго молока изготовляется тарасунъ, родъ кумыса, еще болѣе, чѣмъ чай, любимый монголами напитокъ. Въ теченіи лѣта тарасунъ составляетъ лучшее угощеніе и монголы постоянно ѣздятъ другъ къ другу, чтобы попробовать этого напитка, которымъ услаждаются до пьяна.

Къ другимъ крѣпкимъ напиткамъ у монголовъ вообще сильно развита склонность, но пьянство тѣмъ не менѣе не составляетъ среди нихъ распространеннаго порока, главнымъ образомъ потому, что спиртные напитки — именно китайскую рисовую водку, доставать весьма затруднительно, и запастись ею можно только при поѣздкѣ въ китайскіе города.

Кромѣ чая, дзамбы и различныхъ молочныхъ продуктовъ монголы употребляютъ въ значительномъ количествѣ и мясо, особенно зимою. Наиболѣе любимымъ мясомъ считается баранина, въ особенности курдюкъ, состоящій почти исключительно изъ жира. Зарѣзавши барана, неприхотливый монголъ старается использовать все съѣдобное и въ этомъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ; не пропадаетъ рѣшительно ничего, даже кишки идутъ въ пищу: изъ нихъ слегка выжимаютъ содержимое, а затѣмъ, даже не потрудившись ихъ сполоснуть, наливаютъ кровью съ примѣсью дзамбы, получая такимъ образомъ колбасы.

Какъ и всѣ дикари, монголъ можетъ долго голодать, оставаясь по цѣлымъ суткамъ безъ всякой пищи, но добравшись до ѣды, онъ можетъ за разъ истребить невѣроятное количество пищи.

«Обжорство монголовъ бараниною превосходитъ всякое вѣроятіе,—говоритъ Пржевальскій — за одинъ присѣстъ номадъ можетъ съѣсть болѣе десяти фунтовъ мяса, но выдаются и такіе гастрономы, которые въ теченіе сутокъ съѣдаютъ цѣлаго барана средней величины!»

Мясо употребляютъ въ пищу почти всегда въ вареномъ видѣ, часто полусырое. Въ случаѣ спѣшности, напр., въ пути, монголъ прячетъ себѣ на дорогу кусокъ баранины, причемъ кладетъ его себѣ подъ сѣдло, прямо на спину верблюда, чтобы мясо согрѣвалось его теплотою. Въ дорогѣ монголъ вынимаетъ свою закуску и на ходу ѣстъ мясо, облипшее шерстью и провонявшее верблюжьимъ потомъ.

Передъ ѣдою ламы и болѣе набожные изъ міранъ бросаютъ небольшую частичку кушанья на огонь въ видѣ жертвоприношенія; приношеніе отъ жидкой пищи совершается такимъ образомъ, что въ налитую чашку обмакивается средній палецъ правой руки и стряхивается въ огонь.

Ѣдятъ монголы всегда руками, при томъ грязными до отвращенія. Мясо подносится ко рту большимъ кускомъ, захватывается зубами и отрѣзывается ножемъ у самыхъ губъ.

Пока пища варится, члены семьи и гости, если они тутъ случаются, сидятъ вокругъ котла и въ нетерпѣніи то и дѣло достаютъ ножемъ куски мяса, пробуя, не готово-ли оно; обгрызенные куски снова опускаются въ котелъ. Въ бульонъ прибавляется иногда просо или кусочки тѣста, но по большей части его пьютъ, какъ чай.

Монголы не брезгаютъ падалью, въ особенности, если павшая скотина хоть немного жирна, но, за нѣкоторыми исключеніями, никогда не употребляютъ въ пищу ни птицъ, ни рыбы, считая то и другое нечистымъ.

Отвращеніе ихъ къ такой пищѣ доходитъ до того, что однажды на Кукунорѣ съ проводниками Николая Михайловича сдѣлалась рвота, при видѣ того, какъ онъ со своими товарищами ѣлъ вареную утку.

«Этотъ случай показываетъ,—замѣчаетъ по этому поводу Пржевальскій *),— до чего относительны понятія людей даже о такихъ предметахъ, которые, повидимо, повѣряются только однимъ чувствомъ. Тотъ самый монголъ, который родился и выросъ въ страшной грязи, кушалъ равнодушно дохлятину и невымытыя бараньи кишки, не могъ видѣть безъ крайняго потрясенія своего нравственнаго чувства, какъ чужіе люди ѣли чисто приготовленную утку!»

Единственный источникъ благосостоянія монгола и исключительное его занятіе составляетъ скотоводство; разводятся преимущественно бараны, лошади и верблюды, въ меньшемъ количествѣ рогатый скотъ и козы.

Получая отъ перечисленныхъ домашнихъ животныхъ все необходимое: молоко и мясо для пищи, шкуры—для одежды, шерсть — для войлоковъ, а также и деньги, которыя можно заработать при помощи вьючныхъ животныхъ или выручить отъ продажи ихъ, — монголъ, какъ истый кочевникъ, живетъ исключительно для своего скота, оставляя на второмъ планѣ заботу о самомъ себѣ и о своемъ семействѣ; такъ, напр., перекочевки съ одного мѣста на другое обусловливаются исключительно выгодами скота въ избранномъ районѣ. Если для животныхъ имѣется кормъ въ достаточномъ количествѣ и водопой, то монголъ ни за что не перекочуетъ отсюда, хотя-бы лично для него или для другихъ членовъ семьи мѣсто, гдѣ поставлена юрта, оказалось совершенно неудобнымъ или неподходящимъ.

Внѣ скотоводства монголъ не знаетъ почти ничего. Промышленность у нихъ совершенно не развита и ограничивается производствомъ нѣкоторыхъ предметовъ домашняго обихода, какъ, напр., сѣделъ, уздечекъ, войлоковъ, выдѣлки кожъ. Всѣ прочіе предметы монголы получаютъ отъ китайцевъ, а отчасти и отъ русскихъ.

Самую крупную черту характера мужчинъ монголовъ составляетъ лѣнь, которая поддерживается и развивается условіями пастушескаго быта. Уходъ за

*) Монголія и страна тангутовъ, стр. 39.

скотомъ составляетъ единственную заботу его, но это дѣло не требуетъ почти никакого труда, такъ какъ верблюды и лошади обыкновенно бродятъ въ степи безъ всякаго присмотра, и вся забота пастуха заключается въ томъ, чтобы разъ въ сутки погнать ихъ на водопой. Пастьба овецъ и рогатаго скота требуетъ нѣсколько больше заботъ, но этотъ скотъ обыкновенно поручается женщинамъ или подросткамъ.

Всѣ остальныя работы: доеніе скота, приготовленіе пищи, сборка и установка юрты и т. п. лежатъ исключительно на женщинахъ. Наконецъ, у зажиточныхъ монголовъ обязанности пастуховъ исполняются наемными работниками.

Мужчины обыкновенно ничего не дѣлаютъ и только съ утра до вечера скачутъ отъ одной юрты въ другую, гдѣ усаживаются пить чай или угощаются кумысомъ и болтаютъ съ сосѣдомъ такимъ-же бездѣльникомъ.

При настоящихъ условіяхъ жизни единственными для номадовъ развлеченіями являются конскія скачки и охота; однако, въ большинствѣ случаевъ монголы плохіе охотники, главнымъ образомъ потому, что оружіе у нихъ весьма плохого качества: старинное фитильное ружье, а иногда и просто лукъ и стрѣлы.

Описанное праздное времяпровожденіе монголовъ относится только къ лѣтнему времени. Съ наступленіемъ осени каждый хозяинъ собираетъ своихъ отгулявшихся верблюдовъ и отправляется наниматься въ извозъ преимущественно въ Калганъ или въ Куку-хото. Здѣсь всегда найдутся для нихъ грузы: чай для Кяхты или другіе купеческіе товары, которые они навьючиваютъ на своихъ верблюдовъ и перевозятъ къ мѣсту назначенія. Въ теченіе зимы всѣ верблюды сѣверной и восточной Монголіи находятся на работѣ вмѣстѣ со своими хозяевами, которые получаютъ весьма значительные барыши, хотя и далеко не даромъ.

Цѣлый мѣсяцъ идетъ монголъ со своимъ караваномъ отъ Калгана въ Кяхту безъ отдыха, на 30 — 40 градусныхъ морозахъ при постоянныхъ свирѣпыхъ вѣтрахъ. При этомъ монголъ все время сидитъ на конѣ или на верблюдѣ, развѣ пробѣжится нѣсколько шаговъ, чтобы расправить окоченѣвшіе члены. Нужно быть дѣйствительно закаленнымъ человѣкомъ и имѣть желѣзное здоровье, чтобы совершить такой переходъ, а между тѣмъ монголъ дѣлаетъ въ зиму четыре такихъ конца, что въ общей сложности составляетъ около 5,000 верстъ. Съ наступленіемъ весны транспортировка оканчивается, верблюды отпускаются въ родную степь для поправки, а ихъ хозяева возвращаются къ лѣнивой праздности.

Соотвѣтственно лѣнивому характеру монголовъ у нихъ выработалась привычка никогда не ходить пѣшкомъ, а всегда ѣздить на конѣ. Монголъ считаетъ даже унизительнымъ для себя пройти хотя-бы небольшое разстояніе (даже нѣсколько сотъ шаговъ) пѣшкомъ, но всегда садится на лошадь, которая для этого цѣлый день стоитъ осѣдланная на привязи около юрты. Во время пастьбы монголъ также все время разъѣзжаетъ на конѣ или лѣниво растягивается на землѣ.

Организація у монголовъ весьма крѣпкая; закаленные съ малолѣтства во

всякаго рода лишеніяхъ, они становятся необыкновенно выносливыми во всѣхъ трудностяхъ жизни въ пустынѣ.

«Но натолкните, — замѣчаетъ Пржевальскій *), — того-же самаго монгола на другія, несравненно меньшія, но невѣдомыя для него трудности и посмотрите, что будетъ. Этотъ человѣкъ, съ здоровьемъ закаленнымъ, какъ желѣзо, не сможетъ пройти безъ крайняго истомленія двадцати-тридцати верстъ; переночуя на сырой почвѣ, какъ какой-нибудь избалованный баринъ, лишенный два-три дня кирпичнаго чаю, будетъ роптать во все горло на свою несчастную судьбу»...

«Суровая и скупая природа гобійской пустыни выработала у монголовъ *пассивную привычку,* которая стоитъ у него на первомъ планѣ... Энергія духа не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣниться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ. Нѣтъ, передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ, разъ заурочепнымъ невзгодамъ и совершенно чуждый всякой активной энергіи».

Наряду съ лѣнью Пржевальскій указываетъ у монголовъ другую характерную черту — трусость, но мы не будемъ объ этомъ распространяться, такъ какъ въ предыдущемъ изложеніи на эту тему говорилось не мало.

Въ умственномъ отношеніи у монголовъ нельзя отнять большой смѣтливости, рядомъ съ которою идутъ хитрость, лицемѣріе и обманъ. Послѣднія три качества наиболѣе развиты у жителей окраинъ Монголіи, главнымъ образомъ части, пограничной Китаю. Что касается обитателей внутренней части степи, коренныхъ монголовъ, то они вообще отличаются добродушіемъ, гостепріимствомъ, честностью; среди нихъ нравственная испорченность встрѣчается преимущественно у ламъ.

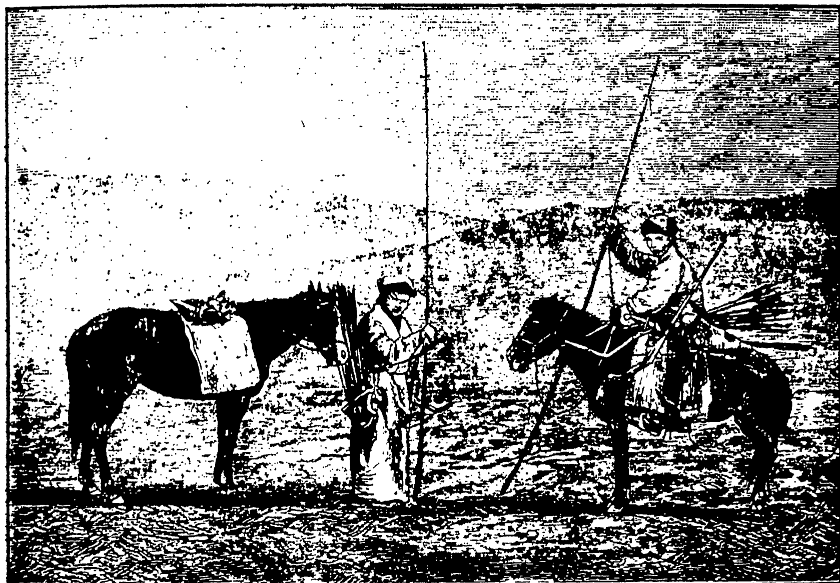
Что касается прирожденной смѣтливости монгола, то и здѣсь, по объясненію Пржевальскаго, слѣдуетъ поставить большія ограниченія.

Монголъ прекрасно знаетъ свою родную пустыню и съумѣетъ лучше всякаго другого разобраться въ привычныхъ ему условіяхъ существованія, съумѣетъ найтись въ самомъ безвыходномъ положеніи: предскажетъ по самымъ ничтожнымъ примѣтамъ дождь или бурю, отыщетъ заблудившагося коня или верблюда, чутьемъ угадаетъ колодезь и т. п... Но попробуйте,—говоритъ Николай Михайловичъ,—растолковать номаду что-либо, выходящее изъ круга его обычной дѣятельности. Онъ будетъ слушать васъ съ вытаращенными глазами, нѣсколько разъ сряду спроситъ объ одномъ и томъ-же и все-таки не пойметъ часто самой простой вещи. Тупоуміе монгола въ подобномъ случаѣ выводитъ изъ терпѣнія. Передъ вами сразу является уже не тотъ человѣкъ, которымъ вы знали его въ

*) Монголія и страна тангутовъ, стр. 42.

родной обстановкѣ: расторопнымъ, находчивымъ и т. д. Нѣтъ, теперь вы видите ребенка, дѣтски любопытнаго, но въ то-же время неспособнаго усвоить самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ вещей.

Что касается любопытства, то это составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ монгола, присущую, впрочемъ, и всѣмъ остальнымъ дикарямъ. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ упомянуть словоохотливость. Потолковать о чемъ-нибудь за чашкою чая составляетъ первое удовольствіе для монгола. При встрѣчѣ онъ прежде всего спрашиваетъ «что новаго» и, услышавъ какую-нибудь

Монгольская кавалерія.

интересную новинку, не полѣнится тотчасъ-же вскочить на коня и отправиться къ сосѣду, хотя-бы верстъ за 30, чтобы сообщить ему услышанное.

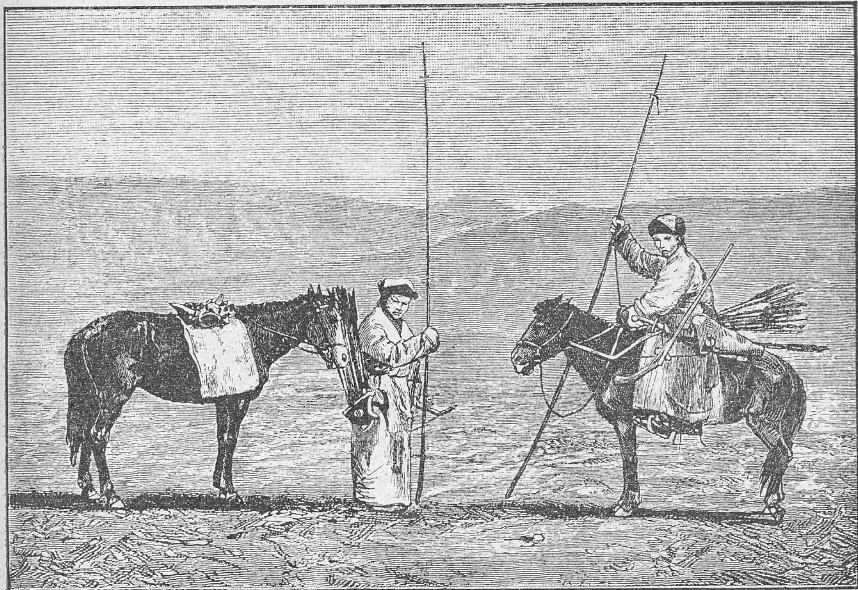
Черезъ это вѣсти распространяются въ пустынѣ необыкновенно быстро, точно по телеграфу.

Монголы поютъ довольно часто, всего болѣе дорогою или при пастьбѣ скота, женщины поютъ рѣже мужчинъ.

Пѣсни всегда заунывныя и по большей части съ историческимъ содержаніемъ. Существуютъ особые пѣвцы, которые иногда странствуютъ по Монголіи и принимаются всегда съ почетомъ.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ у монголовъ употребляется только свирѣль и струнный инструментъ, вродѣ малороссійской бандуры или русской балалайки.

*

Монгольская кавалерія.

Незавидная жизнь монгола складывается еще тяжелѣе и монотоннѣе для монгольскихъ женщинъ. Находясь въ полномъ подчиненіи у своего мужа, монголка весь вѣкъ проводитъ въ юртѣ, обремененная многочисленными работами по хозяйству и по уходу за дѣтьми. Въ свободное время она садится шить себѣ нарядъ, одежду для мужа или кагого-либо другого члена семьи.

Законная жена у монгола можетъ быть только одна, которая пользуется всѣми правами хозяйки. Но кромѣ того, дозволяется имѣть нѣсколькихъ наложницъ, которыя находятся въ подчиненіи у законной супруги.

Правами наслѣдства пользуются только законныя дѣти и только съ дозволенія правительства дѣти наложницъ могутъ быть усыновлены.

Женихъ за невѣсту уплачиваетъ калымъ деньгами или чаще скотомъ и платьемъ; невѣста съ своей стороны приноситъ приданое, обыкновенно юрту со всею обстановкою.

Монгольскія женщины—добрыя матери и хорошія хозяйки, хотя поведеніе ихъ далеко не безукоризненно.

Религіозныя вѣрованія монголовъ складываются изъ ламайскаго ученія, хотя рядомъ съ нимъ ясно замѣтны нѣкоторые слѣды шаманства, удержавшагося изъ изъ болѣе древней религіи. Ламайское ученіе,—говоритъ Пржевальскій *), пустило такіе глубокіе корни, какъ, можетъ быть, ни въ одной другой странѣ буддайскаго міра. Поставляя своимъ высшимъ идеаломъ созерцаніе, оно, какъ нельзя болѣе подошло къ лѣнивому характеру монгола и породило тѣ стремленія къ аскетизму, который заставляетъ номада отрѣшиться отъ всякаго стремленія къ прогрессу, а взамѣнъ того, искать въ туманныхъ и отвлеченныхъ идеяхъ о божествѣ и загробной жизни конечную цѣль земного существованія человѣка.

Главная изъ священныхъ книгъ монголовъ называется *Ганчжуръ*, которая состоитъ изъ 108 томовъ и заключаетъ въ себѣ, кромѣ изложенія религіознаго ученія, полную энциклопедію науки: исторію, математику, астрологію и проч.

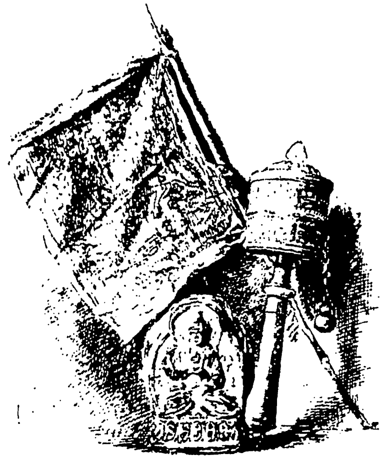
Мѣстомъ общественнаго богослуженія являются небольшія молельни и кумирни, гдѣ живутъ ламы, составляющіе монашескія общины. Въ кумирняхъ богослуженіе совершается три раза въ теченіе дня: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Въ назначенный часъ вѣрующіе призываются къ молитвѣ трубными звуками при помощи особаго инструмента, который устраивается изъ большихъ морскихъ раковинъ. Собравшись въ кумирню, ламы усаживаются на полу или на особыхъ подмосткахъ и всѣ хоромъ читаютъ нараспѣвъ священныя книги. По временамъ старшій лама выкрикиваетъ особый возгласъ, который повторяется и всѣми остальными присутствующими.

---

*) Монголія и страна тангутовъ, стр. 52.

Самая употребительная молитва, которая постоянно повторяется каждымъ ламою, а также свѣтскими буддистами, очень коротка и состоитъ всего изъ четырехъ словъ: *«омъ мани падме хумъ»*. Это изрѣченіе пишется вездѣ на стѣнахъ кумиренъ, на различныхъ предметахъ и, по увѣренію ламъ, въ немъ заключается вся буддайская премудрость, но толковаго смысла этого изреченія и его перевода Николаю Михайловичу не удалось добиться ни отъ одного ламы.

Духовное сословіе, состоящее изъ ламъ, весьма многочисленно въ Монголіи: къ нему принадлежитъ по крайней мѣрѣ одна треть, если не болѣе всѣхъ лицъ мужского пола. Сдѣлаться ламою ни для кого не трудно. Родители по собственному желанію предназначаютъ своего сына еще въ дѣтскомъ возрастѣ къ этой карьерѣ, что внѣшнимъ образомъ выражается въ томъ, что ему брѣютъ голову и одѣваютъ его въ красную или желтую одежду, смотря по сектѣ, къ который они принадлежатъ. Лѣтъ съ 6—7 мальчика отдаютъ въ кумирню, гдѣ онъ учится у старыхъ ламъ грамотѣ и всякой буддайской премудрости, иногда-же отдаютъ на воспитаніе какому-пибудь отшельнику-ламѣ.

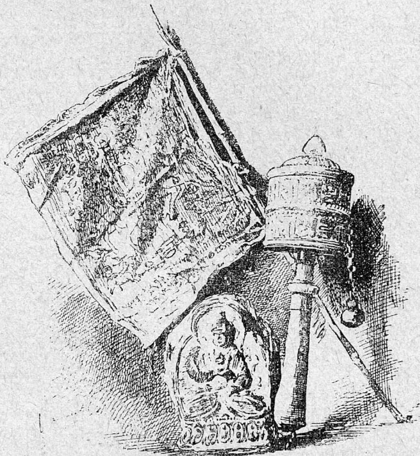

Принадлежности буддійскаго богослуженія.

Въ нѣкоторыхъ первоклассныхъ кумирняхъ обученіе поставлено весьма широко, и тамъ устроены особыя школы съ многолѣтнимъ курсомъ и съ подраздѣленіемъ на специальные факультеты. Такія высшія школы, кромѣ Лхассы, существуютъ въ Ургѣ и Гумбумѣ (въ пров. Гань-су, близъ Синина). По окончаніи такой школы, лама зачисляется въ штатъ при какой-нибудь кумирнѣ или занимается своею спеціальностью, напр., леченіемъ, если онъ докторъ, гаданіемъ, если онъ астрологъ *) и т. п.

Для полученія высшихъ духовныхъ степеней, ламы должны подвергнуться спеціальному экзамену въ изученіи буддайской премудрости и должны представить доказательства строгой иноческой жизни. Духовныя степени по восходящему порядку слѣдующія: Камба, Гэлунъ, Гэцулъ и Баньди. Каждой изъ нихъ присвоено отличіе въ одеждѣ (различнаго цвѣта и покроя мантіи и повязки, различныя шапки), опредѣленныя мѣста при богослуженіи и особыя правила иноческой жизни; имъ присваиваются различныя должности при кумирняхъ.

*) При заключеніи браковъ у монголовъ почти всегда составляется астрологомъ гороскопъ жениха и невѣсты; неблагопріятное сочетаніе небесныхъ свѣтилъ бываетъ иногда причиною того, что свадьба разстраивается.

Принадлежности буддійскаго богослуженія.

Но помимо штатныхъ ламъ, при каждой кумирнѣ живетъ еще большое число сверхштатныхъ, т. е. постороннихъ, которые живутъ на счетъ приношеній вѣрующихъ и ничѣмъ не занимаются, кромѣ молитвословій. Число ихъ различно, смотря по матеріальному положенію кумирни, и въ наиболѣе богатыхъ достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ.

Наконецъ, существуетъ еще большое число ламъ, которые совсѣмъ не проходили никакой школы, оставшись безграмотными, но тѣмъ не менѣе по разнымъ случаямъ присвоили себѣ ламскую одежду и также живутъ насчетъ труда другихъ.

Даже женщины, по достиженіи опредѣленнаго возраста, могутъ поступать въ духовное сословіе; онѣ принимаютъ постриженіе, т. е. брѣютъ голову, обязываются вести строгій образъ жизни и подвергаются особой церемоніи посвященія, послѣ чего получаютъ титулъ *шабганцза*, т. е. инокиня.

Многочисленность ламскаго сословія составляетъ самую страшную язву общественной жизни Монголіи.

Начать съ того, что всѣ ламы по уставу должны вести безбрачную жизнь и вслѣдствіе этого между ними сильно распространенъ развратъ.

При томъ-же, отнимая лучшую часть мужского населенія, ламаизмъ дѣлаетъ ихъ совершенно безполезными для общества тунеядцами; между тѣмъ ламы пользуются огромнымъ, почти безграничнымъ вліяніемъ и въ своихъ интересахъ тормозятъ всякое стремленіе народа выйти изъ безпросвѣтнаго мрака невѣжества.

Наряду со столь глубоко вкоренившеюся религіозностью, въ населеніи Монголіи въ неменьшей степени распространено и суевѣріе, остатки прежняго шаманскаго культа.

Всевозможные демоны и колдовство грезятся монголу на каждомъ шагу, при чемъ соотвѣтственно суровой природѣ, духи и божества по большей части злые, наносящіе вредъ человѣку, и потому ихъ приходится постоянно умилостивлять.

Обыденная жизнь монгола переполнена всевозможными примѣтами; въ каждой несчастной случайности или болѣзни онъ видитъ попущеніе злого божества. Пржевальскій указываетъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ примѣтъ. Такъ, въ облачную погоду или послѣ солнечнаго заката нельзя ни продавать, не давать молока иначе скотъ весь передохнетъ, и каждая хозяйка весьма строго придерживается этого правила. Если сидѣть на порогѣ юрты, то опять придетъ бѣда на скотъ; ѣсть, сидя на корточкахъ—грѣхъ: черезъ это приключится какое-нибудь несчастіе въ пути; впередъ про дорогу говорить нельзя—застигнетъ вьюга или буря; нельзя произносить имени матери или отца—грѣхъ; если заболѣла какая-нибудь скотина, то въ теченіе недѣли нельзя ничего ни дать, ни продать и т. п.

Помимо того, среди монголовъ чрезвычайно распространено гаданіе и всякаго рода колдовство. Въ этомъ искусствѣ упражняются не только спеціалисты ламы (астрологи), но и большинство другихъ ламъ, а также и многіе изъ простыхъ смертныхъ (за исключеніемъ лишь женщинъ). Самое гаданіе производится по большей части на ламскихъ четкахъ или на монетахъ (чохахъ), съ подобающими причитаніями и заклинаніями.

Какъ уже раньше указано, трупы умершихъ монголовъ обыкновенно выбрасываются въ поле на съѣденіе дикимъ звѣрямъ (преимущественно собакамъ) и хищнымъ птицамъ. Особымъ гаданіемъ опредѣляютъ при этомъ, въ какую сторону долженъ быть положенъ покойникъ головою. Трупы князей, высшихъ ламъ и гыгеновъ не выбрасываются, а закапываются въ землю, при чемъ могила обкладывается камнями; иногда трупы сжигаются.

За извѣстное вознагражденіе ламы производятъ поминальное богослуженіе въ теченіе 40 дней, но богачи, сдѣлавшіе большіе вклады въ кумирни, поминаются въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, тогда какъ бѣдняки и совсѣмъ лишаются этой чести.

Кое-гдѣ монголы начинаютъ переходить къ осѣдлому образу жизни; такъ, въ Цайдамѣ Пржевальскій видѣлъ монгольскія пашни, но земледѣліе находится у нихъ въ весьма жалкомъ состояніи.

Насеніе Цайдама, Ала-шаня и Куку-норской области довольно рѣзко отличается отъ монголовъ сѣверной Гоби, т. е. халхасцевъ. По мнѣнію Николая Михайловича, они принадлежатъ къ олютской вѣтви монголовъ и, слѣдовательно, родственны нашимъ калмыкамъ.

На ордосскихъ и ала-шаньскихъ монголахъ весьма замѣтно сказалось вліяніе китайцевъ. Что-же касается кукунорцевъ и цайдамцевъ, то у нихъ замѣтна примѣсь тангутской крови. По своему образу жизни они составляютъ перекидную ступень отъ корейскаго монгола—халхасца къ тангуту.

III.

Тангуты.

Тангуты, или сифань, одноплеменны тибетцамъ, которые и произошли отъ тангутовъ, пришедшихъ съ Куку-нора въ Тибетъ въ IV в. до Р. Х. *).

Территорія, населенная тангутами, весьма обширна: они занимаютъ гористую провинцію Гань-су, Куку-норъ, но болѣе всего распространены въ сѣверномъ Тибетѣ, по верхнему теченію Хуанъ-хэ и Голубой рѣки (Муръ-усу и Ды-чю); въ небольшомъ числѣ тангуты встрѣчаются также въ восточномъ Цайдамѣ. Ганьсуйская провинція и сѣверо-восточный Тибетъ носитъ у тангутовъ общее названіе

*) См. Іоакинфъ, Статистическое описаніе Китая, ч. II, стр. 145. (Пржевальскій. Монг. и стр. танг., т. I, стр. 256).

Амдо и считается ихъ территоріей, хотя здѣсь въ значительномъ количествѣ живутъ также китайцы и монголы.

По своему наружному типу тангуты рѣзко отличаются отъ монголовъ и сильно напоминаютъ нашихъ цыганъ.

Роста они по большей части средняго, изрѣдка высокаго, сложеніе имѣютъ коренастое, плечи широкія. Волосы, брови, усы и борода у всѣхъ безъ исключенія черные, глаза тоже черные, обыкновенно большіе, но правильной овальной формы, а не узко прорѣзанные, какъ у монголовъ. Носъ прямой, иногда орлиный или вздернутый кверху; губы большія и довольно часто отвороченныя. Скулы отчасти выдаются, но не рѣзко, какъ у монголовъ; лицо вообще продолговатое, но не плоское, черепъ круглый; зубы крупные, ослѣпительной бѣлизны. Общій цвѣтъ кожи и лица смуглый, у женщинъ нѣсколько свѣтлѣе; женщины вообще меньше ростомъ, чѣмъ мужчины.

Въ противоположность китайцамъ и монголамъ, у тангутовъ сильно растутъ усы и борода, которые они всегда брѣютъ; голову они также брѣютъ, оставляя лишь пучекъ волосъ на затылкѣ, которые заплетаютъ, подобно китайцамъ, въ косу.

Женщины носятъ длинные волосы, съ проборомъ посрединѣ и заплетаютъ ихъ въ нѣсколько небольшихъ косичекъ (по 15—20 на каждой сторонѣ). Въ косички вплетаются различныя украшенія. Кромѣ того, тангутскія женщины по-большей части румянятъ себѣ лицо, употребляя или китайскія румяна или (лѣтомъ) ягоды земляники.

Приведенное описаніе относится собственно лишь къ болѣе цивилизованнымъ тангутамъ, обитающимъ въ провинціи Гань-су. Другая вѣтвь этого народа, именно тангуты куку-норскіе, цайдамскіе и обитающіе въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ, извѣстны подъ именемъ кара-тангутовъ, т. е. черныхъ тангутовъ.

Эти послѣдніе отличаются отъ своихъ гань-суйскихъ собратій болѣе чернымъ цвѣтомъ кожи, бо̀льшимъ ростомъ, а болѣе всего своимъ разбойничьимъ характеромъ. По внѣшности кара-тангуты отличаются тѣмъ, что не носятъ косъ и брѣютъ всю голову.

Жилищемъ тангутовъ служитъ черная палатка, сдѣланная изъ грубой шерстяной ткани. Въ срединѣ ея почти плоской верхушки дѣлается продольный разрѣзъ, шириною около фута, для выхода дыма. Отверстіе это закрывается на ночь и во время дождя. Посрединѣ палатки на полу сдѣланъ глинянный очагъ, а у полы, противоположной входу стоятъ бурханы и сложенъ разный домашній скарбъ. По другимъ сторонамъ устроены ложа обитателей, которыя часто состоятъ лишь изъ охапки хвороста, брошеннаго прямо на землю; надобно замѣтить, что ткань, изъ которой устраивается палатка, чрезвычайно рѣдка, какъ сито, а такъ какъ въ этой мѣстности лѣтомъ почти безпрестанно идутъ дожди, то полъ въ палаткѣ бываетъ всегда сильно промокшимъ и на немъ стоятъ лужи.

Какъ и монголы, тангуты занимаются исключительно скотоводствомъ; но

такъ какъ ихъ страна покрыта тучными пастбищами, то для нихъ нѣтъ надобности часто перекочевывать со своими стадами, которыя находятъ достаточно корма на альпiйскихъ лугахъ. По этому тангуты ведутъ отчасти осѣдлую жизнь и строятъ иногда себѣ постоянныя жилища.

Такими жилищами являются бревенчатыя хижины, которыя строятъ тангуты, живущіе въ богатой лѣсами области.

По своему наружному виду тангутскія деревянныя избы сильно напоминаютъ курныя избы, которыя иногда встрѣчаются въ бѣднѣйшихъ русскихъ деревняхъ, но построены онѣ еще хуже. Стѣны сдѣланы даже безъ сруба, а прямо изъ неотесанныхъ бревенъ, положенныхъ одно на другое. Промежутки между бревнами замазываются глиною, а плоская крыша засыпана сверху землею; въ срединѣ ея устроено отверстіе въ родѣ окна для выхода дыма.

Однако и такое жилище является слишкомъ комфортабельнымъ, сравнительно съ вышеописанною черною палаткою. Здѣсь обитатели по крайней мѣрѣ защищены отъ непогоды, между тѣмъ какъ въ волосяномъ шатрѣ имъ приходится то мокнуть на дождѣ, то мерзнуть на морозѣ. «Безъ преувеличенія, заключаетъ Николай Михайловичъ *), можно сказать, что нора сурка, живущаго рядомъ съ тангутомъ, въ десятеро комфортнѣе обиталища этого человѣка. Тамъ, по крайней мѣрѣ, звѣрь имѣетъ мягкое логово; тангутъ же въ своей грязной палаткѣ довольствуется для ночлега охабкою хвороста или гнилыми войлоками, набросанными на сырую, часто даже мокрую землю».

Тангутка на ходу сучитъ шерсть.

Одежда тангутовъ дѣлается изъ сукна или изъ бараньихъ шкуръ, что необходимо въ виду крайней сырости лѣтомъ и трескучихъ морозовъ зимою.

Лѣтняя одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ короткаго суконнаго халата, кожанныхъ сапоговъ собственнаго произведенія и войлочной шляпы съ широкими полями.

*) Монголія и страна тангутовъ, стр. 262.

ыя хижины, которыя строятъ тангуты,

Тангутка на ходу сучитъ шерсть.

Нижняго бѣлья, какъ и монголы, тангуты никогда не носятъ, а надѣваютъ верхнюю одежду прямо на голое тѣло. Щегольство у нихъ распространено вообще гораздо меньше, чѣмъ у монголовъ; шелковый халатъ можно встрѣтить только какъ исключеніе, тогда какъ у монголовъ, особенно у зажиточныхъ халхасцевъ, онъ совсѣмъ не рѣдкость; даже китайская даба въ качествѣ матеріала одежды встрѣчается весьма рѣдко.

Тангуты по своей крайней бѣдности принуждены сами изготовлять ткани для своего обихода, и женщины ихъ постоянно заняты сученіемъ сарлочьей или бараньей шерсти. Такая работа производится иногда на ходу при помощи длинной палки (3—4 фута), на концѣ которой сдѣлана рогулька для висячаго веретена (см. рисунокъ).

Однако тангутки очень рѣдко научаются искусству ткать матеріи, а по-большей части ограничиваются изготовленіемъ пряжи, которую отдаютъ китайцамъ для тканья.

Замѣчательна еще привычка тангутовъ спускать правый рукавъ всякой одежды, такъ что правая рука и часть груди остаются обнаженными; привычка эта не оставляется даже въ дурную погоду, такъ что можно иногда видѣть тангута въ сильный морозъ со спущеннымъ рукавомъ шубы.

Для щегольства богатые тангуты дѣлаютъ на своей одеждѣ оторочку изъ барсоваго мѣха, который получаютъ изъ южнаго и юго-восточнаго Тибета; большимъ щегольствомъ считается также большая серебряная серьга въ лѣвомъ ухѣ со вставленною красною гранатою.

Огниво, ножикъ за поясомъ, кисетъ съ табакомъ и трубка на лѣвомъ боку—составляютъ необходимыя принадлежности каждаго взрослаго тангута. Кромѣ того большинство носитъ за поясомъ широкія сабли, крайне плохаго издѣлія.

Женщины носятъ, вообще говоря, такой же костюмъ, какъ и мужчины; при праздничномъ нарядѣ онѣ перевязываютъ черезъ плечи широкія полотенца, украшенныя кружками около дюйма въ діаметрѣ, которые дѣлаются изъ раковинъ и насаживаются одинъ подлѣ другого.

Кромѣ того бусы, преимущественно красныя, составляютъ существенную часть украшенія тангутскихъ красавицъ.

Изъ домашнихъ животныхъ тангуты болѣе всего разводятъ яковъ и барановъ, въ меньшемъ количествѣ держатъ лошадей и коровъ.

Немногіе изъ тангутовъ, живущіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ китайцами, оставляютъ кочевой образъ жизни и начинаютъ заниматься земледѣліемъ; Николай Михайловичъ видѣлъ близъ Чейбсена нѣсколько такихъ земледѣльческихъ семействъ тангутовъ. Но осѣдлая жизнь видимо не по нутру ихъ подвижной натурѣ; осѣдлые тангуты всегда завидуютъ своимъ кочевымъ собратьямъ, которые бродятъ со своими стадами съ одного пастбища на другое, пастушескій образъ жизни конечно болѣе подходитъ къ лѣнивому, безпечному характеру этого народа.

На своихъ кочевьяхъ тангуты всегда располагаются обществами, и лишь въ исключительномъ случаѣ можно встрѣтить одиноко стоящую палатку или хижину, тогда какъ монголы, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ ставятъ свои юрты отдѣльно.

Вообще, по замѣчанію Пржевальскаго, характеръ и привычки этихъ двухъ народовъ во многомъ совершенно противоположны. Въ то время, какъ монголъ привязанъ исключительно къ сухой, безплодной пустынѣ и боится сырости, болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ невзгодъ своей родины, тангутъ, обитающій въ близкомъ сосѣдствѣ съ Монголіей, но въ странѣ съ совершенно противоположнымъ характеромъ, сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ. Привычки и воззрѣнія тангута противоположны монгольскимъ: онъ ненавидитъ пустыню и боится ея жаровъ, сухости, безпредѣльныхъ песчаныхъ равнинъ.

Горы съ ихъ роскошными альпійскими лугами, лѣса, одѣвающіе ихъ склоны, влажность климата—вотъ что манитъ къ себѣ тангута.

Настолько же и въ томъ же самомъ отношеніи противоположны привычки и самыхъ характерныхъ животныхъ монгольскихъ пустынь—верблюда—и обитателя тангутскихъ нагорныхъ пастбищъ—яка.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ уходъ за скотомъ является единственнымъ занятіемъ тангута, да и его онъ почти цѣликомъ сваливаетъ на свою жену. По цѣлымъ часамъ сидятъ взрослые мужчины на полу палатки вокругъ очага, на слабомъ огонькѣ котораго неизбѣжно стоитъ котелъ съ чаемъ и выпиваютъ одну за другою безконечное число чашекъ этой живительной влаги.

Впрочемъ, кирпичный чай, составляющій насущную потребность для монгола, у тангутовъ является роскошью, такъ какъ въ ихъ гористой странѣ, постоянно страдающей отъ различныхъ смутъ, этотъ китайскій продуктъ слишкомъ дорогъ.

Взамѣнъ того тангуты употребляютъ «чай» собственнаго приготовленія, извѣстный по центральному пункту своей фабрикаціи подъ названіемъ Донкырскаго чая. Приготовляется онъ изъ сушеныхъ головокъ желтаго луку, въ изобиліи растущаго по горамъ ихъ родины, и изъ какихъ то другихъ травъ. Смѣсь эту прессуютъ на подобіе табаку и завариваютъ въ кипящей водѣ. Отвратительный на вкусъ отваръ этотъ тангуты пьютъ въ такомъ же невѣроятномъ количествѣ, какъ монголы свой чай, и приправляютъ его молокомъ.

Необходимую принадлежность чая составляетъ дзамба, которая подсыпается въ чашку и размѣшивается въ жидкости пальцами. Для вкуса прибавляютъ еще чурму—сушеный творогъ, а также масло или жиръ (сарлочій, бараній и др.).

Чай и дзамба съ описанными приправами или безъ нихъ составляютъ почти единственную пищу тангутовъ.

Что касается мяса, то бѣдняки эти очень рѣдко употребляютъ его въ пищу. Даже богатый владѣлецъ большихъ стадъ рѣдко рѣшится убить барана

или сарлока, а по большей части гонитъ скотъ на продажу въ Донкыръ или въ Сининъ, гдѣ взамѣнъ получаетъ всѣ необходимыя для себя припасы: дзамбу, табакъ, чай и т. п. продукты. Однако тангуты не брезгаютъ и дохлою скотиною, подобно монголамъ и китайцамъ.

Любимымъ и очень обыкновеннымъ кушаньемъ у тангутовъ является также тарыкъ—вскисшее и прокипяченое молоко, съ котораго сняты предварительно сливки.

Какъ и монголы, тангуты чрезвычайно нечистоплотны какъ въ пищѣ, такъ во всемъ остальномъ.

Въ отличіе отъ монголовъ, тангуты проявляютъ въ своемъ характерѣ гораздо болѣе энергіи и отличаются большею смѣлостью и смышленностью.

Съ другой стороны, у нихъ нѣтъ того добродушія и безкорыстнаго гостепріимства, которое составляетъ отличительную черту всѣхъ чистокровныхъ монголовъ, не испорченныхъ непосредственнымъ вліяніемъ живущихъ по сосѣдству китайцевъ. У тангутовъ, особенно гань-суйскихъ, наиболѣе цивилизованныхъ изъ всѣхъ остальныхъ своихъ сородичей, въ высшей степени развито плутовство, страсть къ торгашеству и скаредность; самую ничтожную услугу онъ не сдѣлаетъ даромъ, но всегда старается стянуть какъ можно больше, не только съ чужеземца или иноплеменника, но даже съ своего собрата, такого же кочевника.

При встрѣчѣ взаимное привѣтствіе у тангутовъ заключается въ томъ, что они вытягиваютъ горизонтально обѣ руки и произносятъ: «Ака тэму». Слово «ака» означаетъ то же, что у монголовъ «нохоръ»—«товарищъ» или французское «monsieur», а «тэму»—«здравствуй».

При первомъ знакомствѣ, при оффиціальномъ визитѣ или въ случаѣ посѣщенія какого-нибудь важнаго лица, тангуты дарятъ шелковый лоскутъ, такъ называемый хадакъ; этотъ же обычай распространенъ и у монголовъ. Качествомъ и величиною хадака до нѣкоторой степени опредѣляется степенью расположенія хозяина къ гостю.

Женщина находится у тангутовъ въ такомъ же тяжеломъ положеніи какъ и у монголовъ; на ней лежатъ всѣ домашнія работы, но въ домашней жизни она пользуется до нѣкоторой степени равноправіемъ съ мужчинами.

Въ отличіе отъ болѣе культурныхъ своихъ гань-суйскихъ сородичей, тангуты, живущіе въ Тибетѣ и около оз. Куку-нора, носятъ названіе кара-тангутовъ, т. е. «черныхъ тангутовъ», такъ какъ они дѣйствительно имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи.

Находясь въ крайне невыгодныхъ физико-географическихъ условіяхъ, Тибетъ обитаемъ далеко не весь и мѣтко называется у монголовъ «Гуресу гадзыръ», т. е. «звѣриная страна».

Николай Михайловичъ порядкомъ искрестилъ сѣверный Тибетъ и лишь на плоскогоріи Танъ-ла встрѣтилъ людей, принадлежащихъ къ племени тангутовъ.

По разспроснымъ свѣдѣніямъ внутри сѣвернаго тибетскаго плато также кочуютъ небольшія орды, вѣроятно того же тангутскаго племени; всѣ эти орды извѣстны подъ двумя общими именами: кочевники восточной части страны называются сокъ-па, а обитатели западной половины—горъ-па.

Кромѣ того, пундитъ Наинъ-Сингъ встрѣтилъ на пути изъ Ладака въ Лхассу кочевыя племена камъ-па, которыя эмигрировали туда въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія изъ восточной провинціи Тибета Камъ. Наконецъ, тотъ же пундитъ встрѣтилъ осѣдлыя поселенія на берегахъ озера Данграюмъ-чо въ округѣ Накчанъ-омбо.

Тангуты, обитающіе въ альпійской странѣ восточной оконечности Тибета, по верхнему теченію Голубой рѣки, значительно отличаются отъ своихъ родичей, живущихъ въ Гань-су и на Куку-норѣ, но стоятъ гораздо ближе къ ёграямъ, живущимъ на Танъ-ла и къ голыкамъ, населяющимъ верховья Хуанъ-хэ.

По имени области своего обитанія *) тангуты эти носятъ названіе Камъ и населяютъ всю область внизъ по Ды-чю и на ю. за Танъ-ла до границы собственно далай-ламскихъ владѣній. Они раздѣляются на 25 хошуновъ, которые управляются родовыми старшинами бэй-ху, надъ которыми стоитъ главный начальникъ чанъ-ху.

Городовъ и постоянныхъ селеній здѣсь нѣтъ ни одного; взамѣнъ того, религіозными и культурными центрами являются кумирни, вокругъ которыхъ обыкновенно разбросано нѣсколько хижинъ поселенцевъ, занимающихся земледѣліемъ, съ самыми первобытными пріемами.

Численность населенія этого племени Николай Михайловичъ опредѣлилъ приблизительно въ 5,000 палатокъ.

Въ наружномъ типѣ дычюйскихъ тангутовъ Пржевальскій отмѣчаетъ слѣдующія черты: ростъ средній, рѣже высокій, сложеніе плотное, коренастое, глаза черные и большіе, но не косые, какъ у монголовъ; носъ часто орлиный, но не приплюснутый; скулы выдаются мало, уши средней величины; волосы черные, грубые, которые длинными космами падаютъ на плечи; волосы никогда не расчесываются, но спереди немного подстригаются, чтобы не лѣзли въ глаза; косъ мужчины совсѣмъ не носятъ; усы и борода растутъ очень плохо и при томъ нарочно выщипываются. Зубы крѣпкіе, крупные, но не выдаются такъ сильно, какъ у тибетцевъ, живущихъ южнѣе Танъ-ла. Черепъ нѣсколько удлиненный; цвѣтъ кожи—грязно-свѣтло-коричневый, «чему не мало способствуетъ, вѣроятно,—замѣчаетъ Пржевальскій,—и то, что тѣло никогда не моется» и всегда покрыто слоемъ грязи. «Замѣчательно,—прибавляетъ онъ,—что описываемые тангуты (какъ, быть можетъ, и другіе ихъ собратья), издаютъ противный запахъ, болѣе рѣзкій и иной, чѣмъ у монголовъ, которые не отличаются благовоніемъ» **).

*) Восточно-тибетская провинція называется у китайцевъ Камъ.

**) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Стр. 183.

Китайское названіе дычюйскихъ кара-тангутовъ—хунъ-морлъ означаетъ «краснокожіе». По этому поводу Николай Михайловичъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ своими физіономіями—съ длинными, разсыпанными по плечамъ волосами, много напоминали ему индѣйцевъ Сѣв. Америки, насколько онъ могъ припомнить этотъ типъ по картинкамъ, которыя ему случалось видѣть.

Въ семейномъ быту, какъ у дычюйскихъ тангутовъ, такъ и у всѣхъ другихъ ихъ собратій Пржевальскій подмѣтилъ характерную особенность, именно поліандрію. У одной женщины бываетъ нѣсколько мужей, число которыхъ доходитъ иногда до семи, причемъ необходимымъ условіемъ является кровное родство всѣхъ этихъ мужей между собою: они должны быть родными братьями.

Причины такого обычая—чисто экономическія; дѣло въ томъ, что китайское правительство, которому подчинены (хотя и въ слабой степени) тангуты, установило налогъ съ каждой палатки, въ которой имѣется замужняя женщина, такъ что плательщицами податей являются и женщины, какъ законныя жены, тогда какъ дѣвицы и наложницы никакихъ податей не платятъ. Поэтому тангуты, въ видахъ экономіи, стараются заводить общихъ женъ; болѣе состоятельные изъ нихъ, наоборотъ, не только имѣютъ отдѣльную жену, но еще берутъ наложницъ, которыя находятся въ подчиненіи у законной хозяйки.

Одежда дычюйскихъ тангутовъ не разнится отъ одѣянія ихъ гань-суйскихъ сородичей. Точно также они не носятъ нижней одежды, но въ виду суровости климата ихъ страны, они почти круглый годъ ходятъ въ овчинныхъ шубахъ; послѣднія надѣваются прямо на голое тѣло и подпоясываются кушакомъ такимъ образомъ, что образуется большой мѣшокъ на спинѣ, куда кладется чашка, кисетъ съ табакомъ и различныя другія принадлежности. На ноги въ сильные морозы надѣваютъ овчинные наколѣнники.

На земляномъ полу своей палатки тангутъ ложится во всей одеждѣ прямо на голую землю и засыпаетъ, обратившись лицомъ къ землѣ и скорчившись, какъ животное. Вмѣстѣ съ людьми въ палаткѣ помѣщаются также барашки и яковые телята, такъ что вонь и грязь въ жилищѣ постоянно невообразимая.

Пищею служитъ чай, дзамба, молоко и его продукты: масло, чура и др.; мясо ѣдятъ сравнительно рѣдко.

Исключительное занятіе дычюйскихъ тангутовъ—скотоводство; разводятъ преимущественно яковъ и барановъ, меньше козъ и лошадей. Нѣкоторые занимаются также промывкою золота, котораго вездѣ много въ Тибетѣ; а около кумиренъ, гдѣ болѣе обезпечена личная и имущественная безопасность, земледѣліемъ, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Наконецъ, многіе, преимущественно молодежь, собираются партіями и отправляются подкарауливать купеческіе и богомольческіе караваны на удобныхъ мѣстахъ.

Нравственныя качества тангутовъ-камъ тѣ же самыя, что и у прочихъ представителей этого племени.

Типы тибетцевъ.

«Ханжество и суевѣріе, рядомъ съ грубостью, лѣнью, корыстью и эгоизмомъ—вотъ отличительныя черты ихъ характера»,—по нелестной аттестаціи Николая Михайловича,—«чувство привязанности къ людямъ близкимъ проявляется у нихъ, пожалуй, не болѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, относительно себѣ подобныхъ. Богатство или власть, часто удаль и сила физическая—единственные здѣсь критеріумы достоинства человѣка» *).

Во время привѣтствія важнаго лица тангуты-камъ, подобно тибетцамъ, высовываютъ языкъ (см. рис.); при прощаніи же они стукаются другъ съ другомъ головами.

Хадаки у нихъ также во всеобщемъ употребленіи.

IV.

Голыки.

Въ томъ же сѣверо-восточномъ углу Тибета, нѣсколько сѣвернѣе бассейна Ды-чю, именно въ области истоковъ Желтой рѣки и по обѣимъ сторонамъ ея верхняго теченія (до прорыва черезъ хребетъ Амнс-мачинъ), живетъ близко родственный описанному племени народъ голыки.

На основаніи собранныхъ разспроснымъ путемъ свѣдѣній, Пржевальскій сообщаетъ, что голыки еще недавно жили далѣе къ юго-востоку, именно въ китайской провинціи Сы-чуани, но во время послѣдняго дунганскаго возстанія они перекочевали на истоки Хуанъ-хэ.

Китайской власти они не признаютъ и управляются наслѣдственнымъ князем̂ъ; по образу жизни они совершенно сходны съ тангутами-камъ, но только характеръ у нихъ еще болѣе разбойничій: они постоянно совершаютъ набѣги на сосѣднія области Китая (Сы-чуань и Гань-су) Кукунорскую область и Цэйдамъ.

Вслѣдствіе этого отношенія между голыками и китайцами вполнѣ враждебныя: китайцы боятся проникать въ область поселенія этого разбойничьяго племени, и сами, если случайно попадутъ голыка, казнятъ его.

По той же причинѣ разбойничьей славы голыковъ не пускаютъ въ Лхассу, и если кто-либо изъ нихъ проникнетъ съ богомольцами и будетъ узнанъ, то его сажаютъ на чучело лошади, набитое соломою и возятъ въ такомъ видѣ по всему городу на поруганіе.

Исповѣдуя буддизмъ, голыки раньше признавали своимъ духовнымъ владыкою Далай-ламу, но въ послѣднее время они отдѣлились отъ Лхассы. Еще въ 1880 г. Николай Михайловичъ, во время своего пребыванія на верховьяхъ Хуанъ-хэ слышалъ отъ мѣстныхъ кочевниковъ, что на Амдосскомъ нагорьѣ народился новый далай-лама, и среди буддистовъ сѣверо-восточной окраины Тибета произошелъ

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Стр. 185.

Привѣтствіе у тибетцевъ.

расколъ: одни остались вѣрными почитателями лхасскаго духовнаго пастыря, а другіе сдѣлались послѣдователями новаго Далай-ламы. Китайцы не остались безучастными зрителями въ этой смутѣ и воспользовались случаемъ подчинить своей власти непокорныхъ бунтовщиковъ. Изъ Хо-чжеу высланы были значительныя войска, но они не имѣли успѣха противъ мятежниковъ, которые будто-бы укрыли своего новаго святителя въ неприступной гористой мѣстности.

Къ кочевникамъ, извѣстнымъ въ восточной части сѣвернаго Тибета подъ общимъ названіемъ сокъ-па, принадлежатъ также еграи, близкіе родичи голыковъ.

Пржевальскому приходилось имѣть съ ними только кратковременныя, и притомъ преимущественно враждебныя встрѣчи, поэтому систематическаго описанія этого народа онъ не далъ. Судя по первому впечатлѣнію, онъ говоритъ, что еграи не отличаются отъ тибетцевъ, которыхъ онъ встрѣтилъ къ югу отъ плоскогорія Танъ-ла.

Тангуты у костра.

Мелкія отличія, конечно, существуютъ, но они неуловимы при мимолетномъ наблюденіи. Длинные, косматые, на плечи ниспадающіе черные волосы, скудная

Привѣтсгвіе у тибетцевъ.

Тангуты у костра.

растительность на бородѣ и усахъ, угловатыя черты лица и головы, темно-смуглый цвѣтъ кожи, грязная одежда, широкая сабля за поясомъ, ружье съ рогатками за плечами, копье въ рукахъ и вѣчный верховой конь — вотъ все, что бросилось въ глаза при первыхъ встрѣчахъ.

Позднѣе пришлось познакомиться отчасти и съ ихъ характеромъ. Избалованные постоянною безпрекословною покорностью монгольскихъ и китайскихъ купцовъ и богомольцевъ, съ которыхъ они берутъ дань при прохожденіи черезъ ихъ предѣлы,—еграи держатъ себя слишкомъ самоувѣренно и даже нагло, хотя при дружномъ отпорѣ, который имъ представилъ Пржевальскій со своею маленькою, но хорошо сплоченною кучкою, они оказались такими же трусами, какъ и другіе азіатцы.

Лама въ жреческомъ одѣяніи.

Всѣхъ еграевъ насчитывается всего около 400 палатокъ, т. е. приблизительно около 2,000 душъ обоего пола. Они подчинены вождю голыковъ, которому выплачиваютъ ежегодно небольшую подать *).

При дальнѣйшемъ своемъ движеніи къ югу во время третьей экспедиціи, Пржевальскій, какъ было раньше описано, былъ остановленъ тибетскимъ правительствомъ и жилъ въ ожиданіи разрѣшенія на посѣщеніе Лхассы среди кочевыхъ тибетцевъ, которыхъ и успѣлъ изучить довольно подробно.

Какъ было уже раньше указано, тибетцы болѣе всего похожи на нашихъ цыганъ, но сильно отличаются какъ отъ монголовъ, такъ и отъ китайцевъ; что касается тангутовъ, то, по мнѣнію Николая Михайловича, тибетцы, которыхъ ему пришлось видѣть, имѣютъ съ ними полное сходство.

Не перечисляя вновь чертъ, общихъ съ описанными уже у различныхъ племенъ тангутскихъ, упомянемъ, что общее сложеніе у тибетцевъ слабое, грудь впалая, форма черепа продолговатая, сжатая съ боковъ, почему лицо кажется вытянутымъ. Лобъ плоскій, переносица вдавленная; носъ по большей части прямой и тонкій, скулы лишь слегка выдающіяся, глаза большіе, черные, но не косые. Особенность представляютъ передніе зубы, широкіе, крѣпкіе, рѣдко посаженные, которые сильно выдаются впередъ (см. рис.). О жилищѣ, одеждѣ, пищѣ и домашнемъ образѣ жизни было уже сообщено.

По характеру тибетцы имѣютъ сходство съ монголами и раньше описанными хара-тангутами, но отличаются отъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, своимъ

*) По два **гина** (приблизит. $2^2/_3$ нашихъ фунта) масла и по одной овчинѣ съ каждой палатки.

при дружномъ отпорѣ, которы

Лама въ жреческомъ одѣяніи.

миролюбіемъ. Та-же самая лѣнь заставляетъ тибетца цѣлыми днями сидѣть около огня въ палаткѣ, попивая чай или покуривая трубку; то-же безпечное отношеніе ко всему, что выходитъ за предѣлы его обыденной, пастушеской жизни; то-же религіозное ханжество.

Тибетскій лама.

Въ исполненіи обрядовъ своей религіи они аккуратны до крайности: всегда и вездѣ бормочутъ они молитвы, смысла которыхъ сами не понимаютъ, и часто вертятъ еще въ рукѣ молитвенный цилиндръ, въ который вложены клочки бумаги съ написанными на нихъ молитвами.

На шеѣ почти всѣ носятъ особые амулеты, въ видѣ довольно объемистаго ящичка, у достаточныхъ людей богато украшеннаго снаружи; въ этотъ ящичекъ укладываются маленькіе идолы, молитвы и заклинанія, написанныя на клочкахъ бумаги или на шелковыхъ лоскутахъ, наконецъ, различныя реликвіи. Вліяніе ламъ на народъ еще болѣе сильное, чѣмъ у монголовъ и у другихъ тангутскихъ племенъ; каждое слово ихъ — законъ для невѣжественной, фанатической массы.

Любопытство и словоохотливость, низкопоклонство передъ богатыми и всѣми власть имущими развито столь-же сильно, какъ и у монголовъ.

Изъ похвальныхъ качествъ тибетцевъ Николай Михайловичъ затруднялся указать что-либо кромѣ того, что они энергичнѣе монголовъ, хотя такіе-же трусы, какъ и эти послѣдніе.

Какъ и у тангутовъ, у тибетцевъ распространенъ обычай поліандріи.

При визитахъ здѣсь также, какъ и въ Монголіи и у тангутовъ, обмѣниваются хадаками. При встрѣчѣ или при прощаніи привѣтствіе со стороны младшаго по отношенію къ старшему выражается сниманіемъ шапки и легкимъ наклоненіемъ головы, причемъ слегка высовывается языкъ (см. рис.).

Для выраженія удивленія тибетцы дергаютъ себя за щеку.

Въ разговорѣ играетъ большую роль жестикуляція; большой палецъ, пока-

*

Тибетскій лама.

занный собесѣднику, означаетъ одобреніе или вообще хорошее качество, мизинецъ—наоборотъ. Средніе пальцы обозначаютъ посредственныя качества вещи.

Куреніе табаку распространено не только между мужчинами, но также и между женщинами.

V.

Лобъ-норцы.

Въ западной части Гоби, т. е. въ Восточномъ Туркестанѣ населеніе представляетъ пеструю смѣсь монгольскихъ, арійскихъ и тюркскихъ племенъ, но тюркскій типъ, вообще говоря, вездѣ преобладаетъ. Во всемъ Восточномъ Туркестанѣ, кромѣ того, исламъ суннитскаго толка является безусловно господствующимъ надъ буддизмомъ.

Николай Михайловичъ во время своего двукратнаго посѣщенія Лобъ-нора и Нижняго Тарима изслѣдовалъ подробно жителей этой мѣстности. По Нижнему Тариму, начиная отъ сліянія его съ Угенъ-дарьей, населеніе носитъ ясный тюркскій обликъ, хотя примѣсь монгольской крови также ясно замѣтна.

Лама-докторъ.

У лобъ-норцевъ признаки монгольскаго типа заключаются въ рѣзко выдающихся скулахъ и въ скудной растительности на лицѣ. Ростъ средній или ниже средняго; сложеніе вообще не плотное, не то, что у монголовъ, грудь впалая; но отъ постоянной гребли на лодкѣ мускулы рукъ и спинные сильно развиты.

Черепъ — элліптической формы, причемъ затылокъ сильно выдается назадъ и вверхъ; лобъ низкій, брови правильно очерченныя, глаза большіе, черные, рѣже каріе; носъ высокій, прямой, иногда горбатый; скулы рѣзко выдаются, хотя и менѣе, чѣмъ у чистокровныхъ монголовъ; губы толстыя, зубы мелкіе, ослѣпительной бѣлизны, ровные; уши средней величины; усы, борода и баки растутъ плохо. Волосы черные, но не такіе, какъ у монголовъ и тангутовъ; у нѣ-

Лама-докторъ.

Кара-Курчинка за ткацкимъ станкомъ.

которыхъ лобъ-норцевъ бываютъ и темно-кофейнаго цвѣта, въ особенности у женщинъ. Мужчины брѣютъ голову и отпускаютъ усы и бороду. Женщины раздѣляютъ волосы на двѣ половины и заплетаютъ на множество мелкихъ косичекъ, концы которыхъ связываются назади въ пучекъ (дѣвушки) или въ двѣ большія косы (замужнія женщины).

Приведенное описаніе относится къ лобъ-норцамъ, живущимъ по низовьямъ Тарима и въ западной части озера; главными объектами для наблюденія Пржевальскому служили жители деревни Абдалъ.

Что касается кара-курчинцевъ, то къ нимъ можетъ быть цѣликомъ примѣнено все вышесказанное; Николай Михайловичъ прибавляетъ только, что типъ ихъ болѣе «плюгавый». Они еще меньше ростомъ, и кромѣ того цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе, хотя, быть можетъ, это такъ кажется оттого, что кара-курчинцы гораздо менѣе чистоплотны, чѣмъ абдалинцы, и постоянно покрыты слоемъ грязи.

Въ умственномъ отношеніи лобъ-норцы и таримцы, какъ и всѣ тюрко-монголы, стоятъ выше чистокровныхъ монголовъ. Значительная разница замѣтна также между западными лобнорцами, напр., абдалинцами и кара-курчинцами. Первые вообще развитѣе, обладаютъ достаточною умственною сметкою, хитры и отчасти даже плутоваты; послѣдніе ограниченнѣе въ своемъ развитіи и гораздо проще.

Кара-курчинцы, по описанію Пржевальскаго, представляютъ собою типичныхъ дикарей, чуть-ли не наименѣе культурныхъ изъ всѣхъ видѣнныхъ Николаемъ Михайловичемъ племенъ въ средней Азіи.

«Бѣдный и слабый физически,—такъ характеризуетъ ихъ Пржевальскій *),—кара-курчинецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ — вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачиха-природа. Понятно, что при такой обстановкѣ, притомъ безъ вліяній извнѣ невозможно развитіе ни умственное, ни нравственное. Тѣсный кругъ понятій кара-курчинца не переходитъ за берега род-

*) «Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ», стр. 53.

Кара-Курчинка за ткацкимъ станкомъ.

ного озера; остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждою, голодомъ, холодомъ наложила печать апатіи и угрюмости на характеръ несчастнаго: онъ никогда почти не смѣется. Умственныя способности также не идутъ далѣе того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы. Иные даже считать не умѣютъ далѣе сотни, быть можетъ, и того менѣе».

Но всѣ вообще лобъ-норцы чрезвычайно миролюбивы, гостепріимны и стараются жить со всѣми въ согласіи. Нерѣдко достаточный хозяинъ помогаетъ своему бѣдному односельчанину, чему прекрасный примѣръ подаетъ ихъ «отецъ родной»—Кунчиканъ-бекъ.

VI.

Мачинцы, или мальчи.

Въ южныхъ оазисахъ Восточнаго Туркестана и въ Кэрійскихъ горахъ преобладающее населеніе составляютъ племя мачинцы или мальчи, какъ они сами себя называютъ.

Племя это считаетъ себя кореннымъ населеніемъ Восточнаго Туркестана. По мѣстному преданію, предки нынѣшнихъ мачинъ пришли сюда изъ Индіи и затѣмъ смѣшались съ китайцами. Послѣднихъ называли чинъ; именемъ-же ма, какъ поясняли туземцы, вѣроятно, назывался пришедшій изъ Индіи народъ; отсюда и произошло названіе мачинъ.

По наружному типу наиболѣе чистокровные мачинцы (живущіе въ горахъ хребта Русскаго и Кэрійскаго) представляютъ монгольскую расу съ примѣсью арійской, причемъ послѣдняя замѣтно преобладаетъ.

Лицо скуластое, носъ расплывшійся на концѣ, хотя переносица не вдавлена, какъ у настоящихъ монголовъ; растительность на лицѣ сравнительно слабая, въ особенности плохо растутъ баки и усы. Глаза большіе, но не косо поставленные, брови правильныя, уши часто оттопыренныя; черепъ угловатый съ плоскимъ затылкомъ; лобъ также чаще плоскій; губы довольно толстыя; цвѣтъ кожи смуглый, но свѣтлѣе, чѣмъ у монголовъ, а тѣмъ болѣе у тангутовъ. Цвѣтъ глазъ и волосъ по большей части черный, но мѣстами встрѣчается, наоборотъ, преобладаніе каштановыхъ или рыжихъ волосъ, голубыхъ или сѣрыхъ глазъ; изрѣдка попадаются даже совершенно русые волосы. Тѣлосложеніе вообще слабое, ростъ средній или малый.

Мужчины брѣютъ голову, усы подстригаютъ, баки и бороду отпускаютъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, а женщины въ двѣ.

Одежда, пища, жилище, характеръ и образъ жизни были описаны уже раньше *).

---

*) См. раньше, т. II, стр. 294—300.

1. Определение долготы по покрытию звезды луною

Река Тарим близ западного края оз. Лоб-нора. 7/19 февраля 1885 года около 6½ час. вечера по местному времени (приблизительно)

Изображение луны и звезды как представлялись в трубу

Время покрытия звезды по хрон. №75 = 6.27.57,0 (по полудни)

Хроном. { №74 - 6.47.0 ; №75 - 6.45.58.0 } -1.2.0

Цифры при звездах обозначают приблизительно величины этих звезд

5. Определение широты. Наблюдения около меридиан. зенитн. расстояний солнца.

Река Тарим близ дер. Абдалли. 10/22 февраля 1885 г. Пржевальский

Хроном. { №74 = 11.45.0 ; №75 = 11.43.43,5 } -1.16,5

Край солнца	Момент по хрон. №75	Уровень		1 нон.	2 нон.
		Круг вправо			
верхн.	11.47.11.	+10	-6.3	50.2.0	230.3.0
верхн.	— 49.14.9	+9	-7.3	— 0.40	— 1.40
верхн.	— 51.32.	+8.3	-8	— 0.0	— 1.0
нижн.	— 58.27.8	+8	-8.3	49.26.40	229 27.40
нижн.	— 54.30.9	+9.2	-8	— 26.20	— 27.20
нижн.	— 56.40.0	+9	-7.3	— ~~25.20~~ — 25.40	— 27.0

Край солнца	Момент по хрон. №75	Уровень		1 нон.	2 нон.
		Круг влево			
нижн.	11.59.26.3	+10	-6.3	310 45.40	130 46.40
нижн.	12.1.33.8	+9.2	-7	— 45.20	— 46.40
нижн.	— 4.2.5	+9.7	-6.5	— 44.0	— 45.20
верхн.	— 5.25.0	+10	-6.3	— 11.20	— 12.20
верхн.	— 7.29.7	+9.2	-7	— 10.0	— 11.20
верхн.	— 9.34.0	+9	-7.3	— 9.0	— 10.0

Хроном. { №74 = 12.13.0 ; №75 = 12.11.43,5 } -1.16,5

Барометр = 704,5 (-9,2 C)

Темп. воздуха = +1,9 C

Во время последних отсчетов было совершенно тихо, а небо подернуто легкими перистыми облаками; солнце в трубу было хорошо видно

Листокъ изъ дневника Н. М. Пржевальскаго.

Языкъ мачинцевъ тюркскій, который господствуетъ во всемъ Восточномъ Туркестанѣ. Переводчикъ Николая Михайловича, кульджинскій таранчинецъ, вездѣ объяснялся свободно съ ними, хотя, по его увѣренію, у нихъ иногда попадались слова и выраженія, «неподходящія» къ кульджинскимъ.

Хотанцы говорили Пржевальскому, что языкъ мачинцевъ довольно значительно отличается отъ кашгарскаго и аксуйскаго, что и понятно, такъ какъ въ сѣверной части В. Туркестана, въ оазисахъ, расположенныхъ вдоль подошвы Тянь-Шаня, коренное населеніе не мачинцы, а составляютъ какое-то иное племя ардбюлъ, о которомъ Николаю Михайловичу не удалось собрать достаточныхъ данныхъ.

Обзоръ заслугъ Николая Михайловича въ области этнографіи мы заключимъ указаніемъ на сдѣланный имъ весьма подробный этнографическій очеркъ плодородной Гань-суйской провинціи Китая.

Населеніе складывается здѣсь изъ многихъ народностей, которыя по своей численности могутъ быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: китайцы, дунганы, тангуты, далды и киргизы. Николай Михайловичъ далъ точную характеристику каждой изъ этихъ народностей; наиболѣе подробно онъ остановился на дунганахъ и, кромѣ того, приводитъ довольно полную историческую справку относительно пресловутаго дунганскаго возстанія. Что касается типа дунганъ, то, по его мнѣнію, они представляютъ собою окитаившихся магометанъ, несомнѣнно тюркской расы, но съ большою примѣсью китайской и монгольской крови.

Чтобы покончить съ этнографіей, упомянемъ еще вкратцѣ про изслѣдованія Пржевальскаго въ Уссурійскомъ краѣ. Здѣсь, кромѣ китайцевъ-манзъ, имъ изучены были инородческія племена гольды, орочи и корейцы, о которыхъ онъ составилъ довольно обстоятельныя монографіи.

VII.

Гольды.

Это племя обитаетъ преимущественно по берегамъ рѣки Уссури и ея притока Дауби-хэ, но встрѣчается въ значительномъ количествѣ также по нижнему и отчасти среднему теченію Амура.

Изъ всѣхъ инородцевъ въ Уссурійскомъ краѣ, гольды самые многочисленные и безусловно превосходятъ китайцевъ, отъ которыхъ они перенимаютъ очень многое, какъ въ одеждѣ, такъ и въ постройкѣ жилища, а также отчасти и въ образѣ жизни.

Впрочемъ, гольду — прирожденному звѣролову и рыболову, трудно приноровиться къ условіямъ жизни китайца-земледѣльца. Хлѣбопашества гольды совсѣмъ не знаютъ: рыболовство лѣтомъ, звѣроловство зимою—вотъ исключительныя занятія этихъ дикарей, которыя обезпечиваютъ имъ существованіе.

Несмотря на бродячій образъ жизни, который ведутъ гольды, соотвѣтственно

своему звѣроловному промыслу, они живутъ осѣдло и устраиваютъ себѣ фанзы, совершенно подобныя выше описаннымъ китайскимъ. Фанзы эти располагаются обыкновенно группами; въ каждой живетъ одна семья, а иногда при родителяхъ живутъ и женатые сыновья. Въ противоположность безсемейнымъ манзамъ, у гольдовъ очень широко развито семейное и родовое начало. Семейныя и родственныя связи у нихъ самыя тѣсныя; родители горячо любятъ своихъ дѣтей, которые платятъ имъ съ своей стороны тѣмъ же.

Старики пользуются у нихъ большимъ почетомъ, и сыновья заботятся о нихъ съ искреннею любовью.

Религія—шаманская, но шаманы пользуются у нихъ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ у другихъ инородцевъ.

Лишь только весною вскроются рѣки, начинается для гольда пора кипучей дѣятельности. Когда по рѣкѣ идетъ мелкій ледъ,—шуга, то рыба собирается по заливамъ, и гольды пользуются случаемъ для лова. Въ это время употребляютъ обыкновенно особаго устройства небольшую круглую сѣть, которую ловецъ тянетъ за собою въ лодкѣ. Какъ только онъ почувствуетъ, что рыба запуталась, онъ дергаетъ за веревку, и сѣть смыкается, послѣ чего остается только вытащить добычу. При баснословномъ изобиліи рыбы на Уссури и во всемъ ея бассейнѣ, такимъ образомъ можно въ счастливый день одному ловцу добыть до ста крупныхъ рыбъ.

Осенью передъ замерзаніемъ повторяется то же самое, съ тою только разницею, что воды осенью гораздо меньше, и потому можно употребить въ дѣло неводъ, что сильно повышаетъ прибыльность улова.

Лишь только окончится ледоходъ, по рѣкамъ, вверхъ по теченію, устремляется для метанія икры безчисленное множество осетровъ и калугъ, которыхъ гольды ловятъ при помощи разнаго рода «снастей».

Лѣтомъ они промышляютъ крупную рыбу преимущественно посредствомъ остроги—желѣзнаго трезубца, неплотно насаженнаго на длинное тонкое древко. Трезубецъ привязанъ къ длинной веревкѣ, а на древко насаженъ такимъ образомъ, что легко соскакиваетъ. Вооружившись такою острогою, гольдъ медленно разъѣзжаетъ на легкой лодкѣ—оморочкѣ—и зорко всматривается въ воду. Чуть замѣтитъ онъ опытнымъ взглядомъ характерную зыбь на водѣ или усмотритъ въ прозрачныхъ струяхъ самую рыбу, онъ ловко бросаетъ свое оружіе и обыкновенно безъ промаха вонзаетъ остріе въ тѣло рыбы, которая при этомъ метнется въ сторону, какъ молнія, но не въ силахъ сорваться съ бичевки, къ которой привязано впившееся въ нее остріе и безъ труда вытаскивается.

Съ половины сентября наступаетъ для рыболововъ вторая горячая пора, когда съ моря вверхъ по теченію Амура и по всѣмъ притокамъ его нижняго теченія устремляется въ еще болѣе невѣроятномъ количествѣ красная рыба кэтá (salmo lagocephalus).

Ходъ этой рыбы продолжается недѣли двѣ, и за это время гольды наго-

товляютъ себѣ огромные запасы на весь годъ, для собственнаго пропитанія и въ особенности для своихъ собакъ.

Съ наступленіемъ зимы, когда рѣки покроются льдомъ, рыбный промыселъ прекращается. Правда, ловля рыбы на удочку изъ проруби продолжается, но этимъ занимаются лишь немощные старики, женщины и подростки. Что же касается взрослыхъ мужчинъ, то они отправляются теперь въ лѣсныя дебри, куда манитъ ихъ пушной звѣрь, въ особенности драгоцѣнный соболь.

Снарядившись, какъ слѣдуетъ, охотникъ садится въ спеціально устроенныя легкія санки, куда укладывается необходимый запасъ провизіи, запрягаетъ въ нихъ собакъ и отправляется въ гористую область системы Сихота-Алинь.

Туда обыкновенно отправляются партіями и, добравшись до подходящаго мѣста, сообща устраиваютъ шалаши, гдѣ складываютъ провизію, устраиваютъ очагъ и вообще приспособляютъ его для ночевокъ. Послѣ этого избранный раіонъ полюбовно раздѣляется между всѣми членами, и въ теченіе дня охота производится въ одиночку, каждый бродитъ по своему участку, а къ ночи вся партія собирается въ шалашѣ, гдѣ приготовляется пища; затѣмъ усталые охотники располагаются на ночлегъ, подъ охраною своихъ вѣрныхъ псовъ.

Тѣ же собаки оказываютъ имъ большую помощь на охотѣ.

Промышленники гоняются, главнымъ образомъ, за соболемъ, но не упускаютъ случая подстрѣлить и всякаго другого звѣря, который попадется, напримѣръ, лисицу, медвѣдя, изюбря. Что касается царя здѣшнихъ лѣсовъ, страшнаго хищника — тигра, который причиняетъ часто охотникамъ большія непріятности, истребляя собакъ, а иногда пробирается и въ самые шалаши, то гольды его страшно боятся и даже отчасти боготворятъ. Завидѣвъ тигра издали, дикарь бросается на колѣни и молитъ о пощадѣ; даже слѣду тигра они поклоняются, думая этимъ умилостивить свирѣпаго хищника.

Помимо охоты съ собаками, гольды прибѣгаютъ въ своихъ поискахъ соболя ко всякаго рода ловушкамъ, которыя устраиваются въ высшей степени хитроумно.

Во время своихъ двухлѣтнихъ скитаній по дебрямъ Уссурійскаго края, Пржевальскій часто сталкивался съ гольдами-звѣроловами и въ достаточной степени изучилъ ихъ бытъ.

Обыкновенно столь строгій въ своихъ отзывахъ, какъ уже могъ замѣтить читатель изъ предыдущаго, Николай Михайловичъ отзывается съ похвалою объ этомъ инородческомъ племени.

Такъ, онъ восхваляетъ ихъ непоколебимую честность. Въ лѣсныхъ шалашахъ промышленники безбоязненно оставляютъ не только запасы продовольствія, но и всю добычу охоты нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и никогда не случается, чтобы какой-нибудь любитель чужой собственности покусился похитить что-нибудь. По установившемуся обычаю путникъ, который случайно забредетъ въ такой шалашъ, можетъ воспользоваться съѣстными припасами и съѣсть, сколько хочетъ,

но не можетъ унести съ собою даже малѣйшей части запасовъ, а тѣмъ болѣе похитить какую-нибудь цѣнность, напримѣръ, соболиныя шкурки.

Замѣчательно, что и у казаковъ, живущихъ въ этомъ краю, вырабатывается столь же похвальная честность.

VIII.

Орочи, или тазы.

Племя это почти столь же многочисленно въ Уссурійскомъ краѣ, какъ и гольды, но область ихъ обитанія находится немного далѣе къ сѣверу: по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, начиная отъ р. Суйфуна, приблизительно до р. Тазуши, а также встрѣчается внутри страны по правымъ притокамъ Уссури: Букину, Има и др.

Николай Михайловичъ раздѣляетъ этихъ инородцевъ на двѣ группы: болѣе культурныхъ, ведущихъ осѣдлый образъ жизни, и бродячихъ.

Послѣдніе представляютъ типъ совершенно некультурныхъ дикарей; въ поискахъ за добычею, они безпрестанно скитаются по лѣсамъ со своими семействами и устраиваютъ себѣ временныя обиталища—шалаши изъ бересты и древесныхъ сучьевъ, то въ лѣсной глуши, то на берегу рѣки. Случается, что орочъ, которому посчастливилось убить крупнаго звѣря, напримѣръ, кабана или оленя, перекочевываетъ на мѣсто счастливой охоты со всею своею семьею и живетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ свою добычу, а затѣмъ отправляется на новые поиски.

«Мнѣ нѣсколько разъ случалось, — разсказываетъ Николай Михайловичъ *), — встрѣчать одинокія становища этихъ бродягъ, и я всегда съ особеннымъ любопытствомъ заходилъ къ нимъ. Обыкновенно, вся семья сидитъ полуголая вокругъ огня, разложеннаго посрединѣ шалаша, до того наполненнаго дымомъ, что съ непривычки почти невозможно открыть глаза. Тутъ же валяются звѣриныя шкуры, рыболовные снаряды, различная рухлядь, и рядомъ съ малыми дѣтьми лежатъ охотничьи собаки.

«При появленіи незнакомца, цѣлое общество разомъ заформочетъ, собаки залаютъ, но черезъ нѣсколько минутъ все успокоится: собаки и дѣти по прежнему улягутся въ сторонѣ, взрослые орочи и ихъ жены опять начнутъ продолжать ѣду или какую нибудь работу; словомъ, появленіе неизвѣстнаго человѣка производитъ на этихъ-людей впечатлѣніе не бо́льшее, чѣмъ и на ихъ собакъ.

«Съ грустнымъ настроеніемъ духа выходилъ я всегда изъ такого шалаша.

«Какая малая разница, думалъ я, между этимъ человѣкомъ и его собакою! Живя, какъ звѣрь въ берлогѣ, чуждый всякаго общенія съ себѣ подобными, онъ забываетъ всякія человѣческія стремленія и, какъ животное, заботится только о насыщеніи своего желудка.

*) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 104.

«Поѣстъ мяса или рыбы, полуизжаренной на угольяхъ, а затѣмъ идетъ на охоту или спитъ, пока голодъ не принудитъ его снова встать, развести огонь и въ дымномъ, смрадномъ шалашѣ вновь готовить себѣ пищу.

Такъ проводитъ этотъ человѣкъ свою цѣлую жизнь.

«Сегодня для него то же, что вчера, завтра то же, что сегодня.

«Ни чувства, ни желанія, ни радости, ни надежды, словомъ, ничто духовное, человѣческое для него не существуетъ.

«На дѣлѣ убѣдился теперь я въ томъ, что гораздо большая пропасть лежитъ между цивилизованнымъ и дикимъ человѣкомъ, нежели между этимъ послѣднимъ и любымъ изъ высшихъ животныхъ»...—такъ заключаетъ свою характеристику этихъ дикарей Николай Михайловичъ.

Корейская женщина.

Другіе орочи стоятъ на болѣе высокой ступени культуры и ведутъ отчасти осѣдлый образъ жизни, подобно гольдамъ.

Лѣтомъ они перекочевываютъ къ берегамъ рѣкъ, гдѣ занимаются рыболовствомъ, а къ зимѣ возвращаются въ свои фанзы. Здѣсь остаются женщины, старики и дѣти, а мужчины уходятъ на соболиный промыселъ.

IX.

Корейцы.

«Къ числу замѣчательныхъ явленій, совершающихся въ послѣднее время на крайнемъ востокѣ Азіи, слѣдуетъ отнести иммиграцію корейцевъ въ предѣлы Россіи..

«Густая населенность Корейскаго полуострова и развившіяся тамъ, вслѣдствіе этого, нищета и пролетаріатъ, грубый деспотизмъ, сковавшій собою всѣ лучшія силы народа...— все это было сильною пружиною, достаточною даже для того, чтобы *заставить и неподвижныхъ жителей востока отречься отъ преданій прошлаго* и, бросивъ свою родину, искать себѣ при новыхъ условіяхъ и обстановкѣ лучшей и болѣе обезпеченной жизни»...

Такъ писалъ Пржевальскій*) еще въ 1869 г., словно въ предвидѣніи со-

*) Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 105, 106.

Корейская женщина.

временныхъ намъ событій. Дѣйствительно, политическія событія послѣднихъ лѣтъ на Востокѣ, а въ особенности современное положеніе дѣлъ въ Китаѣ, показываютъ, что народы Востока пробуждаются отъ своего многовѣковаго сна и начинаютъ играть активную роль въ міровой политикѣ.

Николай Михайловичъ во время своей уссурійской экспедиціи имѣлъ возможность изучать корейцевъ, такъ какъ въ русскихъ предѣлахъ къ тому времени существовали уже три деревни *), заселенныя выходцами изъ сосѣднихъ областей Кореи.

Внѣшній видъ корейцевъ довольно пріятный, хотя станъ его нельзя назвать стройнымъ, при узкой, какъ будто сдавленной груди.

Лицо округлое, съ правильными чертами, цвѣтъ кожи бѣлый, глаза у всѣхъ черные, точно также какъ и волосы.

Мужчины носятъ бороды, которыя, впрочемъ, не отличаются обильною растительностью. Ростъ средній, у женщинъ—малый.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ верхняго платья въ родѣ халата съ широкими рукавами, бѣлыхъ панталонъ и башмаковъ.

Головнымъ покровомъ служитъ шляпа съ чрезвычайно широкими полями и узкою верхушкою.

Женщины носятъ юбки съ разрѣзами по бокамъ и кофты.

Корейскій мандаринъ.

Одежда, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ по большей части бываетъ бѣлая. Волосъ корейцы не брѣютъ, наоборотъ, они считаются главнымъ украшеніемъ. Ихъ собираютъ пучкомъ на макушкѣ головы и связываютъ. Женщины же обвиваютъ волосы вокругъ головы.

Въ домашнемъ быту корейцы отличаются большимъ трудолюбіемъ и что замѣчательно—чистоплотностью. Живутъ они въ фанзахъ, похожихъ на китайскія; вокругъ фанзы обыкновенно расположены поля и огороды, образцово воздѣланные

---

*) Такихъ деревень было три: Тызенъ-хэ, Янчи-хэ и Сидими, въ которыхъ по подсчету оказалось жителей 1,800 душъ обоего пола.

Корейскій мандаринъ.

Вообще корейцы образцовые земледѣльцы, не уступающіе въ этомъ китайцамъ. Любознательность и стремленіе къ просвѣщенію развито у корейцевъ въ значительной степени. Въ каждомъ городѣ и даже въ деревнѣ имѣется школа, гдѣ всѣ мальчики обучаются корейскому языку, а также и китайскому.

Религіи у корейцевъ двѣ: буддайская и религія духовъ, состоящая въ поклоненіи различнымъ божествамъ или геніямъ; сношеніе съ ними производится черезъ особыхъ служителей-шамановъ, которыми могутъ быть и женщины. Вообще колдовство и суевѣрія сильно распространены между корейцами.

III. Результаты зоологическихъ изслѣдованій Н. М. Пржевальскаго.

Изученіе органической жизни стояло у Пржевальскаго всегда на первомъ планѣ во всѣхъ его путешествіяхъ, наряду съ географическими изслѣдованіями. Еще во время своей первой Уссурійской экспедиціи онъ, какъ страстный охотникъ, со страстью предался изученію животнаго населенія этой страны, въ особенности птицъ. Отличаясь необыкновенной наблюдательностью и способностью различать формы, Николай Михайловичъ уже изъ этого путешествія привезъ, хотя и не особенно обширную, но единственную въ своемъ родѣ коллекцію, настолько полно представлявшую орнитологическую фауну этой интересной окраины нашего отечества, что послѣдующія многолѣтнія изысканія д-ра Бенедикта Ивановича Дыбовскаго лишь немного измѣнили и дополнили полученные Пржевальскимъ результаты. Опытъ, пріобрѣтенный въ этомъ первомъ путешествіи, а также и научно-зоологическая подготовка, достигнутая благодаря разработкѣ уссурійскаго матеріала подъ руководствомъ извѣстнаго, также безвременно погибшаго, Николая Алексѣевича Сѣверцова, были причиной еще болѣе плодотворныхъ результатовъ. Изъ слѣдующей безпримѣрной экспедиціи на Желтую рѣку, Куку-Норъ и въ Тибетъ Пржевальскій привезъ, сверхъ богатой орнитологической, еще и огромную коллекцію млекопитающихъ; холоднокровныя-же позвоночныя животныя, которыхъ Николай Михайловичъ зналъ мало, доставлены были имъ въ незначительномъ количествѣ. Но когда научная обработка этихъ послѣднихъ специалистами показала, сколько новаго и интереснаго представляютъ пресмыкающіяся, земноводныя и рыбы Центральной Азіи, Николай Михайловичъ сталъ не менѣе усердно собирать и ихъ. Такимъ образомъ составился «тотъ колоссальный, несравненный матеріалъ по позвоночнымъ животнымъ Центральной Азіи, который Николай Михайловичъ пожертвовалъ Академіи Наукъ и который, по всей справедливости, составляетъ гордость академическаго музея. Дѣйствительно матеріалъ этотъ не имѣетъ себѣ равнаго, да навѣрно и долго еще не будетъ имѣть» *).

*) Акад. А. А. Штраухъ. Рѣчь произнесенная предъ чрезвычайнымъ собраніемъ И. Р. Географическаго Общ. 9 ноября 1888 г., см. «Памяти Пржевальскаго» И. Р. Г. О.

Караванъ яковъ въ Тибетѣ.

Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью заносилъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ біологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неоцѣнимой важности, касающіяся жизни центрально-азіатскихъ животныхъ; никакое одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ,— все это блѣднѣетъ предъ тою научной цѣнностью, которую покойный съумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соотвѣтствующую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи.

Изученіе фауны Азіи подвигалось весьма медленно. Ограничиваясь новѣйшимъ временемъ, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ наиболѣе заслуженныхъ въ этомъ отношеніи лицахъ.

Сѣверцовъ самостоятельно изслѣдовалъ Тянь-Шань и Памиръ, Шренкъ и Радде—Амуръ и Забайкалье; богатыя коллекціи миссіонера Давида, обработанныя частью Мильнъ-Эдвардсомъ, пролили свѣтъ на животное населеніе самыхъ восточныхъ окраинъ Тибета; Годжсонъ и нѣкоторые другіе англійскіе изслѣдователи познакомили насъ съ Непаломъ и сопредѣльными странами, а Яркендская экспедиція—съ Восточнымъ Туркестаномъ. Такъ исподволь составилось болѣе или менѣе сплошное кольцо хорошо изслѣдованныхъ областей, — кольцо, охватывавшее полнѣйшую terra incognita.

Главное значеніе матеріаловъ Н. М. Пржевальскаго и заключается въ изслѣдованіи этой terra incognita по отношенію ко всѣмъ отдѣламъ ея фауны позвоночныхъ; «безъ преувеличенія говоря,—замѣчаетъ Штраухъ,—эта фауна теперь намъ лучше извѣстна, чѣмъ фауна многихъ гораздо болѣе доступныхъ и даже культурныхъ странъ». Н. М. Пржевальскій заполнилъ пробѣлъ среди изслѣдованныхъ ранѣе областей и далъ возможность тѣснѣе связать прежде разрозненныя свѣдѣнія.

Коллекція млекопитающихъ, состоящая изъ 700 экземпляровъ шкуръ (въ томъ числѣ многихъ очень крупныхъ звѣрей) и многочисленныхъ остеологическихъ препаратовъ, даетъ чрезвычайно полную картину фауны млекопитающихъ Центральной Азіи. Вся эта площадь, несомнѣнно, принадлежитъ къ палеарктической области на слѣдующихъ основаніяхъ: она однообразна, характеризуется сравнительно небольшимъ числомъ видовъ, но часто весьма значительнымъ количествомъ особей; она главнымъ образомъ коренная и лишь въ небольшой мѣрѣ представляется пришельцами изъ другихъ областей. Многіе роды млекопитаю-

Видъ тибетскаго кочевья.

(По срединѣ здоровающіеся тибетцы.

щихъ Центральной Азіи (сурки, пищухи, лошади, верблюды, нѣкоторыя антилопы) очевидно, находятся здѣсь въ своемъ центрѣ созданія.

Преслѣдуя главную цѣль—общую характеристику фауны той или другой области, Пржевальскій не упускалъ случая подробнаго изученія отдѣльныхъ представителей животнаго царства. Результатомъ его изслѣдованій такимъ образомъ явился цѣлый рядъ зоологическихъ монографій о наиболѣе интересныхъ животныхъ Центральной Азіи

Изъ такихъ животныхъ назовемъ слѣдующихъ главнѣйшихъ:

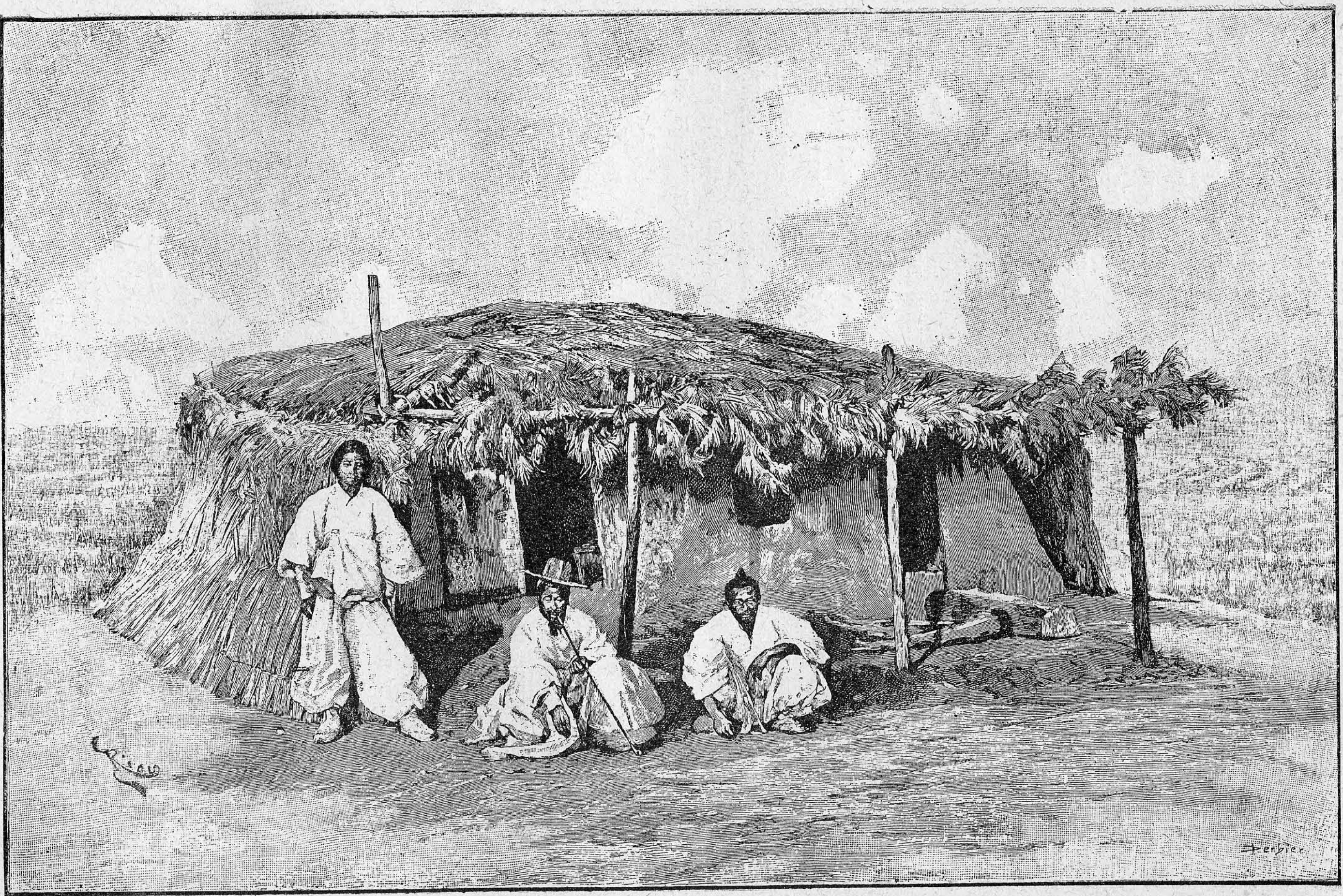
1. Верблюдъ.

Самымъ характернымъ и самымъ замѣчательнымъ животнымъ Средней Азіи, и въ частности Монголіи, является верблюдъ. Монголіи свойственъ исключительно *двугорбый верблюдъ* (Camelus Bactrianus); одногорбый его собратъ, обыкновенный въ Туркестанскихъ степяхъ, здѣсь вовсе неизвѣстенъ. Монголы называютъ свое любимое животное общимъ именемъ «*Тылмэ*»; самецъ называется—*Бурунъ*, меринъ—*Атанъ*, а самка—*Инга*. Наружные признаки хорошаго верблюда составляютъ: плотное сложеніе, широкія лапы, широкій, не срѣзанный косо задъ и высокіе, прямо стоячіе горбы, съ большимъ промежуткомъ между собою. Первыя три качества рекомендуютъ силу животнаго, послѣднее, т. е. прямо-стоячіе большіе горбы, свидѣтельствуютъ еще, что верблюдъ жиренъ и, слѣдовательно, долго можетъ выносить всѣ невзгоды караваннаго путешествія въ пустынѣ.

Наилучшіе верблюды разводятся въ Халхѣ; здѣсь они велики ростомъ, сильны, выносливы. Въ Ала-шанѣ и на Куку-норѣ верблюды гораздо меньше ростомъ и менѣе сильны; сверхъ того, на Куку-норѣ они имѣютъ болѣе короткую тупую морду, а въ Ала-шанѣ болѣе темную шерсть. Такъ какъ эти признаки, по мнѣнію Пржевальскаго, сохраняются постоянно, то весьма вѣроятно, что верблюды южной Монголіи составляютъ особую породу, отличную отъ сѣверной.

Степь или пустыня, съ своимъ безграничнымъ просторомъ, составляютъ коренное мѣстожительство верблюда: здѣсь онъ чувствуетъ себя вполнѣ счастливымъ, подобно своему хозяину—монголу. Тотъ и другой избѣгаютъ осѣдлой жизни, какъ величайшаго врага, и верблюдъ до того любитъ широкую свободу, что, поставленный въ загонъ, хотя-бы на самую лучшую пищу, онъ быстро худѣетъ и, наконецъ, издыхаетъ.

«Вообще верблюдъ весьма своеобразное животное. Относительно неразборчивости пищи и умѣренности онъ можетъ служить образцомъ, но это только въ пустынѣ. На хорошихъ пастбищахъ, съ хорошею луговою травою, онъ, вмѣсто того, чтобы отъѣдаться и жирѣть, быстро худѣетъ. Это мы испытали, когда пришли съ своими верблюдами на превосходные альпійскіе луга горъ Ганъ-су; то-же самое говорили намъ кяхтинскіе купцы, пробовавшіе было завести собственныхъ верблюдовъ для перевозки чая. Въ томъ и въ другомъ случаѣ вер-

Хижина бѣдныхъ Корейцевъ.

блюды портились, будучи лишенными пищи, которую они имѣли въ пустынѣ. Здѣсь любимыми кушаньями этого животнаго служатъ: лукъ и бударгана (Kalidium gracile), далѣе слѣдуетъ дырисунъ, низкая полынь, закъ или саксаулъ (Haloxylon sp.) и хармыкъ (Nitraria Shoberi), въ особенности когда поспѣютъ его сладко-соленыя ягоды. Вообще соль безусловно необходима для верблюдовъ, и они съ величайшимъ удовольствіемъ ѣдятъ бѣлый соляной налетъ или такъ называемый *гуджиръ*, обильно покрывающій всѣ солончаки и часто выступающій изъ почвы, даже на травяныхъ степяхъ Монголіи. При отсутствіи гуджира верблюды ѣдятъ, хотя съ меньшею для себя пользою, чистую соль, которую имъ необходимо давать раза два или три въ мѣсяцъ. Въ случаѣ если описываемыя животныя долго не имѣли соли, они начинаютъ худѣть, хотя-бы пища была въ изобиліи. Тогда верблюды часто берутъ въ ротъ и жуютъ бѣлые камни, принимая ихъ за куски соли».

Вообще въ пищѣ верблюдъ до крайности неприхотливъ; многіе изъ нихъ ѣдятъ рѣшительно все: старыя побѣлѣвшія кости, собственныя сѣдла, набитыя соломою, ремни, кожу и т. п. У экспедиціонныхъ казаковъ Николая Михайловича верблюды однажды съѣли рукавицы и кожаное сѣдло, а монголы увѣряли его, что ихъ караванные верблюды, долго голодавшіе, съѣли тихомолкомъ старую палатку своихъ хозяевъ. Нѣкоторые верблюды ѣдятъ даже мясо и рыбу. У Пржевальскаго были такіе экземпляры, которые воровали у него повѣшенную для просушки говядину. Одинъ изъ этихъ обжоръ подбиралъ даже ободранныхъ на чучела птицъ, воровалъ сушеную рыбу и доѣдалъ остатки собачьяго супа.

На пастбищѣ верблюды наѣдаются вообще скоро, часа въ два, три, а затѣмъ или ложатся отдыхать, или бродятъ по степи. Безъ пищи монгольскій верблюдъ можетъ пробыть дней восемь или десять, а безъ питья осенью и весною дней семь; лѣтомъ-же, въ жары, верблюдъ едва-ли можетъ выдержать безъ воды болѣе трехъ или четырехъ сутокъ. Впрочемъ, способность быть больше или меньше безъ пищи и питья зависитъ отъ личныхъ качествъ животнаго; чѣмъ моложе оно и жирнѣе, тѣмъ, конечно, выносливѣе. Лѣтомъ слѣдуетъ поить каждый день, а осенью и весною можно давать воду черезъ день, или два, безъ всякой порчи животнаго. Зимою верблюды довольствуются снѣгомъ и ихъ никогда не поятъ.

Нравственныя качества верблюда,—говоритъ Пржевальскій,—стоятъ на весьма низкой степени; это животное глупое и въ высшей степени трусливое. Иногда достаточно выскочить изъ подъ ногъ зайцу, и цѣлый караванъ бросается въ сторону, словно Богъ знаетъ отъ какой опасности. Большой черный камень, или куча костей часто также наводятъ не малое смущеніе на описываемыхъ животныхъ. Свалившееся сѣдло, или вьюкъ, до того пугаютъ верблюда, что онъ, какъ сумасшедшій, бѣжитъ, куда глаза глядятъ, а за нимъ часто слѣдуютъ и остальные товарищи. При нападеніи волка, верблюдъ не думаетъ о защитѣ, хотя однимъ ударомъ лапы могъ-бы убить своего врага; онъ только плюетъ на него

Монгольскій караванъ близъ русской границы.

Монгольскій караванъ близъ русской границы.

и кричитъ во все горло. Даже вороны и сороки обижаютъ глупое животное. Они садятся ему на спину и расклевываютъ ссадины отъ сѣдла, а иногда прямо клюютъ горбы; верблюдъ и въ этомъ случаѣ только кричитъ да плюетъ. Плеваніе всегда производится пережеванною пищею, и составляетъ признакъ раздраженнаго состоянія животнаго. Кромѣ того, разсерженный верблюдъ бьетъ лапою въ землю и загибаетъ крючкомъ свой безобразный хвостъ.

Впрочемъ, злость не въ характерѣ этого животнаго, вѣроятно потому, что оно ко всему на свѣтѣ относится апатично. Молодой верблюженокъ, въ первые дни своего существованія, самое безпомощное животное, такъ что его даже подкладываютъ къ матери для сосанія молока. Затѣмъ, когда новорожденный начнетъ ходить, онъ вездѣ слѣдуетъ за матерью, которая горячо любитъ свое дѣтище и, разлучившись съ нимъ, тотчасъ начинаетъ глухо, но громко ревѣть.

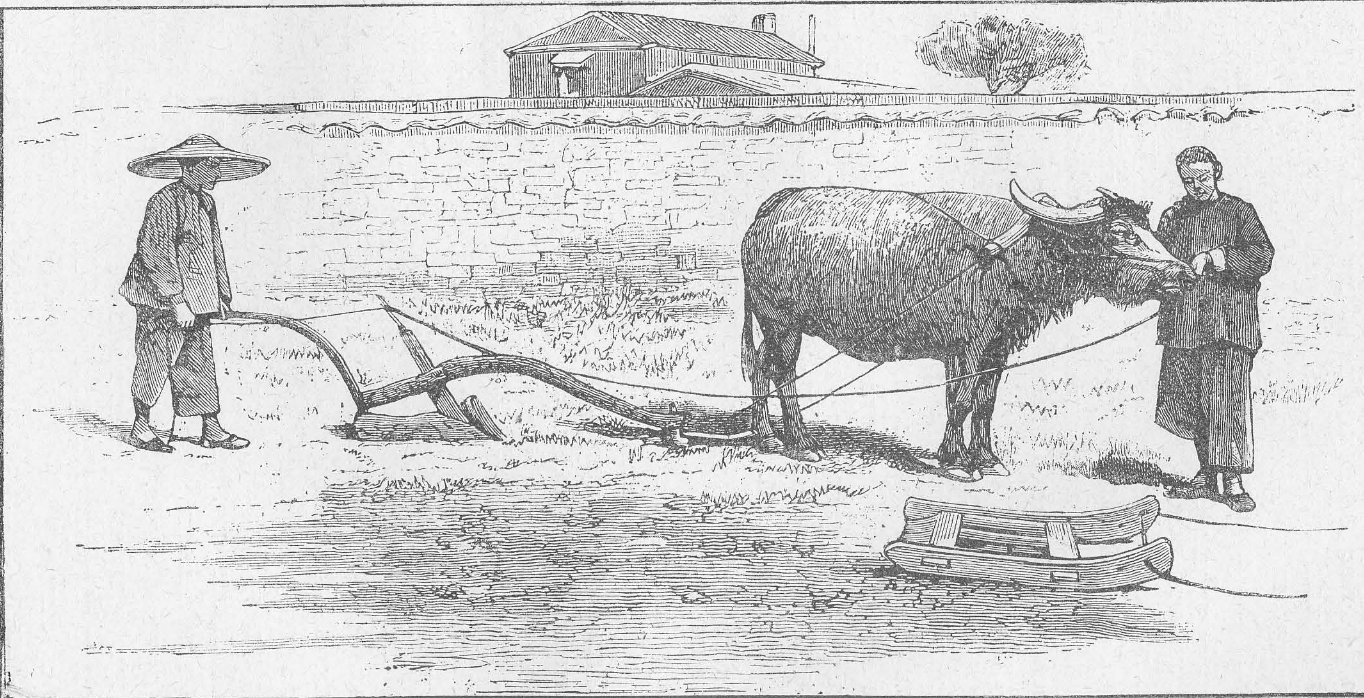
Недолго продолжается свободная жизнь новорожденнаго верблюда. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его начинаютъ привязывать возлѣ юрты, чтобы отдѣлить отъ матери, которую монголы сами доятъ, какъ корову. На второмъ году верблюженку протыкаютъ носъ и вкладываютъ туда небольшую деревянную палочку, за которую впослѣдствіи привязывается веревка (бурундукъ), служащая вмѣсто узды. Далѣе, его пріучаютъ по командѣ ложиться, для чего монголы обыкновенно дергаютъ за бурундукъ, приговаривая: сокъ, сокъ, сокъ... Черезъ два года послѣ рожденія верблюда уже берутъ съ караваномъ, чтобы пріучить къ путешествію по пустынѣ; въ три года на немъ начинаютъ ѣздить верхомъ; въ четыре вьючатъ небольшимъ вьюкомъ, а въ пять лѣтъ животное уже вполнѣ готово для работы.

Подъ вьюкомъ верблюдъ можетъ ходить до глубокой старости, т. е. лѣтъ до двадцати пяти, а иногда и болѣе; лучшимъ временемъ считается періодъ отъ пяти до пятнадцати лѣтъ. Живетъ верблюдъ болѣе тридцати лѣтъ, а при хорошихъ условіяхъ даже до сорока.

Для перевозки тяжестей верблюда предварительно сѣдлаютъ, а затѣмъ уже кладутъ на него вьюкъ.

Осенью, передъ отправленіемъ въ караванъ, монголы предварительно выдерживаютъ безъ пищи своихъ, откормившихся лѣтомъ, верблюдовъ въ теченіе десяти и болѣе дней. Все это время верблюды стоятъ возлѣ юрты, привязанные за бурундуки къ длинной веревкѣ, протянутой по землѣ и прикрѣпленной къ кольямъ, вбитымъ въ почву. Пищи имъ не даютъ никакой и только, черезъ два дня въ третій, водятъ на водопой. Подобное постничество передъ работою необходимо для верблюда, у котораго черезъ это, по словамъ монголовъ, опадаетъ брюхо и дѣлается прочнѣе запасенный лѣтомъ жиръ.

Средняя величина вьюка, который можетъ нести верблюдъ безъ отягощенія, равняется двѣнадцати пудамъ. Столько обыкновенно кладутъ въ чайныхъ караванахъ, гдѣ на каждое животное вьючатъ четыре ящика чаю, каждый вѣсомъ въ три пуда. Нелегченые самцы (буруны) могутъ поднимать пятнадцать пу-

Корейскіе земледѣльцы.

довъ, и имъ прибавляется пятый ящикъ чаю. Впрочемъ, количество буруновъ у монголовъ не велико; ихъ держатъ только для приплода. Ко вьючной-же ѣздѣ они менѣе пригодны, чѣмъ атаны, или даже самки, такъ какъ въ періодъ течки дѣлаются очень злы и безпокойны.

Кромѣ вѣса вьюка важенъ и его объемъ. Слишкомъ громоздкій вьюкъ неудобенъ, такъ какъ вѣтеръ, напирая на него, мѣшаетъ свободно идти животному равно и слишкомъ тяжелая, при маломъ объемѣ, кладь скоро портитъ спину верблюда, такъ какъ давленіе въ этомъ случаѣ производится только на небольшую поверхность сѣдла. Монголы, при перевозкѣ серебра, никогда не вьючатъ болѣе семи пудовъ на того-же самаго верблюда, на котораго свободно кладутъ двѣнадцать пудовъ чаю. Съ такимъ вьюкомъ верблюдъ легко проходитъ верстъ сорокъ въ сутки, и можетъ идти такъ безъ перерыва цѣлый мѣсяцъ. Затѣмъ, отдохнувъ дней десять, или недѣли двѣ, онъ опять готовъ въ подобное путешествіе, и работаетъ такимъ образомъ цѣлую зиму, т. е. мѣсяцевъ шесть или семь. За то къ концу подобнаго сезона верблюдъ страшно худѣетъ, и монголъ отпускаетъ его на цѣлое лѣто въ степь для поправки. Подобный отпускъ крайне необходимъ для описываемаго животнаго, которое, въ противномъ случаѣ, не можетъ прослужить болѣе года, что Николай Михайловичъ неоднократно испытывалъ въ теченіе своихъ странствованій.

На лѣтнемъ кормѣ и на свободѣ верблюдъ снова жирѣетъ къ осени и обростаетъ новою шерстью.

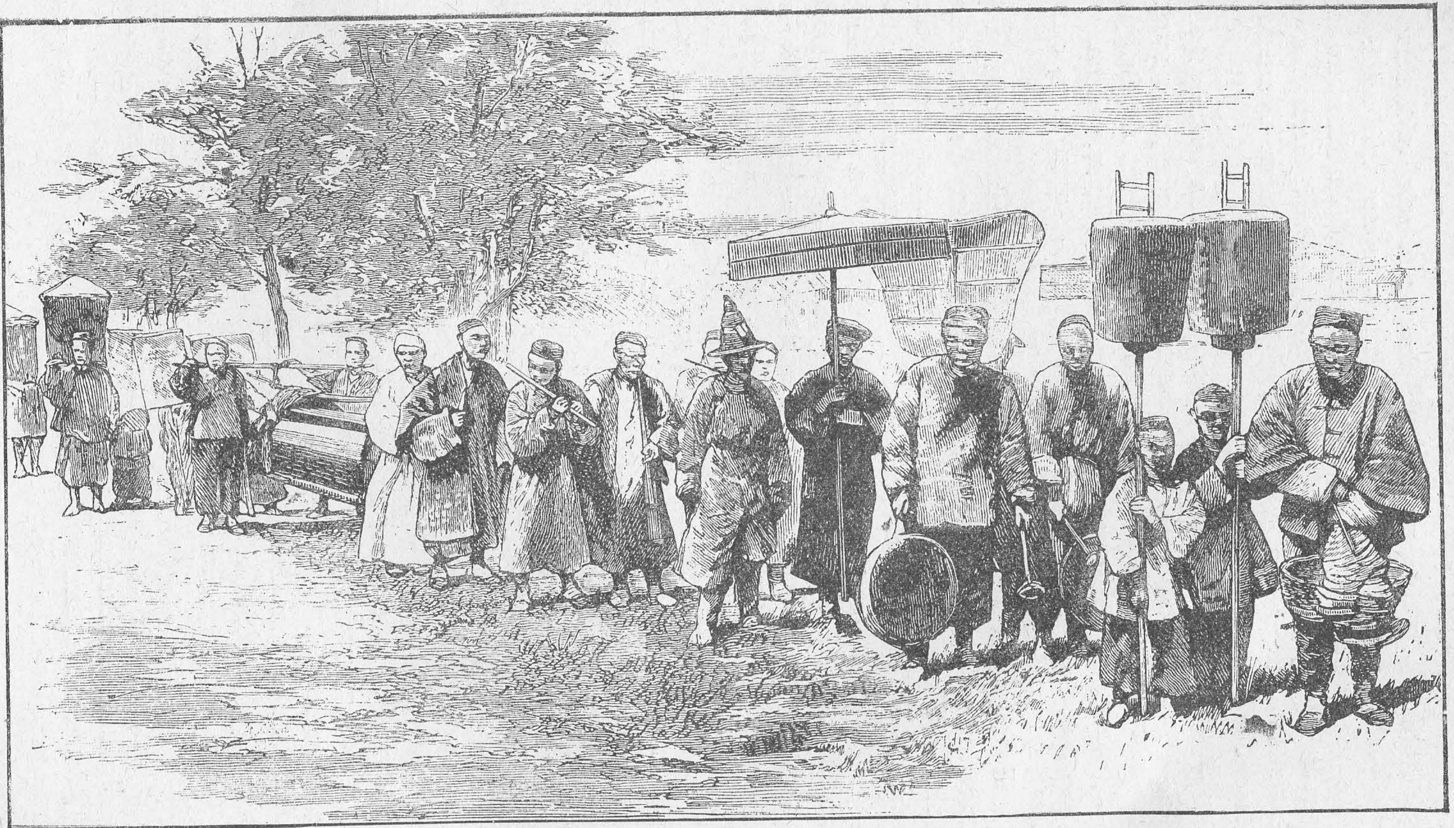
«Во время пути съ караваномъ зимою, верблюдовъ никогда не разсѣдлываютъ и, по приходѣ на мѣсто, тотчасъ-же пускаютъ на покормку; лѣтомъ-же въ жары, ихъ необходимо разсѣдлывать каждый день, иначе вспотѣвшая спина скоро сбивается. Такое разсѣдлываніе лѣтомъ производится не тотчасъ, лишь снимутся вьюки, но спустя часъ или два, пока верблюды немного остынутъ. Тогда ихъ можно пускать и на покормку, или поить, но въ сильный жаръ необходимо покрывать спину войлокомъ иначе солнце такъ нажжетъ это мѣсто, что оно скоро собьется подъ вьюкомъ. Словомъ, лѣтомъ съ верблюдами въ караванѣ множество возни и все-таки невозможно избѣгнуть, чтобы большая часть ихъ не испортилась. Монголы, полные знатоки такого дѣла, ни за какія блага не ходятъ лѣтомъ въ караванѣ на верблюдахъ; мы-же, конечно, преслѣдовали другія цѣли, а потому и портили много своихъ животныхъ.

Верблюдъ чрезвычайно любитъ общество себѣ подобныхъ и въ караванѣ идетъ до послѣднихъ силъ. Если онъ остановился отъ истомленія и легъ, то никакіе побои не заставятъ подняться бѣдное животное, которое приходится бросать на произволъ судьбы. Монголы въ подобныхъ случаяхъ, ѣдутъ въ ближайшую юрту и поручаютъ тамошнимъ хозяевамъ своего уставшаго верблюда, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обыкновенно выхаживается, если только имѣетъ пищу и питье.

Верблюдъ, увязшій въ грязи, также всегда портится и начинаетъ быстро

Погребальная процессія у китайцевъ.

Погребальная процессія у китайцевъ.

худѣть, впрочемъ, такіе случаи бываютъ рѣдки, такъ какъ въ Монголіи вовсе нѣтъ болотъ. Послѣ дождя онъ не можетъ ходить по глинистой почвѣ: скользитъ на своихъ гладкихъ подошвахъ и падаетъ. Однако, съ верблюдами возможно ходить по горамъ, даже самымъ высокимъ, что Пржевальскій блистательно доказалъ своими путешествіями по горамъ Гань-су и по тибетскимъ заоблачнымъ высотамъ.

Лѣтомъ верблюды цѣлый день бродятъ по степи безъ всякаго присмотра и только разъ въ сутки приходятъ къ колодцу своего хозяина для водопоя. Во время-же пути съ караваномъ ихъ укладываютъ на ночь возлѣ палатки, рядомъ одинъ возлѣ другого, и привязываютъ бурундуками ко вьюкамъ, или къ протянутой веревкѣ. Въ сильные холода зимою погонщики-монголы часто сами ложатся между верблюдами, чтобы потеплѣе провести ночь.

Кромѣ переноски вьюковъ, верблюдъ годится для верховой ѣзды и даже можетъ быть запряженъ въ телѣгу. Подъ верхъ верблюда сѣдлаютъ тѣмъ-же сѣдломъ, что и лошадь; затѣмъ садится всадникъ и заставляетъ животное встать. Для слѣзанія обыкновенно кладутъ верблюда, хотя, при поспѣшности, можно и прямо спрыгнуть со стремени. Подъ верхомъ верблюдъ идетъ шагомъ или бѣжитъ рысью; галопомъ или вскачь онъ не пускается. За то рысь у него такова, что его догонитъ развѣ только отличный скаковой конь. Въ сутки на верховомъ верблюдѣ можно сдѣлать верстъ сто, и ѣхать такимъ образомъ на одномъ и томъ-же животномъ цѣлую недѣлю.

Кромѣ пользы, какъ отъ вьючнаго и отъ верхового животнаго, монголы получаютъ отъ верблюда шерсть и молоко. Послѣднее густо, какъ сливки, но сладко и непріятно на вкусъ; масло, приготовляемое изъ этого молока, также далеко хуже коровьяго и много походитъ на перетопленное сало.

Несмотря на свое желѣзное здоровье, верблюдъ, привыкшій жить постоянно въ сухомъ воздухѣ пустыни, чрезвычайно боится сырости. Когда верблюды Пржевальскаго пролежали нѣсколько ночей на сырой почвѣ горъ Гань-су, то всѣ они простудились и начали кашлять, а на тѣлѣ у нихъ стали появляться какіе-то гнойные нарывы.

Изъ болѣзней, которымъ наиболѣе подверженъ верблюдъ, Пржевальскій упоминаетъ: **сапъ**, **сарлунъ**, т. е. болѣзнь почекъ, **хамунъ**, т. е. чесотка и **хаса**—опухоль ногъ.

На долю Николая Михайловича выпало счастье отыскать и впервые описать **дикаго верблюда**.

О существованіи этого интереснаго животнаго въ пустыняхъ Центральной Азіи было извѣстно еще со временъ Марко Поло, который упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ, извѣстія объ немъ встрѣчаются также въ китайскихъ источникахъ.

Изъ новѣйшихъ изслѣдованій о дикомъ верблюдѣ упоминаетъ Шау, Форзейтъ, Беллю, Эліасъ, Пѣвцовъ и нѣкоторые другіе, а изъ болѣе раннихъ—Дюгальдъ и знаменитый Палласъ.

Корейцы.

Корейцы.

Однако, до Николая Михайловича ни одному изъ европейскихъ изслѣдователей не удавалось видѣть дикаго верблюда, и всѣ свѣдѣнія объ этомъ интересномъ животномъ были крайне неопредѣленны; даже самое существованіе дикихъ верблюдовъ считалось болѣе или менѣе сомнительнымъ, такъ какъ многіе натуралисты, въ томъ числѣ и знаменитый Кювье, полагали, что верблюды, живущіе по слухамъ на свободѣ въ нѣкоторыхъ странахъ Средней Азіи, не дикіе въ полномъ смыслѣ слова, а одичавшіе, т. е. ушедшіе отъ своихъ хозяевъ-монголовъ.

Какъ уже раньше указано, Пржевальскій во вторую свою экспедицію предпринялъ большую экскурсію къ югу отъ Лобъ-нора со спеціальною цѣлью разрѣшить вопросъ о дикихъ верблюдахъ.

Цѣль эта была тогда же вполнѣ достигнута, такъ какъ Пржевальскому удалось наблюдать этихъ животныхъ на свободѣ и достать экземпляры для анатомическаго изслѣдованія. Въ результатѣ оказалось, что добытый экземпляръ незначительно разнится отъ домашнихъ верблюдовъ; отличіе заключается главнымъ образомъ въ малой величинѣ горбовъ и въ присутствіи мозолей на копытахъ переднихъ ногъ у дикихъ экземпляровъ. Однако на основаніи изслѣдованія добытыхъ экземпляровъ и череповъ, Пржевальскій высказалъ мнѣніе, что верблюды это—дикія животныя. Мнѣніе это подтверждено было И. С. Поляковымъ, который далъ спеціальное зоологическое описаніе дикаго верблюда.

2. Лошадь.

Еще большую важность для науки имѣлъ также разрѣшенный Пржевальскимъ вопросъ о дикой лошади. Экземпляръ, добытый Николаемъ Михайловичемъ въ третью экспедицію и описанный тѣмъ-же И. С. Поляковымъ подъ именемъ equus Przewalskii, представляетъ необычайную научную цѣнность и является гордостью нашего академическаго музея.

Дикая лошадь хотя и представляетъ нѣкоторые, даже значительные признаки, свойственные осламъ, но по общности другихъ, болѣе важныхъ, зоологическихъ отличій, весьма приближается къ домашней лошади и въ зоологической системѣ должна быть поставлена рядомъ съ этою послѣднею. Такимъ образомъ, новооткрытый видъ представляетъ, по изслѣдованію г. Полякова *), промежуточную форму между осломъ и лошадью домашнею; быть можетъ, и весьма даже вѣроятно, онъ представляетъ уцѣлѣвшаго еще родоначальника нѣкоторыхъ породъ домашней лошади, много уклонившейся отъ первоначальнаго типа, подъ вліяніемъ давнишняго прирученія человѣкомъ.

По своей наружности Equus Przewalskii роста небольшого. Голова, срав-

*) См. „Извѣстія Имп. Рус. Географ. Общества“, 1881 г. т. XVIII, вып. I; изд. также и отдѣльною брошюрою.

нительно, велика, съ ушами болѣе короткими, нежели у ословъ; грива короткая, прямо стоячая, темнобураго цвѣта, безъ челки; спинного ремня нѣтъ. Хвостъ на верхней половинѣ мохнатый, но безъ длинныхъ волосъ и только въ нижней своей половинѣ покрытъ черными, длинными, какъ у лошадей, волосами. Цвѣтъ туловища чалый, на нижнихъ частяхъ тѣла почти бѣлый; голова рыжеватая; конецъ морды бѣлый. Шерсть (зимняя) довольно длинная, слегка волнистая. Ноги сравнительно толстыя; переднія—снаружи, въ верхней половинѣ, бѣловатыя, надъ колѣнями рыжеватыя, далѣе внизъ черноватыя и возлѣ копытъ черныя; заднія—бѣловатыя, возлѣ копытъ также черныя; копыта круглыя и довольно широкія.

Новооткрытая лошадь, называемая киргизами *кэртагъ*, а монголами *таге*, обитаетъ лишь въ самыхъ дикихъ частяхъ Чжунгарской пустыни. Здѣсь кэртаги держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися подъ присмотромъ опытнаго стараго жеребца. Вѣроятно, такія стада состоятъ исключительно изъ самокъ, принадлежащихъ предводительствующему самцу. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны, притомъ одарены превосходнымъ обоняніемъ, слухомъ и зрѣніемъ. Встрѣчаются довольно рѣдко; да притомъ, какъ сказано выше, держатся въ самыхъ дикихъ частяхъ пустыни, откуда посѣщаютъ водопои. Впрочемъ, описываемыя животныя, какъ и другіе звѣри пустыни, вѣроятно, надолго могутъ оставаться безъ воды, довольствуясь сочными солончаковыми растеніями.

За исключеніемъ Чжунгаріи, кэртагъ нигдѣ болѣе не водится. Такимъ образомъ, прежній обширный, какъ показываютъ палеонтологическія изысканія, районъ распространенія дикой лошади въ Европѣ и Азіи, нынѣ ограниченъ лишь небольшимъ уголкомъ центрально-азіатской пустыни. Въ другихъ ея частяхъ, по утвержденію Пржевальскаго, дикихъ лошадей нѣтъ. Разсказы монголовъ, слышанные имъ въ Ала-шанѣ, еще во время перваго (1870—73 гг.) путешествія въ центральной Азіи, о стадахъ дикихъ лошадей на Лобъ-норѣ, при провѣркѣ оказались выдумкою.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пржевальскій съ точностью опредѣляетъ районъ нынѣшняго распространенія дикаго верблюда. Область эта весьма обширна и заключаетъ: пустыню нижняго Тарима, Лобъ-норскую, Хамійскую и Чжунгарскую; кромѣ того, дикая лошадь встрѣчается также на Тибетскомъ нагорьи: въ сѣверо-западномъ Цайдамѣ, въ Сыртынской равнинѣ и въ окрестностяхъ оз. Хайтунъ-нора.

Изъ породъ домашнихъ лошадей Пржевальскій описываетъ монгольскую, туркестанскую, тибетскую и нѣкоторыя др. Возьмемъ для примѣра характеристику послѣдней породы.

Лошади тибетскія небольшого роста, съ грубыми статьями и длинною шерстью но весьма сильныя и выносливыя, нрава смирнаго. Онѣ довольствуются самымъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, а взамѣнъ зернового хлѣба ѣдятъ чуру, и даже сырое мясо. Родившись и выросши на громадной абсолютной высотѣ, тибетскія лошади не чувствуютъ усталости въ разряженномъ воздухѣ даже на перевалахъ черезъ огромные хребты, и съ сѣдокомъ на спинѣ быстро карабкаются по горнымъ скатамъ.

Къ такому лазанью примѣнены ступковидныя копыта этихъ лошадей, не знающія подковъ.

Замѣчательна баснословная выносливость этихъ лошадей, какъ и другихъ степныхъ породъ.

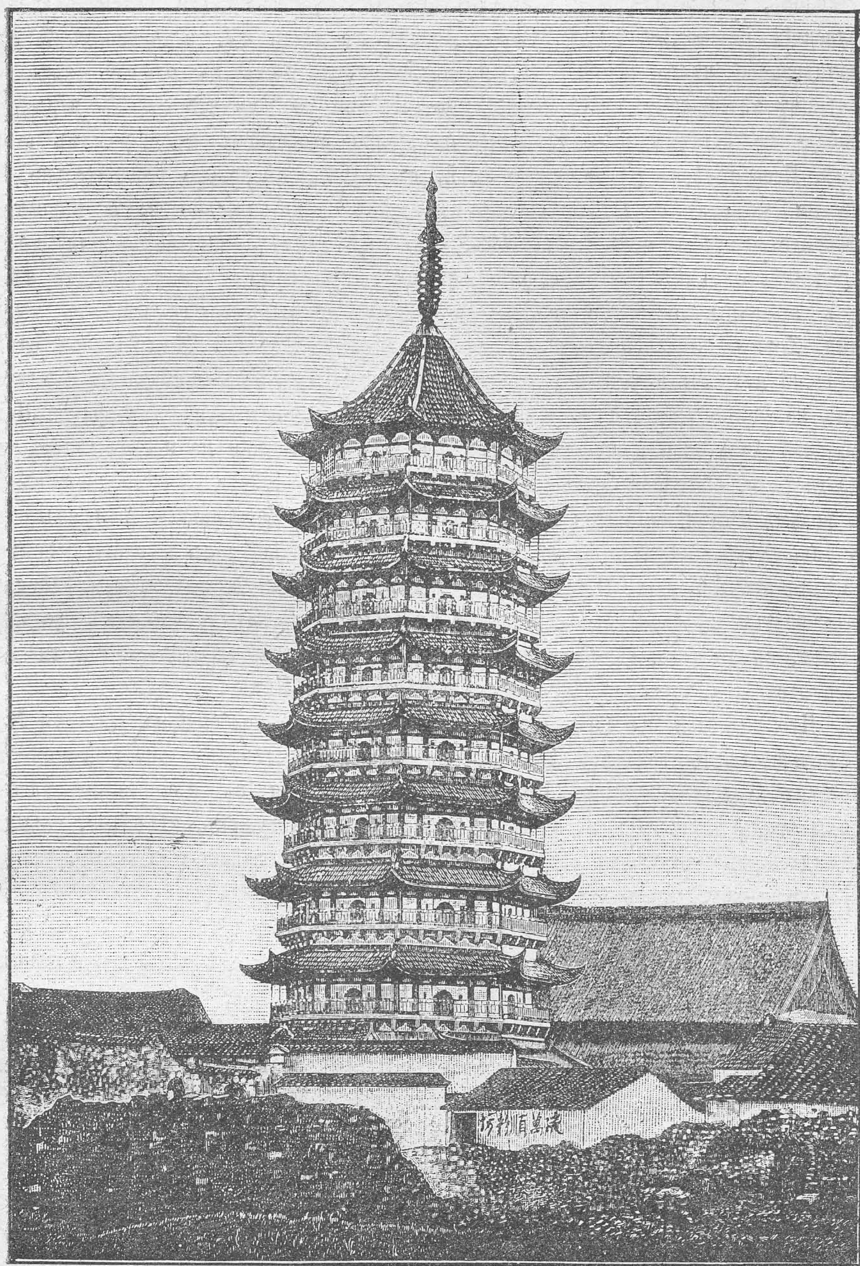
Цѣлыя тысячи верстъ идутъ онѣ на самомъ скудномъ кормѣ, при страшной жарѣ или, наоборотъ, на 40 градусномъ морозѣ, по каменистой, усыпанной щебнемъ почвѣ, иногда вынося продолжительную жажду—и все-таки остаются бодрыми и даже не выглядятъ похудавшими. Пржевальскій приводитъ въ примѣръ одну изъ бывшихъ у него лошадей, которая сходила вмѣстѣ съ нимъ отъ Кульджи на Лобъ-норъ, затѣмъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго отдыха, прошла отъ Кульджи по Чжунгаріи до Гучена и обратно въ Зайсанскъ—т. е. сдѣлала такимъ образомъ подъ верхомъ по пустынямъ четыре тысячи верстъ и при томъ почти не устала. Лошадь, подаренная Николаю Михайловичу Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, прослужила ему на пути отъ Курла до Кульджи, отсюда свезла его до Гучена и обратно въ Зайсанскъ; оставленная здѣсь при внезапномъ прекращеніи экспедиціи, она цѣлый годъ прослужила казаку; затѣмъ снова повезла Николая Михайловича въ Тибетъ (3-я эксп.) и только на обратномъ пути устала и промѣнена была цайдамскимъ монголамъ.

Переходя къ орнитологическимъ коллекціямъ, мы упомянемъ прежде всего, что наиболѣе новые и блестящіе результаты доставила Николаю Михайловичу первая его экспедиція въ Монголію и страну тангутовъ, изъ которой онъ привезъ до 20 новыхъ видовъ; послѣдующія путешествія скорѣе должны считаться дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ перваго; несмотря на громадный сборъ (до 4,000 экземпляровъ), они доставили всего лишь около 10 новыхъ видовъ.

Но это нисколько не умаляетъ громаднаго значенія разсматриваемаго сбора для выясненія состава фауны совершенно неизслѣдованной ранѣе области.

Явленія перелета птицъ постоянно останавливали на себѣ особенное вниманіе Пржевальскаго. На озерѣ Ханка, на Далай-Норѣ, въ Гань-Су, на Куку-Норѣ, на Лобъ-Норѣ—всюду онъ съ ружьемъ въ рукахъ торопился на встрѣчу пролетнымъ стаямъ; и труды его не пропали даромъ. Ему удалось не только прослѣдить пролетные пути птицъ въ разныхъ частяхъ Нагорной Азіи, но и выяснить весьма интересный и до тѣхъ поръ загадочный вопросъ объ отношеніи пролетныхъ птицъ къ негостепріимной и безводной центрально-азіатской пустынѣ.

Изъ классовъ пресмыкающихся и земноводныхъ Пржевальскій собралъ весьма большое число—болѣе 1,200 экземпляровъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ къ очень немногимъ, приблизительно къ 50, видамъ, что вполнѣ объясняется географическимъ положеніемъ изслѣдованныхъ имъ областей: какъ извѣстно, представители этихъ двухъ классовъ водятся преимущественно въ тропическихъ странахъ и число видовъ постоянно уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ тропиковъ къ полюсамъ.

Китайская пагода.

Въ привезенномъ матеріалѣ преобладаютъ очень замѣтно ящерицы по числу и видовъ, и экземпляровъ; такъ изъ 1,076 пресмыкающихся разсматриваемой коллекціи не менѣе 1,022 ящерицъ, змѣй же всего 47, а черепахъ 7. Незначительное число послѣднихъ, принадлежащихъ лишь къ одному, давно извѣстному китайскому виду, вполнѣ естественно, потому что отрядъ черепахъ, вообще не богатый видами, преимущественно свойственъ тропическимъ странамъ. Несоразмѣрно малое число змѣй, напротивъ, нѣсколько поразительно, едва-ли можетъ считаться соотвѣтствующимъ дѣйствительности, а вѣроятно, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что змѣи отличаются болѣе или менѣе скрытнымъ образомъ жизни и, слѣдовательно, ихъ нужно искать, между тѣмъ какъ ящерицы, особенно пустынныя формы, днемъ повсюду бѣгаютъ тысячами. Хотя такимъ образомъ эта часть коллекцій Николая Михайловича относительно полноты и уступаетъ нѣсколько коллекціямъ млекопитающихъ и птицъ, тѣмъ не менѣе уже теперь можно сказать, что эрпетологическая фауна Центральной Азіи носитъ вполнѣ палеарктическій характеръ и не представляетъ ни одного рода, ей одной свойственнаго. Большинство ящерицъ принадлежитъ къ къ родамъ Phrynocephalus и Eremias, которые въ Центральной Азіи являются въ такомъ разнообразіи формъ, что, по всему вѣроятію, тутъ находится центръ созданія этихъ родовъ. Остальныя ящерицы, также какъ и всѣ змѣи, принадлежатъ частью къ европейско-азіатскимъ, частью къ космополитическимъ родамъ, а змѣи, кромѣ того, еще къ видамъ, распространеннымъ въ азіатской части нашего отечества, кромѣ двухъ формъ, свойственныхъ Китаю.

Что касается земноводныхъ, то, судя по коллекціямъ Николая Михайловича, въ Центральной Азіи водятся только представители двухъ космополитическихъ родовъ лягушекъ (Rana) и жабъ (Bufo), и привезенные имъ экземпляры этихъ двухъ родовъ, за исключеніемъ двухъ лягушекъ, вѣроятно, новыхъ, принадлежатъ частью къ самымъ обыкновеннымъ европейско-азіатскимъ, частью къ амурско-китайскимъ видамъ.

Большой интересъ представляетъ коллекція рыбъ (800 экз., 75 видовъ), главнымъ образомъ собранная въ Нагорной Азіи, въ системѣ тѣхъ непрерывныхъ высотъ, которыя включаютъ Тянь-Шань, Памиръ, Гималай, Тибетъ, Цайдамъ и горныя массы въ верховьяхъ большихъ китайскихъ рѣкъ (Желтой и Голубой).

Въ этихъ высотахъ лежатъ истоки громадныхъ рѣкъ Туркестана, Индіи, Индо-Китая и Китая; рѣкъ, въ главномъ своемъ теченіи населенныхъ болѣе или менѣе богатыми и болѣе или менѣе отличными другъ отъ друга фаунами.

Полный контрастъ представляютъ намъ воды Высокой Азіи, какъ входящія въ систему названныхъ истоковъ, такъ и внутреннія, лишенныя стока. Здѣсь, на громадномъ протяженіи отъ запада къ востоку, мы встрѣчаемъ весьма однообразную и, сравнительно съ фаунами упомянутыхъ рѣкъ, весьма бѣдную фауну, включающую всего 4 рода горныхъ усачей (Schizothorax, Schizopygopsis, Diptychus и Aspiorhynchus) и одну группу болѣе или менѣе сродныхъ между собою видовъ

рода Nemachilus. Однообразіе это простирается до того, что большинство упомянутыхъ родовъ представлено нѣкоторымъ числомъ тожественныхъ или весьма близкихъ другъ къ другу видовъ на крайнихъ западныхъ и восточныхъ предѣлахъ Нагорной Азіи. Хотя большинство этихъ нагорно-азіатскихъ родовъ было еще ранѣе извѣстно (благодаря экспедиціямъ Сѣверцова, Федченки, Столички и др.) изъ западныхъ предѣловъ разсматриваемой области, но Николаю Михайловичу принадлежитъ заслуга открытія значительнаго большинства формъ, принадлежащихъ къ названнымъ родамъ. Теперь, главнымъ образомъ на основаніи результатовъ его сбора, отношеніе нагорно-азіатской фауны къ окраиннымъ, Туркестанской, Индійской и другимъ, выше уже названнымъ, представляется чрезвычайно аналогичнымъ отношеніямъ прибрежныхъ морскихъ фаунъ, такъ различныхъ въ различныхъ частяхъ, береговой линіи континентовъ къ однообразной и несравненно болѣе бѣдной глубоководной фаунѣ, распространяющейся на громадныя протяженія океаническихъ глубинъ.

Научная разработка зоологическихъ коллекцій Пржевальскаго исполнена извѣстными русскими спеціалистами. Трудъ этотъ составляетъ 3 тома in 4°: 1-й—млекопитающія, 2-й—птицы и 3-й—холоднокровныя позвоночныя.

Первый томъ обработанъ Евгеніемъ Александровичемъ Бахнеромъ. Птицъ Николай Михайловичъ предполагалъ описать самъ, какъ это онъ сдѣлалъ при обработкѣ матеріаловъ 1-го путешествія («Монголія и страна тангутовъ», т. II); но при смерти онъ завѣщалъ эту работу Ѳедору Дмитріевичу Плеске.

Пресмыкающихся и земноводныхъ описаны акад. Штраухомъ, рыбы—С. М. Герценштейномъ, а отчасти К. Ѳ. Кесслеромъ (коллекція 1-го путеш.: «Монголія страна тангутовъ» т. II и въ академическомъ бюллетенѣ).

IV. Результаты ботаническихъ изслѣдованій Н. М. Пржевальскаго *).

Ботаникомъ-любителемъ Николай Михайловичъ былъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ; всегда собираніе цвѣтовъ и растеній составляло его любимую забаву. Затѣмъ, какъ уже извѣстно читателю, особенное увлеченіе къ коллектированію растеній у него проявилось въ бытность юнкеромъ и армейскимъ офицеромъ, когда онъ составилъ довольно объемистый гербарій изъ представителей флоры родной Смоленской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ. Но это было, конечно, не болѣе какъ подготовка. Серьезнымъ изслѣдователемъ-натуралистомъ Николай Михайловичъ выступилъ лишь въ Уссурійскомъ краѣ.

Сборъ своего Уссурійскаго путешествія Пржевальскій передалъ въ Императорскій ботаническій садъ, съ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы растенія были немедленно опредѣлены, а списокъ ихъ сообщенъ ему.

---

*) См. рѣчь акад. К. И. Максимовича въ засѣданіи И. Р. Г. О. 9 ноября 1888 г.

Даръ Николая Михайловича, конечно, былъ принятъ съ благодарностью, а требуемый имъ списокъ изготовленъ въ самый короткій срокъ, такъ какъ между представленными растеніями никакихъ новостей не оказалось, да и вся коллекція была невелика *).

Тѣмъ не менѣе гербарій этотъ представляетъ интересъ потому, что онъ былъ составленъ и приготовленъ по тому-же способу, котораго составитель держался и впослѣдствіи и который изложенъ имъ въ первой главѣ его четвертаго путешествія: «Какъ путешествовать по Центральной Азіи». Способъ этотъ отличался оригинальностью. Бумага—огромнаго формата, такъ что растенія помѣщались въ ней чаще во весь ростъ и получалось несравненно лучшее представленіе о нихъ, чѣмъ по тѣмъ мелкимъ образчикамъ, какіе обыкновенно берутся путешественниками. Высушиваніе производилось на скорую руку, такъ сказать по военному, въ два-три пріема, раскладываніемъ листовъ съ экземплярами на солнцѣ во время привала. Отъ скорой сушки отлично сохранилась свѣжесть красокъ, но за то цвѣты и листья понѣжнѣе иногда морщились или свертывались, чѣмъ, конечно, затруднялось научное изслѣдованіе. Выборъ экземпляровъ свидѣтельствовалъ о хорошемъ знакомствѣ собирателя со флорою средней Россіи: такъ русскія породы собирались по одному, по двумъ образчикамъ, мѣстныхъ же или сибирскихъ видовъ имѣлось на лицо по десяти и болѣе экземпляровъ. Къ коллекціи былъ приданъ реестръ, содержащій довольно полныя замѣтки о мѣстонахожденіи, времени сбора, почвѣ, ростѣ, распространеніи и т. д.

Въ концѣ 1873 г. Николай Михайловичъ вернулся изъ первой экспедиціи въ Центральную Азію, безспорно самой замѣчательной изъ всѣхъ совершенныхъ имъ, безпримѣрной по небывалому удальству, выносливости и трудолюбію участниковъ въ ней и по достигнутымъ, въ сравненіи со скудными средствами, громаднымъ результатамъ.

Ботаническій сборъ былъ опять предоставленъ ботаническому саду и переданъ академику К. И. Максимовичу, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ научно обработанъ, а результатъ помѣщенъ въ особенномъ отдѣлѣ издаваемаго Николаемъ Михайловичемъ труда, съ приложеніемъ рисунковъ всѣхъ новыхъ формъ.

«Признаюсь, трудно было,—говоритъ этотъ почтенный ученый,—рѣшиться взять на себя этотъ новый и значительный трудъ, въ то время, когда на рукахъ были громадныя, неразработанныя еще, собственныя коллекціи изъ Восточной Азіи. Но въ ботаническомъ садѣ тогда не имѣлось другого лица, готоваго взять на себя этотъ трудъ. Отказаться, значило лишить садъ весьма драгоцѣнной коллекціи. Къ тому, предметъ отчасти былъ для меня знакомый: списокъ монгольской флоры былъ изданъ мною еще прежде, а новый монгольскій сборъ не могъ

*) Гербарій заключалъ въ себѣ около 300 видовъ травянистыхъ растеній въ числѣ 2,000 экземпляровъ и кромѣ того болѣе 80 видовъ сѣмянъ.

содержать въ себѣ много новаго. Что-же касается растеній изъ Гань-су, гдѣ каждое другое растеніе было ново, то ихъ было вывезено тогда всего 400 видовъ, слѣдовательно, была надежда справиться съ ихъ обработкою въ непродолжительное время. Главную задержку составляли таблицы; но перспектива ознакомить науку съ непочатою и весьма своеобразною флорою была весьма заманчива. Наконецъ, кто же могъ не увлечься и личностью самого путешественника, кто могъ добровольно отказаться отъ удовольствія короткаго съ нимъ знакомства и увлекательныхъ бесѣдъ его, столь поучительныхъ даже въ ботаническомъ отношеніи?! Я согласился, но предупредилъ, что обработка его матеріала, при другихъ моихъ занятіяхъ и за многочисленными рисунками, не можетъ подвигаться быстро».

Болота Цайдама.

Но съ каждымъ новымъ путешествіемъ къ нему являлся Николай Михайловичъ, приговаривая: «и вамъ привезли свѣженькаго матеріала».

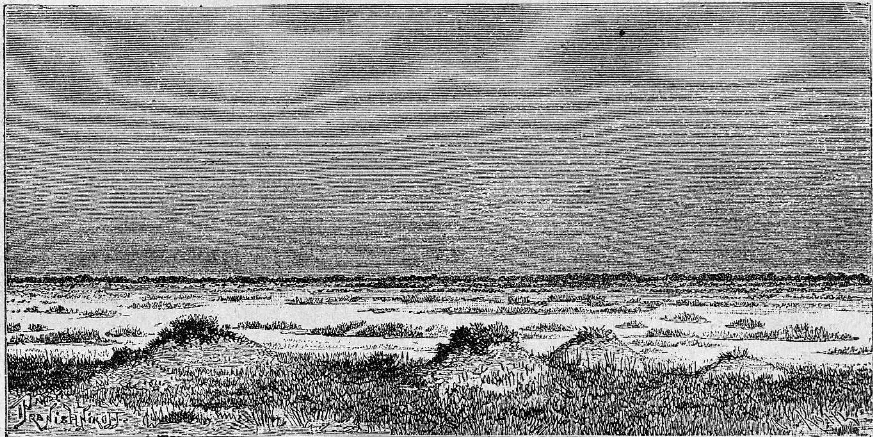
Первая экспедиція доставила флору юго-восточной Монголіи и прекрасный образчикъ растительности самаго лучшаго участка западной Гань-су, которою не справедливости такъ восторгался Николай Михайловичъ.

Второе путешествіе, прерванное тяжкою болѣзнью участниковъ въ немъ, познакомило съ лучшею, роскошнѣйшею частью Монголіи, по южному склону Тянь-Шаня, а затѣмъ со страшною пустынею Тарима и Лобъ-Нора.

Третья экспедиція, кромѣ средней монгольской флоры, а особенно Чжунгарской пустыни и оазиса Са-Чжеу, доселѣ неизвѣстныхъ, доставила изъ Гань-су богатый гербарій, собранный на этотъ разъ большею частью на лессовыхъ отложеніяхъ Куку-Нора и верхней Хуанъ-хэ. Въ противоположность первому сбору, этотъ былъ богаче давно извѣстными, чѣмъ новыми формами.

Высокое плоскогорье сѣвернаго Тибета до сихъ поръ было посѣщаемо Николаемъ Михайловичемъ только зимою. Лишь въ четвертую экспедицію удалось

*

Болота Цайдама.

ему познакомить науку со своеобразною, рѣдко посѣянною и мелкою растительностью этого необитаемаго и неприступнаго края. Гербарій добывался при неимовѣрныхъ лишеніяхъ и трудностяхъ, въ постоянной борьбѣ съ ужаснѣйшимъ климатомъ и отбиваясь отъ нападеній многочисленныхъ вооруженныхъ разбойничьихъ шаекъ. Зато получилась единственная въ своемъ родѣ коллекція, равно замѣчательная какъ по новизнѣ, такъ и по миніатюрности растеній.

Такимъ образомъ составились коллекціи Николая Михайловича, заключающія около 1,700 видовъ въ 15,000—16,000 экземплярахъ.

Къ монгольскому отдѣлу этого сбора не замедлили вскорѣ присоединиться весьма богатые матеріалы, вывезенные Г. Н. Потанинымъ, а также полковникомъ Пѣвцовымъ изъ экспедицій по Сѣверной Монголіи, а равно и сборъ г. Потанина въ южной Монголіи, и мелкія коллекціи: Адріанова съ верхняго Енисея, Кальнинга изъ окрестностей Хобдо и др. Тибетскій матеріалъ, собственно Гань-суйскій, затѣмъ значительно обогатился сборомъ того же Г. Н. Потанина. Изученіе флоры этой въ высшей степени интересной области такимъ образомъ съ легкой руки Николая Михайловича двинулось впередъ чрезвычайно успѣшно. На съѣздѣ ботаниковъ и садоводовъ, происходившемъ въ 1884 году, академикъ Максимовичъ въ представленномъ имъ очеркѣ насчиталъ для Монголіи слишкомъ 1,600 видовъ и для Тибета 800 видовъ; но уже черезъ пять лѣтъ, благодаря новѣйшимъ матеріаламъ, первая флора возросла приблизительно до 1,800, а другая до 900 видовъ.

Изъ всего этого огромнаго научнаго богатства безспорно самая интересная его часть доставлена Николаемъ Михайловичемъ. Ему почти всецѣло выпала на долю Тибетская флора, ему-же обязаны мы интереснѣйшими находками въ Монголіи. Причина тому двоякая. Николай Михайловичъ собиралъ преимущественно на югѣ, остальные собиратели—на сѣверѣ Монголіи, гдѣ растутъ тѣ же породы, что и въ южной Сибири. Затѣмъ Николай Михайловичъ, съ его экспедиціей на военную ногу, былъ почти независимъ отъ туземцевъ, шелъ напроломъ необитаемыми мѣстами и, какъ зоологъ, даже избѣгалъ поселеній, тогда какъ, напр., Г. Н. Потанинъ, какъ этнографъ, болѣе держался торныхъ дорогъ и подолгу оставался въ поселеніяхъ. Понятно, что первый находилъ болѣе рѣдкостей или новостей, а второй обогащалъ списки флоры болѣе обыкновенными растеніями или даже сорными травами. Такимъ образомъ сборъ одного прекрасно дополнилъ сборъ другого.

Что касается качества собраннаго, то нужно отдѣлить Монгольскій сборъ отъ Тибетскаго. Первый всюду удовлетворителенъ или даже безусловно хорошъ (хотя и здѣсь иногда встрѣчаются формы, попавшіяся только однажды и потому не полно собранныя). Въ Тибетской же коллекціи особенно хороши растенія, набранныя въ Гань-су, рослыя, хорошо развитыя, полно собранныя и хорошо приготовленныя. Формы-же свойственныя собственно Тибетскому плоскогорью—карлики въ дюймъ или въ два, чаще въ видѣ густого кустика или коврика, съ мелкими цвѣточками, запрятан-

ными въ листвѣ, почти всегда безъ плодовъ,—довольно часто неудовлетворительны и неполны. Но мелкія и невзрачныя растеньица, окрашенныя, особенно подъ осень, въ бурый или сѣрый цвѣтъ, легко ускользаютъ отъ вниманія или даже вовсе скрываются, заносимыя то снѣгомъ, то пылью, то затопленныя водою, и, застигнутыя непогодою, въ иные года, вѣроятно, вовсе не приносятъ сѣмянъ.

При томъ же надобно припомнить, при какихъ условіяхъ приходилось Николаю Михайловичу въ Тибетскихъ пустыняхъ производить свои научныя изслѣдованія. «Какъ бы то ни было,—говоритъ К. М. Максимовичъ,—сѣверно-тибетскій гербарій Пржевальскаго—драгоцѣнность, имѣющаяся только у насъ, и не думаю, чтобы вскорѣ нашелся другой отважный путешественникъ, которому удастся пойти по слѣдамъ нашего незабвеннаго Николая Михайловича и продолжать начатое имъ такъ основательно многотрудное дѣло изслѣдованія Тибетской флоры».

Обработка ботаническихъ матеріаловъ производилась слѣдующимъ образомъ. По возвращеніи Николая Михайловича изъ экспедиціи, онъ отбиралъ по экземпляру тѣхъ видовъ, о которыхъ хотѣлъ упомянуть въ своемъ сочиненіи, и такіе виды опредѣлялись сейчасъ же, а самые экземпляры возвращались ему. Присмотрѣвшись къ нимъ, Николай Михайловичъ, одаренный замѣчательнымъ глазомъ и превосходною памятью, твердо помнилъ всѣ такія растенія, на слѣдующій разъ прямо узнавалъ ихъ, не смѣшивая съ другими похожими породами, и въ дневникѣ называлъ правильными латинскими названіями.

Рядомъ шла заготовка рисунковъ и обработка всего матеріала, но также двоякая: во-первыхъ, по систематическому порядку, а во-вторыхъ описывались, выхваченныя внѣ системы, выдающіяся новости. Послѣднее дѣлалось отчасти по указанію самого собирателя или по особенному интересу какой-либо находки, отчасти же въ виду конкурренціи съ заграницею, для сохраненія за нашимъ путешественникомъ первенства, пріоритета. Такими конкуррентами являлись французы: патеръ Давидъ и въ послѣднее время аббатъ Делаве (Delavy), въ меньшей мѣрѣ англичанинъ Гансъ (Hance), получившій и опубликовавшій нѣсколько растеній съ Куку-Нора и изъ Монголіи. Особенно по путевымъ запискамъ Давида можно было опасаться, что онъ отниметъ у нашего знаменитаго путешественника почти всѣ монгольскія и много тибетскихъ новостей. Напрасныя опасенія! Давидъ вывезъ весьма немногія изъ упомянутыхъ въ его отчетахъ растеній и между ними, такъ же какъ и между безчисленными находками Делаве, оказались весьма и весьма немногія, общія съ Тибетомъ: настолько рѣзко Тибетская флора разграничена съ флорою Китая!

Всѣ новости поспѣшно описывались и публиковались въ бюллетенѣ нашей Академіи подъ заглавіемъ «Diagnoses plantarum novarum asiaticarum». Описано всего въ бюллетенѣ 218 новыхъ видовъ (съ семью новыми родами): 173 тибетскихъ, 44 монгольскихъ.

Систематическая разработка, въ видахъ сокращенія труда, велась параллельно т. е. монгольская и тибетская флоры разомъ. Ко времени возвращенія

Николая Михайловича изъ второго путешествія первый выпускъ и той и другой флоры былъ готовъ и всѣ таблицы къ нимъ отпечатаны. Тогда предполагалось составить изъ ботанической части третій томъ перваго путешествія Пржевальскаго. Но послѣ каждой новой экспедиціи приходилось передѣлывать эти выпуски, т. е. дополнять ихъ вновь добытымъ матеріаломъ и заказывать добавочныя таблицы. Въ виду этого, когда Николай Михайловичъ отправлялся въ пятое свое путешествіе, первоначальный планъ изданія былъ оставленъ и принятъ новый, по которому и имѣются два выпуска зоологическаго отдѣла. Ботаническій отдѣлъ предположено было издать въ двухъ томахъ: одинъ для флоры Монголіи, другой для флоры Тибета, считая сюда и западную часть Гань-су. Оба выпуска были уже приготовлены Максимовичемъ къ печати, когда въ 1887 г. возвратился Г. Н. Потанинъ съ новымъ, весьма богатымъ сборомъ, значительная доля котораго прямо входила въ рамки заготовленнаго труда, и печатаніе пришлось вновь отложить для включенія и этого матеріала.

Научные матеріалы для изученія флоры Центральной Азіи доставлялись Пржевальскимъ и его послѣдователями въ такомъ количествѣ, что русскіе ученые не успѣвали его обрабатывать.

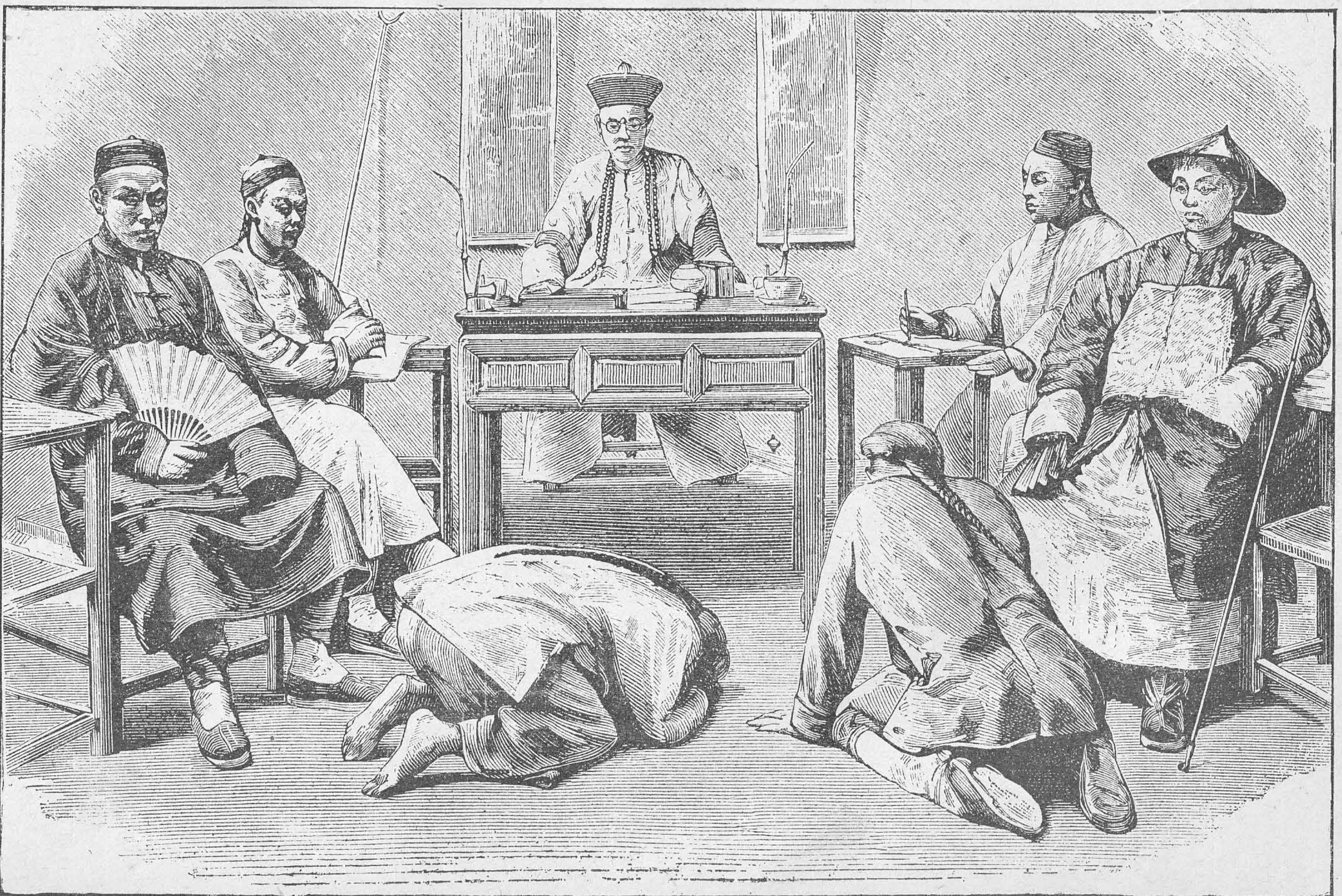
Причина этого заключалась главнымъ образомъ въ совершенной новизнѣ доставляемыхъ матеріаловъ. Кромѣ того, самая обработка сопряжена была съ большими трудностями.

Изслѣдованіе крошечныхъ и часто неполныхъ тибетскихъ растеній, напр., требовало значительнаго времени: экземпляры предварительно размачивались въ горячей водѣ, расправлялись подъ лупою, анализировались и рисовались подъ нею, рисунки же анализовъ, какъ назначенные въ печать, производились съ возможною тщательностью.

Одна механическая работа надъ сырымъ матеріаломъ до окончательнаго включенія его въ гербарій, а также составленіе таблицъ и изготовленіе рисунковъ поглощали массу времени и труда.

Тѣмъ не менѣе къ 1884 г. научная разработка ботаническихъ матеріаловъ сильно подвинулась и плодомъ ея явилась подробная статья въ Bulletin du Congrés international à St.-Péterbourg (1884), въ которой разсматриваются обѣ флоры (монгольская и тангутская) по ихъ составу, характеру и сродству съ сосѣдними флорами; а изъ многочисленныхъ выкладокъ и сопоставленій выводятся на столько надежные результаты, что какъ монгольская, такъ и сѣверо-тибетская флоры отнынѣ могутъ считаться прочными научными пріобрѣтеніями.

Тибетское плоскогоріе оставалось въ неизмѣримый промежутокъ времени геологически нетронутымъ, подвергаясь одному дѣйствію климата и многовѣковому наслоенію приносимой постоянными вѣтрами съ сѣвера лессовой пыли; Куэнлюнскій хребетъ, простирающійся во всю длину плоскогорья съ запада на востокъ, признается Рихтгофеномъ за древнѣйшій, какъ онъ выражается, за «позвоночный столбъ Азіи». Если это справедливо, то и Гималаи, и монгольскія парал-

Судебное разбирательство у китайцевъ.

лельныя между собою горныя цѣпи, геологически говоря, моложе. На этомъ основаніи можно признать флору Тибета, насколько она состоитъ изъ самостоятельныхъ видовъ, за первобытную, сотворенную на мѣстѣ. Признаемъ ли мы ее за таковую, или примемъ, наоборотъ, что она составилась изъ выходцевъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ Тибету странъ, въ этомъ отношеніи безразлично, такъ или иначе, но Тибетская флора состоитъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ближайшею сосѣдкою, флорою высоко-альпійскаго пояса Гималая, а отчасти съ флорами монгольскихъ и южно-сибирскихъ хребтовъ, причемъ число такихъ близкихъ породъ по мѣрѣ удаленія къ сѣверу мало-по-малу уменьшается. Къ этому ядру тибетской флоры присоединился довольно сильный контингентъ обыкновенныхъ, такъ называемыхъ сѣверо-европейскихъ формъ, и судя по тому, что эти формы не успѣли еще видоизмѣниться, присоединеніе это произошло въ сравнительно недавнемъ прошломъ.

Особенно характернымъ для Тибета родомъ является Saussurea, которой насчитывается около тридцати, большею частью миніатюрныхъ видовъ.

Характерные для Тибета виды въ общемъ многолѣтни и отличаются удивительно медленнымъ ростомъ.

Вотъ примѣры, приводимые Максимовичемъ въ подтвержденіе этого общаго заключенія. «Семилѣтніе сѣянцы прелестнѣйшей Incarvillea compacta такъ малы, что пройдутъ, можетъ быть, еще семь лѣтъ до перваго цвѣтка, а крупному экземпляру съ букетомъ въ дюжину цвѣтовъ и корнемъ толщиною въ дюймъ нужно дать лѣтъ пятьдесятъ, хотя онъ весь ростомъ въ четыре дюйма. Другой примѣръ еще поразительнѣе. Николай Михайловичъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи неоднократно упоминаетъ о мелкомъ растеніи Androsace tapete, образующемъ густые коврики до аршина въ поперечникѣ, похожіе на ситецъ съ мелкими цвѣточками. Такой коврикъ составляетъ, повидимому, одно цѣлое, слѣдовательно произросъ изъ одного сѣмени. Состоитъ онъ изъ тысячъ тѣсно скученныхъ стебельковъ въ дюймъ вышины. Каждый стебелекъ обсаженъ, какъ чешуей, мелкими листочками и иногда заканчивается цвѣточкомъ. Разсмотрѣвъ его внимательно, замѣчаешь, что ежегодно образуется всего по четыре листочка, на стебелькѣ же ихъ до тридцати и болѣе. Слѣдовательно, каждому стебельку по крайней мѣрѣ восемь лѣтъ. Положивъ, что каждый годъ стебелекъ даетъ по одному боковому отпрыску, спрашивается, сколько столѣтій потребуется для полученія коврика въ аршинъ въ діаметрѣ? Такимъ образомъ и безлѣсное тибетское нагорье имѣетъ своихъ многовѣковыхъ патріарховъ, но не исполиновъ,—а карликовъ».

Монгольская флора также должна быть признана весьма древнею. Весь сѣверъ Монголіи населенъ альпійскою растительностью, подобной той, какая извѣстна у Алтая, Саяна и другихъ южно-сибирскихъ хребтовъ; югъ и востокъ Монголіи имѣютъ флору общую съ Маньчжуріею; вездѣ процентъ видовъ, свойственныхъ одной Монголіи, весьма невеликъ. Своеобразною, хотя и весьма скудною растительностью и болѣе выгоднымъ процентомъ характерныхъ видовъ въ

Монголіи выдаются, повидимому, только узкая поперечная котловина по средней части восточной Монголіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, часть ложа бывшаго здѣсь когда-то обширнаго воднаго бассейна; а также громадная площадь сыпучихъ песковъ къ сѣверу отъ Желтой рѣки и вокругъ хребта Ала-шаня. Самый Ала-шань, зеленый, альпійскій оазисъ среди раскаленной пустыни, своею растительностью нѣсколько напоминаетъ Гань-су. Наиболѣе характерныя растенія Пржевальскій описываетъ въ своихъ сочиненіяхъ съ научною пользою. Такихъ манографій у него много: о саксаунѣ, тамарискѣ, хармыкѣ, лекарственномъ ревенѣ и др.

«Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіи 30 съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ этихъ странъ явились и ученыя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда колоніальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго».

Такъ закончилъ при взрывѣ всеобщихъ аплодисментахъ свою рѣчь академикъ Максимовичъ.

V. Результаты метеорологическихъ изслѣдованій Н. М. Пржевальскаго.

Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ Пржевальскій постоянно производилъ метеорологическія наблюденія четыре часа въ день: 1) На восходѣ солнца, 2) въ 7—8 ч. утра, 3) въ 1 часъ пополудни и въ 7—8 ч. вечера. Въ дневникѣ обозначалось мѣсто наблюденія и разстояніе отъ пункта предыдущаго наблюденія.

Ежедневныя наблюденія заключались въ отсчетѣ показаній термометра и барометра. Кромѣ того, иногда опредѣлялась температура почвы., воды и влажность воздуха.

По окончаніи каждаго мѣсяца Пржевальскій на мѣстѣ же дѣлалъ общую сводку метеорологическихъ данныхъ за этотъ періодъ и выводилъ характеристику погоды.

Тоже самое дѣлалось по окончаніи каждаго времени года: весны, лѣта и т. д.

Кромѣ того, въ послѣдніе два путешествія, послѣ того, какъ нѣкоторыя мѣста были посѣщены нѣсколько разъ, Николай Михайловичъ пытался характеризовать отдѣльныя области въ климатическомъ отношеніи, а также создавалъ научныя гипотезы о климатѣ Центральной Азіи.

Перечисленіе выводовъ Пржевальскаго въ сжатомъ видѣ сдѣлано проф.

А. И. Воейковымъ въ рѣчи, произнесенной на томъ-же засѣданіи, посвященномъ памяти Николая Михайловича.

Метеорологическіе дневники перваго путешествія, Николая Михайловича по Центральной Азіи были полностью напечатаны во второмъ томѣ книги «Монголія и страна Тангутовъ» и были разработаны профессоромъ А. И. Воейковымъ въ статьѣ его «Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи» *). Здѣсь онъ приходитъ къ заключенію, что обширная полоса къ западу отъ собственнаго Китая имѣетъ еще климатъ муссоновъ, т. е. зимой с.-з. вѣтры, приносящіе ясную сухую погоду, лѣтомъ ю.-в., приносящіе дожди, обильные въ горахъ восточнаго Нань-Шаня (или горахъ Гань-су).

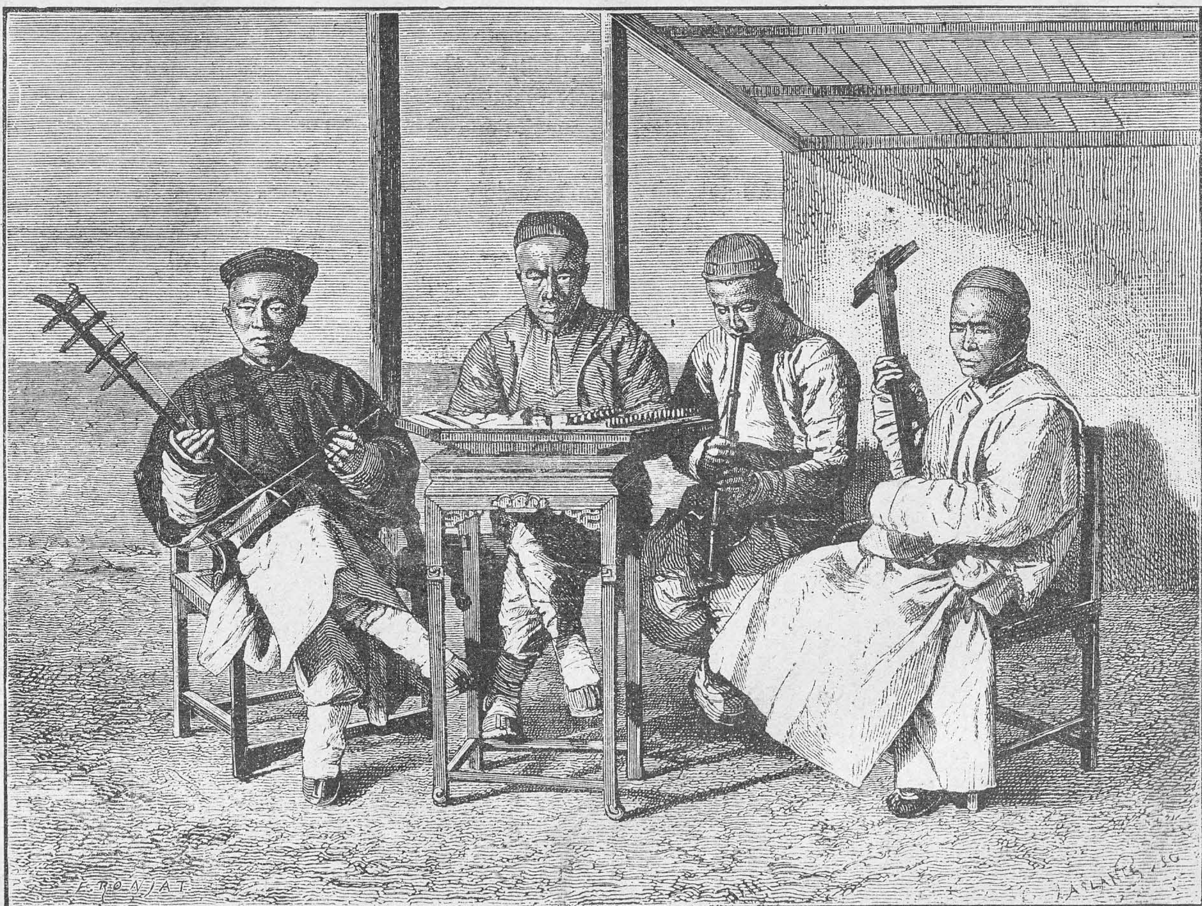
Таковъ общій выводъ. Кромѣ того, чрезвычайно живые разсказы Пржевальскаго о природѣ посѣщенныхъ имъ странъ, примѣры которыхъ мы неоднократно приводили въ предыдущемъ изложеніи путешествій, дали возможность охарактеризовать весну восточной окраины нагорій Азіи, опредѣлить ея характеръ, какъ времени года съ частыми бурями и пыльными буранами, быстрыми переходами отъ тепла къ холоду и большой сухостью воздуха и т. д.

Путешествіе въ с.-в. Тибетъ было, конечно, важнѣйшей частью этой экспедиціи какъ въ чисто-географическомъ отношеніи, такъ и относительно познанія климата. Онъ посѣтилъ страну зимой, испыталъ страшный холодъ, бури и пыль, а въ то-же время ему разсказывали, что лѣтомъ идутъ постоянные дожди; и многія пространства непроходимы вслѣдствіе болотъ. Онъ провѣряетъ разсказы туземцевъ распространеніемъ галекъ на р. Муръ-Усу и находитъ основаніе имъ вѣрить. Между первой и второй экспедиціями Н. М. Пржевальскаго, англичане сдѣлали метеорологическія наблюденія по пути изъ Индіи чрезъ Хотанъ въ Яркендъ и Кашгаръ и въ этихъ городахъ, т. е. на дальнемъ западѣ нагорій Центральной Азіи. Но и послѣ того оставалось пространство около 15° въ широту и долготу въ Центральной Азіи, отъ Тибета до Тянь-шаня и отъ Куку-нора и Муръ-усу до Хотана, пространство, наполненное высокими нагорьями и громадными горными хребтами, климатъ котораго былъ совершенно неизвѣстенъ. Этотъ пробѣлъ суждено было въ значительной степени пополнить нашему знаменитому путешественнику.

Изъ метеорологическихъ наблюденій и отчета о путешествіи сдѣлалось извѣстнымъ чрезвычайно важное обстоятельство, что близъ Лобъ-нора конецъ зимы и ранняя весна гораздо теплѣе, чѣмъ далѣе на востокъ на такой же высотѣ и въ особенности то, что здѣсь господствуютъ с.-в. вѣтры; въ этомъ же направленіи приходятъ и частыя весеннія бури. Изъ этого уже было ясно, что здѣсь другая климатическая область, чѣмъ далѣе на востокъ.

Въ третье путешествіе сначала также Николай Михайловичъ подвигался въ области сравнительно невысокихъ нагорій Центральной Азіи, изъ Зайсанскаго

*) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1879 г., т. XV.

Музыканты китайцы.

поста чрезъ Хами и Сачжеу къ западному Нань-шаню. До окраины этого хребта климатъ посѣщенныхъ странъ оказался сходнымъ съ тѣми, гдѣ экспедиція была въ предыдущемъ путешествіи.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ дѣлаетъ новыя чрезвычайно важныя открытія. Западный Нань-шань, хотя и значительно выше восточнаго (горъ Гань-су), но необычайно сухъ. Н. М. Пржевальскій нѣсколько разъ возвращается къ этому обстоятельству въ текстѣ 3-го путешествія и метеорологическія наблюденія подтверждаютъ это вполнѣ. До тѣхъ поръ не было еще извѣстно столь сухого пустыннаго высокаго хребта.

Конецъ весны и первую половину лѣта Николай Михайловичъ провелъ въ горной странѣ по верховью Желтой рѣки; здѣсь дожди идутъ при з.-с.-з. вѣтрахъ, а недалеко отсюда, въ восточномъ Нань-шанѣ—при ю.-в. По поводу климатическихъ условій этой страны Н. М. сдѣлалъ весьма важное научное обобщеніе, именно, что эти области нужно еще причислить къ области индійскихъ муссоновъ; это объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что въ Индіи горные склоны чрезвычайно сильно нагрѣты и влажны лѣтомъ, а меньшая высота с.-з. Гималая позволяетъ переходъ воздуха на сѣверъ.

Въ описаніи 4-го путешествія эта блестящая гипотеза была развита далѣе такъ какъ наблюденія экспедиціи на нагорьѣ Тибета вполнѣ подтвердили ее показавъ, что лѣто здѣсь необычайно дождливо, причемъ тучи приносятся съ запада.

Дальнѣйшій путь экспедиціи въ урочище Гасъ и зимняя экспедиція оттуда къ оз. Незамерзающему и въ Долину Вѣтровъ много прибавили къ нашимъ знаніямъ о климатѣ этой части Азіатскаго нагорья. Особенное значеніе имѣютъ наблюденія о рѣшительномъ преобладаніи здѣсь западныхъ вѣтровъ. Пржевальскій устанавливаетъ разницу между нагорьями болѣе восточными, обильно орошаемыми лѣтними дождями (и снѣгами), отъ болѣе сухихъ западныхъ, или точнѣе собственно центральныхъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи очень любопытны извѣстія о ежедневныхъ лѣтнихъ дождяхъ въ Керійскихъ горахъ.

«Пока продолжались путешествія Пржевальскаго, закончилъ свою рѣчь проф. Воейковъ, просвѣщеннѣйшія и богатѣйшія страны западной Европы соперничали въ изученіи Африки. Конечно, и изученію климата этой части свѣта было удѣлено мѣсто, но наши знанія о климатѣ Африки подвинулись менѣе трудами этихъ многочисленныхъ путешественниковъ, чѣмъ наши знанія о климатѣ Центральной Азіи свѣдѣніями, собранными однѣми 4-мя экспедиціями Н. М. Пржевальскаго».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Центральная Азія.

Малолюдіе страны и причины этого. — Общая характеристика населенія: вялость, косность, лѣнь, апатія, отсутствіе стремленія къ прогрессу, крайній консерватизмъ, нравственная распущенность, эгоизмъ; похвальныя качества. — Народы Центральной Азіи неспособны къ принятію европейской культуры и цивилизаціи.—Пассивный характеръ номада.—Китай на пути реформъ.—Буддизмъ и магометанство.—Положеніе Китая, угнетеніе подчиненныхъ ему народовъ, ненависть ихъ къ китайцамъ.—Престижъ Россіи, симпатіи Туркестанцевъ и дунганъ.—Пржевальскій много содѣйствовалъ возвеличенію русскаго имени въ глазахъ туземцевъ Средней Азіи.

На обширномъ пространствѣ Центральной Азіи, раскинувшейся отъ окраинныхъ сибирскихъ горъ на сѣверѣ до Гималаевъ на югѣ, отъ хребта Большой Хинганъ и пограничныхъ къ сторонѣ Гоби и Тибета и хребтовъ Собственнаго Китая до Памира, западнаго Тянь-шаня и Тарабагатая на западѣ, всего на площади около 120,000 кв. геогр. миль,—обитаютъ три главныя народности: монголы на сѣверѣ, тангуты и тибетцы на югѣ и туркестанцы на западѣ. Спорадически еще живутъ здѣсь по оазисамъ китайцы и дунганы, а на западной окраинѣ кое-гдѣ кочуютъ киргизы. Количество населенія во всѣхъ этихъ странахъ по приблизительному разсчету слѣдующее: Монголія 3—4 милл., Тибетъ $1^1/_2$—2 милл., Восточный Туркестанъ 2 милл., Чжунгарія $^1/_2$ милл., оазисы восточнаго Тянь-шаня и вдоль сѣверной подошвы Нань-шаня 1 милл., что въ общемъ составляетъ 8—9 милліоновъ—цифра ничтожная, сравнительно съ обширностью описываемой страны. Но ея физическія свойства роковымъ образомъ опредѣляютъ такое малолюдіе. За исключеніемъ немногочисленныхъ оазисовъ, разбросанныхъ въ видѣ крошечныхъ островковъ среди необъятныхъ пространствъ пустыни и расположенныхъ у подножія гигантскихъ горныхъ хребтовъ, здѣсь нѣтъ другихъ мѣстъ для осѣдлой культурной жизни. Даже для номадовъ съ ихъ стадами Центральная Азія даетъ сравнительно мало привольныхъ пастбищъ, и то только на своей сѣверной да восточной окраинахъ, имѣющихъ степной характеръ. На всемъ остальномъ пространствѣ составляющемъ приблизительно $^4/_5$ всей вышеозначенной площади, залегла пустыня, въ которой лишь кое-гдѣ ютится неприхотливый номадъ. Многія

же части этой пустыни, каковы: нагорье сѣвернаго Тибета, болота Цайдама, сыпучіе пески Тарима, Ала-шаня и Чжунгаріи, галечныя, или глинистыя площади центральной Гоби и обширные солончаки въ другихъ ея частяхъ, вовсе непригодны для человѣка.

Однако, Центральная Азія, часто представляющая на цѣлыя сотни, даже тысячи квадратныхъ миль, абсолютную пустыню, въ мѣстахъ, хотя мало-мальски возможныхъ для обитанія, населена отъ времени глубокой древности. Весьма выгодныя условія для скотоводства какъ-то: сухой климатъ, отсутствіе снѣга зимой и докучныхъ насѣкомыхъ лѣтомъ, обиліе соли въ почвѣ, кормная, хотя съ виду невзрачная трава, мѣстами и хорошія пастбища, наконецъ, ничтожный здѣсь уходъ за скотомъ,—все это еще въ глубокой древности манило человѣка-дикаря отдаться пастушескому быту и въ лѣнивой, но достаточно обезпеченной жизни номада искать возможнаго удовлетворенія своихъ неприхотливыхъ стремленій. Тѣмъ болѣе, что среди такихъ условій и обстановки жизни не требовалось ни особенной энергіи, ни особенныхъ индивидуальныхъ качествъ. «Борьба за существованіе» явилась здѣсь болѣе пассивною, чѣмъ активною, и притомъ укладывалась въ неширокія рамки однообразной обстановки быта и однообразныхъ физическихъ условій природы. Въ отдаленныя отъ насъ времена, точно также какъ и теперь, большое увеличеніе кочевого населенія было невозможно, ибо не доставало корма для ихъ многочисленныхъ стадъ.

Періодическія выселенія къ западу, повальныя болѣзни скота и войны, кончавшіяся безпощаднымъ, отчасти даже поголовнымъ истребленіемъ побѣжденныхъ,—вотъ тѣ факторы, которые по временамъ возникали, какъ рокорая необходимость, и приводили къ возможной для существованія нормѣ кочевое населеніе степей и пустынь Центральной Азіи. Здѣсь теперь, какъ вѣроятно и раньше, всѣ мѣста, годныя для пастбищъ, заняты кочевниками; въ оазисахъ, разбросанныхъ по Центральной Азіи у подножія Тянь-шаня и Куэнь-люня, представляющихъ собою единственные уголки, годные для осѣдлой жизни,—съ глубокой древности все уже переполнено; каждый орошаемый клочекъ земли занятъ, ни одно ведро воды не льется даромъ; населеніе давнымъ-давно стало въ уровень съ производительностью почвы; прибавить лишнихъ ртовъ нельзя. Возможны только, какъ и было въ дѣйствительности, періодическія истребленія, а затѣмъ размноженіе вновь или занятіе опорожненныхъ мѣстъ пришельцами съ другихъ странъ.

Такимъ образомъ, Центральная Азія, несмотря на свою громадную площадь, представляетъ весьма мало мѣстностей, годныхъ не только для осѣдлой, но и для кочевой жизни. Скудная цифра здѣшняго населенія не можетъ увеличиться значительно, ибо пустыня останется непригодною для человѣка навсегда...

Народы, обитающіе въ той же Центральной Азіи, несмотря на различіе расъ, языка, религіи и образа жизни, представляютъ много общаго относительно своего характера, умственныхъ и нравственныхъ качествъ. На всей духовной сторонѣ человѣческой природы здѣсь лежитъ одина

Китайская армія.—Стрѣлки.

ковая печать вялости, нравственной разнузданности и косности. Исключительныя условія исторической жизни, въ которой вѣковое рабство являлось главнѣйшимъ стимуломъ общественнаго строя, выработали у азіатцевъ въ большинствѣ случаевъ отвратительное лицемѣріе и крайній эгоизмъ. Не менѣе выдающимися чертами характера служатъ также лѣнь и апатія. Не говоря уже про номадовъ, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ полнаго ничего-

Китайская армія.—Стрѣлки.

недѣланія, даже у жителей осѣдлыхъ лѣнь проглядываетъ во всемъ, что только не касается удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни. «Время не деньги»—этотъ извращенный американскій девизъ проходитъ сплошь не только по Центральной, но и по всей Азіи вообще, — говоритъ Пржевальскій *). Отъ предѣловъ Сибири и Туркестана до глубины Тибета мы постоянно слышали у туземцевъ слова «потише» и «помаленьку», а никакъ не «поживѣе» или «поскорѣй». «Хорошіе люди никогда не торопятся; это дѣлаютъ только люди дурные, какъ воры или разбойники при своихъ похожденіяхъ», не одинъ разъ говаривали намъ монголы и тангуты».

Тибетскій лама.

Сообразно такому складу понятій, вездѣ среди азіатцевъ большимъ уваженіемъ пользуется апатичность и тупая лѣнь, въ особенности богатаго человѣка **). Въ своемъ житейскомъ идеалѣ азіатецъ стремится достигнуть невозможнаго — соединить благоденствіе съ отсутствіемъ энергичнаго труда. Номады частью приблизились къ разрѣшенію такой задачи тѣмъ, что жертвуютъ въ пользу лѣни удобствами жизни.

Изъ той же лѣности и пассивности характера вытекаетъ отсутствіе стремленія къ прогрессу и крайній консерватизмъ всѣхъ вообще азіатцевъ. Въ глазахъ ихъ гражданская свобода не имѣетъ ровно никакой цѣны. Дикій азіатецъ инстинктивно сознаетъ, что для его грубой натуры свобода была бы гибелью, ибо у народовъ, неподготовленныхъ къ высокой государственной жизни, другими словами—варварскихъ, общественныя вольности легко могутъ превратиться въ анархію.

Рельефную также черту характера азіатцевъ составляетъ, какъ выше упомянуто, ихъ нравственная распущенность, которая еще сильнѣе проявляется здѣсь у народовъ осѣдлыхъ. Грубое удовлетвореніе физическихъ желаній

*) Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, стр. 495.

**) Такъ, напримѣръ, пѣшеходъ всегда въ презрѣніи у азіатца. По его понятіямъ, такой человѣкъ настолько бѣденъ или дурно воспитанъ, что заставляетъ себя трудиться пѣшею ходьбой.

Тибетскій лама.

ту
ле
«
то
ни
сн
го

ве
ні
лт
В-
ст
со
эн
бл
тѣ
уд

ха
с
к
во
да
ка
со

и страстей—главная задача жизни каждаго азіатца. Въ основѣ характера этого человѣка лежитъ эгоизмъ чрезъ край; свое «я» у него всегда на первомъ планѣ; высшія чувства чести, долга, нравственности здѣсь неизвѣстны; наоборотъ, лицемѣріе и хитрость считаются лучшими достоинствами человѣка.

Въ прирожденныхъ умственныхъ способностяхъ, преимущественно въ здравомъ смыслѣ, нельзя отказать азіатцамъ, въ особенности осѣдлымъ жителямъ Центральной Азіи. Но азіатецъ употребляетъ свои дарованія почти исключительно на мелкія житейскія дѣла, такъ что человѣкъ способный дѣлается здѣсь почти всегда только ловкимъ проходимцемъ. Стремленія къ наукѣ, жажды чистаго знанія у азіатца нѣтъ и въ поминѣ. Самая наука представляетъ здѣсь преждевременно заморенный зародышъ, у котораго развился лишь одинъ отпрыскъ—религіозныя доктрины, которыя породили абсолютный фанатизмъ магометанъ и аскетическое ханжество буддистовъ.

Что же касается Китая, то здѣсь, при исключительныхъ условіяхъ многовѣковой жизни этого государства, практически выработался атеизмъ. Зато на почвѣ китайскаго здравомыслія, еще во глубинѣ вѣковъ, появились нѣкоторые зачатки науки, но необновляемая иноземными сношеніями, приливомъ новыхъ знаній и опыта — наука остановилась здѣсь на полупути своего развитія, осталась лишь въ зародышѣ и улеглась въ мертвыя, разъ завороченныя формы.

Чтобы закончить длинный перечень отрицательныхъ качествъ народовъ Центральной Азіи, отмѣтимъ мимолетность впечатлѣній, при отсутствіи сосредоточенности вообще, и прирожденную трусость, какъ характерныя черты каждаго изъ азіатцевъ.

Если теперь обратимся къ похвальнымъ качествамъ азіатцевъ, то перечисленіе ихъ займетъ гораздо меньше времени. При этомъ необходимо отличать жителей осѣдлыхъ отъ номадовъ. Если первые превосходятъ послѣднихъ умственными способностями, то въ свою очередь кочевники, въ особенности монголы, имѣютъ больше добрыхъ сердечныхъ качествъ. Такъ, у номадовъ семейная жизнь зиждется на болѣе искреннемъ чувствѣ супруговъ, и отношенія отца къ дѣтямъ много мягче, чѣмъ у жителей осѣдлыхъ. Номадъ вообще гораздо откровеннѣе и добродушнѣе; гостепріимство считается здѣсь священною обязанностью. Воровство у кочевниковъ составляетъ рѣдкое преступленіе, а честность въ исполненіи даннаго обѣщанія строго соблюдается даже у разбойниковъ тангутовъ. Въ большинствѣ случаевъ богатый помогаетъ здѣсь бѣдному, да и разница въ бытѣ того и другого не слишкомъ велика при невозможности излишняго комфорта.

У осѣдлыхъ жителей Центральной Азіи мирныя домовитыя наклонности составляютъ отличительную черту характера. Воровство и другія преступленія весьма рѣдки, въ особенности среди деревенскаго населенія, которое, какъ и у насъ, гораздо нравственнѣе городского. Словно трудолюбивый муравей копается азіатецъ на своемъ миніатюрномъ полѣ или въ саду. Онъ довольствуется срав-

нительно малымъ, не предъявляетъ жизни особыхъ требованій и счастливъ по своему, лишь бы его оставили въ покоѣ.

На основаніи своихъ личныхъ наблюденій Пржевальскій приходитъ къ заключенію, что народы Центральной Азіи рѣшительно неспособны къ прогрессу, въ смыслѣ воспріятія и усвоенія европейской цивилизаціи. Всѣ условія жизни номадовъ, ихъ способности и характеръ, по его мнѣнію, сложились какъ разъ наперекоръ прогрессу. Дикая природа пустыни, нигдѣ не дающая простора дѣятельности человѣка, наоборотъ, всюду приводящая его лишь къ пассивной выносливости, выработала и закрѣпила вполнѣ пассивный характеръ своего обитателя. Никогда и нигдѣ отъ него не требуется здѣсь активной энергіи: выносить постоянно холода, жары, бури и другія климатическія невзгоды можно лишь пассивно; ѣздить по цѣлымъ мѣсяцамъ шагомъ на верблюдѣ, терпѣть при этомъ голодъ и жажду, можно также лишь пассивно; созерцать всю жизнь одну и ту же безплодную пустыню нужно пассивно и т. д. При такихъ условіяхъ жизни энергичный характеръ не только не пригоденъ, но послужитъ даже во вредъ индивидууму—онъ скоро сломится, скоро погибнетъ въ неподходящей для него борьбѣ. Какъ для всякой грубой работы, здѣсь нуженъ не острый рѣзецъ, а тупое прочное долбило.

При столь неблагопріятной обстановкѣ невозможно выработаться и умственнымъ способностямъ человѣка. Номадъ отъ вѣка былъ и есть по своимъ понятіямъ и способностямъ, въ лучшемъ случаѣ, ребенокъ, по большей же части чуть не идіотъ. Въ сферѣ разъ заурoченной дѣятельности онъ проявляетъ инстинктивную сметку, но внѣ будничной обстановки, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ и эту ничтожную способность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у номадовъ нѣтъ достаточныхъ стимуловъ, понуждающихъ къ воспріятію такъ-называемыхъ «благъ цивилизаціи».

Кочевникъ почти безъ всякаго личнаго труда достаточно обезпеченъ стадами, которыя даютъ все необходимое для его неприхотливой жизни. Что-же касается высокихъ даровъ науки и истиннаго знанія, то вѣдь эти блага составляютъ достояніе сравнительно немногихъ даже въ странахъ самыхъ культурныхъ. Для массы они не могутъ быть доступны; ей перепадаютъ лишь крохи со стола избранниковъ.

Такимъ образомъ, Пржевальскій не только сомнѣвается въ возможности для номадовъ перехода въ цивилизованную жизнь «по какимъ-бы то ни было рецептамъ», но даже утверждаетъ полную непригодность этихъ племенъ къ такой метаморфозѣ.

Какъ баранъ не можетъ быть выдрессированъ на подобіе лягавой собаки, такъ и кочевникъ, умственно тупой, лѣнивый и апатичный, неспособенъ, по самому складу своей природы, передѣлаться въ энергичнаго цивилизованнаго человѣка.

«Да и къ чему—прибавляетъ онъ,—номаду лѣзть въ омутъ цивилизованной

жизни, если и теперь въ своихъ пустыняхъ онъ обитаетъ счастливо по своему? Никому онъ не мѣшаетъ, ни отъ кого ничего не требуетъ, живетъ исключительно въ себѣ и для себя. Подъ общій уровень той мѣрки, которая называется европейскою цивилизаціей, не къ чему, не для чего, да и невозможно подвести всѣ безъ исключенія народы. Каждому изъ нихъ свое мѣсто, свой удѣлъ на общей аренѣ человѣческой жизни. Какъ въ природѣ мы видимъ, что высшіе организмы не исключаютъ совмѣстнаго существованія организмовъ низшихъ, такъ и въ человѣческой семьѣ имѣютъ неотъемлемое право на самостоятельную жизнь и старшіе, и младшіе братья».

Обращаясь къ оцѣнкѣ общественнаго строя и характера культурныхъ народовъ Центральной Азіи, Пржевальскій столь-же рѣшительно утверждаетъ, что о н и в е с ь м а м а л о и м ѣ ю т ъ ш а н с о в ъ в с т у п и т ь к о г д а-л и б о н а п у т ь е в р о п е й с к о й ц и в и л и з а ц і и.

Фехтованіе китайскихъ офицеровъ.

«Непроходимая пропасть лежитъ между внутреннимъ міромъ европейца и азіатца; они во всемъ чужды другъ другу и едва-ли когда могутъ сдѣлаться родными братьями. Притомъ для переработки въ новую жизнь нужны не дряхлыя, а свѣжія, непочатыя силы, а ихъ-то и нѣтъ у азіатскихъ народовъ. Какъ отжившій свое старикъ неудержимо близится къ концу, понемногу превращаясь въ ребенка, такъ и культурные народы Азіи, одряхлѣвшіе умственно и нравственно, могутъ такъ или иначе продолжать свое пассивное существованіе, но имъ уже не возродиться».

«Китай, многовѣковая замкнутость котораго нынѣ такъ безцеремонно нарушена европейцами (пророчилъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Николай Михайловичъ), едва-ли легко поддастся нововведеніямъ, чуждымъ для него по своему духу и по своей почвѣ». Для пересадки сюда европейской культуры и цивилизаціи нужна будетъ такая всеобщая ломка, какую едва-ли выдержать отжившему свое китайскому народу. Завѣты старины, обычаи, понятія, общественный строй—

*

Фехтованіе китайскихъ офицеровъ.

словомъ, все, что дорого для этого народа и выработано многими вѣками его исторической жизни, все должно быть круто измѣнено. Многіе аттрибуты европейской цивилизаціи сами по себѣ явятся болѣзненнымъ, разлагающимъ элементомъ въ самобытномъ складѣ китайскаго государства. Введеніе сюда машиннаго производства породитъ многіе милліоны нищихъ, лишенныхъ нынѣшней ручной своей работы; желѣзныя дороги отнимутъ хлѣбъ у милліоновъ возницъ и носильщиковъ и т. п. Въ результатѣ получится многочисленный пролетаріатъ, болѣе опасный, чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ въ Китаѣ населеніе переполнило страну и стало въ уровень съ возможною для нея производительностью. Единственный исходъ для подобнаго пролетаріата будетъ эмиграція, но куда? Вѣдь тогда явится вопросъ о выселеніи многихъ милліоновъ такого народа, который не ассимилируется съ туземцами и гдѣ-бы ни осѣлся, непремѣнно заведетъ новый Китай.

Такимъ образомъ, для Китая является неразрѣшимая дилемма: или очертя голову броситься на переустройство самого себя сверху донизу, или оставаться при прежнихъ традиціяхъ, парируя по возможности напоръ европейцевъ. Первое представляетъ мало шансовъ успѣха; послѣдній почти неотразимъ. Но какъ золотая середина между тѣмъ и другимъ стоитъ уже не разъ испытанная тѣмъ-же Китаемъ и современною Турціей система лавированія между подводными скалами политики и умѣлое пользованіе взаимнымъ недружелюбіемъ опасныхъ для себя націй, тѣмъ болѣе, что хитрости и криводушію не стать учиться китайцамъ. Пуская пыль въ глаза своимъ либерализмомъ, гдѣ это нужно, поддѣлываясь подъ тонъ той или другой, но выгодной для себя внѣшней политики, притворяясь другомъ съ сильнымъ и хорохорясь съ слабымъ, словомъ, умѣло эксплуатируя и враговъ и друзей, втихомолку-же подсмѣиваясь надъ тѣми и другими, Китай можетъ еще долго существовать самобытно. Безъ конца станетъ онъ тянуть одну и ту-же лицемѣрную политику и, всего вѣрнѣе, въ будущемъ изобразитъ для Европы новаго «больного человѣка».

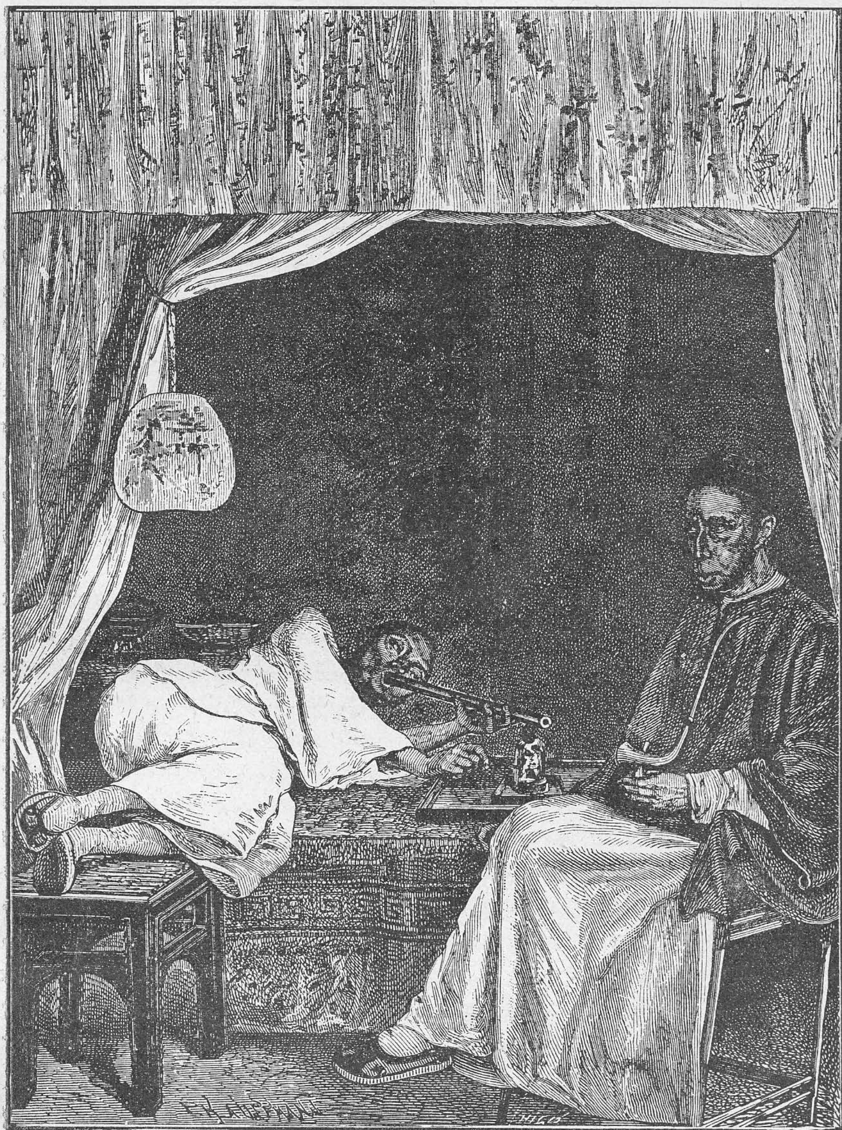
Важнымъ тормазомъ для развитія цивилизаціи у народовъ Центральной Азіи Пржевальскій признаетъ также двѣ господствующія здѣсь религіи—буддизмъ и магометанство. Ихъ тлетворное дѣйствіе на массы пустило слишкомъ глубокіе корни и воздвигло слишкомъ прочныя преграды для успѣшной пропаганды христіанства.

Обѣ названныя религіи чрезвычайно прочно укоренились въ Азіи и оказываютъ тлетворное вліяніе на массы. Буддизмъ, какъ извѣстно, проповѣдуетъ ученіе о суетности и эфемерности всего существующаго; говоритъ, что міръ — иллюзія, а жизнь—тяжелое бремя; что несчастіе лежитъ въ самомъ фактѣ существованія; что истинно только одно—нирвана, абсолютное ничто, такое состояніе, которое не имѣетъ отношенія ни ко времени, ни къ пространству, гдѣ исчезаетъ всякая индивидуальность. Высшая задача жизни каждаго человѣка, по ученію буддистовъ, стремиться къ уничтоженію всѣхъ личныхъ желаній, чувствованій, идеаловъ, словомъ, приготовляться къ нирванѣ, къ небытію.

Курильщики опіума.

Магометанство своимъ основнымъ положеніемъ «нѣтъ Бога, кромѣ Бога», хотя и заявило высокій принципъ единаго божества, какъ абсолютной причины всего существующаго, но въ то-же время, поддѣлываясь подъ складъ характера и понятій своихъ послѣдователей, развило поблажку чувственной сторонѣ человѣка и ловко эксплуатировало его эгоизмъ ученіемъ о предопредѣленіи судьбы. При этомъ оно поставило непреложнымъ догматомъ насильственное обращеніе иновѣрцевъ.

Курильщики опіума.

Такимъ образомъ, обѣ религіи по существу своихъ ученій прямо противоположны. Буддизмъ дѣлаетъ аскетизмъ высшею заслугой земной жизни человѣка, а въ будущемъ, какъ награду, обѣщаетъ полное личное уничтоженіе. Магометанство, наоборотъ, проповѣдуетъ наполненный гуріями рай. Буддистъ индифферентенъ относительно иновѣрцевъ; онъ дѣйствуетъ только примѣромъ и убѣжденіемъ. Магометанство повелѣваетъ огнемъ и мечомъ обращать на поклоненіе пророку. Отсюда вытекаетъ и различное историческое дѣйствіе обѣихъ религій: магометане, движимые фанатизмомъ, нѣкогда покорили почти весь историческій міръ; буддисты во имя своихъ вѣрованій ни разу не выступали на поприще исторіи. Одна религія требуетъ меча и насилія; другая — кроткая, но въ то-же время едва-ли не болѣе опасная, въ смыслѣ подрыва энергіи, труда и лучшихъ стремленій человѣка. Слѣдовательно, дѣйствіе обѣихъ религій сходно въ томъ отношеніи, что онѣ одинаково препятствуютъ прогрессу, хотя и совершенно различными путями. Буддизмъ прямо является разлагающимъ элементомъ государственной жизни; магометанство, правда, цементируетъ слои общества, даже различныя народности, но внѣ своихъ доктринъ исключаетъ всякое умственное развитіе.

Всѣ три части Центральной Азіи, — Монголія, Восточный Туркестанъ съ Чжунгаріей и Тибетъ, нынѣ, какъ извѣстно, подчинены Китаю. Помимо войскъ и административныхъ чиновниковъ, китайцы являются здѣсь, какъ колонисты-земледѣльцы и какъ торговцы. Однако, число тѣхъ и другихъ сравнительно невелико, за исключеніемъ лишь оазисовъ вдоль сѣверной подошвы Нанъ-шаня, принадлежащихъ, впрочемъ, къ собственно китайской провинціи Гань-су. Въ предѣлахъ-же инородческой Центральной Азіи осѣдлое китайское населеніе въ значительномъ количествѣ встрѣчается лишь на юго-восточной окраинѣ Монголіи; затѣмъ начинаетъ нынѣ прибывать въ оазисы сѣверной подошвы восточнаго Тянь-шаня, въ особенности въ Кульджинскій край; кромѣ того, китайскіе земледѣльцы попадаются въ небольшомъ числѣ въ западной Чжунгаріи и въ сѣверозападной Монголіи близъ города Улясутая, а также въ окрестностяхъ города Урги. Торговцы китайскіе встрѣчаются всюду по Центральной Азіи. Общее число всѣхъ китайцевъ, нынѣ пребывающихъ въ Центральной Азіи, можно положить лишь гадательно около 200 тысячъ, если не принимать въ расчетъ вышеупомянутыхъ при-Нанъ-шаньскихъ оазисовъ, довольно густо населенныхъ какъ природными китайцами, такъ отчасти и дунганами.

Монголія подчинена была въ концѣ XVII вѣка. Ей сохранено прежнее удѣльное устройство; только владѣтельные князья поставлены подъ строгій надзоръ китайскихъ (манчжурскихъ) сановниковъ, назначаемыхъ изъ Пекина. Податей Китаю монголы не платятъ; только обязаны содержать мѣстную администрацію и отбывать почтовую гоньбу. Кромѣ того, они наряжаютъ своихъ людей въ пограничные караулы, а въ случаѣ войны должны выставлять извѣстный контингентъ коннаго войска.

Для упроченія своей власти надъ полудикими номадами Монголіи, китайцы успѣшно практикуютъ систему задабриванья здѣшнихъ владѣтельныхъ князей и высшаго духовенства. Для первыхъ, смотря по ихъ степени, назначены постоянные, притомъ довольно значительные, оклады жалованья; кромѣ того, монгольскіе князья, при обязательныхъ, однажды въ три-четыре года, поѣздкахъ ко двору въ Пекинъ съ подарками (лошади, верблюды) въ видѣ дани, всегда получаютъ отъ Богдыхана подарки гораздо болѣе цѣнные; наконецъ, за нѣкоторыхъ князей выдаютъ иногда замужъ принцессъ императорскаго дома.

Духовенство въ Монголіи, составляющее большую силу, какъ по своему числу, такъ и по безграничному вліянію на народъ, задабривается китайцами широкимъ обезпеченіемъ его правъ и привиллегій, что же касается народныхъ массъ Монголіи, то китайцы не утруждаютъ себя ни малѣйшими заботами объ ихъ благосостояніи; наоборотъ, въ высшей степени эксплуатируютъ бѣдныхъ номадовъ совмѣстно съ тѣми же князьями и ламами. На Монголію, кромѣ того, въ послѣднее десятилѣтіе обрушались различныя естественныя невзгоды—то засухи лѣтомъ, то слишкомъ холодныя и снѣжныя зимы, результатомъ чего являлись падежи скота въ большихъ размѣрахъ. Вообще номады за послѣднее время сильно обѣднѣли, какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе произвола и усиленнаго угнетенія со стороны китайцевъ. Народная масса въ Монголіи весьма противъ нихъ раздражена, но до поры до времени ей приходится сдерживать и таить свою ненависть.

Надъ Тибетомъ китайцы установили свой протекторатъ еще въ XIII вѣкѣ нашей эры, но упрочили свое вліяніе лишь въ концѣ прошлаго столѣтія. Съ этихъ поръ въ Лхассу назначается одинъ или два китайскіе (манджурскіе) резидента, которые завѣдуютъ гражданскими дѣлами всей страны. Кромѣ того, они наблюдаютъ за дѣйствіями Далай-ламы и его собратьевъ.

Вмѣстѣ съ резидентами въ Тибетѣ содержится небольшой отрядъ китайскихъ войскъ, расположенныхъ въ Лхассѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Однако, главная опора китайскаго владычества въ Тибетѣ зиждется на хитрости и умѣломъ пользованіи престижемъ Далай-ламы. Его избраніе, хотя и негласно, вполнѣ въ китайскихъ рукахъ; утвержденіе-же оффиціально дѣлается богдыханомъ. Податей Китаю тибетцы не платятъ, но свое подчиненіе выражаютъ торжественнымъ посольствомъ, которое назначается однажды въ три года или въ пять лѣтъ и отвозитъ въ Пекинъ подарки Богдыхану; въ отвѣтъ получаетъ также подарки, обыкновенно болѣе цѣнные. При мирныхъ склонностяхъ тибетскаго народа, китайцы могутъ разсчитывать на довольно прочную здѣсь для себя власть, въ особенности зорко поддерживая изолированность какъ всей страны, такъ и самаго Далай-ламы отъ пытливыхъ европейцевъ.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится китайское владычество въ Восточномъ Туркестанѣ, покоренномъ китайцами вмѣстѣ съ Джунгаріей въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Главными администраторами назначаются

китайскіе чиновники. Ближайшее-же управленіе населеніемъ оставлено было въ Восточномъ Туркестанѣ за туземными беками, изъ которыхъ главные назначались китайскими властями и утверждались въ своемъ званіи изъ Пекина. Чжунгарія получила военное устройство. Кочевое населеніе въ горахъ управлялось собственными біями въ зависимости отъ китайцевъ.

Послѣ передрягъ и безурядицъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ завоеванію, даже почти поголовному избіенію джунгаръ китайцами, страна отдохнула и оправилась въ мирный періодъ до 1825 года. Съ этого времени опять начинаются въ Восточномъ Туркестанѣ смуты, внесенныя попытками ходжей *) вернуть прежнюю свою власть и изгнать китайцевъ. Эти смуты, съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ для китайцевъ, такъ и для мусульманскихъ претендентовъ, но всегда съ большими бѣдами для народа, тянулись до начала шестидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, возстаніе дунганъ сокрушило китайскую власть въ большей части застѣнныхъ владѣній западнаго Китая. Китайцы почти поголовно избиты были тогда въ Восточномъ Туркестанѣ. Затѣмъ возникло царство Якубъ-бека, державшееся исключительно личными дарованіями и сильнымъ характеромъ этого послѣдняго. Послѣ его смерти, въ 1877 году, снова начались смуты, которыми воспользовались китайцы, чтобы снова подчинить себѣ Восточный Туркестанъ причемъ несчастные мусульмане звѣрски избивались цѣлыми тысячами.

Въ настоящее время В. Туркестаномъ управляютъ китайскіе чиновники даотаи. Начальниками округовъ и уѣздовъ состоятъ также китайскіе чиновники, въ зависимости отъ которыхъ находится мѣстная мусульманская администрація. Болѣе значительные ея представители — хакимъ-беки (уѣздные начальники) систематически отстраняются отъ своихъ должностей, такъ что посредниками между китайскими властями и народомъ являются лишь мелкіе туземные чиновники и переводчики изъ окитаившихся мусульманъ. Тѣ и другіе, совмѣстно съ невѣжественными, погрязшими въ наживѣ китайскими чиновниками— огульно отъ низшихъ степеней до высшихъ—отстранили даже тѣнь правды и закона отъ управляемаго ими народа. Хотя для него оставленъ мусульманскій судъ по шаріату, но это только мертвая буква, маска, прикрывающая абсолютный произволъ и ужаснѣйшія беззаконія.

Притомъ осѣдлое земледѣльческое населеніе Восточнаго Туркестана несетъ на себѣ непомѣрную тяжесть поземельныхъ налоговъ, причемъ притѣсненія и взяточничество чиновниковъ или переводчиковъ увеличиваютъ еще тяжесть самихъ повинностей. Недовольство всѣхъ классовъ общества вслѣдствіе угнетенія экономическаго и политическаго, вмѣстѣ съ ненавистью религіозною противъ китайцевъ, растетъ постоянно, и нуженъ лишь небольшой благопріятный поводъ, чтобы накопившаяся злоба разрѣшилась всеобщимъ взрывомъ.

Такимъ образомъ, положеніе китайцевъ, какъ въ Монголіи, такъ и въ Восточномъ Туркестанѣ, весьма шаткое. Не умѣя

*) Бывшихъ владѣтельныхъ князей, ведущихъ свой родъ отъ Магомета.

привязать къ себѣ чуждыя народности мирнымъ путемъ культуры и ассимилированія, китайцы должны опирать свою власть исключительно на хитрой, до крайности эгоистичной политикѣ, и на силѣ военной. Что касается достоинствъ китайской арміи, то читатель могъ вынести изъ предыдущаго изложенія довольно опредѣленное представленіе объ ней. По убѣжденію Пржевальскаго, войска китайскія, несмотря на свою огромную численность, не представляютъ никакой серьезной силы.

Китайская армія состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: манчжурскихъ войскъ и національнаго ополченія.

Манчжурскія войска состоятъ изъ потомковъ тѣхъ завоевателей (главнымъ образомъ манчжурской національности, съ примѣсью монголовъ и китайцевъ), которые въ половинѣ XVII столѣтія возвели на китайскій престолъ нынѣ царствующую династію Цзинъ. Въ награду имъ были розданы земли около Пекина и въ другихъ провинціяхъ; военное званіе сдѣлано наслѣдственнымъ, не исключая и низшихъ офицерскихъ чиновъ; такимъ образомъ произошло военное сословіе, которое и до сихъ поръ составляетъ главную опору трона.

Національное китайское ополченіе состоитъ изъ такъ называемыхъ войскъ зеленаго знамени (лу-инъ) и вербовочныхъ частей (юнъ). Тѣ и другія набираются изъ природныхъ китайцевъ, по набору или вербовкѣ за деньги, иногда насильственно.

Кромѣ того, къ китайской арміи принадлежатъ также отряды монгольской кавалеріи и другія инородческія войска.

Совершенно иное положеніе заняла въ Центральной Азіи Россія. Пржевальскій рѣшительно утверждаетъ, что престижъ Россіи чрезвычайно великъ, русское имя пользуется большими симпатіями и уваженіемъ среди туземцевъ Средней Азіи, за исключеніемъ лишь Тибета, гдѣ русскихъ пока еще слишкомъ мало знаютъ.

Номады-монголы, дунганы, то-есть китайскіе магометане, и жители Восточнаго Туркестана, въ особенности послѣдніе, питаютъ сильную надежду сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, имя котораго, наравнѣ съ именемъ Далай-ламы, является въ глазахъ азіатскихъ массъ въ ореолѣ чарующаго могущества. Съ чаяніемъ власти русской у тѣхъ же азіатцевъ сохраняется твердое убѣжденіе, что тогда для нихъ наступитъ лучшая и болѣе обезпеченная жизнь.

Замѣчательно и весьма важно, что вѣдь никто и никогда не агитировалъ въ нашу пользу среди народовъ Центральной Азіи.

Къ такому результату привелъ самый ходъ событій. Невыносимый гнетъ китайской власти, съ одной стороны, а съ другой, постоянные слухи о гуманномъ обращеніи съ инородцами нашихъ азіатскихъ окраинъ, вотъ что создало намъ доброе имя въ глубинѣ азіатскихъ пустынь. Въ особенности много помогло намъ въ этомъ отношеніи покореніе Туркестана и водвореніе возможной законности въ странахъ, еще такъ недавно бывшихъ ареною самаго широкаго

деспотизма своихъ правителей. Затѣмъ монголы, въ особенности сѣверные, давно уже знающіе русскихъ со стороны Сибирской границы, тяготѣютъ къ Россіи опять-таки вслѣдствіе беззаконія и произвола при китайскомъ господствѣ. Наконецъ, дунганы, спорадически разбросанные по оазисамъ Центральной Азіи и такъ еще недавно испытавшіе всю безпощадность китайскаго звѣрства, да и нынѣ сильно угнетаемые, ждутъ русскихъ, какъ своихъ избавителей отъ тѣхъ же китайцевъ.

Въ предыдущемъ изложеніи читатель могъ найти не мало примѣровъ такого отношенія.

Ненавистью къ китайцамъ пропитаны здѣсь всѣ слои населенія, даже женщины, которыя не одинъ разъ укоряли при насъ мужей и братьевъ въ ихъ трусости относительно своихъ мучителей.

При появленіи въ Туркестанѣ Пржевальскаго съ небольшимъ отрядомъ русскихъ магометане переполошились; посмотрѣли на это, какъ на знаменіе того, что «ихъ Бѣлый Царь принимаетъ“; въ событіи этомъ видѣли предсказанія какого-то святого, что въ недалекомъ будущемъ страну эту покорятъ русскіе. «Вамъ стоитъ только дунуть, и китайцевъ здѣсь не будетъ»,—убѣждали насъ туземцы!—какъ пишетъ Пржевальскій.

Кочевое населеніе (кара-киргизы и кипчаки) Восточнаго Туркестана, обитающее въ городахъ, окружающихъ съ запада таримскую котловину болѣе индиферентно къ китайскому владычеству, ибо освобождено отъ платы податей и вообще живетъ гораздо вольнѣе; но и это населеніе едва-ли будетъ дѣятельно защищать китайцевъ. Гораздо вѣрнѣе, что, въ случаѣ войны, оно воспользуется возможностью пограбить кого-бы то ни было и, уступая силѣ, достаточно равнодушно отнесется къ перемѣнѣ подданства китайскаго на такую-же зависимость хотя-бы отъ Россіи.

Подобно жителямъ Восточнаго Туркестана, дунганы, спорадически обитающіе какъ въ оазисахъ центральной Азіи, такъ и въ провинціяхъ Собственнаго Китая, въ особенности въ Ганъ-су и Шенъ-си, одушевлены ненавистью къ китайцамъ, во-первыхъ, вслѣдствіе своей религіозной розни, а затѣмъ вслѣдствіе беззаконій и притѣсненій китайской администраціи. Въ особенности сильна эта ненависть среди дунганъ при Тянь-шаньскихъ (Шихо, Манасъ, Урумчи и др.) и при Нанъ-шаньскихъ (Су-чжоу, Гань-чжоу и др.) оазисовъ, какъ равно и во всей провинціи Гань-су. Дунганы смотрятъ на сосѣднюю оссію, какъ на возможную свою избавительницу, или по крайней мѣрѣ, союзницу въ борьбѣ противъ китайцевъ. «Можно ручаться,—говоритъ Пржевальскій,—что въ случаѣ войны нашей съ Китаемъ мы найдемъ самыхъ надежныхъ сподвижниковъ въ дунганахъ. Уже и теперь они неоднократно насъ спрашивали: «скоро-ли русскіе станутъ воевать съ Китаемъ?», а затѣмъ добавляли: «пусть къ намъ придетъ хотя одна сотня русскихъ, сію же минуту мы возстанемъ поголовно противъ китайцевъ.

КОНЕЦЪ II ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Научные результаты экспедицій Пржевальскаго.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.